РУССКОЕ СЛОВО

1862.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.
Вас. Остр., 8 лин., № 25.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

РУССКОЕ СЛОВО.

V.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

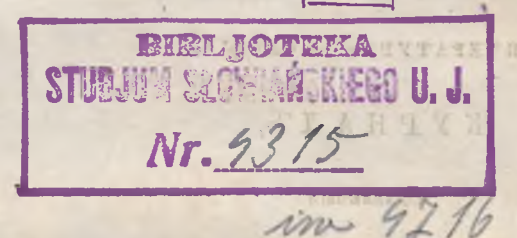
1862.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП.

Вас. Остр., 8 лин., № 25.



ОДОБРЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

С.-Петербургъ 6-го іюня 1862 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ПРОЙДИ-СВѢТЪ.

I.

Ужъ нигдѣ нѣту такой широкой степи, веселаго краю, какъ у насъ. Таки нѣту, нѣту, нѣту да и нѣту!

Гдѣ такія тихія села? Гдѣ такіе величавые, стройные люди? Гдѣ дивчата съ такими бровями?

Вспомянуть любо, увидать мило—только что жить тамъ трудно.

Такъ вотъ въ нашемъ краю былъ маленькій хуторочекъ, Божовка. Хуторочекъ стоялъ около дубоваго лѣса — всего-то пять хатокъ бѣлѣло по горѣ. Гора зеленая, низкая, а подъ горою тихая рѣчка и такая чистая, прозрачная, что хоть щеголихамъ въ нее смотрѣться. Отъ хуторочка одна дорога вилась, уходила въ дубовый лѣсъ, а другая дорога стлалась далеко, далеко по степи въ село Рокочи.

Лучшая хуторская хата стояла ближе всѣхъ къ лѣсу. Хорошая была хата. Около нея садикъ славный, огородъ хозяйскій.

Жилъ въ той хатѣ Іохимъ Чабанъ; слава шла о немъ, что человѣкъ достаточный и умный. Жена у него давно померла; ему оставила дочку единочку, Марту.

Дивчинѣ ужъ насчитали семнадцать лѣтъ, и такая разцвѣла дивчина, что хоть рисуй, хоть цѣлуй.

Въ Божовкѣ хаты не стояли одна противъ другой — тамъ стояли хаты въ разсыпную: одна хата влѣво, другая далеко вправо; одна ниже—на полгорѣ, другая выше на самой вершинѣ. Отъ каждой хаты разбѣгалися тропинки спутанныя и перепутанныя словно нитки.

Самая близкая сосѣдка у Чабана была Рясничка, вдова съ сыномъ, паробкомъ; подальше жили Кожушки, старые, одинокіе люди, а еще подальше, въ сторону, коваль Гарбузъ ковалъ, а за ковалемъ бѣдовалъ москаль отставной, что отслужилъ правую ногу, не зная на что, и выслужилъ крестикъ, не зная за что.

Однимъ весеннимъ днемъ Чабанъ сидѣлъ около своей хаты на заваленкѣ, отдыхалъ да печалился, что прошлаго года у него пшеница не уродила, и размышлялъ уродитъ ли она въ этотъ годъ.

Чабанъ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, крѣпкій, высокій, плечистый. Шея у него была длинная, голова не большая, гордая. Онъ подбривалъ волосы и чуприну сѣдоватую закручивалъ за ухо. Брови у него чернѣли какъ піявки, взглядъ былъ соколиный, а усъ такой, что вѣтеръ развѣвалъ его какъ ковыль-траву. На Чабанѣ была рубашка полотняная, бѣлая, дочка разстрочила и узорами—и бѣлые, полотняные шаравары. Чабанъ сидѣлъ немножко склонившись, да не такъ, какъ клонятся хилые люди, а какъ сама сила отдыхаючи—сидѣлъ и размышлялъ, и поглядывалъ вокругъ себя на степь, на поля, на лѣсъ, все зеленѣло, все развивалось и разцвѣтало. Солнышко не выходило изъ-за бѣлодымчатыхъ тучекъ, а было тепло-тепло,—будто слышалось, какъ трава изъ земли выростаетъ. Пахло словно сладкимъ медомъ и первыми, свѣжими листьями.

Никого не было видно, а слышно было какъ Марта пѣла «провожала казака въ войско», хозяйничая въ хатѣ, да слышалося коваль ковалъ, а за лѣсомъ отдавалось.

Стукнули дверями въ сосѣдской хатѣ, сосѣдка Рясничка вышла изъ дому—проворненькая, щеголеватенькая, курносенькая, глазастенькая, а за ней вышелъ паробокъ большаго росту свѣжый да здоровый—онъ только, что не говорилъ: «хорошо ѣмъ, хорошо сплю, хорошо работаю».

Чабанъ ихъ завидѣлъ и заслышалъ хоть глазомъ не глянулъ и ухомъ не повелъ.

Рясничка быстро очутилася около Чабановой хаты и поздравствовалася.

— Добраго дня, сосѣдъ, какъ васъ Богъ милуетъ!

— Спасибо, отвѣтилъ ей Чабанъ и поздравствовался съ Рясниченкомъ.

— Вотъ какъ Марта поетъ! сказала Рясничка. Пташка моя, здорово живешь!

Марта услыхала голосъ и привѣтъ, выглянула изъ окна, поклонилась сосѣдямъ.

— А мы ужъ въ лѣсъ это идемъ, а вы еще не собрались? заговорила опять Рясничка. Вотъ и Кожушки опоздали; да и коваль не идетъ, и москаля нѣту—не пошли ли прежде насъ? Не видали вы ихъ, сосѣдъ? Охъ, посижу я немножко около васъ.

И сѣла подлѣ Чабана.

— Марта, выходи же, пусть мы на тебя поглядимъ, выходи! выкликала она Марту.

Марта вышла изъ хаты и сѣла около сосѣдки. Она сидѣла вольно какъ настоящая пташка. Рясниченко, поздоровавшись съ Чабаномъ, какъ сталъ противъ него такъ и стоялъ закинувши топоръ на плечо, а глаза его все поводило къ Мартѣ.

— Вотъ какая весна теплая! заговорила Рясничка. Хлѣбъ уродитъ. Вчера ходила я смотрѣть жита — таки что и ужъ не пролѣзетъ. У меня въ огородѣ все такъ-то хорошо всходитъ! Только вотъ скотина у меня хирѣетъ, а у иныхъ скотина гора горою. Что жъ дѣлать! Такая моя доля! На чужое счастье не мукою пасть! А помните какова скотина у меня была когда мой покойничекъ мужъ держался на свѣтѣ? Жилъ мужъ-то и роскоши были, да мужъ умеръ. Всѣ мы помремъ, а пока еще надо жить!

У Ряснички рѣчи были скорыя, прерывистыя, торопливыя рѣчи у ней были словно оборванное ожерелье, что раскатывалось во всѣ стороны и на всѣ боки.

— А что вашъ наймитъ еще не пришелъ? спросила Рясничка Чабана. Отчего жъ его до сихъ поръ нѣту!

— А вотъ придетъ, такъ скажетъ отчего, отвѣтилъ Чабанъ.

— Ужъ эти наймиты! Всѣ они одинаковы; не даромъ говорится: «наймитъ, наймитъ за чѣмъ рано встаешь? Ничего, я надоложу то умываньицемъ, то одѣваньецемъ». Слава тебѣ Господи, что у меня свой паробокъ!...

Марта промолвила: вонъ коваль идетъ, за нимъ и москаль идетъ.

— Да, да, идутъ оба! сказала Рясничка. Смотри какъ коваль шагаетъ, какъ дорожку мѣряетъ! А закоптился-то онъ какъ, свѣтъ ты мой небесный! А этотъ бѣдолаха за нимъ ковыляетъ. Блѣденъ лицемъ, и скоро ему умереть. Что за несчастные эти москали, то сохрани Мать Божія. Коваль дошагалъ до Чабановой хаты, со всѣми раскланялся, сталъ около Рясничешка и на Марту пристально поглядѣлъ. Коваль хорошо свѣтилъ очами. Изъ себя онъ былъ сухой какъ перецъ, горбоносый, бѣлокурый и будто мрачный отъ мысли или отъ заботы, а можетъ еще больше его омрачала ковальская сажа.

— А мы васъ ждемъ, сказала Рясничка ковалю. Вотъ Кожушки опоздали, извѣстно, старые люди охаючи идутъ на работу. Сегодня рано, рано, чуть свѣтъ, я видѣла къ вамъ приводили пѣгаго коника подковывать,—славный такой коникъ! Знакомый человѣкъ у васъ былъ?

— Знакомый, да еще и кумъ, отвѣчалъ коваль.

— А вотъ я своего кума давно, давно не видала. И куму не видала, ажно мнѣ скучно...

Москаль подошелъ и поклонился. Больной былъ человѣкъ, слабый, къ землѣ клонился. Онъ оперся на свои костыли и тяжело отдыхалъ. Его спросили о здоровьи.

— Какое здоровье, отвѣтилъ онъ тихо и глухо. Мучительно болѣю. Голова очень болитъ и глаза болятъ. Было у меня когда-то здоровье, да истрачено.

— Надо бы вамъ людей спрашивать, лекарствъ искать, совѣтовала Рясничка. Я слышала что отъ головы...

Москаль только рукой махнулъ.

— Видите, какіе вы! упрекнула его Рясничка, вы сами не....

Тутъ подошли старики Кожушки. Рясничка заговорила съ ними.

Кожушки были люди тихіе, добрые оба, и мужъ и жена, хозяйство свое держали въ порядкѣ, и про смерть все у нихъ было наготовлено.

Чабанъ взялъ изъ хаты свой топоръ и всѣ пошли вмѣстѣ въ лѣсъ, мужчины на рубку, а женщины сбирать вѣтки сухія—одна Марта осталась дома.

Она сѣла съ шитьемъ близко отъ своей хаты, подъ вербою, шила и пѣла.

Время проходило, а жаръ не спадалъ, прохладою не повѣяло. Солнышко все не выбилось изъ-за тучекъ. Мартѣ казалось, что только выбейся солнышко, да заблести жарко, такъ свялитъ, сожжетъ ее, какъ тоненькій цвѣточекъ.

Марта ужъ и пѣть не пѣла, и шить бросила, начала ее склонять дремота. Какъ вдругъ кто-то подошелъ къ ней —она встрепенулась.

Подошелъ паробокъ; станъ гибкій, стройный, самъ молодой, чернявый, хорошій да печальный—онъ дивчинѣ не усмѣхнулся и поздраствовался съ ней безъ всякихъ шутокъ. Онъ спрашивалъ ее объ Чабанѣ.

— Это мой батько, отвѣтила дивчина. Батько пошли въ лѣсъ. Вамъ ихъ надо сейчасъ?

— Я наймитъ.

Тогда Марта вспомнила, что отецъ договорилъ наймита и ждалъ его еще съ вечера.

— Батько васъ дожидали, промолвила она.

— Я и пришелъ, отвѣтилъ наймитъ.

— Вы вѣрно еще не обѣдали? спросила Марта.

— Спасибо, я не хочу. Если ваша ласка, то я бы водицы напился.

Марта проворно вынесла изъ сѣней холодной воды наймиту. Она ему: «добраго вамъ здоровья пивши», а онъ ей: «спасибо», да и полно, ни слова больше. Наймитъ сѣлъ на заваленкѣ, да сидѣлъ какъ каменный, глядя въ землю. Марта взялась за шитье, да и нашила вмѣсто *полюховки ляховку*... Всѣ ея мысли играли около наймита; она видѣла, что сорочка и шаравары у него поношеные, съ заплатками, крас-

ный поясъ полинялъ, бѣлёсый сталъ; въ мысли Марта нарядила наймита чудесно и такимъ алымъ поясомъ его подпоясала, что очи въ себя вбиралъ — чудесная одежда вся! А самъ наймитъ? Сталъ онъ пригожѣй въ нарядѣ щегольскомъ? Марта опять на него поглядѣла и опять у ней загорѣлось, да мысли ужъ не объ нарядѣ, а объ немъ самомъ,— видно не надо было лучшаго, а такого надо каковъ былъ онъ!

Какія у него мысли?

Хотѣла она, да не знала что сказать ему, какимъ ему словомъ угодить.

Наймитъ ни разу на нее глазъ не поднялъ.

Марта забѣгала мыслями все дальше; угадывала она не покинулъ-ли кого нибудь наймитъ и гдѣ покинулъ, въ какомъ селѣ, и какова его доля будетъ? И спрашивала, какова ея, Мартина, доля вынется у Бога? Какъ будетъ жить она и съ кѣмъ, и какъ она умретъ. Отчего наймитъ не разговорится? Отчего бы это не знать человѣку напередъ, что съ нимъ на вѣку случится?

Начало повѣвать прохладою, а тучки синѣли; въ лѣсу зашумѣло; сбирался дождь идти. Молнія изрѣдка поблескивала и громъ погромыхивалъ вдалекѣ глухимъ грохотомъ.

— Гроза будетъ, промолвила Марта.

Наймитъ не отвѣтилъ, только поглядѣлъ на тучи.

Гроза приближалась. Марта посматривала вокругъ себя, словно хотѣла мысли свои приложить къ тому, что ее окружало, къ ежедневнымъ и къ обычнымъ занятіямъ и заботамъ, и вспомнила, что отъ дождя надо спрятать зерно, что сушилось на дворѣ, а въ садикѣ надо снять полотна, что бѣлились.

— Ой лихо, а на дворѣ зерно, въ садикѣ полотно! сказала она и побѣжала.

Наймитъ тотчасъ всталъ и за ней пошолъ, какъ наймитъ за хозяйкой—служить и помогать. Они вмѣстѣ зерно спрятали, вмѣстѣ полотна сняли. Тутъ послышалися смѣшанные голоса—это изъ лѣсу спѣшили домой, отъ дождя бѣжали въ хаты.

Дочка встрѣтила Чабана, онъ ей сказалъ:—Ушли отъ дождя. Увидалъ наймита и сказалъ ему:—Здорово, Максимъ, садись.

Всѣ сѣли. Наймитъ отъ хозяина подальше; Марта въ уголку.

— Ты опоздалъ, Максимъ, промолвилъ Чабанъ.

— Опоздалъ, добродій, отвѣчалъ наймитъ.

Дождь ужъ лилъ ливнемъ, а за дождемъ градъ сыпнулъ какъ изъ кошика.

— Ге, ге, ге! сказалъ Чабанъ. Пропалъ хлѣбъ!

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ИЗЪ ИСПАНСКИХЪ МОТИВОВЪ.

VII.

Санъ-Яго

Умеръ нашъ патронъ Санъ-Яго
И предсталъ патронъ предъ Бога,
И сказалъ Господь Санъ-Яго:
«Я тобой доволенъ много,

«И за подвиги земные
Ты въ раю живи средь сада.
Что попросишь—все исполню!
Говори, чего же надо»?

Говоритъ ему Санъ-Яго:
«Пусть въ Испанiи пребудетъ
Изобилiе и солнце»!—
Успокойся: это будетъ! —

«Пусть побѣды громкой слава
У Испанцевъ духъ пробудитъ,
Дай имъ храбрость! Дай имъ силу»!—
Успокойся! будетъ! будетъ!..

«Дай имъ мудрое правленье,
Пусть царитъ оно неложно»!—
Какъ!.. вдобавокъ и правленье! —
Невозможно! невозможно!..

Вѣдь тогда ужъ будетъ раемъ
Вся страна твоя родная
И всѣ ангелы пожалуй
Убѣгутъ туда изъ рая,

А на небѣ воцарятся
Безпорядокъ и смятенье,—
Нѣтъ, ужъ пусть у васъ пребудетъ
Ваше старое правленье!

ВСЕВОЛОДЪ КРЕСТОВСКIЙ.

ТРИ ГОДА СТОЯНКИ.

I.

Былъ сѣренькій, осенній день. Небо густымъ туманомъ коптѣло надъ землей; въ воздухѣ частилъ мелкій дождь. Весь уѣздный городъ К. съ его живописно разбросанными деревянными домиками принялъ пасмурный видъ. Блестящая колокольня соборной церкви еле свѣтилась въ вышинѣ, точно была флеромъ подернута; зеленые сады, огороды издали казались какими-то синеватыми пятнами; мокрые листья на деревьяхъ опустились и какъ будто плакали; величественная рѣка помутилась, пѣнилась и шумѣла сильнѣе обыкновеннаго; высокіе обрывистые берега ея, покрытые глиной да каменьями, размокли и обратились въ совершенную топь; когда-то твердыя ступени земляной лѣстницы, по которымъ дюжія горожанки съ коромыслами на плечахъ безъ устали сновали взадъ и впередъ, теперь смылись, сгладились, оставивъ только скользкіе слѣды своего прежняго существованія. Дома, съ запертыми на глухо окнами, смотрѣли какъ-то угрюмо, непривѣтливо; желтыя, форменныя стѣны присутственныхъ зданій приняли совсѣмъ не форменный, бурый цвѣтъ; на улицахъ была грязь страшная, вырытыя по бокамъ канавки залились водой. Не смотря на такое неблагопріятное время, на берегу рѣки, на спу-

скѣ, около того мѣста гдѣ ходитъ черезъ нее паромъ, толпилась куча народа. Тутъ были мужики, бабы, дѣти, старики и старухи, удалые парни съ шапками на затылкахъ, полногрудыя молодыя мѣщанки съ пестрыми платочками на головахъ; между ними виднѣлись кое–гдѣ дамскія шляпки, самобытнаго туземнаго фасона, мужскія пальто различныхъ цвѣтовъ и достоинствъ, фризовыя шинели мелкихъ чиновниковъ, мѣстами проглядывали даже простые, засаленные халаты. Позади стояла крестьянская одноколка; изъ нея какъ-то боязливо, осаживая лошаденку назадъ, выглядывалъ старикъ крестьянинъ, а впереди его, врѣзавшись оглоблями въ толпу, помѣщался высокій господскій экипажъ, что-то среднее между каретой и коляской, запряженный тройкою рыжихъ лошадей съ рыжимъ кучеромъ на козлахъ и лакеемъ въ рыжей ливреѣ на запяткахъ. Въ экипажѣ, вытянувшись во весь ростъ и придерживаясь руками за кучерской армякъ, стояла сѣдая, дородная барыня.

На паромѣ, при звукахъ цѣлаго хора трубачей, съ громкими заливными пѣснями, переправлялись кавалерійскіе солдаты. Остальная часть полка въ ожиданіи очереди была расположена на другой сторонѣ рѣки. Паромъ причалилъ, стукнулъ о бревенчатый плотъ, и кавалеристы одинъ за другимъ, кто галопомъ, кто рысью, шумно, весело, побрякивая саблями поднялись на берегъ. Толпа засуетилась и раздвинулась въ разныя стороны. Мальчишки забѣгали, экипажъ съ барыней попятился назадъ и ударился колесами въ ворота какого-то дома; крестьянинъ въ одноколкѣ совсѣмъ растерялся и торопливо, самъ не зная зачѣмъ, понукалъ свою тощую клячу.

— Вишь, смокли! замѣтилъ въ толпѣ какой-то парень, съ тупымъ удивленіемъ оглядывая гарцовавшихъ солдатъ.

— Смокнешь, мокрынь экая, отозвался другой.

— Служба!... на службѣ завсегда такъ, порядокъ такой, флегматически произнесъ старикъ съ широкой окладистой бородой.

—Сизый-то—начальникъ надо быть, вишь усамъ ворочаетъ, анаралъ!... тихо говорилъ простой мужикъ, указывая своему товарищу на стоявшаго не въ далекѣ сѣдого полковника.

— Смотри-ка, Настя, смотри, саблищи какія, чай звону сколько, шептала краснощекая дѣвушка своей подругѣ. Ой смотритъ! вдругъ добавила она, засмѣялась и спрятала голову.

— Ой батюшки, отцы родимые, до косточекъ промокли! голосила старуха баба.

Въ толпѣ раздавалось еще множество самыхъ разнообразныхъ восклицаній. Каждый съ любопытствомъ оглядывалъ вновь прибывшихъ гостей, какъ что-то диковинное, рѣдкое, дѣлалъ о нихъ свои замѣчанія, составлялъ различныя предположенія касательно ихъ будущей стоянки. Не одно женское сердце быть можетъ забилось сильнѣе обыкновеннаго при взглядѣ на молодцоватаго солдатика или статнаго молодаго офицера. Сколько надеждъ, опасеній, желаній, намѣреній быть можетъ шевельнулось при этой встрѣчѣ! Да и не мудрено, въ отдаленномъ городкѣ К, кромѣ инвалидной команды съ старымъ инвалиднымъ начальникомъ, другихъ военныхъ никого не было. А тутъ цѣлый полкъ, да еще и кавалерійскій, съ трубачами, съ пѣсенниками, цѣлая гурьба молодыхъ кавалеровъ, ловкихъ танцоровъ, жениховъ... Какъ не радоваться, какъ не вздохнуть отъ полноты души. Только черствые, сухіе эгоисты, люди старые, отставные, скопидомы смотрѣли на гостей какъ-то неpріятно, изъ подлобья, точно видѣли въ нихъ враговъ своихъ, точно говорили между собой: «жили мы до сихъ поръ одни тепло, просторно намъ было, теперь поневолѣ сжаться придется»!

— Стройся! вдругъ раздался голосъ сѣдого полковника.

Толпа смолкла и удвоила вниманіе; солдаты выстроились, затянули какую-то пѣсню и, предводительствуемые офицеромъ, двинулись въ улицы города К.

Стая мальчишекъ повалила вслѣдъ за ними.

Паромъ снова причалилъ, новая часть полка снова загарцовала на берегу и потомъ двинулась вслѣдъ за первою.

Часа черезъ полтора на рѣкѣ уже никого небыло, только нагруженныя телѣги да полковыя фуры съ большимъ трудомъ подымались по крутому, размокшему спуску.

Нѣсколько времени спустя, по одной изъ городскихъ

улицъ, шагомъ, верхомъ на лошади, опустивъ поводья и оглядываясь по сторонамъ, ѣхалъ молодой офицеръ. Въ нѣкоторомъ отъ него разстоянiи, какъ-то отчаянно шлепая по грязи, повѣся голову и сильно размахивая руками, шелъ казенный деньщикъ. Порыжѣлый, засаленный сюртукъ его, на красной стаметовой подкладкѣ, лоснился и очень походилъ на атласный; синiе, демикотоновые, съ широкимъ краснымъ кантомъ брюки, заправленные въ короткiе сапожные голенищи, облипли на колѣняхъ; безобразная, клеенчатая фуражка торчала на правомъ ухѣ. Сзади, по срединѣ улицѣ, безпрестанно увязая въ грязи, тихо тянулся возъ нагруженный офицерскими пожитками.

Доѣхавъ до перекрестка, офицеръ остановился. Деньщикъ поднялъ голову

— На право, ваше благородiе! громко крикнулъ онъ, и вдругъ, оборотясь къ мужику съ возомъ, гордо прибавилъ: за ними поварачивай, слышь!

Пройдя еще улицу, процессiя повернула къ рѣкѣ и вскорѣ остановилась передъ небольшимъ, одноэтажнымъ, бревенчатымъ домомъ, на воротахъ котораго было крупно написано мѣломъ: «г. поручикъ баранъ Шпигель».

Офицеръ слѣзъ съ лошади.

— Здѣсь? спросилъ онъ, указывая на сосѣднiй, довольно красивый домъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, тамо-тъ жильцы стоятъ, отвѣтилъ деньщикъ и во всю мочь ударилъ кулакомъ въ калитку.

Рябой, некрасивый мужикъ, въ красной рубахѣ, съ наброшеннымъ на плеча тулупомъ, черезъ минуту отворилъ ее,

— Фатеру ихъ благородiю... намъ фатера назначена, слышь! Ворота отвори! повелительно говорилъ деньщикъ.

Мужикъ постоялъ съ минуту, лѣниво повернулся, почесалъ затылокъ и пошелъ отворять ворота.

Офицеръ ввелъ на дворъ лошадь.

— Куда тутъ? спросилъ онъ.

Мужикъ указалъ на навѣсъ, заваленный всевозможнымъ хламомъ.

— Тамъ конюшня есть, ваше благородiе, въ комнату пожалуйте, комната какъ слѣдуетъ, господская, поубрать

только, безъ всякой церемоніи, совершенно по хозяйски распоряжался деньщикъ и ступилъ на лѣсенку.

Офицеръ послѣдовалъ за нимъ.

Они вошли сперва въ темныя сѣни, съ сырымъ, непріятнымъ запахомъ. Попавшая подъ ноги имъ курица пронзительно закудахтала, замахала крыльями и стремглавъ вылетѣла на дворъ.

Деньщикъ распахнулъ дверь на лѣво.

— Комната, ваше благородіе, два окна, лежанка, ваше благородіе, кухня тоже, въ кухнѣ плита есть, все есть... ихъ и семьи только двое, бездѣтные... вода близко... фатера настоящая! какъ-то проворно, торжественно говорилъ онъ, ступая по слѣдамъ офицера.

Комната дѣйствительно была порядочная. Стѣны ея оклеенныя пестренькими, чистенькими обоями, весело рябили въ глазахъ; полъ лоснился и мѣстами былъ устланъ рогожами. Очень старинная, темная, краснаго дерева мебель была тщательно разставлена; на лѣво стоялъ неуклюжій, узенькій диванъ, съ какими-то львиными ножками, необыкновенно высокой спинкой и жесткой клеенчатой подушкой, надъ нимъ висѣло тусклое, небольшое зеркало въ почернѣлой рамѣ; по бокамъ, въ самомъ строгомъ симетрическомъ порядкѣ, красовались разнокалиберные стулья; около кресла похожаго на диванъ стояло другое, модное, обитое полинялымъ бархатомъ; въ углу помѣщался шкафъ; за стеклами его были также очень тщательно разставлены нѣсколько разрисованныхъ чайныхъ чашекъ и блюдечекъ съ различными надписями, три фарфоровыхъ золоченыхъ яйца, штукъ пять чайныхъ серебряныхъ ложекъ, графинчикъ съ отбитымъ горлышкомъ, солонка съ солью, какая-то конфетная фигурка, сильно засиженная мухами, скляночка изъ подъ духовъ и до полдюжины стакановъ и рюмокъ. У противоположной стѣны стоялъ огромный пузатый комодъ, съ дырами вмѣсто замковъ; надъ нимъ висѣла картина, изображавшая видъ какой-то обители, надъ ней другая, вырванная изъ моднаго журнала тридцатыхъ годовъ. Простѣнокъ между окнами занималъ столъ покрытый синею салфеткою; на окнахъ, заставленныхъ горшками жасмина и геранія, кра-

совались кисейныя съ красною бахрамкою занавѣски; въ переднемъ углу помѣщались темные образа съ висѣвшею передъ ними лампадою. Огромная изразцовая лежанка была вся завалена мужскимъ и женскимъ платьемъ, по срединѣ ея блестѣлъ ярко вычищенный самоваръ. Вообще въ комнатѣ было необыкновенно чисто; нигдѣ ни пылинки, каждая вещь какъ будто прилипла къ своему мѣсту, точно никогда люди не жили въ ней, а только берегли ее, какъ что-то дорогое, неподходящее къ ихъ обыденной будничной жизни, а нужное только про всякій случай.

Офицеръ обернулся къ двери. Тамъ стоялъ тотъ самый мужикъ, который отворялъ калитку; нѣсколько впереди его, облокотясь на лежанку, выпятилась краснощекая баба въ сарафанѣ, съ платкомъ на головѣ, изъ за нея робко выглядывала дѣвочка недоростокъ.

— Вы хозяева? спросилъ гость, осторожно снимая свою мокрую шинель.

— Хозяева, отвѣтилъ мужикъ, переминаясь съ ноги на ногу.

— Мнѣ здѣсь квартира назначена... я здѣсь, въ этой комнатѣ хочу остановиться... я одинъ, мнѣ одной комнаты довольно, отрывисто говорилъ офицеръ, какъ бы выжидая согласія или возраженія.

Мужикъ и баба молчали и только искоса поглядывали другъ на друга.

— Могу я здѣсь расположиться? Эта комната порядочная.. У васъ свое помѣщеніе есть? по прежнему продолжалъ онъ.

— У нихъ, ваше благородіе, нечего спрашивать, отъ начальства приказано... народъ такой! замѣтилъ деньщикъ, успѣвшій напустить на полу цѣлую лужу съ своего мокраго платья.

— Я Коршуновъ не съ тобой говорю, молчи! довольно рѣзко произнесъ офицеръ.

Деньщикъ забормоталъ себѣ подъ носъ.

Немалаго труда стоило гостю убѣдить хозяевъ. Квартира ему понравилась, но становиться на ней насильно онъ рѣшительно не хотѣлъ.

Такъ ужъ я остановлюсь, вы не безпокойтесь, вы вотъ

только вашу одежу куда нибудь вынесите, остальное все здѣсь останется, цѣло будетъ, произнесъ онъ.

— Да куда вынести-то, вынести–то некуда, отвѣтила хозяйка... хоть на кофій пожалуйте, вынесемъ! неожиданно добавила она и какъ то непріятно улыбнулась.

Офицеръ сунулъ ей въ руку какую–то монету. Она посмотрѣла на нее, потрясла на ладони, хотѣла еще что–то сказать, и вдругъ обратилась къ стоявшей сзади дѣвочкѣ.

— Ты чего тутъ? Вишь баринъ становиться хочетъ, слышь! Тащи одежу–то, ну! На передникъ подаритъ. Дѣвочка принялась убирать съ лежанки кафтаны и тулупы, взвалила ихъ на себя, и черезъ силу поплелась изъ комнаты. Хозяйка постояла съ минуту, оглядѣла вокругъ себя, точно искала чего-то, точно соображала, что оставить и что вынести, схватила со стола салфетку, подошла къ шкапу, головой покачала, потомъ вздохнула, перекрестилась и вышла.

— Вещи вносить! радостно замѣтилъ деньщикъ и удалился во свояси.

Офицеръ сѣлъ на диванъ.

— Жена-то у тебя, братецъ, сердитая, кажется? шутя произнесъ онъ, обращаясь къ стоявшему въ дверяхъ мужику.

— Баба, равнодушно отозвался послѣдній и скрестилъ на груди руки.

— Ты давно женатъ?

— Женатъ–то, а годовъ семь будетъ.

— Дѣти есть?

— Нѣ, дѣтей нѣтъ, былъ одинъ да померъ.

— А это кто? спросилъ офицеръ, указывая на вошедшую снова дѣвочку недоростку.

— Энта-то, а дѣвчонка, Танькой прозывается. Дѣвочка, услышавъ свое имя, обернулась, но тотчасъ же снова нагрузила себя и вышла изъ комнаты.

— Да она чтожъ, у васъ живетъ?

— Нѣ, не живетъ, сосѣдская, шляется все, бѣгаетъ, чортъ такой!

— За что жъ ты бранишься?

— Дѣвчонка таковская, крѣпкая, ровно лѣшій!

— Тебя какъ зовутъ?

— Меня то, а Климомъ зовутъ Василичемъ... Жена Марьей Трофимовной прозывается, минуту спустя какъ–то почтительно прибавилъ мужикъ.

— Что у васъ въ городѣ много господъ живетъ? спросилъ офицеръ.

— Живутъ... господа есть.

— Богатые?

— Нѣ, богатыхъ нѣтъ, купцы больше. Эвоно-тъ рядушкомъ господинъ живетъ, анаралъ... дочь у него, съ дочерью и живетъ... весь городъ подъ своимъ началомъ держитъ.

— Какъ подъ началомъ?

— Силу такую имѣетъ. Дочь красивая, Алена Ивановна по имени; у нихъ и Танька живетъ, ихняя, на побѣгушкахъ служитъ.

Офицеръ задумался.

— Вы на долго–ть что ли сюда пріѣхали? спросилъ хозяинъ.

— На долго братецъ, года три, четыре простоимъ.

Мужикъ слегка вздохнулъ.

— Не стояли у насъ... какъ бы обиды какой не вышло, въ раздумьи произнесъ онъ и вдругъ прибавилъ: вы улане что–ли?

— Уланы, братецъ, уланы, повторилъ офицеръ и продолжительно зѣвнулъ.

Между тѣмъ деньщикъ съ подводчикомъ успѣли внести два большіе чемодана, сундукъ, шкатулку, да какой–то огромный узелъ.

Хозяинъ долго еще мялся около дверей, съ тупымъ любопытствомъ оглядывалъ офицерскіе пожитки, наконецъ видя что ему дѣлать нечего, почесалъ затылокъ и удалился.

— Прощайте! произнесъ онъ на порогѣ.

— Прощай братецъ! отозвался офицеръ.

Деньщикъ принялся разставлять складную желѣзную кровать, при чемъ не то ворчалъ, не то пѣлъ себѣ подъ носъ; порой останавливался, искоса взглядывалъ на барина, какъ бы о чемъ–то спрашивалъ его, наконецъ полѣзъ въ чемоданъ, засунулъ руку куда-то въ глубь его, вытащилъ два

куска сахару и положилъ ихъ себѣ въ ротъ. Потомъ вынулъ бѣлье, одѣяло, понюхалъ попавшійся кусокъ мыла, и снова вернулся къ кровати.

Офицеръ сидѣлъ молча, отвернувшись къ окну.

Хозяинъ съ хозяйкой, побѣгушка Танька, сосѣдъ генералъ, его дочь, Богъ знаетъ по чему, какъ тѣни скользили въ умѣ его. Онъ безсознательно останавливался то на одномъ, то на другомъ изъ этихъ лицъ, мысленно говорилъ съ ними, представлялъ себѣ фигуру генерала высокую, дородную, полную величія, припоминалъ непріятное рябое лицо хозяина, съ небольшими смотрящими изъ подлобья глазами, его клинообразную рѣдкую бороду, полную грудь хозяйки, пестрый сарафанъ ея и т. д. Всѣ эти предметы нисколько не занимали его, а какъ-то насильно въ туманѣ грезились ему; онъ дремалъ, то закрывалъ, то открывалъ глаза; усталость томила его; теплый комнатный воздухъ, послѣ сыраго и холоднаго, усыпительно дѣйствовалъ на нервы. Казалось, ему было лѣнь смотрѣть, думать; онъ собирался раздѣться, лечь, и между тѣмъ не рѣшался двинуться съ мѣста. Даже прекрасный видъ изъ оконъ не разбудилъ его вниманія, Онъ полюбовался имъ какъ-то минутно, вскользь, мимоходомъ. А видъ былъ дѣйствительно хорошъ. Дождь пересталъ, утренній туманъ разсѣялся, на небѣ изъ–за тучь проглянуло солнышко и своими яркими лучами заиграло, заблестѣло во всѣхъ капляхъ еще не успѣвшей испариться воды. Подъ самыми окнами раскинулся небольшой полисадникъ съ нѣсколькими довольно жалкими кустами какихъ–то растеній; поперегъ его тянулась извилистая дорога, кое–гдѣ обсаженная густыми раскидистыми деревьями; далѣе, спрятавшись въ глубокомъ обрывистомъ оврагѣ, шумѣла рѣка, противоположный ея берегъ былъ усѣянъ разбросанными въ безпорядкѣ домами, часовнями, садами и огородами; правѣе ихъ на темнососновомъ фонѣ рѣзко бѣлѣла небольшая кладбищенская церковь; далѣе, мѣстность, раскинувшись на необъятное пространство, покрытая золотистою зеленью, то постепенно возвышалась, то уходила куда-то, то подымалась снова, и наконецъ, еще далѣе, темною, синеватою полосою сливалась съ небомъ.

— Эхъ, далеко видно! подумалъ офицеръ, протяжно вздохнулъ, положилъ на руки голову и закрылъ глаза.

— Ваше благородіе, кровать готова! произнесъ деньщикъ, взбивая кулаками барскую подушку.

Офицеръ очнулся, потянулся на стулѣ и сталъ лѣниво раздѣваться.

Деньщикъ съ трудомъ стащилъ съ него совсѣмъ мокрые сапоги.

— Въ три часа разбуди, самоваръ поставь, разбираться завтра будемъ! говорилъ офицеръ, съеживаясь на постели подъ мягкимъ одѣяломъ.

Деньщикъ еще минуты двѣ, три провозился въ комнатѣ, ткнулъ ногою чемоданъ, вытеръ сапоги полою собственнаго сюртука, схватилъ подъ мышку барскую шинель, и, только получивъ вторичное приказаніе убираться вонъ, вышелъ въ сѣни. На крыльцѣ онъ встрѣтился съ хозяиномъ.

— Вишь, умаялся, спитъ, какъ-то недружелюбно, самъ съ собою, отозвался онъ, отряхивая барскія брюки.

— Чай верстъ двадцать прошли? замѣтилъ хозяинъ.

— Двадцать! Такъ что, что двадцать, на конѣ ѣхалъ... одинадцать денъ шли, вотъ и считай, ну!.. У насъ что дни, что версты—все едино, и тѣмъ, и другимъ считать можно, прибавилъ деньщикъ и самодовольно усмѣхнулся, точно былъ доволенъ, что задалъ мужику такую трудную задачу.

Послѣдній почесалъ затылокъ.

— Верстъ двѣ сотни отвалили, порядочно!

— То-то порядочно. Нашъ братъ по тысячамъ ходитъ, а устали не чувствуетъ, человѣкъ такой!

Хозяинъ тряхнулъ головой.

— Васъ какъ звать? нѣсколько спустя, спросилъ онъ.

— Меня-то? Меня зовутъ Кузьмой, по отчеству величаютъ Микифорычемъ, по фамиліи прозываюсь Коршуновымъ, а все вмѣстѣ взять, выходитъ Кузьма Микифорычъ Коршуновъ!.. такъ и зовутъ меня.

— Кузьма Микифорычъ, чуть не поскладамъ повторилъ мужикъ. А барина какъ звать? добавилъ онъ.

— Барина? Что спитъ-то? Егорій Петровичъ баронъ

фонъ Шпигель, поручикъ. Вонъ его звать какъ! отвѣтилъ деньщикъ и гордо взглянулъ на хозяина.

Послѣдній погладилъ рукою бороду.

— Богатый баринъ? спросилъ онъ.

— Какъ не богатый! Извѣстно богатый, на то и баринъ; небогатому быть не возможно, семь деревень дальнихъ, да три ближнихъ, весь вашъ городъ скупить можетъ. Нашему барину здѣсь негдѣ деньги тратить, потому дрянь, званія никакого нѣтъ.

— Городъ простой! подтвердилъ хозяинъ. Чай въ Питерѣ бывали?

— Мы съ бариномъ вездѣ бывали, по такимъ землямъ ѣздили, что супротивъ этого мѣста, что твой брилліантъ... рѣка теперича если течетъ такъ рѣка—на одномъ берегу стоишь, другого видѣть не смѣй, даль! Мы, почитай, что во всемъ свѣтѣ были, въ Анерику ѣздили... эвона-тъ! У васъ хозяйка что-ль стряпаетъ? совершенно неожиданно заключилъ деньщикъ.

— Хозяйка. Вамъ обѣдать, что-ли? Щи есть.

— Обѣдать не обѣдать... нашъ обѣдъ поздній, а коли щи— закусить можно; вотъ только лошадь управлю, мигомъ. Онъ швырнулъ въ уголъ находившіеся у него въ рукахъ сапоги и шинель, живо спустился съ лѣстницы и принялся возиться съ лошадью.

— Въ свѣтелку ступайте... я хозяйкѣ скажу, произнесъ мужикъ и поплелся во внутрь дома.

— Приду, приду, сами знаемъ... вишь лѣшій, говорилъ деньщикъ разнуздывая лошадь. Эка народъ глупый! Нашему брату только и жить, коли умъ есть, безъ ума ничего не подѣлаешь... Хуже скотины будешь, ну!.. Я имъ картины-то подведу, литеру такую пущу, что и... Ну, Васька, становись, ну, всякій свое знаніе понимать долженъ, ну! Онъ сильно потянулъ лошадь въ низенькую дверь конюшни, на минуту скрылся въ нее, потомъ вышелъ, взвалилъ на себя лежавшее на телѣгѣ сѣдло и громко сбросилъ его на полъ въ сѣняхъ.

— Фу ты тягота какая? проговорилъ онъ, отмахиваясь руками. Пойдти что-ли щи ѣсть!..

Лицо его покоробилось, онъ замоталъ головой и тяжелыми шагами, покачиваясь изъ стороны въ сторону, направился въ хозяйскую кухню.

Григорій Петровичъ баронъ фонъ-Шпигель, поручикъ .....скаго кавалерійскаго полка, былъ человѣкъ лѣтъ двадцати пяти, небольшаго роста, худенькій, съ недурнымъ лицемъ. Большой лобъ его оттѣненный свѣтло-русыми всегда гладко вычесанными, волосами выдавался, нѣсколько впередъ; голубые глаза изъ-подъ тонкихъ бровей смотрѣли какъ-то особенно мягко, симпатично, отчасти даже стыдливо, какъ иногда смотрятъ глаза свѣжей, неопытной дѣвушки. Носъ былъ прямой, совершенно пропорціональный всему окладу лица, подъ нимъ спускались небольшіе свѣтлые усы. Вообще во всей физіономіи и фигурѣ Шпигеля, въ его манерахъ, движеніяхъ, въ улыбкѣ, въ интонаціи голоса проглядывало что-то женское. Руки его были нѣжныя, маленькія, такія руки, что многія барыни почли бы за счастіе имѣть ихъ; цвѣтъ лица совершенно женскій—блѣдно-розовый; голосъ его звучалъ чистымъ, тонкимъ теноромъ, и только иногда, въ сердцахъ, переходилъ въ голосъ мущины. Ходилъ Григорій Петровичъ также по-женски; онъ какъ-то черезчуръ частилъ своими маленькими, коротенькими ногами, ступалъ легко, не твердо, точно боялся не поспѣть за рослымъ человѣкомъ. Полковые офицеры часто смѣялись надъ нимъ, называли его полковой барышней, дочерью полка, дамой сердца и прочими нѣжными именами, а одинъ ротмистръ очень серьезно увѣрялъ, что барона по ошибкѣ мать на свѣтъ родила, что онъ былъ дѣвочкой, а потомъ, какъ-то нечаянно, по независящимъ обстоятельствамъ, сдѣлался мальчикомъ, что его только въ юпку наряди, такъ самъ чортъ до самой смерти отъ женщины не отличитъ. Эти шутки повторялись еще болѣе потому, что Шпигель не курилъ, не пилъ никакого вина, не игралъ въ карты, краснѣлъ, слушая не совсѣмъ скромные разсказы, и вообще отличался нѣкоторою щепетильностью, застѣнчивостью, несвойственною въ обыкновенномъ офицерскомъ кругу. Не смотря на все это, онъ былъ отличнымъ, ловкимъ ѣздокомъ, хорошо зналъ службу, усердно исполнялъ всѣ ея обязанности, считался лучшимъ офицеромъ

въ полку. Онъ поступилъ въ полкъ лѣтъ шесть тому назадъ, но по моложавой наружности скорѣе походилъ на вновь выпущеннаго офицера. Двадцати пяти лѣтъ никто бы не далъ ему. Шпигель былъ сиротой. Въ одинъ годъ, еще будучи въ корпусѣ, онъ лишился отца и матери; изъ родныхъ имѣлъ только отдаленнаго дядю, стараго, больнаго Нѣмца, человѣка очень богатаго, но почти чужаго. Оставшіяся послѣ родителей небольшія деньги сначала помогли офицеру прилично одѣться, обзавестись всѣмъ необходимымъ, а впослѣдствіи ежегодно поддерживали его существованіе, доставляли возможность служить въ кавалеріи. Отецъ Шпигеля былъ родовой курляндскій Нѣмецъ очень хорошей фамиліи, владѣвшей когда-то огромнымъ состояніемъ, которое впослѣдствіи раздробилось по многочисленнымъ наслѣдникамъ, мать русская, такъ, что самъ Григорій Петровичъ по характеру, по образу жизни вышелъ какимъ-то полу-нѣмецкимъ полу-русскимъ человѣкомъ. Воспитанный до тринадцати лѣтъ дома, подъ исключительнымъ надзоромъ матери, онъ пріобрѣлъ ту мягкость характера, тотъ простой, свѣжій взглядъ на жизнь, которые лучше всякаго образованія полируютъ человѣка, составляютъ крѣпкій залогъ его внутреннихъ достоинствъ. Особенныхъ способностей Шпигель не имѣлъ; учился въ корпусѣ такъ себѣ, всему одинаково, хорошо говорилъ по французски, прекрасно зналъ нѣмецкій языкъ, даже на фортепьянахъ игралъ не дурно. Онъ былъ образованъ свѣтски, кое-что читалъ, кое-что зналъ по-наслышкѣ, корпуснаго въ немъ ничего не сохранилось. Вступивъ въ полкъ, Григорій Петровичъ остался вѣренъ самому себѣ; онъ не увлекся кутежнымъ обществомъ своихъ новыхъ товарищей, не присоединялся къ ихъ иногда шумнымъ собраніямъ, а напротивъ, какъ-то очень учтиво, незамѣтно отдалился отъ нихъ, поселился въ крошечной комнатѣ, чистенько убралъ ее, познакомился съ нѣсколькими семейными домами, читалъ книги, и такимъ образомъ кое-какъ убивалъ скучное, свободное время. Не смотря на такое отчужденіе, офицеры очень любили Шпигеля. Впослѣдствіи, болѣе ознакомившись съ окружающимъ обществомъ, онъ иногда посѣщалъ самыя кутежныя компаніи, но дѣйствовалъ въ нихъ какъ зритель, а не

какъ участникъ, и никто не преслѣдовалъ, никто не удивлялся ему; напротивъ, если бы онъ вздумалъ дѣйствовать иначе, офицеры непремѣнно удержали бы его.

Образъ жизни Григорій Петровичъ велъ очень скромный. Онъ какъ-то умѣлъ справляться съ своими маленькими средствами, ни въ чемъ никогда особенно не нуждался, имѣлъ все необходимое, все въ порядкѣ, никому не былъ долженъ. Онъ вставалъ рано, выписывалъ нѣсколько журналовъ, имѣлъ небольшую походную библіотеку, охотно знакомился въ обществѣ, всегда былъ веселъ и любезенъ, не отказывался отъ удовольствій, любилъ и потанцовать, и провести вечеръ въ тихомъ семейномъ кругу, и поговорить о дѣлѣ, и потужить, и похохотать съ пріятелемъ.

Въ квартирѣ Григорія Петровича всегда было чисто, уютно, нигдѣ ни пылинки, каждая вещь стояла на своемъ мѣстѣ. Что ни подадутъ—обѣдъ, чай, кофе, смотрѣть любо-дорого, все такъ благородно, мило, все блеститъ какъ-то, совсѣмъ на холостого офицера не похоже, только развѣ Коршуновъ что нибудь напакоститъ. Одѣвался Шпигель также очень порядочно, безъ шику, безъ грому; не носилъ черезчуръ звенящихъ шпоръ, не выставлялъ на показъ толстой часовой цѣпочки, не душился, не помадился такъ, что въ другой комнатѣ слышно, не гремѣлъ саблею, не заламливалъ слишкомъ на бекрень шапки, а только каждая нитка цѣла на немъ; бѣлье прекрасное, чистое, и старенькій сюртукъ, и эполеты на плечахъ почернѣли, а все сидитъ такъ ловко, аккуратно, такъ прилично, ничто въ глаза не бросается, ничто взгляда не коробитъ,—смотрѣть пріятно.

Совершенную противоположность съ бариномъ составлялъ деньщикъ его, Кузьма Коршуновъ. Это былъ неуклюжій, рослый ярославецъ, до чрезвычайности неопрятный, съ самыми топорными чертами лица. Узенькій лобъ его вѣчно морщился, маленькіе глаза казались сонными и какъ-то недовольно смотрѣли на свѣтъ Божій, широкій носъ покосился на сторону, подъ нимъ торчали жесткіе какъ щетина усы; ниже ихъ, пальца на два въ ширину, расположились толстыя одутловатыя губы, которыя при постоянно открытомъ ртѣ выглядывали совершенной лепешкой. Черные клочками

взъерошенные волосы на головѣ походили на растрепанный вѣникъ. Цвѣтъ лица его былъ закоптѣлый, синевато бурый, точно онъ не мылся никогда. Но особеннымъ несчастіемъ Коршунова были его истинно гигантской величины руки; съ ними онъ никакъ справиться не могъ: большую вещь ухватитъ, а съ маленькой бѣда—или разобьетъ, раздавитъ, или и того хуже, не дается да и шабашъ. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть, когда онъ силился захватить съ пола какую нибудь нитку или иголку: сколько проклятій сыпалось въ это время изъ устъ его, весь вспотѣетъ и кончитъ тѣмъ, что выругается... Одѣвался Коршуновъ совершенно по-своему, такъ что даже иной разъ трудно было разобрать, какое платье на немъ; сколько баринъ ни давалъ ему и новыхъ вещей, и обносковъ, сколько ни взыскивалъ — все было напрасно: получитъ новую вещь, порядочную, тотчасъ или перекроитъ ее на свой ладъ, или запачкаетъ въ два дня такъ, что хуже старой выйдетъ.

— Что ты сдѣлалъ? Бога ты не боишься.

— Что-жъ, ваше благородіе, у меня сюртуки есть, на что сюртуки, во фракѣ мода, фракъ въ праздникъ надѣть хорошо!

Коршуновъ, по утрамъ, въ то время когда еще не входилъ къ барину, даже халатъ надѣвалъ; но каковъ былъ этотъ халатъ, мы разсказать не беремся.

Вообще онъ былъ циникъ страшный, непроходимый, но цинизмъ его прикрывался какою-то наружною, прилизанною чистотой. Онъ, напримѣръ, нисколько не стѣснялся плюнуть на барское платье для того, чтобы стереть какое нибудь пятно; онъ подавалъ барину все въ лоснящемся видѣ, а между тѣмъ очень часто взявъ со стола ложку, безъ церемоніи, вытиралъ ее полою засаленнаго сюртука своего, потомъ дышалъ на нее, вытиралъ снова, и несъ обратно. Уголъ, гдѣ помѣщался Коршуновъ, походилъ на кладовую всевозможной дряни, подъ грязной кроватью помѣщались обыкновенно самыя разнородныя вещи: тутъ былъ черепокъ съ разведенною ваксою, сапожныя щетки, оглоданныя кости, тарелка съ остатками какого нибудь кушанья, барскіе сапоги, разбитая бутылка, засаленная колода картъ и даже котенокъ въ корзинѣ, животное, которое Коршуновъ очень любилъ и которымъ онъ въ свобод-

ное время всегда забавлялся. Кромѣ того онъ обладалъ еще одною особенностью, даже страстью—попробовать все барское. Несъ ли онъ жаркое, супъ, соусъ, пирожное—онъ непремѣнно просовывалъ въ блюдо палецъ и потомъ облизывалъ его; даже лекарство не оставалось безъ его вниманія. Уходилъ баринъ со двора—онъ чесался его щеткой, смотрѣлся въ его зеркало, нюхалъ его духи, капалъ ихъ на свои закорузлыя руки, сиживалъ иногда на его кровати, даже въ книги глядѣлъ, хотя о грамотѣ не имѣлъ и понятія. Дѣлалось все это не изъ жадности, не изъ желанія поживиться чужимъ добромъ, напротивъ, онъ былъ большой экономъ, берегъ барскую копѣйку, а просто по какой-то любознательности пощупать, отвѣдать, укусить все, что ни попадется подъ руку. Григорій Петровичъ давно негодовалъ на Коршунова, нѣсколько разъ грозился прогнать его, часто морщился, глядя на него, и все держалъ при себѣ потому, что онъ былъ человѣкъ честный, не пьющій, удивительно расторопный и преданный. Это послѣднее качество Коршунова было тоже особаго рода: онъ любилъ барина, а между тѣмъ очень часто сердился на него, ворчалъ что-то себѣ подъ носъ, даже иногда довольно грубо отвѣчалъ ему. Онъ какъ будто считалъ себя умнѣе, опытнѣе барина, и всегда дулся, когда встрѣчалъ противодѣйствіе. Баринъ и онъ сливались въ его воображеніи какъ-то вмѣстѣ, составляли одно цѣлое, нераздѣльное. Онъ всегда говорилъ: мы, наше, мы жалованье получили, у насъ гости были, мы на балъ ѣздили, наши вещи отправились. Быть можетъ вслѣдствіе-то этой нераздѣльности Коршуновъ любилъ прихвастнуть, пустить пыль въ глаза, возвеличить барина, потому что при этомъ, по его мнѣнію, точно также возвеличивалъ и себя.

II.

А между тѣмъ, въ то самое время, когда Григорій Петровичъ спалъ, какъ убитый, а Коршуновъ усердно упле-

талъ хозяйскія щи и, еще усерднѣе, самыми радужными, фантастическими красками описывалъ свое житье-бытье съ бариномъ, въ сосѣднемъ домѣ, томъ самомъ, который занималъ генералъ, въ довольно грязной, небольшой комнатѣ, на ситцевомъ диванѣ сидѣла дѣвушка лѣтъ двадцати двухъ, дочь генерала.

Прекрасное лице ея выражало нѣкоторое безпокойство, щеки горѣли, она пытливо распрашивала стоявшую передъ нею дѣвочку Таню,—ту самую, которая таскала съ лежанки хозяйскія вещи,—о вновь прибывшемъ офицерѣ.

— Пріѣхали всѣ мокренькіе, такіе мокренькіе, смотрѣть ужасти—вода энта льетъ съ нихъ... Просить зачали, пусти молъ въ комнату, говорятъ. Трофимовна пущать не хотѣла... съ вещамъ пріѣхали... вещей много, сундуки большущіе, лакей что-ли съ ними, чернявый такой, страшный! очень наивно говорила дѣвочка, разводя руками.

Барыня улыбнулась, откинула назадъ волосы и вдругъ, какъ бы мимоходомъ, спросила: онъ молодой, богатый, ты не слыхала Танька?

Дѣвочка выставила два ряда бѣлыхъ какъ снѣгъ зубовъ.

— Молоденькіе, такіе молоденькіе, отвѣтила она, покачивая головой, съ вами схожи, ей-Богу, схожи... красненькій, красивенькій! Она вдругъ подскочила къ госпожѣ и поправила башмакъ на половину свалившійся съ ноги ея.

Барышня встала, неопредѣленно посмотрѣлась въ висѣвшее на стѣнѣ полуразбитое зеркало, взглянула на Таню, хотѣла что-то сказать, но только махнула рукой и вышла въ другую комнату. Пройдя залу и гостиную, она остановилась передъ маленькой дверью, весело улыбнулась и тихо отворила ее.

— Папочка, можно войдти? какъ-то кокетливо произнесла она, засовывая въ дверь голову, и порхнула къ отцу въ кабинетъ.

Генералъ, человѣкъ лѣтъ шестидесяти, бодрый, свѣжій, одѣтый въ коротенькій тулупчикъ, проворно ходилъ изъ угла въ уголъ; увидѣвъ дочь, онъ остановился, и вопросительно взглянулъ на нее.

— Папочка, тамъ офицеръ пріѣхалъ... помнишь, что квар-

тира здѣсь назначена... баронъ, папочка... Его нужно къ намъ обѣдать позвать, ты еще говорилъ, что его отца зналъ. Какъ же папочка? говорила она, жеманясь передъ отцомъ.

— Разумѣется, нужно, а?... да, нужно... обѣдать, непремѣнно обѣдать, молодаго офицера необходимо пріютить, обласкать, а?.. всегда такъ водилось... Захарка! вдругъ крикнулъ онъ и поднялъ голову.

На порогѣ, какъ изъ земли выросъ, вытянулся малый, лѣтъ тридцати, одѣтый въ казакинъ съ краснымъ кантомъ.

— Тамъ офицеръ пріѣхалъ, ну, слышишь? попросить его обѣдать сюда, кушать! пояснилъ генералъ.

Захарка повернулся было на лѣво кругомъ.

— Постой, что сказать нужно? Ты что скажешь? ну... сказать нужно: его превосходительство приказали кланяться, приказали кушать просить, такъ?

— Его превосходительство приказали кланяться, приказали кушать просить! густымъ, хриплымъ басомъ повторилъ Захарка и снова повернулся.

Генералъ забѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Намъ, папочка, со всѣми офицерами познакомиться нужно... Здѣсь скука такая, совсѣмъ порядочныхъ людей нѣтъ, какъ-то печально замѣтила дочь и надула губки.

Генералъ снова остановился, снова вопросительно взглянулъ на нее, точно его только что разбудили или новость какую сказали.

— А?.. нужно, Леночка, точно нужно... милости просимъ... Я радъ, прошу... прошу! отрывисто произнесъ онъ и зашагалъ пуще прежняго.

Леночка постояла съ минуту, потомъ подскочила къ отцу, поцѣловала его въ плечо и съ озабоченнымъ лицемъ вышла изъ комнаты.

На порогѣ она встрѣтилась съ Захаркой.

— Что, будутъ? спросила она.

— Благодарить приказали, будутъ-съ! прохрипѣлъ малый.

На лицѣ Леночки мелькнула улыбка.

Она засуетилась, побѣжала на кухню, освѣдомилась объ обѣдѣ, велѣла повару приготовить лишнее блюдо, приказа-

ла Захаркѣ въ комнатахъ убирать, потомъ побѣжала въ свою спальню одѣваться.

Елена Ивановна, дочь отставнаго генерала Ивана Никитича Перегорина, лишилась матери въ самомъ младенчествѣ и получила воспитаніе въ одномъ изъ петербургскихъ институтовъ.

Въ то время отецъ ея занималъ довольно видное мѣсто, жилъ широко, барски, припѣваючи.

Избалованная съ дѣтства, привыкшая къ нѣгѣ и роскоши, Леночка прямо съ школьной скамейки попала въ омутъ шумной, свѣтской жизни. Она порхала съ вечера на вечеръ, съ бала на балъ, наряжалась, кокетничала, принимала гостей, выслушивала комплименты; думала о женихѣ, разумѣется, статномъ, ловкомъ, богатомъ гвардейцѣ; но вдругъ, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, декорація перемѣнилась: Иванъ Никитичъ долженъ былъ оставить занимаемое имъ мѣсто, выйдти въ отставку, лишиться получаемаго имъ большаго содержанія и ограничиться довольно умѣреннымъ пенсіономъ. Нужно было измѣнить прежній образъ жизни, переѣхать на другую, болѣе тѣсную квартиру, навсегда отказаться отъ баловъ, пышныхъ нарядовъ и даже блестящихъ партій. Елена Ивановна плакала, сердилась, выходила изъ себя, падала въ обмороки, упрекала отца, говорила, что Петербургъ опостылѣлъ ей, что она не привыкла къ такой жизни, что надъ ней будутъ смѣяться всѣ подруги, грозилась даже въ монастырь пойдти. Однако раздраженное самолюбіе ея вскорѣ угомонилось; въ видахъ экономіи она сама предложила отцу уѣхать куда нибудь подальше, поселиться въ городъ К., въ окрестностяхъ котораго находилось небольшое имѣніе Перегориныхъ. Сказано—сдѣлано. Въ уѣздѣ Елена Ивановна воскресла, заблистала снова... Теперь она созрѣла, ребяческая неопытность окончательно исчезла въ ней; она поняла свое положеніе, поняла, какую роль должна играть въ окружающемъ обществѣ и исполняла эту роль не безъ такта.

Извѣстіе о стоянкѣ кавалерійскаго полка высосало всю душу Елены Ивановны; нѣсколько ночей сряду она не могла глазъ сомкнуть; надежды, предположенія, одно другаго

эффектнѣе, мѣшались въ головѣ ся; она видѣла себя и полковой командиршей, и женой молодаго, богатаго офицера. Наканунѣ прибытія полка ее била лихорадка, а въ день самаго прибытія она проклинала погоду, помѣшавшую ей видѣть великолѣпное зрѣлище.

Вотъ почему она такъ жадно разспрашивала побѣгушку Таню о сосѣдѣ постояльцѣ, почему выпросила у отца позволеніе пригласить его обѣдать, почему такъ кокетливо одѣвалась, такъ тщательно чесала волосы. Она приготовлялась къ побѣдѣ надъ кавалерійскимъ сердцемъ...

Да и не мудрено. Елена Ивановна знала свое превосходство, помнила свою столичную жизнь, догадывалась, что многія сердца въ уѣздѣ тщетно вздыхаютъ по ней. Всякій, взглянувши на нее въ ту минуту, когда она въ ожиданіи новаго гостя вышла въ гостиную, навѣрное сложилъ бы передъ ней свое оружіе.

Темные, каштановые, почти черные волосы, нѣсколько приподнятые къ верху, лоснились какъ шелкъ, падали на бѣлую шею двумя длинными локонами; лицо сквозило прозрачною нѣжностью, на щекахъ горѣлъ легкій румянецъ; большіе, голубые, полураскрытые глаза смотрѣли невыразимо хорошо, сулили чертовское блаженство; улыбка отзывалась чѣмъ-то добрымъ, теплымъ, просящимся въ душу. Черное шелковое платье обхватывало стройную талію, художнически обрисовывало прекрасную грудь; нѣжныя, атласныя руки были полуприкрыты черными кружевными рукавами; голубой, маленькій платочекъ на шеѣ пріятно гармонировалъ съ темными локонами; золотая цѣпочка на груди, крошечные брилльянты въ розовыхъ ушахъ, гладкій браслетъ на рукѣ, бантики на туфляхъ, легкій запахъ *есъ-буке*,—все говорило о вкусѣ, тонѣ очень рѣдкомъ въ глуши, въ провинціи. Да и обхожденія Елена Ивановна была совсѣмъ не провинціальнаго; она курила легкія папиросы, говорила по-французски, причемъ даже слегка картавила, прекрасно играла на фортепьянахъ, пѣла, читала французскіе романы, толковала о литературѣ, о предметахъ возвышенныхъ, о чемъ угодно; отличалась

свѣтскою развязностью — только въ отношеніи горничныхъ дома, наединѣ, проглядывало въ ней что-то грубое, лакейское; она иногда честила ихъ такими словами, которыя никакъ не шли къ ея милому, алому ротику; въ особенности побѣгушкѣ Танѣ сильно доставалось отъ нея.

Отецъ Елены Ивановны, Иванъ Никитичъ, весь вѣкъ свой проносилъ военный мундиръ. Это былъ человѣкъ небольшаго роста, статный, худенькій, живой, проворный, ловкій, нисколько не похожій на шестидесяти-лѣтняго старика. Свѣжее, розовое лице его блестѣло, лоснилось; на маленькомъ лбу ни одной морщинки; глаза на выкатѣ; только сѣдые, короткіе, стоячіе волосы на головѣ, да сѣдые, подстриженые усы какъ-то спорили со всей его остальной молодцоватой фигуркой. Всѣ движенія его отличались необыкновенною живостью, энергіею; онъ сильно, равномѣрно размахивалъ руками, выставляя впередъ маленькіе кулачки свои, какъ будто бы тактъ билъ или упражнялся въ гимнастикѣ; безпрестанно вертѣлся, рѣдко сидѣлъ на мѣстѣ, а большею частью ходилъ, почти бѣгалъ по комнатамъ. Голову держалъ прямо, говорилъ громко, рѣзко, отрывисто, какъ будто командовалъ или отдавалъ приказаніе. Любилъ строгій порядокъ, одѣвался чисто, аккуратно, дома носилъ коротенькій, сѣренькій тулупчикъ на бѣличьемъ мѣху, плотно застегнутый до самой шеи, а въ торжественныхъ случаяхъ, въ гости, облачался въ отставной генеральскій мундиръ.

Какъ всѣ люди дослужившіеся до извѣстнаго солиднаго чина, считающіе себя по этому поводу и лучше, и выше другихъ людей, Иванъ Никитичъ очень дорожилъ своимъ генеральскимъ званіемъ; любилъ видѣть вокругъ себя почетъ, уваженіе и полную безотвѣтную покорность. Прислуга его ходила по стрункѣ, во всемъ домѣ проглядывала какая-то военная выправка, все носило отпечатокъ строгой, военной дисциплины, все отзывалось лощеной казенной чистотой.

Мебель, какъ разъ была наставлена въ комнатахъ, такъ и стояла, никто не смѣлъ подвинуть на вершокъ какого нибудь кресла, перемѣстить подсвѣчники на другой столикъ, подать обѣдъ, чай, ужинъ минутой позже или раньше. Правда, часто Иванъ Никитичъ какъ будто спускался съ своего

пьедестала, любилъ пошутить, посмѣяться, даже съ молодежью поболтать, но отъ всего этого вѣяло какимъ-то генеральствомъ, въ дружескомъ, фамильярномъ тонѣ проглядывало что-то начальническое, смѣхъ былъ черезчуръ рѣзокъ.

Не смотря на все это, роль Ивана Никитича была воображаемою, онъ тѣшился ею какъ дитя игрушкой; въ домѣ забывали о немъ и подобострастно, вмѣстѣ съ нимъ, преклонялись предъ настоящей хозяйкой, Еленой Ивановной.

Жили Перегорины весьма скромно, такъ какъ позволяли ихъ средства: лѣто проводили въ деревнѣ, на зиму переселялись въ городъ, пышныхъ обѣдовъ, баловъ не дали, только вся ихъ обстановка отзывалась какою-то утонченностью, привычкою къ когда-то хорошей, роскошной жизни, умѣніемъ прикрыть настоящіе недостатки. Домъ ихъ считался первымъ въ уѣздѣ; его посѣщало лучшее общество города К. просиживало въ немъ вечера, зѣвало, втихомолку жаловалось на скуку, изподтишка смѣялось надъ черезчуръ скромнымъ обѣдомъ и ужиномъ, иногда ограничивалось однимъ чаемъ и все–таки посѣщало. Таковъ русскій человѣкъ, не тотъ, который живетъ въ деревняхъ да землю пашетъ—тому не до поклоновъ, а русскій чиновный людъ: знаетъ, что ничего не получитъ, а все–таки забѣжитъ впередъ и шапку сниметъ. Вотъ, дескать, поклонился, улыбнуться изволили.

Пробило три часа. Елена Ивановна сидѣла на диванѣ въ гостиной и горѣла нетерпѣніемъ. Она при малѣйшемъ шорохѣ поворачивала голову къ двери и прислушивалась. На колѣняхъ ея лежалъ маленькій томикъ какого-то французскаго романа.

Иванъ Никитичъ проворно ходилъ изъ угла въ уголъ.

Побѣгушка Таня въ красно-розовомъ, ситцевомъ, лощеномъ платьѣ, съ какимъ-то безобразнымъ платкомъ на плечахъ робко выглядывала изъ–за двери.

Въ комнатѣ было тихо; только мѣрные, частые шаги генерала стучали какъ часовой маятникъ.

Прошло нѣсколько минутъ,—онъ остановился.

— Обѣдать пора, а?.. Три часа пробило, твой гость не-

аккуратенъ—это не хорошо, чести не дѣлаетъ молодому человѣку, нужно аккуратнымъ быть!

Елена Ивановна вспыхнула.

— Папочка, онъ спалъ, теперь одѣвается, придетъ сейчасъ, всего десять минутъ прошло, отвѣтила она, оправдательнымъ тономъ.

Генералъ зашагалъ снова.

— Да, говорилъ онъ, останавливаясь на каждомъ словѣ, десять минутъ!.. спитъ!.. Время ли днемъ спать, какой это порядокъ, баловство, изнѣженность, въ наше время не такъ служили, въ наше время...

Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ остановился и поднялъ голову,—кашель и шорохъ въ передней прервали его.

Елена Ивановна поспѣшно откинула волосы, оправила платье и углубилась въ книгу. Руки ея немножко дрожали.

Въ комнату вошелъ Григорій Петровичъ. Онъ ловко поклонился и отцу, и дочери вмѣстѣ, Леночка принагнулась и снова опустила глаза. Генералъ проворно подошелъ къ нему.

— Очень радъ, очень радъ! произнесъ онъ, тряся гостя за руку, прошу безъ церемоніи, сослуживцы, товарищи!— Моя дочь!.. Лена, прикажи обѣдать подавать, прибавилъ онъ, указывая на диванъ.

Григорій Петровичъ вторично поклонился. Елена Ивановна присѣла и проворно вышла изъ комнаты.

— Ваша фамилія, молодой человѣкъ? спросилъ генералъ.

— Фамилія моя, баронъ фонъ Шпигель, почтительно отвѣтилъ Григорій Петровичъ и поклонился.

— Имя и отчество?

— Меня зовутъ Григорій Петровичъ.

— Григорій Петровичъ фонъ-Шпигель, баронъ, поручикъ, да?.. Очень радъ, повторилъ генералъ и вторично протянулъ гостю руку. Фонъ-Шпигель, скажите, пожалуйста, я помню... одинъ Шпигель и баронъ тоже, а?.. въ двадцать... въ двадцать восьмомъ году...

— Papa, le dîner est servi, перебила его вошедшая Елена Ивановна.

— Просимъ милости, произнесъ генералъ, указывая гостю на дверь.

Послѣдній попятился.

Елена Ивановна вывела его изъ затрудненія, она порхнула въ дверь первая, за нею нѣсколько бокомъ, почти вмѣстѣ съ хозяиномъ, прошелъ и Григорій Петровичъ.

Въ столовой было еще новое лицо, какая-то Настасья Матвѣевна, сосѣдка Перегориныхъ, являвшаяся каждый день къ генеральскому обѣду; сѣдая, сморщенная, съ рябымъ, дряблымъ лицемъ и бѣгающими глазами, въ темномъ капотѣ, желтой шалѣ и чепцѣ съ голубыми лентами.

Всѣ усѣлись.

Елена Ивановна принялась разливать супъ.

За нею, вытянувшись въ струнку, въ форменномъ казакинѣ, съ нитяными перчатками на рукахъ, торчалъ Захарка, а въ другой сторонѣ, робко прижавшись въ углу, стояла побѣгушка Таня.

— Да, да, мы съ ними пріятели были, какже-съ, большіе пріятели, повѣсы, съ дядюшкой вашимъ; вдругъ заговорилъ генералъ.

Григорій Петровичъ вопросительно посмотрѣлъ на него.

— Вы кажется ошибаетесь, ваше превосходительство, у меня въ военной службѣ, никакого дяди не было, довольно несмѣло замѣтилъ онъ.

— А?... не было?... жаль, нѣтъ, я говорю, что я Шпигеля зналъ, прекрасный человѣкъ, образцовый, снова повторилъ генералъ.

— Папа такъ долго служилъ, много видѣлъ, всегда въ Петербургѣ жилъ,—мы недавно здѣсь, пояснила совсѣмъ не кстати Елена Ивановна.

— Послѣ столичныхъ наслажденій и въ этакій, можно сказать, монастырь прибыть, вотъ развѣ господа военные оживятъ, замѣтила Настасья Матвѣевна, причемъ закатила глаза и какъ-то нервически повернулась на стулѣ.

Григорій Петровичъ едва замѣтно улыбнулся.

— У насъ здѣсь свой кругъ, свое общество; я на скуку не жалуюсь, напротивъ, послѣ институтской жизни, мнѣ

нравится здѣсь—тихо! пояснила Елена Ивановна, всячески старавшаяся заявить передъ гостемъ свой тонъ и значеніе.

— Много офицеровъ въ полку? спросилъ генералъ.

— У насъ до сорока человѣкъ, отвѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Ого! Женатые есть?

— Женатыхъ очень мало, всего четверо, даже полковой командиръ холостой.

Елена Ивановна покраснѣла, но тотчасъ же отвернулась и заговорила съ своей сосѣдкой.

Генералъ какъ-то рѣзко засмѣялся.

— Хе, хе, хе, молодежь все, кавалерійство... а?... Вы господа насъ-то, насъ пощадите, этакъ весь городъ перевернете; я самъ служилъ, заключилъ онъ со смѣхомъ и вдругъ прибавилъ: и богатые люди есть?

— Да, у нѣкоторыхъ есть состояніе; впрочемъ, я не смѣю хвалить, ваше превосходительство, но надѣюсь, что жители города не пожалуются на нашу стоянку—наше полковое общество офицеровъ во всѣхъ отношеніяхъ прекрасное.

— А, прекрасный полкъ, прекрасный! Вы, конечно, не помните, у меня много товарищей въ немъ служило—прекрасные молодые люди, пробормоталъ генералъ и вдругъ повернувшись къ Захаркѣ громко съ разстановкой прибавилъ: а что, братецъ, нужно сдѣлать, если рюмки стоятъ? Зачѣмъ рюмки стоятъ... ну!

Захарка схватилъ стоявшую на столѣ бутылку съ остатками краснаго вина и налилъ хозяину и гостю.

— Я надѣюсь, M-r Шпигель такъ добръ, что не откажетъ намъ въ удовольствіи познакомить съ нѣкоторыми офицерами; папа такъ любитъ военныхъ, мы всегда душевно рады, довольно застѣнчиво произнесла Елена Ивановна.

— Я увѣренъ, что мои товарищи почтутъ за особенную честь воспользоваться такимъ лестнымъ знакомствомъ, отвѣтилъ Григорій Петровичъ и слегка наклонилъ голову.

— Да, конечно, конечно, очень радъ, просимъ милости, проговорилъ генералъ и протянулъ гостю руку.

— Зимой у насъ клубъ будетъ, всякіе танцы танцовать

можно, вмѣшалась Настасья Матвѣевна и снова повернулась на стулѣ.

Далѣе разговоръ шелъ въ томъ же вкусѣ. Генералъ вспомнилъ еще какого-то Шпигеля и освѣдомился не родственникъ ли ему Григорій Петровичъ, даже напередъ сказалъ: этотъ ужъ вамъ навѣрно родственникъ. Елена Ивановна пріятно улыбалась, очень мило потупляла глазки и снова какъ будто нечаянно поднимала ихъ, произнесла нѣсколько фразъ по-французски, дала замѣтить, что она поетъ и играетъ и даже вздохнула по итальянской оперѣ. Настасья Матвѣевна сообщила, что у нея братъ въ офицерахъ былъ, что офицеровъ бояться нужно, что всѣ офицеры люди «костикъ» причемъ опять повернулась на стулѣ. Григорій Петровичъ отдѣлывался какъ могъ.

Обѣдъ тянулся довольно долго и состоялъ изъ четырехъ очень умѣренныхъ блюдъ: жиденькаго супа, вынутой изъ него говядины нарѣзанной тоненькими ломтиками и приправленной какою-то зеленью, жареной курицы и пирожнаго изъ зефировъ, которыми генеральскій поваръ особенно щеголялъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ.

Послѣ обѣда генералъ потрясъ гостю руку, прибавивъ: очень радъ, прошу извинить, и отправился въ кабинетъ немножко забыться.

Въ гостиной остались: Настасья Матвѣевна, Григорій Петровичъ и Леночка. Она предложила гостю папироску и узнавши, что онъ не куритъ, очень удивилась и закурила сама.

— Je vous demande pardon, надѣюсь, покрайней мѣрѣ, что я васъ не обезпокою? шутя спросила она.

— Напротивъ, я очень люблю, когда женщина куритъ, тутъ есть что-то поэтическое, отвѣтилъ онъ и поклонился.

— О, я очень много курю, и знаете почему: въ Петербургѣ, у одного нашего знакомаго—je ne sais comment dire—онъ въ посольствѣ служилъ, были очаровательныя, маленькія папироски; онъ всегда давалъ мнѣ, c'était une polissonnerie... а потомъ такъ привыкла... ахъ! Она вздохнула и выпустила тонкую струйку дыма изъ своего алаго ротика.

Настасья Матвѣевна дремала, сидя на стулѣ, качала го-

ловой и, кажется, готова была клюнуть носомъ стоявшій передъ нею столъ.

— Vous voyez, comme c'est agréable? замѣтила хозяйка, указывая на нее.

— Чистая совѣсть! отвѣтилъ Григорій Петровичъ и улыбнулся.

Елена Ивановна искоса взглянула на него и немного подумавши тихо произнесла: я надѣюсь, М-г Шпигель, вы будете часто бывать у насъ... не забудьте, здѣсь провинція, церемоній не существуетъ; да, иногда здѣсь можно умереть со скуки! добавила она нѣсколько грустнымъ тономъ, вздохнула, опустилась на спинку кресла и выставила кончикъ маленькой ножки. Григорій Петровичъ растерялся.

Онъ сидѣлъ, опустивъ голову; онъ видѣлъ, какъ эта ножка, обутая въ туфель съ коблучкомъ граціозно болталась изъ подъ платья; онъ слышалъ легкое дыханіе хозяйки, небрежно спущенный длинный рукавъ ея платья касался руки его.

— Вы меня, Елена Ивановна, ставите въ затрудненіе; я не знаю, какъ отвѣчать на ваше вниманіе, на ваше доброе приглашеніе, я ничѣмъ не заслужилъ его, довольно робко отвѣтилъ онъ.

— Я отвѣтовъ не требую; если вы дорожите имъ, докажите на дѣлѣ, отвѣтила хозяйка и прямо взглянула на гостя своими большими, улыбающимися глазами.

Онъ поднялъ голову и, въ свою очередь, какъ-то ребячески, несмѣло посмотрѣлъ на нее.

Взгляды ихъ на минуту встрѣтились.

— Вы любите музыку? вдругъ спросила она.

— Очень, я самъ немножко играю.

— Да-а... Mais c'est charmant!.. Мы можемъ играть въ четыре руки, у насъ очень порядочный рояль. Хотите, я вамъ сыграю что нибудь? Она приподнялась съ креселъ.

— Я не смѣлъ просить, отвѣтилъ Григорій Петровичъ и покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Охъ, батюшки, что это, офицеры все! вдругъ пробредила Настасья Матвѣевна, открыла глаза, очнулась и совершенно сконфузилась.

Елена Ивановна звонко захохотала, Шпигель улыбнулся.

— Охъ, Господи, что это, право, со мной, никакъ я сказала что-то, проговорила гостья, ворочаясь на стулѣ.

— Не только сказали, испугались! насмѣшливо отвѣтила Леночка и подошла къ роялю.

Григорій Петровичъ помогъ открыть его.

Она сѣла, взяла нѣсколько акордовъ, задумалась и вдругъ вопросительно взглянула на гостя.

— Что играть? Я хочу, чтобъ вы похвалили меня.

— Все, что вамъ угодно, я за все буду благодаренъ...

— Да!?

Она заиграла варіаціи изъ какой-то оперы.

Григорій Петровичъ стоялъ напротивъ и не спускалъ съ нея глазъ; онъ внутренно любовался ея прозрачнымъ, разгорѣвшимся личикомъ, то поднимавшеюся, то опускавшеюся грудью, бѣгающими по клавишамъ ручками и живой, очаровательной улыбкой.

Онъ какъ-то забылся, сосредоточился на ней. Ему хорошо было.

Она кончила играть, быстро, лукаво, пронзительно взглянула на гостя, точно чѣмъ-то подразнить его хотѣла, взяла снова акордъ и совершенно неожиданно запѣла: «По небу полуночи ангелъ летѣлъ».

Григорій Петровичъ стоялъ какъ онѣмѣлый; какая-то легкая, пріятная дрожь пробѣжала по его тѣлу...

Она опять кончила, опять попрежнему взглянула на него, опять взяла акордъ и, какъ бы насмѣхаясь надъ пораженнымъ гостемъ, сама едва удерживаясь отъ смѣха, увѣренная въ торжествѣ своемъ, шутя, весело запѣла: «Пропадай моя головушка».

Григорій Петровичъ даже повернулся отъ восторга и удивленія.

— Довольно! вдругъ произнесла она, крѣпко ударила по клавишамъ и какъ-то стыдливо прибавила: c'est gentil?

— Простите меня, я не знаю что сказать... такое пѣніе кого хотите расшевелитъ, проговорилъ неуспѣвшій еще опомниться Шпигель.

— Не вѣрю, посмотрите! отвѣтила она, улыбнулась и кивнула головой вправо.

Тамъ, на креслѣ, Настасья Матвѣевна снова спала.

Григорій Петровичъ пожалъ плечами.

— Что-жъ дѣлать, стало быть это не человѣкъ, тихо замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, человѣкъ, и даже очень добрый, только...

— Что-жъ только?

— Души нѣтъ, сердца...

— А вы признаете возможность человѣка безъ души?

— Признаю, здѣсь ихъ много; поживете, сами узнаете, нѣсколько грустно замѣтила она.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь, Елена Ивановна, здѣсь быть можетъ нѣтъ человѣка близкаго, подходящаго къ вамъ, къ вашимъ понятіямъ, воззрѣніямъ; вы слишкомъ развиты, чтобъ найдти его здѣсь... вы выше этого человѣка!

У Леночки пріятно защекотало на сердцѣ; цѣль ея, высказать предъ гостемъ все свое превосходство, очевидно была достигнута.

— Не знаю, я слишкомъ проста, я всѣхъ людей люблю, отвѣтила она и такъ улыбнулась, какъ будто и на душѣ ея никогда ничего кромѣ любви не было.

Настасья Матвѣевна громко вздохнула и открыла глаза.

— Какъ это вы чувствительно пѣли, вспомнить не могу! проговорила она, желая доказать, что не спала а слушала.

— А что я пѣла?

— Да вотъ это, забываю все, «Други милые».

— Какъ это лестно для артистки, n'est-ce pas? —

Замѣтила Елена Ивановна и нѣсколько разъ качнула головой.

Въ гостиную вошелъ генералъ.

— Папочка, вдругъ обратилась она, знаете, М. Шпигель на фортопіянахъ играетъ, ахъ, Боже мой, я васъ не попросила сыграть...

— Слышалъ, слышалъ, прекрасно играетъ! отвѣтилъ Иванъ Никитичъ и зашагалъ по комнатѣ. А въ бостонъ играете? вдругъ прибавилъ онъ.

— Нѣтъ, не играю.

— Жаль, напрасно, прекрасная игра, умная игра, да!.. Почему это ее оставили, понять не могу, всѣ ваши игры—дрянь!

— Я ни во что не играю.

— И прекрасно дѣлаете, прекрасно дѣлаете, молодой человѣкъ, да!.. Въ бостонъ можно играть, бостонъ не игра, это, такъ сказать, голова работаетъ, голова! генералъ ткнулъ себя пальцемъ въ лобъ и пустился даже объяснять правила игры.

Къ вечеру явились гости,—какіе-то два поношенные господина изъ туземцевъ.

Елена Ивановна сухо поклонилась имъ.

Хозяинъ приказалъ разставить ломберный столъ.

— Если столъ разставленъ, что нужно сдѣлать, а?.. говорилъ онъ вытянутому въ струнку Захаркѣ. Нужно двѣ свѣчи поставить, положить щеточки, мѣлки, карты... ну!..

Компанія усѣлась. Настасья Матвѣевна ушла домой доканчивать начатый послѣ обѣденный сонъ. Григорій Петровичъ, вдали отъ играющихъ, заговорилъ въ полголоса съ Еленой Ивановной. Она то весело, живо ему что-то разсказывала, то легко, плавно вздыхала, то какъ-то безсознательно, нечаянно взглядывала на него, то поднимала, то опускала глаза.

Онъ уже нѣсколько разъ собирался уйдти, даже внутренно сознавалъ, что сидѣть такъ долго въ первый разъ не ловко, и только, наконецъ, часу въ одиннадцатомъ вечера всталъ и откланялся хозяйкѣ.

— Я такъ долго засидѣлся у васъ, простите меня, проговорилъ онъ.

Она ничего не отвѣтила и протянула ему кончики своихъ пальцевъ.

Онъ дотронулся до руки ея и снова поклонился, потомъ простился съ генераломъ.

— Очень радъ, очень радъ, просимъ милости! проговорилъ послѣдній, одною рукою тряся руку гостя, а другою собирая карты.

Шпигель ушелъ.

Въ сѣняхъ его встрѣтилъ Коршуновъ съ сальнымъ огар-

комъ. Григорій Петровичъ взглянулъ въ его рябое, нескладное лицо и невольно вздохнулъ, такъ оно показалось ему сквернымъ въ сравненіи съ только что видѣннымъ, прелестнымъ лицемъ хозяйки.

Онъ раздѣлся, отпустилъ деньщика, присѣлъ на кровать и задумался.

Елена Ивановна рѣшительно озадачила его.

Онъ никакъ не ожидалъ въ глуши, въ уѣздѣ, прямо съ похода, встрѣтить такой роскошный, столичный цвѣтокъ. Прежде онъ не видалъ такихъ женщинъ; ему никогда не случалось разомъ, въ одномъ существѣ увидѣть столько очарованія, столько самой заманчивой прелести. Прежде ни одна женщина не опутывала его такою любезностью, такою простотою и свободою обращенія, такимъ смѣлымъ душевнымъ радушіемъ. Онъ зналъ вдовъ, дѣвицъ, замужнихъ женщинъ—нѣкоторыя изъ нихъ даже нравились ему, но всѣ онѣ нисколько не были похожи на Елену Ивановну, во всѣхъ ихъ заключались только мелкія части одного ея цѣлаго; ни одна изъ нихъ съ перваго раза не пожала ему руки, не взглянула на него такими глубокими глазами, не улыбалась такъ, что мурашки бѣгали по тѣлу. Онъ еще мало жилъ; ему никогда не доводилось близко сойдтись съ женщиной, извѣдать ея сердце, разгадать изнанку ея улыбки, отличить простоту и естественность отъ свѣтской, заученой натяжки.

Кокетка, страшная кокетка! думалъ Григорій Петровичъ; жила всегда съ отцомъ, въ большомъ свѣтѣ, она привыкла свободно обращаться... курить...: Ныньче многія курятъ, это идетъ къ ней... А вмѣстѣ съ тѣмъ сколько простоты, граціи... Что за сердце у ней?.. Смотритъ такими чистыми, добрыми глазами, въ ней много души, много чувства—безъ души такъ пѣть нельзя. Неужели она всегда такъ любезна? Она меня первый разъ видитъ; что-жъ, я?.. думаетъ понравиться, замужъ выйдти? Какой же я женихъ, развѣ я женихъ для нея?.. можетъ и выйдетъ за кого нибудь изъ нашихъ... Выйдетъ, выйдетъ! долго звучало въ умѣ его.

Онъ просидѣлъ еще нѣсколько времени, потомъ погасилъ свѣчку и улегся.

А Елена Ивановна между тѣмъ раздѣвалась, стоя передъ зеркаломъ и какъ-то торжественно улыбалась. Она не думала о новомъ знакомомъ, не разбирала, не анализировала его; онъ какъ-то мимоходомъ проскользнулъ въ умѣ ея. Она была довольна, счастлива, что завербовала его и съ нетерпѣніемъ ждала завтрашняго дня, чтобъ завербовать другаго ему подобнаго, а потомъ потомъ... выбрать, который побогаче, да повыгоднѣе—того и взять, тому и книгу въ руки.

III.

На другой день утромъ Григорій Петровичъ занялся убранствомъ своей маленькой комнатки. Онъ разобралъ изъ чемодановъ всѣ свои вещи, изъ простаго крошечнаго стола сдѣлалъ письменный, покрылъ его зеленымъ сукномъ, разставилъ на немъ разныя принадлежности: чернильницу, два бронзовыхъ подсвѣчника да другія мелочи; на лежанкѣ помѣстилъ свою небольшую походную библіотеку, перенесъ кровать въ другую сторону, покрылъ ее шелковымъ стеганымъ одѣяломъ, около нея разостлалъ небольшой бархатный коврикъ; платье и бѣлье перенесъ въ пузатый комодъ, на самомъ комодѣ устроилъ туалетъ; вынулъ изъ шкапа хозяйскую посуду и помѣстилъ въ немъ свою; приказалъ Коршунову протереть стекла въ окнахъ, и вся комната какъ будто приняла другой видъ,—уютно, живо, весело въ ней стало—лучь солнца заигралъ на чистомъ, лоснящемся полу. Самъ Григорій Петровичъ очень тщательно вымылся, надѣлъ на себя сѣренькій шлафрокъ, отворилъ окно. Свѣжій, легкій воздухъ пахнулъ ему въ лицо. Утро было прозрачное. На чистомъ голубомъ небѣ ни одного облачка; куда вчерашній дождь дѣвался? Зелень посвѣжѣла, словно обновилась. Рѣка шумѣла тихо, плавно, пріятно; противный ея берегъ пестрѣлъ и переливался тысячами цвѣтовъ и оттѣнковъ; гдѣ-то вдали раздавался благовѣстъ. Григорій Петровичъ долго стоялъ у окна и любовался окружающей картиной; взглядъ его устре-

мился въ ясную, широкую, безконечную даль; вчера онъ не замѣтилъ ее, вчера ему не до того было, вчера его томила усталость и потомъ.....

— Хорошо здѣсь! подумалъ онъ, выглянулъ изъ окна и повернулъ на лѣво голову.

Тамъ стоялъ красивый, сѣренькій, съ зеленою крышею деревянный домикъ.

Онъ невольно перенесся въ него; вчерашнее пѣніе зазвучало въ ушахъ его; чарующій образъ хозяйки представился глазамъ,—онъ вспомнилъ его, вспомнилъ все и снова занялся имъ.

— Пойдти? подумалъ онъ; неловко такъ скоро... сегодня нельзя идти, притомъ и рано еще... Визитъ сдѣлать? Визитъ бы нужно сдѣлать, поблагодарить...

Я вчера не сказалъ ничего. Онъ задумался.

Дверь въ комнату скрипнула и отворилась,—на порогѣ вытянулся Захарка. Григорій Петровичъ обернулся, у него стукнуло сердце, онъ кажется готовъ былъ поцѣловать вошедшаго.

— Здравствуй, братецъ? Какъ у васъ... генералъ здоровъ? проговорилъ онъ, смѣшавшись.

— Здоровы, ваше благородіе, кланяться приказали, приказали кушать просить.

— Кушать? неопредѣлено повторилъ Шпигель и щеки его вдругъ покраснѣли. Хорошо, братецъ, кланяйся, я приду, скоро приду, да! Онъ отвернулся, взялъ со стола двугривенный и сунулъ его Захаркѣ.

Посланный удалился.

Григорій Петровичъ снова подошелъ къ окну, снова выглянулъ изъ него и повернулъ голову на лѣво, только на лицѣ его не было и тѣни прежней задумчивости; оно улыбалось свѣтло, спокойно, счастливо, какъ только улыбается человѣкъ отъ избытка внутренняго душевнаго довольства. Онъ вынулъ новенькій сюртукъ, тщательно оглядѣлъ его, прицѣпилъ эполеты, приготовилъ чистыя перчатки, потомъ долго въ нетерпѣніи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, то останавливался у окна, то на часы смотрѣлъ, наконецъ кликнулъ Коршунова и сталъ одѣваться.

— Обѣдать дома не будете? какъ-то недружелюбно спросилъ деньщикъ, повидимому недовольный барскимъ уходомъ.

— Не буду. А тебѣ что? отозвался Григорій Петровичъ, медленно разбирая проборъ на головѣ.

— Мнѣ что?.. Ничего мнѣ. Напрасно только обѣдъ готовимъ.. не готовить бы лучше.

Онъ проводилъ барина, потомъ вернулся въ комнату, оглянулся на всѣ стороны и громко плюнулъ.

— Вишь порядокъ завелъ... чортъ!.. Право чортъ! въ сердцахъ проговорилъ онъ, подошелъ къ комоду, понюхалъ скляночку духовъ, колупнулъ бывшій ярлыкъ на ней, провелъ рукою по одѣялу на кровати, высморкался въ уголъ и удалился.

А Елена Ивановна со всею обаятельною прелестью, протягивая кончики розовыхъ пальцевъ, встрѣчала гостя.

Сегодня она казалась другою; она измѣнилась, какъ измѣняется опытная актриса въ своихъ роляхъ.

Лицо ея было блѣднѣе, глаза смотрѣли не такъ живо и казались томными, какъ будто усталыми, улыбка сдѣлалась глубже, сосредоточеннѣе, локоны за ушами исчезли, зачесанные назадъ волосы образовали на затылкѣ густую массивную косу; вмѣсто чернаго платья на ней было бѣлое съ мелкими розовыми полосками, на шеѣ простой гладкій воротничекъ, на рукахъ такія же манжетки, на ногахъ другія туфли уже не съ голубыми, а съ розовыми бантиками. Она даже говорила нѣсколько иначе, меньше смѣялась, слегка задумывалась, казалась разсѣянною.

Обѣдъ былъ почти тотъ же самый. Послѣ обѣда Настасья Матвѣвна также дремала, старикъ генералъ также ушелъ въ кабинетъ забыться.

— Послушайте, Григорій Петровичъ, говорила хозяйка, играя золотой цѣпочкой, бывшей на груди ея, faites nous plaisir... У меня до васъ просьба есть. Черезъ недѣлю папа рожденье; мнѣ хочется ему сюрпризъ устроить, une petite soirée comme ça. Nous danserons, онъ это очень любитъ. Пригласите кое-кого изъ вашихъ товарищей, такъ человѣкъ пять, шесть, да?

Она подняла глаза и улыбнулась, какъ улыбаются дѣти при видѣ новенькой игрушки.

— Ваше порученіе слишкомъ лестно; мои товарищи примутъ его съ удовольствіемъ.

На этотъ разъ Григорій Петровичъ ушелъ домой раньше вчерашняго, скоро послѣ обѣда, потому что счелъ совершенно неприличнымъ два дня сряду оставаться такъ долго, притомъ и Елена Ивановна не удерживала его.

День близился къ вечеру. Солнце выглядывало изъ–за вершины далекаго сосноваго бора и розовымъ матовымъ свѣтомъ освѣщало каждый предметъ, каждый кустикъ.

Григорій Петровичъ сидѣлъ у растворенннаго окна своей комнаты; передъ нимъ лежала книга, только онъ не читалъ, даже не глядѣлъ въ нее; мысли его снова сосредоточились на Еленѣ Ивановнѣ; она неотвязно мерещилась въ глазахъ его, насильно лѣзла ему въ голову. Нѣсколько разъ онъ принимался читать и снова бросалъ, и снова забывался. Онъ думалъ кого изъ офицеровъ пригласить къ Перегоринымъ и досадовалъ, что долженъ пригласить, что взялъ на себя эту обязанность; ему отчасти хотѣлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь свое впечатлѣніе, показать другимъ Елену Ивановну, и на другихъ, такъ сказать, повѣрить себя, и въ то же время онъ боялся чего–то. Кругомъ была тишина совершенная, только листья шелестили въ палисадникѣ, да гдѣ–то вдали, на другомъ берегу рѣки, тянулась заунывная русская пѣсня. Шпигель все сидѣлъ неподвижно и все думалъ.

— А! вдругъ раздался подъ самымъ окномъ чей–то мягкій, почти дѣтскій голосъ, а, ге!

— Врешь, не ге, бе!.. Энто ге, вишь, крючкомъ то, ге! произнесъ другой голосъ покрѣпче.

— Ге! повторилъ первый.

— Бе да а, ба, слышь, ба!

— Ба! повторилъ первый.

— Ге, де, ель, емъ!

— Ге, де, ель, емъ! вторилъ первый.

Григорій Петровичъ выглянулъ изъ окна.

Въ кустахъ палисадника, на травѣ, сидѣли мальчикъ съ дѣвочкой; дѣвочка была побольше, подростокъ году по че-

*

тырнадцатому, мальчикъ поменьше; на колѣняхъ первой лежала какая-то книжечка, мальчикъ водилъ по ней пальцемъ, дѣвочка внимательно слѣдила. Григорій Петровичъ не хотѣлъ нарушать ихъ занятія и потихоньку прислонился къ стеклу. Головка дѣвочки показалась ему нѣсколько знакомою, онъ гдѣ-то видѣлъ ее, только не могъ припомнить, гдѣ именно. Онъ забылъ на минуту Елену Ивановну и весь углубился въ новую, интересную сцену.

— Енъ, пе, еръ, говорилъ мальчикъ и вдругъ прибавилъ: нынче Сычихина сына въ школѣ высѣкли.

— Ой-ли, за что сѣкли-то? отозвалась съ любопытствомъ дѣвочка и подняла голову.

— А карандашъ у Петьки слимонилъ. Петька пожаловался, опосля мы подзатыльниковъ ему надавали.

— А за что?

— Извѣстно за что, не жалуйся!

— Воровать грѣхъ?

— Вѣстимо—грѣхъ.

— А какіе еще грѣхи есть?

— А разные, по заповѣдямъ... грѣховъ много.

Дѣвочка задумалась, мальчикъ обрывалъ листья съ куста и щелкалъ ими.

— А что, Ваня, коли читать выучишься, много знать будешь? спросила она.

— Много... Что хошь все узнаешь—какіе города на свѣтѣ есть, какіе Цари были, все знать будешь.

— А какіе Цари?

— Цари-то? Царей много... Царь Соломонъ былъ, мудрый прозывается, Иродъ былъ, младенцевъ велѣлъ избивать.

— А зачѣмъ?

— Такая воля была, который младенецъ родится — значитъ того и убьютъ... Неронъ былъ... Наполеонъ былъ, землю воевалъ, всѣхъ царей побѣдилъ, а русскаго не могъ.

— А города какіе?

— Города?.. Парижъ, Пекинъ, Лондонъ... есть городовъ много.

Дѣвочька снова задумалась.

— А что Ваня, я могу читать выучиться?

— Извѣстно можешь, коли захочешь такъ и выучишься.

— Я хочу! робко отвѣтила она и опустила голову.

Они снова принялись за азбуку.

Григорій Петровичъ все смотрѣлъ на нихъ; ему было пріятно слышать этотъ наивный лепетъ любознательности, этотъ неудержимый порывъ къ знанію, въ загнанномъ ребенкѣ, который украдкой, втихомолку отъ людей, отъ родныхъ, отъ господъ, спрятавшись подъ кустомъ, жадно твердитъ азбуку, распрашиваетъ о городахъ и царяхъ.

— Вотъ гдѣ человѣкъ, вотъ гдѣ сила его! подумалъ Шпигель и невольно перенесся къ быту этой дѣвочки, къ той обстановкѣ, въ которой росла она и доростаетъ теперь, къ ея прошедшему, настоящему и будущему горю. Григорій Петровичъ даже вздохнулъ тяжело, такъ ему жаль стало эту дѣвочку, эту побѣгушку Таню,—онъ узналъ ее.

— Бѣдная, бѣдная! проговорилъ онъ самъ съ собою, и зачѣмъ ты учишься, зачѣмъ ты родилась въ крестьянской избѣ, а не въ пышной комнатѣ? Тогда бы легко было развиться тебѣ, отдаться твоимъ душевнымъ стремленіямъ, а теперь?.. Нѣтъ, ты только дразнишь себя... Трудно, трудно! А Таня сидѣла, склонивъ голову надъ книжкой. Солнце освѣщало смуглое, загорѣлое лицо ея. Черты его были довольно правильны; щеки блѣдны, нигдѣ ни кровинки; черные глаза смотрѣли пытливо; тонкія надъ ними брови приподнялись кверху; большой лобъ нѣсколько выдавался впередъ и сообщалъ всему лицу что-то особенно умное, привлекательное, его закрывали падавшіе въ безпорядкѣ бѣлокурые, золотистые волосы, такъ что дѣвочка безпрестанно головой встряхивала. Трудно было сказать хороша или дурна она. Физіономія ея еще не успѣла окончательно сложиться, принять извѣстный характеръ; она дышала переходомъ изъ дѣтскаго возраста въ возрастъ зрѣлый, дѣвичій. Плоская грудь тоже не успѣла сформироваться, принять округленныя, выпуклыя формы. Вообще вся фигура дѣвочки была очень худа: шея тоненькая, плечи выдались впередъ, руки сухія, черныя. Костюмъ ея состоялъ изъ простаго, тиковаго, засаленнаго платьишка, сшитаго даже не на ея ростъ; грудь была повязана накрестъ какимъ-то платкомъ неопредѣленна-

го цвѣта, за негодностью доставшимся съ барскаго плеча; на грязныхъ, голыхъ ногахъ болтались огромные, стоптанные башмаки.

— Солнышко сѣло, домой время! тревожно проговорила она, сложила книжку и тщательно запрятала ее подъ платокъ.

— Домой! на распѣвъ повторилъ мальчишка, перевернулся кубаремъ и вскочилъ съ травы.

— Завтра придешь, что-ли? спросилъ онъ.

— Приду! отвѣтила она.

Онъ постоялъ съ минуту, потомъ юркнулъ черезъ низенькій заборчикъ, и что есть духу пустился по улицѣ.

Дѣвочка встала.

— Здравствуй Таня! вдругъ проговорилъ Григорій Петровичъ, когда она поровнялась съ его окномъ. Она вздрогнула и пугливо притаилась за кустомъ. Она молчала.

— Чего-жъ ты боишься?.. Бояться нечего, Таня.

Она высунула голову и изподлобья своими быстрыми глазами взглянула на него.

— Ты учишься Таня?.. Это хорошо! Чему жъ ты учишься?

— Азбучкѣ-съ! отвѣтила она почти шопотомъ и снова спряталась.

— Кто жъ тебѣ велѣлъ учиться?.. Подойди Таня, не бойся.

Она робко, какъ виноватая, подошла къ самому окну и прижалась за рамой.

— Учиться кто велѣлъ?

— Сама-съ!

— А барыня?

— Барыня незнаютъ-съ, барынька не приказываютъ.

На лицѣ Григорія Петровича мелькнула досада.

— Мать есть у тебя? спросилъ онъ.

— Матушки нѣтъ-съ.

— А отецъ есть?

— Тятенька померши-съ!

— Ты давно у барыни?

— Давно-съ... Какъ пріѣхали, съ деревни взяли.

— Зачѣмъ же учиться хочешь?

— Хочу-съ!

— А зачѣмъ?

— Книжку читать, отвѣтила она чуть не со слезами.

— Хочешь, я тебя учить буду?

Она улыбнулась и взглянула на Шпигеля; глаза ея блестѣли.

— Вы барынкѣ скажете, проговорила она робко.

— Нѣтъ, не скажу. Я тебя лучше выучу, скорѣе... все будешь знать, хочешь?

Она молчала.

— Такъ какъ же Таня?

— Какъ же-съ?

— Хочешь у меня учиться?

— Гдѣ-съ?

— Ну, въ комнатѣ у меня! Вонъ у меня книжки есть!

Она снова посмотрѣла на него и, казалось, не довѣряла— шутитъ ли баринъ или говоритъ правду.

— Хочешь? повторилъ Григорій Петровичъ.

— Хочу-съ! такъ тихо отвѣтила она, какъ будто насильно выговорила это слово.

— Ну, приходи, вотъ сей часъ и учиться будемъ.

— Какъ приходи-съ?

— Такъ, въ комнату.

— На дворѣ увидятъ-съ... прибьютъ-съ!

— Кто прибьетъ?

— Ключница-съ!

Григорій Петровичъ съ сожалѣніемъ поглядѣлъ на нее.

— Ну, въ окошко ступай сюда.

— Въ окошко-съ?..

Она подняла голову и не знала на что рѣшиться, потомъ обернулась и, убѣдившись, что на улицѣ никого нѣтъ, уцѣпилась за раму и такъ быстро прыгнула въ окно, что Григорій Петровичъ едва успѣлъ отскочить отъ него.

Она прижалась въ уголъ комнаты и пугливо, то подымая, то опуская глаза, осматривала ее.

— Ну, садись, Таня, стоя нельзя учиться.

— Можно-съ! еле слышно отвѣтила она, и такъ взглянула на Шпигеля, какъ будто подсмѣивалась надъ совершен-

ной невозможностью его предложенія, какъ будто говорила: «вы баринъ, какъ я смѣю сидѣть съ вами».

Онъ съ трудомъ усадилъ ее на кончикъ дивана, взялъ листъ бумаги, карандашъ, и самъ сѣлъ возлѣ.

— Это какая буква? спросилъ онъ, начертавъ крупное А.

— А, отвѣтила дѣвочка и встать хотѣла.

Шпигель удержалъ ее.

— А эта?

— Бе!

Онъ ей написалъ всю азбуку; нѣкоторыя буквы она знала, въ другихъ путалась.

— Хорошо тебѣ у барыни? спросилъ онъ.

— Хорошо-съ.

— Барыня добрая?

— Добренькіе-съ.

— Что-жъ ты дѣлаешь у нея?

— Ничего-съ... чулочекъ вяжу.

— Такъ ты, Таня, приходи учиться. Вотъ возми эту азбуку съ собой да повтори, можетъ еще какія буквы запомнишь, а завтра я спрошу. Придешь завтра?

Онъ сложилъ листъ и подалъ ей.

— Приду-съ! отвѣтила она, встала, сунула листъ за пазуху, и вдругъ быстро нагнулась и хотѣла поцѣловать руку Григорія Петровича.

Онъ отнялъ ее.

— Что ты, Таня, какъ можно... у мущинъ рукъ не цѣлуютъ! говорилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ; можно цѣловать только у отца да у матери... Тебѣ не у кого цѣловать... грѣхъ!

Она стояла наклонивъ голову, какъ будто провинилась въ чемъ.

Шпигель замѣтилъ ея смущеніе.

— Ты умница, только старайся—все знать будешь! одобрительнымъ тономъ проговорилъ онъ.

Она съ благодарностью, радостно посмотрѣла на него, потомъ подошла къ окну, спрыгнула въ палисадникъ и побѣжала.

— Завтра приходи! крикнулъ ей вслѣдъ Григорій Петровичъ и заперъ окно.

Эта повидимому ничтожная встрѣча съ простой дѣвочкой заняла Шпигеля, отвлекла на минуту его вниманіе отъ Елены Ивановны. Онъ взглянулъ на Таню, какъ на новый, до сихъ поръ незнакомый ему субъектъ; ея смущеніе, страхъ, трепетъ, жажда знанія удивили его; ему никогда не случалось въ простомъ человѣкѣ, въ ребенкѣ, встрѣтить такого порыва; онъ даже замечтался, пожалѣлъ о бѣдномъ мужикѣ, не имѣющемъ никакихъ средствъ образовать себя, порадовался впередъ, что нашелъ случай сдѣлать доброе, полезное дѣло—воспитать человѣка, удовлетворить его потребностямъ, быть можетъ, составить счастіе всей его жизни; онъ забылъ свой прежній, тяжелый вздохъ, вырвавшійся изъ груди его въ ту минуту, когда онъ черезъ окно, украдкой, любовался дѣвочкой, забылъ слова свои: «ты только дразнишь себя; трудно, трудно развиться тебѣ», и самъ съ жаромъ ухватился за это развитіе, увидѣлъ въ немъ какой-то долгъ, счелъ себя призваннымъ, обязаннымъ помочь ему, употребить все свое стараніе, всѣ силы.

— Человѣкъ изъ грязи подняться хочетъ—подло не пособить ему! проговорилъ онъ съ увлеченіемъ.

На другой день Григорій Петровичъ даже завязалъ съ Еленой Ивановной разговоръ близкій къ этому предмету: ему хотѣлось узнать ея взглядъ, ея образъ мыслей, вывѣдать почему Таня сказала, что барынька учиться не приказываетъ.

— Что это за дѣвочка? спросилъ онъ, указывая на прижавшуюся въ уголъ побѣгушку.

— Дѣвчонка, такъ, въ комнатахъ, изъ деревни взяли, небрежно отвѣтила Елена Ивановна.

— Умное личико, замѣтилъ Шпигель.

— Вы находите?.. На дѣлѣ очень глупа, вѣчно смѣется.

— Вѣроятно отъ любви къ вамъ.

— Да?.. какъ это лестно... Къ сожалѣнію я въ этихъ людей не вѣрю.

— Какъ не вѣрите?

— Такъ, не вѣрю... Они слишкомъ черствы для того, чтобы любить... грубы.

— Что-жъ дѣлать, развивать нужно.

— Кого?.. ее? шутя замѣтила Елена Ивановна и улыбнулась.

— Да хоть бы и ее, почему же нѣтъ, кто виноватъ въ ея грубости? Судьба, случай, неволя, рожденіе; развѣ нельзя ее выучить, образовать, изъ жалкой, ничтожной дѣвочки сдѣлать быть можетъ прекрасную, умную женщину; вѣдь она сырой матеріалъ — его можно обдѣлать какъ угодно, обратить во что хотите; вспомните, когда нибудь она сдѣлается матерью, у ней будутъ дѣти—тогда она ихъ разовьетъ и ихъ научитъ... а иначе... Онъ остановился.

Она все время пристально глядѣла на него, и вдругъ громко засмѣялась.

— Боже мой!.. mais vous êtes charmant, проговорила она; вы, кажется, хотите доказать, что эти люди лучше и умнѣе насъ. Вы такъ горячо симпатизируете имъ!

— Если не лучше, то покрайней мѣрѣ и не хуже; они одинаковы съ нами,—одна душа, одинъ умъ, только оболочка другая... Чѣмъ же виновата эта дѣвочка, если у ней руки грязныя? Докажите ей сперва, что это не хорошо, шепните ей объ ея человѣческомъ достоинствѣ, развейте ея вкусъ,—она насъ съ вами перещеголяетъ.

Елена Ивановна снова засмѣялась.

— Позвольте предоставить эту заботу вамъ, по крайней мѣрѣ со временемъ у меня будетъ горничная съ бѣленькими ручками, со вкусомъ, съ человѣческимъ достоинствомъ, читающая французскіе романы, говорящая о философіи, и вы, вы будете виновникомъ всего этого. Представьте, эта горничная пойдетъ въ деревню и научитъ философствовать своихъ сестеръ и братьевъ, мужиковъ, бабъ! добавила она довольно презрительно и снова засмѣялась.

— Я, Елена Ивановна, говорю не о философіи; къ чему пускаться въ крайности—замѣтилъ Шпигель нѣсколько обиженнымъ тономъ—мнѣ только жаль эту дѣвочку, жаль всѣхъ ей подобныхъ, слишкомъ жаль!.. Почему-жъ не сдѣлать доброе дѣло? Ну, научите ее только грамотѣ, научите ходить,

она и пойдетъ, куда нужно; дайте ей понять, что она такой же человѣкъ какъ и мы съ вами.

— Я повторяю, Григорій Петровичъ, вы меня очень обяжете, неугодно ли вамъ заняться этимъ; мнѣ не охота съ грязью возиться.

— Если позволите... Я отъ своего слова никогда не отступлюсь. Грязь сойдетъ скоро, а подъ ней много чистаго, новаго.

— Танька! крикнула Елена Ивановна.

Григорія Петровича нѣсколько покоробило.

Дѣвочка поблѣднѣла и подошла къ госпожѣ своей.

— Хочешь у барина учиться?.. Понимаешь ли, глупая, что значитъ учиться?... Читать будешь... лучше меня будешь? Вотъ ты теперь дрянь, чумичка, фи, какая, а тогда... Она снова засмѣялась. Дѣвочка молчала.

— Хочешь?.. говори же, дура?

— Хочу-съ! тихо отвѣтила она и вся задрожала.

— Такъ вотъ баринъ тебя учить будетъ, наказывать,— онъ строгій, ты ходи къ нему, каждый день, ходи, слышишь!.. Я васъ испытать хочу, ваше рвеніе, смотрите, отступаться нельзя... вы дали слово. Поздравляю васъ съ ученицей, съ будущимъ геніемъ! насмѣшливо добавила она и протянула Шпигелю руку.

Онъ пожалъ ее.

— А просьбу мою вы исполнили?.. Смотрите, иначе ученицу отниму! спросила она и, шутя, погрозила пальцемъ.

— Сегодня исполню! почтительно отвѣтилъ Григорій Петровичъ.

Она взглянула на него такими глазами, такъ хорошо, привѣтливо улыбнулась, такъ дружески пожала руку, что Шпигель, обидѣвшійся на Елену Ивановну, негодовавшій, досадовавшій на нее, готовый бранить ее, разомъ все простилъ ей. На щекахъ его выступилъ яркій румянецъ и легкая, пріятная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу.

Прямо отъ Перегориныхъ онъ отправился къ нѣкоторымъ изъ офицеровъ.

— Боже мой, что за женщина! говорилъ онъ какому-то молодцоватому пожилому ротмистру; въ ней столько поэзіи,

столько прелести, что, право, я боюсь ее... Мнѣ страшно смотрѣть на нее.

Ротмистръ громко захохоталъ.

— О, Гриша! О, невинность! воскликнулъ онъ.

— Что жъ тутъ удивительнаго? Ничего и смѣшнаго нѣтъ. Право, страшно, я, просто, боюсь сблизиться съ ней потому, потому... Шпигель замялся.

— Почему?

— Потому что могу влюбиться.

— Ну и влюбишься, что за важность? Какъ онъ свое сердце бережетъ, нѣженка! Я, братецъ, двадцать разъ былъ влюбленъ, а отъ женитьбы Богъ избавилъ; любовь—занятіе пріятное: гдѣ ручку поцѣловать, гдѣ губки, смотря по обстоятельствамъ—все это очень мило.

— Я не женитьбы боюсь, объ этомъ и думать нечего... во-первыхъ, она не пойдетъ за меня, во-вторыхъ, я самъ на ней не женюсь: она прелестная женщина, но не жена—женой она быть не можетъ.

— Вотъ какъ, тѣмъ пріятнѣе, значитъ нашего поля ягода! замѣтилъ ротмистръ и какъ-то иронически улыбнулся.

Шпигель посмотрѣлъ на него.

— Неправда, все это вздоръ, стыдно, грѣшно обижать женщину, такъ низко смотрѣть на нее... у нея характеръ такой. Я только не понимаю, зачѣмъ она кокетничаетъ со мной, къ чему это радушіе, это желаніе понравиться, что ей нужно отъ меня?!.. Въ какіе нибудь два, три дня,—вѣдь не могла же она влюбиться въ меня.

Ротмистръ потянулся на стулѣ.

— Эхъ, Гриша, Гриша! жаль мнѣ тебя, жаль и твою красавицу,—не въ коня кормъ. Хочешь, давай мѣняться квартирами?

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ?.. Успокоишься, бояться будетъ нечего.

— Нѣтъ, я квартирой доволенъ, я и безъ того могу не ходить къ нимъ.

— И не пойдешь?

— Нѣтъ, пойду. Съ моей стороны было бы крайне не вѣжливо... нѣтъ никакой причины... меня зовутъ, ласкаютъ.

— Пропадешь, Гриша!

— Нѣтъ! Я слишкомъ разсудителенъ, холоденъ. Богъ знаетъ почему, мнѣ кажется, что эта женщина врагъ мой, а между тѣмъ она мнѣ нравится; взглянешь на нее—и все простишь ей, все забудешь; она бѣлая, полная—ты знаешь, я люблю полныхъ женщинъ.

— Соловья баснями не кормятъ, прервалъ ротмистръ.

Шпигель нѣсколько обидѣлся, но не возражалъ товарищу.

— Ты у нихъ будешь? спросилъ онъ.

— Еще бы не быть... Смотри, Гриша, дорогу тебѣ перебью.

— Перебей! отвѣтилъ Григорій Петровичъ и задумался.

Только идучи домой онъ раскаялся въ своей излишней откровенности передъ товарищемъ; ему стало жаль Елену Ивановну, даже совѣстно передъ ней—онъ боялся полковыхъ толковъ. Скажутъ, что влюбленъ, смѣяться будутъ, думалъ онъ самъ съ собою, заговорятъ о ней. Богъ знаетъ, какъ она покажется имъ, только слава пойдетъ; этотъ Плотниковъ ужасный хвастунъ, на все смотритъ такъ низко. Она воспитана такъ, ребенокъ избалованный!

Въ этотъ день Григорій Петровичъ къ удовольствію Коршунова отобѣдалъ дома. Подъ вечеръ пришла къ нему Таня. Она выучила наизустъ всю азбуку, написанную имъ наканунѣ.

— Когда же ты выучить успѣла, вѣдь ты и буквъ не помнила? спросилъ онъ ее.

— Помнила, вы приказали-съ, за ночь выучила; у насъ въ комнатѣ ночничекъ горитъ... всѣ спать полегли—я и выучила.

Григорій Петровичъ пожалъ плечами.

— Ночью учиться нездорово, Таня, заболѣть можно; нужно беречь себя, сказалъ онъ съ какимъ-то восторгомъ, глядя на свою способную ученицу.

— Когда же-съ?

— Днемъ; день великъ, день Богъ создалъ для того чтобъ учиться, работать, дѣло дѣлать, а ночью—отдыхать нужно.

— Днемъ не велятъ-съ, увидятъ-съ, книжку сожгутъ-съ.

— Кто не велитъ?

— Матрена не велятъ-съ, ключница.

— Да вѣдь тебѣ барыня позволила?

— Все одно, не велятъ-съ... чулочикъ надо вязать.

Григорій Петровичъ вздохнулъ.

— Ну, садись, Таня, будемъ дальше учиться, сказалъ онъ.

Она сѣла уже не конфузясь, и только пристально, съ какою-то нѣмою, теплою благодарностью взглянула на своего покровителя.

Она принялась за склады, Шпигель писалъ ей, она повторяла вслѣдъ за нимъ, указывая рукою каждую букву.

Руки ея были чисто вымыты.

— Какія у тебя руки чистыя, замѣтилъ Григорій Петровичъ.

— Вчера вымылась! шопотомъ отвѣтила она и покраснѣла.

Онъ вспомнилъ вчерашнія слова свои, онъ понялъ какъ затронулъ самолюбіе ребенка и готовъ былъ разцѣловать ее.

— Вотъ и всегда мойся, видишь, какая ты сегодня хорошая, чистая,—всегда такъ нужно—и голову чесать нужно, и одѣваться, чтобъ все въ порядкѣ было, говорилъ онъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

Таня ничего не отвѣчала; она сидѣла, опустивъ глаза въ книжку, только сердце ея прыгало отъ радости, да руки нѣсколько дрожали. Она знала, что голова ея не была растрепана по вчерашнему, что ноги были обуты въ чулки и не болтались въ огромныхъ, стоптанныхъ башмакахъ.

По окончаніи урока, она обратилась къ Шпигелю.

— Ныньче картинку показывали-съ, нашъ поваръ купилъ, произнесла она какъ бы сама съ собою.

— Какую картинку?

— А чортъ такой сдѣланъ страшный, а подъ нимъ полымя,—это, сказываютъ, кто грѣшить будетъ, такъ тотъ въ полымя попадетъ.

Григорій Петровичъ улыбнулся.

— Это не правда, Таня, этимъ только народъ пугаютъ, чтобъ онъ боялся чего нибудь, худаго не дѣлалъ; грѣшить скверно—отъ грѣха человѣкъ пропадаетъ, никуда негоднымъ дѣлается... Нужно доброй быть, всѣхъ любить, никому зла

не дѣлать—тогда и грѣшить не будешь, всѣ и скажутъ про тебя, что ты дѣвочка хорошая, умная!

Таня ничего не отвѣчала. Она сидѣла выпрямившись, приподняла вверхъ свои тонкія брови, лобъ ея сморщился, глаза были опущены внизъ, она внимательно слушала.

— Видишь, продолжалъ Григорій Петровичъ, Богъ все создалъ, и землю, и деревья, и человѣка, и животныхъ, все... Богъ сказалъ человѣку: вотъ тебѣ все дано, ты хозяинъ всего этого, трудись, наслаждайся, изъ всего пользу извлекай; если трудится человѣкъ, работаетъ—ему и грѣшить нѣкогда...

Дѣвочка все сидѣла неподвижно.

— Вотъ читать выучишься—все узнаешь; въ книжкахъ все написано, а чего не поймешь — меня спроси, замѣтилъ Григорій Петровичъ. А барыня что дѣлаетъ? добавилъ онъ.

— Барынька разговариваютъ-съ, къ нимъ офицеры пришли-съ, двое.

— Какъ, офицеры? переспросилъ Шпигель такъ тревожно, что даже Таня подняла свои глаза и быстро взглянула на него.

— Офицеры-съ, господа ваши-съ! пояснила она.

— А фамиліи не знаешь?

— Не знаю-съ, одного никакъ Павломъ Петровичемъ называли, а другой длинный, чернявый такой.

Завадкинъ и Котовъ, подумалъ Григорій Петровичъ. Задалъ своей ученицѣ новый урокъ и тотчасъ отпустилъ ее; онъ побоялся, что товарищи могутъ зайдти къ нему и не хотѣлъ, чтобъ они застали у него Таню.

— Идти или нѣтъ? подумалъ онъ и минуту спустя кликнулъ Коршунова и велѣлъ подать одѣваться. Онъ одѣвался очень проворно; всѣ движенія его отзывались какою-то лихорадочною поспѣшностью; руки слегка дрожали. Ему хотѣлось видѣть, какимъ образомъ приняты его товарищи, такъ же-ли любезна съ ними хозяйка, отдыхаетъ или нѣтъ отецъ ея, присутствуетъ ли Настасія Матвѣевна.

Когда онъ вошелъ въ гостиную Перегориныхъ, Елена Ивановна сидѣла на диванѣ, окруженная двумя офицерами.

Она весело смѣялась и что-то разсказывала. Григорій Петровичъ поклонился и подалъ руки товарищамъ.

— Prenez place... изъ всѣхъ васъ, господа, нашъ первый знакомый, замѣтила хозяйка.

— Желалъ бы имъ и остаться, подумалъ Шпигель, и помѣстился на креслѣ нѣсколько поодаль отъ офицеровъ.

Разговоръ возобновился, гости острили, разсказывали что-то очень забавное; Елена Ивановна то улыбалась, то просто отъ всей души хохотала, то сама говорила, то опускала, то подымала глаза, то какъ-то водила ими, взглядывая то на одного, то на другаго изъ офицеровъ.

Все то же самое, даже платье то же, туфли тѣ же, только пѣнія да музыки нѣтъ,—придетъ время и это будетъ, все будетъ! подумалъ Шпигель и какъ-то насмѣшливо, изподлобья взглянулъ на окружающихъ.

—Григорій Петровичъ, что съ вами? Я не узнаю васъ... вы разстроены... вѣроятно ученицей недовольны? вдругъ замѣтила Елена Ивановна и тотчасъ разсказала всю исторію съ Таней.

Шпигелю стало еще досаднѣе. Онъ слишкомъ дорожилъ взятою на себя обязанностью, видѣлъ въ ней что-то высокое, и до поры, до времени никому ни хотѣлъ сообщать о ней; онъ даже готовъ былъ отвѣтить колкостью, упрекнуть хозяйку, однако не нашелся и только закусилъ усы.

Прошло нѣсколько минутъ; гости встали и раскланялись, хозяйка протянула имъ руки—одному правую, а другому лѣвую, просила чаще бывать, пожаловалась на скуку, намекнула о музыкѣ, о томъ, что отецъ ея очень любитъ военныхъ.

— То же, то же! подумалъ Григорій Петровичъ и почти выбѣжалъ вслѣдъ за товарищами.

Они остановились на улицѣ.

— Ай—да Шпигель, какова барыня—прелесть, восторгъ! заговорилъ одинъ изъ нихъ.

— Великолѣпная женщина, чудо! подхватилъ другой.

— Пустая, безумная кокетка! Подобныя женщины для меня противны, ничтожны! вдругъ отозвался Григорій Петровичъ.

Офицеры вытаращили глаза.

— Гдѣ-же кокетка, что за вздоръ? Для женщины кокетство необходимо! Свѣтская, образованная дѣвушка! говорили они въ одинъ голосъ.

— Кокетка!... Все заученое, все, ничего естественнаго, кукла! повторялъ Шпигель, слѣдуя за офицерами.

Они заговорили тише, только энергическое размахиванiе руками да безпрестанныя остановки доказывали, что они горячо спорили.

Поздно вечеромъ воротился Григорiй Петровичъ домой. Онъ былъ въ самомъ дурномъ расположенiи духа, назвалъ Коршунова свиньей за то, что тотъ встрѣтилъ его безъ сюртука, въ одной грязной ситцевой рубашкѣ, выпилъ два стакана холодной воды и тотчасъ легъ спать.

Только на другой день, сидя за утреннимъ чаемъ, онъ нѣсколько успокоился; ему даже стало смѣшно, совѣстно за свою вчерашнюю горячность; онъ ясно разсудилъ, что расчитывать на какое-то особенное вниманiе Елены Ивановны не имѣетъ никакого права, да и не хочетъ этого вниманiя, что она исполняла только должность милой, любезной хозяйки, что она должна была принять офицеровъ точно также, какъ приняла его.

— Изъ чего же я бѣсился, что тревожило меня? Что за нелѣпость такая! подумалъ онъ самъ съ собою и засмѣялся.

Вечеромъ пришла Таня и окончательно разсѣяла Шпигеля. Богъ знаетъ почему ему даже сдѣлалось очень весело; онъ былъ доволенъ этимъ тихо проведеннымъ днемъ, въ бесѣдѣ съ самимъ собою,—точно обновился, что-то стряхнулъ съ себя. Онъ въ первый разъ отдохнулъ, освѣжился, сосредоточился отъ всѣхъ этихъ внезапныхъ, разомъ прихлынувшихъ треволненiй. Ему стало досадно за прошедшее, онъ думалъ, что навсегда отрезвился отъ него, и съ какой-то злой ироніей подсмѣивался надъ самимъ собою.

IV.

Прошло нѣсколько дней. Григорiй Петровичъ, казалось, совершенно успокоился, зажилъ своею обыкновенною, все-

дневною жизнью, ѣздилъ верхомъ, осмотрѣлъ городъ и его окрестности, кое-что прочелъ, кое-какія письма написалъ, только спокойствіе его отзывалось чѣмъ-то насильнымъ, вызваннымъ. У Перегориныхъ онъ не былъ, но за то не разъ порывался зайдти къ нимъ; ему казалось неловко, невѣжливо, вдругъ, безъ всякой видимой причины, оставить новыхъ знакомыхъ, не освѣдомиться даже о ихъ здоровьи; съ другой стороны, какое-то непонятное самолюбіе удерживало его, ему хотѣлось получить приглашеніе отъ Елены Ивановны, хотѣлось, чтобъ она сама вспомнила о немъ, замѣтила его отсутствіе. Часто Григорій Петровичъ смотрѣлъ изъ своего окна на зеленыя ставни сосѣдняго дома, часто поджидалъ чего-то или къ чему-то прислушивался, часто видѣлъ, какъ въ этотъ домъ входили его товарищи, часто собирался одѣться и пойдти, а разъ даже кликнулъ Коршунова, одѣлся, но тотчасъ же раздѣлся снова. Онъ никакъ не могъ дать себѣ отчета, почему этотъ домъ насильно лѣзетъ въ его голову, отрываетъ отъ дѣла, что наконецъ въ немъ особеннаго,—хорошенькое, женское личико и ничего больше.

— Красавица!.. такъ что—что красавица, Богъ съ ней!.. Вѣдь это глупо наконецъ, нельзя же льститься на невозможное, жалѣть о немъ! разсуждалъ онъ самъ съ собою,

Въ это время онъ даже съ какимъ-то тайнымъ намѣреніемъ разсѣять себя познакомился съ двумя другими домами, былъ обласканъ, тамъ тоже были и дѣвицы, и женщины, но онѣ нисколько не безпокоили его, онъ не думалъ, какъ и когда пойдти къ нимъ, а если и шелъ, то какъ бы на зло самому себѣ, съ досады, что вотъ дескать не у васъ однихъ можно пріятно время проводить.

Съ Еленой Ивановной и старикомъ генераломъ перезнакомилась между тѣмъ большая часть полковыхъ офицеровъ, слава о ней разнеслась по цѣлому полку. Вездѣ, гдѣ только собирались двое или трое изъ офицеровъ, вездѣ говорили о Перегориныхъ, о милой, обворожительной хозяйкѣ, о ея глазахъ, ручкѣ, ножкѣ, спорили о ея душевныхъ качествахъ, то бранили, то превозносили до небесъ, толковали о возможности жениться на ней, объ имѣющемся за нею приданомъ,

даже перечисляли счастливцевъ, могущихъ по своему положенію предложить ей руку. Толки, предположенія были самые разнообразные. Самъ полковой командиръ счелъ нужнымъ явиться къ генералу съ почтительнымъ визитомъ и, разумѣется, былъ обласканъ до нельзя. Елена Ивановна при этомъ торжественномъ случаѣ пустила въ ходъ всю свою очаровывающую любезность, такъ что посѣдѣвшій полковникъ возвратился домой съ какимъ-то туманомъ въ головѣ и долго смотрѣлся въ зеркало, точно не узнавалъ самого себя или любовался самимъ собою. Вездѣ, гдѣ только показывалась Елена Ивановна, ее окружали офицеры. Богъ знаетъ какъ и когда узнали они, въ какой она бываетъ церкви, по какимъ улицамъ гуляетъ, въ какіе дома ѣздитъ и тамъ перезнакомились.

Только Григорій Петровичъ казался хладнокровнѣе своихъ товарищей; онъ видимо отдѣлялся отъ нихъ, старался избѣгнуть ихъ посѣщеній; ему не хотѣлось слушать ихъ возгласы, ихъ сужденія; онъ досадовалъ, если кто нибудь дурно отзывался объ Еленѣ Ивановнѣ, и досадовалъ еще болѣе, почти бѣсился, когда другіе восхваляли ее. Онъ молчалъ, не вступалъ въ споры, отдѣлывался общими фразами, но это молчаніе, это наружное отдаленіе были насильственны; онъ не хотѣлъ говорить, потому что боялся наговорить слишкомъ много, боялся высказаться, раньше времени открыть себя.

Не смотря на все это, Шпигелю часто приходилось выслушивать всевозможныя мнѣнія о своихъ сосѣдяхъ; товарищи безпрестанно толкались у него: каждый, кто бывалъ у Перегориныхъ непремѣнно завертывалъ и къ нему. Только подъ вечеръ, когда приходила Таня, отдыхалъ Григорій Петровичъ: онъ не сказывался дома, запиралъ на ключъ двери, спускалъ сторы на окнахъ и весь отдавался своей ученицѣ, и радостно слѣдилъ за ея развитіемъ.

Елена Ивановна торжествовала, каждый день она облачалась въ различныя платья, чесала на разные манеры волосы, то роспускала ихъ длинными локонами, то собирала на затылкѣ въ массивную косу, то небрежно забрасывала назадъ, то окаймляла свой лобъ мелкими букольками; даже

лицо ея какъ будто мѣнялось, по крайней мѣрѣ глаза смотрѣли не одинаково. Она забыла Григорія Петровича, да и нельзя было не забыть. Въ умѣ ея уже носилась цѣлая масса офицеровъ; съ утра до поздняго вечера она никогда не оставалась одна, одни лица смѣнялись другими. Вѣчная гостья Перегориныхъ, Настасья Матвѣвна, чаще прежняго гадала на картахъ, видѣла самые благопріятные сны и уже жениховъ насчитывала, причемъ Елена Ивановна только пріятно улыбалась, опускала глаза, краснѣла и божилась, что совсѣмъ замужъ не хочетъ.

Наступилъ день рожденія генерала.

Коршуновъ еще съ утра, безъ всякаго приказанія, приготовилъ барину мундиръ, такъ что Григорій Петровичъ волею или неволею облачился въ него, впрочемъ, во всякомъ случаѣ, и безъ этого лишняго со стороны деньщика усердія Шпигель располагалъ быть у Перегориныхъ, даже нетерпѣливо ждалъ этого дня, приготовлялся къ нему. Онъ отправился съ визитомъ и скоро возвратился въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Елена Ивановна приняла его одна, и дружески, какъ самому близкому знакомому, пожала руку.

Весь этотъ день прошелъ въ какомъ-то лихорадочномъ ожиданіи. У Перегориныхъ была суета страшная: къ дому ихъ безпрестанно подъѣзжали самые разнообразные экипажи различныхъ городскихъ сановниковъ. Генералъ въ мундирѣ, съ крестами на груди, торжественно принималъ ихъ въ своемъ кабинетѣ; нѣкоторымъ жалъ руки, и звалъ вечеромъ на чашку чая, другимъ сухо кланялся. Въ гостиной Елену Ивановну осаждали дамы. На генеральской кухнѣ немилосердно стучали повара, по двору поминутно сновали горничныя и лакеи. Суетились также и офицеры. Какой-то молодой прапорщикъ очень тщательно цѣлое утро мылъ свои перчатки и потомъ просушивалъ ихъ на солнцѣ, другой чистилъ эполеты, третій уже пожилой господинъ долго выдергивалъ изъ носа совсѣмъ не кстати торчавшіе волоски. О городскихъ дамахъ, удостоившихся чести быть приглашенными на вечеръ, и говорить нечего,—у нихъ была возня такая, что

какая-то горничная съ отчаянія сбѣжала отъ господъ своихъ именно въ этотъ вечеръ, такъ что ее потомъ долго отыскать не могли. Даже Коршунова и того одолѣла не малая забота: онъ былъ приглашенъ въ помощь генеральской услугѣ и такъ нафабрилъ свои жесткіе, щетинистые усы, такъ затянулъ галстухъ, что Григорій Петровичъ только ахнулъ и руками всплеснулъ.

Наступилъ наконецъ вечеръ.

Шпигель отправился довольно поздно. Онъ хотѣлъ соблюсти нѣкоторый тонъ. Когда онъ вошелъ въ гостиную Перегориныхъ, она была уже полна народу. Елена Ивановна стояла въ сторонѣ, окруженная цѣлою толпою молодежи, такъ что Григорію Петровичу нельзя было поклониться ей. Онъ облокотился о рояль и отъ нечего дѣлать принялся разсматривать окружающее общество. Въ гостиной были преимущественно женщины, исключая толпы, увивавшейся около хозяйки. На диванѣ, выпрямивъ спины, сидѣли двѣ сморщенныя старухи и какъ будто злились другъ на друга; около нихъ, въ довольно строгомъ, симетрическимъ порядкѣ, размѣстились дѣвицы и молодыя дамы, и, Боже мой, съ какимъ расчетомъ хозяйка умѣла выбирать своихъ гостей, какъ она неизмѣримо отдѣлялась отъ нихъ. Ни одного порядочнаго личика, ни одного костюма со вкусомъ, ни одной головки, на которой бы можно отдохнуть, остановиться. Всюду красныя плечи, красныя руки, тупые, ничего невыражающіе взгляды, грязно голубыя и грязно розовыя платья, безобразныя наколки, измятые цвѣты. Григорій Петровичъ даже вздохнулъ и глаза опустилъ. Все общество въ гостиной больше молчало и изрѣдка мѣнялось отрывочными фразами; шумѣлъ только кружокъ въ сторонѣ.

Столовая была приготовлена для танцевъ; въ кабинетѣ помѣщались мущины и играли въ карты. Самъ хозяинъ бесѣдовалъ съ полковымъ командиромъ.

Вдругъ Елена Ивановна отдѣлилась отъ толпы и поравнялась со Шпигелемъ. Онъ молча поклонился ей. Дрожь пробѣжала по жиламъ его. Щеки покраснѣли, въ глазахъ помутилось,—такъ поразительно хороша она показалась.

На ней было бѣлое воздушное платье; бѣлыя пышныя плечи, прикрытыя легкимъ тюлемъ, едва замѣтною чертою отдѣлялись отъ него; по нимъ скользили два большіе густые локона, въ косу была заткнута бѣлая чуть-чуть розоватая роза; ничего цвѣтнаго—точно невѣста, только широкая, розовая лента, перехваченная на таліи, длинными концами извивалась на переди платья.

Она улыбнулась, кивнула головой и прошла далѣе, но тотчасъ же возвратилась снова.

— Я надѣюсь... позвольте васъ просить, pour une contredanse, довольно робко проговорилъ Шпигель, слѣдуя за хозяйкой.

— Я на всѣ ангажирована; небрежно, мимоходомъ отвѣтила она и снова вмѣшалась въ толпу.

Григорій Петровичъ, какъ пудель, облитый водою, отошелъ къ роялю.

На дворѣ грянула полковая музыка. Онъ не ожидалъ ея и вздрогнулъ; въ залѣ начали устанавливаться пары.

Къ Еленѣ Ивановнѣ подошелъ полковой командиръ. Шпигель закусилъ усы и самъ не зная зачѣмъ началъ напяливать на правую руку перчатку, потомъ вышелъ въ залу, оглядѣлся кругомъ и помѣстился какъ разъ позади хозяйки, за портьерой, въ дверяхъ, такъ что она не могла видѣть его.

Музыка снова заиграла, начались танцы.

— Первый нашъ знакомый, M-r Шпигель, говорила Елена Ивановна своему кавалеру, слегка махая вѣеромъ на свое разгорѣвшееся личико.

У Григорія Петровича екнуло сердце, онъ навострилъ уши.

— О, это очень достойнѣйшій офицеръ, очень образцовый офицеръ! отвѣтилъ полковой командиръ.

Онъ былъ изъ Шведовъ и не совсѣмъ правильно, съ нѣкоторой натяжкой выражался по-русски.

— Да, папенька его очень полюбилъ. Онъ кажется такъ аккуратенъ, расчетливъ, продолжала Елена Ивановна.

— Да, безъ этого невозможно; тому, кто ничего не-

имѣетъ, это очень хорошую честь дѣлаетъ, простодушно замѣтилъ командиръ, совершенно неподозрѣвавшій уловки дальновидной хозяйки.

— Да-а! неопредѣленно отвѣтила она и принужденно засмѣялась.

Григорій Петровичъ поблѣднѣлъ и сжалъ кулаки.

Изъ этихъ двухъ словъ онъ все понялъ, понялъ, чего добивалась Елена Ивановна, на что расчитывала.

Самолюбіе его ущипнули за живое; ему стало стыдно, больно; онъ готовъ былъ закричать и только пожалѣлъ самого себя, пожалѣлъ о своей бѣдности, о томъ, что судьба его сдѣлала простымъ, армейскимъ офицеромъ, надѣлила его только поручичьими эполетами.

— Вы смѣло можете сказаться царицей этого бала, этого собранія; намъ, старикамъ, всему этому повѣрить можно, говорилъ нѣсколько спустя полковой командиръ, подбрякивая шпорами и выпрямляя грудь.

— Благодарю васъ, я принимаю ваше названіе въ одномъ случаѣ, если вы согласитесь царемъ быть... Я вашей старости не вѣрю! кокетливо отвѣтила Елена Ивановна.

Григорій Петровичъ тяжело вздохнулъ, и, повѣся голову, выбрался изъ своей засады.

Въ слѣдующую кадриль онъ пошелъ танцовать. Нарочно выбралъ самую дурную, сморщенную дѣвицу въ полиняломъ платьѣ, и сталъ vis-à-vis съ хозяйкой; имъ овладѣла какая-то безотчетная досада, ревность, почти злоба; ему хотѣлось какъ бы ни было отмстить ей, показать свое равнодушіе, чѣмъ нибудь возбудить ея вниманіе.

Елена Ивановна танцовала съ тѣмъ самымъ молодцоватымъ ротмистромъ, которому Шпигель первому сообщилъ о своемъ новомъ знакомствѣ.

— Вы сегодня не любезны, посмотрите, ваша дама скучаетъ, проговорила она съ насмѣшкой, переходя на сторону Григорія Петровича.

— Да, я не могу быть любезенъ всегда одинаково, со всѣми! повторилъ онъ ядовито, съ особеннымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ и взялъ за руку свою даму.

Елена Ивановна со смѣхомъ взглянула на него и перелетѣла къ ротмистру.

— Я влюбленъ, очарованъ! твердилъ послѣднiй, небрежно выдѣлывая па.

— Кѣмъ? спросила она.

— Угадайте, догадаться не трудно, отвѣтилъ онъ и довольно нахально взглянулъ на нее.

Она улыбнулась и снова перешла къ Шпигелю.—Григорiй Петровичъ, faites grace, слѣдующiй кадриль протанцуйте съ этой дѣвицей... прехорошенькая! она указала на сидѣвшую въ уголкѣ какую-то рыжеволосую госпожу.

— Я, Елена Ивановна, лучше знаю съ кѣмъ танцовать, прошу васъ выборъ мнѣ предоставить, отвѣтилъ онъ довольно рѣзко и принялся любезничать съ своей дамой.

Елена Ивановна почти захохотала ему въ лицо, повернулась и подала руку своему кавалеру.

Кадриль кончился. Елену Ивановну снова окружила цѣлая толпа молодежи.

Григорiй Петровичъ больше не танцовалъ. Онъ цѣлый вечеръ, молча, украдкой, какъ-то подозрительно наблюдалъ за хозяйкой; онъ страдалъ, а между тѣмъ самъ навязывался на это страданiе; онъ зналъ, что Еленѣ Ивановнѣ не до него, что она не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманiя, развѣ только при случаѣ кольнетъ, усмѣхнется, что слова полковаго командира навсегда оттолкнули ее отъ него, положили вѣчную между ними преграду; онъ даже смотрѣлъ на нее съ какимъ-то презрѣнiемъ, какъ на что-то жалкое, недостойное себя, а между тѣмъ все-таки смотрѣлъ, впивался глазами, не могъ ихъ оторвать отъ нея.

Началась мазурка. Григорiй Петровичъ стоялъ впереди въ числѣ зрителей, сзади помѣщался какой-то другой офицеръ.

Елена Ивановна должна была выбирать кавалера. Она пронеслась по всему кругу, точно искала чего-то, и вдругъ такъ близко остановилась передъ Шпигелемъ, что ему слышно было ея разгоряченное дыханiе.

— Laissez passer, произнесла она и вытащила за руку стоявшаго за нимъ товарища.

Григорій Петровичъ весь вспыхнулъ; зала со всѣми танцующими закружилась въ глазахъ его; онъ кое-какъ выбрался изъ круга, схватилъ свою фуражку и почти бѣгомъ отправился домой. У себя въ комнатѣ онъ сбросилъ съ себя мундиръ и кинулся на кровать; его била лихорадка. Онъ, кажется, готовъ былъ заплакать, какъ малый ребенокъ.

Боже мой, что я сдѣлалъ, что я сдѣлалъ тебѣ?.. За что ты преслѣдуешь, гонишь меня? шопотомъ твердилъ онъ самъ съ собою, что за пустая, нелѣпая женщина, что за подлость, какой-то постыдный торгъ—ни сердца, ни души, ничего нѣтъ; тѣло, тѣло, одно! Онъ схватилъ себя руками за голову и замоталъ ею, точно сожалѣлъ о комъ-то, точно на вѣки потерялъ что нибудь родное, близкое сердцу.

А между тѣмъ у генерала все гремѣла музыка и еще больше раздражала Григорія Петровича, увеличивала его тоску и злобу. Онъ все слышалъ: слышалъ, какъ кончилась мазурка, какъ гости загремѣли стульями и ужинать сѣли, какъ разомъ закричали ура и разомъ смолкли, какъ разъѣзжаться стали.

Прощается... всѣмъ руки жметъ, всѣмъ! невольно подумалъ Григорій Петровичъ и тяжело вздохнулъ.

Только на разсвѣтѣ заснулъ онъ, да и то тревожно, пополамъ съ бредомъ; ему все мерещился этотъ проклятый балъ со всѣми его аттрибутами, съ рѣчами и взглядами.

Утромъ онъ сперва хотѣлъ отправиться къ Еленѣ Ивановнѣ, потребовать у ней объясненія во вчерашнихъ насмѣшкахъ, наговорить много непріятнаго, высказать самую желчную правду, окончательно прервать всякое сношеніе съ ней, даже въ случаѣ надобности пожаловаться отцу, однако остался дома и разсудилъ личное, тяжелое объясненіе замѣнить письменнымъ. Долго онъ сидѣлъ задумавшись надъ листомъ почтовой бумаги, соображая, какъ бы рѣзче начать письмо, какъ сильнѣе, энергичнѣе выразить свое негодованіе, и даже презрѣніе; нѣсколько разъ начиналъ писать, потомъ снова бросалъ и наконецъ, послѣ долгаго раздумья и усилій, сочинилъ слѣдующее посланіе.

«Милостивая государыня Елена Ивановна,

Вчерашній вечеръ слишкомъ дорого стоилъ мнѣ. Онъ надолго останется въ головѣ моей, долго будетъ лежать упрекомъ на моей совѣсти. Только отъ васъ зависитъ разсѣять, смыть этотъ упрекъ, успокоить меня,—вотъ почему я осмѣлился писать къ вамъ. Простите меня, Елена Ивановна, я знаю, что вчера безъ всякой причины я осмѣлился оскорбить васъ, простите меня, я беру свое слово назадъ. Не знаю, что со мной сдѣлалось, у меня болѣла голова, разстроенному моему воображенію все представлялось въ черномъ свѣтѣ: вашу чистѣйшую улыбку я встрѣчалъ какъ насмѣшку, вашъ отказъ танцовать со мной принялъ за явное нежеланіе, между тѣмъ какъ онъ былъ совершенно законенъ, вы не вправѣ были поступить иначе, я самъ виноватъ въ немъ потому, что заранѣе не подумалъ о счастіи танцовать съ вами. Конечно, послѣ всего сказаннаго мною я становлюсь недостойнымъ того лестнаго вниманія, того добродушнаго привѣта, съ которымъ вы такъ обворожительно встрѣтили меня; я самъ потерялъ его, за добро заплатилъ зломъ я не смѣю оправдываться и прошу одного—снисходительнѣе взглянуть на мое безотчетное преступленіе, принять его за болѣзненный припадокъ, за проступокъ вслѣдствіе душевной боли, душевнаго потрясенія. Я знаю, что по всему, по положенію въ обществѣ, по уму, по образованію стою ниже васъ, я самъ сознаю свое ничтожество—у меня впереди ничего нѣтъ, васъ ожидаетъ все! Я бѣдный офицеръ, живущій однимъ жалованьемъ, и только!.. и потому-то я еще болѣе не могу простить себѣ, не могу ни оправдать, ни объяснить своего вчерашняго поведенія. Я думалъ лично просить вашего снисхожденія, но, признаюсь, у меня духу не хватаетъ, я не смѣю вамъ глаза показать, мнѣ стыдно, больно. Простите меня, Елена Ивановна, вѣрьте, что вы во мнѣ найдете самаго преданнаго вамъ человѣка! Примите меня въ ваше распоряженіе, въ вашу волю; я отдаюсь ей, я не употреблю во зло ее, я хочу только быть рабомъ вашимъ, я знаю, что такое я и что вы... этимъ вы докажете ваше великодушіе, ваше доброе сердце».

Григорій Петровичъ перечиталъ письмо, и глаза его сдѣ-

лались влажными, потомъ сложилъ, тщательно запечаталъ въ конвертъ, сдѣлалъ надпись, призвалъ Коршунова и отправилъ по назначенію.

И странное дѣло: это письмо, повидимому совершенно противоположное съ намѣреніемъ Григорія Петровича, разомъ успокоило его, онъ походилъ на человѣка, облегчившагося отъ какого нибудь тяжелаго сомнѣнія.

Получивши неожиданное посланіе, Елена Ивановна сперва очень удивилась, даже читать не рѣшалась, потомъ отъ всей души расхохоталась.

— Смотрите, Настасья Матвѣевна, вотъ мило! Шпигель пишетъ... Что съ нимъ, что онъ съ ума сошелъ! говорила она, передавая письмо своей обычной гостьѣ сосѣдкѣ.

Послѣдняя перевернулась на стулѣ.

— Да-съ... ужъ точно очень странно... сердце-съ! Покорили, на удочку попался! замѣтила она и скривила губы.

Елена Ивановна слегка покраснѣла.

— Да?.. можетъ быть, небольшая находка... нищій. За то сердце доброе, Богъ съ нимъ! Она вздохнула, потомъ встала и послала Захарку къ Шпигелю.

— Хотите съ ума сведу. Знаете, мнѣ захотѣть только стоитъ? очень весело сказала она и прищурила глаза на Настасью Матвѣевну.

— Что мудренаго, только зачѣмъ?.. Молодой человѣкъ, совсѣмъ.

— Какъ, зачѣмъ? Такъ! Она захохотала.

Черезъ минуту явился Григорій Петровичъ.

Елена Ивановна чуть не выбѣжала ему на встрѣчу.

— Mais mon Dieu! что съ вами, за что мнѣ сердиться на васъ, съ чего вы взяли? говорила она, дружески протягивая ему руку.

Онъ поднялъ опущенные глаза свои и невольно улыбнулся.

— Какъ, за что?.. За все... за вчерашнее! робко проговорилъ онъ, какъ провинившійся школьникъ предъ грознымъ учителемъ.

— За что, за вчерашнее?.. Я ничего не знаю, ничего не помню, не слыхала, не видала ничего.

— Ничего?

— Ровно ничего... помню только, что одну кадриль вы танцовали vis-à-vis со мной, а потомъ даже не знаю, танцовали вы или нѣтъ.

— Не знаете?.. Я не танцовалъ, отвѣтилъ онъ и слегка вздохнулъ.

— Вы бранили меня? какъ-то наивно спросила она.

— Бранилъ.

— И очень?

— Очень.

— И вы осмѣлились?

— Да!

— Больше бранить не будете?

— Никогда!

Она шутя погрозила ему пальцемъ и снова протянула руку.

— Смотрите... помните, вы отдаете себя въ мое распоряженіе, въ мою волю: не провинитесь... я... я ужасно злая.

Она кротко улыбнулась и устремила на него глаза свои.

Шпигель не выдержалъ. Его рука все держала ея руку; онъ быстро нагнулъ голову, пошатнулся, точно упасть хотѣлъ, и быстро выпрямился точно испугался, чего-то.

— Что съ вами? спросила она, и еще сильнѣе впилась своими глазами, точно дразнила, манила его.

— Rien, отвѣтилъ онъ.

— Bayard... ну!.. Она подняла свою руку и подставила къ губамъ его.

Онъ крѣпко поцѣловалъ ее; на глазахъ его блеснули слезы—ими онъ благодарилъ за поцѣлуй, за дружбу.

Въ комнату вошелъ генералъ.

Довольный, счастливый, съ выросшими крыльями возвра-

тился Григорій Петровичъ домой; на душѣ его было тепло, весело, точно онъ достигъ какой нибудь жизненной цѣли, точно самъ любилъ и получилъ удостовѣреніе въ любви. Онъ ничего не жалѣлъ, ни о чемъ не думалъ, ни къ чему не стремился, во все вѣровалъ,—онъ былъ упоенъ настоящимъ. Скажи ему Елена Ивановна, что она завтра же замужъ выходитъ, что полковой командиръ или кто другой женится на ней, онъ бы благословилъ ее, не выразилъ бы ни сожалѣнія, ни упрека, онъ бы попросилъ только позволенія остаться рабомъ ея, т. е. цѣловать иногда ея руку, видѣть ея ясную улыбку; онъ былъ убѣжденъ, что относительно самого себя достигъ полной цѣли, нашелъ все возможное и любовался своей находкой, какъ любуется человѣкъ чистымъ, безоблачнымъ, голубымъ небомъ. Его ласкала, убаюкивала какая-то неясная, безотчетная надежда; онъ въ ничемъ видѣлъ все, точно предчувствовалъ, что это все свершится для него, овладѣетъ имъ, что оно неизбѣжно, какъ законъ природы.

Вечеромъ пришла Таня.

Григорій Петровичъ и на ней выразилъ свое настроеніе духа, свое полное упоеніе. Богъ знаетъ почему погладилъ ее по головѣ и назвалъ хорошенькой, такъ что бѣдная дѣвочка отъ неожиданной ласки сконфузилась совершенно; сообщилъ ей, что очень веселъ сегодня и безъ всякой причины засмѣялся, а когда Таня сидя за урокомъ повторяла склады и водила по нимъ своей рученкой, онъ до того забылся, такъ увлекся, что вдругъ ни съ того ни съ сего, нагнулся и поцѣловалъ ея руку.

Дѣвочка даже отъ стола отскочила, щеки ея вспыхнули, губы задрожали, она мигомъ ударилась въ слезы.

Григорій Петровичъ какъ ошалѣлый смотрѣлъ на нее.

Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ? Со сна или на яву ему вздумалось поцѣловать руку простой дѣвчонки; показалась ли ему эта рука другою, дѣйствительно ли онъ поцѣловалъ ее, или только губами приложился къ ней? Онъ даже обернулся какъ бы сомнѣваясь не вздумалъ ли кто

нибудь подшутить надъ нимъ и насильно нагнуть его голову, не видалъ ли кто этого поцѣлуя, не слыхалъ ли его. Онъ и самъ покраснѣлъ и не зналъ, что говорить, что дѣлать,— ему было неловко, совѣстно. Онъ не зналъ; обидѣлъ ли Таню или испугалъ только.

Она сидѣла закрывши глаза руками и плакала.

— Таня, заговорилъ наконецъ Григорій Петровичъ, извини меня, я нечаянно, ей Богу нечаянно, я не зналъ, что ты заплачешь... я и поцѣловалъ.

— У тебя руки ныньче чистенькія, мнѣ весело сегодня! добавилъ онъ оправдательнымъ тономъ.

Она все плакала.

— Что жъ ты Таня, неужто сердишься? прости, пожалуйста, Таня?!

Онъ насильно отнялъ отъ глазъ ея руки.

Она взглянула на него и какъ-то нервически-невольно засмѣялась, а между тѣмъ по щекамъ ея текли слезы.

— Вотъ такъ-то лучше. Полно, полно, Таня!.. Вѣдь я пошутилъ только, заговорилъ обрадованный Григорій Петровичъ.

Она принялась проворно вытирать рукавомъ отъ платья мокрые глаза свои, но все-таки не могла удержаться—то смѣялась, то всхлыпивала. Григорій Петровичъ принудилъ ее выпить стаканъ воды. Она успокоилась.

— О чемъ же ты плакала, Таня, а? спросилъ онъ по окончаніи урока.

— Стыдно-съ!

— Отъ чего же стыдно?

— Вы баринъ-съ!

— Такъ что, что баринъ? Я такой же человѣкъ, какъ и ты. Ты выростешь—не хуже барыни будешь; ты умная, хорошая дѣвочка, учишься хорошо! Посмотри, какая ты хорошенькая, чистенькая... вотъ я и поблагодарилъ тебя,— тутъ стыда никакого нѣтъ. Смотри же не сердись, завтра приходи... скоро и читать выучимся! весело добавилъ онъ и проводилъ гостью до дверей.

Она вышла.

— Чортъ знаетъ, что такое сдѣлалось со мной? подумалъ Григорій Петровичъ, засмѣялся и пожалъ плечами.

Ночью, въ уголку, на грязномъ, убитомъ тюфяченкѣ, вся скорчившись, въ одной рубашенкѣ сидѣла Таня. Голова ея уткнулась въ колѣни, руки закрывали лицо, волосы въ безпорядкѣ разсыпались по плечамъ и шеѣ. Она тихо плакала. Богъ знаетъ, что было причиною этихъ слезъ. Съ вечера никто не обижалъ ее; она даже была веселѣе обыкновеннаго—Елена Ивановна подарила ей какую-то затасканную ленточку. Легла она спокойно, скоро заснула, и вдругъ, среди ночи, вздрогнула, проснулась, точно испугалась чего-то, сѣла, скорчилась и залилась слезами. Сонъ ли какой тревожный пригрезился ей, или просто, по народному повѣрью, домовой сдавилъ ее—она сама не знала; она плакала, потому что ей хорошо, отрадно было плакать, а если спросить о чемъ—не отвѣтила бы. Какая-то жгучая, внутренная боль стѣснила ея сердце, захватила дыханіе; ее сосало, томило что-то, точно въ ней зараждалось какое-то новое, незнакомое, непрошеное чувство, котораго она ни понять, ни назвать не умѣла, а только инстинктивно боялась его. Она перестала плакать, подняла голову и стряхнула съ лица волосы. Оно было совершенно блѣдно. Неподвижно устремленные, влажные, черные глаза при слабомъ свѣтѣ ночника блистали живѣе обыкновеннаго; въ нихъ отражалось что-то зрѣлое, точно дѣвочка со вчерашняго вечера постарѣла двумя, тремя годами, грудь ея высоко подымалась, голова горѣла, полураскрытыя губы запеклись и горячо, лихорадочно дышали. Она казалась нездоровою, дрожала и куталась въ какую-то ватную, засаленую кацавейку, да все правую руку крѣпко подъ мышку прятала, точно эта рука тревожила ее, точно она разбудила ее, была причиною ея слезъ, точно дѣвушка что-то берегла на ней, точно слѣдъ барскаго поцѣлуя не успѣлъ изчезнуть съ нея, точно этотъ поцѣлуй насквозь проникъ ее, какимъ-то жгучимъ клеймомъ навсегда отпечатался на ней. Она легла на подушку, приложила къ щекѣ эту руку, а другою глаза закрыла.

На другой день Таня проснулась какъ ни въ чемъ не

бывала, тѣмъ же кроткимъ, тихимъ недоросткомъ, какимъ была наканунѣ. Казалось, она даже не знала, не помнила, что съ нею ночью происходило, и робко, улыбающимися, подобострастными глазами, совсѣмъ не похожими на тѣ глаза, которые блистали ночью, украдкой, съ наслажденіемъ смотрѣла, какъ Елена Ивановна голову чесала.

А. ВИТКОВСКІЙ.

ТОКВИЛЬ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА.

Когда появилась въ русскомъ переводѣ книга Токвиля: *Демократія въ Америкѣ*, мы обѣщали высказать свое мнѣніе, какъ о достоинствѣ этой книги, такъ и о главномъ характерѣ политическихъ убѣжденій ея автора. Обѣщаніе было исполнено своевременно, хотя самая статья и запоздала своимъ напечатаніемъ... Но лучше поздно, чѣмъ никогда; и мы думаемъ, что никогда не поздно говорить о такихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ выражается направленіе идей цѣлой эпохи, идей, пережитыхъ нѣсколькими поколѣніями, теперь потерявшихъ свою жизненную силу и переданныхъ въ архивъ, но оставившихъ за собой широкій слѣдъ вліянія на умственное развитіе современныхъ имъ людей. Книга Токвиля имѣла четырнадцать изданій, была прочитана всей образованной Европой и долго пользовалась первостепеннымъ авторитетомъ между публицистами всѣхъ націй. Все это, конечно, не доказываетъ ни особеннаго превосходства идеи, ни истины ея;—мало ли произведеній и писателей, которые въ свое время были очень популярны, а теперь совсѣмъ забыты; но у хорошей книги всегда есть солидарность съ стремленіями и идеями своего поколѣнія, и этой солидарности она бываетъ обязана своимъ успѣхомъ. Большинство читателей любитъ и сочувствуетъ писателю не за то, что онъ открываетъ много новыхъ и глубокихъ мыслей, а за то, что онъ разъясняетъ наши собственныя понятія, угадываетъ и предупреждаетъ наши симпатіи; большинство требуетъ отъ мнѣнія не внутренней его силы и справедливости, а практическаго удовлетворенія своимъ интересамъ.

Если мы возвратимся къ эпохѣ тридцатыхъ годовъ, когда было издано первое сочиненіе Токвиля — *Демократія въ Америкѣ*,

если мы захотимъ уловить главную политическую идею этого времени, то увидимъ, что конституціонныя стремленія стояли во Франціи на первомъ планѣ. Ихъ представляло молодое поколѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ двухъ реставрацій; за эти стремленія было большинство финансовой и служебной аристократіи; за нихъ держалась королевская власть, ихъ развивали доктринеры и либералы съ красными ленточками въ петличкахъ и съ самымъ умѣреннымъ взглядомъ на вещи. Для этихъ либераловъ правительственныя формы были идеаломъ реформъ; они проектировали хартіи, министерства и кодексы также легко, какъ проектируетъ садовникъ аллеи и дорожки въ предполагаемомъ саду. Такіе вопросы, какъ собственность, право труда, право участія народа въ его собственныхъ дѣлахъ, экономическія отношенія сословій и коренныя основанія общественной жизни, мало или вовсе не обращали на себя вниманіе этихъ либераловъ. Между тѣмъ въ рукахъ ихъ была матеріальная сила, направленіе умовъ, всеобщая реакція Европы, вдвинутой Меттернихомъ въ шлюзы австрійской политики, и они принимали эти обстоятельства за непогрѣшимость своей доктрины и ожидаемаго ими прогресса. На противниковъ своихъ, типомъ которыхъ былъ Арманъ Кирель, они смотрѣли съ двусмысленной улыбкой и также двусмысленно покачивали головой, когда ихъ враговъ посылали умирать въ застѣнкахъ Шпильберга или на галерахъ неаполитанскаго берега.

Въ конституціонныхъ понятіяхъ этой эпохи была таже путаница, что и въ самомъ обществѣ. Съ паденіемъ первой имперіи Франція жила двумя преданіями, и постоянно колебалась между революціонной традиціей и умилительною довѣрчивостью династіи Бурбоновъ. Блескъ и дымъ побѣдъ Наполеона закрыли на-время отъ глазъ народа движеніе XVIII вѣка, но не уничтожили внутренней связи между старымъ и новымъ временемъ... Когда Лудовикъ XVIII въѣзжалъ въ Парижъ, въ голубомъ мундирѣ, съ орденомъ подвязки и съ представительнымъ дипломомъ въ рукѣ, онъ принужденъ былъ отказаться отъ половины прерогативъ своихъ предковъ. Ему напомнили, что феодальная монархія Лудовика XVI отошла въ область прошедшаго, что двери тюильерійскаго замка отворятся ему не иначе, какъ подъ условіемъ ограничить его власть. Король покорился, и конституція, наскоро составленная сенаторами наполеоновской школы, между военнымъ лагеремъ союзниковъ и толпой ренегатовъ, торговавшихъ будущей судьбой Франціи, по примѣру Талейрана, была подписана Лудовикомъ XVIII очень неохотно. Какъ компиляція худ-

шихъ сторонъ англійской представительной системы, обязанная своимъ происхожденіемъ силѣ и интригѣ, эта скороспѣлая конституція не могла выражать ни воли народа, ни представить достаточныхъ гарантій для національной свободы. Четырнадцатый параграфъ ея, предоставившій королю безусловное наблюденіе за *общественнымъ спокойствіемъ*, открывалъ полный произволъ военному деспотизму и полицейской власти. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда Франція еще не успѣла близко ознакомиться съ своими новыми правами, въ ея тюрьмахъ уже не было мѣста для политическихъ преступниковъ; семьдесятъ тысячъ гражданъ были арестованы въ послѣдніе мѣсяцы 1815 года. (Hist. des deux Restaurations, par Vaulabelle. т. II, гл. II). Возвратившіеся Бурбоны воспользовались всѣми средствами для ниспроверженія тѣхъ народныхъ правъ, которыя были вырваны у нихъ силой обстоятельствъ: смутное время какъ нельзя больше благопріятствовало ихъ намѣреніямъ. Быстрая смѣна правительствъ и государственныхъ учрежденій, игра страстей, распаленныхъ революціей и сдавленныхъ имперіей, столкновеніе партій, стоявшихъ подъ четырьмя враждебными знаменами—все это ослабило національное чувство страны и обезсмыслило политическую жизнь. Нація, измученная постоянными конскрипціями, тяжелыми налогами, потерявшая болѣе милліона самыхъ полезныхъ людей на поляхъ битвъ, наконецъ оскорбленная взятіемъ столицы и завоеванныхъ ею земель, равнодушно смотрѣла на ходъ событій, если только они не отнимали у нея послѣдняго куска хлѣба. При такомъ порядкѣ вещей Лудовику XVIII и Карлу X не трудно было обратить конституцію въ мертвую букву. Но пульсъ больнаго тѣла еще продолжалъ биться. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны растетъ реакція, грозящая разрушить послѣднія льготы, такъ дорого купленныя народомъ, съ другой стороны ведется безпрерывный рядъ заговоровъ и тайныхъ обществъ, организованныхъ на разныхъ пунктахъ Франціи. Правда, что въ этихъ заговорахъ играетъ главную роль духъ партіи и личной ненависти сословій, но общая цѣль ихъ обозначалась очень ясно; такъ или иначе они выражали общественное мнѣніе, заключенное въ самыя тѣсныя границы гласности.

Іюльскій переворотъ былъ слѣдствіемъ реставраціи, Опять борьба за конституцію и опять тотъ же результатъ; двѣсти тысячъ пролетаріевъ, покрывшихъ своими трупами улицы и площади Парижа, черезъ нѣсколько дней были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ ничтожной котеріи, измѣнившей только заглавіе хартіи. Лудовикъ—Фи-

липпъ понималъ, что держаться долѣе на прежней почвѣ, подготовленной ему Бурбонами, не было никакой возможности; вмѣсто старой аристократіи онъ выбралъ опорой буржуазію и обставилъ свой престолъ учеными министрами. Но дѣло попрежнему шло очень плохо. Живыя силы націи были оставлены въ пренебреженіи и замѣнены койкакими административными формами. Все, что находило для себя выгоднымъ опекать народъ своимъ участіемъ въ правленіи, бросилось на поискъ мѣстъ, и бюрократія снова заглушила самодѣятельность общества. Людямъ прямыхъ и честныхъ убѣжденій здѣсь нечего было дѣлать—они отошли въ сторону; общіе интересы націи снова были принесены въ жертву привилегированнымъ классамъ. Если разсматривать эту эпоху относительно политическаго воспитанія Франціи, то она представляется еще хуже реставраціи. Тамъ, по крайней мѣрѣ, деспотизмъ дѣйствовалъ открыто и часто искренно, а здѣсь онъ замаскировалъ себя великими обѣщаніями и фразами, отъ которыхъ черезъ семнадцать лѣтъ надо было спасаться на берега Англіи; тамъ была ошибочная, но строго проведенная система, а здѣсь трудно было отличить благородный подвигъ гражданина отъ купеческаго плутовства на биржѣ.

Среди этого поколѣнія пришлось дѣйствовать Токвилю. Онъ принялъ отъ него множество недостатковъ, онъ рвздѣлялъ его ошибки, впадалъ въ противорѣчія, двоился въ своихъ мнѣніяхъ, но онъ умѣлъ сохранить и достоинства, столь рѣдкія въ дѣятеляхъ его эпохи. Іюльская революція застала Токвиля молодымъ—25 лѣтъ отъ роду; черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ восшествія на престолъ Лудовика-Филиппа, онъ уже плылъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ Бомономъ въ Америку для изученія одиночной тюремной системы. Но, приступивъ къ изслѣдованію этого предмета, Токвиль не могъ остановиться на немъ одномъ; отъ его пытливаго взгляда не ускользнули вопросы болѣе интересные и важные—политическіе законы американской республики и приложеніе ихъ къ самой жизни. Желая провѣрить ихъ на самомъ мѣстѣ и убѣдиться въ ихъ дѣйствительной силѣ, онъ проѣхалъ Сѣверные Штаты, неутомимо наблюдая разнообразныя явленія этого оригинальнаго общества. Черезъ годъ, съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, онъ возвратился во Францію и приступилъ къ составленію книги: «Демократія въ Америкѣ». Свободный отъ служебныхъ обязанностей, полный силъ и энергіи, влюбленный въ миссъ Мотлей, въ свою будущую жену, съ вѣрой въ успѣхъ своего труда, онъ спокойно занимался имъ впродолженіе двухъ лѣтъ. Избѣгая развлеченій

и шумной жизни города, Токвиль удалялся въ уединенную мансарду и тамъ приводилъ къ концу свое лучшее произведеніе. «Эти два года (1832—1834), говоритъ біографъ Токвиля, вѣроятно, были самые счастливые въ его жизни», (Oeuvres et Correspond. de Tocqueville. Par Beaumont. T. I, стр. 37.) Первые два тома «Демократіи въ Америкѣ» явились въ началѣ 1835 года. Успѣхъ ихъ былъ огромный. «Не только во Франціи, говоритъ другъ Токвиля, успѣхъ «Демократіи» былъ блистательный, но и за границей, гдѣ книга тотчасъ же была переведена на всѣ языки. Что особенно замѣчательно, это— впечатлѣніе, произведенное ею въ той самой странѣ, о которой она разсуждала, т. е. въ Соединенныхъ штатахъ. Американцы не могли понять, какимъ образомъ иностранецъ, пробывшій среди нихъ не болѣе года, съ такой удивительной проницательностью могъ схватить ихъ учрежденія и нравы, проникнуть въ самое сердце предмета и изложить въ такой ясной и логической формѣ то, что представлялось имъ самимъ въ смутномъ видѣ. Нѣтъ ни одного знаменитаго человѣка въ американскомъ союзѣ, который бы не согласился, что конституція Америки и духъ законовъ ея объяснены ему Токвилемъ». (Oeuvres et Corresp., par Beaumont. T. 1, стр. 42).

Дѣйствительно, это было первое систематическое сочиненіе, бросившее свѣтъ на тѣ внутреннія стороны, которыя управляютъ движеніемъ громаднаго политическаго механизма. Токвиль прежде другихъ попробовалъ разъяснить соціальную связь между отдѣльными штатами, указать на взаимныя отношенія трехъ расъ, встрѣтившихся подъ однимъ государственнымъ горизонтомъ, но съ разными интересами и враждебнымъ покушеніемъ другъ на друга; онъ издали предвидѣлъ, что «самое ужасное изъ всѣхъ золъ, угрожающихъ опасностью будущему состоянію Соединенныхъ штатовъ, заключается въ присутствіи Негровъ на ихъ землѣ». (Démocr. en Amérique, изд. 13, т. I, стр. 412.) Всѣ эти вопросы были поставлены на видъ въ то время, когда европейская публика смотрѣла на Америку съ дѣтскимъ удивленіемъ, измѣряя ея силы своими собственными силами и навязывая ей предразсудки, которыхъ она не имѣла. Въ журналистикѣ подпимались дикіе возгласы противъ американской свободы, которую смѣшивали съ буйнымъ произволомъ единственно потому, что тамъ не было строго-организованной полиціи и правительственнаго вмѣшательства во всѣ поступки частнаго лица. Ультра-католики и защитники государственной теоріи, въ смыслѣ Гоббеса и подобныхъ ему лакеевъ, серьезно доказывали, что въ Америкѣ нельзя сдѣлать ни одного шагу безъ

револьвера въ рукѣ или не подставивъ кулака къ самому носу своего ближняго. Къ этому невинному убѣжденію присоединялась преднамѣренная клевета англійскаго торизма, еще живо помнившаго свое пораженіе, нанесенное ему возставшей колоніей. Наконецъ въ самой Америкѣ, едва вышедшей изъ кровопролитной борьбы за свою независимость, происходило броженіе молодыхъ силъ, оплодотворенныхъ свободными учрежденіями. Въ этомъ броженіи трудно было отличить случайныя событія отъ физіологическихъ явленій исторіи. Элементы, изъ которыхъ слагалось новое общество, еще не успѣли принять опредѣленную форму, а между тѣмъ свободная жизнь, ломая старыя преграды, текла подобно рѣкѣ въ полномъ ея разливѣ. Къ Америкѣ прибывали европейскія эмиграціи, приносившія съ собой отвагу и трудъ людей, которыхъ отдѣлялъ океанъ отъ могилы отцевъ и ставилъ лицомъ къ лицу съ неизвѣстнымъ будущимъ и чужимъ міромъ; въ Америкѣ съ волшебной быстротой заселялись пространныя пустыни, покрываемыя городами и фермами; здѣсь строились новые порты, увеличивался купеческій флотъ, разбрасывалась сѣть желѣзныхъ дорогъ, возрастало народонаселеніе каждые десять лѣтъ въ ариометической пропорціи, и во всемъ этомъ кипѣла самая подвижная и разнообразная дѣятельность. Уловить истинную физіономію такого общества было не легко, сгруппировать разбросанныя и едва обозначенныя черты его въ одну полную картину—еще труднѣе, но Токвиль это сдѣлалъ, и этому обстоятельству обязана его книга своей громкой популярностью. О недостаткахъ «Демократіи въ Америкѣ» я скажу послѣ, а теперь возвращусь къ ея автору.

Рѣдко случается современному писателю такъ счастливо выступить на литературное поприще, какъ выступилъ Токвиль. Первое сочиненіе дало ему европейскую извѣстность, сблизило его съ лучшими людьми, какъ во Франціи, такъ и за границей, и обезпечило ему на будущее время безбѣдное существованіе. Не прерывая своихъ ученыхъ работъ, онъ въ то же время дѣйствовалъ въ палатѣ депутатовъ, избранный представителемъ отъ округа Валона; здѣсь онъ постоянно находился на сторонѣ опозиціи до послѣдней минуты правленія Лудовика-Филиппа. За нѣсколько дней до февральскаго удара онъ произнесъ рѣчь, въ которой предсказалъ, что разгромъ приближается съ той стороны, съ какой всего менѣе ожидало его правительство; онъ упрекалъ министерство Гизо въ апатіи, въ равнодушіи къ опасному положенію страны, въ непонятномъ и слѣпомъ упорствѣ, съ которымъ полусонная министерская власть шла навстрѣчу

своему паденію. «Утверждаютъ говорилъ Токвиль, что нѣтъ опасности, потому что нѣтъ возстаній; думаютъ, что если нѣтъ наружныхъ взрывовъ на поверхности общества, то революція далеко отстоитъ отъ насъ. Позвольте мнѣ сказать вамъ, господа, что вы ошибаетесь. Нѣтъ сомнѣнія, что опасность угрожаетъ намъ не со стороны фактовъ, а со стороны самыхъ умовъ. Посмотрите, что̀ происходитъ среди рабочихъ классовъ, которые, правда, сегодня остаются спокойными. Ихъ волнуютъ собственно не политическія страсти, какъ это было нѣкогда; но развѣ вы не видите, что эти страсти изъ политическихъ обратились въ соціальныя?... Я думаю, что мы спимъ въ настоящую минуту на вулканѣ — я въ этомъ глубоко убѣжденъ». Эти слова оправдались черезъ три недѣли. Февральская революція,— третья великая революція въ исторіи Франціи,—приняла значительные размѣры по своему внутреннему значенію; изъ конституціонной борьбы она перешла на экономическую почву и коснулась самой щекотливой стороны общества — права собственности и труда. Токвиль безъ удивленія, но съ прискорбіемъ смотрѣлъ на вновь импровизированную республику; его душѣ были противны революціонные эффекты и государственный драматизмъ, а положительныхъ результатовъ онъ не ожидалъ отъ этого переворота; онъ видѣлъ, что̀ за люди стояли въ головѣ движенія, какимъ пустымъ крикунамъ нація ввѣрила свою жизнь и грядущія событія... За всѣмъ тѣмъ Токвиль не оставилъ сцены дѣйствія. Но чѣмъ дальше онъ слѣдилъ за происшествіями, тѣмъ сильнѣе убѣждался, что реакція возьметъ верхъ и побѣда опять останется за болѣе ловкимъ и дерзкимъ искателемъ приключеній. Слѣды грустнаго настроенія Токвиля въ эту пору остались въ его письмахъ къ Евгенію Стоффелю и Бомону. Въ одномъ изъ нихъ онъ писалъ такъ: «чувствуется, что старый міръ отходитъ; но какой же будетъ новый? Самые зоркіе умы нашего времени не могутъ отвѣчать на это утвердительно, такъ точно, какъ люди древніе не могли предвидѣть уничтоженія рабства, христіанской реформы, вторженія варваровъ и всѣхъ великихъ вопросовъ, обновившихъ лицо земли. Они чувствовали, что общество ихъ разлагается, — вотъ и все, что̀ они чувствовали»... (Correspond. т. I, стр. 461). Наконецъ, среди республиканскихъ формъ и фразъ, незамѣтно подошло 2 декабря 1851 года. Когда Токвиль замѣтилъ приближеніе этого дня, онъ поспѣшилъ оставить неаполитанскій берегъ, гдѣ намѣренъ былъ провести зиму, и явиться въ Парижъ. Въ назначенный день онъ былъ въ числѣ опонентовъ возникавшаго порядка вещей и вмѣстѣ съ другими былъ арестованъ и

отведенъ въ казарму. 3 декабря его перевели въ венсенскую тюрьму, гдѣ и окончилась политическая дѣятельность Токвиля; она окончилась съ послѣднимъ вздохомъ умиравшей свободы.

Теперь посмотримъ на самыя убѣжденія Токвиля. Мы ужъ замѣтили, что современные ему публицисты не отличались особенно твердыми и ясными воззрѣніями; въ ихъ мнѣніяхъ была замѣтна лихорадочная дрожь, недовѣріе къ собственнымъ силамъ, вялый скептицизмъ, чѣмъ обыкновенно сопровождаются рѣзкіе политическіе кризисы всѣхъ народовъ. Въ поколѣніи Токвиля, если можно такъ выразиться, соединялось нѣсколько различныхъ поколѣній съ разными мнѣніями, предразсудками и вѣрованіями. Въ немъ были люди, еще жившіе воспоминаніями феодальной эпохи, потомъ приверженцы революціоннаго времени, обстрѣленные съ ногъ до головы поклонники имперіи и наконецъ защитники представительной формы правленія; въ большей части изъ нихъ всего было понемножку, т. е. отчасти либерализма, отчасти консерватизма, нѣсколько Мирабо и нѣсколько Лудовика XVI. Многіе изъ нихъ еще серьезно думали, что, еслибъ взять нѣсколько старыхъ элементовъ, внесенныхъ во Францію средневѣковыми баронами и дюками, затѣмъ нѣсколько стихій изъ монархіи Бурбоновъ, кой-что изъ революціи, и изъ всего этого слѣпить одну націю, то эта нація была бы великой и свободной Франціей. Политическій фатализмъ и ренегатство были обыкновенными явленіями тогдашнихъ государственныхъ людей. Однимъ словомъ, это поколѣніе походило на пловцовъ, отбитыхъ непредвидѣнной бурей отъ одного берега и неприставшихъ къ другому. Само собою разумѣется, что у народа, заранѣе приготовленнаго къ участію въ своемъ собственномъ управленіи, такой неурядицы не могло случиться. Къ сожалѣнію, муниципальныя права его давно были вырваны съ корнемъ въ правленія Лудовиковъ XIV и XV; системы выборовъ и провинціальныхъ сеймовъ давно не существовало; парламентскія формы, никогда не имѣвшія дѣйствительнаго значенія, потонули въ общемъ кораблекрушеніи старой монархіи; нація была разорена и забита, какъ бѣдный школьникъ подъ ферулой учителя. Такимъ образомъ сфера политическихъ идей была самая узкая; что дѣлалось въ Парижѣ, какъ рѣшали судьбу тридцати трехъ милліоновъ людей, о томъ едва знали за чертой столичныхъ барьеровъ. Послѣ этого неудивительно, что и Талейранъ въ свое время считался политическимъ мудрецомъ, хотя онъ мнѣнія свои мѣнялъ еще чаще, чѣмъ бѣлье.

Кромѣ этихъ элементовъ, на убѣжденія Токвиля имѣли вліяніе

его личныя обстоятельства. Онъ принадлежалъ по рожденію старой дворянской фамиліи, въ которой сохранилось много наслѣдственныхъ понятій; отецъ его былъ образованный человѣкъ и превосходный писатель, но все еще мечтавшій о возстановленіи древнихъ общинныхъ правъ и не любившій династію Бурбоновъ только за ихъ домашніе пороки. Поэтому многія антипатіи были привиты къ автору «Демократіи въ Америкѣ» его воспитаніемъ и семейными привычками. Юношескіе годы его прошли въ кругу связей, составленныхъ его отцемъ, на половину изъ добродушныхъ либераловъ и на половину изъ королевскихъ чиновниковъ дюжиннаго разбора. Впослѣдствіи онъ былъ владѣтелемъ стариннаго замка, сохранившаго всѣ признаки феодальныхъ привилегій. Такимъ образомъ, внѣшняя обстановка, при которой развивался Токвиль, вовсе не благопріятствовала полному отрѣшенію его отъ наслѣдственныхъ убѣжденій. Онъ выросъ на конституціонной почвѣ и былъ убѣжденъ, что для Франціи въ ея настоящемъ состояніи самою лучшею формою правленія была бы представительная монархія. Изъ этого убѣжденія вытекали его политическія сужденія и поступки. Другимъ его мнѣніемъ, составлявшимъ задачу всей его жизни, была увѣренность, что демократическое равенство безъ свободныхъ учрежденій можетъ угрожать народной тираніей обществу, что современная Европа должна бояться за свое будущее именно съ этой стороны. Къ этому убѣжденію привела его исторія Франціи, которая со времени первой революціи постоянно боролась противъ сословныхъ привилегій и феодальнаго господства.

Доселѣ Токвиль былъ правъ; общая и главная идея его неоспоримо вѣрна, но когда онъ приступилъ къ ея приложенію и выводамъ, тогда оказалось построеніе его совершенно ложнымъ. Капитальная ошибка его теоріи состояла въ томъ, что онъ началъ мѣрить своимъ французскимъ аршиномъ всѣ человѣческія общества, какъ будто развитіе ихъ шло по одинаковой программѣ съ французской исторіей. Народы, достигшіе извѣстной степени соціальнаго строя, казались ему чѣмъ-то въ родѣ звѣринца, раздѣленнаго на отдѣльные разряды и клѣтки, подъ управленіемъ одного непремѣннаго закона. Если онъ, напримѣръ, видѣлъ опасность демократическихъ тенденцій во Франціи, не осилившихъ правительственной централизаціи, то такую же опасность онъ находилъ и въ швейцарской республикѣ, хотя послѣдняя столько же похожа на первую, сколько Англія XVIII вѣка на Японію XIX-го.

Тотъ же масштабъ Токвиль приложилъ и къ американскому Со-

юзу, разбирая составныя его части съ извѣстнымъ предвзятымъ воззрѣніемъ. Въ этомъ главная ошибка его книги. Америка, собственно говоря, послужила Токвилю рамой, въ которую онъ хотѣлъ вставить свою идею, и если рама была коротка для его мѣрки, то онъ вытягивалъ ее произвольно, а если длинна, то онъ укорачивалъ ее, постоянно сообразуясь съ своимъ французскитъ аршиномъ. Такъ католицизмъ представлялся ему новымъ ковчегомъ, въ который со временемъ войдетъ все человѣчество. Изъ этого онъ вывелъ заключеніе, что и въ Америкѣ католическая религія распространяется насчетъ протестантизма (Démocr. en Amérique т. II, гл. VI). Заглянувъ въ статистику тридцатыхъ годовъ, мы находимъ, что дѣйствительно число католиковъ значительно прибыло противъ прежнихъ лѣтъ; но прибыло ли оно вслѣдствіе обращенія американцевъ, или составляетъ случайный фактъ—это требовало еще повѣрки. Между тѣмъ Токвиль, остановившись на этомъ явленіи, поспѣшилъ рѣшить его въ пользу своей теоріи и возвести въ общій законъ для всѣхъ народовъ. Но такъ ли это? Не видимъ ли мы, напротивъ, что римскій католицизмъ въ послѣдніе три столѣтія постепенно падаетъ. Каждое новое событіе, отодвигающее Европу отъ среднихъ вѣковъ, прямо и косвенно наноситъ ему смертельный ударъ. Принципъ уже давно умеръ, но держится католическая каста и употребляетъ всѣ средства, чтобы продлить свое существованіе. Обставленная полицейской пропагандой—монашескими орденами и миссіями—она разбрасываетъ свои сѣти повсюду, и если ловитъ себѣ прозелитовъ среди полудикихъ народностей, то теряетъ ихъ гораздо больше у себя дома — въ Европѣ.

Что же касается Америки, то здѣсь прибыль католиковъ вовсе не зависѣла отъ того, чтобъ Янки питали особенное уваженіе къ Римской церкви и предпочитали ее протестантизму; нѣтъ, это явленіе объясняется гораздо проще—притокомъ европейскихъ эмиграцій изъ Ирландіи, Франціи и Италіи. Притомъ распространеніе католицизма было замѣтно особенно на американскомъ югѣ, гдѣ такъ долго господствовала Испанія и гдѣ религіозный абсолютизмъ могъ удовлетворять политическому абсолютизму плантаторовъ. Слѣдовательно Токвиль принялъ чисто-внѣшній фактъ за органическое явленіе современныхъ обществъ и поторопился заключить, что всѣ демократическія націи склонны къ принятію католицизма. Исторія европейскихъ народовъ представляетъ совершенно противоположные примѣры: Кто путешествовалъ по Швейцаріи, тотъ, вѣроятно, видѣлъ, какая огромная разница въ образѣ жизни протестантскаго и католическаго населенія. При одина-

ковыхъ условіяхъ климата, почвы и политическихъ учрежденій, католикъ живетъ несравненно хуже протестанта; у перваго вы не найдете ни той чистоты въ домашней обстановкѣ, ни такъ хорошо воздѣланнаго поля, какъ у втораго. Точно такую же параллель можно провести вообще между сѣверной и южной Европой.

Другой недостатокъ Токвиля заключается въ его страсти строить произвольные выводы на основаніи отрывочныхъ наблюденій и крайне неудовлетворительныхъ матеріаловъ. Есть особенный разрядъ умственныхъ организацій, которыя никакъ не могутъ ограничиться простымъ анализомъ вещей, а спѣшатъ каждому своему впечатлѣнію придать характеръ общей истины. Это—обыкновенные пріемы такъ называемыхъ идеалистовъ, наслѣдованные ими отъ средневѣковой схоластики. Метода этого научнаго лунатизма очень незамысловатая; они берутъ наудачу два-три явленія, осмотрятъ ихъ съ той стороны, съ какой имъ болѣе нравится, и потомъ выводятъ непреложный законъ, общій всѣмъ подобнымъ явленіямъ. Иные поступаютъ еще проще и, по нашему мнѣнію, гораздо практичнѣе: положимъ, что мнѣ выгодно, напримѣръ, увѣрить другихъ, что бѣдность лучше богатства, вотъ я и начинаю превозносить нищету со всѣми ея добродѣтелями; между тѣмъ какъ слушатели будутъ восхищаться моимъ краснорѣчіемъ, я преспокойно стану набивать свои карманы въ силу той вѣчной истины, что бѣдность благороднѣе богатства. Говоря такъ, мы вовсе не думаемъ, чтобъ человѣческій умъ совершенно отказался отъ синтеза и занимался однимъ безцѣльнымъ анализомъ, не формулируя свои наблюденія въ извѣстныя общія нормы, но мы хотимъ сказать, что произвольно построенныя системы гораздо вреднѣе самаго глубокаго невѣжества. А надо согласиться, что строго разработанныхъ истинъ въ нашемъ распоряженіи чрезвычайно мало. Притомъ надо знать, въ какой области предметовъ работаетъ нашъ умъ; такъ въ естественныхъ наукахъ мы можемъ быть смѣлѣе въ своихъ систематическихъ построеніяхъ, потому что наблюденія наши, вооруженныя инструментами и непосредственнымъ анализомъ, имѣютъ гораздо больше твердости и вѣроятія; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ предметами, которые можемъ разсѣчь на тончайшія волокна, подвергнуть химическому процессу, разсмотрѣть въ микроскопъ и сравнить съ милліономъ другихъ предметовъ того же рода. Но такъ ли мы наблюдаемъ въ исторіи и политикѣ? И можетъ ли быть здѣсь, хоть на одну минуту, полная увѣренность въ точности факта или нашего воззрѣнія на него? Въ исторіи мы занимаемся міромъ мертвымъ, отъ котораго остались одни

слова, знаки и разнообразныя воспоминанія, передаваемыя въ неясныхъ и произвольныхъ образахъ вымысла; здѣсь мы изучаемъ *дѣйствія* человѣка, въ его внѣшнихъ проявленіяхъ, и только можемъ болѣе или менѣе правдоподобно догадываться о тѣхъ внутреннихъ движеніяхъ воли, которыя управляютъ нашими дѣйствіями; эти движенія, замаскированныя различными оффиціальными формами, доходятъ до потомства въ ложномъ видѣ; при сравненіи историческихъ явленій у насъ нѣтъ главнаго орудія всякой точной науки—опыта, а безъ него можно только предполагать, а не утверждать. Поэтому всѣ историческія теоріи оказываются болѣе или менѣе заманчивыми иллюзіями нашего собственнаго воображенія. Въ политикѣ еще меньше твердой почвы для вѣрныхъ наблюденій; здѣсь настоящія пружины человѣческой дѣятельности совершенно закрыты; передъ нами стоятъ событія съ громкими именами, фразами и обѣщаніями, а между тѣмъ источникъ ихъ такъ мелокъ, что становится совѣстно не только за актеровъ, но и за зрителей; въ политическихъ манифестахъ, напримѣръ XVIII вѣка, мы постоянно читаемъ, что такая–то война, предпринимается для блага народа и славы отечества, а между тѣмъ ее предпринимаетъ какая нибудь Помпадуръ единственно для развлеченія Лудовика XV; мы постоянно слышимъ, что такой–то восточный властитель, желая осчастливить своихъ подданныхъ, посылаетъ имъ новаго правителя, а между тѣмъ этотъ правитель отправляется для явнаго грабежа и насилія... Поэтому не видя ни тайныхъ пружинъ, ни внутренняго механизма, управляющаго событіями нашей жизни, мы часто принимаемъ слова за самое дѣло и воздушные миражи за дѣйствительные предметы.

Точно такъ поступилъ Токвиль въ отношеніи американской демократіи. Основываясь на одномъ какомъ нибудь явленіи или даже сочиняя его въ собственной головѣ, онъ старается обобщить его въ политическій принципъ; построивъ силлогизмъ, онъ разбиваетъ его на нѣсколько отдѣльныхъ заключеній и всѣ сводитъ къ одному итогу. Но силлогизмъ оказывается ложнымъ, слѣдовательно, и всѣ выводы его распадаются въ прахъ. Чтобы выражаться яснѣе, мы возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Предложивъ себѣ вопросъ: какого рода деспотизмъ можетъ угрожать демократическимъ націямъ?—Токвиль отвѣчаетъ на него такъ: «Наши современники постоянно находятся подъ вліяніемъ двухъ непріязненныхъ страстей: они чувствуютъ необходимость въ руководителѣ и въ то же время хотятъ остаться свободными. Будучи не въ состояніи одолѣть ни тотъ, ни другой изъ этихъ инстинктовъ, они стараются удовлетворить ихъ вмѣстѣ. Они стремятся къ единой, покровительственной и всемогу-

щей власти, но избранной гражданами. *Они соединяютъ централизацію и высшую инициативу народа.* Это даетъ имъ нѣкоторый отдыхъ. Они утѣшаются тѣмъ, что состоятъ подъ опекой, воображая, что они сами избрали своихъ опекуновъ. Каждый позволяетъ привязать себя, видя, что не отдѣльное лицо и не сословіе, а весь народъ держи ъ конецъ этой веревки». (Démocr. en Amér., т. II, стр. 359). Итакъ, по мнѣнію Токвиля, вся бѣда современныхъ обществъ состоитъ въ томъ, что они одновременно ищутъ верховнаго права народа и правительственнаго покровительства. Но изъ чего же видно, что эти діаметрально-противоположныя стремленія составляютъ общую черту всѣхъ современныхъ націй? Неужели то же явленіе находимъ мы въ современной Англіи и Италіи? Но Токвилю нѣтъ никакого дѣла до этихъ вопросовъ; ему надо, во что бы то ни стало, подтвердить свою теорію, и онъ изъ частнаго случая возводитъ ее въ общее правило. А частный случай, подтверждающій его положеніе, представляется ему въ исторіи Франціи. Здѣсь, дѣйствительно, встрѣчается намъ этотъ фактъ, со времени большой революціи. Сбросивъ гнетъ стараго порядка вещей, она повела народъ къ уравненію его состояній, сблизила сословія, уничтожила тысячи тѣхъ преградъ, которыя лежали между народомъ и привилегированнымъ классомъ, но не дала этому народу свободныхъ учрежденій. Напротивъ, во время революціи и послѣ нея административная централизація увеличилась. Отчего это? Оттого, что современной Франціи недостаетъ именно тѣхъ началъ, за которыя такъ опасается Токвиль. Всѣ французскіе перевороты были совершены во имя гражданскаго равенства, а не политической свободы, т. е. во имя только одной половины правъ, составляющихъ полную организацію демократіи. Самъ же Токвиль прекрасно очертилъ это явленіе. И это явленіе совершенно понятно: въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ народъ вынесъ феодальный произволъ, и когда пришло время Франція соединила всѣ усилія на одномъ пунктѣ и съ нимъ однимъ боролась; но когда надо было устроиться и въ другомъ отношеніи, тогда она почувствовала, что у ней нѣтъ достаточно силъ,—нѣтъ ни муниципальной жизни, ни политическаго воспитанія, ни способности къ самоуправленію, ни даже истинной любви къ свободѣ. Поэтому она остановилась на одномъ разрушеніи и не могла ничего построить вновь. Но все это свойственно одной французской исторіи и отнюдь не можетъ быть принято за норму общечеловѣческаго прогресса, какъ это дѣлаетъ Токвиль.

Развивая свою мысль дальше, онъ приходитъ къ такому резуль-

тату: «Итакъ, мнѣ кажется, что въ демократическія эпохи особенно надо бояться деспотизма». Да изъ чего же это слѣдуетъ? Опять изъ того же, что Франція, добившись нѣкотораго равенства состояній, въ то же время усложнила свою административную машину. Но Токвиль и на этомъ не останавливается, онъ идетъ гораздо дальше: «въ Соединенныхъ штатахъ, говоритъ онъ, всемогущество большинства, покровительствуя легальному деспотизму законодателя, въ то же время покровительствуетъ произволу исполнительной власти. Большинство, безусловно располагая законодательной силой и наблюденіемъ за исполненіемъ ея, равно контролируя управляемыхъ и управителей, смотритъ на общественныхъ чиновниковъ какъ на своихъ пассивныхъ агентовъ и охотно возлагаетъ на нихъ заботы содѣйствовать его намѣреніямъ. Тамъ оно не входитъ предварительно въ подробности ихъ обязанностей и не беретъ на себя труда опредѣлять права ихъ. Оно поступаетъ съ ними какъ поступалъ бы господинъ съ своими слугами, который, видя ихъ постоянно передъ глазами, могъ бы исправлять и руководить ихъ каждую минуту». (Démocr. en Amérique., т. I, стр. 306). Изъ этихъ словъ ясно видно, что Токвиль усматриваетъ будущую тиранію демократическихъ обществъ въ произволѣ большинства. И въ этомъ заключается основная идея его теоріи, около которой онъ группируетъ разнообразные результаты.

Согласимся, что современныя демократическія общества, какъ американское и швейцарское, дѣйствительно страдаютъ этимъ недостаткомъ, нерѣдко покрывая силой общественнаго мнѣнія ужасныя злодѣянія; но имѣемъ ли мы право заключить изъ этого, что и на будущее время грозитъ человѣчеству та же опасность? Не есть ли это скорѣе случайный недостатокъ мало развитыхъ народныхъ автономій и плохо-образованнаго общественнаго мнѣнія? Извѣстно, что во Франціи всеобщая подача голосовъ сопровождалась самыми отвратительными злоупотребленіями—подкупами представителей народа, угрозами жандармовъ и раболѣпствомъ передъ всякимъ агентомъ правительства; извѣстно, какъ происходила вотировка въ Савоѣ и Ниццѣ, когда присоединяли ихъ къ коронѣ Наполеона III. Но развѣ такіе примѣры можно брать за принципъ? Развѣ невѣжество и политическая неспособность нѣкоторыхъ націй можетъ служить приговоромъ надъ будущими судьбами всего человѣчества? Нѣтъ, мы убѣждены, что ни одна нація еще не достигла того развитія, при которомъ была бы возможна полная народная самодѣятельность. Въ Англіи тормозитъ ее аристократія, въ Америкѣ—юридическая формалистика и партіи, что́ въ сущности та же аристократія.

Чтобы восполнить этотъ недостатокъ, обыкновенно обращаются къ представительной системѣ, къ выбору довѣренныхъ лицъ отъ народа. Положимъ, что эти лица могутъ быть хорошимъ органомъ въ выраженіи національныхъ интересовъ и, при извѣстномъ образованіи и гражданской честности, способны лучше обсуждать общественныя дѣла, чѣмъ самое большинство; но кто же станетъ серьезно утверждать, что представитель десяти или двадцати тысячъ людей можетъ вполнѣ понимать ихъ интересы и искренно сочувствовать имъ? И кто можетъ поручиться, что этотъ самый представитель, на котораго *нынче* положился народъ, *завтра* не будетъ подкупленъ какой нибудь партіей, домогающейся своихъ личныхъ выгодъ во вредъ всему обществу? А на что же контроль общественнаго мнѣнія? возразятъ намъ. Но понятіе, которое мы соединяемъ съ общественнымъ мнѣніемъ, такъ условно и растяжимо, что подъ нимъ можно разумѣть все, что угодно—мнѣніе преобладающаго сословія, правительственныхъ лицъ, нѣсколькихъ купцовъ или журналистовъ, однимъ словомъ той или другой партіи, у которой найдется побольше силы и ловкости въ управленіи общими дѣлами. Неужели на вѣсы такого общественнаго мнѣнія можно положить судьбу всего народа? Оно будетъ дѣйствовать пристрастно, своекорыстно, также деспотически, какъ правительство султана, и въ то же время прикрываться народнымъ именемъ, инниціативой всей страны.

Съ такимъ мнѣніемъ дальше своевольной и эксплуатирующей олигархіи уйдти нельзя. Но представимъ, что народная автономія развита въ высшей степени правильно и общественное мнѣніе заявляетъ себя съ самой лучшей стороны, тогда нѣтъ ни малѣйшей причины бояться демократической тиранніи, придуманной Токвилемъ. Странно было бы думать, чтобъ народъ сталъ угнетать самого себя. Поэтому всѣ споры о политическихъ формахъ и конституціяхъ, въ послѣднемъ результатѣ, сводятся къ слѣдующему вопросу: насколько народъ уменъ и честенъ, чтобы управлять собой? Въ этомъ вся его сила и счастіе. Слѣдовательно, задача нашего времени состоитъ не въ томъ, чтобы лѣпить разныя теоріи и системы правительствъ, а въ томъ, чтобы возвратить народу его здравый смыслъ, поднять общій уровень умственнаго образованія и нравственнаго достоинства націй.

Высказанныя нами замѣчанія столько же относятся къ теоріи Токвиля, сколько къ разглагольствованіямъ нашихъ самородковъ—публицистовъ, которые сочиняютъ намъ самоуправленіе изъ стараго англій-

скаго тряпья или изъ историческихъ началъ временъ Шемякина суда и подъячаго Катошихина... Сочиняйте въ добрый часъ! Современная жизнь не къ вамъ обратится за своими уроками и не отъ васъ ей ожидать своего обновленія... Токвиль также обманулся въ своихъ надеждахъ и пережилъ прочность своей системы. Онъ видѣлъ, какъ она рухнула передъ новыми требованіями народовъ. Теоретическіе принципы изложены въ послѣднихъ двухъ томахъ его книги; что касается двухъ первыхъ, гдѣ авторъ разбираетъ составъ американской конституціи, ея федеративную связь, коммунальныя права, отношенія народа къ своему правительству, внутрлнній антагонизмъ племенныхъ и экономическихъ началъ—всѣ эти главы превосходныя. Когда Токвиль держится чисто фактической стороны и строгаго анализа данныхъ, его взгляды отличаются вѣрной критикой и замѣчательными свѣдѣніями. И еслибъ онъ остановился на первомъ томѣ своего произведенія, книга его выиграла бы, какъ въ стройности изложенія, такъ и въ точности идеи.

Есть одна черта, которой Токвиль рѣзко отдѣляется отъ современныхъ ему мыслителей,—это уваженіе къ человѣческой личности, которую онъ ставитъ выше всѣхъ случайныхъ обстоятельствъ. «Я знаю, говоритъ онъ, что многіе изъ моихъ современниковъ считаютъ народы рабами какой-то неотразимой и фатальной силы, вытекающей изъ предшествующихъ обстоятельствъ, изъ племенныхъ, географическихъ и климатическихъ условій. Это ложное ученіе пораждаетъ людей слабыхъ и націи малодушныя». Такой энергическій взглядъ для своего времени былъ новостью. Фаталистическая школа, подчинявшая свободную дѣятельность человѣка внѣшней необходимости, господствовала въ эпоху Токвиля; она отнимала у общества лучшія его надежды, парализировала самыя благородныя стремленія, ставя его въ зависимость отъ всякаго случайнаго явленія. Авторъ «Демократіи», напротивъ, отводитъ намъ широкое поле труда и непосредственнаго участія въ нашей собственной участи. Онъ твердо вѣритъ, что сами люди создаютъ себѣ то или другое соціальное положеніе, что совершенно отъ нихъ самихъ зависитъ быть рабами, подобно Китайцамъ, или свободными гражданами, подобно Американцамъ. Съ такимъ убѣжденіемъ становится легче, когда посмотришь на историческую голгофу человѣчества, покрывшаго свой путь слезами и кровью.

Г. Б.

БРАТЬЯ ГУСТАВЪ И РЕЙНГОЛЬДЪ ФОНЪ-ЛЕВЕНВОЛЬДЕ.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Панибратство и дружба съ *нѣмцами*, вызовъ ихъ въ Россію, предпочтеніе, оказанное имъ передъ Русскими, и многое множество *нѣмецкихъ* учрежденій и обычаевъ, пересаженныхъ Петромъ Великимъ на русскую почву, были одною изъ главныхъ причинъ нерасположенія къ царю его подданныхъ, несокрушимо и свято вѣровавшихъ, что соприкосновеніе съ нѣмцами должно неминуемо осквернить и погубить душу каждаго православнаго человѣка. Все было чуждо, дико и непріязненно въ нѣмцахъ нашимъ своеобразнымъ предкамъ,— все, начиная отъ *поганой* нѣмецкой вѣры и кончая непосѣдной, юркой нѣмецкой дѣятельностью, которой прежде всего хотѣлось научить Петру своихъ залежавшихся на печкѣ подданныхъ. Нѣмецкая непосѣдность и юркость представляли, дѣйствительно, самую рѣзкую противоположность московской неповоротливости; апатіей и лѣнью никоимъ образомъ нельзя было попрекнуть нашихъ заморскихъ гостей, и если это именно и казалось въ нихъ москвичамъ достойнымъ презрѣнія, то заморскіе гости, въ свою очередь, съ неменьшимъ презрѣніемъ смотрѣли на своихъ сонныхъ хозяевъ, рѣшительно недоумѣвая, какъ это мо-

жетъ человѣкъ всю свою жизнь проводить на печкѣ, даже и поворачиваясь-то тамъ съ боку на бокъ съ трудомъ и неудовольствіемъ.

А надобно было заспавшимся москвичамъ слѣзть съ теплой и темной печки; надобно было имъ, расправивъ онѣмѣвшіе отъ бездѣйствія члены, выйдти на свѣтъ Божій, на воздухъ, на поприще труда, да еще какого труда! Знакомство съ нѣмцами научило Петра очень многому, породило въ головѣ его тысячу самыхъ разнообразныхъ самыхъ колоссальныхъ намѣреній и плановъ, осуществить которые царь рѣшился, по своему обыкновенію, безотлагательно и разомъ. Съ невѣроятной дѣятельностью, съ невообразимой энергіею принялся онъ за работу, и нѣмцы въ этомъ случаѣ оказались въ высшей степени полезными для Петра помощниками. Они годились и въ исполнители, и въ руководители, и въ учителя, и въ ученики. Они, повидимому, все знали, все умѣли, а чего не знали, чего не умѣли, тому учились охотно и понятливо, не отступая ни передъ трудностями, ни передъ препятствіями, передъ которыми, правда, не отступали при случаѣ и русскіе, да только въ надеждѣ на удачу, на авось, на то—*куда не вывезетъ кривая*. У нѣмцевъ не было ни удачи, ни авося, ни кривой: они все расчитывали впередъ, аккуратно и точно, и тамъ, гдѣ расходившійся Русскій достигалъ желаемой цѣли не иначе, какъ съ разбитымъ лбомъ, тамъ нѣмецъ достигалъ той же цѣли, сохранивъ лобъ свой въ неприкосновенной цѣлости и сохранности. Москвичамъ и это свойство въ заморскихъ гостяхъ крѣпко не нравилось. Они называли за это нѣмцевъ жидкокостными жидоморами, смѣялись надъ ихъ умѣньемъ молотить рожь на обухѣ и снимать пѣнки со всякой дряни, вспоминали при этомъ размашистую удаль и несокрушимую будто силу своихъ дѣдовъ и отцевъ и, запивая кислымъ квасомъ тухлую рыбу съ вонючимъ постнымъ масломъ, съ самодовольной ироніей говаривали: «что Русскому здорово, то нѣмцу смерть».

А Петру именно то и любо было въ нѣмцахъ, что дѣйствіями ихъ руководила не *кривая*, что они все впередъ расчитывали, измѣряли, соображали. Петръ не былъ врагомъ размашистой удали — онъ былъ самъ удалецъ на славу—но онъ не могъ не видѣть, не могъ не убѣдиться самымъ положительнымъ образомъ, что русская удаль цѣлыхъ восемьсотъ лѣтъ выражалась лишь въ томъ, что мы кричали зычнымъ голосомъ, да размахивали руками, и наконецъ концевъ пришли все-таки къ сознанію, что намъ надобно нашу удаль передѣлать, что безтолково и безпорядочно бродившимъ въ насъ силамъ надобно

дать и направленіе, и цѣль, и возможность выразиться въ чемъ нибудь иномъ, кромѣ зычнаго крика и маханья руками. Однимъ словомъ, реформа была необходима. Она смутно желалась почти всѣми; она носилась въ воздухѣ; она чуялась тамъ-и-сямъ еще до Петра въ робкихъ нововведеніяхъ и полумѣрахъ нѣкоторыхъ его предшественниковъ, и только никто не зналъ, какъ произойдетъ эта реформа, чѣмъ обнаружится ея совершеніе, какимъ путемъ поведетъ она обновленную Россію, и куда приведетъ ее?

Зналъ это одинъ Петръ, и хотя затѣянное имъ пришлось не по вкусу цѣлому народу—царь все-таки, не взирая на всеобщее неудовольствіе и сопротивленіе, твердо и бодро повелъ свое царство къ предположенной цѣли, справедливо предчувствуя, что петровская реформа будетъ какъ слѣдуетъ понята, оцѣнена и не разъ съ признательностью помянута даже отдаленнѣйшимъ потомствомъ.

Въ дѣлѣ этой реформы—повторяемъ—нѣмцы оказались въ высшей степени полезными помощниками вооружившему противъ себя весь свой народъ царю. Они поддерживали въ немъ мужество и энергію быстрымъ и точнымъ исполненіемъ его приказаній, предупрежденіемъ его желаній, благоразумными совѣтами и обнадеживаніями. Они обучали на европейскій ладъ наше нестройное и никуда дотолѣ негодное войско; они сооружали намъ флотъ; они строили намъ крѣпости и каналы; они заводили у насъ разные хорошіе порядки; они знакомили насъ съ разными необходимыми въ жизни искусствами и ремеслами. Подъ ихъ вліяніемъ развивалась та небольшая кучка русскихъ сподвижниковъ Петра Великаго, имена которыхъ нераздѣльны съименемъ царя-преобразователя, подвиги которыхъ составляютъ не одну блестящую страницу въ нашей исторіи. Крѣпкіе, бодрые, неутомимо-дѣятельные, прошедшіе, по русскому выраженію, и огонь, и воду, люди эти, во многомъ, совсѣмъ ужъ не походили на своихъ сонныхъ, неповоротливыхъ, неотесанныхъ предковъ и, не смотря на нѣкоторыя темныя стороны своей дѣятельности, имѣютъ полное право на признательное воспоминаніе потомковъ. Темныя ихъ стороны были непосредственнымъ продуктомъ старо-русской жизни, непосредственнымъ продуктомъ первоначальнаго воспитанія на почвѣ суевѣрія, невѣжества, самодурства и крѣпостнаго права; всѣмъ же, что было въ русскихъ сподвижникахъ Петра Великаго, человѣческаго, хорошаго, европейскаго,—всѣмъ этимъ они обязаны были *Нѣмечинѣ* и *нѣмцамъ*, которыхъ за то пребыв-

шіе вѣрными старому толку москвичи называли не иначе, какъ *проклятыми еретиками* и *врагами христіанскими*.

Таковы были результаты сближенія Россіи съ *Нѣмечиной*; таковы были лучшіе изъ *нѣмцевъ*, призванныхъ Петромъ помогать ему *прорубить окно въ Европу* въ неуклюжей стѣнѣ темнаго московскаго терема. Но были Нѣмцы и другаго сорта, послѣдовавшіе вслѣдъ за первыми въ гостепріимную *Московію* — тоже будто бы съ цѣлью просвѣщать и гуманизировать дикихъ *московитовъ*, въ сущности же пріѣзжавшіе къ намъ единственно затѣмъ, чтобы набивать свои дырявые карманы московскими деньгами и поправляться на московскихъ хлѣбахъ послѣ антоніевской пищи дома. Это были технологи средней руки, незамѣтные у себя на родинѣ, мелкіе торгаши, мирные воины, несравненные спеціалисты по части солдатской выправки, *чистоты* ружейныхъ пріемовъ и тому подобныхъ премудростей, берейторы, егермейстеры, штукари всѣхъ шерстей и видовъ, — словомъ, люди, бывшіе тоже не совсѣмъ безполезными въ молодомъ, только что начинавшемъ свою политическую и гражданскую жизнь, государствѣ, но сами по себѣ вовсе не думавшіе ни о чьей пользѣ, кромѣ собственной, а потому не отказывавшіеся ни отъ какой должности, начиная отъ должности простаго лакея и кончая должностью какого нибудь оберъ-шталмейстера или оберъ-церемоніймейстера.

При Петрѣ эти господа держали ухо востро и пробивали себѣ дорожку втихомолочку, безъ шума и скандала. Петръ цѣнилъ однѣ истинныя дарованія, однѣ истинныя заслуги и хотя вообще очень любилъ всякаго рода иноземцевъ, но и отъ нихъ прежде всего требовалъ, чтобъ они дѣлали дѣло и приносили пользу Россіи. Тунеядцы, праздношатающіеся, штукари, годные лишь для одной безполезной помпы, для однихъ безполезныхъ, но почетныхъ должностей, были глубоко антипатичны умному и дѣловому царю, и тѣ изъ нѣмцевъ, которые расчитывали, напримѣръ, на одну придворную карьеру, — тѣ горько ошибались въ своемъ сладостномъ расчетѣ. Петръ не любилъ ни пустаго блеска, ни пустой роскоши; онъ жилъ просто, незатѣйливо, какъ небогатый частный человѣкъ, а потому, по справедливому выраженію Василія Никитича Татищева, «чинъ придворныхъ ни во-что вмѣнялъ, и въ рангъ ихъ не токмо на концѣ, но весьма низкій положилъ; у него оные весьма въ презрѣніи были, а лучше сказать, что никого не было» (*).

(*) *В. Н. Татищевъ и его время*, соч. Нила Попова, с. 222.

Нельзя было такимъ образомъ надѣяться на чрезмѣрно быстрыя повышенія, на блестящую карьеру и фортуну при Петрѣ людямъ, годившимся лишь на какія нибудь оберъ-гофмейстерскія или оберъ церемоніймейстерскія должности; надобно было для этого ожидать перемѣны обстоятельствъ, и нѣмцы таки этой благодати дождались. Петръ умеръ. Настали иныя времена, явились иные нравы,—«и полѣзли изъ щелей мошки да букашки». Таланты, заслуги, познанія быстро отодвинулись на второй планъ, и мѣсто ихъ заступили фаворитизмъ, интриги, низкопоклонничество. Серьезные, дѣльные, способные люди оказались вдругъ не только безполезными, даже вредными, и замѣнились тѣми, которые умѣли льстить и потѣшать, кстати улыбаться, кстати хмуриться, кстати и некстати кланяться. Настало время шитыхъ золотомъ и серебромъ кафтановъ, богатыхъ камзоловъ, раздушенныхъ париковъ, роскошныхъ экипажей, и тутъ-то именно и пошли въ ходъ тѣ нѣмцы, которые, казалось, самою природою созданы были для оберъ-шталмейстерскихъ, оберъ-гофмейстерскихъ и оберъ-церемоніймейстерскихъ званій. Передъ ними должно было стушеваться и приникнуть все, выходившее изъ уровня золотой посредственности; они тутъ сразу пустили цѣпкіе корни въ русскую почву, и постоянный приливъ и отливъ ихъ въ Россію и изъ Россіи образовалъ въ нашемъ отечествѣ какое-то особое племя, доселѣ извѣстное подъ названіемъ *русскихъ нѣмцевъ*—несравненныхъ мастеровъ по части разныхъ спеціальностей, требующихъ точности, аккуратности, педантизма, исполнительности, послушливости и нѣкоторой дозы тупоумія при наружной представительности и важности.

Къ числу такихъ русскихъ нѣмцевъ относятся и братья Густавъ и Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде, жизнеописанію которыхъ посвящается настоящая статья. Изъ этого жизнеописанія читатели увидятъ самымъ нагляднымъ образомъ, какъ, за что и почему достигали у насъ во время оно «степеней извѣстныхъ», и что были за люди, достигавшие этихъ степеней. По этому же жизнеописанію читатели познакомятся довольно подробно и обстоятельно со всей внутренней исторіей царствованія императрицы Анны Іоанновны, т. е. съ одной изъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ эпохъ русской исторіи,—съ одной изъ тѣхъ эпохъ, про которую нельзя достаточно наговориться.

Левенвольде были родомъ изъ Лифляндіи (почти всѣ коренные, *настоящіе* русскіе нѣмцы происходятъ изъ Остзейскихъ провинцій). Отецъ Густава и Рейнгольда, придавшихъ особенную извѣстность на

Руси своей нѣмецкой фамиліи, носилъ титулъ барона, а потомъ былъ облеченъ чиномъ русскаго тайнаго совѣтника и званіемъ генералъ-адъютанта Петра Великаго. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, баронъ фонъ-Левенвольде «оказалъ примѣрное усердіе къ пользамъ Россіи» (*), а именно: по взятіи, въ 1710 году, фельдмаршаломъ графомъ Шереметевымъ, Риги, первый присягнулъ въ вѣрности русскому царю и склонилъ къ тому же своими совѣтами и представленіями все лифляндское дворянство. За этотъ подвигъ, баронъ фонъ-Левенвольде, во время торжественнаго въѣзда Шереметева въ Ригу, имѣлъ удовольствіе красоваться верхомъ возлѣ парадной кареты фельдмаршала; Лифляндцы же, вообще, тоже не остались въ накладѣ. 30 сентября 1710 года, Петръ, по ходатайству того же Левенвольде, возобновилъ двумя грамматами всѣ грамматы, законы и привилегіи, дарованные Лифляндіи прежними правительствами, повелѣвъ также возвратить Лифляндцамъ всѣ несправедливо отнятыя у нихъ Шведами маетности, чрезъ что уничтожена была утѣснительная шведская редукція (**). Вслѣдъ за симъ, баронъ фонъ-Левенвольде назначенъ былъ въ Ригу, въ помощь Шереметеву, для управленія гражданскими и «всякими дѣлами», въ особенности же дѣлами, касающимися до дворянства, а потомъ опредѣленъ оберъ-гофмейстеромъ ко двору супруги царевича Алексѣя Петровича: Петръ думалъ было сначала назначить Левенвольде гувернеромъ къ царевичу на время путешествія его по Германіи, но не исполнилъ этого потому, что баронъ оказался нуженъ дома, въ особенности же для Лифляндіи. Левенвольде, по отзывамъ его совре-

---

(*) *Словарь достопамятныхъ людей русской земли*, ч. III, с. 161.

(**) «Жалованная граммата дворянству княжества лифляндскаго, въ подтвержденіе прежнихъ ихъ правъ, а особливо данной отъ польскаго короля Сигизмунда Августа, въ Вильнѣ, 1651 года, привилегіи, касательно шляхетныхъ ихъ правъ, статутовъ, вольностей, достоинствъ и законныхъ ихъ маетностей, какъ во владѣніи у нихъ находящихся, такъ и тѣхъ, кои, бывъ наслѣдсвенными, не по праву у нихъ отняты».

Полное собраніе законовъ россійской имперіи, т. IV, стр. 575 и 576.

«Жалованная граммата городу Ригѣ—въ подтвержденіе всѣхъ его прежнихъ городскихъ правъ, статутовъ, судовъ, чиновъ, вольностей, древнихъ обычаевъ, преимуществъ и владѣнія наслѣдственными маетностями на томъ же основаніи, какъ оныя издревле отъ разныхъ государей содержаны были».

Тамъ же, стр. 577.

Въ первой изъ этихъ грамматъ баронъ фонъ-Левенвольде титулуется *Нашимъ любезно-вѣрнымъ*, во второй—*Нашимъ особливо-вѣрнымъ тайнымъ совѣтникомъ*.

меншиковъ, былъ человѣкъ очень образованный, дѣльцый и зналъ нѣсколько языковъ (*).

У барона фонъ-Левенвольде были три сына. О старшемъ, Фридрихѣ, извѣстно только, что онъ, подобно отцу, былъ тайнымъ совѣтникомъ и генералъ-адъютантомъ; въ 1718 году посыланъ Петромъ Великимъ въ Вѣну съ просьбою объ отзывѣ изъ Россіи цесарскаго резидента Плейера, что и выполнилъ съ успѣхомъ; употребляемъ былъ потомъ по нѣкоторымъ другимъ дипломатическимъ дѣламъ и кончилъ жизнь безъ шума и грома, какъ кончаютъ ее тысячи людей. Братьямъ же его, Густаву и Рейнгольду, выпали на долю карьеры гораздо шире и блистательнѣе, и имена этихъ двухъ Левенвольде сіяютъ звѣздами первой величины въ яркой плеядѣ другихъ нѣмецкихъ звѣздъ, озарявшихъ землю русскую. Густавъ такъ и досіялъ, ничѣмъ непомраченный, до мирнаго, законами природы опредѣленнаго заката; Рейнгольду суждено было померкнуть внезапно, насильственно и преждевременно...

Отличавшійся «примѣрнымъ усердіемъ къ пользѣ Россіи», баронъ, генералъ-адъютантъ и тайный совѣтникъ фонъ-Левенвольде умѣлъ, какъ видно, внушить столь же благонамѣренные принципы и сыновьямъ своимъ, и это, въ соединеніи съ нѣкоторыми другими качествами, украшавшими по-преимуществу Рейнгольда, было главнѣйшею причиною служебныхъ успѣховъ братьевъ. Густавъ началъ свою карьеру прямо на придворномъ поприщѣ, при Петрѣ Великомъ; Рейнгольдъ былъ сначала въ шведской военной службѣ и взятъ въ плѣнъ подъ Полтавой (**). Незначительный, недостаточный офицеръ, онъ жилъ на первыхъ порахъ одною карточною игрою; но физическія свойства его были не изъ тѣхъ, съ которыми въ то доброе старое время молодой человѣкъ могъ погибнуть и затереться въ тѣни ничтожества и неизвѣстности. Рейгольдъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ этого слова,—высокій, стройный, ловкій, развязный, и взоры женщинъ невольно останавливались на немъ, гдѣ бы онъ ни появлялся. Чьи именно женскіе взоры остановились на немъ первые въ Россіи—мы этого не знаемъ; но Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде очень скоро попалъ ко двору, въ число каммеръ-юнкеровъ императрицы Екатерины I, и съ этой самой минуты карьера его была устроена. По кончинѣ Петра

(*) *Mémoires et anecdotes d'un ministre étranger, résidant à Petersbourg, concernant les principales actions de Pierre le grand*. La Haye. 1737. P. XXXVIII et XXXIX.

(**) *Сказанія о родѣ князей Долгоруких*, соч. кн. П. Долгорукова, с. 221.

Великаго, Екатерина тотчасъ же произвела Левенвольде въ каммергеры, а потомъ въ оберъ-гофмейстеры, возвела его, 24 октября 1726 года, въ графское достоинство, возложила на него, 24 ноября того же года, орденъ св. Александра Невскаго, а въ слѣдующемъ году, 31 марта, пожаловала новому графу, въ знакъ особеннаго благоволенія, свой портретъ «для ношенія». Счастье видимо улыбалось красавцу Рейнгольду, и онъ умѣлъ держаться за свое счастье со всею ловкостью развязнаго и увертливаго придворнаго. За исключеніемъ этого умѣнья, да способности вселять къ себѣ любовь въ самыхъ недоступныхъ женщинахъ, графъ фонъ-Левенвольде младшій едва ли имѣлъ какія либо права на столь быстро пріобрѣтенныя имъ почести и отличія, и будь черты лица его менѣе правильны и привлекательны, ростъ пониже, станъ не такъ строенъ — графъ Рейнгольдъ, конечно, пошелъ бы въ ходъ не такъ скоро, хотя все-таки, навѣрное, сдѣлалъ бы болѣе или менѣе видную карьеру. Коротко знавшій его герцогъ Лирійскій говоритъ прямо, что «Левенвольде младшій счастіемъ своимъ обязанъ былъ женщинамъ», присовокупляя къ этому, что «ничто не останавливало его въ достиженіи его намѣреній, и онъ не пощадилъ бы лучшаго своего друга и благодѣтеля, еслибы видѣлъ для себя какую либо изъ того пользу (*)». А съ такими свойствами и правилами ловкіе люди не пропадаютъ нигдѣ и никогда.

Густавъ, уступавшій Рейнгольду и въ красотѣ, и въ стройности, и въ ловкости, отсталъ немного, на первыхъ порахъ, отъ младшаго брата на такъ называемой лѣстницѣ почестей и отличій. Графское достоинство, впрочемъ, онъ получилъ въ одно время съ Рейнгольдомъ; каммергеромъ же сдѣланъ былъ при Петрѣ II, который, сверхъ этого званія, даровалъ еще Левенвольде старшему, 10 декабря 1728 года, граммату на владѣніе въ Лифляндіи помѣстьями Буртискъ и Моянь (**). Эта награда должна была доставить особенное удовольствіе графу Густаву, всегда отличавшемуся замѣчательными хозяйственными способностями и практическими тенденціями.

Густавъ, вообще, былъ гораздо умнѣе, серьезнѣе, дѣльнѣе и разсудительнѣе своего брата. Рейнгольдъ, какъ уже замѣчено выше,

(*) *Записки дюка Лирійскаго и Бервикскаго во время пребыванія его при россійскомъ дворѣ, въ званіи посла короля испанскаго*, с. 123 и 124.

(**) «Протоколы верховнаго тайнаго совѣта». *Чтенія, въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ*, 1858 г., кн. III, с. 100.

бралъ преимущественно своей красотой, дѣйствовалъ спеціально черезъ женщинъ и, подобно всѣмъ героямъ такого рода, болѣе всего любилъ удовольствія, блескъ, *наслажденіе минуты*, не очень сильно заботясь объ «утріе». Густавъ, напротивъ, жилъ, расчитывая впередъ, искалъ наслажденій, продолжительнѣйшихъ наслажденій минуты, желалъ устроить свое положеніе сколь возможно прочнѣе и спокойнѣе. Онъ былъ тоже придворный, но придворный съ замашками кабинетнаго, даже государственнаго человѣка, придворный, умѣвшій кланяться не столько ловко, сколько почтительно, съ сохраненіемъ при этомъ нѣкоторой дозы собственнаго достоинства. Рейнгольдъ любилъ женщинъ и карты; Густавъ любилъ карты, ружейную охоту и лошадей. Рейнгольдъ игралъ не столько для того, чтобы выиграть, сколько для того, чтобы играть,—значитъ, игралъ болѣе изъ любви къ искусству, и когда проигрывалъ, то не жалѣлъ объ этомъ, потому что видѣлъ въ деньгахъ не цѣль, а средство; Густавъ игралъ для того, чтобы выигрывать, и выигрывалъ почти всегда, а когда проигрывалъ, то сильно сокрушался о проигрышѣ, потому что видѣлъ въ деньгахъ не средство, а цѣль. Рейнгольдъ былъ оберъ-гофмаршаломъ и, казалось, рожденъ былъ для этого званія, ниспосланъ въ міръ спеціально для того, чтобы устраивать блестящіе праздники, церемонные выходы, пышныя церемоніи и сіять на этихъ праздникахъ, выходахъ и церемоніяхъ фокусомъ всѣхъ женскихъ взоровъ; Густавъ былъ оберъ-шталмейстеромъ и, какъ человѣкъ практическій, аккуратный и свѣдущій, сдѣлалъ по своей части не мало полезнаго. Словомъ, Рейнгольдъ походилъ болѣе на ловкаго, живаго, хвастливаго Француза и оттого, вѣроятно, очень нравился женщинамъ; Густавъ же могъ служить типомъ важнаго, степеннаго, расчетливаго остзейскаго нѣмца и оттого оставилъ по себѣ весьма хорошую память въ придворныхъ конюшняхъ Анны Іоанновны и герцога курляндскаго.

Что касается до образованія братьевъ, то, судя по ихъ дѣятельности и по отзывамъ о нихъ современниковъ, Густава можно было назвать человѣкомъ образованнымъ, Рейнгольда же—человѣкомъ благовоспитаннымъ, понатершимся и потому способнымъ поддержать въ свѣтскомъ обществѣ какой угодно разговоръ. При этомъ, оба брата не прочь были прихвастнуть и прилгнуть, а Рейнгольдъ, сверхъ того, отличался совершеннымъ индиферентизмомъ въ дѣлѣ религіи и даже, по словамъ герцога Лирійскаго, едва ли вѣрилъ въ Бога (*).

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 123 и 124. *Записки Василія Александро-*

Обстоятельства, предшествовавшія вступленію на престолъ Анны Іоанновны, дали возможность братьямъ фонъ-Левенвольде выдвинуться разомъ на первый планъ, мимо всѣхъ самыхъ сановитыхъ и породистыхъ Русскихъ. Эти же обстоятельства послужили и пробнымъ камнемъ политическихъ взглядовъ и убѣжденій будущихъ оберъ-шталмейстера и оберъ-гофмаршала.

Преждевременная, внезапная, никѣмъ неожиданная кончина Петра II, въ лицѣ котораго угасло мужское поколѣніе дома Романовыхъ, произвела сильныя волненія и хлопоты при дворѣ по поводу вопроса о томъ, кому теперь наслѣдовать опустѣвшій россійскій престолъ. По завѣщанію императрицы Екатерины I, право на корону имѣлъ наслѣдный принцъ Шлезвигъ-Голштинскій, Карлъ-Петръ-Ульрихъ, сынъ покойной Анны Петровны, старшей дочери Петра Великаго; но члены верховнаго тайнаго совѣта самовластно присвоили себѣ рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи, и единогласно отвергли права на престолъ принца Шлезвигъ-Голштинскаго, подъ предлогомъ, чтобы не пришлось Россіи воевать за Шлезвигъ съ Даніей, и чтобы не подпасть подъ власть Голштинцевъ, въ особенности же графа Бассевича, крѣпко всѣмъ насолившаго въ царствованіе Екатерины. Верховный тайный совѣтъ состоялъ въ то время изъ осьми членовъ: канцлера, графа Гаврилы Ивановича Головкина, вице-канцлера, барона Андрея Ивановича Остерманна, князей Димитрія Михайловича и Михаила Михайловича Голицыныхъ и князей Василія Лукича, Василія Владиміровича, Михаила Владиміровича и Алексѣя Григорьевича Долгоруковыхъ. Остерманнъ, по своему обыкновенію, тотчасъ же *заболѣлъ*, съ цѣлью выздоровѣть только тогда, когда рѣшится мудреное и опасное дѣло, затѣянное его товарищами (*); графъ Головкинъ хотя и не заболѣлъ, но не высказывалъ ничего опредѣлительнаго; а потому рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи легло всею своею тяжестью на однихъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, чего, впрочемъ, тѣ и добивались.

Цѣли и стремленія Долгоруковыхъ обнаружились сразу, когда князь Алексѣй Григорьевичъ указалъ на дочь свою Екатерину, обрученную невѣсту покойнаго императора, какъ на законную наслѣдницу

вича Нащокина, с. 40 и 41. *Записки князя Якова Петровича Шаховскаго*, ч. I, с. 106. *Записки Миниха, сына фельдмаршала, писанныя имъ для дѣтей своихъ*, с. 51. *Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie*, par le général de Manstein, t. II, p. 217.

(*) *Mémoires historiques* etc, par le général de Manstein, t. I, p. 40.

россійскаго престола. «Его дерзости—говоритъ Өеофанъ Прокоповичъ—яко весьма нечаянной многіе удивились, но на требованіе его, яко весьма непристойное и смѣха достойное, никто не посмотрѣлъ», и потребованныя затѣмъ «другихъ господъ мнѣнія уже внѣ фамиліи государя не выходили (*)». Указано было и на вдовствовавшую царицу Евдокію Өедоровну; говорено было и о дочеряхъ Іоанна Алексѣевича, Екатеринѣ и Прасковьѣ Іоанновнахъ; упомянута была и Елизавета Петровна,—но ни на одномъ изъ этихъ лицъ не сошлись *верховники*, и только, по увѣренію Өеофана Прокоповича, «когда произнеслось имя Анны, вдовы курляндской герцогини, дщери Іоанна царя, тотчасъ чудное всѣхъ явилось согласіе, которому спорить не посмѣли и оные, коимъ завладѣнная и, по мнѣнію ихъ, неотъемлемая уже, въ рукахъ была высочайшая власть, а тогда отъ нихъ уходила (**)».

Это *чудное согласіе* объяснялось очень просто: избирая на царство герцогиню курляндскую, князья Долгоруковы и Голицыны задумали, по примѣру Швеціи, ограничить самодержавную власть въ Россіи, и это ограниченіе поставили непремѣннымъ условіемъ вступленія на престолъ Анны Іоанновны, въ надеждѣ, что она, изъ благодарности за неожиданную корону, согласится на всѣ требованія. Пребываніе герцогини курляндской внѣ предѣловъ Россіи, въ Митавѣ, казалось тоже верховникамъ обстоятельствомъ весьма благопріятнымъ: они надѣялись чрезъ это выиграть время и распорядиться исподоволь такъ, чтобы задуманное ими дѣло не встрѣтило никакой помѣхи.

Первое слово объ ограниченіи самодержавія произнесено было княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Упомянувъ о томъ, что со смертью Петра II пресѣклась мужская линія Петра Великаго, Голицынъ сказалъ, что Россія много терпѣла отъ прежняго порядка вещей, поддерживаемаго иностранцами, въ такомъ множествѣ призванными въ Россію Петромъ, и что теперь необходимо ограничить самодержавіе хорошими и справедливыми законами, а потому императорская власть должна быть предложена герцогинѣ курляндской не иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ (***). Мнѣніе это принято было, по словамъ герцога Лирійскаго, «съ громкимъ одобреніемъ» всѣми, послѣ

(*) *Повѣсть о смерти императора Петра II и о восшествіи на престолъ императрицы Анны Іоанновны*, соч. архіепископа Өеофана Прокоповича, с. 187.

(**) Тамъ же.

(***) *Mémoires historiques* etc, par le général de Manstein, t. I, p. 40.

чего тотчасъ назначены были депутатами для поѣздки въ Митаву князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и генералъ-маіоръ Михаилъ Ивановичъ Леонтьевъ. Они должны были отвезти къ Аннѣ Іоанновнѣ *кондиціи россійскому правленію* и, въ случаѣ согласія герцогини на эти кондиціи, проводить ее до Москвы.

Задумавъ ограниченіе самодержавія и толкуя по этому поводу о благѣ Россіи и счастіи россійскаго народа, верховники въ сущности гораздо болѣе думали о собственномъ благѣ и собственномъ счастіи, и замыслы ихъ, основанные на личныхъ, эгоистическихъ, честолюбивыхъ расчетахъ, не привели ни къ чему, встрѣтившись съ такими же расчетами непріязненой Долгоруковымъ и Голицынымъ партіи. Князь Василій Лукичъ, напримѣръ, предложившій первый Анну Іоанновну въ императрицы всероссійскія, предложилъ ее собственно потому, что, въ бытность свою передъ тѣмъ въ Митавѣ, пользовался особенною, чрезвычайною благосклонностью герцогини курляндской и надѣялся пользоваться таковою же ея благосклоностью и въ Россіи (*). Князь Василій Лукичъ, конечно, дѣйствовалъ такимъ образомъ, руководствуясь обще-человѣческими и нисколько не противоестественными побужденіями: онъ хотѣлъ жить, хотѣлъ елико возможно наслаждаться быстротечною жизнію; но другіе вѣдь тоже хотѣли жить, другіе тоже хотѣли наслаждаться быстротечною жизнію, а потому, руководствуясь тѣми же обще-человѣческими и нисколько не противуестественными побужденіями, приняли втихомолку всѣ зависѣвшія отъ нихъ мѣры, направленныя къ цѣлямъ, противоположнымъ цѣлямъ князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ. И тѣ, и другіе, разумѣется, играли на удачу; но шансовъ удачи, по весьма многимъ обстоятельствамъ, было гораздо болѣе на сторонѣ, непріязненной верховникамъ.

Совѣщанія и распоряженія верховнаго тайнаго совѣта производились въ глубочайшей тайнѣ; но, благодаря Гаврилѣ Ивановичу Головкину и баронессѣ Остерманнъ, тайна эта не осталась тайною, и вся Москва заговорила и завопила о неслыханномъ, небываломъ дѣлѣ, затѣянномъ князьями Долгоруковыми и Голицыными. Одни, составлявшія большинство, были противъ верховниковъ по непривычкѣ ко всякимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ; другіе—по тупоумію и невѣжеству; третьи—по личнымъ соображеніямъ и цѣлямъ. Эти по-

(*) *Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ*, с. 118.

слѣднiе, состоявшiе большею частiю изъ такъ называемыхъ *особъ*, т. е. изъ людей породистыхъ и титулованныхъ, почитавшихъ себя нисколько не ниже Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, завидовавшихъ имъ и ненавидѣвшихъ ихъ, образовали тотчасъ же самую горячую и дѣятельную оппозицiю членамъ верховнаго тайнаго совѣта. Они очень хорошо понимали, что замыслы князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ поведутъ, въ случаѣ успѣха, къ фаворитизму той или другой фамилiи; а фаворитизмъ первыхъ былъ еще у всѣхъ на свѣжей памяти. Всѣ помнили продѣлки князя Ивана Алексѣевича; всѣ видѣли, какъ онъ, окруженный драгунами, скакалъ, бывало, какъ бѣшеный, по городу, сшибая съ ногъ и давя всѣхъ, кто ни попадался ему на встрѣчу; всѣ знали, какъ онъ врывался по ночамъ въ совершенно незнакомые ему дома, вламывался въ женскiя спальни «и до толикой продерзости пришелъ, что кромѣ зависти, нечаянной славы, уже и праведному всенародному ненавидѣнiю, какъ самого себя, такъ и всю фамилiю свою аки бы нарочно подвергалъ (*)». Никто не желалъ повторенiя подобныхъ продѣлокъ, т. е. никто не желалъ терпѣть отъ новаго фаворита; фаворитомъ же хотѣлось быть каждому, и хотя каждый, достигнувъ этого званiя, сталъ бы навѣрное производить штучки, можетъ быть, еще почище штучекъ князя Ивана Алексѣевича, но это, разумѣется, нисколько не препятствовало ненавидѣвшимъ Долгоруковыхъ и Голицыныхъ лицамъ съ ужасомъ и негодованiемъ помышлять и разглагольствовать о преобладанiи той или другой фамилiи.

Вельможи такимъ образомъ составляли оппозицiю верховникамъ, подстрекаемые каждый сладостною надеждою затоптать въ грязь своихъ противниковъ и занять первое мѣсто при новой правительницѣ; лица же, стоявшiя пониже, дворяне средней руки, не могшiе по общественному положенiю своему, питать столь честолюбивыхъ плановъ, присоединились къ оппозицiи Долгоруковымъ и Голицынымъ по другимъ соображенiямъ. Изъ слуховъ и толковъ, ходившихъ по Москвѣ о замыслахъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, дворяне средней руки провѣдали о тѣхъ основанiяхъ, на которыхъ верховники намѣревались устроить новое проявленiе. Основанiя эти были основанiя правленiя чисто аристократическаго, при которомъ среднее дворянство утрачивало всякое значенiе, и это обстоятельство, разумѣется, не могло прийд-

(*) *Повѣсть* и пр. Ѳеофана Прокоповича, с. 194.

тись по душѣ людямъ, и безъ того уже немало терпѣвшимъ отъ всякаго рода *особъ* и сильныхъ міра сего. Среднее дворянство (по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей) было не прочь отъ правительственной реформы; но оно желало, чтобы эта реформа была благодѣтельна не для однихъ только аристократовъ, и, не зная какъ это сдѣлать, не имѣя средствъ бороться съ верховниками, единодушно стало на сторону ихъ противниковъ, соображая, что хотя старый порядокъ вещей и не хорошъ, но новый можетъ быть еще хуже (*).

Знатнѣйшее духовенство, уже по самому своему образу мыслей, не симпатизировавшее никакимъ перемѣнамъ и нововведеніямъ, а теперь еще оскорбленное членами верховнаго тайнаго совѣта тѣмъ, что было устранено отъ всякаго участія въ рѣшеніи вопроса объ избраніи новой императрицы, примкнуло тоже къ оппозиціи Долгоруковымъ и Голицынымъ. Словомъ, всѣ сословія, болѣе или менѣе рѣшительно, болѣе или менѣе энергично, болѣе или менѣе сознательно, протестовали противъ замысловъ верховниковъ, и только одинъ такъ называемый народъ, *для блага* котораго затѣвались всѣ перемѣны и преобразованія, имя котораго всуе, но весьма эффектно призывалось всѣми, власть имѣвшими,—только одинъ народъ пребывалъ, какъ всегда, въ невозмутимомъ, благодушномъ, умилительномъ индифферентизмѣ, продолжая усердно молиться за здравіе почившаго императора, о кончинѣ котораго объявлено было не прежде 3 февраля 1730 года, т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ самой кончины.

Графъ Рейнгольдъ Левенвольде, находившійся все это время въ Москвѣ и провѣдавшій изъ первыхъ рукъ, отъ *больнаго*, не выѣзжавшаго изъ дому, но за всѣмъ слѣдившаго и все знавшаго Остермана, о замыслахъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, возсталъ

(*) «Въ Россіи, до сихъ поръ, всѣ привыкли повиноваться неограниченному властителю —писалъ англійскій резидентъ Рондо въ депешѣ отъ 26 февраля (н. с.) 1730 года—и никто не составилъ себѣ никакой опредѣленной идеи о правленіи ограниченномъ. Вельможи желали бы сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ, а мелкое дворянство, дворяне средней руки этого не желаютъ и предпочитаютъ имѣть одного повелителя вмѣсто нѣсколькихъ, если ужъ нельзя устроить дѣло такъ, чтобы среднее дворянство было хоть чѣмъ нибудь гарантировано въ своихъ правахъ и тѣмъ избавлено отъ тиранніи вельможъ».

Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français. Berlin. 1858. p. 20.

противъ этихъ замысловъ всѣми силами души своей, закипѣлъ негодованіемъ и рѣшился дѣйствовать, не теряя ни минуты. Да и могъ ли же онъ, въ самомъ дѣлѣ, не возстать, не закипѣть негодованіемъ, не рѣшиться дѣйствовать? Во-1-хъ, въ числѣ другихъ должностей своихъ и званій, графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде облеченъ былъ званіемъ тайнаго агента герцогини курляндской, и уже одно это званіе обязывало его, какъ преданнаго лифляндца, не упускать изъ виду ничего, клонящагося къ пользѣ и выгодѣ герцогини (*). Во-2-хъ, онъ очень хорошо понималъ, что не даромъ же старый олигархъ, князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ, упомянулъ въ своей рѣчи, по поводу ограниченія самодержавія, объ *иностранцахъ, въ такомъ множествѣ призванныхъ въ Россію Петромъ Великимъ*. Онъ зналъ о чувствахъ, которыя питали къ нему не только Голицыны и Долгоруковы, но и вся *русская партія*, и нисколько не заблуждался на счетъ будущности, которая, въ случаѣ удачи верховниковъ, должна была ожидать и его самого, благороднаго графа, и всѣхъ его *ландсманновъ* лифляндскаго, курляндскаго, эстляндскаго и чисто германскаго происхожденія (**). Въ 3-хъ, наконецъ, графъ Рейнгольдъ расчелъ, что броситься первому въ глаза новой повелительницѣ, заявить ей первому чувства глубочайшей преданности—вещь въ высшей степени выгодная и полезная,—афера, не воспользоваться которой было бы болѣе, чѣмъ странно. Съ другой точки зрѣнія благородный графъ и не могъ смотрѣть на совершавшіяся передъ нимъ событія: онъ пребывалъ въ Россіи съ единственной цѣлью—сдѣлать карьеру и фортуну, и если по

(*) *Сказанія о родѣ князей Долгоруковыхъ*, с. 225.

(**) «Чтобы лучше понять настоящее состояніе сего двора, надобно знать, что здѣсь двѣ партіи—говоритъ герцогъ Лирійскій о дворѣ и придворныхъ Петра II—первая царская, къ которой принадлежатъ всѣ тѣ Русскіе, кои главнѣйше стремятся къ тому, чтобы выгнать отсюда всѣхъ иностранцевъ. Эта партія раздѣляется на двѣ: одна состоитъ изъ Голицыныхъ, другая изъ Долгоруковыхъ. Вторая партія называется великой княжны, сестры царской, и къ ней принадлежатъ баронъ Остерманъ, графъ Левенвольдъ и всѣ иностранцы. Цѣль сей партіи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать себя противъ Русскихъ милостію и покровительствомъ великой княжны, которую царь по сіе время весьма много уважаетъ. Левенвольда ненавидятъ не только Русскіе, но и всѣ честные люди, а прискорбнѣе всего то, что Остерманъ очень любитъ такого человѣка, котораго всячески стараются отдалить отъ двора».

Записки дюка Лирійскаго, с. 15.

натурѣ своей, какъ уже замѣчено выше, не задумался бы принести въ жертву этой цѣли «своего лучшаго друга и благодѣтеля», то что же значили для него интересы и блага совершенно чужаго ему народа, на который еще, къ довершенію всего, благородной лифляндецъ, подобно всѣмъ почти иноземцамъ, взиралъ съ высока, съ презрѣніемъ и аристократической брюзгливостью, какъ на стадо не совсѣмъ опрятныхъ и весьма глупыхъ животныхъ? Становясь на сторону, враждебную Долгоруковымъ и Голицынымъ, будущій оберъ-гофмаршалъ, конечно, не далъ себѣ труда подумать—на которой изъ двухъ сторонъ слѣдовало бы стоять человѣку, заботившемуся о пользѣ и благѣ Россіи, какіе результаты могутъ произойдти изъ задуманнаго верховниками новаго порядка вещей и какіе результаты произошли уже отъ стараго, что хорошаго въ одномъ, и что дурнаго въ другомъ? Такія размышленія были и не подъ силу и не по вкусу человѣку, занимавшемуся спеціально картами, волокитствомъ и всякаго рода потѣхами, а ужъ если бы, паче чаянія, нѣчто подобное и забрело въ красивую голову каммергера Рейнгольда фонъ-Левенвольде,—онъ и тутъ могъ бы очень легко успокоиться и признать себя вполнѣ правымъ по силѣ слѣдующаго силлогизма: замысламъ верховниковъ не симпатизировалъ почти никто и изъ Русскихъ; большинство было положительно противъ всякой перемѣны въ образѣ правленія, стояло за старый порядокъ,—стало быть, старый порядокъ былъ гораздо благодѣтельнѣе для Россіи новаго и поборники этого порядка были истинными патріотами...

Движимый всѣми этими побужденіями и соображеніями, графъ Рейнгольдъ Левенвольде рѣшился дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ. Онъ написалъ письмо къ брату своему Густаву, находившемуся въ то время въ своихъ лифляндскихъ помѣстьяхъ, и умолялъ его немедленно же скакать въ Митаву, чтобы извѣстить герцогиню объ избраніи ея на царство и предупредить ее о затѣянномъ Долгоруковыми и Голицыными ограниченіи самодержавія. Письмо это графъ Рейнгольдъ вручилъ своему скороходу, который, переодѣвшись въ крестьянское платье, вышелъ пѣшкомъ за городскую заставу, сѣлъ тутъ въ приготовленныя для него легкія сани и понесся, какъ вѣтеръ, въ Лифляндію, оставивъ своего повелителя въ мучительнѣйшимъ и тревожнѣйшемъ ожиданіи (*).

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 44

Въ то же самое время и почти такъ же скоро неслись въ Митаву еще два вѣстника: одинъ отъ архіепископа Новгородскаго, Θеофана Прокоповича; другой—отъ оберъ-шталмейстера, графа Павла Ивановича Ягушинскаго. Они посланы были тоже съ цѣлью поздравить и извѣстить обо всемъ Анну Іоанновну; но счастіе было рѣшительно на сторонѣ счастливаго графа Рейнгольда. Скороходъ его обогналъ всѣхъ, не смотря на то, что, по распоряженію верховнаго тайнаго совѣта, задерживаемы были не только всѣ проѣзжіе, но и почты, и Густавъ Левенвольде, получивъ письмо брата, успѣлъ прискакать въ Митаву цѣлыми сутками раньше депутатовъ, хотя тѣ, безпрестанно перемѣняя заранѣе выставленныхъ лошадей, «летѣли паче, нежели ѣхали (*)».

Густавъ Левенвольде повелъ дѣло отлично. Извѣстивъ Анну Іоанновну обо всемъ, о чемъ сообщалъ ему братъ, онъ посовѣтовалъ ей, чтобы она не отвергала предложеній депутатовъ и подписала безпрекословно всѣ ихъ условія, которыя послѣ очень легко будетъ уничтожить, потому что въ Москвѣ никто не сочувствуетъ Долгоруковымъ и Голицынымъ, и замыслы ихъ непремѣнно рухнутъ сами собою. Такая рѣчь была, разумѣется, по-сердцу герцогини курляндской, и она съ признательностью приняла совѣтъ Левенвольде, который тотчасъ же послѣ того откланялся и уѣхалъ обратно въ свои лифляндскіе помѣстья—выжидать что-то будетъ. Выжидать этого въ Митавѣ осторожному Густаву Левенвольде показалось неблагоразумнымъ, потому что изъ встрѣчи съ депутатами не предвидѣлось для него ничего особенно хорошаго, и это, дѣйствительно, испыталъ на себѣ гонецъ, посланный къ Аннѣ Іоанновнѣ отъ Ягушинскаго, бывшій адъютантъ его, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ.

Сумароковъ значительно отсталъ отъ скорохода графа Рейнгольда и прибылъ въ Митаву, уже пять часовъ спустя послѣ депутатовъ верховнаго тайнаго совѣта (**). Узнавъ о его пріѣздѣ, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ самъ отправился къ нему, прибилъ его, арестовалъ, велѣлъ заковать въ кандалы и, взявъ у него письмо Ягушинскаго, отослалъ его обратно въ Москву, къ членамъ верховнаго тайнаго совѣта, съ генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ. По прибытіи Леонтьева въ Москву, Ягушинскій былъ тоже арестованъ, и только одно предстательство и ходатайство тестя его, Гаврилы Ива-

(*) *Повѣсть* и пр. Θеофана Прокоповича, с. 197.
(**) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 79.

новича Головкина, спасло неосторожнаго оберъ-шталмейстера отъ смертной казни. Какая участь постигла гонца Феофана Прокоповича— неизвѣстно; но самъ краснорѣчивый витія не пострадалъ нисколько и, какъ во многихъ случаяхъ своей жизни, вышелъ совершенно сухимъ изъ воды.

Вмѣстѣ съ предательскимъ письмомъ Ягушинскаго, генералъ-маіоръ Леонтьевъ привезъ въ Москву и *кондиціи россійскому правленію*, подписанныя Анной Іоанновной, къ неизреченной радости верховниковъ, такъ: «по сему обѣщаюсь все, безъ всякаго изъятія, содержать. Анна». Привезъ также Леонтьевъ рескриптъ новой императрицы «любезно вѣрнымъ подданнымъ, присутствующимъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ»,—рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, говорилось:

«По соизволенію всемогущаго Бога, который токмо единъ державы и скиптры монарховъ опредѣляетъ, избраны Мы на россійскій прародителей Нашихъ престолъ, и хотя Я разсуждала, какъ тяжко есть правленіе толь великой и славной монархіи, однакоже, повинуясь той же божественной волѣ и прося Его, Создателя, помощи, къ тому жъ не хотя оставить отечества Моего и вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, намѣрилась принять державу того государства и правительствовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобы всѣ Наши подданные, какъ мірскіе, такъ и духовные, могли быть довольны. А понеже къ тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для, предъ вступленіемъ Моимъ на россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли Мы за потребно, для пользы россійскаго государства и къ удовольствованію вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое Наше намѣреніе, которое Мы имѣемъ къ отечествію Нашему и вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, и для того, елико время Насъ допустило, написавъ, какими способы Мы то правленіе вести хощемъ, и подписавъ Нашею рукою, послали въ тайный верховный совѣтъ, а сами сего (января) мѣсяца въ 29 день конечно изъ Митавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ, пойдемъ. Впрочемъ обѣщаемъ вамъ, и всѣмъ Нашимъ подданнымъ, Нашу монаршескую милость, которую, по прибытіи Нашемъ, дѣйствительно показать хощемъ, и всѣхъ васъ вручаемъ всемогущему Богу» (*).

(*) *Примѣчанія къ запискамъ дюка Лирійскаго*, с. 166—168.

Помня слова и совѣты Густава Левенвольде, Анна Іоанновна подписала и *кондиціи*, и рескриптъ безъ всякаго прекословія и, повидимому, съ полнѣйшею готовностью въ самомъ дѣлѣ «содержать все, безъ изъятія»; но истинныя чувства ея къ «любезно-вѣрнымъ подданнымъ, присутствующимъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ», были далеко не дружелюбны, въ особенности же за то, что въ числѣ условій, предложенныхъ этими любезно-вѣрными подданными, находилось дерзкое требованіе—отнюдь не брать императрицѣ съ собою въ Москву каммеръ-юнкера Эрнста-Іоганна Бирона. Возложивъ, впрочемъ, всѣ упованія на всемогущаго Бога, Анна Іоанновна простилась съ Митавой и Бирономъ, и 29 января 1730 года выѣхала «къ Москвѣ, для вступленія на престолъ».

Въ Москвѣ между тѣмъ торжествующіе верховники издали манифестъ, въ которомъ объявлялось о кончинѣ императора Петра II и объ избраніи на престолъ «общимъ желаніемъ и согласіемъ всероссійскаго народа» государыни царевны, Анны Іоанновны. Духовенство немедленно открыло присягу императрицѣ *Аннѣ Первой*; но такъ какъ въ манифестѣ верховнаго тайнаго совѣта не говорилось ничего о *кондиціяхъ россійскому правленію*, то, воспользовавшись этимъ, расчетливый Өеофанъ Прокоповичъ, по соглашенію съ графомъ Гавриломъ Ивановичемъ Головкинымъ, разослалъ повсюду присяжные листы, въ которыхъ Анна Первая именовалась *самодержицей*; а синодъ повелѣлъ провозглашать на эктеніяхъ «государыни имя съ полною монаршескою титлою, самодержавіе въ себѣ содержащею (*)». Вмѣстѣ съ тѣмъ и Өеофанъ, и Головкинъ, и другіе, недовольные замыслами верховниковъ, *особы* хлопотали самымъ дѣятельнымъ образомъ объ увеличеніи своей партіи, и къ этой партіи, дѣйствительно, стекались со всѣхъ сторонъ и недруги князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, и недруги вообще всякихъ перемѣнъ и нововведеній. Ядро оппозиціи, кромѣ графа Головкина и Өеофана Прокоповича, составляли слѣдующія лица: фельдмаршалъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій, князь Иванъ Өедоровичъ Барятинскій, графъ Өедоръ Андреевичъ Матвѣевъ и генералы: Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, Григорій Петровичъ Чернышевъ и Александръ Ивановичъ Румянцевъ. Къ этому же кружку принадлежалъ и ученый Василій Никитичъ Татищевъ, составившій для своихъ единомышлен-

---

(*) *Повѣсть* и пр. Өеофана Прокоповича, с. 206.

*

никовъ пространную записку, въ которой съ помощью всевозможныхъ историческихъ и философическихъ доводовъ доказывалась *непорядочность* избранія Анны Іоанновны членами верховнаго тайнаго совѣта. «По закону естественному—говорилось въ запискѣ—избраніе должно быть согласіемъ всѣхъ подданныхъ, нѣкоторыхъ персонально, другихъ черезъ повѣренныхъ, какъ такой порядокъ во многихъ государствахъ учрежденъ, а не четыремъ или пяти человѣкамъ, какъ-то нынѣ непорядочно учинено». Обрушиваясь затѣмъ на верховниковъ всею тяжестью своей учености и благонамѣренности, Татищевъ говорилъ, что «они дерзнули собою единовластительство отставить и ввести аристократію, объявляя намъ Ея Величества письмо и пункты, яко бы она сама по своей волѣ учинила, и принуждаютъ насъ, подъ образомъ слышанія, оное подписками утвердить, якобы мы ихъ той явной продерзости согласовали, и какъ они, то принужденіе закрывая, объявляютъ: если кто противъ онаго имѣетъ что представить, то бы имъ объявили. И какъ они самовольно власть себѣ похитили, выключа достоинство и преимущество всего шляхетства и другихъ сановъ, то намъ должно и необходимо нужно съ прилежностью разсмотрѣть, и потому представить, что къ пользѣ государства надлежитъ, и иное свое право защищать по крайней возможности, не давая тому закоснѣть, а паче опасаться, чтобъ они, видя насъ въ оплошности, на большій безпорядокъ не дерзнули (*)».

Конечнымъ выводомъ изъ ученыхъ словоизвитій ученаго Василія Никитича вытекала мысль, что въ измѣненіи существующаго въ россійской имперіи образа правленія «никакой нужды, ни пользы нѣтъ, развѣ великій вредъ»; въ заключеніе же записки слѣдовала нѣкоторая хвалебная пѣснь новой императрицѣ. «Хотя мы—писалъ Татищевъ—ея мудростью, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожъ какъ есть персона женская, къ такъ многимъ трудамъ не удобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ; для того на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить (**)».

Вновь учредить для помощи ея величеству, по мнѣнію Татищева и его единомышленниковъ, потребно было слѣдующее: 1) сенатъ изъ

(*) «Двѣ записки Татищева, относящіяся къ царствованію императрицы Анны». *Утро*. Литературный Сборникъ. Москва. 1859. с. 370.

(**) Тамъ же, с. 375.

двадцати одного члена, въ числѣ которыхъ были бы и члены верховнаго тайнаго совѣта; 2) другое «нижнее правительство», для завѣдыванія дѣлами внутренней экономіи, изъ ста человѣкъ, дѣлившихся на три части и занимавшихся дѣлами по третямъ года; въ случаяхъ же чрезвычайныхъ, съѣзжавшихся по повѣсткѣ и составлявшихъ общее собраніе. Сверхъ того предполагалось: а) замѣщать мѣста сенаторовъ, президентовъ и вице-президентовъ коллегій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ въ губерніяхъ посредствомъ балотированія въ сенатѣ и «нижнемъ правительствѣ», а главныхъ командировъ въ войскахъ— посредствомъ балотированія военными генералами. б) Высочайшія повелѣнія относительно изданія новыхъ законовъ посылать на предварительное разсмотрѣніе и обсужденіе во всѣ коллегіи. в) Двумъ членамъ одной и той же фамиліи не быть въ сенатѣ или въ «вышнемъ правительствѣ»; а въ «нижнемъ» и въ коллегіяхъ не допускать только близкихъ родственниковъ. г) Въ тайной канцеляріи, вмѣстѣ съ назначеннымъ отъ правительства лицемъ, засѣдать помѣсячно двумъ членамъ изъ сената; а чтобъ при арестахъ тайная канцелярія не касалась имущества арестуемыхъ,—брать всегда отъ полиціи по одному знатному человѣку. д) Относительно шляхетства, «для производженія его въ войскѣ и гражданствѣ», искать лучшаго способа, нежели нынѣ, а именно: учредить во всѣхъ городахъ потребныя для шляхетства училища; людей моложе восемнадцати лѣтъ не принуждать къ службѣ и болѣе двадцати лѣтъ въ войскѣ служить не заставлять; въ матросы и ремесла не писать; составить по всему государству роспись шляхетству и всѣмъ, владѣющимъ деревнями, изъ какого бы чина они ни были. е) Разсмотрѣть доходы духовенства и деревенскому духовенству дать возможность содержать дѣтей своихъ въ училищахъ и самимъ не пахать; у кого же есть избытки, употребить ихъ на дѣла, полезныя Богу и государству. ж) Купечество, сколь возможно, уволить отъ постоевъ, избавить отъ утѣсненій и дать ему способы къ развитію мануфактуръ и торговли. з) Пункты о наслѣдствѣ оставить, «а сочинить о томъ достаточный законъ на основаніи Уложенія (*)».

Подъ запиской этой подписались двѣсти девяносто три человѣка, и князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій представилъ ее, отъ лица шляхетства, верховному тайному совѣту, прося немедленно разсмотрѣть

(*) Тамъ же, с. 375—377.

изложенныя въ ней требованія, пригласивъ къ тому сто депутатовъ изъ среды дворянъ. Это было 4 февраля. 5-го, въ совѣтъ поступила другая записка, поданная генераломъ Матюшкинымъ и подписанная девяносто шестью дворянами, которые предоставляли право рѣшенія возникшаго вопроса одному верховному совѣту. Черезъ четыре дня послѣ того явилась еще третья записка, представленная княземъ Куракинымъ и подписанная пятнадцатью дворянами. Куракинъ и его единомышленники, соглашаясь почти во всемъ съ мнѣніями Татищева, предлагали оставить при сенатѣ и сточленномъ «нижнемъ правительствѣ» и верховный тайный совѣтъ, а также заявляли желаніе, чтобы столица и резиденція имперіи оставалась въ Москвѣ. На все это верховники отвѣчали, что «имъ надлежитъ все учрежденіе учинить, не требуя ничьего совѣта». Мнѣніе это подписали девяносто семь человѣкъ (*).

Отвѣтъ этотъ раздражилъ всѣхъ; но люди осторожные и предусмотрительные сочли нужнымъ до поры-до времени не давать воли своимъ чувствамъ, видя, что это было бы дѣломъ очень рискованнымъ. Къ числу такихъ мудрецовъ принадлежалъ, разумѣется, и Андрей Ивановичъ Остерманнъ. Онъ все еще страдалъ то глазною болѣзнью, то подагрой, то хирагрой (смотря по требованію), и потому никуда не выѣзжалъ изъ дому и ни во что не вмѣшивался; но онъ зорко наблюдалъ за всѣмъ, все зналъ, все видѣлъ, и только выжидалъ благопріятной минуты, чтобы принять рѣшительное участіе въ дѣйствіяхъ той партіи, которая восторжествуетъ. Въ душѣ, разумѣется, онъ былъ на сторонѣ оппозиціи князьямъ Долгоруковымъ и Голицынымъ.

Столь же внимательно присматривался ко всему и графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде, съ замираніемъ сердца ожидая, чѣмъ то все разыграется, блѣднѣя и содрагаясь при каждомъ новомъ успѣхѣ верховниковъ, радуясь и разцвѣтая душою при каждомъ новомъ шансѣ удачи ихъ противниковъ. Для него, еще болѣе, чѣмъ для Остерманна, вопросъ о побѣдѣ той или другой стороны былъ вопросомъ—*быть или не быть*...

А рѣшеніе этого вопроса было уже не за горами. 10 февраля Анна Іоанновна прибыла въ подмосковное село Чашниково и здѣсь встрѣчена была тремя архіереями и тремя сенаторами. Во время этой встрѣчи, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ не отходилъ ни на шагъ

(*) Тамъ же, с. 378.

отъ императрицы и, по выраженію Өеофана Прокоповича, «остро наблюдалъ» за всѣми движеніями какъ сенаторовъ, такъ и архіереевъ. Въ тотъ же день, послѣ обѣда, Анна Іоанновна выѣхала изъ Чашникова въ село Всесвятское, находившееся только въ семи верстахъ отъ Москвы, и, прибывъ туда въ третьемъ часу по полуночи, положила остаться здѣсь до торжественнаго въѣзда своего въ столицу, долженствовавшаго произойдти послѣ погребенія усопшаго императора.

II.

Тѣло усопшаго императора предано было землѣ 11 февраля. Послѣ печальной церемоніи, ѣздили во Всесвятское представляться императрицѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, сенаторы и другіе первоклассные сановники; а черезъ три дня послѣ того, 15 февраля, совершилось вшествіе Анны Іоанновны въ Москву «съ великою славою», по церемоніалу, сочиненному въ верховномъ тайномъ совѣтѣ. По бокамъ раззолоченной и богато убранной кареты императрицы ѣхали верхами: съ одной стороны князь Василій Лукичъ Долгоруковъ въ сопровожденіи генералъ-маіора Леонтьева, съ другой—князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ въ сопровожденіи генералъ-маіора Шувалова. Графъ Рейнгольдъ фонъ-Левенвольде, присутствовавшій тоже, въ качествѣ каммергера, при этомъ торжественномъ вшествіи, не безъ волненія и тревоги долженъ былъ взирать на кортежъ ея императорскаго величества, не предвѣщавшій ничего добраго россійскимъ каммергерамъ нѣмецкаго происхожденія. Единственнымъ утѣшеніемъ для благороднаго графа могло служить развѣ то обстоятельство, что, во время пышнаго и наряднаго церемоніала, много лицъ по сторонамъ отличалось какимъ-то сумрачнымъ, безпокойнымъ и озабоченнымъ выраженіемъ, да и физіономія самой императрицы не поражала особенной ясностью и умиленіемъ... «Не имѣла Ея Императорское Величество чѣмъ веселиться, и многіе о ея бѣдномъ состояніи тужили и печалились»—говоритъ Өеофанъ Прокоповичъ—и все это неминуемо предвѣщало еще много смутъ и передрягъ въ будущемъ; все это говорило, что ликовавшимъ верховникамъ еще рано успокоиваться на лаврахъ...

Москва, дѣйствительно, волновалась съ каждымъ днемъ все бо-бѣе и болѣе, и число недовольныхъ «затѣйками» князей Долгоруко-выхъ и Голицыныхъ возрастало безпрестанно. Находились даже герои такого рода, которые намѣревались напасть на верховниковъ вооруженною рукою и перебить ихъ всѣхъ до одного. Другіе, болѣе умѣренные, стремились лишь торжественно передать императрицѣ желаніе всего народа, «дабы Ея Императорское Величество соизволила принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ея предшественники (*)»,— хотя народъ, какъ мы уже говорили, не принималъ ровно никакого участія въ дѣйствіяхъ вельможъ и дворянства, и теперь, присягнувъ новой царицѣ, зналъ лишь одно, что ее зовутъ Анной Ивановной, не зная, да и не желая знать, какая тамъ она — неограниченная или ограниченная, потому что платить подати и нести повинности пришлось бы все равно и ограниченному, и неограниченному, и какому ни на есть начальству...

Ропотъ, жалобы и угрозы оппозиціи, доходившіе, разумѣется, до слуха верховниковъ, заставляли ихъ съ тоской и боязнью сознавать слабость и шаткость своего положенія, и это непріятное сознаніе отражалось невольно на неровности ихъ поступковъ, на нерѣшительности ихъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, принудивъ духовенство сочинить новую присягу императрицѣ, верховники велѣли выкинуть изъ этой присяги титулъ самодержицы и вставить выраженіе: «служить государынѣ и отечеству», но не осмѣлились послѣдовать совѣту князя Димитрія Михайловича Голицына, который хотѣлъ, чтобы новая присяга принесена была на имя *государыни и верховнаго тайнаго совѣта*. Надеждъ своихъ они, вообще, еще не покидали, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ совершенно деспотически обращался съ новой своей повелительницей, страшась ежеминутно, чтобы кто нибудь другой не заступилъ его мѣста. Онъ помѣстился во дворцѣ возлѣ самыхъ покоевъ императрицы, наблюдалъ за каждымъ ея поступкомъ, не позволялъ никому видѣться съ ней наединѣ, за исключеніемъ однѣхъ придворныхъ дамъ, допускалъ и дамъ не всѣхъ и не всегда,—словомъ, «какъ бы нѣкій драконъ, блюлъ ее неприступну», по выраженію Ѳеофана Прокоповича.

Такого рода опека была, конечно, не по вкусу Аннѣ Іоанновнѣ, и она старательно употребляла всѣ зависѣвшія отъ нея средства,

---

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 88.

чтобы какъ нибудь измѣнить свое положеніе. Дѣятельнѣйшимъ пособникомъ ей въ этомъ случаѣ оказался Остерманнъ. Онъ все еще *страдалъ* глазною болѣзнью и не показывался никуда, но черезъ жену свою, допускавшуюся довольно часто къ императрицѣ, передавалъ ей безпрестанно свои совѣты, наставленія и указанія, отличавшіеся, какъ всегда, и умомъ, и вѣрностью, и тонкимъ знаніемъ и людей, и обстоятельствъ. Такъ, по совѣту Остерманна, еще во время пребыванія своего въ Всесвятскомъ, Анна Іоанновна постаралась привлечь на свою сторону гвардейцевъ, расположеніе которыхъ было для нея въ высшей степени важно. Она собственноручно подчивала офицеровъ и солдатъ виномъ и водкою, была съ ними чрезвычайно привѣтлива и любезна, и, въ заключеніе всего, объявила себя полковникомъ преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардскаго, назначивъ въ то же самое время подполковникомъ въ первый полкъ родственника своего, сенатора и генералъ-поручика, Семена Андреевича Салтыкова. «Это дѣло — говоритъ герцогъ Лирійскій—заставило всѣхъ призадуматься, и рѣшимость императрицы удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною, ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ былъ и тотъ, чтобы царица не имѣла никакой власти надъ гвардіею (*)».

Подвизались въ помощь Остерманну, кромѣ супруги его, и другія дамы: княгиня Черкасская, Матюшкина, Чернышева и въ особенности Прасковья Юрьевна Салтыкова (урожденная Трубецкая), нерѣдко тайно разъѣзжавшая по ночамъ по разнымъ вельможамъ и сановникамъ, для узнанія ихъ образа мыслей, надеждъ и плановъ. Сестра

(*) *Записки дюка Лирійскаго.* с. 82. По словамъ французскаго резидента Маньяна. Остерманнъ сталъ дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ послѣ того, какъ былъ жестоко оскорбленъ фельдмаршаломъ, княземъ Михаиломъ Михайловичемъ Голицынымъ. «Фельдмаршалъ Голицынъ—пишетъ Маньянъ въ депешѣ своей отъ 9 марта (н. с.) 1730 года—отправился нѣсколько дней тому назадъ съ визитомъ къ г. Остерманну, котораго онъ считалъ очень больнымъ. Увидѣвъ, къ удивленію своему, совершенно противное, Голицынъ позволилъ себѣ множество самыхъ рѣзкихъ выраженій и ѣдко укорялъ мнимаго больнаго за его нежеланіе принять участіе въ дѣлахъ въ такое время, когда его опытность и познанія могли бы быть очень полезными. Суровость фельдмаршала до того поразила г. Остерманна, что онъ чуть не умеръ отъ горести, и это было главнѣйшею причиною, побудившею его рѣшиться на все, для противодѣйствія замысламъ касательно ограниченія самодержавія».

Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français, p. 31.

Анны Іоанновны, герцогиня мекленбургская Екатерина Іоанновна, сильно озлобленная на Долгоруковыхъ и Голицыныхъ за устраненіе свое отъ престола, дѣйствовала также, по мѣрѣ силъ и возможности, самымъ энергическимъ образомъ и безпрестанно убѣждала сестру не поддаваться ни въ чемъ требованіямъ верховниковъ. Өеофанъ Прокоповичъ, съ своей стороны, ратовалъ въ пользу самодержавія и свою собственную всею силою своего кудряваго краснорѣчія и духовнаго вліянія, всѣми орудіями хитрости и пронырства, не гнушаясь ничѣмъ, ибо его высокопреосвященство принадлежалъ къ числу людей, для которыхъ всѣ средства хороши, коль скоро ведутъ къ вожделѣнной цѣли. Сила оппозиціи видимо росла и крѣпла, и верховники, все еще не уступая своимъ противникамъ, начинали однакоже часто и крѣпко задумываться.

Императрица все это видѣла и знала, несмотря на неослабный, *драконскій* надзоръ князя Василія Лукича. Кромѣ того, что ей передавали о городскихъ вѣстяхъ и случаяхъ приближенныя къ ней дамы, — эти вѣсти и слухи доходили до нея еще другимъ, довольно оригинальнымъ способомъ, придуманнымъ озлобленными на верховниковъ партизанами самодержавія. Разставшись противъ воли съ каммеръ-юнкеромъ своимъ, Эрнстомъ-Іоганномъ Бирономъ, Анна Іоанновна, въ видахъ нѣкотораго утѣшенія, взяла съ собою въ Москву маленькаго Биронова сына, котораго любила чрезвычайно. Малютка помѣщался во дворцѣ, близь спальни императрицы. Его каждое утро приносили къ Аннѣ Іоанновнѣ, и она каждое утро находила за пазухой своего любимца небольшую бумагу, въ которой весьма обстоятельно излагались свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ пользу самодержавія и предлагались ея императорскому величеству совѣты и указанія, какъ вести себя и держать относительно членовъ верховнаго тайнаго совѣта (*).

По мѣрѣ того, какъ эти свѣдѣнія становились все болѣе и болѣе утѣшительными, а лица верховниковъ все болѣе и болѣе пасмурными и озабоченными, угрюмое лице Анны Іоанновны замѣтно прояснялось, а дѣйствія начинали принимать самостоятельный, *самодержавный* характеръ. Она не скрывала своего неудовольствія при видѣ распоряженій князя Василія Лукича Долгорукова; она упорно отказы-

---

(*) Примѣчаніе къ *Запискамъ дюка Лирійскаго*, въ переводѣ Д. Языкова, с. 181.

валась отъ ратификаціи въ верховномъ совѣтѣ, подписанныхъ ею въ Митавѣ *кондицій*, и разъ даже весьма выразительно замѣтила, что вѣдь ее провозгласили императрицей только восемь человѣкъ, а этого очень мало (*)... Начать прямо свое правленіе положительнымъ разрывомъ съ верховниками, сдѣлать самой первый шагъ къ этому — Анна Іоанновна однакоже не рѣшалась, по видимо ожидала благопріятнаго случая и ожидала его съ полною надеждою на успѣхъ.

Ожидали благопріятнаго случая и другіе. Съ трепетомъ и замираніемъ сердца ожидалъ его и графъ Рейнгольдъ Левенвольде, возлагая всѣ свои упованія на мудрость, проницательность и всевѣдѣніе барона Остерманна. Ожидалъ, вѣроятно, какихъ нибудь утѣшительныхъ вѣстей и братъ его, Густавъ, въ глуши своихъ лифляндскихъ помѣстій; но Густавъ, какъ человѣкъ степенный и солидный, ожидалъ развязки, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо терпѣливѣе пылкаго Рейнгольда, съ наслажденіемъ думая, что первый человѣкъ, поздравившій герцогиню курляндскую съ титуломъ императрицы всероссійской и сообщившій ей нѣсколько благоразумныхъ мнѣній относительно дерзкихъ замысловъ верховниковъ, былъ не кто иной, какъ онъ, благородный лифляндецъ и каммергеръ россійскаго двора, графъ Густавъ фонъ-Левенвольде...

Всеобщія, томительныя ожиданія разрѣшились 25 февраля 1730 года.

23 февраль, въ домѣ генералъ-поручика князя Ивана Ѳедоровича Барятинскаго собралось болѣе семидесяти человѣкъ дворянъ, которые тутъ же единодушно положили просить императрицу, отъ лица всего россійскаго народа, о принятіи самодержавія. Съ этой вѣстью изъ дома Барятинскаго отправленъ былъ ученый Василій Никитичъ Татищевъ въ домъ къ князю Алексѣю Михайловичу Черкасскому, у котораго тоже въ это время собралось болѣе девяноста человѣкъ генераловъ и офицеровъ гвардіи. Въ числѣ присутствовавшихъ тутъ находился и молодой князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантеміръ, который тотчасъ же вызвался переписать на-бѣло привезенную Татищевымъ челобитную. Она была переписана и немедленно отвезена Татищевымъ въ домъ къ князю Барятинскому, гдѣ всѣ присутствовавшіе безотлагательно скрѣпили своими подписями каллиграфическое произведеніе князя Антіоха Дмитріевича. Послѣ этого, про-

(*) Донесеніе саксонскаго посланника Лефорта отъ 13 марта (н. с.) 1730 года. *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 33.

шеніе снова привезено было къ князю Черкасскому и тутъ тоже подписано девяноста тремя человѣками. За симъ графъ Матвѣевъ и князь Кантеміръ отправились въ гвардейскій и кавалергардскій полки, гдѣ добыли пятьдесять восемь офицерскихъ и тридцать семь кавалергардскихъ подписей.

Утромъ 25 февраля, въ домѣ князя Черкасскаго собралось слишкомъ триста человѣкъ дворянъ, положившихъ сейчасъ же отправиться во дворецъ съ челобитной императрицѣ. Предварительно, впрочемъ, по православному обычаю, дворяне поѣхали въ Успенскій соборъ и отслужили молебенъ. Во дворцѣ, между тѣмъ, новый подполковникъ преображенскаго полка, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, удвоилъ караулы и велѣлъ всѣмъ солдатамъ зарядить ружья боевыми патронами.

Анна Іоанновна знала обо всемъ, во-первыхъ, черезъ Ѳеофана Прокоповича, во-вторыхъ, черезъ Прасковью Юрьевну Салтыкову. Ѳеофанъ Прокоповичъ, за нѣсколько дней до 25 февраля, поднесъ императрицѣ, «въ знакъ усердія», столовые часы, а за пазухой Биронова сына Анна Іоанновна въ тотъ же день нашла записку, въ которой извѣщалось, что въ часахъ, подъ доскою, положенъ «планъ», коимъ слѣдуетъ руководствоваться ея императорскому величеству (*). Императрица, такимъ образомъ, могла приготовиться и ожидала...

Испросивъ въ Успенскомъ соборѣ благословеніе Господне на свое предпріятіе, дворяне прибыли во дворецъ и потребовали у ея императорскаго величества аудіенціи. Анна Іоанновна приняла ихъ въ тронной залѣ, на тронѣ, окруженномъ гвардейцами, которые въ весьма достаточномъ количествѣ разставлены были вокругъ всей комнаты. Тутъ же были и верховники, и князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, все еще, какъ тѣнь, слѣдившій за императрицей; но и князь Василій Лукичъ, и всѣ его товарищи были видимо смущены, испуганы, потеряны...

Изъ среды собравшагося дворянства выступилъ генералъ-фельдмаршалъ князь Трубецкій и вручилъ ея императорскому величеству челобитную, которую ея императорское величество тутъ же приказала прочитать вслухъ ученому Василію Никитичу Татищеву. Въ челобитной прежде всего приносилась всеподданнѣйшая благодарность Аннѣ Іоанновнѣ за то, что ей угодно было подписать условія, предложенныя ея величеству верховнымъ совѣтомъ; потомъ замѣчалось, что въ

(*) Примѣчанія *къ запискамъ дюка Лирійскаго*, стр. 181.

этихъ условіяхъ есть нѣкоторыя статьи, заставляющія народъ опасаться бѣдственныхъ на будущее время происшествій, почему дворянство уже представляло свои мнѣнія верховному тайному совѣту и просило его, чтобы для блага и спокойствія всей имперіи установлена была, по большинству голосовъ, форма правленія надежная и твердая; въ заключеніе же говорилось, дабы ея императорское величество соизволила повелѣть: разсмотрѣть вышеозначенныя мнѣнія генералитету и дворянству, назначивъ для этого по одному или по два человѣка изъ каждаго семейства. Генералитетъ же и дворянство, обсудивъ всѣ статьи, установятъ такую форму правленія, которая изберется большинствомъ голосовъ и будетъ утверждена ея императорскимъ величествомъ (*).

Когда Татищевъ кончилъ чтеніе, князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій началъ было что-то говорить, но Василій Лукичъ Долгоруковъ тотчасъ же перебилъ его, обратившись къ императрицѣ съ предложеніемъ выйдти въ другую комнату, для обсужденія отвѣта на просьбу дворянства. Это произвело всеобщее волненіе въ залѣ. Всѣ заговорили разомъ; голоса возвысились; нѣсколько челвѣкъ крикнули слово «самодержавіе»; гвардейцы тѣснѣй окружили тронъ; оружіе ихъ грозно зазвучало. Императрица видимо встревожилась и взволнованнымъ голосомъ замѣтила стоявшему возлѣ нея гвардейскому капитану, что она здѣсь не въ безопасности. Тогда военные собрались въ кучу, упали передъ трономъ на колѣни и предлагали императрицѣ—перебить всѣхъ ея недруговъ. «Мы вѣрные слуги вашего императорскаго величества! кричали они—мы вѣрою и правдою служили вашимъ предшественникамъ и готовы отдать жизнь за ваше величество! Мы не потерпимъ, чтобъ вами повелѣвали! Прикажите—и мы положимъ къ вашимъ ногамъ головы бунтовщиковъ»! Анна Іоанновна просила пылкихъ воиновъ успокоиться и слушаться во всемъ генерала Салтыкова, потомъ потребовала перо и написала на прошеніи, поданномъ княземъ Трубецкимъ: «учинить по сему».

Члены верховнаго тайнаго совѣта потерялись окончательно и ни одинъ изъ нихъ не произнесъ ни слова. Да и хорошо они это сдѣлали, потому что противники ихъ, въ особенности же пылкіе воины, твер-

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, стр. 85, 86 и 87. Тоже самое сообщаетъ и Маньянъ въ одной изъ своихъ депешъ. ***Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français***, p. 34.

до рѣшились прибѣгнуть къ насилію въ случаѣ сопротивленія (*). За то противники эти ликовали и сіяли, и тутъ же, не выходя изъ дворца, положили: что такъ какъ императрица соблаговолила дозволить разсудить и представить ей мнѣніе о наилучшей формѣ правленія, то это можно рѣшить сейчасъ же, а именно — всеподданнѣйше просить ея императорское величество о принятіи ею полнаго самодержавія, по примѣру ея августѣйшихъ предшественниковъ. Съ этой цѣлью къ Аннѣ Іоанновнѣ отправлена была депутація, долженствовавшая исходатайствовать новую аудіенцію.

Аудіенція эта назначена была послѣ обѣда, къ которому императрица пригласила всѣхъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, чтобы такимъ образомъ задержать ихъ во дворцѣ и отнять у нихъ всякую возможность что либо затѣять. Въ три часа дворянство снова собралось въ тронной залѣ, и князь Черкасскій поднесъ ея императорскому величеству другое прошеніе, которое ея императорское величество повелѣла прочесть князю Антіоху Кантеміру.

Въ прошеніи этомъ, послѣ всеподданнѣйшей благодарности за то, что императрица соблаговолила подписать первую, поданную ей утромъ, челобитную, говорилось:

«Обязанность наша, какъ вѣрныхъ подданныхъ вашего императорскаго величества, требуетъ отъ насъ не оставаться неблагодарными, и посему мы являемся предъ ваше величество съ величайшимъ благоговѣніемъ для изъявленія нашей признательности, и всенижайше просимъ соизволить принять самодержавіе, съ которымъ царствовали ваши предшественники, и уничтожить условія, присланныя вашему величеству отъ верховнаго совѣта и подписанныя вами».

За симъ дворяне просили, чтобы, вмѣсто верховнаго тайнаго совѣта, возобновленъ былъ правительствующій сенатъ, какъ онъ учрежденъ былъ при Петрѣ I, чтобы сенатъ этотъ состоялъ изъ двадцати одного члена, и чтобы сенаторы, губернаторы и президенты коллегій назначались по выбору дворянства и по жребію. Финалъ же прошенія былъ такого рода:

«Наконецъ мы, всенижайшіе подданные вашего императорскаго

(*) «Члены верховнаго совѣта, пишетъ Маньянъ въ депешѣ отъ 2 марта 1730 года — поступили очень благоразумно, не изъявивъ своего неудовольствія, потому, что, въ случаѣ ихъ сопротивленія, дворяне и офицеры гвардіи сговорились заранѣе выбросить весь верховный совѣтъ за окошко».
Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français p. 37.

величества, надѣемся быть счастливыми при новой формѣ правленія и при уменьшеніи налоговъ, по врожденному вашего величества милосердію, и можемъ спокойно кончить жизнь свою у ногъ вашихъ» (*).

«Министры верховнаго совѣта—говоритъ герцогъ Лирійскій—при чтеніи сего прошенія стояли, какъ пораженные громомъ, и никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣйшаго движенія». «Какъ, развѣ условія, подписанныя мною въ Митавѣ, не были изъявленіемъ желанія всѣхъ сословій»? спросила Анна Іоанновна, представляясь горестно-изумленною. «Нѣтъ, нѣтъ, государыня»! крикнуло все собраніе. Императрица тотчасъ же потребовала знаменитыя *кондиціи* и, когда онѣ были принесены, приказала Семену Андреевичу Салтыкову читать ихъ вслухъ. «Согласно ли это съ желаніемъ Русскихъ»? спрашивала она при каждомъ пунктѣ.—«Нѣтъ, государыня»! кричало собраніе.—«Такъ ты бманулъ меня, князь Василій Лукичъ»? сказала Анна Іоанновна, обращаясь къ Долгорукову. Тотъ не отвѣчалъ ничего. Анна Іоанновна приказала Салтыкову разорвать *кондиціи* и потомъ объявила присутствовавшимъ, что она принимаетъ власть самодержавную и вступаетъ на престолъ *не по избранію, а по наслѣдству*.—«Всякій, противящійся моей волѣ, будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ», сказала императрица, но къ этимъ грознымъ словамъ тотчасъ же присовокупила, что желаетъ царствовать съ кротостію и правосудіемъ и строгія мѣры принимать будетъ только въ крайности (**).

Благородное дворянство и пылкіе воины восторженными кликами привѣтствовали эту рѣчь, послѣ чего, одинъ за другимъ, стали подходить къ ручкѣ своей самодержавной императрицы. Общему примѣру должны были послѣдовать и окончательно пораженные верховники, «кое дѣйствіе ихъ—съ удовольствіемъ замѣчаетъ Ѳеофанъ Прокоповичъ—понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію».

А верховникамъ было не до смѣху!.. «Пиръ былъ изготовленъ, но гости оказались недостойными его—сказалъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ друзьямъ своимъ—я знаю, что бѣда обрушится на мою голову. Пусть! Я пострадаю за отечество. Жизнь моя и безъ

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 88 и 89, и *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 38.

(**) *Mémoires historiques* etc. par le général de Manstein, t. I, p. 52 et 53.

того близится къ концу; но тѣ, которые заставляютъ меня теперь плакать, будутъ плакать больше и дольше моего (*)»!

И князь Димитрій Михайловичъ сказалъ святую правду. Слова его были пророчествомъ...

А враги Долгоруковыхъ и Голицыныхъ ликовали! Ликовала съ ними и вся Москва. Трауръ по усопшемъ императорѣ сложенъ былъ на три дня; колокола гудѣли веселымъ, радостнымъ трезвономъ; вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ.

26 февраля разосланы были отъ канцлера графа Головкина ко всѣмъ русскимъ посланникамъ и министрамъ, находившимся при иноземныхъ дворахъ, циркулярныя письма съ увѣдомленіемъ, что ея императорское величество, «слѣдуя примѣру предковъ своихъ, совершенное самодержавіе воспріять изволила». 27 февраля отправлены были въ Успенскомъ и другихъ московскихъ соборахъ, а также во всѣхъ монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, благодарныя молебствія. 28 обнародованъ былъ манифестъ, въ которомъ говорилось:

«Понеже вѣрные Наши подданные всѣ единогласно Насъ просили, дабы Мы самодержавство въ Нашей россійской имперіи, какъ издревле прародители Наши имѣли, воспріять соизволили, по которому ихъ всенижайшему прошенію мы то самодержавство воспріять и соизволили и для того вновь присягу сочинить и въ печать издать повелѣли, по которой да имѣютъ всѣ вѣрные Наши подданные, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, въ Москвѣ присутствующіе, и во всей Нашей всероссійской имперіи обрѣтающіеся, въ вѣрности своей къ Намъ, яко самодержавной государынѣ, присягать, и на томъ слово и крестъ цѣловать, и ко оной подписываться (**)».

И вѣрные подданные присягали, и на томъ словѣ и крестъ цѣловали, и къ присягѣ подписывались.

«Теперь все спокойно, сообщалъ черезъ день послѣ того своему правительству Маньянъ:—а государыня очень весела и довольна (***)».

(*) Тамъ же, с. 54.

(**) «О вступленіи на россійскій престолъ ея императорскаго величества государыни императрицы, Анны Іоанновны, о воспріятіи самодержавія и объ учиненіи вновь присяги». *Полное собраніе законовъ*, т. VIII, с. 253.

(***) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 40.

III.

Государыня стала еще веселѣй и довольнѣй, когда вслѣдъ за принятіемъ ею самодержавія явился изъ Митавы въ Москву печально томившійся дотолѣ въ мучительной неизвѣстности каммеръ-юнкеръ Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ. Прибылъ изъ Лифляндіи и Густавъ фонъ Левенвольде, сообразившій, что ему теперь гораздо выгоднѣе находиться въ первопрестольной столицѣ россійскаго государства, нежели въ глуши своихъ помѣстій. Соображенія его не обманули. Анна Іоанновна помнила очень хорошо, кто первый извѣстилъ ее о коварныхъ замыслахъ верховниковъ и кто первый вмѣстѣ съ тѣмъ обрадовалъ ее увѣреніемъ, что эти коварные замыслы не поведутъ ни къ чему. Сверхъ того, и Густавъ, и Рейнгольдъ фонъ Левенвольде имѣли честь именоваться друзьями Эрнста-Іоганна Бирона—стало быть, они больше, чѣмъ кто либо, могли надѣяться, что предстоящая коронація не пройдетъ для нихъ безплодно.

И надежды ихъ оправдались вполнѣ. Еще наканунѣ коронаціи, 27 апрѣля 1730 года, Густавъ фонъ Левенвольде произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и объявленъ генералъ—адъютантомъ ея императорскаго величества (*); Рейнгольдъ же, какъ видно, еще раньше брата награжденъ былъ званіемъ оберъ-гофмаршала, потому что въ день коронаціи онъ уже красовался въ этомъ званіи во все время продолжительнаго и разнообразнаго коронаціоннаго церемоніала (**).

(*) *Описаніе коронаціи ея величества императрицы и самодержіцы всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъградѣ Москвѣ, 28 апрѣля 1730 году*. Москва. 1730, с. 28.

(**) Кромѣ званія оберъ-гофмаршала, Рейнгольдъ Левенвольде получилъ еще одну награду, о которой такъ извѣщали публику современныя этому высокоторжественному событію газеты:

«24 апрѣля 1730 года изволила ея величество всемилостивѣйшая наша государыня імператрица и самодержіца всероссійская своему оберъ-гофмаршалу, господину графу фонъ Левенволду, такую высокую милость показать, что ея Імператорское Величество присланную отъ его величества короля Прусскаго и отъ тамошняго посланника барона фонъ Мардефелда імянемъ своего короля ея Імператорскому Величеству врученную кавалерію ордена чернаго орла при присутствіи онаго господина посланника на онаго всевысочайшею своею особою сама надѣть изволила».

Санктпетербургскія вѣдомости за 1730 годъ, № 36.

Не мало трудовъ на пользу отечества подъялъ и въ этотъ, и въ послѣдующіе дни благородный графъ! Не мало, конечно, выпало ему на долю и блеска, и всякаго рода возвышающихъ и услаждающихъ человѣка торжествъ и побѣдъ!.. Утромъ, 28 апрѣля, во время торжественнаго шествія императрицы изъ дворца въ Успенскій соборъ, графъ Рейнгольдъ фонъ Левенвольде, въ богатомъ «цвѣтномъ» платьѣ, съ александровскою лентой черезъ плечо, съ золотымъ, длиною въ шесть съ половиною англійскихъ футовъ, жезломъ въ рукѣ, выступалъ передъ императорскими регаліями, несенными на подушкахъ первоклассными сановниками. Во время коронованія и литургіи, графъ Рейнгольдъ красовался на «пріступѣ первомъ» трона, рядомъ съ оберъ-маршаломъ, фельдмаршаломъ княземъ Голицынымъ, и гофмаршаломъ Шепелевымъ. Во время обѣденнаго стола, въ грановитой палатѣ, графъ Рейнгольдъ, вмѣстѣ съ оберъ-маршаломъ, гофмаршаломъ, оберъ-церемоніймейстеромъ и форшнейдеромъ, сопровождалъ изъ сѣней въ залу и изъ залы въ сѣни каждую перемѣну кушанья ея императорскаго величества, — кушанья, которое носили на блюдахъ полковники, а сопровождали кавалергарды съ карабинами въ рукахъ. 29 апрѣля, графъ Рейнгольдъ, снова «въ пребогатомъ убранствѣ», рисовался передъ императорскимъ трономъ близъ балдахина, во время торжественной аудіенціи «знатнѣйшихъ персонъ», приносившихъ всеподданнѣйшее поздравленіе ея императорскому величеству,—аудіенціи, продолжавшейся около двухъ часовъ. Послѣ обѣда онъ снова присутствовалъ при другой аудіенціи—иностранныхъ министровъ, духовенства, знатнаго шляхетства, бригадировъ, полковниковъ, маіоровъ и «штатскихъ» четвертаго, пятаго и шестаго классовъ. Во время этой аудіенціи графъ Рейнгольдъ имѣлъ удовольствіе выслушать, но не понять, краткую рѣчь, произнесенную императрицѣ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ «отъ лица всей церкви», — рѣчь, въ которой краснорѣчивый витія поздравлялъ Анну Іоанновну, по поводу *самодержавія всероссійскаго, даннаго ея императорскому величеству отъ Вышняго, со всѣмъ общимъ великимъ благополучіемъ* (*).

Присутствовалъ графъ Рейнгольдъ фонъ Левенвольде и при аудіенціяхъ разныхъ сословій и корпорацій, 30 апрѣля и 1 мая. Участвовалъ онъ и въ увеселительномъ «походѣ», совершенномъ Анной

(*) *Описаніе коронаціи* и пр., с. 10, 29, 34 и 36.

Іоанновной, 2 мая, въ Головинскій домъ (*), распоряжался тутъ, въ качествѣ оберъ-гофмаршала, баломъ, музыкой, танцами, любовался роскошной иллюминаціей дома и сада, бесѣдокъ и фонтановъ, горѣвшихъ слишкомъ двадцатью тысячами лампадъ, фонарей и шкаликовъ, затѣйливо разставленныхъ и развѣшанныхъ красивыми вензелями, шифрами, гирляндами, эмблемами. Любовался онъ, на возвратномъ пути изъ Головинскаго дома, и иллюминаціей всей Москвы, въ особенности же домами иностранныхъ пословъ и «знатныхъ обывателей», между которыми невольно бросались въ глаза дома полномочныхъ министровъ цесарскаго и испанскаго, ослѣпительно сіявшіе разноцвѣтными шифрами, эмблемами, символами и тріумфальными арками. У домовъ этихъ, сверхъ того, «во время шествія ея величества играли на трубахъ, и сами тѣ министры (графъ Вратиславъ и герцогъ Лирійскій), стоя предъ своими квартиры, ея величеству поклонъ и поздравленіе чинили (**)».

Распоряжался графъ Рейнгольдъ фонъ Левенвольде и баломъ, бывшимъ на другой день въ грановитой палатѣ. Здѣсь, между прочимъ, служилъ онъ отечеству слѣдующимъ образомъ: «пріиесъ къ знатнымъ дамамъ и кавалерамъ на двух блюдахъ написанные нумера свернутые, и оные разобравъ стали парами, каждой кавалеръ при своей дамѣ, и шли въ золотую палату, въ началѣ первыхъ нумеровъ половина, по нихъ Ея Императорское Величество съ высокою фамиліею и придворными. Имъ послѣдовала другая половина съ нумерами, и пришедъ сѣли въ объявленной золотой палатѣ за уготованной къ ужинѣ столъ (***)».

Такую же обязанность несъ графъ Рейнгольдъ и 4 мая, на парадномъ «трактаментѣ», данномъ императрицею въ золотой палатѣ придворнымъ дамамъ и кавалерамъ... Словомъ, на всѣхъ церемоніяхъ, торжествахъ и увеселеніяхъ, сопровождавшихъ коронованіе Анны Іоанновны, графъ Левенвольде младшій занималъ самое видное мѣсто, хлопоталъ и суетился едва ли не больше всѣхъ,— и, вѣроятно, не

(*) Головинскій домъ—дворецъ, выстроенный, по повелѣнію Анны Іоанновны, въ 1731 году, на мѣстѣ, принадлежавшемъ нѣкогда графу Головину, а съ 1721 года казнѣ. Головинскій домъ былъ сначала деревянный, два раза горѣлъ, и въ 1774 году сооруженъ каменнымъ. Въ настоящее время тамъ помѣщается 1-й московскій кадетскій корпусъ.

Энциклопедическій словарь, составленный русскими учеными и литераторами, т. IV, с. 481.

(**) *Описаніе коронаціи* и пр., с. 43.

(***) Тамъ же.

*

одна пара женскихъ глазъ неотступно и нѣжно слѣдила въ это время за красивымъ и изящнымъ оберъ-гофмаршаломъ, казавшимся еще красивѣе и изящнѣе отъ своего, ежедневно мѣнявшагося, «пребогатаго убранства»...

Но празднества кончились. Эрнстъ-Іоганнъ Биронъ, еще въ первый день коронаціи пожалованный въ оберъ-каммергеры и признанный безпрекословно всѣми *знатнѣйшею персоною* во всей россійской имперіи, принялся за дѣла,—и на мѣсто блестящаго Левенвольде младшаго выступаетъ на поприще общественной дѣятельности серьёзный и солидный Левенвольде старшій.

А поприще теперь открывалось передъ нимъ широкое! Кромѣ личнаго, признательнаго расположенія, которое, по вышеизложеннымъ нами причинамъ, ощущала къ благородному лифляндцу императрица всероссійская, она ощущала къ нему расположеніе и за то уже, что онъ былъ лифляндецъ. Лифляндцы, курляндцы, эстляндцы и, вообще, нѣмцы имѣли во всѣхъ отношеніяхъ преимущество передъ русскими въ глазахъ Анны Іоанновы, какъ потому, что этимъ преимуществомъ пользовались они въ глазахъ Бирона, такъ и потому, что, во время восемнадцатилѣтняго пребыванія своего въ Митавѣ, русская царевна успѣла сильно поотвыкнуть отъ Россіи и стала во многомъ похожею на нѣмку (*). Что же касается Бирона, то онъ, положительно, не могъ не сойдтись съ Густавомъ фонъ Левенвольде, не могъ не полюбить его больше, нежели кого либо. Во-1-хъ, Густавъ фонъ Левенвольде былъ любезенъ курляндцу Бирону уже тѣмъ самымъ, чѣмъ былъ любезенъ и Аннѣ Іоанновнѣ, т. е. своимъ званіемъ лифляндца; во-2-хъ, Густавъ фонъ Левенвольде какъ будто созданъ былъ для того, чтобы состоять фаворитомъ при фаворитѣ, играть второстепенную роль не безъ вліянія однакоже и на игру первоклассныхъ актеровъ. Важный, серьёзный, глубокомысленный съ виду, онъ казался мужемъ совѣта и разума, величавымъ, никогда не улыбающимся, ни передъ кѣмъ не кланяющимся сановникомъ,—а между тѣмъ онъ умѣлъ улыбаться очень почтительно, умѣлъ кланяться не хуже самаго эластичнаго придворнаго, умѣлъ быть весьма пріятнымъ и милымъ собесѣдникомъ, съ которымъ можно было безъ скуки провести не одинъ часъ. Будучи дѣйствительно одаренъ и умомъ, и способностями, и самостоятельностью характера, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ода-

---

(*) *Extraits des dépêches des ambassadeurs anglais et français*, p. 46.

ренъ былъ всѣми этими качествами въ такой именно степени, въ какой ни умъ, ни способности, ни самостоятельность характера не колятъ еще чужихъ глазъ, не коробятъ чужаго самолюбія, не заставляютъ худѣть и желтѣть отъ мучительной зависти при видѣ недосягаемаго превосходства. Надменный, надутый, заносчивый Биронъ снисходительно выслушивалъ Левенвольде старшаго, принималъ его совѣты, подчинялся его вліянію, потому что и совѣты эти, и вліяніе, ловко прикрытые чувствами глубочайшаго почтенія и совершеннѣйшей преданности, ни мало не оскорбляли фаворита, нисколько не затрогивали его дикой гордости. Совершенно напротивъ: слушая совѣты и наставленія Левенвольде старшаго, Биронъ какъ будто возвышался въ собственныхъ своихъ глазахъ, и это, разумѣется, только увеличивало его пріязнь и милостивое расположеніе къ ловкому и почтительному совѣтнику.

Сверхъ всего этого, Густавъ Левенвольде любилъ карты, любилъ лошадей и зналъ въ нихъ толкъ; а Биронъ, какъ извѣстно, готовъ былъ играть хоть нѣсколько сутокъ кряду; къ лошадямъ же питалъ такую страсть, что, по отзыву вѣнскаго посланника, графа фонъ Остейна, только о нихъ и говорилъ по человѣчески, являясь въ сужденіяхъ о людяхъ совершенною лошадью (*).

Первымъ знакомъ особенной довѣренности императрицы и ея фаворита къ Густаву Левенвольде было назначеніе его командиромъ вновь учрежденнаго гвардейскаго Измайловскаго полка, и это назначеніе, дѣйствительно, было знакомъ довѣренности чрезвычайной. Видя вліяніе гвардейцевъ на всѣ внутреннія государственныя дѣла, понимая, какъ важно имѣть на своей сторонѣ этихъ русскихъ преторіанцевъ, Анна Іоанновна положила увеличить свою гвардію еще двумя полками: Измайловскимъ и коннымъ, съ цѣлію имѣть въ нихъ постоянную и надежную опору и противъ всякаго рода безпокойныхъ людей, и противъ искусившихся уже въ политическихъ дѣлахъ другихъ гвардейскихъ полковъ. «Примѣчательно — говоритъ Минихъ-сынъ—что, по сдѣланному проекту, Измайловскій пѣхотный полкъ не изъ настоящихъ россійскихъ рекрутъ, но изъ такъ называемыхъ однодворцевъ или украинцевъ набранъ, а офицеровъ опредѣляли въ оный не иныхъ, кромѣ лифляндцевъ или другихъ чужестранцевъ. Намѣреніе при семъ было такое, чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ

(*) *Mémoires historiques* etc. par le général de Manstein, p. 1, p. 70.

людей содержать въ рукахъ, что, кажется, для тогдашнихъ временъ и небезнужно было; но какъ начали помалу отъ предположенныхъ правилъ, какъ въ разсужденіи рядовыхъ, такъ и офицеровъ отступать, то въ последующее время оказалось, что успеха другаго при семъ не было, кромѣ какъ что само по себѣ опасное уже воинство сдѣлано многочисленнѣе» (*).

Формированіе и учрежденіе Измайловскаго полка, равно какъ и выборъ въ полкъ офицеровъ, поручены были исключительно будущему его полковнику, и Густавъ Левенвольде занялся этимъ дѣломъ съ необыкновенной ревностью. 22 сентября 1730 года подписанъ былъ высочайшій указъ объ учрежденіи полка, а равно черезъ мѣсяцъ, 22 октября, Левенвольде доносилъ уже военной коллегіи, что полкъ совсѣмъ укомплектованъ (**). 17 февраля 1731 года Измайловскій полкъ въ полномъ составѣ выведенъ былъ за Москву рѣку, на Царицынъ лугъ, и тутъ приведенъ къ присягѣ «о вѣрной службѣ ея

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 48.

(**) Въ Высочайше утвержденномъ 22 сентября 1730 г. докладѣ фельдмаршала князя Голицына «о сформированіи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка» говорилось:

«По именному Вашего Императорскаго Величества указу повелѣно, выбравъ изъ ландмилиціи, учредить полкъ въ трехъ баталіонахъ, и по высокому своему намѣренію соизволили объявить, чтобъ оный полкъ именовать Измайловскимъ. Того ради всеподданнѣйшее мнѣніе свое приношу: надлежитъ оный полкъ, какъ по высокому Вашего Императорскаго Величества намѣренію наименовали, по тому наименованію содержать противъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка, а именовать третьимъ полкомъ гвардіи же, и офицеровъ опредѣлить изъ лифляндцевъ, эстляндцевъ и курляндцевъ и прочихъ націй иноземцевъ и изъ русскихъ, откуда Ваше Величество повелите, которые на опредѣленномъ противъ гвардіи рангомъ и жалованіемъ себя содержать въ чистотѣ полка могутъ безъ нужды, и къ обученію приложить свой трудъ, а капитуловать повелѣть того полка полковнику Левальду. А на содержаніе того полка сумму впредь на дачу жалованья и на мундиръ и аммуницію опредѣлить (какъ отпускаются на гвардію обоихъ полковъ, и строить въ томъ полку, какъ строится, и вычетъ на мундиръ и прочее чинится въ гвардіи жъ) изъ камморъ-коллегіи изъ оставшей къ расходамъ суммы, которая, надѣюсь, вынесетъ и съ остаткомъ. А нынѣ первый годъ, какъ Ваше Императорское Величество повелѣли, ружье, мундиръ и аммуниція построено будетъ отъ военной коллегіи, а для строенія жъ знаменъ и гренадерской роты оберъ и унтеръ-офицерамъ и рядовымъ шапокъ, сумъ и перевязей противъ гвардіи жъ, повелѣть отпустить денежной казны изъ военной же коллегіи 5000 рублей изъ остаточной суммы. А того ново учреждаемаго полка о числѣ штабъ и оберъ офицеровъ и рядовыхъ и прочихъ чиновъ, и что каждому и всѣмъ жалованья, о томъ всенижайше сообщаю примѣрную табель.»

Полное собраніе законовъ., т. VIII, с. 325 и 326.

императорскому величеству», послѣ чего отслуженъ былъ молебенъ съ водосвятіемъ и окроплены святою водою знамена, отнесенныя потомъ, въ сопровожденіи всего полка, во дворецъ. «И послѣ того — говоритъ Нащокинъ — служившій въ то время въ Измайловскомъ полку адьютантомъ — полкъ во всегдашней былъ экзерциціи, и въ службу вступалъ для отправленія карауловъ ко двору ея императорскаго величества» (*).

Подполковникомъ въ новый полкъ опредѣленъ былъ генералъ-маіоръ Джемсъ Кейтъ; маіорами — братъ фаворита, Густавъ Биронъ, Іосифъ Гампфъ и Иванъ Шиповъ.

Получивъ видное и завидное мѣсто командира полка, предназначеннаго спеціально, «чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ людей содержать въ рукахъ», Густавъ фонъ Левенвольде оказался командиромъ образцовымъ и работалъ неутомимо, а въ награду за эту дѣятельность, 15 февраля 1731 года, произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты (**). Поощренный этою наградою, его высокографское сіятельство (какъ обыкновенно титуловался Левенвольде старшій) принялся за службу еще ревностнѣе прежняго, и въ маѣ 1731 года молодой Измайловскій полкъ, ни въ чемъ не уступая Преображенскому и Семеновскому, повергъ въ «великое удовольствіе» Анну Іоанновну и въ «вящшее удивленіе» находившагося въ то время въ Москвѣ турецкаго посланника. Вотъ какъ повѣствовали объ этомъ событіи современныя ему С.-Петербургскія вѣдомости:

«Изъ Москвы отъ 13 дня маіа.

«Предъ нѣкоторыми днями былъ здѣсь смотръ лейбъ-гвардіи Преображенскому, Семеновскому и Измайловскому полкамъ. Всѣ военныя экзерциціи чинены отъ оныхъ притомъ въ преизрядномъ порядкѣ, такъ что Ея Імператорское Величество высокое свое о томъ удовольствіе всемилостивѣйше показать изволила. Турецкій посолъ, который Ея Імператорское Величество съ протчими іностранными мінистрами и знатными придворными особами до того мѣста, гдѣ помянутымъ полкамъ смотръ былъ, провождалъ, пришелъ въ вящшее удивленіе, какъ онъ салдат

(*) *Записки Василія Александровича Нащокина*, с. 35. Сочувствуя, вѣроятно, учрежденію русскаго регимента, дирижируемаго исключительно нѣмцами, Прусскій король прислалъ въ подарокъ Измайловскому полку 2164 ружья.

«Густавъ Биренъ, братъ регента». Соч. М. Хмырова. *Русскій міръ* за 1862 г., № № 2 и 3.

(**) *Санктпетербургскія вѣдомости* за 1731 г., № 15.

изряднаго возраста сихъ трехъ полковъ военныя экзерциціи такъ зѣло искусно чинящихъ увидѣлъ».

Военныя экзерциціи, чинимыя «зѣло искусно, въ преизрядномъ порядкѣ», были, вообще, главнѣйшею цѣлью заботъ и попеченій графа Густава фонъ Левенвольде. Преслѣдуя эту цѣль, онъ, какъ всѣ русскіе полковые командиры изъ нѣмцевъ, имѣлъ главнѣйшимъ образомъ въ виду красоту, симметрію, стройность и правильность фронта, не слишкомъ много думая о томъ, къ чему повели бы эти пріятныя для зрѣнія качества въ настоящемъ примѣненіи полка къ дѣлу, т. е. въ бою. Левенвольде занимался фронтомъ и шагистикою для фронта и шагистики, какъ нѣкоторые художники занимаются искусствомъ для искусства, и если такой взглядъ на военное дѣло не могъ и не можетъ выдержать безусловно строгой критики, то, относительно, графъ Густавъ фонъ Левенвольде имѣлъ всегда подъ рукой весьма основательное оправданіе. Измайловскій полкъ вовсе не предназначался для боевъ и походовъ: онъ учрежденъ былъ, какъ мы уже говорили, единственно для того, «чтобы древнюю толпу избалованныхъ и необузданныхъ людей содержать въ рукахъ», и, сверхъ этого назначенія, имѣлъ еще одно— доставлять «высокое удовольствіе» императрицѣ, питавшей необыкновенную любовь ко всѣмъ военнымъ эволюціямъ, въ особенности же, къ эволюціямъ, сопровождавшимся пальбою. А для достиженія этихъ двухъ цѣлей только и требовались «экзерциціи, чинимыя зѣло искусно, въ преизрядномъ порядкѣ», да красота, симметрія, стройность и правильность фронта, пріятно увеселяющія зрѣніе. Все остальное было бы излишествомъ, ненужною и трудною обузою, къ которой едва ли и былъ способенъ графъ Густавъ фонъ Левенвольде, походовъ не дѣлавшій, въ битвахъ не бывавшій, героизмомъ имени своего не прославившій.

За то, какъ *мирный* генералъ, какъ фронтовикъ, какъ полковый хозяинъ и администраторъ, онъ, дѣйствительно, заслуживалъ не только наградъ, но и подражанія. Такъ старательно занимался онъ перемѣриваніемъ солдатъ и распредѣленіемъ ихъ въ строю по росту! Такъ неусыпно хлопоталъ, чтобы всѣ пріемы дѣлались «бодро и счетомъ»! Такъ неослабно наблюдалъ, чтобы нижніе чины ходили всегда въ штиблетахъ и шляпахъ, а волосы стригли такимъ манеромъ, чтобъ они «глазъ не завѣшивали» (*)! При этомъ (что бываетъ очень рѣд-

(*) Всѣ свѣдѣнія о Густавѣ фонъ Левенвольде, какъ о полковомъ командирѣ, почерпнуты нами изъ подлинныхъ дѣлъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго пол-

ко) графъ фонъ Левенвольде не отличался не только что жестокостію, но даже особенною строгостью, полковое хозяйство велъ отлично, и отъ подчиненныхъ пользовался и уваженіемъ, и любовью. Онъ прощалъ имъ ихъ маленькія вины и оплошности, дозволялъ нѣкоторыя льготы (*), а за честь полка стоялъ, какъ за свою собственную, вооружаясь въ нужныхъ случаяхъ всею силою своего придворнаго вліянія и значенія, замѣтно возраставшаго со дня на день. Въ примѣръ этого заступничества за подчиненныхъ не лишнимъ считаемъ привести слѣдующую промеморію, извлеченную нами изъ дѣлъ Измайловскаго полка:

«Лейбъ гвардіи Измайловскаго полку въ московскую полицемеcтерскую канцелярию. Прошедшаго 730 году, декабря 9 дня, із оного полку писано в московскую полицеместерскую канцелярию о учиненіи отставнаго порутчика Ивана Черемисинова человѣку Андрѣю Володимерову надлежащаго, по силе Ея Імператорскаго Величества указовъ и по регуламъ, наказания за то, что онъ того же декабря въ 6 день, стоя у рагатокъ ночию на карауле, пьяной напалъ безъ всякой причины лейбъ гвардіи Измайловскаго полку на гранодера Назара Перегудова и билъ его дубиною смертнымъ боемъ, отъ которыхъ побой оной Перегудовъ едва живъ остался, за что помянутой Володимеровъ подлежалъ жестокому наказанию. А сего февраля въ 16 день, ис присланной промеморіи із оной полицеместерской канцеляріи усмотрено, что помянутому Володимерову за вышеобъявленную продерзость учинено наказание кошками, какое наказание чинитца за самые малые вины, и оную сатисфакциею лейбъ гвардіи Измайловскій полкъ весьма недоволенъ, понеже оная учинена не по силе Ея Імператорскаго Величества указовъ и не по регуламъ. Того ради московская полицеместерская канцелярия, о сыску помянутаго Володимерова і о учиненіи ему, по силе Ея Імператорскаго Величества указовъ, наказания, да благоволитъ учинить по Ея Імператорскаго Величества указу.

«Послано за рукою Его Высокографского сиятельства. 25 февраля 1731 года, № 176» (**).

ка. Знакомствомъ съ этими дѣлами обязаны мы М. Д. Хмырову, которому и свидѣтельствуемъ за это нашу искреннѣйшую признательность.

(*) Нижнимъ чинамъ, напримѣръ, позволялось ѣздить на извощикахъ, «только бъ не рѣзво».

(**) Исходящія бумаги лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка за 1731 годъ. Часть адъютантская.

Опираясь на свое значеніе и вліяніе, дозволявшія ему такъ настоятельно и рѣзко относиться въ вѣдомства, его высокографскому сіятельству совершенно не подвластныя, Густавъ фонъ Левенвольде дозволялъ иногда и себѣ кое-какія распоряженія, противныя указамъ и регуламъ ея императорскаго величества. Такъ, напримѣръ, не взирая на многократныя запрещенія начальникамъ занимать своихъ подчиненныхъ частными работами, Левенвольде преспокойно пользовался полковыми мастеровыми, отрывалъ ихъ отъ казенныхъ занятій для своихъ домашнихъ и, придерживаясь вообще на счетъ казенныхъ интересовъ общаго взгляда того времени, не задумывался и надъ распредѣленіемъ попадавшихся въ его руки казенныхъ суммъ, ибо, по словамъ герцога Лирійскаго, «страшный игрокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скряга, онъ любилъ взятки (*)».

Все это, разумѣется, при благопріятной обстановкѣ, сходило съ рукъ совершенно благополучно, и значеніе Густава фонъ Левенвольде какъ мы уже замѣтили, возрастало замѣтно со дня на день. Къ нему обращались, какъ къ источнику всѣхъ благъ, ему кланялись, ему угождали и льстили, у него искали защиты и покровительства, и какъ надежно и могущественно было его покровительство—доказалъ прежде всего примѣръ Ягушинскаго.

Ягушинскій, столь сильно потерпѣвшій отъ верховниковъ за свою преданность интересамъ Анны Іоанновны, вознагражденъ былъ императрицею тотчасъ же по принятіи ею самодержавія. Разодравъ *кондиціи россійскому правленію* и объявивъ, что вступаетъ на престолъ *не по избранію, а по наслѣдству*, Анна Іоанновна приказала немедленно освободить Ягушинскаго изъ подъ ареста, и когда онъ приведенъ былъ въ тронную залу, императрица торжественно возвратила ему его шпагу и андреевскій орденъ, допустила его къ рукѣ и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ благодарила его за преданность

Въ дѣлахъ Измайловскаго полка за то время встрѣчается вообще не мало интересныхъ и весьма характеристическихъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, графъ фонъ Левенвольде, приказомъ отъ 1 мая 1732 года, запретилъ принимать челобитныя отъ недорослей новгородскихъ помѣщиковъ объ опредѣленіи ихъ въ полкъ. За что питалъ такое нерасположеніе къ новгородцамъ благородный лифляндецъ—неизвѣстно. Ужъ не за то ли, что Новгородъ, когда-то, управлялся по способу, весьма антипатичному высокоблагонамѣренному графу, и онъ опасался, чтобъ новгородцы, по старой памяти, не внесли какихъ либо пагубныхъ началъ и въ нѣдра лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.

(*) *Записки дюка Лирійскаго*, с. 123.

престолу и отечеству. Павелъ Ивановичъ былъ этимъ очень доволенъ но ему болѣе всего хотѣлось получить снова утраченное имъ влiятельное мѣсто генералъ-прокурора, и такъ какъ, не взирая на все благорасположенiе и любезность ея императорскаго величества, вожделѣнное мѣсто почему-то Ягушинскому не давалось, — онъ рѣшился обратиться за помощью къ Густаву фонъ Левенвольде. Поводомъ къ ихъ сближенiю послужило слѣдующее обстоятельство:

Густавъ фонъ Левенвольде, поддерживая свое благородное остзейское существованiе въ Россiи милостями русскихъ императоровъ и императрицъ, не переставалъ однакоже никогда, какъ честный и пламенный патрiотъ, помышлять и заботиться о счастьи и интересахъ своего отечества. Петръ Великiй, по заключенiи Нишшадтскаго мира, утвердилъ за лифляндцами всѣ ихъ права и привилегiи «поколику оныя системѣ правленiя будутъ не противны». Это «поколику» весьма не нравилось патрiоту Левенвольде, и онъ вознамѣрился, во что бы то ни стало, освободить отъ него своихъ соотечественниковъ. Царствованiе Анны Iоанновны казалось Левенвольде самымъ благопрiятнымъ для исполненiя его намѣренiй, но онъ, совершенно неожиданно, встрѣтилъ сильнаго противника своимъ замысламъ въ лицѣ графа Остермана, стоявшаго за «поколику» по разнымъ политическимъ соображенiямъ. Побороть Остермана было дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, но тутъ-то именно на помощь Густаву фонъ Левенвольде и явился ловкiй Ягушинскiй съ весьма простымъ и яснымъ предложенiемъ: выхлопотать ему, Ягушинскому мѣсто генералъ-прокурора, за что онъ, Ягушинскiй, обязуется провести дѣло о лифляндскихъ правахъ и привилегiяхъ такъ, какъ это желательно его высокографскому сiятельству, Густаву фонъ Левенвольде. Предложенiе Ягушинскаго очень понравилось лифляндскому патрiоту. Онъ безъ большаго труда выхлопоталъ ему, Павлу Ивановичу, желаемое мѣсто, а Павелъ Ивановичъ, въ свою очередь, хотя пробылъ въ званiи генералъ-прокурора и недолго, весьма искусно выполнилъ свое обязательство относительно Лифляндiи (*).

(*) *Mémoires historiques* etc. par le général de Manstein, t. 1, p. 73.

Густавъ фонъ Левенвольде, вообще, ни въ чемъ не упускалъ изъ виду выгодъ своего отечества и всячески заботился о его процвѣтанiи и благоденствiи, въ особенности же, если съ этимъ соединялось его собственное благоденствiе и процвѣтанiе. По его просьбѣ, напр., въ 1731 году, запрещено было ввозить въ Лифляндiю пиво и вино изъ Польши и Волыни, ибо чрезъ то

Другимъ доказательствомъ неоспоримаго могущества Густава фонъ Левенвольде могутъ служить отношенія къ нему фельдмаршала Миниха, о которыхъ разсказываетъ сынъ фельдмаршала въ своихъ интересныхъ запискахъ. Фельдмаршалъ Минихъ (тогда еще впрочемъ не имѣвшій этого званія) пріѣхалъ въ 1731 году изъ Петербурга въ Москву представиться императрицѣ и ея оберъ-каммергеру. Снискавъ ихъ благоволеніе и разсмотрѣвъ взоромъ опытнаго человѣка положеніе придворныхъ дѣлъ и лицъ, онъ счелъ первымъ долгомъ снискать также благоволеніе графа Левенвольде старшаго, потому что «старшій графъ Левенвольде—говоритъ Минихъ-сынъ—состоялъ въ толь великой силѣ, что хотя и не занималъ никакой должности въ министерствѣ, однако никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и соглашенія. Даже самъ Биронъ, который ни съ кѣмъ другимъ не хотѣлъ дѣлить власти своей у императрицы, не токмо сего мужа, доколѣ онъ живъ былъ,

---

лифляндскимъ винокуреннымъ заводчикамъ, въ числѣ которыхъ находился и самъ Левенвольде, чинилась «великая обида». Въ именныхъ указахъ по этому случаю говорилось:

«Били челомъ Намъ Наши вѣрные подданные лифляндскаго шляхетства депутаты, ландратъ графъ фонъ Левенвольдъ, да ландмаршалъ фонъ Бергъ, что въ Лифляндію пріѣзжаютъ чужестранные люди, а особливо жиды изъ Польши и изъ Волыни и изъ другихъ мѣстъ и привозятъ съ собою горячаго вина многое число, и въ уѣздѣ, и въ городахъ продаютъ, а деньги и ефимки вывозятъ изъ нашего государства вонъ, а имъ, Нашимъ подданнымъ, лифляндскимъ обывателямъ, изъ того великая обида: 1) въ продажѣ собственнаго ихъ вина, которое они продаютъ въ уѣздахъ и городахъ, чинится остановка, и отъ того податей исправно платить не могутъ; 2) на ту заплату ефимковъ, за вышеписаннымъ вывозомъ, и когда и за высокую плату вымѣнить не могутъ, и всеподданнѣйше просили, чтобы мы тотъ изъ чужихъ краевъ вывозъ вина запретить повелѣли; а понеже въ томъ состоитъ государственный интересъ и ихъ, Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, польза: 1) что они то вино курятъ изъ своего хлѣба и продаютъ при своихъ мызахъ въ корчмахъ, за что платятъ оброкъ обще съ мызными податьми, а которое въ города привозятъ, съ того акцизъ; 2) отъ такой продажи могутъ исправнѣе положенныя подати платить, къ тому жъ и ефимки изъ государства вонъ выходить не будутъ; сверхъ же того въ вышеписанномъ челобитьѣ объявляютъ, что того своего уѣзднаго вина столько ставить могутъ, сколько на удовольствіе лифляндскихъ городовъ потребно; того ради указали Мы: въ Лифляндію, какъ въ города, такъ и въ уѣзды, изъ Польши и изъ Волыни вина, кромѣ французской, чрезъ лифляндскій рубежъ, откуда бъ оное ни было, отнюдь никому не ввозить подъ взятіемъ того вина въ Нашу казну безденежно».

Полное собраніе законовъ, т. VIII, с. 393.

при себѣ терпѣлъ, но также, чему дивиться должно, нѣкоторымъ образомъ его боялся» (*).

Дивиться этому, по нашему мнѣнію, вовсе не должно, если принять во вниманіе какъ характеръ любимца Анны Іоанновны, такъ и тѣ поразительныя случайности, отъ которыхъ зависѣла участь самаго сильнаго, самаго вліятельнаго человѣка въ ту странную эпоху всевозможныхъ переворотовъ, совершавшихся въ нѣсколько часовъ съ помощью нѣсколькихъ гвардейскихъ штыковъ. Страшно подозрительный и недовѣрчивый Биронъ «боялся нѣкоторымъ образомъ» каждаго, къ кому хоть сколько нибудь благоволила императрица, кто хоть почему либо казался фавориту способнымъ подорвать хоть немного его фаворитскій кредитъ. Онъ боялся и враговъ, и друзей, и соперниковъ, и клевретовъ, и русскихъ, и нѣмцевъ, понимая очень хорошо, что иго его не очень-то благо, и бремя его не совсѣмъ-то легко. Онъ боялся и Остермана, и Миниха, и всѣхъ, такъ или иначе пробивавшихся на первый планъ, и если, по выраженію Миниха-сына, «не желая ни съ кѣмъ другимъ дѣлить власти своей у императрицы, терпѣлъ при себѣ» одного Левенвольде старшаго, т. е. подчинялся иногда его вліянію, то это происходило отъ того лишь, что Левенвольде старшій обладалъ вполнѣ умѣньемъ облекать свое вліяніе въ такія формы, которыя только льстили тщеславному и напыщенному фавориту, не задѣвая болѣзненно ни одной изъ его слабыхъ струнъ. Съумѣлъ бы, конечно, сдѣлать это и Остерманъ; но Остерману, равно какъ и Миниху, Биронъ не дозволялъ управлять собою, потому что не могъ не сознавать—покрайней мѣрѣ въ душѣ—ихъ неоспоримаго надъ собою превосходства. Отъ этого превосходства, разумѣется, не разъ коробилось щекотливое самолюбіе самолюбиваго временщика, и онъ утѣшалъ себя единственно тѣмъ, что старался забирать выше Остермана и Миниха, любилъ видѣть ихъ, вмѣстѣ съ другими, въ качествѣ кланяющихся и унижающихся просителей. Въ Левенвольде же старшемъ Биронъ видѣлъ равнаго себѣ и по уму, и по способностямъ, и по характеру, а потому снисходительно выслушивалъ его совѣты и мнѣнія, наслаждаясь при этомъ мыслью, что Густавъ фонъ Левенвольде можетъ давать ему, фавориту, одни совѣты (да и то потому лишь, что это ему великодушно дозволяется); онъ же, фаворитъ, можетъ давать Густаву фонъ Левенвольде не только столь же мудрые совѣты,

---

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 50 и 51.

но и еще какія угодно приказанія. А Густавъ фонъ Левенвольде за этимъ уже не гнался и, благоразумно довольствуясь выгодами своего второстепеннаго положенія, умѣлъ дѣлать изъ него подчасъ первостепенное, умѣлъ поставить себя такъ, что «хотя и не занималъ никакой должности въ министерствѣ, однакоже никакія дѣла не проходили безъ его вѣдома и соглашенія».

«Доброе согласіе между двумя вышеименованными мужами (т. е. Бирономъ и Левенвольде) и вице-канцлеромъ графомъ Остерманномъ было въ тогдашнее время наисовершеннѣйше—продолжаетъ Минихъ-сынъ—послѣдній сдѣлался необходимо нуженъ своимъ искусствомъ въ политическихъ дѣлахъ, обширнымъ познаніемъ внутренняго состоянія имперіи и преизящнымъ слогомъ въ сочиненіяхъ. Отецъ мой съ давняго времени пользовался его дружбою и рекомендованъ отъ него новому оберъ-каммергеру съ весьма хорошей стороны; почему не прошло еще и двухъ недѣль по пріѣздѣ его въ Москву, какъ онъ со всѣми наивозможными знаками благоволенія введенъ въ общество сихъ тріумвировъ и вскорѣ потомъ, за долговременные и обременительные труды свои, знатный получилъ подарокъ». (*)

Словомъ, и примѣръ Ягушинскаго, и примѣръ Миниха могли убѣдить самымъ осязательнымъ образомъ кого угодно, что, послѣ оберъ-каммергера Эрнста—Іоганна Бирона, ниже всѣхъ надлежало кланяться генералъ-лейтенанту и полковнику гвардіи, Густаву фонъ Левенвольде. Въ этомъ не могъ не убѣдиться и самъ сіявшій блаженствомъ и гордостью Густавъ фонъ Левенвольде, видя почти что каждый день какіе нибудь новые знаки милости и расположенія къ своей особѣ какъ со стороны фаворита, такъ и со стороны императрицы. Высокое довѣріе императрицы, уже разъ выразившееся благородному лифляндцу въ важномъ назначеніи его командиромъ *лейбъ-гвардейскаго* по преимуществу Измайловскаго полка, скоро выразилось еще рельефнѣе: въ концѣ 1731 года командиръ Измайловскаго полка возведенъ былъ волею ея императорскаго величества въ званіе дипломата и отправленъ за-границу, въ качествѣ полномочнаго министра, съ важными порученіями. Съ этихъ поръ, до самаго конца своей жизни, графъ фонъ Левенвольде старшій уже почти что и не сходилъ съ дипломатическаго поприща, оказавшись тутъ, дѣйствительно, человѣкомъ далеко не безполезнымъ.

І. ШИШКИНЪ.

(*) *Записки Миниха-сына*, с. 51 и 52.

Книга.

Книга.... открываю....
«Бытопись россійская».
Ну, тебя я знаю,
Знаю, степь ливійская:

Какъ она, равнина
Бытія безплоднаго,
Вѣчная картина
Горя неисходнаго.

Гдѣ тебя ни вскрою,
Книга безотрадная,
Всюду предо мною
Таже жизнь нескладная,

Всюду злу свобода,
Права непризнаніе,
Съ жизнью духъ народа
Въ вѣчномъ отрицаніи,

Ширина основы,
Нищета развитія....
Мрачны и суровы
Люди и событія:

Наглые миньоны
Гордо недоступные
Всякіе Бироны
Мелкіе и крупные;

Сумрачныя лица,
Темныя сказанія,
Рѣдко, гдѣ страница
Свѣтлаго преданія.

Нива не приглядно
Тощая раскинулась,
Небо безотрадно
Сѣрое надвинулось;

Глухо боръ сосновый
Съ вѣтромъ окликается,
Жалобно суровой
Пѣснью заливается,

Шепчетъ все о чемъ-то
Грустныя сказанія,
Словно все о комъ-то
Правитъ поминанія.

М. РОЗЕНГЕЙМЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЮЖНОЙ РОССІИ.

Говорить о важности значенія сельскаго хозяйства я считаю дѣломъ совершенно лишнимъ. Кто же не знаетъ, что все, что обезпечиваетъ существованіе человѣка и обусловливаетъ нравственное его развитіе, получается изъ произведеній земли, и кому также неизвѣстно, что сельское хозяйство служитъ главнымъ источникомъ благосостоянія и богатства извѣстнаго народа и основаніемъ для другихъ родовъ его промышленности. Англія въ настоящее время представляетъ небывалый въ исторіи примѣръ развитія торговли и заводско-мануфактурной промышленности; но полагаютъ, что доходъ, получаемый ею отъ сельскаго хозяйства, въ три раза больше дохода, пріобрѣтаемаго отъ торговли и фабрично-заводскихъ производствъ. Въ Россіи же цѣнность произведеній земли, какъ думаютъ, въ десять разъ превосходитъ стоимость всего получаемаго отъ торговли, фабрикъ и заводовъ. Слѣдовательно, для нея сельское хозяйство есть не только главный источникъ благосостоянія и богатства, но даже и единственнѣйшій, и еще далеко то время, когда другія отрасли промышленности займутъ въ этомъ государствѣ болѣе видное мѣсто,—и еще займутъ ли? Природныя свойства нашего народа, степень его нравственнаго развитія, обиліе земель, изъ которыхъ въ европейской Россіи 18 проц. по своей натуральной тучности могутъ назваться лучшею почвою въ мірѣ, наконецъ, умножающееся народонаселеніе западной Европы, котораго она и теперь уже не въ состояніи содержать произведеніями своей земли — вотъ данныя, на основаніи которыхъ мы имѣемъ полное пра-

во полагать, что Россія вынуждена будетъ остаться страною по преимуществу сельскаго хозяйства. И вотъ почему она должна употребить всѣ свои силы на развитіе этой промышленности, какъ самой естественной, даже неизбѣжной. И напрасно она силится поставить на высшую степень развитія свои мануфактуры и заводы; они всегда останутся для ея народа тяжелымъ бременемъ. Плыть противъ теченія воды—трудно и даже не безопасно, а выростить пальмы въ полярныхъ странахъ и совершенно невозможно. Новая эпоха настанетъ для Россіи и производительныхъ силъ ея, какъ скоро она соединится нѣсколькими желѣзными дорогами съ западомъ Европы: тогда немедленно обрисуется характеръ дѣятельности страны, которая должна кормить огромную часть европейскаго народонаселенія произведеніями своей земли.

Но все это не входитъ въ программу настоящей моей статьи. Я намѣренъ представить здѣсь значеніе сельскаго хозяйства собственно на югѣ Россіи, сдѣлать очеркъ здѣшняго хозяйства, наконецъ указать, что задерживало отъ развитія производительныя силы Россіи вообще, а слѣдовательно и здѣшняго края.

Сельское хозяйство юга Россіи, сложилось и шло такъ, какъ заставляли его сложиться и идти извѣтныя обстоятельства, которыя нерѣдко были такъ сильны, что скорѣе можно было изнемочь въ борьбѣ съ ними, чѣмъ выйдти побѣдителемъ.

Картина его, какъ намъ всѣмъ болѣе или менѣе извѣстно, не совсѣмъ привлекательная и не выдерживаетъ строгой критики: тамъ недостаетъ полноты жизни, здѣсь—самый контуръ сдѣланъ неправильно; на однихъ мѣстахъ краски не тѣ, а здѣсь — какія-то краски были положены, но время или обстоятельства стерли ихъ.

Впрочемъ колонизація южнаго края Россіи началась такъ недавно, что мы едва ли вправѣ искать болѣе отрадныхъ сторонъ въ этой картинѣ. Такъ могутъ сказать одни, но другое мы услышимъ отъ другихъ.

Правда, говорятъ эти послѣдніе, еще съ небольшимъ 60 лѣтъ прошло, какъ необозримыя степи юга Россіи стали заселяться осѣдлыми жителями, и, стало быть, здѣсь всему нужно было положить основаніе, все создавать вновь и притомъ нерѣдко изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и по своимъ собственнымъ планамъ. Но за то—продолжаютъ эти недовольные настоящимъ состояніемъ юга Россіи—этотъ край находится въ такихъ выгодныхъ условіяхъ для развитія

сельской промышленности, что могъ бы представить ее въ самомъ блестящемъ видѣ. Нѣкоторые штаты сѣверной Америки позднѣе здѣшняго края населились, но имѣютъ цвѣтущіе города, желѣзныя дороги и шоссе; дѣятельность народа самая живая и плодотворная, — народа, большею частью составившагося изъ бѣдныхъ пришельцевъ западной Европы, нерѣдко не имѣвшихъ ничего общаго между собою. Если же Америка представляетъ намъ такой поучительный примѣръ, то, конечно, неудовлетворительное состояніе юга Россіи не можетъ быть отнесено къ молодости края, къ недавней его колонизаціи,—стало быть, были другія причины, удерживавшія этотъ край въ полудремотномъ и полунищенскомъ состояніи. Что же это были за причины? Смѣю сказать, что Россія не поняла важнаго значенія этого края, а потому и не сдѣлала для него того, что должна бы была сдѣлать. На все побережье Чернаго и Азовскаго морей мы должны были бы смотрѣть, какъ на самыя широкія двери, чрезъ которыя удобно и легко можемъ соединяться не только съ цивилизованнымъ западомъ Европы, но и съ богатыми странами Азіи. И если гдѣ Россія должна была устроить желѣзныя дороги, проложить шоссе, прочистить русла рѣкъ, устроить по нимъ и морямъ судоходство, разработать сокровища царства ископаемаго — я разумѣю по-преимуществу горючій матеріалъ — этотъ современный и мощный двигатель промышленности и цивилизаціи — такъ это здѣсь, на берегахъ Понта Эвксинскаго. Здѣсь она должна была увеличить народонаселеніе всевозможными льготами и особенно отдачею казенныхъ земель, почти ничего неприносящихъ казнѣ, въ частныя руки, умножить техническія заведенія, наконецъ, употребить всевозможныя мѣры къ распространенію въ краѣ просвѣщенія, чтобы, между прочимъ, Россія, стоя лицомъ къ лицу съ западомъ Европы, не краснѣла бы, не подавала бы повода называть себя страною варваровъ...

Петръ I, прорубивъ окно въ западную Европу на сѣверѣ Россіи, поспѣшилъ, несмотря на суровое небо, на болотистую землю и отдаленность отъ центра страны, основать тамъ, предъ самымъ этимъ окномъ, столицу, и новую столицу соединить съ прочими частями Россіи водяными путями. Умъ его постигалъ, что безъ этой мѣры прорубленное окно не будетъ имѣть своего значенія, что свѣтъ цивилизаціи, наукъ и промышленности не принесетъ пользы Россіи, если бу-

детъ отражаться на бездушныхъ тундрахъ и болотахъ, и не станетъ разливаться внутрь пробужденной имъ страны.

Мы не знаемъ, основалъ ли бы онъ на югѣ Россіи новую столицу, еслибъ ему удалось этотъ край присоединить къ Россіи, но не имѣемъ права отвергать, что онъ сдѣлалъ бы здѣсь больше, чѣмъ на сѣверѣ, такъ какъ здѣсь и географическія, и топографическія, и даже этнографическія условія болѣе благопріятствуютъ сближенію Россіи съ западомъ Европы, чѣмъ такія же условія Балтійскаго края. Если мы припомнимъ, что для Россіи почти только два естественныхъ выхода на западъ Европы и даже въ другія страны свѣта, что народы растутъ и идутъ на пути усовершенствованій только при взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, то мы не можемъ не придать особенной важности югу Россіи въ дѣлѣ преуспѣянія и развитія производительныхъ силъ Россіи. На эту роль даютъ ему право: приморское положеніе его, природная тучность его земель, теплый климатъ и легчайшій сбытъ произведеній заграницу. Не вдаваясь въ подробныя объясненія по этому предмету, мы приведемъ здѣсь слова Гакстгаузена:

«Будущее историческое значеніе понтійскихъ странъ для образованнаго міра Европы, заключается, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ: придетъ время, когда большая часть образованной Европы безъ подвоза хлѣба извнѣ не будетъ въ состояніи пропитывать густаго населенія своего. Тогда скорѣе всего ей могутъ оказать помощь двѣ обильныя житницы, именно: сѣверная Америка и черноземная полоса въ средней и южной Россіи. Послѣдняя заключаетъ въ себѣ (считая въ томъ числѣ и ту часть степей, которая еще невоздѣлана, но имѣетъ прекрасную почву) отъ 20 до 25 т. кв. миль самой плодоносной въ мірѣ почвы, мало населенной въ настоящее время и которая по всей вѣроятности не будетъ густо населена и въ слѣдующемъ столѣтіи. Со-временемъ здѣсь образуются огромные хлѣбные магазины для Европы, когда пути сообщенія устроятся такимъ образомъ, что запасы будутъ достигать пристаней Чернаго и Азовскаго морей во всякое время года и безъ большей потери времени и труда. Но и для самой Россіи, продолжаетъ Гакстгаузенъ, этотъ край имѣетъ безмѣрное и непосредственное значеніе. Одинъ взглядъ на карту Россіи можетъ намъ показать это!»

Дѣйствительно такъ. Но мало того, что здѣшній край съ приле-

гающими къ нему губерніями можетъ быть житницею западно-европейскихъ государствъ; онъ долженъ удовлетворять множеству очень важныхъ потребностей самой Россіи, или другими словами, сѣверныя и среднія страны Россіи должны быть для здѣшняго края огромнѣйшимъ рынкомъ, т. е. рынкомъ внутреннимъ, который, какъ извѣстно, болѣе или менѣе обусловливаетъ процвѣтаніе и внѣшняго. Да, понтійскія страны должны доставлять во внутрь Россіи пшеничный хлѣбъ, который въ большей половинѣ нашего отечества не родится, но который съ улучшеніемъ быта нашего народа долженъ составить его насущную потребность. Эти страны должны снабжать Россію кукурузою, которой урожаи отличаются постоянствомъ и обиліемъ, и которая, слѣдовательно, можетъ въ извѣстной мѣрѣ устранять голодъ, столь неизбѣжный въ нашемъ отечествѣ по его континентальному положенію. Онѣ пошлютъ на внутренніе рынки свою шерсть, сало, кожи, шелкъ, вино, фрукты, красильныя растенія, лекарственныя, пряныя, въ томъ числѣ табакъ и многія другія произведенія своего теплаго климата. Конечно, все это можетъ быть тогда, когда въ массѣ народа разовьются высшія потребности жизни, и когда югъ Россіи соединится съ среднею и сѣверною полосами ея желѣзными дорогами. Когда это сбудется, то нѣтъ сомнѣнія, что рынки для здѣшнихъ произведеній откроются даже тамъ, гдѣ теперь повидимому не имѣютъ въ нихъ никакой нужды. Да, мы увѣрены, что со-временемъ на сѣверѣ Россіи перестанутъ для пахатныхъ угодій рубить лѣса — эту единственную защиту отъ холода для всего континента европейской Россіи, и сѣверная лѣсная полоса, какъ и слѣдуетъ, будетъ составлять только лѣсное хозяйство. Также скорѣе можно изъ тундръ и болотъ сдѣлать пастбищныя мѣста, чѣмъ пахатныя поля, а хлѣбъ получать изъ странъ болѣе способныхъ производить его, каковъ югъ Россіи съ прилегающими къ нему губерніями.

Таково будущее значеніе понтійскихъ странъ, которое со-временемъ должно перейдти въ область дѣйствительности; но что же такое въ настоящее время югъ Россіи?

Простой нашъ народъ, при всѣхъ задаткахъ къ нравственному развитію и матеріальному благосостоянію, находится въ нищенскомъ состояніи. Посмотрите на его кое-какъ слѣпленное изъ глины или вырытое въ землѣ жилище, брошенное, какъ говорится, среди неба на землѣ, т. е. почти не имѣющее ни оградъ, ни хозяйственныхъ службъ и защитъ для скота; посмотрите на его домашнюю утварь,

на его одежду, пищу, на босыхъ дѣтей, на земледѣльческія орудія, на шаткость его положенія при первомъ неурожаѣ хлѣба, при первой гибели его скота. А вѣдь этотъ-то чернорабочій людъ и составляетъ первую производительную силу нашего края, на немъ-то и зиждется все наше благосостояніе. Бѣденъ народъ — бѣдно и государство, или та часть его, гдѣ живетъ этотъ бѣдный народъ. Сказавши это, мнѣ кажется, я все сказалъ, и картина домохозяйства юга Россіи можетъ обрисоваться сама собою, если только держаться набросаннаго мною абриса. Но я чувствую, что не затруднятся представить мнѣ такія данныя, которыя эту картину могутъ нѣсколько подкрасить.

Югъ Россіи изъ всѣхъ своихъ портовъ выпускаетъ въ общей сложности отъ $2\frac{1}{2}$ до 3 и даже до 5 мил. четвертей хлѣба. Развѣ этого мало? Не мало, но и не много; онъ могъ бы отправлять едва ли не вдвое больше. Не забудемъ, что мы съ своихъ превосходныхъ полей получаемъ въ общей сложности не болѣе какъ 4 четверти, между тѣмъ какъ могли бы получить по крайней мѣрѣ 7, какъ получаютъ наши колонисты, а можетъ быть и болѣе. Причина скудости нашихъ урожаевъ лежитъ въ незнаніи климатическихъ условій края, въ общей нашей страсти къ обширнымъ запашкамъ и въ самой нераціональной обработкѣ земли нашими гнуснѣйшими орудіями.

Далѣе говорятъ, что Югъ Россіи выкармливаетъ до $2\frac{1}{2}$ мил. (*) (скорѣе до 3 мил.) головъ рогатаго скота, изъ котораго онъ въ иные годы высылалъ заграницу до 20 т. головъ, кожъ продавалъ до 50 т. пудовъ и сала до 400 т. п. Вѣдь это крупныя цифры! Правда, но правда и то, что эту прекрасную породу мы чуть-ли не довели до самой дурной, малорослой и малосильной. По мнѣнію очень многихъ здѣшнихъ опытныхъ хозяевъ, скотъ нашъ на половину потерялъ изъ прежнихъ добрыхъ своихъ качествъ, такъ что, считая $2\frac{1}{2}$ мил. головъ рогатаго скота на югѣ Россіи и цѣня голову по 15 руб., означенная потеря будетъ равняться $37\frac{1}{2}$ мил. руб., т. е. при прежнихъ качествахъ $2\frac{1}{2}$ мил. головъ стоили бы 75 мил. руб.

Странно, во всѣхъ европейскихъ государствахъ употребляютъ самыя энергическія мѣры для улучшенія рогатаго скота, даже воспитываютъ такія породы, которыя превосходятъ самую природу, обладающую, какъ извѣстно, могущественною творческою силою. Но мы, южные хозяева, съ каждымъ поколѣніемъ низводимъ нашъ скотъ

(*) По Скальковскому.

въ худшее и худшее положеніе. И не мудрено: зимой—солома и безпріютность отъ разрушительныхъ вліяній климата, лѣтомъ, при тяжелыхъ трудахъ обработки земли или передвиженіи тяжестей—подножный кормъ, нерѣдко состоящій изъ сухихъ, мелкихъ, даже трудно съѣдомыхъ травъ и пыли. Этого мало: посмотрите на наши водопои въ запрудахъ, гдѣ вмѣсто воды скотъ пьетъ тинистую, прогнившую влагу. И какъ будто бы нѣтъ средствъ сдѣлать изъ этой же воды здоровое питье! А вѣдь это тотъ скотъ, выя котораго дала намъ все, что мы имѣемъ. И едвали бы мы погрѣшили, если бы оказывали этому доброму созданію такое уваженіе, какимъ онъ пользовался у Египтянъ, которые, въ этомъ отношеніи были умнѣе насъ.

Правда, были и есть у насъ хозяева, которые, видя упадокъ силъ мѣстнаго скота, желали обзавестись какими нибудь улучшенными породами; но эти улучшенныя породы, кое-гдѣ сохранивши лучшія типическія черты, при худыхъ кормахъ, при небрежномъ уходѣ, при грубомъ обращеніи съ ними, скоро сравнивались съ туземнымъ скотомъ, представляющимся намъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Прекраснѣйшую породу бессарабскаго скота мы почти совершенно утратили. Грустно подумать, что мы до сихъ поръ не позаботились измѣнить даже наши фуры для передвиженія произведеній земли, что такъ необходимо при отсутствіи у насъ дорогъ, не подумали даже перемѣнить ярмо для нашихъ быковъ, тяжелое для нихъ и не легкое для насъ, если мы согласимся, что по милости этого ярма мы теряемъ едва ли не половину рабочей силы. Давно въ лучшихъ хозяйствахъ западной Европы это ярмо брошено и замѣнено то хомутами, то ярмами несравненно лучшаго устройства.

Думаю, что почти исключительное употребленіе въ работу воловъ, а не лошадей, главнымъ образомъ происходитъ отъ простоты нашего ярма, отъ соломы и подножныхъ кормовъ, т. е. отъ нежеланія доставить нашему рабочему скоту лучшій уходъ, лучшее содержаніе; а между тѣмъ, употребляя лошадей, мы могли бы производить обработку земли и перевозку тяжестей съ большею скоростію—столь необходимою въ нашемъ климатѣ и при нашихъ путяхъ сообщенія. Я ни слова не скажу о лошадяхъ на югѣ Россіи, потому что въ массѣ нашего народа ихъ нѣтъ; но и у землевладѣльцевъ онѣ не составляютъ особой статьи доходности и рабочей силы, о чемъ, конечно, нельзя не пожалѣть.

Но вотъ лучшая отрасль южно-русскаго хозяйства—это тонкорунное

овцеводство. Развитіе этой отрасли, говорятъ многіе, безпримѣрно. Начавшись съ стадъ Рувье и Миллера въ какихъ нибудь 3,000 головъ, съ небольшимъ въ полстолѣтія оно возросло по крайней мѣрѣ до 5 милліон. (3,712,180, по Тенгобор.) штукъ. Не мало есть заводовъ, вмѣщающихъ въ себѣ отъ 25 до 60, даже до 100 т. и болѣе головъ. Шерсти мы отпускаемъ заграницу до 500,000 пуд. (*). Соображая всѣ эти данныя, кто же не скажетъ, что тонкорунное овцеводство дѣлаетъ честь южно-русскому хозяйству. А если къ этому присоединить, что съ разведеніемъ испанскихъ овецъ цѣнность земли у насъ увеличилась по крайней мѣрѣ въ четыре раза, то, очевидно, что эта отрасль хозяйства внесла въ массу народнаго богатства огромную долю; и, въ самомъ дѣлѣ, югъ Россіи можетъ гордиться тѣмъ, что онъ понялъ важность этой промышленности и съумѣлъ развить и упрочить ее. Нельзя не согласиться съ подобными умозаключеніями; но иной разъ, представляя многочисленныя стада тонкорунныхъ овецъ и тѣ громадные тюки шерсти, которые идутъ отъ насъ заграницу и внутрь Россіи, я невольно припоминаю себѣ стихи Фонъ-Физина, сказанныя имъ, впрочемъ, къ другимъ овцамъ:

«Овечки родятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри межъ тѣмъ карманы набиваютъ».

Въ чемъ нашъ трудъ состоялъ разработать изъ тонкорунаго овцеводства такую видную отрасль хозяйства? Положить первоначальный— для многихъ, по крайней мѣрѣ, въ прежнее время — самый ничтожный капиталъ, выстроить кошары или даже, вмѣсто нихъ, сдѣлать закуты изъ камыша, приставить большею частью даровыхъ чабановъ, накосить сѣна,—затѣмъ вся забота объ этомъ овцеводствѣ и кончалась. Стало быть, если тонкорунное овцеводство развилось у насъ въ очень широкихъ размѣрахъ, то этому отнюдь не обязано оно особеннымъ усиліямъ или пожертвованіямъ со стороны хозяевъ, а единственно тому, что оно казалось простымъ и легкимъ. Скажу яснѣе, тонкорунное наше овцеводство произведено нашимъ теплымъ небомъ, нашими малонаселенными землями. Но мнѣ скажутъ: зачѣмъ же и употреблять было особыя усилія и пожертвованія, когда дѣло обошлось и безъ нихъ? Въ томъ-то и задача сельскаго хозяина—получать какъ

(*) Въ опытѣ стат. Новор. Кр. г. Скальковскаго за 1845 годъ показано 485,686 пуд.

можно больше, а затрачивать какъ можно меньше, т. е. стремиться къ увеличенію чистаго дохода. Это правда, но если мы припомнимъ, что большая часть нашихъ шерстей на заграничныхъ рынкахъ стоятъ въ числѣ посредственныхъ сортовъ, или даже ниже посредственныхъ, что нерѣдко отъ слишкомъ большихъ надеждъ на материнское попеченіе о насъ природы въ одинъ годъ десятки тысячъ головъ этихъ животныхъ падаютъ или отъ безкормицы, или отъ болѣзней, какъ напр. въ 1848 г. наши хозяева лишились $1\frac{1}{2}$ мил. головъ, то невольно представляется, что эта благодарная отрасль хозяйства имѣла и имѣетъ право на гораздо большее вниманіе нашихъ хозяевъ. Нельзя не согласиться, что только то составляетъ истинное богатство народа, гдѣ главнымъ дѣятелемъ становится разумный трудъ человѣка, гдѣ человѣкъ покоряетъ себѣ силы природы и становится полнымъ ихъ властелиномъ. Потому-то бананы и хлѣбныя деревья, которыя обезпечиваютъ огромное народонаселеніе нѣкоторыхъ тропическихъ широтъ, мы никакъ не можемъ назвать богатствомъ страны, хотя эти деревья доставляютъ столько продуктовъ, что, какъ полагаетъ Шлейденъ, извѣстное пространство, засаженное бананами, можетъ прокормить 25 человѣкъ, между тѣмъ какъ то же самое пространство земли, засѣянное пшеницею, прокормитъ только одного человѣка.

Но почему же подобные дары природы не могутъ назваться богатствомъ народа! И неужели Швеція и Норвегія, гдѣ съ успѣхомъ могутъ воздѣлываться почти только рожь и ячмень, богаче тѣхъ странъ, гдѣ растутъ хлѣбныя деревья и бананы?—Несравненно богаче. Для южно-русскихъ хозяевъ, по крайней мѣрѣ для очень многихъ изъ нихъ руна тонкорунныхъ овецъ — золотое руно Колхиды. Но еслибы волны Понта Эвксинскаго вмѣсто гравія и песку выбрасывали намъ груды золота и серебра самой высокой пробы, мы не сдѣлались бы богаче. Истинное богатство народа заключается въ богатствѣ его способностей, въ широкомъ развитіи его соціальной жизни, въ его энергическомъ стремленіи къ труду, въ его самобытной и настойчивой дѣятельности. При такомъ состояніи народъ можетъ превратить сыпучіе пески и холодныя тундры въ золотыя розсыпи, которыя предъ настоящими золотыми розсыпями всегда будутъ имѣть то неоспоримое преимущество, что онѣ не изсякнутъ своимъ золотомъ.

Бросая бѣглый взглядъ на сельское хозяйство юга Россіи, я указалъ, что главнѣйшія отрасли его — земледѣліе и скотоводство пред-

ставляютъ собою далеко незавидную посредственность или, по крайней мѣрѣ, не носятъ на себѣ печати раціональности, дальновидности и прочности.

Послѣ земледѣлія и скотоводства, конечно, на первомъ планѣ стоятъ лѣсоводство и садоводство. Благодаря усиліямъ нѣкоторыхъ нашихъ частныхъ землевладѣльцевъ, разведенію лѣсовъ въ степяхъ юга Россіи проложена торная дорога. Нѣкоторые изъ нашихъ ревнителей лѣсохозяйства добыли множество дорогихъ данныхъ, такъ что, на основаніи этихъ данныхъ, лѣсоразведеніе въ здѣшнемъ краѣ становится дѣломъ вполнѣ возможнымъ. Но, къ сожалѣнію, приходится сказать, что лѣсоразведеніе въ нашемъ краѣ далеко не пользуется правами гражданства. Правда, не мало у насъ землевладѣльцевъ, которые успѣли расширить свои плантаціи на 50—100 и даже 500 дес., усердно трудились надъ лѣсоразведеніемъ въ бывшихъ военныхъ поселеніяхъ; прекрасныя лѣсовыя растенія мы находимъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, особливо у менонитовъ; но за то сколько имѣній общирнѣйшихъ и доходнѣйшихъ, гдѣ и куста не посажено; а у нашихъ простыхъ поселянъ оно еще и не начиналось, такъ что всѣ наши лѣсныя и садовыя насажденія по отношенію къ общему лицу степей не могутъ назваться даже оазисами. Еслибы мы заглядывали въ будущее, еслибы заботились о судьбѣ края и позднѣйшихъ поколѣній и еслибы на лѣсоразведеніе $^1/_{1000}$ часть употребляли изъ доходовъ отъ нашей пшеницы и скотоводства, — лѣсовъ и садовъ въ нашемъ краѣ было бы несравненно больше.

Но мало того, что нѣкоторые хозяева нисколько не занимаются разведеніемъ лѣсовъ, они даже не вѣрятъ въ возможность и доходность этой отрасли сельскаго хозяйства для юга Россіи. А можетъ быть они только хотятъ прикрыться этимъ щитомъ? Мое искреннее убѣжденіе, котораго оспорить, думаю, невозможно, такое: лѣсоводство на югѣ Россіи вполнѣ возможно и можетъ составить одну изъ доходнѣйшихъ статей хозяйства. Скажу болѣе, хотя и знаю, что сказанное мною покажется ужаснымъ парадоксомъ: въ Россіи и даже на западѣ Европы нѣтъ края, который бы такъ способенъ былъ къ лѣсоразведенію, какъ степи Новороссіи. Впослѣдствіи я надѣюсь доказать это фактами, а теперь укажу только на то обстоятельство, что въ низменностяхъ нашихъ (которыхъ у насъ не мало) всѣ лѣсныя породы, какъ то: дубъ, ясень, берестъ, тополь, особливо виргинскій кленъ, ель, даже береза и др. растутъ такъ быстро, какъ

нигдѣ въ Россіи. Дубъ — эта туго растущая порода—въ 20 лѣтъ у насъ достигаетъ 8 саженъ высоты и имѣетъ до 6 вершковъ въ отрубѣ; виргинскій тополь въ 25-лѣтнемъ возрастѣ достигаетъ 15 саж. высоты и даетъ бревно до 3 саж. длины съ поперечникомъ до 3 четв. арш. Такой растительности я не видѣлъ даже въ лѣсахъ южной Германіи, и то же подтвердили мнѣ лучшіе таксаторы нѣкоторыхъ лѣсничествъ на западѣ Европы, напр. въ Виртембергѣ. Возвышенности наши, собственно степныя равнины, по сухости и твердости почвы, не легко пріурочиваютъ къ себѣ обыкновенныя лѣсныя породы; но за то мы имѣемъ акацію, которая, довольствуясь даже сухими почвами и не глубокою обработкою земли (до 8—10—12 верш.), имѣетъ такія высокія достоинства, что, по общему сознанію лѣсоводовъ западной Европы, предъ нею блѣднѣютъ всѣ древесныя породы, свойственныя европейскому материку среднихъ широтъ. Она превосходитъ всѣ эти породы быстротою своего роста, плотностію древесины, которая теперь на западѣ и нашими менонитами употребляется для самыхъ прочныхъ сооруженій или подѣлокъ, далѣе, своею способностью легко размножаться всѣми способами, сѣменами, корнями, черенками, порослями отъ корней; производительность свою акація сохраняетъ до глубокой старости. Это вы можете замѣтить на деревьяхъ, растущихъ по улицамъ Одессы. Нерѣдко можно видѣть однолѣтнія сѣянцы акаціи въ 4 арш. высоты; я видѣлъ нѣсколько подъ-корень срубленныхъ деревьевъ въ 15-лѣтнемъ возрастѣ, изъ которыхъ каждое дало до 12 и 18 побѣговъ отъ пня, и эти побѣги выросли въ одинъ годъ въ 3—4 арш. Какая растительность! Если мы къ этой древесной породѣ присоединимъ софору, айлантъ, гледичію, сосну, можжевельникъ (особливо виргинскій), тамариксъ, татарскій кленъ и др., которые также превосходно растутъ на открытыхъ степяхъ, то наше лѣсоводство не нуждается въ другихъ породахъ и даже будетъ удовлетворять эстетическому чувству.

Все сказанное мною по отношенію къ лѣсоразведенію должно относиться и къ разведенію плодовыхъ деревьевъ. Нѣкоторыми садами, какъ напр. садами Крыма и Бессарабіи, югъ Россіи можетъ похвалиться, и они составляютъ довольно видныя статьи доходности. Присоединивъ сюда сады по нашимъ рѣкамъ, сады у нѣкоторыхъ помѣщиковъ внутри степей и у менонитовъ, затѣмъ мы можемъ сказать, что садоводство у насъ не существуетъ или по крайней мѣрѣ эта отрасль хозяйства отнюдь не можетъ назваться народною. Между тѣмъ мно-

гимъ плодовымъ деревьямъ такъ благопріятствуетъ нашъ климатъ! Выращенные отъ сѣмянъ абрикосы, персики, вишни у насъ нерѣдко на четвертомъ году даютъ плоды! Привитой глазокъ абрикоса превращается въ одинъ годъ въ деревцо съ 40 и болѣе вѣтвями $2^1/_2$ арш. высоты!

Въ Бессарабіи, при ничтожномъ уходѣ, превосходно растутъ сливы, и этотъ край ежегодно десятки тысячъ пудовъ отправляетъ внутрь Россіи, въ сушеномъ видѣ. Къ этой же категоріи слѣдуетъ причислить грецкіе орѣхи, которые въ Крыму и Бессарабіи составляютъ довольно видную статью для внутренней торговли. По сколько прекраснѣйшихъ низменныхъ мѣстъ въ степяхъ юга Россіи, которыя могли бы быть заняты сливнякомъ, орѣшникомъ и другими плодовыми деревьями и составить серьезную статью доходности! И придетъ время, когда нашъ край будетъ снабжать своими плодами внутреннія губерніи Россіи, что составитъ немаловажный источникъ для обогащенія жителей края.

Дѣлая подобныя предсказанія, я держусь, какъ читатель, можетъ быть, и замѣчаетъ, одной нити — представить — къ чему способенъ здѣшній край и чему до сихъ поръ положенъ только одинъ зародышъ.

Но если какая отрасль сельскаго хозяйства на югѣ Россіи дѣлаетъ огромные успѣхи, такъ это — винодѣліе. По Кеппену, въ 1835 году, въ южныхъ губерніяхъ, со включеніемъ земли Войска Донскаго и губерній Ставропольской, Астраханской, Кіевской и Подольской, въ годъ получалось съ небольшимъ 1 милліонъ ведеръ вина (1,011,209), а чрезъ 15 лѣтъ, т. е. въ 185–первыхъ годахъ количество это доходило до $7^1/_2$ мил. ведеръ (7,475,000) (*). Въ томъ числѣ на однѣ новороссійскія губерніи, т. е. на Таврическую, Херсонскую, Бессарабскую и Екатеринославскую, приходится болѣе 4 мил. ведеръ. Если къ означеннымъ $7^1/_2$ мил. ведеръ присоединить вина закавказскихъ губерній, которыхъ собирается болѣе 8 мил. ведеръ (8,354,420) (**), то получимъ итогъ всего производства вина въ южной Россіи почти въ 16 мил. ведеръ (15,830,000), которые Тенгоборскій оцѣниваетъ въ 7,700,000 руб. сер.

Останавливаясь единственно на цифрахъ, относящихся къ новорос-

(*) По Тенгоборскому.
(**) Тенгоборскій.

сійскому краю, и принимая въ соображеніе, что въ последнее десятилѣтіе производство вина увеличилось по крайней мѣрѣ на 1 мил. ведеръ, мы смѣло можемъ сказать, что съ 1835 г., т. е. въ 25 лѣтъ производство вина въ нашемъ краѣ увеличилось въ 10 разъ. Но кто же не знаетъ, что и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ хозяйства, мы больше гонимся за количествомъ, чѣмъ за качествомъ. Тенгоборскій $7^1/_2$ мил. (7,475,000) ведеръ оцѣниваетъ въ $3^1/_2$ мил. р. (3,600,000) или почти ведро въ 50 к. Принимая во вниманіе, что главная масса нашихъ винъ, болѣе чѣмъ 3 мил. ведеръ, приходится на Бессарабію, гдѣ вино, особливо приготовляемое поселянами, продается по 10—20 коп. за ведро, мы думаемъ, что для южно-русскихъ винъ нельзя въ общей сложности поставить болѣе 40 коп. за ведро. Такая низкая цѣнность вина не слишкомъ характеризуетъ наши южно-русскія вина. Даже въ одной странѣ простая вода съ нѣкоторыми слѣдами посторонних веществъ имѣетъ несравненно высшую цѣнность... Вы конечно, не думаете, чтобы я здѣсь разумѣлъ знойныя, безводныя степи Африки, — нѣтъ, я разумѣю страну, отживающую свой вѣкъ питейныхъ откуповъ, т. е. наше любезное отечество.

Итакъ, если мы можемъ похвалиться успѣхами нашего винодѣлія, то все-таки на половину, и счастливая доля этой благодарнѣйшей отрасли сельскаго хозяйства все-таки впереди, а не въ настоящемъ. Берега Чернаго и Азовскаго морей окаймятся широкою (можетъ быть въ 100 верстъ) гирляндою виноградниковъ. Не забудемъ, что покойный винодѣлъ Тарданъ (на югѣ Бессарабіи) съ 45 десятинъ своего виноградника получалъ чистаго доходу, въ общей сложности, 7 тысячъ руб. сер.

Не желая изъ краткаго моего обзора различныхъ отдѣловъ хозяйства выпустить ни одного, я долженъ еще упомянуть о шелководствѣ, пчеловодствѣ и разведеніи такъ называемыхъ (впрочемъ неправильно) торговыхъ растеній. Но съ этими отдѣлами мы покончимъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Шелководство, которому такъ благопріятствуютъ климатическія условія, при всемъ стараніи правительства и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, не привилось на югѣ Россіи, за исключеніемъ колоній менонитовъ, гдѣ въ нѣкоторые годы въ позднѣйшее время собиралось шелку до 200 пудовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, повидимому, положено было довольно прочное основаніе этой промышленности, но теперь или совершенно она оставлена или держится, такъ сказать, на волоскѣ.

Отъ 1833 до 1835 года, какъ гласятъ извѣстія, собранныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, среднимъ числомъ въ годъ собиралось шелку въ Астраханской, Саратовской, Кіевской, Подольской, Харьковской, Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерніяхъ около 300 пуд. Но въ 1849 году, какъ видно изъ отчета департамента сельскаго хозяйства, сборъ шелка въ губерніяхъ Таврической, Подольской, Херсонской, Астраханской, Екатеринославской и Бессарабской области среднимъ числомъ доходилъ только до 180 пуд. (*). И странно, почему бы шелководству не привиться на югѣ Россіи! Эта отрасль сельскаго хозяйства, по простотѣ своей и по легкости въ отношеніи къ физическимъ силамъ, можетъ назваться бабьею промышленностію, а между тѣмъ она одна изъ доходнѣйшихъ: вѣдь хорошій шелкъ продается по 200 и болѣе руб. за пудъ. Нѣкоторыя провинціи Франціи живутъ шелкомъ. Одни эту неудачу относятъ къ нашему малолюдству— но это невѣрно; другіе, къ пшеницѣ и скотоводству, которыя, такъ сказать, глушатъ второстепенныя отрасли сельскаго хозяйства,—это отчасти справедливо. Но скорѣе всего мы должны искать причинъ неприививающемуся къ намъ шелководству, въ отсутствіи поземельной собственности для крестьянъ, которымъ всего ближе заниматься этою отраслью, далѣе — въ неразвитости ихъ, и наконецъ — что конечно, покажется страннымъ — къ широкой размашистой натурѣ русскаго народа, которому какъ будто не по плечу возиться съ червями и тянуть такія тонкія канители. Конечно, когда руки нашихъ поселянъ слѣлаются понѣжнѣе, потребности почище, они займутся шелководствомъ, и югъ Россіи завладѣетъ этою отраслью хозяйства, какъ родною, и будетъ одѣвать своимъ шелкомъ матушку Россію, вмѣсто ея пестрядины и сермяги.

Пчеловодство во всей Россіи падаетъ, а на югѣ, благодаря, можетъ, быть нашимъ овечкамъ, такъ гладко брѣющимъ наши степи, и совсѣмъ почти упало. Здѣсь бывали пасѣки, гдѣ считалось до 3,000 колодъ, а пасѣки въ 1000 колодъ были нерѣдкость. Нынѣ остались пчелы кое у кого и большею частью у помѣщиковъ, которые имѣютъ сады или лѣски; но и у нихъ пасѣки въ 300—500 колодъ считаются рѣдкостью. Жаль, что и эту, такъ сказать, доморощенную нашу от-

---

(*) Впрочемъ отъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ я слышалъ, будто бы въ прошедшемъ году южно-русскіе шелководы выработали и продали шелку до 400 пуд.

расль хозяйства мы упускаемъ изъ рукъ. Даже Франція — эта маленькая землька въ сравненіи съ Россіею—цѣнитъ произведенія своего пчеловодства (по Тенгоборскому въ 3,250,000 руб., а пчеловодство всей европейской Россіи едва ли дастъ 3,000,000 руб.)

Изъ такъ называемыхъ торговыхъ, фабричныхъ или пряныхъ растеній, которымъ такъ благопріятствуетъ нашъ климатъ, до настоящаго времени только табакъ — и то въ послѣднее десятилѣтіе — довольно хорошо пріурочился особенно въ Бессарабіи, въ которой въ одномъ Сорокскомъ уѣздѣ производится такъ называемаго ципиловскаго табаку болѣе 100 т. пуд., между тѣмъ какъ въ 50-хъ годахъ, т. е. назадъ тому 10 лѣтъ во всей Бессарабіи собиралось неболѣе 20—30 т. пуд. Нѣтъ сомнѣнія, что этому растенію предстоитъ счастливая будущность, какъ одному изъ доходнѣйшихъ. Нѣкоторые изъ табаководовъ въ Бессарабіи продаютъ свой табакъ уже по 20—30 р. за пудъ. Считая урожай на десятинѣ только въ 50 пуд., выходитъ валоваго дохода 1500 руб. Извѣстный намъ баронъ Местмахеръ, занимающійся разведеніемъ табаку въ Подольской губерніи, на границѣ съ Херсонской, въ 1853 г. представилъ въ общество с. х. ю. Р. подробный учетъ всѣхъ расходовъ и дохода съ его табачныхъ плантацій, которыми завѣдуетъ искусный садовникъ Кребсъ; изъ этого учета мы видимъ, что 1 десятина, занятая табакомъ, дастъ ему валоваго дохода 480 руб. сер.; вычтя изъ этой суммы расходы на обработку 138 р. 90 к. и за доставку 30 р., и продавая табакъ (какъ и продавалъ баронъ) по 8 руб., остается чистаго дохода 311 р. 40 к. Доходъ, какъ изволите видѣть, очень значительный.

За этимъ растеніемъ есть еще нѣсколько, которыя можетъ пріурочить къ себѣ югъ Россіи, но которыя почти еще не нашли мѣста среди нашихъ полей и огородовъ.

Если я не ошибаюсь, до послѣднихъ годовъ въ нашемъ краѣ только одинъ г. Дульветовъ, помѣщикъ Таврической губерніи, разводилъ у себя на нѣсколькихъ десятинахъ (не болѣе 3—4) марену, и только назадъ тому 4 года французскій подданный, арендовавшій имѣніе у князя Кочубея въ Крыму, сталъ разводить это цѣнное растеніе въ значительномъ размѣрѣ. Его превосходныя плантаціи теперь доходятъ до 50 дес. Какъ доходно это растеніе, могущее, какъ опыты сосѣднихъ землевладѣльцевъ графа М. Д. Толстаго и А. А. Шостака

показали, съ успѣхомъ разводиться даже на открытыхъ степныхъ равнинахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго приблизительнаго расчета, сообщеннаго намъ г. Рено. Выкопку марены г. Рено производитъ черезъ 26 мѣсяцевъ, т. е. черезъ 2 года въ третій. Если эту выкопку дѣлать заступомъ, то получается, какъ увѣряетъ г. Рено, до 400 пуд. корней, а если плугомъ, то не менѣе 300 пуд.; цѣня пудъ по 5 руб. (но марена обыкновенно продается по 7 и 7 р. 50 к. за пудъ), выходитъ, что десятина въ двухлѣтній періодъ дастъ валоваго дохода 1500 руб. Вычтя изъ этой суммы, какъ полагаетъ г. Рено, 500 руб. на расходы, остается чистой прибыли 1000 руб., или по 500 руб. на каждый годъ. Стало быть, засѣянныя мареной у г. Рено 50 десятинъ должны давать черезъ каждые два года 50,000 руб. И это—не мечта; я и многіе другіе видѣли плантаціи г. Рено, видѣли и собранную марену до нѣсколькихъ тысячъ пудъ. По пробамъ, произведеннымъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ Москвѣ, оказывается, что наша крымская марена хотя и уступаетъ (вѣроятно вслѣдствіе ранней выкопки) кавказской, но также находитъ себѣ мѣсто въ фабричномъ дѣлѣ.

500 руб. съ десятины—да положимъ и половину—развѣ это не кладъ, не калифорнскія розсыпи? И странно, какъ же мы до сихъ поръ не обращали на это цѣнное растеніе никакого вниманія...

Но мало ли подобныхъ растеній, которыя могли бы внести въ нашъ край огромную долю народнаго богатства! Многія фабрики Россіи получаютъ ворсильныя шишки изъ заграницы, и значительная часть ихъ идетъ черезъ нашъ портъ. Но если бы мы занялись разведеніемъ этого растенія, могли бы не только снабжать его продуктомъ всѣ фабрики Россіи, но даже и заграничныя. Какъ благопріятствуетъ нашъ климатъ этому растенію, достаточно указать на слѣдующій фактъ: въ Бессарабіи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ это растеніе въ дикомъ состояніи, въ видѣ огромнѣйшихъ кустовъ, на которыхъ на одномъ насчитывалъ отъ 30 до 50 шишекъ, между тѣмъ какъ съ культурныхъ кустовъ собирается только отъ 4 до 6. И это растеніе, какъ опыты показали, съ полнымъ успѣхомъ можетъ воздѣлываться у насъ вездѣ, особливо по низменностямъ, которыми мы не бѣдны. Впрочемъ, въ здѣшнемъ ботаническомъ саду, т. е. на совершенно ровномъ и сухомъ мѣстѣ, неразъ сѣяли ворсянку, и она вполнѣ удавалась. Считаютъ, что десятина, занятая этимъ растеніемъ, можетъ дать отъ 200 до 300 руб. сер. и болѣе чистаго дохода.

Въ эту же категорію выгодныхъ и могущихъ пріурочиться къ нашему краю растеній должны быть включены: хмѣль, хлопчатникъ, растущій у насъ дико, красильная гречиха, дающая синюю, очень цѣнную краску, сафлоръ, шафранъ, ропсъ, горчица, китайская рѣдька, подсолнечникъ и другія извѣстныя по своей цѣнности растенія, о которыхъ нѣкоторые изъ нашихъ хозяевъ не имѣютъ никакого понятія.

Въ заключеніе этого перечня я укажу еще на одно растеніе, которое мы разводимъ въ цвѣтникахъ и любуемся его дородствомъ и роскошными, темнозелеными, лапчатыми листьями. Это растеніе по-латынѣ называютъ Ricinus communis, а русскіе дали ему очень удачное название — клещевина, по удивительному сходству сѣмянъ его съ клещами, которыя впиваются въ нашихъ домашнихъ житвотныхъ. Клещевина даетъ намъ извѣстное спасительное во многихъ случаяхъ рициновое масло, которое одесскимъ формацевтическимъ магазинамъ обходится въ покупкѣ 9—10 р. за пудъ, а въ другихъ мѣстахъ, напр. недалеко въ Кишиневѣ, какъ пишетъ г. Романдинъ, по 17 руб. за пудъ. Но этого мало, клещевина въ нѣкоторомъ отношеніи бананъ: все въ немъ можетъ служить для пользы человѣка, и, между прочимъ, стебли его даютъ очень значительное количество волоконъ, подобно коноплю, которые могутъ идти на приготовленіе веревокъ, канатовъ, грубыхъ полотенъ и писчей бумаги. Клещевинное масло можетъ имѣть очень значительное приложеніе въ общежитіи для освѣщенія и въ малярномъ дѣлѣ; но если видѣть въ немъ только медикаментъ, то и въ такомъ случаѣ оно заслуживаетъ вниманіе нашихъ хозяевъ. Докторъ Гауровичъ въ своемъ сочиненіи полагаетъ, что въ двухъ нашихъ столицахъ и другихъ большихъ городахъ Россіи расходуется этого лекарственнаго масла по крайней мѣрѣ на 200,000 руб. Онъ же говоритъ, что къ воздѣлыванію этого растенія способна вся южная полоса Россіи, гдѣ оно растетъ даже лучше, чѣмъ на островахъ Вестъ-Индіи (?), и что Россія могла бы снабжать этимъ цѣнимъ продуктомъ всю Европу, которая получаетъ его изъ Индіи. Если я не ошибаюсь, одинъ только аптекарь Романдинъ (въ Кишиневѣ) воздѣлывалъ клещевину въ значительномъ количествѣ и добывалъ изъ нея масло, которое военно-медицинскимъ департаментомъ найдено хорошимъ и было разсылаемо по военнымъ госпиталямъ.

Доселѣ я старался представить краткій очеркъ всѣхъ главныхъ отраслей нашего хозяйства и показать, что нѣкоторые изъ нихъ на-

ходятся въ плѣну у рутины, а другія даже не поникли на свѣтъ Божій. Стало быть, картина производительныхъ силъ благодатнаго юга Россіи не можетъ или, по крайней мѣрѣ, до послѣднихъ годовъ не могла представиться намъ въ привлекательныхъ краскахъ. Но какова она будетъ, если мы поставимъ на ней нѣсколько вопросительныхъ знаковъ.

Почему мы не стараемся или, по крайней мѣрѣ, до позднѣйшаго времени не старались нѣкоторыя сырыя произведенія нашего края превращать въ болѣе или менѣе измѣненную форму и такимъ образомъ удешевлять провозъ ихъ до мѣста потребленія и получать извѣстную плату за обработку? На первомъ мѣстѣ въ числѣ этихъ обработанныхъ или измѣненныхъ продуктовъ, конечно, долженъ стоять спиртъ. Но о немъ мы не будемъ говорить, такъ какъ производство его подчинялось особымъ условіямъ. Но отправлять въ возможно-большемъ количествѣ муку вмѣсто зерна, крахмалъ и камедь вмѣсто семени, стеаринъ вмѣсто сала, выдѣланныя кожи вмѣсто сыромятныхъ, мясо въ соленомъ или консервированномъ видахъ и т. д., и т. д., что удерживало насъ увеличить доходность нашихъ земель переработкою этихъ и подобныхъ имъ сырыхъ матеріаловъ въ болѣе или менѣе фабричный видъ? Не знаю что, но отнюдь не недостатокъ капиталовъ и рукъ, которые нашлись же для фабрикаціи сахара, для гонки спирта и т. п. Здѣсь главная причина—недостатокъ предпріимчивости, кредита и ассоціаціи между частными лицами.

Поставимъ еще одинъ вопросъ: позаботились ли мы о сбереженіи производительности нашихъ земель? Возвращаемъ ли мы нашей почвѣ то, что собираемъ съ нея въ видѣ хлѣба, мяса, шерсти, сала и т. п.? Нѣтъ, мы сами сознаемся, что производительность нашихъ превосходныхъ земель уже уменьшилась на $^1/_3$. Впрочемъ такая трата силъ земли безъ вознагражденія ведется не у насъ однихъ. Человѣкъ, обыкновенно, видя кипучую жизнь природы, слишкомъ много надѣется на запасъ ея силъ и становится мотомъ, какъ наслѣдникъ большаго капитала, оставленнаго отцемъ или дядею. Такъ было вездѣ и всегда. Въ нѣкоторыхъ соединенныхъ штатахъ Америки положительно доказываютъ, что вслѣдствіе истощенія земли урожаи хлѣбовъ и другихъ хозяйственныхъ растеній въ послѣднее время уменьшились тамъ на-половину. Есть лица въ Америкѣ, которыя съ болѣзнью сердца и упреками смотрятъ на такое расхищеніе національнаго богатсва.

Какъ видите не совсѣмъ привлекательна картина домохозяйства юга Россіи; но все-таки на этой картинѣ виднѣются болѣе утѣшительныя черты, болѣе отрадный колоритъ, чѣмъ на картинѣ, изображающей собою производительныя силы внутренней Россіи, которой, какъ вамъ извѣстно, скоро исполнится 1000 лѣтъ.

Сошлемся на нѣкоторыя цифры.

Покойный Тенгоборскій въ своемъ трудѣ весь валовой доходъ отъ сельскаго хозяйства европейской Россіи полагаетъ съ небольшимъ въ 8 миліардовъ (8,104,000,000 франк.), но во Франціи—государствѣ, которое далеко еще не можетъ похвалиться своею сельскою промышленностью въ сравненіи напр. съ Англіею, Бельгіею, Голландіею и большею частью Германіи (почему мы и взяли для сравненія съ Россіею именно это государство)—валовой доходъ считается слишкомъ въ 6 миліардовъ франк. (6,077,000,000). Конечно, нашъ доходъ превышаетъ доходъ Франціи на 2 слишкомъ миліарда; но не забудемъ, что въ европейской Россіи (по Тенгоборскому) считается 62,000,000 жителей, а во Франціи почти половина этого, именно 35,680,000. И сверхъ того классъ, непосредственно занимающійся сельскимъ хозяйствомъ, въ Россіи гораздо многочисленнѣе, чѣмъ во Франціи; въ первой, т. е. Россіи, на 100 городскихъ жетелей приходится сельскихъ 1,148, между тѣмъ какъ во Франціи только 464, т. е. менѣе чѣмъ на половину. Или другими цифрами: во Франціи изъ 100,000 жителей приходится 17,728 городскихъ, а въ Россіи изъ того же числа, т. е. изъ 100,000—только 8,710 жителей.

Отсюда само собою слѣдуетъ заключить: если количество рукъ, занятыхъ сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи, вдвое больше, чѣмъ во Франціи, то очевидно и валовой доходъ отъ сельскаго хозяйства долженъ бы быть вдвое больше, что въ свою очередь могутъ подтвердить и слѣдующія цифры: во Франціи считаютъ городское населеніе съ жителями мѣстечекъ въ 8,300,000, это значитъ, на долю городскаго населенія приходится почти $\frac{1}{4}$ всего народонаселенія; вычтя эту четверть изъ общей массы населенія, т. е. изъ 35,680,000, останется на долю сельскихъ жителей 27,380,000. Городское же населеніе въ Россіи, по Тенгоборскому, доходитъ только до 5,400,000, т. е. у насъ въ европейской Россіи 56,000,000 занято собственно сельскимъ хозяйствомъ.

«Эти сближенія, т. е. отношенія производительныхъ земель къ народонаселенію, говоритъ Тенгоборскій, доказываютъ, на какомъ еще

твердомъ основаніи лежитъ въ европейской Россіи будущее населеніе этой имперіи» и, осмѣлимся прибавить, въ какомъ жалкомъ состояніи находится сельская промышленность ея, т. е. этой имперіи!

Но еще яснѣе это представится намъ, если мы, согласно показаніямъ нашихъ статистиковъ, примемъ для Россіи все количество производительной земли, т. е. обработанной и находящейся подъ лугами, садами, виноградниками и т. п. равнымъ 150,000,000 дес., между тѣмъ какъ во Франціи количество этихъ земель равняется только 29,162,000; но какая огромная разница въ итогѣ произведеній этихъ земель? Наши 150 мил. дес. даютъ 8 миліард. фр. валоваго дохода, а во Франціи 6 миліард. получается менѣе чѣмъ съ 30 мил. дес. Или еще ближе: полагаютъ, что въ европейской Россіи собственно подъ одними хлѣбными растеніями находится не менѣе 72 мил., (по Заблоцкому—75), а во Франціи только до 14 мил. (въ 1840 г. считалось 13,534,000 десят.). Но сколько хлѣба производитъ Россія и сколько Фанція? Первая 260,000,000 четв., а вторая—101,000,000 четв., т. е. столько, сколько Россія должна бы производить только на $^1/_5$ своихъ пахатныхъ полей, которыя, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, въ 5 разъ больше численностью, чѣмъ поля Франціи. Еще разительнѣе слабая производительность нашихъ полей къ полямъ Великобританіи: тамъ только съ 6,928,333 десят. собирается хлѣба 85 мил. четвертей, т. е. въ Великобританіи получается почти третья часть нашихъ урожаевъ съ такого пространства земли, которое равняется съ небольшимъ $^1/_{10}$ нашихъ полей.

Закончу всѣ эти цифры нижеслѣдующими: въ Англіи средній урожай съ десятины полагается $12^1/_2$ четверт.; во Франціи—7,36, въ Австріи—6,60, въ южной Германіи до 8, а въ Россіи только до $4^1/_2$ четв. (4,63). Правда, скажутъ, что и климатъ западной Европы благопріятнѣе для растительности, за то мы имѣемъ около 90 мил. десят. такой земли, которой нѣтъ тамъ — это нашъ черноземъ.

Обратимся къ другимъ цифрамъ. Еще нѣсколько данныхъ, и абрисъ русскаго сельскаго хозяйства будетъ почти полный, потому что имъ будутъ очерчены двѣ главнѣйшія отрасли сельскаго хозяйства въ Россіи — земледѣліе съ луговодствомъ и скотоводство.

Въ Англіи десятина луговъ даетъ 220 пуд., во Франціи 167, въ Австріи 120, въ Россіи же только 60 пуд., а для всего ея юговостока едва ли можно положить среднимъ числомъ болѣе 35 или 40 пуд. Стало быть, наше скотоводство гораздо менѣе обезпечено,

чѣмъ въ западной Европѣ. А если мы примемъ въ соображеніе, что тамъ почти повсемѣстно, гдѣ только возможно, введены орошеніе луговъ и травосѣяніе, а у насъ, въ Россіи, едва проложены слабые слѣды тому и другому, то это будетъ еще очевиднѣе. Сравнивая цифры земель, доставляющихъ сѣно съ численностью скота, мы приходимъ и къ другому неутѣшительному результату, именно, что нашъ скотъ главнымъ образомъ прокармливается соломою, а не сѣномъ, которое почти втрое питательнѣе первой и, стало быть, скотоводство наше безъ приличной пищи не можетъ представить намъ отрадной картины, что на самомъ дѣлѣ и есть.

Главные роды нашихъ домашнихъ животныхъ — лошади и рогатый скотъ. Въ общей массѣ, т. е. какими они находятся въ рукахъ народа, въ сравненіи съ лошадьми и рогатымъ скотомъ Англіи, Бельгіи, Голландіи, Германіи и Франціи, наши домашнія животныя скорѣе могутъ назваться пародіями на этихъ животныхъ, чѣмъ настоящими животными, находящимися на попеченіи разумныхъ существъ, т. е. человѣка. Основываясь на нѣкоторыхъ данныхъ и личныхъ наблюденіяхъ, я смѣло могу утверждать, что рабочій скотъ означенныхъ государствъ западной Европы вчетверо сильнѣе или производительнѣе, чѣмъ нашъ. Г. Тенгоборскій, сравнивая англійскихъ лошадей съ нѣмецкими, находитъ, что первыя втрое сильнѣе послѣднихъ. Подобное же отношеніе онъ полагаетъ между русскими и англійскими лошадьми; но мы не безъ основанія думаемъ, что онъ слишкомъ польстилъ народному коневодству нашего отечества. Положительно можно сказать, что сила всей массы англійскихъ лошадей, взятыхъ въ извѣстной пропорціи, должна превзойдти силу лошадей Россіи по крайней мѣрѣ въ 5 разъ.

Припомнимъ, что у насъ тяжесть воза для крестьянской лошади полагается только въ 15, но допустимъ и въ 25 пуд.; въ Англіи же, правда, по шоссейнымъ дорогамъ, тяжесть въ 90 пуд. для лошади очень обыкновенная; но есть лошади, напр. на заводахъ, которыя легко возятъ по 3 тонны, т. е. по 180 пуд.; въ Германіи на пару лошадей кладутъ по большей части отъ 40 до 70 центнер. или отъ 120 до 210 пуд. Правда, здѣшнія, я разумѣю одесскія, извозническія лошади отвозятъ на гавань по 5 четверт., т. е. по 50 пуд., но не забудемъ, что эти лошади живутъ 2 — 3, много 5 лѣтъ, а иныя не болѣе мѣсяца; но на западѣ, особливо въ Англіи, вѣкъ рабочей

лошади считают въ 15—20 лѣтъ. Сказанное объ одесскихъ лошадяхъ отчасти можетъ относиться и ко всему рабочему скоту Россіи.

Но допустивъ, что лошади въ нѣкоторыхъ странахъ западной Европы только втрое сильнѣе нашихъ, мы увидимъ, какую огромную потерю несемъ мы въ одной изъ главныхъ рабочихъ силъ. У насъ, говоритъ г. Тенгоборскій, во многихъ мѣстахъ крестьянскія лошади еще меньше и слабѣе нѣмецкихъ и можно предполагать безъ преувеличенія, что, улучшивъ лошадиную породу, можно получить при томъ же количествѣ лошадей втрое большую двигательную силу, нежели теперь, и какое бы приращеніе мы получили черезъ это въ производительныхъ силахъ! Полагаютъ, что въ областяхъ европейской Россіи находится около 18 мил. лошадей, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ 12 мил. принадлежатъ земледѣльческому сословію. Если же оцѣнить только въ 12 руб. теперешнюю двигательную силу крестьянской лошади въ продолженіи года, что составляетъ безъ сомнѣнія очень умѣренную оцѣнку, то, увеличивъ улучшеніемъ эту силу только вдвое, мы получили бы ежегоднаго приращенія къ національному богатству на 144 мил. руб. А если увеличить, прибавимъ мы, вчетверо, что будетъ еще правильнѣе, то ежегодное приращеніе къ національному богатству доходило бы до полумиліарда, но правильнѣе—до миліарда, потому что оцѣнка двигательной силы лошади въ 12 руб. слишкомъ низкая. Здѣсь есть о чемъ подумать и пожалѣть!

Думаемъ, еще большую разность найдемъ мы между производительностію нашего рогатаго скота и производительностію его на западѣ Европы, разумѣя подъ этою производительностію молочныя скопы, мясо, сало и кожи. Въ Англіи напр. откармливаютъ воловъ на убой въ 50 и 80 пуд. живаго вѣса, а у насъ волъ въ 25 или 30 пуд. можетъ считаться рѣдкостью.

Во Франціи считается среднимъ числомъ на одного быка 672 ф. мяса, $63\frac{1}{2}$ ф. сала; въ Пруссіи—570 ф. мяса и 62 ф. сала; въ Россіи не полагаютъ болѣе 400—450 ф. мяса и 50 сала.

Въ большей части государствъ западной Европы считаютъ годичный сборъ молока отъ коровы въ 2000 — 3000 штоф., а у насъ едва ли его можно считать въ 300 — 400 шт. Но можетъ быть, если мы не взяли качествомъ, то беремъ по крайней мѣрѣ количествомъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ; исключенія на этотъ разъ составляютъ только лошади, что, конечно, произошло вслѣдствіе дальности разстояній и, можетъ быть, по крайней мѣрѣ частью, отъ немного лѣнивой

славянской натуры, которая вообще любитъ ѣздить или выѣзжать на другихъ.

Изъ слѣдующихъ цифръ легко можемъ видѣть численность нашего скотоводства, включая сюда и лошадей, и овецъ (*).

Во Франціи на квадратную милю производительной земли число головъ рогатаго скота приходится 1,025

Въ Австріи 1,779

— Пруссіи 1,361

а въ Россіи только 630

На то же пространство земли приходится овецъ:

Во Франціи 5,153

— Пруссіи 4,382

— Австріи 5,153

— Россіи же 1,260

Лошадей:

Во Франціи 369

Въ Пруссіи. 422

— Австріи 435

— Россіи 454

Всѣхъ же головъ этихъ трехъ родовъ животныхъ на квадратную милю полагается:

Во Франціи 5,605

Въ Пруссіи 6,165

— Австріи 7,367

— Россіи 2,344

Для кочевыхъ народовъ скотоводство составляетъ почти единственную отрасль сельскаго хозяйства и служитъ главнѣйшимъ источникомъ ихъ богатства. Среди народа осѣдлаго, но малочисленнаго, т. е. владѣющаго обширными землями, если не можетъ находиться на высокой ступени развитія земледѣліе, то, повидимому, мы вправѣ ожидать отъ него многочисленнаго и лучшаго скотоводства, такъ такъ эта отрасль можетъ быть ведена имъ, при обширности земель, безъ особенныхъ пожертвованій труда и капиталовъ. Къ сожалѣнію, даже и этого мы не видимъ въ Россіи, между тѣмъ какъ средства есть, что видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ Россіи на каждую голову крупнаго и мелкаго скота (т. е. лошадей, рога-

(*) Эти цифры также взяты изъ соч. Тенгоборскаго.

таго скота и овецъ) среднимъ числомъ приходится на 100 десят. луговъ 72 головы; во Франціи 201 голова; въ Австріи 260 головъ. Стало быть, мы богаты естественными средствами для того, чтобы имѣть наше скотоводство и въ лучшемъ видѣ, и въ большемъ количествѣ; и слѣдовательно, если оно представляется намъ въ такомъ незавидномъ, даже жалкомъ состояніи, то единственно вслѣдствіе нашего дурнаго ухода за нимъ, вслѣдствіе того, что его давитъ мракъ рутины, беспечности и грубости нравовъ.

Вотъ, какими чертами обрисовывается сельское хозяйство, или по крайней мѣрѣ, двѣ главнѣйшія отрасли его, въ нашемъ отечествѣ! Угодно взглянуть на другіе отдѣлы хозяйства? Желаете посмотрѣть на нѣкоторыя детали общаго нашего домоустройства? Но это повело бы насъ слишкомъ далеко, и притомъ картина нашего домохозяйства такъ мрачна, такъ тяжела для сердца, что лучше отвернуться отъ нея... Дымныя, грязныя, сырыя, гнилыя и холодныя жилища у поселянъ; сохи, бороны, телеги и прочая домашняя и хозяйственная утварь—почти такія же, какія были у древнѣйшихъ народовъ, напр. у Египтянъ. Пожары опустошаютъ русскую землю и пожираютъ миліарды народнаго богатства. Лѣса повсюду истребляются, а за ними исчезаютъ воды и ухудшается климатъ. Дорогъ нѣтъ. Кредита почти не существуетъ. Уваженіе къ личной и общественной собственности самое слабое, и если поддерживается, то отнюдь не вслѣдствіе нравственныхъ убѣжденій, которыя, по всеобщему нашему невѣжеству, еще не вызрѣли и не окрѣпли среди русскаго народа. Но довольно! Чѣмъ дальше въ этотъ лѣсъ, тѣмъ больше мрака...

Отчего же, такъ неутѣшительна картина русскаго домохозяйства? Отчего же мы въ русскомъ тѣлѣ не видимъ той полноты жизни, которая такъ шла бы къ его богатырскому складу?..

Много, много отвѣтовъ можно дать на эти вопросы, но мы ограничимся только нѣсколькими.

Одни говорятъ: Россія — государство еще молодое, и притомъ развитіе его болѣе или менѣе было сдерживаемо различными внѣшними и внутренними историческими событіями. Если бы мы не имѣли передъ глазами народовъ, которые соединились въ государства позднѣе насъ, каковы, напримѣръ, соединенные штаты Америки, то, пожалуй, безусловно согласились бы, что можно и тысячелѣтнее государство назвать юнымъ. Развитіе гражданской и промышленной жизни народовъ совершалось медленно тогда, когда эти народы должны были ко всему

прокладывать новые пути; но если эти пути проложены, то жизнь другихъ народовъ естественнымъ образомъ должна развиваться несравненно быстрѣе. Въ такихъ именно условіяхъ поставленно наше отечество. Слѣдовательно, воображаемая молодость его—есть просто сладкое самообольщеніе гнилаго патріотизма. Равнымъ образомъ мы не можемъ вполнѣ раздѣлять мнѣнія тѣхъ, которые застой русской жизни, раболѣпное настроеніе духа русскаго народа, слабое развитіе производительныхъ силъ его относятъ къ историческимъ ударамъ. Этого мнѣнія, какъ извѣстно, придерживался покойный исторіографъ Карамзинъ и друг. По нашему мнѣнію подобные удары должны бы были только развить и укрѣпить силу Россіи, но не подавить ее. Удары судьбы грозны только для дряхлаго старика; но юношу или мужа, въ которыхъ жизнь полна силы, эти удары могутъ только возвысить и облагородить. Такъ вѣтры и бури для молодаго дерева служатъ могущественною силою для его развитія; но для дерева, отживающаго свой вѣкъ, при всей видимой мощности его, ударъ вѣтра нерѣдко бываетъ роковымъ. Но допустимъ, что историческія потрясенія на-время сдерживаютъ развитіе силъ русскаго народа; за то съ одной стороны было слишкомъ много времени оправиться отъ нихъ, а съ другой были же и сильные толчки, которые должны бы были усилить теченіе русской жизни... Но какъ мы ими воспользовались?.. Поэтому не въ молодости и не въ историческихъ ударахъ надо искать причины застоя нашего сельскаго хозяйства, а въ построеніи самой жизни. Мы обходимъ молчаніемъ разъясненіе коренныхъ полетическихъ и нравственныхъ причинъ, и должны ограничиться указаніемъ только на внѣшнія явленія природы.

Въ наше время никто не сомнѣвается въ томъ, что природа оказываетъ могущественное вліяніе на развитіе внутреннихъ силъ народа, на складъ его общественной жизни. Это вліяніе бываетъ особенно сильно тогда, когда народъ еще не пріобрѣлъ нравственнаго превосходства надъ окружающими явленіями, когда онъ находится въ постоянной зависимости отъ нихъ и ведетъ робкую и безуспѣшную борьбу съ враждебными внѣшними силами.

«Все обиліе разнообразнѣйшихъ матерій, говоритъ Гумбольдъ, въ ихъ соединеніяхъ и переобразованіяхъ, въ вѣчной измѣняющейся игрѣ, вызванныхъ къ дѣятельности силъ, доставляетъ для духа пищу, для изученія радостное неизмѣримое поле дѣятельности, словомъ, приноситъ дары, сообщающіе умственнымъ сферамъ человѣчества, образованіемъ и

укрѣпленіемъ мыслящей способности, часть ихъ возвышеннаго величія. Міръ чувственныхъ явленій отражается въ глубинѣ міра идей; богатство природы, масса, различаемая въ ней, мало-по-малу переходитъ въ разумное сознаніе». Нужно ли пояснять и доказывать эти глубокія мысли творца космоса? Нужно ли приводить факты на то, что міръ явленій отражается въ глубинѣ міра идей и что богатства природы переходятъ въ разумное сознаніе? Человѣкъ такъ созданъ и такъ поставленъ, что пробужденіе внутреннихъ его силъ начинается, по выраженію Гумбольда, чрезъ шумъ волнъ внѣшняго міра. Самыя возвышенныя идеи не вдругъ пробуждались въ немъ; зараждаясь изъ единичныхъ понятій, онѣ выработывались въ тайникѣ души, вслѣдствіе инициативы предметовъ внѣшняго міра на душу.

Если неизмѣримый, вѣчно живой и бушующій океанъ могъ выработать такой желѣзный, такой самобытный и дѣятельный духъ Британца, если возвышенныя, величественныя, вѣчно борющіяся съ громами и молніями, Альпы Швейцаріи и Кавказа могли вдохнуть въ ихъ обитателей неодолимое чувство свободы и борьбы за права человѣческія; то нѣтъ сомнѣнія, что равнинность континента европейской Россіи, этотъ застывшій великій океанъ безъ грозныхъ волнъ и движенія могъ положить печать неподвижности на русскій народъ, и кровь его стыла подобно застывшему океану, на которомъ онъ поселился.

Къ сожалѣнію, стывшая кровь не могла разгорячаться отъ прилива постороннихъ элементовъ. Этимъ я хочу сказать, что топографическое положеніе европейской Россіи служило самымъ сильнымъ и даже непреодолимымъ препятствіемъ къ общенію ея съ западомъ Европы, а равно и съ другими частями свѣта; безъ этого же общенія естественно долженъ былъ образоваться застой развитія русскаго народа. Я выше замѣтилъ, что для Россіи два естественныхъ выхода: ея сѣверныя и южныя моря; но эти пути недавно стали нашими и, дѣйствительно, съ открытіемъ ихъ Россія сдѣлала шагъ впередъ. Но если возьмемъ восточныя и западныя границы, тамъ мы увидимъ, что не только нѣтъ для русскаго народа естественныхъ общеній съ образованнымъ человѣчествомъ, но даже и не съ кѣмъ сообщаться. Правда, западными границами мы примыкаемъ къ западу Европы, но намъ перешли дорогу фанатизмъ дряхлѣющей Турціи, іезуитизмъ католической Австріи и родное, но почему-то несроднившееся съ нами племя... Могло ли же наше отечество развиваться, будучи замкнуто подобно Китаю, само въ себѣ, безъ общенія съ образованными націями и имѣя свой народъ, разбросанный

почти на 100 тысяч. квадр. миляхъ? Естественно, нѣтъ. И вотъ, гдѣ, по моему мнѣнію, одна изъ главныхъ преградъ для развитія силъ русскаго народа. «Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Гумбольдтъ, что сближеніе съ моремъ имѣло сильное вліяніе на развитіе духа и характера многихъ народныхъ племенъ, на размноженіе тѣхъ изъ нихъ, которые должны нѣкогда связать весь родъ человѣческій въ одно цѣлое... что это вліяніе сдѣлалось общимъ и распространилось на народы, живущіе вдали отъ моря, внутри материка».

Изъ этихъ словъ великаго ученаго ясно видно, что естественные пути, обобщающіе народы одинъ съ другимъ, главнымъ образомъ служатъ къ развитію силъ человѣчества. Можетъ ли кто оспаривать, что русскій народъ съ произведеніями занимаемой имъ земли не былъ бы тѣмъ, какимъ мы его видимъ, если бы Балтійское и Черное моря издавна принадлежали Россіи, и еще, если бы они врѣзывались большими заливами вглубь этого обширнаго континента? Къ сожалѣнію, у насъ внутреннихъ морей нѣтъ и замѣнить ихъ, хотя и не вполнѣ, могутъ только желѣзныя дороги, которыя насъ свяжутъ съ западомъ Европы. Эти дороги для него настолько же необходимы въ нравственномъ отношеніи, насколько и въ вещественномъ.

За этою причиною, замедлявшею развитіе производительныхъ силъ Россіи, мы должны поставить климатическія условія, на которыя обыкновенно ссылаются наши хозяева.

Дѣйствительно, на этотъ разъ природа немного обдѣлила русскую землю.

Возьмемъ самый главный элементъ, объусловливающій все растительное царство—воду. Изъ метеорологическихъ наблюденій выведено, что число дождливыхъ и снѣжныхъ дней и количество выпадающей влаги въ Европѣ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Дождл. дней	*Выпад. влаги дюйм.*
Въ западной Англіи.	160	36,25
» восточной » . . . . , .	153	27,06
У западныхъ береговъ Европы .	140	29,26
Въ южной Франціи и Италіи . .	91	32,08
» Италіи на сѣверѣ	104	44,20
» сѣверной Франціи и Германіи.	145	26,74
» Скандинавіи	133	18,78
» балтійск. странахъ и западномъ краѣ европейской Россіи . .	139	20,10

Въ централн. и сѣвер. губерн. .	124	17,71
» восточныхъ губерніяхъ . . .	109	15,27
» степныхъ южныхъ губерніяхъ .	80	12,39

Изъ этихъ цифръ, взятыхъ изъ сочиненій извѣстнаго французскаго хозяина, Гаспарена, и нашего академика г. Веселовскаго, ясно видно, что природа дѣйствительно обдѣлила русскую землю однимъ изъ первыхъ элементовъ—водою, которой въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи выпадаетъ такъ мало, какъ нигдѣ на западѣ Европы—напр. въ Астрахани считается съ небольшимъ 4 дюйма (4,04) выпадающей въ годъ влаги; въ Севастополѣ 7 съ половиною (7,67). На долю всего новороссійскаго края приходится въ общей сложности около $12\frac{1}{2}$ дюйм., но въ нѣкоторые годы, а именно въ лѣтніе мѣсяцы, выпадаетъ и того менѣе. Годы, въ которые у насъ въ продолженіе 3 — 4 мѣсяцевъ не бываетъ и капли дождя—не рѣдкость; но были годы, какъ напр. 1832 и 1833, въ которые мѣстами не было дождей въ теченіе 20 мѣсяцевъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что урожаи въ Россіи, особливо на юговостокѣ ея, при недостаткѣ влаги должны отличаться несравненно большимъ непостоянствомъ, чѣмъ на западѣ Европы, что и на самомъ дѣлѣ есть. Умножить количество выпадающей влаги въ такой мѣрѣ, въ какой она выпадаетъ на западѣ, мы не можемъ, потому что не можемъ измѣнить территоріальнаго нашего положенія; но вотъ вопросъ—умѣли ли мы до сихъ поръ пользоваться тою скудною влагою, какую намъ посылаетъ небо? Не только нѣтъ, но мы употребляли всевозможныя мѣры уменьшить количество выпадающей воды, и, такъ сказать, сгонять съ лица нашей земли то, что посылаетъ намъ наша атмосфера. Я здѣсь разумѣю всеобщее истребленіе лѣсовъ, которые, какъ извѣстно, увеличиваютъ количество выпадающей влаги и удерживаютъ ее на данной мѣстности. Лѣса для континентальныхъ странъ — то же, что океаны для приморскихъ и островскихъ странъ. Если мы къ этому присоединимъ, что открытыя воды внутри материковъ, т. е. рѣки, озера, ключи и т. п., смачивая атмосферу, также въ свою очередь способствуютъ увеличенію влаги въ данной мѣстности, то мы еще болѣе убѣдимся, что малое количество выпадающей влаги не только не вызвало съ нашей стороны особыхъ усилій къ увеличенію ея, но даже мы стремились къ ея уменьшенію, потому что, съ уничтоженіемъ лѣсовъ многія изъ нашихъ открытыхъ водъ совершенно исчезли, а оставшіяся находятся на пути яснаго оскудѣнія. Истребляя лѣса, говоритъ патріархъ ученаго міра, Гумбольдтъ, чело-

вѣчество готовитъ потомству два неизбѣжныхъ бѣдствія: недостатокъ воды и недостатокъ топлива.

Въ равной мѣрѣ Россія обдѣлена природою и относительно теплоты. Въ удѣлъ этому огромному континенту, сравнительно съ западомъ Европы, даны: низшая средняя температура года, жары лѣта и холода зимы. Чтобы показать, какая разница въ климатахъ западной Европы и европейской Россіи, я приведу нѣсколько цифръ: въ Лондонѣ среднюю температуру года полагаютъ + 9, 1, лѣта + 15, 5, зимы + 3, 1; въ Россіи же подъ тою же широтою, т. е. подъ 50, напр. въ Саратовѣ, средняя температура года + 4, лѣта + 16, зимы—8. Почти такое же отношеніе будетъ, если мы сравнимъ и другія мѣстности Европы съ ея востокомъ, т. е. съ Россіею. Страннымъ покажется, если мы припомнимъ, что на Нордкапѣ, подъ 72° с. ш., зима также холодна, какъ у насъ въ Астрахани подъ 46°. Но эта неравномѣрность температуры еще явственнѣе видна на самыхъ растеніяхъ, какъ дикихъ, такъ и культурныхъ: на западѣ букъ мы находимъ даже подъ 54° с. ш., а въ Россіи — самый высшій предѣлъ 52°, а на востокѣ ея—букъ доходитъ только до 40° с. ш.; дубъ и плодовыя деревья на западѣ встрѣчаемъ подъ 54 даже 63° с. ш., а въ Россіи, въ срединѣ ея, въ общей сложности, они доходятъ до 55° с. ш.; граница хлѣбныхъ посѣвовъ на западѣ восходитъ даже до 70°, а въ Россіи не далѣе 63°; полоса винограда и кукурузы на западѣ граничитъ съ 51° с. ш., а у насъ только съ 48° с. ш.

Кромѣ этого, нигдѣ на западѣ Европы нѣтъ такихъ колебаній температуры, быстрыхъ перемѣнъ ея, какъ на континентѣ европейской Россіи, и эти перемѣны очень губительно дѣйствуютъ на растительность. Прибавимъ къ этимъ даннымъ нѣсколько строкъ, прочитанныхъ нами въ обзорѣ дѣйствій департамента сельскаго хозяйства за 10 лѣтъ. «Умѣренность климата позволяетъ въ западной Европѣ начинать весенніе посѣвы въ мартѣ, а осенніе въ сентябрѣ, именно въ то время, или около того времени года, когда идутъ періодическіе равноденственные дожди. Мы начинаемъ посѣвы: *весенніе* гораздо позже равноденствія—въ апрѣлѣ и маѣ, когда вмѣсто дождей, стоитъ часто ясная, сухая погода, съ восточными губительными вѣтрами; а *осенніе* — шестью недѣлями раньше равноденствія, во время еще лѣтняго зноя, и потому часто бываемъ лишены возможности уловить удобное время для посѣва; притомъ для всѣхъ полевыхъ работъ время у насъ гораздо короче»,—разумѣется, за исключеніемъ юга Рос-

сіи. Но довольно, сколько бы мы не приводили цифръ и свидѣтельствъ, мы все-таки пришли бы къ тому заключенію, что климатъ въ Россіи хуже, чѣмъ на западѣ Европы. Однако все-таки онъ не есть главная причина плохаго состоянія нашего полеводства. Большая часть сельско-хозяйственныхъ растеній отличаются необыкновенною живучестью въ различныхъ широтахъ и при различныхъ климатическихъ условіяхъ. Вотъ примѣръ: въ Якутскѣ средняя температура года ниже 11°, зимой морозы доходятъ до 50° и земля оттаиваетъ не болѣе какъ 3 фута, а между тѣмъ тамъ съ успѣхомъ воздѣлываютъ рожь, даже пшеницу, картофель, рѣпу и т. п.

Переходимъ къ другимъ причинамъ, останавливавшимъ развитіе нашихъ производительныхъ силъ, и въ особенности—нашего сельскаго хозяйства.

Говорятъ, потому наша сельская промышленность стоитъ на низкой степени развитія, что Россія бѣдна народонаселеніемъ! Но, мнѣ кажется, подобный отвѣтъ мы могли бы дать только въ томъ случаѣ, если бы насъ спросили: почему въ Россіи такъ много остается земель пустопорожнихъ, лежащихъ въ родѣ мертваго капитала, безъ всякой производительности? На подобный вопросъ мы дѣйствительно могли бы отвѣтить такъ: потому у насъ много пустопорожнихъ земель, что некому ихъ обработывать. Но можемъ ли мы дать подобный отвѣтъ, если насъ спросятъ: тамъ, гдѣ мы не такъ бѣдны народонаселеніемъ, наприм. въ нѣкоторыхъ центральныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ по густотѣ народонаселенія мы не только равняемся со многими провинціями Франціи, Пруссіи и др. западно-европейскихъ государствъ, но даже и превосходимъ ихъ (Тенгоборскій стр. 120—121), почему земледѣльческій классъ нашъ и его сельское хозяйство находятся въ такомъ жалкомъ состояніи? Трудно на этотъ вопросъ отвѣтить малочисленностью народонаселенія. Тамъ, скажутъ намъ, гдѣ природа вслѣдствіе слабаго народонаселенія, еще не истощена въ своихъ силахъ, и человѣку остается только помогать ея производительнымъ силамъ, какъ наприм. въ нашемъ черноземномъ бассейнѣ, жители должны быть богаче матеріальными средствами, такъ какъ они естественно должны имѣть за свой трудъ больше чистаго дохода. Просторъ въ соединенныхъ штатахъ Америки не помѣшалъ этому народу развить свои производительныя силы и построить болѣе 40 т. желѣзныхъ дорогъ.

Впрочемъ согласимся, что въ слабости нашего народонаселенія есть

задержка болѣе плодотворной жизни русскаго народа; но эту задержку мы признаемъ только въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) при слабомъ народонаселеніи не могло быть среди народа живой мѣны понятій, и 2) трудно было создать искусственные пути сообщеній, которые такъ необходимы какъ для взаимнаго общенія жителей, такъ и для передвиженія произведеній земли съ одного мѣста на другое, т. е. для торговли, промышленности.

Мы согласились сдѣлать эту уступку въ пользу тѣхъ, которые слабое развитіе нашихъ производительныхъ силъ отчасти слагаютъ на слабое наше народонаселеніе. Но не сдѣлаютъ ли намъ такого вопроса: почему же народонаселеніе ваше худо приращается сравнительно съ другими государствами Европы? А оно дѣйствительно у насъ слабо приращается: такъ, по мнѣнію политико-экономистовъ, при благопріятныхъ условіяхъ, народонаселеніе въ данной мѣстности должно удвоиться черезъ 25—30 лѣтъ, при неблагопріятныхъ—въ 50; а у насъ, по соображеніямъ нашихъ статистиковъ, оно можетъ увеличиться только черезъ 70 лѣтъ. Отъ чего же народонаселеніе наше такъ туго приращается? Во всякомъ случаѣ не вслѣдствіе слабой производительности славянской природы; она на этотъ разъ нисколько не отстаетъ отъ другихъ расъ рода человѣческаго... Такъ въ Англіи на 29 жителей родится 1, въ Пруссіи 1 на 24, а въ Россіи 1 на 21 жит. «Но эта значительная цифра рожденій, говоритъ г. Тернеръ въ своихъ лекціяхъ, болѣе чѣмъ уравновѣшивается усиленною смертностью. Между тѣмъ какъ въ Англіи на каждые 45 жителей умираетъ 1, а въ Пруссіи на каждые 33, у насъ умираетъ по 1 на каждые 27 жителей».

Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе причинъ слабаго приращенія нашего народонаселенія; скажемъ коротко: первая и самая главная причина—это скудость матеріальныхъ средствъ къ жизни, за нею невѣжество, страшная рекрутчина былыхъ временъ и наконецъ бывшій недостатокъ полныхъ правъ гражданственности. Слѣдовательно, скорѣе слабость нашего народонаселенія есть слѣдствіе слабой производительности матеріальныхъ силъ Россіи, но не наоборотъ, т. е. будто бы эта слабая производительность есть слѣдствіе слабости народонаселенія.

Въ заключеніе высказанныхъ нами мыслей касательно народонаселенія, мы не можемъ не припомнить, что изъ 100 умирающихъ въ Россіи приходится на долю бѣдныхъ младенцевъ отъ 40 даже до 70%,

конечно вслѣдствіе грязныхъ жилищъ и дурной пищи,—вообще вслѣдствіе нечистоты, бѣдности и невѣжества.

Нѣкоторые изъ нашихъ экономистовъ въ число причинъ, ослаблявшихъ и ослабляющихъ ходъ нашей сельской промышленности, между прочимъ, ставятъ: а) дешевизну нашихъ с. произведеній, и б) непостоянство цѣнъ на нихъ. Но не одни наши ученые такъ думаютъ; спросите любаго хозяина изъ высшаго слоя, и онъ вамъ тоже скажетъ, что продукты с. промышленности такъ дешевы, что не окупаютъ затрачиваемыхъ капиталовъ и трудовъ, что въ Россіи нѣтъ рынковъ, которые поддерживали бы нормальныя цѣны и т. п.

Дѣйствительно, если только вспомнить, что въ нѣкоторыхъ краяхъ Россіи четверть хлѣба, наприм. ржи, продается по 1 руб. сер, что сотни тысячъ четвертей различныхъ зеренъ, не имѣя сбыта, или съѣдаются мышами, или гніютъ, то невольно убѣждаешься, что сельскіе продукты въ Россіи стоятъ на низкой цѣнѣ, не окупаются, не приносятъ должнаго вознагражденія за трудъ. Но правда ли все это? На самомъ ли дѣлѣ, говоря вообще, наши сельскія произведенія очень дешевы? Я, такого мнѣнія, что не только они чрезмѣрно дороги, но даже ихъ нѣтъ въ Россіи. Мнѣ скажутъ: это парадоксъ! Всмотритесь въ дѣло ближе и едва ли вы не согласитесь со мной. Можно сказать, что почти вся масса нашего народа, 50 милліоновъ, питается ржанымъ, чернымъ, т. е. дурнымъ хлѣбомъ. Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ: почему же въ составъ ея пищи не входитъ пшеничный хлѣбъ? На этотъ вопросъ можетъ быть два отвѣта: или масса нашего народа не любитъ пшеничнаго хлѣба, или его нѣтъ. Что касается перваго, то здѣсь и сомнѣнія быть не можетъ, если мы только припомнимъ, что пшеничный калачъ нашимъ крестьяниномъ покупается какъ лакомство. За симъ остается послѣднее, т. е., что масса нашего народа не употребляетъ въ пищу пшеничнаго хлѣба потому, что его нѣтъ, или что то же, что онъ слишкомъ для нея дорогъ. Гдѣ же дешевизна нашихъ сельскихъ продуктовъ, когда одинъ изъ нихъ, самый важный, недоступенъ по цѣнѣ своей почти всему народонаселенію? До сихъ поръ русскому народу мясо, масло, сыръ служатъ не пищею и не приправою къ пищѣ, а лакомствомъ. Такъ, въ другихъ государствахъ западной Европы приходится на каждаго жителя отъ 150 до 200 фунтовъ мяса, а въ Россіи только до 25 фунт. И послѣ этого можно сказать, что сельскіе продукты у насъ дешевы? Большая часть русскаго народа носятъ лапти, толстыя ону-

чи, сѣрый толстый зипунъ, грубую посконную рубашку,—и это означаетъ дешевизну сельскихъ произведеній? Свекловица, морковь, рѣпа, даже картофель, которые на западѣ Европы употребляются на кормъ скоту, въ Россіи, говоря вообще, не только не служатъ подспорьемъ къ пищѣ, но вчастую считаются рѣдкостью,—и это также дешевизна сельскихъ произведеній? Различные плоды фруктовыхъ деревьевъ и кустарниковъ, огородные овощи и, которыя почти во всей западной Европѣ продаются сравнительно по ничтожнымъ цѣнамъ, у насъ большинству народа даже малоизвѣстны, — и это также дешевизна сельскихъ продуктовъ?

Нѣтъ, сравнивая русскую землю съ западомъ Европы, мы едва ли не придемъ къ одному заключенію, что у насъ дешева только солома: ею покрыты всѣ наши селы и деревни, ею по-мѣстамъ отапливаютъ крестьяне свои дымныя лачуги, ею кормятъ они свой скотъ и ею же, во всемъ черноземномъ бассейнѣ, заваливаютъ овраги, а по городамъ выбоины и ямины, т. е. она служитъ вмѣсто мостовыхъ.

Я полагаю, что скорѣе высокая, недоступная для массы народа цѣнность сельскихъ произведеній можетъ считаться у насъ признакомъ худаго состоянія нашей сельской промышленности, но уже никакъ не причиной.

Есть хозяева и политико-экономисты, которые видятъ причину худаго состоянія нашего сельскаго хозяйства въ необразованности и грубости русскаго народа. Я не совсѣмъ соглашаюсь и съ этимъ мнѣніемъ, и не хочу смѣшивать дѣйствія съ причиною. Выражусь яснѣе: не потому сельское хозяйство наше плохо и народъ бѣденъ матеріальными средствами къ жизни, что онъ необразованъ, напротивъ, потому онъ необразованъ, что главное основаніе его быта—его сельское хозяйство плохо. Пойдетъ ли на умъ грамотность тому, который съ утра до поздней ночи обливается кровавымъ пòтомъ или подавленъ тяжелою думою о своемъ житьѣ-бытьѣ, о добываніи насущнаго куска хлѣба?

Упрочьте внѣшнее благосостояніе народа,—и онъ самъ собою образуется вслѣдствіе непреодолимаго стремленія человѣка къ совершенству; и на этотъ разъ дѣло передовыхъ людей — только помогать ему, но не тащить насильно къ просвѣщенію. Наука палки не любитъ.

Есть на Руси одно село (а можетъ быть и не одно), только теперь вышедшее изъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ селѣ до

двухъ десятковъ француженокъ-гувернантокъ и, какъ слышно, съ полсотни фортепьяновъ. Кто сдѣлалъ это чудо? Довольство и богатство. Но сколько у насъ селъ и деревень, въ которыхъ живутъ поселяне издавна свободные, и между-тѣмъ въ этихъ селахъ грамотный человѣкъ—рѣдкость, и почему? Потому что народъ бѣденъ.

Многіе медленное развитіе и улучшеніе нашей сельской промышленности приписывали обязательному труду. Я не вполнѣ раздѣляю и это мнѣніе; по крайней мѣрѣ не вижу въ этомъ существенной причины. Здѣсь невольно представляется вопросъ: почему же сельское хозяйство не улучшилось у тѣхъ нашихъ поселянъ, на которыхъ не лежалъ этотъ трудъ? Почему мы не въ лучшемъ состояніи видимъ бытъ нашихъ государственныхъ крестьянъ, однодворцевъ, даже крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и т. п? И здѣсь тѣ же дымныя избенки, тотъ же истощенный, малорослый скотъ, тѣ же земледѣльческія орудія и упряжь, та же неурядица въ обработкѣ земли и во всемъ домохозяйствѣ. Нѣтъ, стало быть, лежало на всемъ нашемъ земледѣльческомъ классѣ что-то по-тяжелѣе обязательнаго труда...

Но если обязательный трудъ нельзя считать главною причиною плохаго состоянія нашей сельской промышленности, то съ другой стороны я убѣжденъ, что этотъ трудъ былъ своего рода тормозомъ и для тѣхъ, въ пользу которыхъ онъ приносился, и для тѣхъ, на которыхъ онъ лежалъ. Землевладѣльцы, пользовавшіеся этимъ трудомъ не имѣли надобности ни въ пріобрѣтеніи знаній, ни въ раціональномъ устройствѣ своихъ хозяйствъ, ни въ трудолюбіи, ни даже въ честности. Они находились въ положеніи трутней, по самому ходу вещей...

Что же касается другой половины, на которой лежалъ обязательный трудъ, то этотъ трудъ дѣйствительно тормозилъ, если непарализировалъ милліоны русскаго народа, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ тормозъ болѣе или менѣе задерживалъ собою и другіе милліоны пользовавшихся въ своихъ трудахъ свободою. Западно-европейскіе хозяева, которые нѣкогда также эксплаутировали народъ обязательнымъ трудомъ, теперь находятъ, что работа обязательная къ работѣ свободной относится какъ 1: 3, т. е., что сдѣлаетъ свободно-вызывающійся на трудъ въ день, то можетъ сдѣлать въ 3 дня тотъ, который долженъ, обязанъ это сдѣлать. Принявъ этотъ расчетъ, невольно представляешь себѣ ту громадную массу силъ, которая оставалась у насъ непроизводительною въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій. Но если еще при этомъ припомнить, что подобный трудъ препятствовалъ развитію народа въ

моральномъ отношеніи, что онъ удерживалъ его отъ любви къ труду, пріучалъ къ праздности, тунеядству, а за нимъ ко всѣмъ грубѣйшимъ проступкамъ, то, дѣйствительно, мы должны убѣдиться, что этотъ трудъ былъ своего рода убійствомъ русскаго народа и его производительныхъ силъ.

Этотъ же самый трудъ былъ причиною, почему въ средѣ нашихъ земледѣльцевъ не могли скопиться капиталы, на что наша сельская промышленность жаловалась всегда, и особенно жалуется теперь.

Средній нашъ классъ, замѣтимъ, болѣе или менѣе развитый и трудолюбивый, съ скромными потребностями жизни, могъ бы скопить капиталы, если бы занялся сельскимъ хозяйствомъ (какъ скопило ихъ наше купечество), но онъ не занимался этою промышленностью, и не занимался потому, что существовалъ обязательный трудъ. Дѣйствительно, для него сельское хозяйство не могло быть прибыльнымъ, потому что его продукты, добываемые наемнымъ трудомъ, естественно, не могли вступить въ конкуренцію съ добываемыми даромъ. Равнымъ образомъ не старались скопить капиталовъ и тѣ, которымъ служилъ обязательный трудъ. И это очень понятно. Капиталъ въ сельскомъ хозяйствѣ идетъ на инвентарь, на наемъ рабочихъ силъ; но если почти все это было даровое, зачѣмъ же было и беречь капиталъ. Правда, надобно бы было откладывать извѣстные проценты изъ дохода на погашеніе основнаго капитала, на непредвидимые расходы или, какъ говорятъ, на черный день. Но основные капиталы были большею частью даровые; думы же о черномъ днѣ, который теперь насталъ, не допускалъ и самый законъ.

Такимъ образомъ все, что наживалось—и проживалось, проживалось даже и то, что еще не наживалось: имѣнья закладывались и перекладывались со всѣми своими чистыми и нечистыми доходами...

Я могъ бы поставить въ число причинъ, задерживавшихъ и задерживающихъ производительныя силы нашего отечества и еще нѣсколько, наприм.: права владѣнія и пользованія землею, милліоны подъ ружьемъ (разумѣется, въ былыя времена), отсутствіе современныхъ путей сообщенія; но подобныя причины такъ ясны, что грѣшно плодить и рѣчь о нихъ; доказывать, наприм., необходимость лучшихъ путей сообщенія для Россіи, по моему, то же, что доказывать необходимость воздуха для органическихъ существъ.... Но все, что ни да-

ла бы намъ природа изъ своихъ благъ, все что ни завоевали бы мы своимъ трудомъ, принесетъ существенную пользу только при свободной общественной жизни, при лучшемъ политическомъ устройствѣ! Свобода удобритъ наши поля лучше всякаго тука, оживитъ нашъ умъ, облагородитъ сердце и вмѣстѣ съ народною жизнію возвыситъ и сельское хозяйство.

И. ПАЛИМПСЕСТОВЪ.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПЕЧАТИ ВО ФРАНЦІИ.

Республика.

Паденіе іюльской монархіи и основаніе республики развязало руки журналистамъ; появилось множество новыхъ изданій; воспоминанія 93 года воскресли, и люди временнаго правительства увидѣли, что потребности и стремленія общества далеко опередили ихъ собственныя, близорукія доктрины. Журналистика постоянно заявляла новыя требованія общества, постоянно разрушала своею критикою нравственное вліяніе правительственныхъ распоряженій, и тѣ самые люди, которые при Людовикѣ Филиппѣ считали себя радикалами и лучшими защитниками народныхъ правъ, вскорѣ замѣтили, что, очутившись во главѣ правленія, они превращаются въ робкихъ доктринеровъ и тормозятъ собою свободное развитіе народной жизни. Люди временнаго правительства захотѣли узнать волю народа посредствомъ поголовной подачи голосовъ—имъ доказали, что результатъ пресловутаго *suffrage universel* часто не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ желаніемъ націи; люди временнаго правительства захотѣли облегчить участь рабочаго класса учрежденіемъ мастерскихъ, раздачею орудій, назначеніемъ директоровъ, инспекторовъ и контролеровъ,—имъ доказали, что прежде всего необходимы заказы, запросъ на работу, сбытъ издѣлій; люди временнаго правительства захотѣли наложить подати на богачей, брать налоги съ капиталовъ и съ предметовъ роскоши—имъ доказали, что всякій налогъ въ концѣ концовъ всею своею тяжестью

обрушивается все-таки на пролетаріевъ. Словомъ, люди временнаго правительства, искренно желая добра своему отечеству, видѣли, что кромѣ добрыхъ желаній, у нихъ нѣтъ ровно ничего: ни силъ, ни средствъ, ни практическихъ знаній, ни энергической воли. Члены временнаго правительства были люди честные, но честность—достоинство отрицательное, а разрѣшеніе той общественной задачи, которую поставила на очередь февральская революція, требовало положительныхъ, колоссальныхъ силъ. Надо было разрѣшить вѣковой споръ между трудомъ и капиталомъ, надо было спасти пролетарія отъ голодной смерти, надо было обезпечить его существованіе не филантропическими заведеніями, похожими на тюрьмы, а такимъ общественнымъ порядкомъ, который отнялъ бы у одного человѣка возможность эксплуатировать трудъ сотни другихъ людей. Какъ это сдѣлать?—въ этомъ заключался весь вопросъ. Но вопросъ этотъ былъ такъ важенъ, что его неудовлетворительное разрѣшеніе неминуемо должно было погубить плоды февральской революціи. Только сытые люди могутъ быть свободными гражданами; толпа голодныхъ и продрогшихъ бѣдняковъ всегда пойдетъ за тѣмъ человѣкомъ, который покажетъ ей въ перспективѣ обезпеченный кусокъ хлѣба; диктатура Цезаря и имперія Августа вышли изъ римскаго пролетаріата; имперія Наполена III также неизбѣжно должна была выдти изъ неудовлетворительнаго рѣшенія соціальной задачи. Члены временнаго правительства понимали важность предстоящаго дѣла, но дѣло это было имъ не по силамъ; всѣ ихъ попытки оказывались неудачными; они терялись и опускали руки, а время было горячее; размышлять было некогда, потому что каждый потерянный день усложнялъ и безъ того тяжелое положеніе страны; кредитъ падалъ, торговля шла вяло, мастерскія закрывались, капиталы прятались, ремесленники сидѣли безъ работы, безъ хлѣба, безъ пристанища. Надо было дѣйствовать, но какъ дѣйствовать, что предпринять? Положеніе временнаго правительства дѣлалось трагическимъ. Журналистика оглушала ихъ совѣтами, упреками, насмѣшками, теоретическими и практическими замѣчаніями всякаго рода, воззваніями къ народу, выходками противъ богачей, противъ доктринеровъ, противъ коммунистовъ; рядомъ съ дѣльными мыслями встрѣчались тысячи нелѣпостей и груды звонкихъ фразъ; народъ имѣлъ свои экономическія причины къ неудовольствію; неудовольствіе это выражалось въ демонстраціяхъ и мѣстныхъ возстаніяхъ; правительство несправедливо винило въ этихъ возстаніяхъ задорную журналистику, которая сама

по себѣ не имѣла бы никакого вліянія; явились распоряженія противъ свободы печати, и радикалы іюльской монархіи стали на точку зрѣнія тѣхъ людей, которыхъ они сами громили рѣчами съ парламентской трибуны и статьями въ журналахъ либеральной партіи. Уже 29 февраля было запрещено приклеивать на стѣны и распространять въ народѣ листки, на которыхъ не означено имя типографщика. Это запрещеніе предполагаетъ возможность преслѣдовать типографщика за напечатаніе такого сочиненія, которое не понравится правительству, состоящему изъ радикаловъ. Въ концѣ іюня 1848 года, диктаторъ, генералъ Кавеньякъ, распорядился съ журналами по-военному. Десять журналовъ было закрыто.

«Въ минуты общественныхъ кризисовъ, говорили члены правительства. можно и должно рѣшаться на все». Жирарденъ, главный редакторъ журнала *Presse* былъ подвергнутъ предварительному аресту; его продержали двѣ недѣли въ секретной, и національное собраніе изъявило Кавеньяку общественную признательность за энергическое служеніе истиннымъ интересамъ отечества.

Въ началѣ августа, реакція противъ своеволія прессы сдѣлалась систематическою; правительство не ограничилось наказаніями журналовъ и журналистовъ; оно потребовало гарантій и возстановило обязательные залоги; правительство, выражавшее теплую любовь къ пролетаріямъ, высказало ту идею, что человѣкъ, не имѣющій возможности внести сумму въ 24,000 франковъ для обезпеченія своего добропорядочнаго поведенія въ печати, не имѣетъ права издавать журналъ.

«Мы требуемъ, говорилъ въ національномъ собраніи гражданинъ Сенаръ, гарантіи противъ анархической прессы, противъ прессы соціалистовъ, противъ той зловредной прессы, которая толкуетъ о правахъ труда, противъ журналовъ, которые продаются по 5 сантимовъ и обращаются къ бѣднякамъ, не имѣющимъ возможности абонироваться. Что касается до серьезной и важной журналистики, до тѣхъ органовъ, которые имѣютъ 500,000 франковъ основнаго капитала,— то мы не думаемъ ихъ безпокоить, потому что эта пресса отличается своею нравственною чистотою и просвѣщеннымъ патріотизмомъ».

Предлагаемая мѣра была одобрена, получила силу закона и немедленно принесла свои благодѣтельные плоды; нѣсколько журналовъ закрылось вслѣдствіе недостатка средствъ, и народъ лишился многихъ честныхъ органовъ, горячо стоявшихъ за его разумныя права. Въ

концѣ 1848 года Людовикъ Наполеонъ Бонапарте былъ избранъ президентомъ французской республики и началъ исподволь, съ своею обычною осторожностью, подготовлять вторую имперію. Въ маѣ 1849 года новый президентъ запретилъ шесть журналовъ и въ томъ числѣ знаменитую *Réforme*, игравшую такую важную роль въ агитаціи противъ министерства Гизо. Редакціи этихъ журналовъ были заняты вооруженными солдатами, типографскіе станки разбиты и приведены въ негодность.

Въ іюлѣ 1849 года министръ Одилонъ-Барро, тотъ самый, который стоялъ такъ недавно во главѣ либеральной оппозиціи, объявилъ въ національномъ собраніи, что положеніе страны требуетъ усиленія законовъ противъ злоупотребленій печати. Ему возразили, что никогда еще законы противъ печати не спасали правительствъ и не возстановляли спокойствія въ странѣ. Это возраженіе не смутило бывшаго предводителя оппозиціи: «это возможно, отвѣчалъ онъ очень откровенно, но во всякомъ случаѣ подобные законы отсрочиваютъ паденіе правительства».

Несмотря на сопротивленіе либеральныхъ членовъ національнаго собранія, новые законы были приняты. Они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ собою законодательныя мѣры 1819, 1822, 1828 и даже 1835 года. Залогъ остался необходимымъ условіемъ для изданія журнала; сочиненія, касающіяся политики или политической экономіи и заключающія въ себѣ менѣе 20 печатныхъ листовъ, должны быть представляемы прокурору республики за двадцать четыре часа до публикаціи и поступленія въ продажу. Эта статья новаго законодательства показываетъ, что правительство республики боится учредить предварительную цензуру, но на самомъ дѣлѣ вполнѣ сочувствуетъ принципу этой цензуры.

Дѣйствительно, въ 24 часа очень не трудно прочесть брошюру листовъ въ десять; прочитавъ эту брошюру, прокуроръ можетъ начать преслѣдованіе противъ книги раньше поступленія ея въ продажу, слѣдовательно, онъ можетъ предупредить ея выходъ въ свѣтъ. Такого рода система для писателя и издателя тяжелѣе чисто предупредительной цензуры; предупредительная цензура спасаетъ издателя отъ разорительныхъ издержекъ; она запрещаетъ или разрѣшаетъ сочиненіе въ рукописи или въ корректурѣ. Система, принятая законодательствомъ 1849 года, напротивъ того, допускаетъ печатаніе книги и потомъ предоставляетъ себѣ право остановить ея распространеніе.

Издатель лишенъ такимъ образомъ всякой гарантіи и принужденъ принимать на себя роль цензора въ отношеніи къ писателю. Если бы издатель былъ даже человѣкомъ глубокопреданнымъ какой нибудь идеѣ, если бы онъ за распространеніе этой идеи въ обществѣ готовъ былъ подвергнуться самой тяжелой отвѣтственности, то новая статья закона помѣшала бы ему поступить такимъ образомъ; представляя экземпляръ вновь отпечатанной книги къ прокурору, за двадцать четыре часа до публикаціи о ней, издатель можетъ быть увѣренъ, что все изданіе книги будетъ немедленно захвачено, если въ книгѣ заключаются какія нибудь идеи, не соотвѣтствующія вкусу правительства. Новое законодательство не ограничилось этими предосторожностями.

Оскорбленіе президента республики путемъ печати причислено къ преступленіямъ; при этомъ не оговорено, что именно можетъ считаться оскорбленіемъ, такъ что подъ категорію оскорбленій оказалось возможнымъ подводить всякое критическое замѣчаніе, всякое порицаніе дѣйствій правительства.

Чтобы сдѣлаться разнощикомъ книгъ, надо получить предварительное разрѣшеніе правительства; журналъ, навлекшій на себя неудовольствіе правительства и осужденный два раза въ теченіи однаго года, можетъ быть запрещенъ на-время или навсегда; членъ національнаго собранія не можетъ быть отвѣтственнымъ редакторомъ журнала. Такимъ образомъ, послѣ двухъ революцій, Франція опять очутилась почти въ томъ же положеніи, въ которомъ она находилась при Карлѣ X; формы были приличнѣе, но фактическое положеніе писателей нисколько не улучшилось; тотъ же дамокловъ мечъ висѣлъ, если не надъ ихъ головами, то надъ ихъ карманами; залогъ, штемпельный сборъ, штрафы и тюремныя заключенія, задержаніе книги раньше ея поступленія въ продажу, запрещеніе журнала, замѣченнаго въ неприятномъ образѣ мыслей,—всѣ орудія гнета, всѣ способы стѣсненія снова были на-лицо, снова въ полномъ собраніи находились въ рукахъ административной власти. Всѣ книги, кромѣ молитвенниковъ, азбукъ, грамматикъ и календарей были подчинены штемпельному сбору и вслѣдствіе этого должны были сильно возвыситься въ цѣнѣ, такъ что французскимъ книгопродавцамъ становилось невозможнымъ бороться съ заграничною контръ-факціею.

Новая статья закона потребовала, чтобы каждая статья, напечатанная въ журналѣ и касающаяся политики, философіи или религіи, была подписана собственнымъ именемъ автора; за ложную подпись

взыскивается штрафъ и опредѣляется шестимѣсячное тюремное заключеніе какъ автору статьи такъ и отвѣтственному редактору журнала. Это нововведеніе распространяло отвѣтственность на автора и на редактора; таково было общее направленіе правительственныхъ распоряженій; правительство хотѣло, чтобы возможно большее число лицъ подвергалось отвѣтственности; оно расчитывало такъ: если не побоится авторъ, то побоится редакторъ; если не редакторъ, то издатель; если не издатель, то типографщикъ; не типографщикъ, такъ книгопродавецъ,—пусть всѣ боятся отвѣтственности, и тогда ненавистная идея, родившаяся въ мозгу безпокойнаго писателя, поневолѣ должна будетъ заглохнуть въ неизвѣстности. Вплоть до нынѣшняго 1862 года, этотъ расчетъ оказывался вѣрнымъ, а что будетъ дальше—неизвѣстно.

Еще новое распоряженіе правительства обязало отвѣтственнаго редактора вносить положенные штрафы въ теченіи трехъ дней послѣ объявленія судебнаго приговора; неисполненіе этого правила ведетъ за собою прекращеніе журнала. Президентъ велъ дѣло такъ круто, что литераторамъ не разъ пришлось пожалѣть о королѣ Людовикѣ-Филиппѣ.

Такъ прозябала французская пресса до конца 1851 года. 2 декабря 1851 года президентъ республики распустилъ національное собраніе, распустилъ государственный совѣтъ, объявилъ Парижъ въ осадномъ положеніи и, обращаясь къ французскому народу, спросилъ у него, согласенъ ли онъ поручить ему, Людовику-Наполеону Бонапарте, составленіе новой конституціи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ долженъ былъ служить результатъ поголовной подачи голосовъ. Чтобы надлежащимъ образомъ направить эту *свободную* подачу голосовъ, Людовикъ-Наполеонъ принялъ свои мѣры. Подозрительныя типографіи и литографіи заняты военными отрядами; при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ устроена потихоньку цензурная коммисія; двѣнадцать журналовъ, въ томъ числѣ *National* и *Siècle* запрещаются; редакторы этихъ журналовъ и множество непріятныхъ для правительства писателей высылаются за предѣлы Франціи. Оппозиція лишается такимъ образомъ лучшихъ своихъ предводителей; поголовная подача голосовъ происходитъ въ такое время, когда некому руководить общественнымъ мнѣніемъ и обличать дѣйствія президента; очень понятно, что результатъ оказывается благопріятенъ для Людовика-Наполеона. Комедія съиграна—французскій народъ уполномочилъ его создать новую конституцію.

При Наполеонѣ III.

I.

Въ декабрѣ 1851 года президентъ республики издалъ декретъ, по которому вѣдѣніе всѣхъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами о печати, передается трибуналамъ исправительной полиціи. Пресса потеряла такимъ образомъ свою лучшую и послѣднюю гарантію—судъ присяжныхъ; прессу отдали въ руки коронныхъ судей; движеніе реакціи пошло такъ быстро, какъ не шло ни при Бурбонахъ, ни при Орлеанахъ.

Въ февралѣ 1852 года президентъ республики издалъ органическій декретъ о печати, который убилъ послѣдніе остатки свободы мысли и открыто подчинилъ прессу безграничному произволу центральной власти. По этому декрету каждый издатель журнала обязанъ испрашивать у правительства предварительное разрѣшеніе. Каждый типографщикъ и литографщикъ, каждый книгопродавецъ обязанъ взять патентъ отъ министра полиціи, который, конечно, можетъ отказать въ этомъ патентѣ, если считаетъ просителя человѣкомъ неблагонадежнымъ. Если издатель журнала желаетъ продать свой журналъ, то покупатель долженъ также испрашивать разрѣшеніе правительства, чтобы имѣть право продолжать изданіе журнала. Если перемѣняется отвѣтственный или главный редакторъ, то эта перемѣна производится не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Политическіе или экономическіе журналы, издающіеся за-границею могутъ быть ввозимы во Францію только съ разрѣшенія правительства. Если бы весь органическій декретъ не былъ очень печальною и серьезною дѣйствительностью, то эта статья его показалась бы честнымъ гражданамъ Франціи смѣшною шуткою: Францію охраняютъ отъ вреднаго вліянія заграничныхъ идей, Францію, ту самую Францію, которая въ продолженіи шестидесяти лѣтъ была родиною и колыбелью соціальныхъ и демократическихъ идей. Президентъ дастъ себѣ трудъ беречь умственную невинность такой страны, которая постоянно служила камметрономъ для остальной Европы, такой страны, въ которой три революціи изломали въ-конецъ сословныя грани, вѣковые авторитеты, рутину мысли и жизни. Къ сожалѣнію, до нашего времени, до ны-

нѣшняго дня еще нельзя рѣшить вопросъ: дѣйствительно ли г. президентъ давалъ себѣ въ этомъ случаѣ напрасный трудъ? Событія до сихъ поръ не отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно, а между тѣмъ не хочется вѣрить, чтобы теперешнее *statu quo* уже рѣшило этотъ вопросъ отрицательно.

Органическій декретъ удвоилъ сумму залоговъ и довелъ его для ежедневныхъ газетъ до 50,000 франковъ; штемпельная пошлина увеличилась; плата за пересылку по почтѣ, сливавшаяся съ штемпельною пошлиною по закону 1850 года, была возстановлена.

Органическій декретъ запретилъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати, и, кромѣ того, предоставилъ всѣмъ трибуналамъ право запрещать, по своему благоусмотрѣнію, печатаніе отчетовъ о процессахъ исправительной полиціи, гражданскихъ и уголовныхъ. За журналами осталось только очень незавидное, но за то неотъемлемое право публиковать приговоръ, и то, вѣроятно потому, что приговоръ не можетъ ни въ какомъ случаѣ остаться государственною тайною.

Органическій декретъ запретилъ печатать статьи, написанныя такими лицами, которыя осуждены на карательное и безчестящее или только на безчестящее наказаніе. За нарушеніе этого правила издатели, отвѣтственные редакторы и типографщики подвергаются штрафу отъ 1000 до 5000 франковъ. Эта статья закона направлена противъ политическихъ преступниковъ, противъ тѣхъ изгнанныхъ литераторовъ, въ которыхъ президентъ не могъ предполагать особенно дружелюбныхъ наклонностей къ своей особѣ и къ своему правительству. Президенту казалось необходимымъ застращать издателей и типографщиковъ, чтобы отрѣзать изгнанникамъ всякую возможность имѣть вліяніе на общественное мнѣніе страны.

Самое важное нововведеніе органическаго декрета заключается въ системѣ правительственныхъ предостереженій (avertissements). Министерство, замѣчая вредныя тенденціи журнала, имѣетъ, по словамъ декрета, право послать издателю предостереженіе; вслѣдъ за вторымъ предостереженіемъ оно имѣетъ право пріостановить журналъ на два мѣсяца, безъ приговора суда.

Высшее правительство имѣетъ право пріостановить журналъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ послѣ осужденія его за проступокъ противъ законовъ печати. Оно можетъ также, по своему благоусмотрѣнію запретить провинившееся изданіе.

Запрещеніе журнала неизбѣжно въ случаѣ осужденія его за пре-

ступленіе, совершенное путемъ печати, или въ случаѣ двукратнаго осужденія его за проступки, совершенные путемъ печати въ теченіи двухъ лѣтъ.

Кромѣ того журналъ можетъ также быть запрещенъ, въ видахъ общественной безопасности, особымъ декретомъ президента республики.

Положеніе прессы вслѣдствіе органическаго декрета дѣлалось до такой степени тяжелымъ, что знаменитые сентябрьскіе законы 1835 года, изданные Людовикомъ-Филипомъ вслѣдствіе постоянныхъ покушеній на его драгоцѣнную жизнь, могли сравнительно показаться легкими и милосердыми. Сентябрьскіе законы оставили по крайней мѣрѣ судъ присяжныхъ и выгородили прессу отъ административныхъ распоряженій. При Людовикѣ-Филиппѣ даже за оскорбленіе королевской власти нельзя было безъ суда взять ни одной копѣйки штрафа, нельзя было подвергнуть издателя самому легкому аресту. При Людовикѣ-Наполеонѣ все сдѣлалось возможнымъ; самый законъ предвидитъ возможность крайнихъ мѣръ и беззаконныхъ посягательствъ административной власти на частную собственность. Посягательствами административной власти на частную собственность могутъ быть названы по всей справедливости пріостановка или запрещеніе журнала, производящіяся безъ суда, по декрету президента или по приказанію министра. Пріостановка или запрещеніе журнала наноситъ убытокъ издателю и владѣльцамъ; этотъ убытокъ наносится безъ суда, слѣдовательно онъ можетъ быть нанесенъ и правому, и виноватому; слѣдовательно, самымъ текстомъ своего органическаго декрета президентъ республики предоставляетъ себѣ и своимъ министрамъ право самовольно бить по карману свободныхъ гражданъ Французской республики. Очевидно, что Людовикъ-Наполеонъ поставилъ прессу на военное положеніе и объявилъ себя диктаторомъ, имѣющимъ надъ журналами право жизни и смерти. Онъ не боялся именно той или другой идеи, тѣхъ или другихъ стремленій періодической литературы; онъ просто хотѣлъ парализировать энергію мысли, нагнать на пишущихъ людей робость и нерѣшительность, свести ихъ всѣхъ на уровень посредственности и такимъ образомъ, опошливъ литературу, ослабить нравственное вліяніе образованныхъ и передовыхъ людей на массу публики и народа. Все въ органическомъ декретѣ направлено прямо къ этой цѣли. Читая и перечитывая этотъ декретъ съ величайшимъ вниманіемъ, журналисты никакъ не могли сообразить, о чемъ и какъ можно писать, что именно составляетъ преступленіе и

проступокъ, въ какихъ случаяхъ министерство будетъ дѣлать предостереженія, какія статьи могутъ вызвать противъ себя особый декретъ президента. Всѣ подробности были совершенно неясны; ясно было только одно, вовсе неутѣшительное обстоятельство—то, что правительство было неразборчиво въ средствахъ, и что оно отъ души ненавидѣло свободную журналистику. Что отъ этого правительства нельзя было ждать справедливости—въ этомъ сознавалось само правительство, предоставляя себѣ право дѣйствовать безъ суда. О милосердіи нечего было и толковать; къ тому же зависѣть отъ милосердія правительства въ сущности все равно, что зависѣть отъ его произвола. Органическій декретъ въ эффектной перспективѣ показывалъ литераторамъ цѣлый лабиринтъ препятствій и непріятностей. «Я васъ буду преслѣдовать», говорилъ президентъ.—За что? «Это уже мое дѣло; я васъ предупредилъ, будьте осторожны». Получая такое неопредѣленное предупрежденіе, похожее на таинственную угрозу, литераторы, конечно, должны были стать въ-тупикъ и растеряться; Людовику-Наполеону только этого и хотѣлось. Очень естественно, что пресса, пробирающаяся ощупью между невѣдомыми опасностями, не можетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ. Гдѣ царствуетъ постоянный, неясный страхъ, тамъ не можетъ быть энергіи, а политическая литература безъ энергіи, безъ твердыхъ гарантій, безъ самостоятельности, неминуемо должна впасть въ совершенное ничтожество. Неопредѣленность органическаго декрета сдѣлала то, чего не могли бы сдѣлать самыя жестокія уголовныя наказанія. Весь 1852 годъ былъ ознаменованъ многочисленными предостереженіями; многіе журналы закрылись по собственному желанію, находя борьбу съ правительствомъ невозможною по неравенству силъ и оружія; административная система предостереженій, пріостановокъ и запрещеній окончательно восторжествовала надъ системою судебныхъ преслѣдованій. Процессы по дѣламъ печати сдѣлались очень рѣдкими, и правительство стало поражать журналы, не выслушивая никакихъ оправданій, не принимая никакихъ объясненій. Нѣкоторые журналы въ эту тяжелую эпоху рѣшились высказать правительству нѣсколько горькихъ истинъ. «Правительство, пишетъ *Presse*, видитъ въ періодической литературѣ орудіе безпорядковъ и смутъ; оно поступаетъ, сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, и мы надѣемся польстить его самолюбію, объявляя громко, что никогда еще ни одно законодательство не вооружалось противъ этого стараго врага такими страшными и многочисленными средства-

ми угнетенія; мысль подобна воздуху и пару—она сильна и опасна только при давленіи; намъ жаль, что у насъ отнимаютъ судъ присяжныхъ и что насъ подчиняютъ приговору полицейскихъ судовъ. Мы помнимъ, впрочемъ, что во время реставраціи эти суды давали блестящія доказательства честности и самостоятельности»... «Надъ нами постоянно виситъ угроза запрещенія; одинъ декретъ можетъ зажать намъ ротъ и уничтожить нашъ органъ»... «Вступая въ новую, многотрудную карьеру, мы будемъ расчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, единственной несокрушимой силы»...

«Всего серьезнѣе и опаснѣе для печати тѣ распоряженія, писала *Assemblée nationale*, въ силу которыхъ журналъ можетъ быть пріостановленъ приказомъ министра или запрещенъ въ видахъ общественной безопасности... Эти распоряженія уничтожаютъ всѣ гарантіи, необходимыя для предпріятія, основаннаго на какомъ нибудь капиталѣ; ужъ лучше было бы оставить предупредительную цензуру, которой насъ подчинили со 2-го декабря, чѣмъ возвратить намъ такую *свободу*, которою мы, при всѣхъ предосторожностяхъ, не можемъ пользоваться, не навлекая на себя самыя гибельныя послѣдствія»... «Свобода печати проникла въ наши нравы и привычки; всякое правительство поневолѣ должно дать ей мѣсто. Если оно теперь уничтожаетъ ее не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ, то публика будетъ искать въ другихъ мѣстахъ ту умственную пищу, которую она до сихъ поръ находила въ журналахъ». Нашлись, впрочемъ, и такіе литераторы, которые съ сочувствіемъ отнеслись къ новому законодательству. Веронъ, въ журналѣ «Constitutionnel», оправдалъ его какими-то высшими административными соображеніями. Журналистъ сошелся въ этомъ случаѣ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Персиньи, который въ одномъ изъ своихъ докладовъ императору, въ началѣ 1853 года, прославляетъ органическій декретъ, какъ одно изъ величайшихъ благодѣяній, оказанныхъ Франціи Наполеономъ III. Въ этомъ любопытномъ докладѣ встрѣчаются напримѣръ слѣдующіе лестные отзывы о періодической литературѣ. «Теперь пресса уже не можетъ измѣнить своей настоящей роли и сдѣлаться орудіемъ партій; теперь она не можетъ тревожить страну ложными извѣстіями о несуществующихъ опасностяхъ; такимъ образомъ устранено великое зло, а между тѣмъ свобода мысли осталась неприкосновенною. Никогда еще тонъ прессы не отличался такимъ благоразуміемъ, такою скромностью, вполнѣ сообразною съ достоинствомъ писателей. Никогда еще она не обнаружи-

вала такихъ патріотическихъ чувствъ». Что должны были чувствовать французскіе журналисты, когда Персиньи гладилъ ихъ такимъ образомъ по головкѣ—это я предоставляю рѣшить самому читателю. Изъ доклада министра мы видимъ, что правительство Наполеона неусыпно заботилось о нравственномъ воспитаніи гражданъ. Благоразуміе, скромность, достоинство, патріотическія чувства — вотъ тѣ нравственныя качества, которыя оно стремилось путемъ пріостановокъ и запрещеній провести черезъ періодическую литературу въ общество. Воспитателями націи были назначены всѣ полицейскіе чиновники; въ департаментахъ журналы зависѣли отъ мѣстныхъ властей, отъ префектовъ и ихъ помощниковъ.

Добросовѣстно отправляя свои педагогическія обязанности, эти чиновники считали долгомъ вразумлять провинившихся литераторовъ, и потому, облекая свои предостереженія въ болѣе или менѣе литературную форму, они обыкновенно присоединяли къ нимъ назидательныя размышленія. Такъ напр. *Conciliateur de l'Indre* напечаталъ, что «новое законодательство о печати наноситъ рѣшительный ударъ самымъ элементарнымъ началамъ общественнаго права и свободы». За это *Conciliateur* получилъ предостереженіе, въ которомъ было сказано, что, говоря такимъ образомъ о правительственныхъ распоряженіяхъ, журналъ «отступаетъ отъ благоразумія и умѣренности, составляющихъ необходимое условіе періодической прессы». *Gazette du Midi* напечатала въ одной статьѣ курсивомъ слова *народъ* и *законный*; ей сдѣлали предостереженіе и замѣтили въ курсивѣ лукавое намѣреніе осмѣять примѣненіе этихъ словъ къ недавнимъ событіямъ. Въ *Ami de l'Ordre* попалась такая фраза: «исторія говоритъ намъ, что имя Бонапарте не всегда бываетъ спасительнымъ талисманомъ противъ паденій». Эта фраза подала поводъ къ предостереженію; правительство приняло ее за дерзость. Два журнала *Union bretonne* и *Esperance du Peuple* вели между собою ожесточенную полемику и обмѣнивались между собою колкостями и дерзостями, не касаясь правительственныхъ распоряженій. Префектъ послалъ предостереженія въ редакціи обоихъ журналовъ и замѣтилъ имъ, что въ ихъ статьяхъ встрѣчаются такія сильныя выраженія, которыя совершенно выходятъ изъ границъ дозволенной полемики. Такимъ образомъ заботливая администрація наблюдала не только за чистотою политическихъ мнѣній, но даже за изяществомъ манеръ и за мягкостью перебранокъ. Французы должны были во что бы то ни стало казаться счастливыми и довольными; добродушная

улыбка не должна была сходить съ ихъ губъ; журналистъ, раздраженный притѣсненіями правительства, не могъ даже на своихъ собратьевъ по ремеслу выливать избытокъ накоплявшейся желчи. Наполеонъ хотѣлъ, чтобъ все было спокойно, чтобы надо всею Франціею царила мертвая тишина, чтобы даже въ частной ссорѣ между двумя журналистами не встрѣчалось ни одной рѣзкой идеи, ни одного энергическаго оборота рѣчи. Надо всею Франціею раскинулась сѣть полицейскаго наблюденія; префекты и разныя мѣстныя власти съ особенною любовью взялись содѣйствовать видамъ центральнаго правительства и принялись преслѣдовать всякое гласное выраженіе непріятныхъ идей и стремленій. Нѣкоторые чиновники увлеклись такъ далеко въ дѣлѣ разъискиванія и преслѣдованія вредныхъ мыслей, что начали заглядывать въ частныя письма, отправлявшіяся за границу. За содержаніе этихъ писемъ нѣкоторые корреспонденты заграничныхъ газетъ были арестованы, бумаги ихъ опечатаны; на другой день послѣ этихъ арестовъ въ журналахъ *Pays* и *Moniteur* появились наивныя статьи, пояснявшія причину этихъ крутыхъ мѣръ; эти наивныя статьи показали, что усердіе чиновниковъ, вскрывающихъ чужія письма, не показалось высшему правительству ни преувеличеннымъ, ни предосудительнымъ. Оказалось, что Людовикъ-Наполеонъ находитъ такой образъ дѣйствій вполнѣ естественнымъ и не краснѣя разсуждаетъ о тѣхъ фактахъ, которые ему пришлось узнать такимъ окольнымъ путемъ. «Въ Парижѣ, гласитъ статья въ *Moniteur*, подъ вліяніемъ старинныхъ партій уже давно составилось нѣсколько тайныхъ агентствъ и политическихъ корреспонденцій; изъ этихъ центровъ клевсты и анархіи выходили ежедневно, окольными путями, тѣ гнусные и безсовѣстные пасквили, которые позорятъ собою нѣкоторые органы заграничной прессы, съ цѣлью навлечь презрѣніе Европы на правительство, добровольно принятое Франціею; правительство, которому были извѣстны эти интриги, не могло долѣе терпѣть этой системы поруганія и опозориванія». Съ этою оффиціальною статьею, написанною на основаніи совершенно неоффиціальныхъ документовъ, не мѣшаетъ сопоставить слѣдующій циркуляръ одного изъ министровъ Наполеона I. «Я узналъ, пишетъ Карно, министръ внутреннихъ дѣлъ, что во многихъ частяхъ имперіи тайна частныхъ переписокъ была нарушена агентами правительства. Кто могъ дозволить подобныя мѣры? Виновники скажутъ, можетъ быть, что они хотѣли услужить правительству и предупредить его желанія? Но вносить въ управленіе подобный образъ дѣйствій не

значитъ служить императору,—это значитъ клеветать на его величество; государь съ презрѣніемъ отворачивается отъ такихъ доказательствъ преданности, которыя состоятъ въ нарушеніи законовъ. А законы говорятъ рѣшительно съ 1789 года, что тайна писемъ неприкосновенна. Всѣ наши несчастія въ различныя эпохи революцій происходили отъ нарушенія принциповъ. Пора взяться за умъ. Прошу васъ преслѣдовать, по всей строгости законовъ, это нарушеніе одного изъ священнѣйшихъ правъ цивилизованнаго человѣка, живущаго въ обществѣ. Мысль гражданина должна быть также свободна, какъ и его личность». Сравнивая циркуляръ Карно, написанный въ 1815 году, съ статьею Монитера, напечатанною въ 1852 году, мы можемъ замѣтить, на сколько французское правительство въ теченіи 37 лѣтъ развилось въ своихъ понятіяхъ о чести. Надо сказать правду, что если правительство 1815 года было немного поделикатнѣе и поразборчивѣе въ средствахъ, то правительство 1852 года было гораздо послѣдовательнѣе. Въ глубинѣ души ни Наполеонъ I, ни Наполеонъ III не могли считать себя избранниками народа; и тотъ, и другой должны были помнить, что основаніе ихъ господства заключается въ насиліи. Позволивши себѣ крупную неправду, навязавшись въ вѣнценосные благодѣтели Франціи, оба Наполеона должны были хорошо понимать, что мелкая совѣстливость въ ихъ положеніи смѣшна и приторна. Кто похитилъ корону, тому нелѣпо задумываться надъ кусочкомъ сургуча, скрывающимъ собою чужую тайну. Поэтому, деликатность Карно не можетъ служить вѣрнымъ выраженіемъ мысли Наполеона I; приведенный мною циркуляръ можетъ быть объясненъ или тѣмъ обстоятельствомъ, что въ распечатанныхъ письмахъ не нашлось ничего интереснаго для правительства или же тѣмъ, что правительство нуждалось въ популярности и прикидывалось деликатнымъ, зная легковѣрность французской націи и ея привязанность къ внѣшнимъ формамъ вѣжливости. Въ поведеніи Наполеона III, напротивъ того, нѣтъ даже этой внѣшней уступки общественному мнѣнію; онъ равнодушенъ къ нему и презираетъ его вполнѣ, не давая себѣ труда скрывать это презрѣніе; онъ не гонится ни за популярностью, ни за уваженіемъ націи; его господство—фактъ, а какъ смотрятъ на этотъ фактъ—до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Это откровенное презрѣніе къ цѣлой націи, сдѣлавшей три революціи, лежитъ въ основаніи всѣхъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ Наполеона III и само основывается на сознаніи рѣшительнаго перевѣса собственныхъ, матеріальныхъ силъ надъ оцѣпе-

нѣвшими умственными и нравственными силами Франціи. Иностранные публицисты поняли и опредѣлили отношенія между императоромъ и народомъ такъ вѣрно и такъ рельефно, что *Moniteur* счелъ долгомъ обидѣться за Францію и съ укоромъ перепечатать на своихъ столбцахъ нѣкоторые отзывы англійскихъ газетъ. Вотъ, напримѣръ, что говорилъ 7 января 1853 года *Morning-advertiser*: «На всей поверхности земнаго шара нѣтъ ничего подобнаго тому деспотизму, который тяготѣетъ надъ Франціею, и тому униженію, въ которое погружена эта страна. Права народа находятся подъ каблуками Наполеона, котораго имя—синонимъ угнетенія и тираніи. Искусство писать книги будетъ скоро совершенно оставлено у нашихъ сосѣдей. Литературные таланты преслѣдуются, какъ преступленіе; умы заключены въ оковы. Никто не смѣетъ разинуть ротъ на улицѣ, въ обществѣ, въ прессѣ. Еще нѣсколько времени—и Французы будутъ погружены въ такое варварство, которому нельзя будетъ найдти подобіе въ исторіи націй». «Къ чему увеличивать число цитатъ, съ глубокою грустью присовокупляетъ *Moniteur*. Довольно и этого, чтобы показать, въ какихъ выраженіяхъ нѣкоторые журналы отзываются о дружественной націи и о томъ государѣ, котораго призвали на престолъ ея восторженные клики». Надо было глубоко презирать французскую республику, чтобы въ оффиціальномъ журналѣ перепечатывать отзывъ *Morning-advertiser'a*, заключающій въ себѣ такую горькую правду. Правительство Наполеона смотритъ на свой портретъ и, обращаясь къ публикѣ, которая очень хорошо знаетъ, что портретъ похожъ, какъ двѣ капли воды, говоритъ въ своемъ оффиціальномъ журналѣ: посмотрите, добрые люди, какъ на насъ клевещутъ; посмотрите, какая гнусная каррикатура. Самъ императоръ, впрочемъ, не думалъ, что гражданская свобода процвѣтаетъ во Франціи; открывая въ 1853 году засѣданіе законодательнаго собранія, онъ въ своей рѣчи помѣстилъ между прочимъ слѣдующее замѣчаніе: «Тѣмъ людямъ, которые пожалѣютъ о недостаткѣ свободы, я отвѣчу: свобода никогда не содѣйствовала основанію политическаго зданія,—она вѣнчаетъ его тогда, когда его скрѣпило время.» Самъ Наполеонъ скромно сознается такимъ образомъ, что свобода Франціи еще впереди, и съ нимъ соглашаются въ этомъ отношеніи всѣ здравомыслящіе Французы, хотя, конечно, они рисуютъ себѣ эту вождѣленную свободу не совсѣмъ такъ, какъ обѣщаетъ ее императоръ. Приближенные Наполеона расходятся во мнѣніяхъ съ своимъ властелиномъ и прославляютъ свободу

Франціи, какъ нѣчто дѣйствительно существующее въ настоящемъ. «Развѣ не свободна та страна, восклицаетъ Тролонъ въ Мониторѣ, въ которой можно, не имѣя дѣла съ цензурою, писать книги обо всѣхъ предметахъ религіи и философіи, политики и нравственности? Развѣ не свободна та страна, въ которой журналы имѣютъ право говорить, когда они должны были бы молчать, или молчать, когда они должны были бы говорить»? Особенно завидно послѣднее право, въ которомъ Тролонъ видитъ доказательство французской свободы, — право молчать. Презрѣніе Наполеона къ націи становится понятнымъ, когда приходится читать подобные панегирики о свободѣ, написанные не дюжиннымъ продажнымъ писателемъ, а человѣкомъ, обезпеченнымъ въ матеріальномъ отношеніи и высоко поставленнымъ по своему общественному положенію. Читая ежедневно подобныя статьи въ *Moniteur*, въ *Pays*, въ *Constitutionnel*, выслушивая разныя торжественныя рѣчи въ законодательномъ собраніи и въ сенатѣ, Наполеонъ могъ на неопредѣленное время отсрочить обѣщанное вѣнчаніе политическаго зданія. «Зачѣмъ я буду расширять свободу этой страны, говорилъ онъ одному англійскому министру, съ нея довольно; она большаго не желаетъ, а представители ея и отъ этого готовы отказаться».

Journal des Débats возражалъ на статью Тролона, и редакторъ его Бертенъ удачно очертилъ положеніе журналистовъ послѣ обнародованія органическаго декрета. «Насъ, говоритъ онъ, не пугаетъ никакое законодательство, какъ бы ни было оно сурово; насъ пугаетъ то, что приходится писать въ потьмахъ, думая при каждомъ словѣ, что, не смотря на всю благонамѣренность, мы выходимъ за предѣлы тѣхъ правъ, которыя намъ оставлены. Мы не просимъ своеволія, Боже сохрани! Мы всегда возставали противъ него; мы не просимъ даже такой свободы, которая, можетъ быть, несовмѣстна съ теперешними обстоятельствами и потребностями Франціи. Пусть авторъ (Тролонъ) скажетъ намъ только (такъ какъ онъ это знаетъ), въ какихъ случаяхъ мы имѣемъ право говорить, и когда мы должны были бы молчать; мы бы сочли себя совершенно счастливыми. Кто держится мнѣній г. Тролона, кто раздѣляетъ его политическія симпатіи и пользуется содѣйствіемъ Монитера, тотъ, конечно, можетъ считать себя совершенно свободнымъ и даже не понимать тѣхъ мучительныхъ затрудненій, въ которыя поставлены люди честные, уважающіе общественный порядокъ и желающіе только высказывать совершенно умѣренно свои идеи, не вполнѣ сходныя съ идеями г. Тролона».

Органическій декретъ принесъ свои плоды, и писатели поняли всю свою беззащитность.

II.

Въ послѣдніе десять лѣтъ, т. е. со времени изданія органическаго декрета до нынѣшняго дня, въ судьбѣ французской прессы не произошло никакихъ существенныхъ измѣненій. Правительство по прежнему смотритъ за журналистикою во всѣ глаза и по прежнему въ оффиціальныхъ статьяхъ своихъ литературныхъ агентовъ и въ оффиціальныхъ рѣчахъ своихъ чиновниковъ превозноситъ ту драгоцѣнную свободу, которою пользуются французскіе писатели. Журналистика съ своей стороны тихо стонетъ о своихъ потерянныхъ правахъ и гарантіяхъ и, не смотря на свою осторожность, навлекаетъ себѣ предостереженія за предостереженіями.

Каждое политическое событіе отзывается на отношеніяхъ правительства къ прессѣ. Когда журналистика пытается разгадать тайну дипломатическихъ соображеній Наполеона, когда она высказываетъ свои догадки и предположенія, тогда ей замѣчаютъ сверху, что она вмѣшивается не въ свое дѣло и понапрасну тревожитъ націю своими попытками заглянуть за непроницаемую завѣсу будущаго. Переговоры съ Австріею, предшествовавшіе началу итальянской войны, подали газетамъ поводъ предвидѣть приближеніе важнаго событія; въ началѣ февраля 1859 года *Presse* въ статьѣ объ итальянскомъ кризисѣ заявила сочувствіе Франціи къ страданіямъ угнетенной Италіи; въ этой статьѣ было выражено желаніе, чтобы Франція остановила посягательства Австріи. За эту статью *Presse* получила предостереженіе, въ которомъ было сказано, что «подобныя выходки могутъ возбуждать въ умахъ неосновательное безпокойство». Черезъ нѣсколько дней послѣ этого предостереженія въ продажѣ появилась брошюра, подъ заглавіемъ «Napoléon III et l'Italie», не подписанная авторомъ; нѣкоторыя французскія и заграничныя газеты приписывали эту брошюру самому императору; какъ бы то ни было, эта брошюра выражала тѣ самыя мысли, за которыя *Presse* получила предостереженіе; она приглашала дипломатію сдѣлать «наканунѣ битвы то, что поневолѣ придется сдѣлать на другой день послѣ побѣды». Не смотря на эти ясные намеки, брошюра не подвергалась преслѣдованію, и даже

тѣ журналы, которые видѣли въ ней произведеніе самаго императора, не получили за свои догадки никакихъ предостереженій. Журналистика, видя, что брошюра остается безнаказанною, опять заговорила о приближеніи войны; тогда оффиціальная газета *Moniteur* въ началѣ марта замѣтила, что «все это бредъ, воображеніе и ложь, и что пора оставить безъ вниманія неясные слухи, распространяемые журналистикою по всѣмъ концамъ Европы». 5-го марта была напечатана эта статья, а 3-го мая въ томъ же Монитерѣ правительство извѣстило Францію о началѣ войны. Намѣренія правительства до послѣдней минуты остаются такимъ образомъ тайною; политическимъ газетамъ запрещается даже догадываться и предполагать; имъ остается такимъ образомъ только записывать совершившіяся событія, не выводя изъ нихъ смѣлыхъ заключеній; даже записать событіе позволяется только въ томъ случаѣ, если его нельзя утаить или не зачѣмъ утаивать. Когда началась итальянская война, то министерство внутреннихъ дѣлъ сообщило журналамъ слѣдующее замѣчаніе: «Правительство уже нѣсколько разъ совѣтовало журналамъ публиковать съ крайнею осторожностью извѣстія и письма, относящіяся къ итальянской арміи. Правительство теперь еще разъ принуждено напомнить журналамъ обязанности, налагаемыя на нихъ текущими событіями. Они должны воздерживаться отъ печатанія подробностей, не имѣющихъ серьезнаго характера, распространяющихъ тревогу въ семействахъ или обманывающихъ общественное мнѣніе на счетъ положенія нашей арміи; тѣмъ болѣе они должны избѣгать сообщенія такихъ свѣдѣній, которыя могли бы приносить пользу непріятелю. Они поймутъ также, что не слѣдуетъ произвольно разсыпать похвалу или порицаніе и подрывать авторитетъ оффиціальныхъ бюллетеней несправедливыми сужденіями или смѣшными объявленіями. Правительство надѣется, что это воззваніе къ просвѣщенному патріотизму французской прессы предупредитъ дальнѣйшія уклоненія, находящіяся впрочемъ въ странномъ разладѣ съ единодушными проявленіями національнаго чувства, которое въ журналистикѣ должно находить себѣ достойное отраженіе». Первое свойство, бросающееся въ глаза при чтеніи подобныхъ документовъ—это фразистость и мягкость рѣчи; подумаешь, что министерство находится въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ литературою и пишетъ ей самыя пріятныя и любезныя замѣчанія; на самомъ же дѣлѣ выходитъ, что пилюля очень горька, не смотря на свою позолоту; практическій выводъ изъ бумаги министерства тотъ, что журналы не должны печатать объ итальянской

арміи ничего, кромѣ оффиціальныхъ бюллетеней, т. е. они должны, не мудрствуя лукаво, не толкуя вкривь и вкось, съ вѣрою, надеждою и любовью идти по слѣдамъ Монитера и перепечатывать изъ него извѣстія объ итальянской арміи. Можетъ быть министерство не хотѣло придти къ этому суровому выводу; можетъ быть оно желало только, чтобы редакторы не пускали утокъ, но редакторамъ, получившимъ этотъ циркуляръ, надо было поневолѣ отказаться отъ печатанія частныхъ извѣстій. Получая письмо изъ Италіи, они никакъ не могли знать, что всѣ сообщаемыя въ немъ извѣстія совершенно вѣрны. Если даже эти извѣстія были вѣрны, то нельзя было знать, находитъ ли правительство полезнымъ ихъ обнародованіе. Правительство всегда имѣло предлогъ послать журналу предостереженіе за напечатаніе частнаго извѣстія; оно могло сказать, что такое-то извѣстіе способно встревожить общественное мнѣніе или же, что имъ можетъ воспользоваться непріятель. Приведенный мною циркуляръ министерства по своему общему характеру сходенъ съ органическимъ декретомъ; онъ, подобно послѣднему, грѣшитъ своею совершенною неопредѣленностью; общіе совѣты, которые правительство даетъ литераторамъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказываются совершенно неосязательными—они только сбиваютъ съ толку; что можно писать, чего нельзя писать—это все-таки остается неизвѣстнымъ; поэтому тотъ редакторъ, который желаетъ оградить себя отъ всякой отвѣтственности и чувствовать себя совершенно спокойнымъ, долженъ принимать самыя преувеличенныя, часто совершенно излишнія предосторожности. Вотъ на что и расчитываетъ правительство; вотъ задняя мысль, побуждающая его издавать неопредѣленныя узаконенія и разсылать циркуляры, не имѣющіе осязательнаго смысла.

Послѣ окончанія итальянской кампаніи, 16-го августа 1859 года послѣдовали другъ за другомъ два милостивые декрета: во-первыхъ, объявлена полная амнистія «всѣмъ лицамъ, осужденнымъ за политическія преступленія и проступки и изгнаннымъ изъ Франціи въ видахъ общественной безопасности», во-вторыхъ, «всѣ предостереженія, данныя журналамъ въ силу декрета 17 февраля 1852 года, объявлены недѣйствительными».

Эти два милостивые декрета имѣютъ свою обратную сторону; правительству очень хотѣлось привлечь во Францію тѣхъ политическихъ изгнанниковъ, которые за границею были опаснѣе, чѣмъ въ отечествѣ, потому что за границею они могли писать и печатать такія

вещи, которыя во Франціи не нашли бы себѣ ни издателя, ни типографщика. За личиною великодушія кроется такимъ образомъ очень вѣрный политическій расчетъ. Второе милостивое распоряженіе, т. е. уничтоженіе уже данныхъ предостереженій, тоже объясняется довольно просто: многіе журналы имѣли уже по два предостереженія; запретить ихъ за третій проступокъ было неудобно, потому что провинившихся было слишкомъ много, а возбуждать безъ особенной необходимости вниманіе и неудовольствіе общества непріятно даже такому правительству, которое не придаетъ значенія расположенію гражданъ; если же третій проступокъ журналовъ не повелъ бы за собою запрещенія, тогда это обстоятельство могло ослабить нравственное вліяніе предостереженій; стало быть, запретить нѣсколько журналовъ разомъ было неудобно, оставить ихъ безнаказанными—также неудобно; оставалось только простить данныя *avertissements* и придать этому акту прощенія какъ можно больше торжественности. Отчего же въ самомъ дѣлѣ не удивить публику великодушіемъ и милосердіемъ, когда это великодушіе и милосердіе не стоитъ ни копѣйки и даже нисколько не уменьшаетъ силы правительства? Вѣдь любой изъ прощенныхъ журналовъ могъ быть закрытъ по распоряженію административной власти на другой же день послѣ милостиваго прощенія, если только онъ своимъ послѣдующимъ поведеніемъ показалъ бы недостатокъ признательности и благонадежности.

Въ сущности положеніе журналистики нисколько не улучшилось отъ этой милости; литераторы, конечно, поняли это и дали это замѣтить правительству.

Послѣ окончанія итальянской войны на очередь выдвинулся вопросъ о папствѣ; французскіе публицисты начали разработывать его въ брошюрахъ и въ журнальныхъ статьяхъ. Журналы клерикальной партіи старались обвинить Наполеона въ недостаткѣ благочестія и въ неуваженіи къ правамъ папы; эти попытки побудили правительство обратить особенное вниманіе на статьи, писавшіяся подъ вліяніемъ духовенства; это особенное вниманіе выразилось въ томъ, что на клерикальные журналы посыпались предостереженія; затѣмъ послѣдовали болѣе серьезныя мѣры,—*Univers* былъ запрещенъ.

«Религіозная журналистика, писалъ по этому поводу министръ внутреннихъ дѣлъ въ докладѣ императору, забыла, что ея дѣло — умѣрять страсти и мирить враждующія стороны. Журналъ *l'Univers* въ особенности, не обращая вниманія на сообщаемыя ему предостереже-

нія, каждый день доходитъ до послѣднихъ предѣловъ буйства; по его милости возникаютъ пылкія полемики, въ которыхъ, къ сожалѣнію, его выходки вызываютъ рѣзкія возраженія, служащія соблазномъ и огорченіемъ для всѣхъ добрыхъ гражданъ». Теряя *Univers*, французская пресса потеряла, конечно, очень немного, но тѣмъ не менѣе, въ этомъ случаѣ какъ и во всѣхъ другихъ, правительство Наполеона осталось вѣрнымъ своему основному принципу, отвращенію къ рѣзко проведеннымъ идеямъ и къ крайнимъ выводамъ, сдѣланнымъ въ ту или въ другую сторону. Въ такой странѣ, какъ Франція, при томъ правительствѣ, которымъ она пользуется уже слишкомъ десять лѣтъ, преданность интересамъ католической религіи должна, конечно, считаться признакомъ благонамѣренности, потому что католицизмъ, какъ извѣстно, вовсе не поощряетъ развитія свободной мысли и вовсе не оправдываетъ возстанія человѣческаго разума противъ авторитета преданій и существующихъ учрежденій. Не смотря на то, правительство Наполеона смотритъ недоброжелательно на ревностныхъ католиковъ; ревностный католицизмъ есть все-таки сильное убѣжденіе, не смотря на всю свою ветхость и мертвенность; а сильное убѣжденіе всякаго рода не можетъ быть терпимо при томъ порядкѣ вещей, который господствуетъ въ современной Франціи; фанатики—все-таки люди безпокойные; они мѣшаютъ и противодѣйствуютъ развитію крайней централизаціи; какъ бы они ни были безтолковы, съ ними все-таки не такъ легко управляться, какъ съ людьми совершенно безличными и равнодушными вслѣдствіе своей посредственности. До свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ дошло извѣстіе, что въ департаментахъ распространяются стараніями духовенства разныя брошюры, агитирующія въ пользу папы; тотчасъ къ префектамъ былъ разосланъ циркуляръ, въ которомъ напоминалось, что законъ запрещаетъ раздавать или продавать брошюры безъ разрѣшенія мѣстныхъ властей, и что нарушители этого правила подвергаются тюремному заключенію срокомъ отъ одного мѣсяца до полугода и денежному штрафу отъ 25 до 500 франковъ. Тонъ этого циркуляра даетъ замѣтить, что правительство не желаетъ давать спуска служителямъ церкви. «Въ этихъ случаяхъ, гласитъ окончаніе циркуляра, правительство должно будетъ на столько удаляться отъ своего обычнаго милосердія, на сколько это будетъ необходимо для укрощенія взволнованныхъ умовъ; поэтому я требую отъ васъ въ одно и то же время умѣренности и твердости.

Обуздывая такимъ образомъ излишнюю ревность пастырей и слу-

жителей церкви, правительство въ то же время не допускаетъ, чтобы частныя лица высказывали печатно критическія замѣчанія о религіи, о церкви и о духовенствѣ. Процессъ Прудона, происходившій въ 1858 году, показываетъ ясно, что философская мысль свободна во Франціи на столько, на сколько она держится въ области чистыхъ отвлеченностей; вы можете разсуждать сколько вашей душѣ угодно о субъективности и объективности, объ идеальномъ и трансцендентальномъ, но если вы вздумаете съ философской точки зрѣнія посмотрѣть на существующую дѣйствительность, на осязательныя явленія и учрежденія, то вамъ тотчасъ же придется имѣть дѣло не съ литературными оппонентами, а съ императорскимъ прокуроромъ и съ мѣстнымъ трибуналомъ исправительной полиціи.

22-го апрѣля 1858 года, въ Парижѣ, у братьевъ Гарнье поступила въ продажу книга Прудона: «О справедливости въ революціи и въ церкви», состоявшая изъ трехъ томовъ, и заключавшая въ себѣ 1,700 страницъ убористаго шрифта; 27-го апрѣля полиція получила отъ императорскаго прокурора приказаніе остановить распространеніе этой книги; 28-го книга была захвачена въ полицію; 2-го іюня судъ исправительной полиціи приговорилъ Прудона къ трехлѣтнему тюремному заключенію и къ уплатѣ штрафа въ 4,000 франковъ; книгу его признали вредною и продажу ея запретили; издатель Гарнье и типографщикъ Бурдье также признаны виновными: перваго посадили въ тюрьму на 1 мѣсяцъ, втораго—на 15 дней; съ того и съ другаго взыскали по тысячи франковъ штрафа. Но правительство этимъ не удовлетворилось; находя, что Гарнье недостаточно наказанъ, оно перенесло дѣло въ высшую инстанцію, которая приговорила подсудимаго къ четырехмѣсячному тюремному заключенію и къ штрафу въ четыре тысячи франковъ.

Осужденные могли расчитывать на поддержку общественнаго мнѣнія, которое вообще не расположено смотрѣть строго на политическія преступленія, и которое, по правдѣ сказать, не понимаетъ, чтобы та или другая мысль могла быть преступною; но правительство постаралось отрѣзать имъ удобнѣйшій путь къ сношенію съ обществомъ: органическій декретъ запретилъ журналамъ печатать отчеты о процессахъ по дѣламъ печати; осужденнымъ оставался еще одинъ способъ: законъ 1819 года, не отмѣненный послѣдующими законодательствами, позволялъ подсудимому написать и напечатать защитительный мемуаръ. Текстъ закона говорилъ положительно, что напечатаніе этого мемуара

не можетъ подать повода къ новымъ преслѣдованіямъ и нисколько не увеличиваетъ вины подсудимаго.

Прудонъ написалъ свою защиту, но парижскіе типографщики отказались печатать его. «Правительство предупредило насъ, отвѣчали они ему, что все, что выходитъ изъ подъ вашего пера, опасно. Мы ничего не будемъ печатать для васъ безъ разрѣшенія прокурора». Прудонъ обратился тогда къ генеральному прокурору; онъ напомнилъ ему, что статья 23-я закона 17 мая 1819 года дозволяетъ печатаніе защиты безо всякихъ стѣсненій, и просилъ его дать форменное свидѣтельство, удостовѣряющее типографщика въ томъ, что для него не можетъ быть никакой опасности. Чтобы показать прокурору умѣренность своихъ требованій, Прудонъ соглашался даже напечатать свой мемуаръ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Эта уступка не подвинула впередъ дѣла Прудона.

— Я вамъ не могу дать никакого свидѣтельства, отвѣчалъ ему прокуроръ; назначать вамъ количество экземпляровъ я также не имѣю права. У васъ есть ваше право, у насъ есть свое право. Поступайте, какъ знаете, принимая на себя рискъ и отвѣтственность.

Прудонъ готовъ былъ рисковать собою, но одной готовности было мало. Надо было найдти типографщика, а въ Парижѣ не нашлось охотниковъ за чужое дѣло платить штрафъ и сидѣть въ тюрьмѣ.

Прудонъ напечаталъ свой мемуаръ въ Брюсселѣ, но это тоже не помогло. Его книжку не впустили во Францію, и приговоръ не былъ измѣненъ.

Дѣйствія французскаго правительства въ отношеніи къ Прудону находятся въ совершенной гармоніи съ порядкомъ вещей, водворившимся съ 1852 года. Удивляться не чему; негодовать смѣшно, потому что негодованіе ничего не разъясняетъ. Посмотримъ лучше, въ чемъ именно заключаются въ данномъ случаѣ отступленія правительства отъ законности. Два обстоятельства прежде всего бросаются въ глаза: вопервыхъ, книгу захватили черезъ пять дней послѣ ея поступленія въ продажу, во-вторыхъ, типографщикамъ запретили принимать отъ Прудона для напечатанія тотъ мемуаръ, который законъ положительно позволяетъ обнародовать каждому гражданину, обвиненному за преступленіе или проступокъ, совершенный путемъ печати. Первое обстоятельство доказываетъ, что книга была захвачена по подозрѣнію, или вѣрнѣе, по предубѣжденію правительства противъ личности автора. Въ пять дней невозможно прочесть 1,700 страницъ серьезнаго сочиненія, особенно если читатель имѣетъ добросовѣстное желаніе отдать

себѣ отчетъ въ основной идеѣ книги и обсудить вліяніе этой идеи на умы согражданъ и современниковъ. Если же приказаніе захватить книгу Прудона было отдано тогда, когда еще убѣжденіе въ действительности ея вреднаго вліянія не могло составиться въ умѣ коронныхъ чиновниковъ, то очевидно, что правительство поступало съ Прудономъ не какъ съ гражданиномъ, заподозрѣннымъ въ преступленіи, а какъ съ личнымъ врагомъ.

Второе обстоятельство обнаруживаетъ намъ ту же самую непримиримую и притомъ трусливую ненависть правительства къ Прудону. У него отнимаютъ то средство, которое по закону предоставляется каждому подсудимому; всѣ мысли Прудона заранѣе объявляются опасными; правительство заранѣе предупреждаетъ типографщиковъ, чтобы потомъ, въ случаѣ появленія какой нибудь новой книги опаснаго писателя, имѣть возможность взыскать съ провинившагося типографщика вдвое строже, какъ съ человѣка сознательно и преднамѣренно идущаго наперекоръ желаніямъ административной власти. Подвергая отвѣтственности типографщика, правительство фактически возстановляетъ предупредительную цензуру, и притомъ возстановляетъ ее въ самомъ тяжеломъ видѣ. Цензоръ, какъ чиновникъ отъ правительства, не имѣетъ права сказать писателю: я не хочу читать вашу рукопись, а типографщикъ всегда можетъ сказать: я не хочу печатать ваше сочиненіе, точно также, какъ всякій купецъ можетъ сказать, что не хочетъ продать вамъ тотъ или другой товаръ, точно также, какъ всякій домовладѣлецъ можетъ отказать вамъ въ квартирѣ. Конечно, съ другой стороны, цензоръ, поставленный отъ правительства, можетъ зачеркнуть всю представленную ему рукопись, но, поступая такимъ образомъ, онъ долженъ все-таки опираться на инструкцію, данную ему правительствомъ, онъ долженъ, по крайней мѣрѣ, найдти объясненіе своему поступку; вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сказать автору: «я запрещаю вашу статью, потому что ваша фамилія—Прудонъ». Въ благоустроенномъ государствѣ можно жаловаться на самоуправство чиновника, но жаловаться на типографщика, не желающаго принять отъ васъ заказъ—это все равно, что жаловаться на купца, съ которымъ вы не сошлись въ цѣнѣ товара. При существованіи предупредительной цензуры, правительство Наполеона III могло бы значительно ослаблять дѣятельность Прудона; но совершенно запретить ему писать—это такой подвигъ, на который оно, можетъ быть, не рѣшилось бы, боясь громкаго и смѣшнаго скандала. Когда же будутъ запуганы типографщики, тогда прави-

тельство можетъ запретить вамъ писать, нисколько не компрометируя себя дѣйствіями рѣзкаго произвола; стоитъ только оштрафовать двухъ, трехъ типографщиковъ—и ваша литературная дѣятельность окажется прерванною, потому что ни одинъ типографщикъ не захочетъ изъ-за васъ разоряться и сидѣть въ тюрьмѣ. Вы, можетъ быть, захотите открыть свою собственную типографію? Но вы забываете, что для этого надо взять патентъ отъ правительства, которое можетъ отказать вамъ, не выходя изъ предѣловъ закона.

Словомъ, если сравнивать между собою двѣ системы законовъ о печати—карательную и предупредительную, то, безъ всякаго сомнѣнія, надо будетъ отдать предпочтеніе карательной, но при этомъ надо будетъ замѣтить, что французское законодательство ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо карательнымъ.

Карательнымъ по настоящему можетъ быть названо только такое законодательство, которое предоставляетъ каждому гражданину полную возможность писать и печатать что ему угодно, и потомъ взыскиваетъ съ него за нарушеніе извѣстныхъ правилъ. Когда отвѣтственность ограничивается личностями писателя и издателя, тогда законодательство остается еще карательнымъ, потому что издатель, какъ человѣкъ, затрачивающій на книгу свой капиталъ и содѣйствующій такимъ образомъ предпріятію автора, можетъ быть признанъ его нравственнымъ соучастникомъ. Кто же въ самомъ дѣлѣ станетъ тратить свои деньги на неизвѣстное ему дѣло? Если же издатель знаетъ автора и характеръ его книги, то онъ можетъ быть названъ его единомышленникомъ. Издатель можетъ получить отъ продажи книги выгоду, слѣдовательно, онъ можетъ дѣлить съ авторомъ опасности предпріятія. Взысканія съ издателей могутъ только уничтожить породу мелкихъ спекуляторовъ, издающихъ такія книги, о которыхъ они сами не имѣютъ понятія. Слѣдовательно, налагая взысканія на издателей, законодательство не перестаетъ быть карательнымъ, потому что оно ничѣмъ не усложняетъ положенія писателя, желающаго напечатать свой трудъ. Если у писателя есть свободныя деньги, онъ самъ можетъ быть издателемъ; если у него нѣтъ денегъ, то онъ во всякомъ случаѣ долженъ обратиться къ другому лицу и поставить себя въ нѣкоторую зависимость отъ него; это другое лицо, конечно, разочтетъ цѣну предпріятія и его возможныя выгоды; сдѣлавъ этотъ приблизительный расчетъ, оно рѣшится издавать или не издавать предлагаемую книгу; если это другое лицо откажетъ автору, то авторъ можетъ обратиться къ любому изъ своихъ знакомыхъ, имѣю-

щихъ свободный капиталъ и сочувствующихъ его предпріятію; каждый изъ этихъ знакомыхъ можетъ быть издателемъ, потому что на это не надо ни особеннаго разрѣшенія правительства, ни особеннаго заведенія. Но если бы, напримѣръ, только одни парижскіе трактирщики имѣли право издавать книги или, если бы человѣкъ, желающій издать книгу, долженъ былъ сначала попросить позволенія у правительства, тогда, конечно, законодательство перестало бы быть чисто карательнымъ, потому что тогда правительство имѣло бы возможность препятствовать обнародованію того или другаго сочиненія; оно могло бы сдѣлать это или запугивая извѣстнымъ образомъ парижскихъ трактирщиковъ, или же отказывая въ необходимомъ позволеніи тѣмъ людямъ, которые пожелаютъ сдѣлаться издателями. Именно такъ и поступаетъ правительство съ типографщиками. Оно знаетъ, что типографщикъ получаетъ просто деньги за работу и что онъ, слѣдовательно, не заинтересованъ лично въ успѣхѣ книги; если бы на немъ не лежала отвѣтственность, то онъ печаталъ бы безъ разбору все, что ему заказываютъ, точно также, какъ напримѣръ, оружейникъ продастъ вамъ ружье или пистолетъ, не освѣдомляясь о томъ, какъ вы намѣрены пользоваться этими орудіями. Типографщикъ есть содержатель мастерской; онъ—исполнитель, не заинтересованный въ успѣхѣ предпріятія; какъ бы хорошо ни пошла книга, онъ все-таки получитъ ту же условленную плату, которую получилъ бы въ случаѣ совершенной неудачи; спрашивается, ради чего же типографщикъ рѣшится подвергать себя малѣйшему риску? Съ одной стороны правительство представляетъ ему въ перспективѣ судъ, тюрьму и штрафъ; съ другой стороны, писатель и издатель предлагаютъ ему обыкновенную плату за трудъ. Всѣ выгоды типографщика побуждаютъ его разсмотрѣть очень внимательно, нѣтъ ли какой нибудь опасности? Если есть хоть тѣнь опасности, типографщикъ откажется отъ предлагаемой работы; такъ поступитъ и другой, и третій, и всѣ типографщики. Окажется, что писатель и издатель остаются съ своимъ отвлеченнымъ правомъ печатать все, что угодно. Книга остается ненапечатанною. А кто же помѣшалъ ея напечатанію? Конечно, не типографщики; типографщикамъ все равно, что ни печатать. Помѣшало правительство, которое грозитъ наказаніемъ не только писателю, не только людямъ, обнаруживающимъ нравственное сочувствіе его идеямъ, но и тѣмъ ремесленникамъ, которые приводятъ его идею въ исполненіе и работаютъ по его заказу. А если правительство мѣшаетъ напечатанію книги, то оно, очевидно, измѣняетъ чисто карательной системѣ.

Если подвергать взысканію типографщика, который ни душой, ни тѣломъ не участвуетъ въ идеѣ автора, то отчего же не наказывать фабриканта бумаги, на которой напечатана вредная книга? Отчего не взыскивать съ каждаго отдѣльнаго наборщика? Отчего не судить переплетчика, брошюрующаго сочиненіе, несогласное съ видами правительства? Существеннаго различія нѣтъ между типографщикомъ и остальными ремесленниками, содѣйствующими сооруженію книги. Если взыскивать съ типографщика, то нѣтъ причины ограничиваться имъ однимъ. Эта непослѣдовательность французскаго законодательства объясняется именно тѣмъ, что правительство старается замаскировать карательными формами предупредительный элементъ своихъ дѣйствій. Правительство ненавидитъ самую свободу мысли; его тревожитъ самое безвредное проявленіе этой свободы; оно боится простыхъ выводовъ здравой логики, потому что его существованіе, его происхожденіе, его дѣйствія во всѣхъ отношеніяхъ противорѣчатъ этимъ простымъ выводамъ. Поэтому, правительство желаетъ обуздывать, а не наказывать. Ему важно, что бы мысль не распространилась въ обществѣ, а не то, чтобы мыслитель посидѣлъ въ тюрьмѣ или заплатилъ штрафъ. Процессъ, тюрьма, штрафъ—все это лишняя огласка, все это нарушаетъ дремоту общества, которую правительство старается поддержать во что бы то ни стало. Поэтому карательная система не удовлетворяетъ требованіямъ французскаго правительства. Возвратиться къ предупредительной системѣ оно какъ-то совѣстится; вѣроятно ему памятно то впечатлѣніе, которое постоянно производило на французское общество учрежденіе предупредительной цензуры; памятно и то обстоятельство, что Людовикъ-Филиппъ, вступая на престолъ, торжественно обѣщалъ націи, что цензура никогда не будетъ возстановлена. Сочувствуя въ глубинѣ души предупредительной системѣ и, между тѣмъ, не рѣшаясь привести ее въ дѣйствіе, правительство Наполеона III изобрѣло какую-то смѣшанную систему, чрезвычайно удобную для администраціи и невыносимо тяжелую для писателей. Выгоды чисто карательной системы заключаются для писателей въ томъ, что они, рискуя или жертвуя собою, могутъ пустить въ ходъ самую смѣлую идею. Выгоды чисто предупредительной системы заключаются также для писателей въ томъ, что они, по настоящему, ни за что не отвѣчаютъ и ничѣмъ не рискуютъ. Система Наполеона отнимаетъ у писателей выгоды обѣихъ системъ; писатель за все отвѣчаетъ и, не смотря на то, ничего не можетъ провести въ общество помимо воли

правительства. Было бы вовсе не удивительно, если бы французскіе писатели теперь попросили Наполеона учредить цензуру; тогда они по крайней мѣрѣ пользовались бы безнаказанностью и могли бы быть совершенно спокойны. Когда Прудонъ обратился къ генеральному прокурору съ просьбою о свидѣтельствѣ, удостовѣряющемъ типографщика въ отсутствіи опасности, когда онъ, чтобы получить это свидѣтельство, соглашался ограничить количество экземпляровъ, смотря по желанію прокурора, тогда Прудонъ очевидно желалъ, чтобы прокуроръ, оберегая и успокоивая типографщика, принялъ на себя ту роль, которую при существованіи предупредительной цензуры играетъ цензоръ. Прокуроръ, какъ мы видѣли, отказался отъ этой роли; онъ сказалъ Прудону, что умываетъ руки въ его дѣлѣ, и сочиненіе Прудона осталось ненапечатаннымъ. Значитъ, цензура типографіи запретила книгу, а между тѣмъ и авторъ, и издатель, и прежній типографщикъ попали подъ судъ, подъ штрафъ и въ тюрьму.

Все это вовсе не доказываетъ превосходства предупредительной системы надъ карательною. Наша литература до сихъ поръ находилась въ невыгодныхъ условіяхъ; это сознавали всѣ наши честные писатели; въ этомъ убѣдилось и правительство, рѣшившееся сдѣлать существенныя преобразованія въ нашемъ законодательствѣ о печати. Занявшись составленіемъ новыхъ правилъ, правительство пригласило литературу заявить свое мнѣніе и освѣтить, по возможности, вопросъ историческимъ и сравнительнымъ обзоромъ законовъ о печати, существующихъ въ другихъ образованныхъ государствахъ Европы. Мои три историческія статьи о печати во Франціи были вызваны этимъ приглашеніемъ. Историческая часть моего обзора окончена; читатель имѣетъ понятіе о положеніи французской прессы въ настоящее время; утомлять его вниманіе перечнемъ предостереженій, пріостановокъ, запрещеній—я считаю излишнимъ; это не усилитъ впечатлѣнія; теперь остается только сдѣлать практическій выводъ; остается сказать, какъ я смотрю на исторію французскаго законодательства о печати, какимъ законамъ я сочувствую, какіе законы было бы пріятно видѣть у насъ въ Россіи и испытывать на самомъ себѣ. Я очень хорошо знаю, что мой практическій выводъ на самомъ дѣлѣ не можетъ имѣть никакого практическаго значенія, но я думаю, что каждый мыслящій и пишущій человѣкъ имѣетъ право сказать свое искреннее слово, когда рѣшается такое дѣло, отъ котораго будетъ зависѣть во многихъ отношеніяхъ развитіе нашей литературы и движеніе нашей мысли.

Поэтому, я буду говорить безъ утайки: изъ всѣхъ законовъ, смѣнившихся во Франціи со временъ первой реставраціи до нынѣшняго дня, нѣтъ ни одного такого, въ которомъ бы не скрывалась задняя мысль правительства, враждебная дѣйствительнымъ интересамъ національной мысли. Истинная терпимость остается совершенно неизвѣстною всѣмъ французскимъ правительствамъ, быстро слѣдовавшимъ другъ за другомъ. Каждое правительство наказываетъ литератора за его мысль; каждое правительство принимаетъ предосторожности противъ журналистики, какъ противъ враждебной партіи. Залоги и штемпельный сборъ придумываются для того, чтобы уменьшить число журналовъ, чтобы возвысить ихъ цѣну и чтобы, по возможности, не пропустить ихъ въ низшіе слои націи.

Распредѣленіе отвѣтственности между авторомъ, издателемъ, типографщикомъ и отвѣтственнымъ редакторомъ (если дѣло идетъ о журналѣ) имѣетъ цѣлью запугать пишущихъ людей; въ основаніи всѣхъ этихъ учрежденій лежитъ глубокое недовѣріе къ литературѣ, а недовѣріе къ литературѣ равносильно недовѣрію ко всей мыслящей части націи. Изъ этого основнаго чувства развиваются всѣ стѣснительныя ухищренія, всѣ замысловатыя изобрѣтенія, всѣ систематическія искаженія существовавшихъ законовъ. Если правительство смотритъ на литературу, какъ па своего естественнаго и непримиримаго врага, тогда оно, конечно, извратитъ самые разумные законы и съумѣетъ уничтожить самыя непоколебимыя гарантіи. Если же правительство чувствуетъ себя способнымъ довѣриться честности писателей, если оно знаетъ, что здравый смыслъ и нравственное чувство читающей публики представляетъ самый надежный оплотъ противъ преднамѣренной клеветы или противъ легкомысленной болтовни писателей менѣе честныхъ или менѣе развитыхъ, тогда это правительство не нуждается въ особомъ законодательствѣ противъ печати. Во Франціи въ нынѣшнемъ столѣтіи не было такого правительства; за то въ теченіи шестидесяти лѣтъ не было ни одного счастливаго года ни для народа, ни для правительства. Правительство и нація ненавидѣли и боялись другъ друга; вслѣдствіе этого техническая часть управленія доведена до виртуозности; въ законодательствѣ все предусмотрѣно и опредѣлено; всѣ лазейки тщательно законопачены; вотъ почему французскіе законы печати могутъ показаться очень совершенными по своей внѣшней техникѣ. На самомъ же дѣлѣ это мнимое совершенство указываетъ только на крайнюю напряженность отношеній, господствовавшихъ между законодателями и націею. Правительство въ каждой частицѣ

національной свободы видѣло только поводъ къ злоупотребленіямъ; нація въ каждомъ распоряженіи административной или законодательной власти видѣла только попытку отнять у нея какія нибудь права. Правительство съ боязливымъ вниманіемъ предусматривало и оговаривало всѣ возможные случаи нарушенія закона; каждому изъ этихъ нарушеній была назначена своя такса, по возможности высокая; каждый законъ о печати заключалъ въ себѣ подробный прейскурантъ преступленій и проступковъ. Нація поневолѣ должна была искать возможности ускользнуть отъ закона, вывернуться изъ частыхъ петель этой юридической сѣти. Законы были такъ составлены, что остаться правымъ передъ ними и быть въ то же время честнымъ и умнымъ писателемъ было невозможно; оставалось только грѣшить и не попадаться, нарушать законъ и избѣгать наказанія.

Очень понятно, что такому неестественному положенію дѣлъ сочувствовать невозможно. Поэтому повторяю еще разъ, что насъ не удовлетворяетъ ни одна фаза французскаго законодательства по дѣламъ печати. Если же изъ многихъ золъ выбирать меньшее, тогда, конечно, придется отдать предпочтеніе законамъ 1819 года. По этимъ законамъ литературныя преступленія судились судомъ присяжнымъ; административныхъ мѣръ и вмѣшательства администраціи въ ходъ процесса не было; наказанія ограничивались штрафами и тюремными заключеніями; пріостановокъ и запрещеній не полагалось; залогъ считался необходимымъ для изданія журнала, и это обстоятельство было, конечно, важнымъ неудобствомъ и сильнымъ тормазомъ въ развитіи журналистики; требованіе залога оправдывается въ законѣ тѣмъ аргументомъ, что правительству необходимо обезпечить исправную уплату налагаемыхъ штрафовъ. Этотъ аргументъ оказывается несостоятельнымъ предлогомъ; обезпеченіемъ для правительства можетъ служить личность редактора и весь основной фондъ журнала; кто приступаетъ къ изданію журнала, тотъ, конечно, имѣетъ капиталъ и самъ вмѣстѣ съ этимъ капиталомъ находится въ рукахъ правительства. Зачѣмъ же еще ослаблять этотъ капиталъ, отбирая часть его въ государственное казначейство? Отвѣтъ не заставитъ себя ждать: затѣмъ, чтобы только богатые люди, которые по самому своему положенію расположены быть консерваторами, могли предпринимать изданіе журнала. Въ требованіи залога проглядываетъ та глубокая неискренность французскаго правительства, которая проходитъ чрезъ всѣ его законодательныя мѣры, касающіяся прессы. Въ законахъ 1819 года есть

такія черты, которымъ невозможно сочувствовать, но при всемъ томъ они оказываются сноснѣе предъидущихъ и послѣдующихъ положеній.

Къ сожалѣнію, эти законы не долго продержались въ полной чистотѣ своей. Насильственная смерть герцога беррійскаго воскресила предупредительную цензуру, усилила мѣры строгости и увеличила количество преступленій и проступковъ, предусмотрѣнныхъ закономъ. Положеніе прессы сдѣлалось немного легче послѣ 1830 года; первое пятилѣтіе царствованія Людовика-Филиппа было, можетъ быть, самою свѣтлою полосою въ исторіи французской журналистики нынѣшняго столѣтія. Предупредительныхъ мѣръ не было; литературныя преступленія судились присяжными; коронные чиновники отличались, правда, особенною ревностью въ преслѣдованіи отдѣльныхъ выраженій и непріязненныхъ тенденцій, но правительство не нарушало естественнаго хода правосудія; присяжные по совѣсти объявляли писателей виновными или невиновными; учрежденія были чисто карательныя, и правительство довольствовалось штрафами и тюремными заключеніями, не прибѣгая къ пріостановкамъ и запрещеніямъ. 1835 годъ ознаменованъ усиленіемъ строгости; залоги значительно повысились; штрафы и тюремныя заключенія возрасли до громадной цифры; кромѣ того, судилища получили право пріостанавливать изданія на время до 4-хъ мѣсяцевъ. Какъ только явились пріостановки, такъ законодательство перестало быть чисто карательнымъ. Цѣль пріостановокъ заключается въ томъ, чтобы ослабить дѣйствіе журнала, который правительство признаетъ опаснымъ. Ослаблять дѣйствіе журнала, значитъ отнимать у его сотрудниковъ возможность высказывать передъ читающимъ обществомъ свои идеи; отнимать у кого бы то ни было возможность высказываться, значитъ предупреждать то преступленіе, которое онъ можетъ сдѣлать, а не наказывать преступленіе уже сдѣланное. Если правительство опредѣляетъ за литературное преступленіе огромный штрафъ, тяжелое тюремное заключеніе, даже смертную казнь, то оно все еще остается въ предѣлахъ карательной системы; если же оно старается отнять у гражданина возможность писать и печатать, тогда оно начинаетъ предупреждать, и косвеннымъ образомъ возстановляетъ цензуру.

Революція 1848 года принесла печати очень мало пользы; свобода журналистики была очень непродолжительна; уже съ августа 1848 года возстановлены залоги; потомъ стѣсненія идутъ постоянно *crescendo* и наконецъ достигаютъ своего апогея въ началѣ 1852 г., въ день изданія знаменитаго органическаго декрета. Съ этой минуты

нечего и говорить о свободѣ печати во Франціи; пресса оказывается безусловно подчиненною благоусмотрѣнію полицейской власти; журналы пріостанавливаются и запрещаются, книги захватываются и конфискуются безъ суда; въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда правительство считаетъ нужнымъ, для виду, подвергнуть суду провинившагося литератора,—его судятъ не присяжные, а коронные судьи. Стало быть, о гарантіяхъ для личности и собственности писателя нечего и толковать. Съ мыслителемъ, старающимся добраться до истины, обращаются во Франціи, по выраженію Прудона, какъ съ уличнымъ буяномъ, нарушающимъ общественный порядокъ. Его судятъ въ полицейскомъ судѣ, безъ присяжныхъ, безъ обнародованія процесса. Подвергаясь осужденію, онъ увлекаетъ за собою въ бѣду несчастнаго издателя и совершенно невиннаго типографщика. Терпя гоненіе за чужую мысль, издатель и типографщикъ по неволѣ начинаютъ присматривать за писателемъ и останавливать тѣ проявленія его идеи, которыя кажутся имъ черезъ-чуръ сильными для нашего изнѣженнаго вѣка. Знаменитый поэтъ, талантливый ученый, смѣлый публицистъ попадаютъ въ зависимость, подъ руководство двухъ трусливыхъ лавочниковъ, неимѣющихъ понятія о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ книгѣ. Читающая публика беретъ въ руки произведеніе Эрнеста Ренана, Жана Мишле, П. Ж. Прудона и не знаетъ, что эти извѣстные уче ные имѣли каждый по два непрошеныхъ и очень мало извѣстныхъ сотрудника. Это мѣсто надо смягчить, говорилъ какой нибудь книгопродавецъ Гарнье или Дидье; это мысль слишкомъ смѣлая, замѣчалъ типографщикъ, котораго фамилію вѣроятно и не слыхала публика. Писатель пожимаетъ плечами, споритъ, злится, и все-таки уступаетъ; Ренанъ, Мишле, Прудонъ повинуются простому типографщику, и повинуются не въ выборѣ шрифта, а въ изложеніи своихъ любимыхъ идей, своихъ задушевныхъ убѣжденій.

Да, намъ не въ чемъ позавидовать французскимъ писателямъ. Заимствовать намъ что нибудь изъ теперешнихъ французскихъ законовъ о печати значило бы убить въ самомъ зародышѣ нашу формирующуюся мысль, нашу пробуждающуюся энергію, наши молодыя силы, которыя мы съ радостью собираемся истратить для общаго блага нашихъ соотечественниковъ.

И. РАГОДИНЪ.

Ровоамъ.

Прахъ владыки въ Сіонѣ царившаго,
Окадивъ, облекли въ плащаницу —
И стенанья исполнился храмъ.
И рыдая, отца опочившаго
Въ благолѣпную предковъ гробницу
Положилъ сынъ и царь Ровоамъ.

А на утро, въ народномъ собраніи,
Растворилась въ Сихемѣ палата,
Чуть зардѣлася въ небѣ заря —
Ибо вызвалъ народъ изъ изгнанія
Осужденнаго сына Навата (*)
И предсталъ съ нимъ на судъ предъ царя.

«Нестерпимо намъ иго жестокое
И насилье царя Соломона!»
Ровоаму народъ возглашалъ:
«О, яви ты намъ царство высокое,
Дай намъ правду благого закона —
И ликуй средь народныхъ похвалъ»!

(*) Сыномъ Навата библія называетъ Іеровоама. См Паралипоменонъ кн. II, гл. 9, 10.

И въ чертоги отъ взоровъ укрытые
Тайно звалъ онъ старшинъ отъ народа,—
И покорно властителю вновь,
Тамъ повѣдали старцы маститые:
«Царь! народу—законъ и свобода.
А тебѣ—и хвала, и любовь»!

Но отвергнулъ онъ думы разумныя
И призвалъ на совѣтъ и трапезу
Всѣхъ любимцевъ своихъ молодыхъ;—
И вопили состольники шумные:
«Обреки ихъ бичу и желѣзу
И казни, чтобъ ихъ ропотъ затихъ!

«И собранью вѣщай своевольному:
«Царь даруетъ вамъ правду въ законахъ.
Правду свыше—отъ узъ и бича:
Не звучать при ней слову крамольному!
Царскій бичъ о семи скорпіонахъ
Бьетъ ослушниковъ на смерть, съ плеча»!

Царь вѣщалъ...
Но подъ серпъ нечестиваго
Хоть склонился народъ какъ солома,
Только серпъ пополамъ пересѣкъ.
Царь! ты трупъ безъ народа счастливаго!
Знай: съ тѣхъ поръ отъ Давидова дома
Отложился Израиль на-вѣкъ.

ВСЕВ. КРЕСТОВСКІЙ.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ФИЛИППА

ВЪ ЕГО СТРАНСТВОВАНІЯХЪ ПО СВѢТУ.

РОМАНЪ ТЭККЕРЕЯ.

ГЛАВА XIX.

Qu'on est bien à vingt ans.

Времена, о которыхъ мы пишемъ, тѣ времена, когда Луи Филиппъ былъ королемъ, такъ были не похожи на нынѣшнія, что когда Филиппъ Фэрминъ отправился въ Парижъ, тамъ рѣшительно было дешево жить и Филиппъ жилъ очень хорошо по своимъ небольшимъ средствамъ. Филиппъ клянется, что это время было самымъ счастливѣйшимъ въ его жизни. Онъ разсказывалъ впослѣдствіи о своихъ избранныхъ знакомствахъ. Онъ познакомился съ удивительными медицинскими студентами, съ художниками, которымъ недоставало только таланта и трудолюбія, чтобъ стать во главѣ своей профессіи, съ двумя, тремя магнатами его собственной профессіи, газетными корреспондентами, домъ и столъ которыхъ были открыты для него. Удивительно, какія политическія тайны узнавалъ онъ и передавалъ въ своей газетѣ. Онъ преслѣдовалъ политиковъ того времени съ изумительнымъ краснорѣчіемъ и пыломъ. Стараго короля осыпалъ онъ безподобными остротами и сарказмами.

Онъ разсуждалъ о дѣлахъ Европы, рѣшалъ судьбу Франціи, напа-

далъ на испанскія бракосочетанія, распоряжался папою съ неутомимымъ краснорѣчіемъ.

— Полынная водка была моимъ напиткомъ, сэръ, разсказывалъ онъ своимъ друзьямъ. Она сообщаетъ чудное краснорѣчіе слогу. Господи, какъ я отдѣлывалъ этого бѣднаго французскаго короля подъ вліяніемъ полынной водки, въ кофейной напротивъ биржи, гдѣ я обыкновенно сочинялъ мое письмо! Кто знаетъ, сэръ, можетъ быть вліяніе этихъ писемъ ускорило паденіе бурбонской династіи! Мы съ Гилліганомъ, корреспондентомъ *Вѣка*, писали наши письма въ этой кофейной и дружелюбно вели журнальную полемику.

Гилліганъ, корреспондентъ *Вѣка*, и Фэрминъ, корреспондентъ *Пэлль-Мэлльской Газеты* были однако весьма маловажными особами среди корреспондентовъ лондонскихъ газетъ. Старшины ихъ въ современной прессѣ занимали прекрасныя квартиры, давали великолѣпные обѣды, бывали принимаемы въ кабинетахъ министровъ и обѣдали у членовъ палаты депутатовъ. На Филиппа совершенно довольнаго самимъ собою и свѣтомъ, на Филиппа друга и родственника лорда Рингуда, смотрѣли его старшины и начальники милостивымъ окомъ, которое обращалось не на всѣхъ джентльмэновъ его профессіи. Бѣднаго Гиллигана никогда не приглашали на обѣды, которые давали эти газетные посланники, между тѣмъ какъ Филиппъ принимался гостепріимно.

— У этого Фэрмина такой видъ, съ которымъ онъ пройдетъ вездѣ! признавался товарищъ Филя. Онъ какъ будто покровительствуетъ посланнику, когда подходитъ говорить съ нимъ.

Я не думаю, чтобы Филиппъ удивился, еслибы министръ подошелъ говорить съ нимъ. Для него всѣ люди были равны—и знатные, и ничтожные, и разсказываютъ, что когда лордъ Рингудъ сдѣлалъ ему визитъ въ его квартиру, Филиппъ любезно предложилъ его сіятельству жаренаго картофеля, которымъ съ весьма обильнымъ количествомъ табаку, разумѣется, Филиппъ угощалъ себя и двухъ, трехъ друзей, когда лордъ Рингудъ заѣхалъ къ своему родственнику.

Неужели Филиппъ не могъ отыскать для себя ничего лучше занятія въ еженедѣльной газетѣ? Нѣкоторые друзья его досадовали на то, что Филиппъ считалъ счастьемъ для себя.

Газетный корреспондентъ всю жизнь остается газетнымъ корреспондентомъ, а Филиппъ имѣлъ друзей въ свѣтѣ, которые, еслибы онъ захотѣлъ, могли помочь проложить ему дорогу. Такъ мы убѣждали его, какъ будто какія бы то ни было убѣжденія могли тронуть этого упрямца, который привыкъ потворствовать самому себѣ!

«Меня нисколько не удивляетъ—писалъ Филиппъ къ своему біографу—что вы думаете о деньгахъ. Вы имѣли то проклятое несчастье,

которое разрушаетъ все великодушіе, пораждаетъ эгоизмъ — небольшое состояніе. Вы получаете по третямъ нѣсколько сотъ фунтовъ и это жалкое содержаніе портитъ всю вашу жизнь. Оно мѣшаетъ свободѣ мысли и поступковъ. Это дѣлаетъ скрягой человѣка, который не лишенъ великодушныхъ побужденій, какъ мнѣ извѣстно, мой бѣдный, старый Гарпагонъ: потому что не предлагали ли вы мнѣ своего кошелька. Говорю вамъ, меня тошнитъ при мысли о томъ, какъ люди въ Лондонѣ, особенно добрые люди, думаютъ о деньгахъ. Вы проживаете ровно столько, сколько позволяетъ вашъ доходъ. Вы жалко бѣдны. Вы хвастаетесь и льстите себя мыслью, что вы никому не должны; но у васъ есть кредиторы своего рода такіе же ненасытные, какъ любые ростовщики. Вы называете меня безпечнымъ, мотомъ, лѣнтяемъ, потому что я живу въ одной комнатѣ, работаю такъ мало, какъ только могу, и хожу въ дырявыхъ сапогахъ: а вы льстите себя мыслью, что вы осторожны, потому что занимаете цѣлый домъ, имѣете ливрейнаго лакея, и даете съ полдюжины обѣдовъ въ годъ! Несчастный человѣкъ! Вы невольникъ, а не человѣкъ. Вы нищій, хотя живете въ хорошемъ домѣ и носите хорошее платье. Вы такъ жалко благоразумны, что тратите для себя всѣ ваши деньги. Вы боитесь нанимать извощика. Куча безполезныхъ слугъ—ваши безжалостные кредиторы, которымъ вы каждый день должны платить страшные проценты... Меня, съ дыярвыми локтями, обѣдающаго за одинъ шиллингъ, называютъ сумасброднымъ, лѣнивымъ, беззаботнымъ, я ужъ не знаю чѣмъ; между тѣмъ какъ вы считаете себя благоразумнымъ. Какая жалкая, обманчивая мечта! Вы бросаете кучу денегъ на безполезные предметы, на безполезныхъ горничныхъ, на безполезную квартиру, на безполезное щегольство и говорите: «бѣдный Филь! Какой онъ лѣнтяй! какъ онъ безполезно тратитъ время! Какимъ жалкимъ, безславнымъ образомъ онъ живетъ»! Бѣдный Филь также богатъ, какъ и вы, потому что ему достаточно его средствъ и онъ доволенъ. Бѣдный Филь можетъ лѣниться, а вы не можете. Вы должны трудиться, чтобы содержать этого долговязаго лакея, эту поджарую кухарку, эту кучу болтливыхъ нянекъ и мало ли еще чего. И если вы желаете покоряться рабству и униженію, которыя неразлучны съ вашимъ положеніемъ, — пересчитывать огарки, что вы называете порядкомъ — я сожалѣю о васъ и не ссорюсь съ вами. Но я желалъ бы, чтобы вы не были такъ нетерпимо добродѣтельны, не такъ спѣшили порицать меня и сожалѣть обо *мнѣ*. Если я счастливъ, къ чему же вамъ безпокоиться? А если я предпочитаю независимость и дырявые сапоги, не лучше ли это чѣмъ поддаваться гнету вашихъ отвратительныхъ условныхъ приличій и быть лишену свободы дѣйствія? Я

жалѣю о васъ отъ всего моего сердца, и мнѣ прискорбно думать, что эти прекрасныя, честныя дѣти—чистосердечныя и откровенныя пока—должны лишиться своихъ природныхъ добрыхъ качествъ по милости ихъ тщеславныхъ отцевъ. Не говорите мнѣ о свѣтѣ—я знаю его. Взгляните-ка на моихъ жалкихъ родственниковъ. Взгляните на моего отца. Я получилъ отъ него письмо, заключающее тѣ ужасные совѣты, которые подаютъ фарисеи. Еслибы не для Лоры и дѣтей, сэръ, я искренно желалъ бы, чтобы вы разорились, какъ любящій васъ *Ф. Ф.*

PS. О! Пенъ, я такъ счастливъ! Она такая милочка! Я омываюсь ея невинностью, сэръ! Я укрѣпляюсь ея чистотою. Я преклоняю колѣна передъ ея кроткой добротою. Я выхожу изъ моей комнаты и вижу ее каждое утро до семи часовъ. Она любитъ васъ и Лору. И вы любите ее. И когда я подумаю, что полгода тому назадъ, я чуть было не женился на женщинѣ безъ сердца... Ну, сэръ, слава Богу, что мой бѣдный отецъ истратилъ мои деньги и избавилъ меня отъ этой ужасной участи! Лордъ Рингудъ говоритъ, что я счастливо отдѣлался. Онъ называетъ людей англо-саксонскими именами и употребляетъ очень сильныя выраженія; и о тетушкѣ Туисденъ, о дядѣ Туисденѣ, о дочеряхъ ихъ и о сынѣ онъ говоритъ такъ, что я вижу, какъ вѣрно осудилъ онъ ихъ.

PS. № 2. Ахъ, Пенъ, какая она милочка! Мнѣ кажется я самый счастливый человѣкъ на свѣтѣ»!

Вотъ что вышло изъ разоренія! Шалунъ, который, когда у него въ карманѣ было много денегъ, былъ запальчивъ, повелителенъ, недоволенъ, теперь, когда у него нѣтъ и двухъ пенсовъ за душою, объявляетъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ! Помнишь, моя милая, какъ онъ ворчалъ на наше бордосское и какія дѣлалъ гримасы, когда за обѣдомъ у насъ было только холодное мясо? Шалунъ теперь совершенно доволенъ хлѣбомъ и сыромъ и сладенькимъ пивомъ—даже такимъ дурнымъ, какое продаютъ въ Парижѣ!

Въ это время я увидался съ другомъ Филиппа, Сестрицею. Онъ писалъ къ ней время отъ времени. Онъ ей сообщалъ о своей любви къ миссъ Шарлоттѣ, и мы съ женою утѣшили Каролину, увѣреніемъ, что на этотъ разъ сердце молодаго человѣка было отдано достойной владычицѣ. Я говорю *утѣшили,* потому что это извѣстіе было печально для нея. Въ маленькой комнаткѣ, которую она всегда держала на-готовѣ для него, онъ будетъ проводить безсонныя ночи и думать о той, кто для него дороже сотни бѣдныхъ Каролинъ. Она хотѣла придумать что нибудь пріятное для молодой дѣвушки. На Рождество миссъ Бэйнисъ получила чудно вышитый батистовый носовой платокъ, на

углу красовалось «Шарлотта». Это была лепта любви и нѣжности бѣдной вдовы.

Вы, разумѣется, понимаете, почему Филиппъ былъ счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ. Французы встаютъ рано. Въ той маленькой гостинницѣ, гдѣ жилъ Филиппъ, весь домъ вставалъ въ такіе часы, когда лѣнивые англійскіе господа и слуги и не думали еще подниматься. Ранехонько Филю подавалась чашка кофе съ молокомъ и хлѣбомъ, а потомъ онъ отправлялся въ Елисейскія поля, дымъ его сигары предшествовалъ ему пріятнымъ запахомъ. Въ тѣнистыхъ рощахъ, гдѣ фонтанъ брызжетъ брильянтами къ небу, Филиппъ встрѣчался съ одною особою, съ которою иногда шли маленькій братъ или сестра. Румянецъ вспыхивалъ на ея щекахъ, и лицо сіяло нѣжною улыбкой, когда она подходила здороваться съ нимъ, потому что едва ли ангелы были чище этой молодой дѣвушки. Она и не помышляла объ опасности. Работники шли къ своимъ работамъ, дэнди спали; и, принимая въ соображеніе ихъ лѣта и взаимныя ихъ отношенія, я не удивляюсь, что Филиппъ называлъ это счастливѣйшимъ временемъ въ своей жизни. Впослѣдствіи, когда обоимъ пожилымъ джентльмэнамъ случилось вмѣстѣ быть въ Парижѣ, мистеръ Филиппъ Фэрминъ настойчиво потащилъ меня на сантиментальную прогулку въ Елисейскія поля, и, смотря на старый домъ, на довольно ветхій старый домъ въ саду, сказалъ со вздохомъ:

— Вотъ это мѣсто! Тутъ жила баронесса Смоленская. Вотъ это окно, третье, съ зеленой жалузи. Ахъ, сэръ, какъ я былъ счастливъ и несчастливъ за этой зеленой сторой!

И мой другъ погрозилъ кулакомъ на ветхій домъ, откуда давно исчезли баронесса Смоленская и ея жильцы.

Я боюсь, что баронесса затѣяла свое предпріятіе съ недостаточнымъ капиталомъ или вела его съ такою щедростью, что ея барыши поглощались ея жильцами. Я могу разсказать ужасныя исторіи, оскорбляющія нравственный характеръ баронессы. Говорили, будто она не имѣла права на званіе баронессы и на иностранную фамилію Смоленской. Еще живы люди, знавшіе ее подъ другимъ именемъ. Баронесса была что̀ называется красивою женщиною, особенно за обѣдомъ, гдѣ она являлась въ черномъ атласномъ платьѣ и съ разрумяненными щеками. Въ утреннемъ же пеньоарѣ она вовсе не была красива. Контуры круглые вечеромъ, по утрамъ бывали угловаты и худощавы. Розы процвѣтали только за полчаса до обѣда на щекахъ совершенно жолтыхъ до пяти часовъ. Я нахожу, что со стороны пожилыхъ особъ, имѣющихъ дурной цвѣтъ лица, скрывать опустошенія времени и представлять глазамъ нашимъ румяное и пріятное лицо — знакъ большой

доброты. Станете ли вы ссориться съ своимъ сосѣдомъ, что онъ выкраситъ передній фасадъ своего дома или поставитъ розы на балконъ? Вы скорѣе будете признательны ему за это украшеніе. Передній фасадъ мадамъ Смоленской украшался такимъ же образомъ къ обѣду.

Филиппъ говорилъ, что онъ уважалъ эту женщину и удивлялся ей,—она дѣйствительно была достойна уваженія въ своемъ родѣ. Она расписывала свое лицо и улыбалась, между тѣмъ какъ заботы грызли ей сердце. Она должна была ласкать молочницу, смягчать продавца масла, уговаривать виноторговца, выдумывать новые предлоги для хозяина дома, мирить своихъ жилицъ, генеральшу Бэйнисъ съ мистриссъ Больдеро, которыя вѣчно ссорились, заботиться, чтобы обѣдъ былъ приготовленъ хорошо, чтобы Франсоа, которому она уже нѣсколько мѣсяцевъ не отдавала жалованья, не напился или не нагрубилъ, чтобы Огюстъ, также ея кредиторъ, вымылъ чисто стаканы и приготовилъ лампы, а послѣ всѣхъ этихъ трудовъ, въ шесть часовъ разрѣзывать кушанье и быть любезной за столомъ, не слыхать ворчанья недовольныхъ (за какимъ табльд'отъ не бываетъ ворчуновъ?), разговаривать со всѣми, улыбаться мистриссъ Бёнчъ, сдѣлать замѣчаніе полковнику, сказать вѣжливую фразу генеральшѣ и даже похвалить надутаго Огюста, который какъ разъ передъ обѣдомъ взбунтовался на счетъ своего жалованья.

Развѣ это не довольно трудовъ для женщины? Вести хозяйство безъ достаточныхъ средствъ? Смѣяться и шутить безъ малѣйшей веселости? Принимать насмѣшки, брань, выговоры, дерзость съ веселымъ добродушіемъ и ложиться въ постель усталою и думать о цифрахъ?

— Мой бѣдный отецъ долженъ былъ скрывать настоящее положеніе своихъ дѣлъ, говаривалъ Филь, разсказывая впослѣдствіи эти вещи, но какъ? Вы знаете, у него всегда былъ такой видъ, какъ будто его хотятъ повѣсить.

А баронесса Смоленская была превеселая всегда.

— Позвольте узнать, кто такой былъ мосьё Смоленскій? спросила одна простодушная дама, слушавшая разсказъ нашего друга.

— Ахъ, порядочная была суматоха въ домѣ, когда былъ предложенъ *этотъ* вопросъ, сказалъ другъ нашъ, смѣясь.

Да и какое дѣло вамъ и мнѣ, до этой исторіи,—кто такой былъ Смоленскій?

Когда Бэйнисы поселились въ ея домѣ, Смоленская и все вокругъ ея улыбалось. У ней жило много индійцевъ; она ихъ обожала. N'était-ce la polygamie — индійцы были самые почтенные люди. Въ особенности она обожала индійскія шали. Шаль генеральши была восхитительна. Общество, жившее у баронессы, было препріятное. Мист-

риссъ Больдеро была женщина свѣтская, жившая въ лучшемъ кругу,— это было видно сейчасъ. Дуэты ея дочерей были поразительны. Мистеръ Больдеро охотился въ Шотландіи у своего брата, лорда Стронгитарма. Мистриссъ Бэйнисъ не знала Лэди Эстриджъ, посланницу? Когда Эстриджи воротятся изъ Шантильи, мистриссъ Больдеро съ радостью представитъ ее.

— Вашу хорошенькую дочь зовутъ Шарлоттой? Дочь лэди Эстриджъ также зовутъ—она почти такого же роста. Хорошенькія дочери у Эстриджей; прекрасныя длинныя шеи, ноги большія, но у вашей дочери, лэди Бэйнисъ, прехорошенькая нога. Я сказала лэди Бэйнисъ? Ну, вы скоро будете лэди Бэйнисъ. Генералъ долженъ быть кавалеромъ ордена Подвязки послѣ своихъ услугъ. Какъ, вы знаете лорда Трито? Онъ долженъ сдѣлать это для васъ. А то братъ мой Стронгигэрмъ сдѣлаетъ.

Я не сомнѣваюсь, что мистриссъ Бэйнисъ была въ восхищеніи отъ внимательности сестры Стронгитэрма. Дочери мистриссъ Больдеро, Минна и Бренда, играли сонаты на фортепьяно, которое было порядочно разбито ихъ упражненіями, потому что руки у молодыхъ дѣвушекъ были очень сильныя. Баронесса говорила имъ «благодарю» съ самою милою улыбкой, а Огюстъ подавалъ на серебряномъ подносѣ—я говорю серебряномъ, чтобы не оскорбить приличія—бѣлый напитокъ, который заставилъ мальчиковъ Бэйнисъ вскричать:

— Что это за противное питье, мама?

А баронесса съ нѣжною улыбкой обратилась къ обществу и сказала:

— Эти милыя дѣти любятъ оржадъ! и продолжала играть въ пикетъ съ старымъ Бидоа—этимъ страннымъ старикомъ въ длинномъ коричневомъ сюртукѣ съ красной лентой, который такъ много нюхалъ табаку и сморкался такъ часто и такъ громко.

Минна и Бренда играли сонаты. Мистеръ Клэнси, изъ Дублина, перевертывалъ ноты, а потомъ дамы уговорили его пропѣть ирландскія мелодіи. Я не думаю, чтобы миссъ Шарлотта Бэйнисъ внимательно слушала эту музыку. Она слушала другую музыку, которой она занималась вмѣстѣ съ мистеромъ Фэрминомъ. О, какъ пріятна была эта музыка! Она была довольно однообразна, но все-таки было пріятно слышать эту арію.

Пожавъ сперва маленькую ручку, а потомъ руку папа и мама, Филиппъ отправляется по темнымъ Елисейскимъ полямъ на свою квартиру въ Сенъ-Жерменское предмѣстье.—Позвольте... какой это свѣтящійся червячокъ сіяетъ у стѣны напротивъ дома баронессы? свѣтящійся червячокъ,

издающій ароматическій запахъ. Мнѣ кажется, это сигара мистера Филиппа. Онъ смотритъ, смотритъ на окно, мимо котораго время отъ времени мелькаетъ стройная фигура. Темнота падаетъ на маленькое окно. Нѣжные глаза закрылись. Звѣзды сіяютъ на небѣ, и мистеръ Фэрминъ отправляется домой, разговаривая самъ съ собою и махая большой палкой.

Желалъ бы я, чтобы бѣдная баронесса могла спать также хорошо какъ и ея жильцы. Но забота съ холодною ногою пробирается подъ одѣяло и говоритъ:

— Вотъ и я! Вы знаете, что завтра счету срокъ.

Ахъ, atra cura (черная забота) неужели ты не можешь оставить бѣдняжку въ покоѣ? Развѣ у ней мало было трудовъ цѣлый день.

ГЛАВА XX.

Потокъ истинной любви.

Мы просимъ любезнаго читателя вспомнить, что мистеръ Филиппъ былъ занятъ въ Парижѣ только корреспонденціей въ еженедѣльную газету, и что, слѣдовательно, у него было очень много свободнаго времени. Онъ могъ пересматривать положеніе Европы, описывать послѣднія новости изъ салоновъ, сообщаемыя ему, я полагаю, какими нибудь писаками-товарищами, присутствовать во всѣхъ театрахъ посредствомъ депутатовъ и громить Луи-Филиппа или Гизо и Тьера въ весьма краснорѣчивыхъ параграфахъ, которые стоили небольшихъ трудовъ этому смѣлому и быстрому перу. Полезною, но унизительною мыслью должно было быть для великихъ и ученыхъ публицистовъ, что ихъ краснорѣчивыя проповѣди годятся только для настоящаго дня и что прочтя, что философы говорятъ во вторникъ или въ среду, мы уже болѣе не думаемъ о ихъ вчерашнихъ проповѣдяхъ.

— Однако были мои письма—говорилъ впослѣдствіи мистеръ Филиппъ—которыя, какъ мнѣ казалось, свѣтъ неохотно бы забылъ. Я хотѣлъ перепечатать ихъ въ одномъ томѣ, но не нашелъ ни одного издателя, который рѣшился бы на этотъ рискъ. Одно любящее существо, воображающее, будто во всемъ, что я говорю или пишу, есть геніальность, уговаривала меня перепечатать письма, которыя я писалъ въ *Пэлль-Мэлльскую Газету;* но я былъ слишкомъ робокъ,

или она, можетъ быть, слишкомъ снисходительна. Эти письма никогда не были перепечатаны. Пусть они забудутся.

И они были забыты. Онъ вздыхаетъ, упоминая объ этомъ обстоятельствѣ; и, мнѣ кажется, старается убѣдить себя, скорѣе чѣмъ другихъ, что онъ непризнанный геній.

— Притомъ, знаете,—убѣждалъ онъ—я былъ влюбленъ, сэръ, и проводилъ всѣ мои дни у ногъ Омфалы. Я не отдавалъ справедливости моимъ способностямъ. Если бы я писалъ для ежедневной газеты, я думаю, что изъ меня вышелъ бы хорошій публицистъ; во мнѣ были всѣ задатки, сэръ, всѣ задатки!

А дѣло въ томъ, что если бы онъ писалъ въ ежедневную газету и имѣлъ въ десять разъ болѣе работы, то мистеръ Филиппъ все-таки нашелъ бы возможность слѣдовать своей наклонности, какъ онъ дѣлалъ это всю жизнь. Кого молодой человѣкъ желаетъ видѣть, того онъ видитъ.

Филиппъ сдѣлалъ много жертвъ, замѣтьте—много жертвъ, на которыя не всѣ мужчины имѣютъ способность. Когда лордъ Рингудъ былъ въ Парижѣ, онъ три раза отказался обѣдать съ его сіятельствомъ, пока наконецъ этотъ вельможа не догадался въ чемъ дѣло—и сказалъ:

— Ну, юноша, я полагаю, вы бываете тамъ, гдѣ привлекательнѣе для васъ. Когда вы доживете лѣтъ до восьмидесяти, мой милый, вы узнаете всю суету подобныхъ вещей, и найдете, что хорошій обѣдъ и лучше, и дешевле лучшей изъ нихъ.

Когда богатые университетскіе друзья встрѣчались съ Филиппомъ въ его изгнаніи и приглашали его въ Rocher или къ Trois Frères, онъ уклонялся отъ этихъ банкетовъ; а отъ двухсмысленныхъ собесѣдницъ, которыхъ молодые люди иногда приглашаютъ на эти пиршества, Филиппъ отвертывался съ презрѣніемъ и гнѣвомъ. Онъ былъ добродѣтеленъ и громко хвастался своею добродѣтелью. Онъ надѣялся, что Шарлотта оцѣнитъ это и разсказывалъ ей о своемъ самоотверженіи. А она вѣрила всему что онъ говорилъ, восхищалась всѣмъ что онъ писалъ, списывала его статьи изъ *Пэллъ-Мэлльской Газеты*, хранила его поэмы въ своихъ завѣтныхъ ящикахъ.

По моимъ прежнимъ замѣчаніямъ о мистриссъ Бэйнисъ, читателю уже извѣстно, что жена генерала имѣла также свои недостатки какъ и всѣ ея ближніе, и уже откровенно сообщивъ публикѣ, что писатель и его семейство не пользовались расположеніемъ этой дамы, я теперь буду имѣть пріятную обязанность сообщить мое личное мнѣніе о *ней*. Генеральша Бэйнисъ вставала рано. Она была женщина воздержная, любила своихъ дѣтей или, лучше, заботилась,

чтобы имъ было хорошо,—и тутъ кажется каталогъ ея хорошихъ качествъ и кончается. У ней былъ дурной, запальчивый характеръ, наружность непріятная; одѣвалась она съ самымъ дурнымъ вкусомъ; голосъ имѣла пронзительный, и обращеніе двухъ родовъ: почтительное и покровительственное и оба одинаково противныя. Когда она приказала Бэйнису жениться на ней, великій Боже! зачѣмъ онъ не бѣжалъ? Кто осмѣлился первый сказать, что браки устраиваются на небесахъ? Мы знаемъ, что въ нихъ бываютъ не только ошибки, но и обманъ. Развѣ не каждый день случаются ошибки?

Я не думаю, чтобы бѣдный генералъ Бэйнисъ сознавалъ свое положеніе, или зналъ какое право имѣлъ онъ считать себя несчастнымъ. Онъ бывалъ веселъ иногда; человѣкъ молчаливый, онъ любилъ поиграть въ вистъ, любилъ выпить рюмку вина; это былъ человѣкъ очень слабый въ обыденной жизни, въ чемъ должны были сознаться лучшіе его друзья, но я слышалъ, что въ сраженіи это былъ настоящій тигръ.

— Я знаю ваше мнѣніе о генералѣ—говаривалъ мнѣ Филь—вы презираете мужчинъ, которые не обижаютъ своихъ женъ; да, вы презираете, сэръ! Вы считаете генерала слабымъ, знаю, знаю. И другіе храбрые мужчины бываютъ слабы съ женщинами, навѣрно вы объ этомъ слышали. Этотъ человѣкъ, столь слабый дома, былъ храбръ на войнѣ; и въ его вигвамѣ висятъ волосы безчисленныхъ враговъ.

Журнальныя дѣла приводили иногда Филиппа въ Лондонъ, и, кажется, во время одного изъ его пріѣздовъ имѣли мы этотъ разговоръ о генералѣ Бэйнисѣ. И въ то же время Филиппъ описывалъ намъ домъ, въ которомъ жили Бэйнисы, жильцовъ, хозяйку и все, что тамъ происходило.

Этой боровшейся съ обстоятельствами хозяйкѣ, также какъ и всѣмъ страдающимъ женщинамъ, другъ нашъ очень сочувствовалъ и очень ихъ любилъ, а она платила за доброту Филиппа ласковостью къ мадмоазелль Шарлоттѣ и снисходительностью къ женѣ генерала и другимъ его дѣтямъ. Апетитъ этихъ малютокъ былъ ужасенъ, а характеръ генеральши почти нестерпимъ, но Шарлотта была ангелъ, а генералъ—баранъ—настоящій баранъ. Ея родной отецъ былъ такой же. Храбрые часто бываютъ баранами дома. Я подозрѣваю, что хотя баронесса могла имѣть мало прибыли отъ семейства генерала, всетаки его мѣсячная плата очень помогала ея скудному доходу.

— Ахъ, если бы всѣ мои жильцы походили на него! говорила со вздохомъ бѣдная баронесса.

Я никогда не пускалъ къ себѣ жильцовъ, но я увѣренъ, что съ этой профессіей связаны многія тягостныя обязанности. Что можете

вы сдѣлать, если какая нибудь лэди или какой нибудь джентльмэнъ не платятъ вамъ? Выгнать ее или его? Можетъ быть эта лэди или этотъ джентльмэнъ именно этого и желаютъ. А въ чемоданахъ, удержанныхъ вами съ такимъ шумомъ и скандаломъ, не найдется и на сто франковъ имущества. Вы не любите поднимать шумъ въ вашемъ домѣ. Вы спрашиваете, что̀ я хочу этимъ сказать? Мнѣ жаль называть по именамъ, мнѣ жаль разглашать, что мистриссъ Больдеро не платила своей хозяйкѣ. Она все ждала денегъ, которыхъ Больдеро все не присылалъ. Ужасный человѣкъ! Онъ охотился за оленями въ замкѣ Габерлунци у его сіятельства. А въ одинъ печальный день узнали, что Больдеро забавлялся въ Гомбургѣ опасными увеселеніями на зеленомъ сукнѣ.

— Слыхали вы когда о подобномъ развращеніи? Эта женщина самая отчаянная авантюристка! Я удивляюсь какъ баронесса осмѣливается сажать меня, дѣтей моихъ и моего генерала за одинъ столъ съ подобными людьми, Филиппъ! кричитъ генеральша. Я говорю объ этой женщинѣ, съ двумя дочерьми, которыя сидятъ напротивъ; онѣ не заплатили хозяйкѣ ни одного шиллинга въ три мѣсяца. Эта женщина должна мнѣ пятьсотъ франковъ; она заняла ихъ до четверга, ожидая будто бы денегъ отъ лорда Стронгитэрма; она увѣряла будто коротка съ посланникомъ, хотѣла представить меня и ему, и въ Тюильри, а мнѣ сказала, будто у лэди Гартертонъ оспа въ домѣ, а когда я сказала, что у насъ у всѣхъ оспа была привита и что я не боюсь, она придумала какой-то новый предлогъ. Я такъ думаю, что эта женщина—обманщица. Она услышитъ! А мнѣ все равно, пусть ее слышитъ! Какая жесткая говядина! и каждый день все говядина и говядина, такъ что надоѣстъ!

По этому образчику разговора мы видимъ, что дружба, возродившаяся между обѣими дамами, кончилась, вслѣдствіе непріятныхъ денежныхъ споровъ, что отдавать квартиры со столомъ не можетъ быть пріятнымъ занятіемъ, и что даже ожидать за табльд'отомъ не очень весело, когда общество скучное и за столомъ сидятъ двѣ старухи, готовыя швырнуть блюдо въ лицо одна другой. А бѣдная баронесса должна была улыбаться и говорить любезности то тому, то другому. Она знала какова бѣдность и жалѣла даже о мистриссъ Больдеро.

— Tenez, monsieur Philippe, говорила она, la générale слишкомъ жестока. Другіе также могли бы пожаловаться, а молчатъ.

Филиппъ чувствовалъ все это; поведеніе его будущей тещи наполняло его смущеніемъ и ужасомъ.

Нѣсколько времени послѣ этихъ замѣчательныхъ обстоятельствъ, онъ разсказалъ мнѣ, краснѣя, унизительную тайну.

— Знаете ли, что въ эту осень я не только работалъ въ *Пэлль-Мэлльскую Газету*, но и Смитъ, корреспондентъ Daily Intelligence, желавшій отдохнуть мѣсяцъ, передалъ мнѣ свою работу по десяти франковъ въ день, и въ это же самое время я встрѣтилъ Редмана, который былъ долженъ мнѣ двадцать франковъ еще съ тѣхъ поръ, какъ мы были въ университетѣ; онъ только-что воротился изъ Гомбурга и заплатилъ мнѣ. Ну, поклянитесь, что вы не разскажете никому! Я отправился съ этими деньгами къ мистриссъ Больдеро. Я сказалъ, что если она заплатитъ драконшѣ—то есть мистриссъ Бэйнисъ—я дамъ ей взаймы. И я далъ ей, а она не заплатила! Не говорите, обѣщайте, что вы не скажете мистриссъ Бэйнисъ. Я никакъ не ожидалъ получить долгъ отъ Редмана, и не сталъ бѣднѣе.

Но какъ могла такая проницательная женщина, какъ генеральша Бэйнисъ, безпрестанно стѣсняться званіемъ и титулами? У баронессы часто обѣдалъ какой-то нѣмецкій баронъ съ большимъ перстнемъ на грязномъ пальцѣ, и на этого барона генеральша смотрѣла милостивымъ окомъ, а онъ вздумалъ влюбиться въ ея хорошенькую дочь. Молодой мистеръ Клэнси, ирландскій поэтъ, также плѣнился прелестями этой прекрасной молодой дѣвицы, и неустрашимая мать подавала надежды обоимъ поклонникамъ, къ невыразимому безпокойству Филиппа Фэрмина, который часто чувствовалъ, что, пока онъ сидитъ за своей работой, эти обитатели дома баронессы Смоленской находятся возлѣ его очаровательницы, рядомъ съ нею за завтракомъ, даже подаютъ ей чашку чаю за утреннимъ чаемъ, смотрятъ на нее, когда она гуляетъ по саду, и я думаю, что мученія ревности составляли часть тѣхъ невыразимыхъ страданій, которыя Филиппъ переносилъ въ этомъ домѣ, гдѣ онъ ухаживалъ за своей возлюбленной.

Маленькая Шарлотта въ письмахъ къ своимъ друзьямъ въ Лондонъ кротко жаловалась на наклонность Филиппа къ ревности.

«Неужели онъ думаетъ, что я, зная его, могу думать объ этихъ противныхъ людяхъ? спрашивала она. Я совсѣмъ не понимаю, что бормочетъ мистеръ Клэнси, и умѣетъ ли кто читать стихи такъ какъ Филиппъ? А нѣмецкій баронъ—который даже не называетъ себя барономъ, это мама непремѣнно хочетъ такъ его называть—такъ грязно одѣвается и такъ пахнетъ сигарами, что я не люблю подходить къ нему. Филиппъ тоже куритъ, но его сигары имѣютъ пріятный запахъ. Ахъ, милый другъ, какъ *можетъ* онъ думать, что такихъ людей можно поставить съ нимъ наравнѣ! Онъ такъ сердится и бранитъ этихъ бѣдныхъ людей, когда приходитъ вечеромъ! Характеръ у него такой горячій! Скажите ему *словечко* осторожно и кротко, знаете—за

нѣжно привязанную и счастливѣйшую — только онъ дѣлаетъ меня несчастной иногда; но вы уговорите его?

«Шарлота Бэйнисъ»

Я могу вообразить какъ Филиппъ разыгрывалъ роль Отелло, и его бѣдную юную Дездемону не мало пугалъ его мрачный нравъ. Тѣ ощущенія, какія Филиппъ чувствовалъ сильно, онъ выражалъ громогласно. Корреспондентка Шарлотты, по обыкновенію, старалась смягчить эти маленькія непріятности.

«Женщинамъ нравится ревность, говорила она. Это немножко скучно, но это всегда комплиментъ. Нѣкоторые мужья такъ хорошо думаютъ о себѣ, что они не удостоиваютъ ревновать».

— Да, и я говорю, женщины предпочитаютъ имѣть мужьями тирановъ. Онѣ думаютъ, что ревность значитъ вниманіе.

— Ужъ не лучше ли тебѣ купить плеть, моя милая, и подарить ее мнѣ съ поклономъ и съ комплиментомъ, и кроткою просьбою прибить ею тебя!

— Подарить тебѣ плеть! Экой простакъ! говоритъ лэди, которая поощряетъ выговоры въ другихъ мужьяхъ, а своему не позволяетъ сказать себѣ слова.

Оба спорившіе сентиментально желали брака этого молодаго человѣка съ этой молодой женщиной. Сердце Шарлотты такъ стремилось къ этому замужству, что мы думали оно непремѣнно разобьется, если обманется въ ожиданіи, и поведеніе ея матери намъ казалось, судя потому, что мы знали о характерѣ этой женщины, подавало серьезную причину къ опасенію. Если бы представилась болѣе выгодная партія, мы боялись, что мистриссъ Бэйнисъ броситъ бѣднаго Филиппа, а онъ естественно помирился бы съ нею и въ этой ссорѣ у него могли вырваться выраженія смертельно оскорбительныя. Первый пылъ признательности къ «спасителю» генерала Бэйниса могъ пройдти, и эта мать могла сказать себѣ: «я не могу допустить мою дочь выйдти за нищаго». Для низкаго поступка можно придумать прекрасную и нравственную причину. Я дрожалъ за любовь бѣднаго Филиппа, за надежды Шарлотты, когда эти предположенія мелькали въ головѣ моей. Оставалась надежда на честь и признательность генерала Бэйниса. *Онъ* не броситъ своего молодаго друга и благодѣтеля. Но генералъ Бэйнисъ былъ храбрый воинъ, но и Джонъ Молборо былъ храбрый воинъ, однако оба боялись своихъ женъ.

Намъ извѣстно, кто уговорилъ генерала Бэйниса переѣхать въ Парижъ. Когда Бэйнисы пріѣхали, Бёнчи встрѣтили ихъ на лѣстницѣ. Оба старика служили большимъ утѣшеніемъ другъ другу; они вмѣстѣ отправлялись къ Галиньяни каждый день, вмѣстѣ читали тамъ газеты.

Но въ достопамятной ссорѣ за пятьсотъ франковъ, мистриссъ Бёнчъ приняла сторону мистриссъ Больдеро.

— Елиза Бэйнисъ слишкомъ къ ней жестока. Можно ли оскорблять ее при ея несчастныхъ дочеряхъ. Эта женщина противная, пошлая, хитрая—я всегда такъ говорила. Но давать ей пощечины при ея дочеряхъ—это стыдно Элизѣ!

— Душа моя, ты лучше скажи это ей самой! замѣтилъ Бёнчъ сухо, но только, пожалуйста, не при мнѣ!

И вотъ въ одинъ день, когда оба старыхъ офицера возвратились съ прогулки, мистриссъ Бёнчъ сообщила полковнику, что она отдѣлала Элизу; а мистриссъ Бэйнисъ съ разгорѣвшимся лицомъ разсказала генералу, что она поссорилась съ мистриссъ Бёнчъ и рѣшила, что это въ послѣдній разъ.

— По крайней мѣрѣ, до насъ это не распространится, Бэйнисъ, мой милый! говоритъ своему другу полковникъ, который былъ сангвиническаго темперамента.

— Не будьте слишкомъ увѣрены въ этомъ, не будьте слишкомъ увѣрены! отвѣчалъ со вздохомъ другой ветеранъ, который былъ болѣе наклоненъ къ унылому расположенію духа, когда послѣ свалки за завтракомъ, въ которой свирѣпо бились амазонки, оба старыхъ воина отправились къ Галиньяни.

Къ роднымъ Шарлотты Филиппъ былъ почтителенъ по долгу, а можетъ быть и по чувству интереса. Особенно до женитьбы, мужчины очень ласковы къ родственникамъ возлюбленнаго предмета. Они говорятъ комплименты мамашѣ, слушаютъ старыя исторіи папаши и хохочутъ: они приносятъ подарки малюткамъ. Филиппъ ласково обходился съ юными Бэйнисами; онъ водилъ мальчиковъ къ Франкони, и поддѣлывался, какъ умѣлъ къ разговору стариковъ. Онъ любилъ генерала, простаго и достойнаго старика, и имѣлъ, какъ мы говорили, сердечное сочувствіе и уваженіе къ баронессѣ Смоленской, восхищался ея мужествомъ и добродушіемъ при ея многочисленныхъ непріятностяхъ. Но, какъ извѣстно, мистеръ Фэрминъ могъ иногда быть очень непріятнымъ. Когда, растянувшись на диванѣ, онъ разговаривалъ съ своею очаровательницей, онъ не хотѣлъ встать съ мѣста, если другія дамы входили въ комнату. Онъ хмурился на нихъ, если онѣ ему не нравились. Онъ имѣлъ привычку вставлять въ глазъ лорнетъ, засовывать руки въ карманы жилета, разговаривать и хохотать очень громко надъ своими собственными шуточками и остротами—а это было непочтительно къ дамамъ и не нравилось имъ.

— Вашъ молодой другъ, что говоритъ такъ громко и носитъ сапоги со скрипомъ, имѣетъ очень mauvais ton, милая мистриссъ Бэй-

ниссъ, замѣчала мистриссъ Больдеро своей новой пріятельницѣ въ первомъ пылу ихъ дружбы. Родственникъ лорда Рингуда? Лордъ Рингудъ очень странный человѣкъ. Сынъ этого ужаснаго доктора Фэрмина, который убѣжалъ обманувши всѣхъ? Бѣдный молодой человѣкъ! Не виноватъ онъ, что у него такой отецъ, какъ вы говорите, и это показываетъ большое великодушіе, большую доброту съ вашей стороны. Генералъ и Филиппъ Рингудъ были товарищами? Но имѣя такого несчастнаго отца, какъ докторъ Фэрминъ, мнѣ кажется мистеръ Фэрминъ долженъ былъ бы быть не такъ prononcé, какъ вы думаете? Но слышать какъ скрипятъ его сапоги, видѣть какъ онъ разваливается на диванѣ и хохочетъ, и говоритъ такъ громко, когда мои душечки поютъ дуэты—признаюсь непріятно, для меня. Я не привыкла къ такому monde и мои душечки также. Вы очень обязаны ему, онъ поступилъ очень благородно, говорите вы? Какъ! Этотъ молодой человѣкъ помолвленъ съ этимъ милымъ, невиннымъ, очаровательнымъ ребенкомъ, вашей дочерью? Моя милая мистриссъ Бэйнисъ, вы пугаете меня! Сынъ такого отца и, извините меня, человѣкъ съ такими манерами и безъ копѣйки за душою, помолвленъ съ миссъ Бэйнисъ! Боже милостивый! Этого не должно быть. Этого не будетъ, моя милая мистриссъ Бэйнисъ. Я написала моему племяннику Гектору, любимому сыну Стронгитэрма и моему любимому племяннику, чтобы онъ пріѣхалъ сюда. Я сообщила ему, что здѣсь есть премилое, юное созданіе, которое онъ долженъ увидать. Какъ мила была бы эта дѣвушка хозяйкой въ Стронгитэрмскомъ замкѣ? И вы хотите отдать ее этому ужасному человѣку съ такимъ громкимъ голосомъ и въ сапогахъ со скрипомъ—о, это невозможно!

Баронесса, безъ сомнѣнія, насказала всего хорошаго о своихъ жильцахъ другимъ своимъ жильцамъ; и сама она и мистриссъ Больдеро думали, что всѣ генералы, возвращавшіеся изъ Индіи, были очень богаты. А мысль, что ея дочь можетъ быть баронессой Стронгитэрмъ, вскружила голову мистриссъ Бэйнисъ. Когда бѣдный Филиппъ пришелъ въ этотъ вечеръ въ своихъ поношеныхъ сапогахъ и потертомъ пальто, мистриссъ Бэйнисъ угрюмо приняла его. Онъ безсознательно болталъ возлѣ своей Шарлотты, нѣжные глазки которой покоились на немъ, а щеки горѣли румянцемъ. Онъ болталъ, онъ громко смѣялся, между тѣмъ какъ Минна и Бренда распѣвали свой дуэтъ.

— Taisez-Vous donc, monsieur Philippe, кричитъ баронесса, прикладывая палецъ къ губамъ.

Мистриссъ Больдеро взглянула на свою милую мистриссъ Бэйнисъ и пожала плечами. Бѣдный Филиппъ! смѣялся ли бы онъ такъ громко

(и такъ грубо, я въ этомъ сознаюсь), если бы онъ зналъ, что̀ происходило въ умѣ этихъ женщинъ? Какъ суха была генеральша съ Филиппомъ, какъ сердита съ Шарлоттой! Бѣдный Филиппъ, зная, что его очаровательница была во власти своей матери, держалъ себя смиренно передъ этимъ дракономъ, и старался лестью умилостивить ее. У ней былъ странный, сухой юморъ; она любили шутки, но Филиппъ въ тотъ вечеръ былъ какъ-то ненаходчивъ. Мистриссъ Бэйнисъ отвѣчала на его шутки:

— О, неужели?

Ей показалось, что кто-то изъ дѣтей ея плачетъ въ дѣтской. Пожалуйста, поди и посмотри, Шарлотта, о чемъ плачетъ этотъ ребенокъ.

И бѣдная Шарлотта уходитъ, имѣя еще весьма смутное предчувствіе о несчастьи. Вѣдь мама часто бывала не въ духѣ, и не всѣ ли они привыкли къ ея брани?

А что̀ касается до полковницы Бѣнчъ, то я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что Филиппъ не только не былъ ея фаворитомъ, но что она терпѣть его не могла. Я уже разсказывалъ вамъ о недостаткахъ нашего друга. Онъ говорилъ громко и рѣзко, онъ бывалъ часто грубъ, часто досаждалъ своимъ смѣхомъ, своимъ неуваженіемъ, своими ухарскими манерами. Съ тѣми кого онъ любилъ, онъ былъ кротокъ какъ женщина и обращался съ ними съ чрезвычайной нѣжностью и съ трогательнымъ уваженіемъ. Но тѣмъ, къ кому онъ былъ равнодушенъ, онъ не давалъ себѣ ни малѣйшаго труда угождать. Если, напримѣръ, они разсказывали длинныя исторіи, онъ уходилъ или перебивалъ ихъ своими собственными замѣчаніями, совершенно о другихъ предметахъ. И такъ полковница Бѣнчъ положительно терпѣть не могла этого молодаго человѣка и, мнѣ кажется, имѣла на это очень хорошія причины. А полковникъ Бѣнчъ говорилъ Бэйнису подмигнувъ:

— Хладнокровный молодецъ этотъ юноша!

А Бэйнисъ говорилъ Бѣнчу:

— Странный мальчикъ. Прекрасный человѣкъ, какъ я имѣю причины знать очень хорошо.

Клэнси ненавидѣлъ Филиппа. Это былъ человѣкъ кроткій, котораго Фэрминъ, однако, успѣлъ оскорбить.

— Этотъ человѣкъ — замѣчалъ бѣдный Клэнси—вѣчно наступалъ мнѣ на мозоли, и это было нестерпимо для меня!

А со всѣмъ Больдеровскимъ кланомъ мистеръ Фэрминъ обращался съ самою забавною дерзостью и какъ будто вовсе не хотѣлъ знать о ихъ существованіи. И такъ вы видите, бѣдняжка въ своей бѣдности

не научился смиренію, не узналъ самыхъ первоначальныхъ правилъ искусства пріобрѣтать друзей. Кажется, его лучшимъ другомъ въ этомъ домѣ была хозяйка, баронесса Смоленская. Мистеръ Филиппъ обращался съ нею какъ съ равною, а этотъ знакъ любезности онъ не имѣлъ привычки оказывать всѣмъ. Со многими знатными и богатыми людьми онъ былъ нетерпимо смѣлъ. Ни званіе, ни богатство не имѣли никакого вліянія на этого человѣка, какъ на обыкновенныхъ смертныхъ. Онъ былъ способенъ ударить Битгена по жилету и противорѣчить герцогу при первой встрѣчѣ. Если общество надоѣло ему за обѣдомъ, онъ просто на просто засыпалъ. У насъ дома—мы всегда находились въ пріятномъ безпокойствѣ, не отъ того чтó онъ сдѣлалъ или сказалъ, а отъ ожиданія, чтó онъ сдѣлаетъ или скажетъ. За столомъ баронессы Смоленской онъ не засыпалъ, предпочитая не спускать глазъ съ хорошенькой Шарлотты.

— Были ли у кого такіе сапфиры, какъ его глаза? думала она.

А ея глаза? Ахъ! если они должны были проливать слезы, я надѣюсь, что добрая судьба скоро ихъ осушитъ.

ГЛАВА XXI

Разсказываетъ о танцахъ, обѣдахъ и смерти.

Старые университетскіе товарищи Филиппа пріѣзжали въ Парижъ время отъ времени, и съ удовольствіемъ брали его къ Борелю или къ Trois Frères, гостепріимно угощая того, кто былъ гостепріименъ къ нимъ въ свое время. Да, слава Богу, на этомъ свѣтѣ есть довольно добрыхъ Самаритянъ, охотно помогающихъ несчастному. Я могъ бы назвать двухъ, трехъ джентльмэтовъ, которые разъѣзжали по городу и смотрѣли на языки другихъ людей и писали странныя латинскія слова на бумажкахъ; они сложились и послали денегъ доктору Фэрмину въ его изгнаніи. Несчастный поступилъ очень дурно, но онъ не имѣлъ ни одной копѣйки и ни одного друга. Кажется и докторъ Гуденофъ, въ числѣ другихъ филантроповъ, засунулъ руку въ карманъ. Искренно ненавидя доктора Фэрмина во время его благоденствія, онъ смягчился къ бѣдному, несчастному изгнаннику: онъ даже готовъ былъ вѣрить, что докторъ Фэрминъ былъ довольно искусенъ въ своей профессіи, а въ практикѣ не совсѣмъ былъ шарлатаномъ.

Старые университетскіе и школьные товарищи Филиппа смѣялись,

услышавъ, что онъ думаетъ жениться теперь, когда онъ разорился. Этотъ планъ согласовался съ извѣстнымъ благоразуміемъ и предусмотрительностью мистера Фэрмина. Но они представили возраженіе противъ этого брака, которое еще прежде поражало насъ. Тесть былъ довольно хорошъ, но теща... Великій Боже! какая теща угрожала будущности Филиппа! Мы никогда не были слишкомъ сострадательны къ мистриссъ Бэйнисъ, а то что Филиппъ разсказывалъ намъ о ней, не могло внушить особеннаго уваженія.

На Рождествѣ мистеръ Фэрминъ пріѣхалъ въ Лондонъ по своимъ дѣламъ. Мы не ревновали, что онъ остановился у своего маленькаго друга въ Торнгофской улицѣ, а Сестрица позволяла ему обѣдать у насъ, только бы ей доставалось удовольствіе пріютить его подъ своимъ кровомъ. Какъ не были мы важны—подъ какою смиренной кровлей не найдетъ тщеславіе пристанища? — Но, зная добродѣтели мистриссъ Брандонъ и ея исторію, мы удостоили бы принять ее въ наше общество, но маленькая лэди сама была горда и держала себя поодаль.

— Родители мои не дали мнѣ такого образованія, какъ ваши вамъ, говорила Каролина моей женѣ. Я знаю очень хорошо, что мое мѣсто не здѣсь, если только вы не занеможете и *тогда* вы увидите, съ какою радостью я приду. Филиппъ можетъ бывать у меня; для меня видѣть его—блаженство. Но невесело мнѣ будетъ въ вашей гостиной, да и вамъ также видѣть меня тамъ. Милыя дѣти съ удивленіемъ слушаютъ, какъ я говорю, и неудивительно: они иногда даже смѣются между собою, Господь съ ними! Я не обижаюсь. О моемъ воспитаніи не заботились. Меня почти не учили ничему. У папа не было средствъ, а въ сорокъ лѣтъ ужъ поздно ходить въ школу. Я починила все бѣлье Филиппа, желала бы, чтобы во Франціи держали его вещи въ такомъ же порядкѣ. Кланяйтесь отъ меня молодой дѣвицѣ. Какъ мнѣ пріятно слышать, что она такая добрая и кроткая! У Филиппа нравъ горячій, но тѣ, кого онъ любитъ, могутъ легко управлять имъ. Вы были его лучшими друзьями, и я надѣюсь, что и она тоже будетъ; они могутъ быть счастливы, хотя они очень бѣдны; но они еще успѣютъ разбогатѣть, не правда ли? Не всѣ богатые счастливы— я это вижу во многихъ знатныхъ домахъ, гдѣ бываетъ сидѣлка Брандонъ; она видитъ все, только не говоритъ.

Вотъ такимъ образомъ болтала сидѣлка Брандонъ, когда приходила къ намъ. Она обѣдала съ нами и всегда поименно благодарила слугъ, которые служили ей. Дѣтей нашихъ она называла «миссъ» и «мистеръ», и мнѣ кажется эти юные сатиристы не очень зло смѣялись надъ ея странностями. Имъ говорили, что сидѣлка Брандонъ

очень добра, что она заботилась о своемъ престарѣломъ отцѣ, что она имѣла большія огорченія и непріятности, что она ухаживала за дядей Филиппомъ, когда онъ былъ очень боленъ и когда многіе побоялись бы подойдти къ нему и что она проводила жизнь, ухаживая за больными и дѣлая добро своимъ ближнимъ.

Въ одинъ день, когда Филиппъ былъ у насъ, намъ случилось прочесть въ газетахъ о пріѣздѣ лорда Рингуда въ Лондонъ. У милорда былъ свой собственный большой домъ, въ которомъ онъ не всегда жилъ. Онъ предпочиталъ веселую жизнь въ гостинницѣ. Рингудскій отель былъ слишкомъ великъ и слишкомъ мраченъ. Ему не хотѣлось одному обѣдать въ столовой, окруженной призрачными изображеніями умершихъ Рингудовъ—его покойнаго сына, юноши, рано скончавшагося, его покойнаго брата въ мундирѣ его времени, самого его, наконецъ, когда онъ былъ еще молодымъ человѣкомъ, собесѣдникомъ Регента и его друзей.

— А! на этого молодца я меньше всего люблю смотрѣть, говаривалъ старикъ, хмурясь на свой портретъ, работы Лауренса, съ однимъ изъ тѣхъ ругательствъ, которыя украшали разговоры въ его молодости. Этотъ молодецъ могъ ѣздить верхомъ цѣлый день, спать цѣлую ночь или вовсе не спать; выпивалъ онъ по четыре бутылки и никогда не имѣлъ головной боли. Вотъ каковъ былъ этотъ человѣкъ, какъ говорилъ старый Молборо, смотрѣвшій на свой собственный портретъ. А теперь докторъ и подагра распоряжаются имъ. Живу я кашей и пуддингами, какъ младенецъ. Если я выпью три рюмки хереса, мой буфетчикъ грозитъ мнѣ. Хотя у васъ, молодой человѣкъ нѣтъ и двухъ пенсовъ въ карманѣ, я охотно помѣнялся бы съ вами мѣстомъ. Только вы не захотите, чортъ васъ возьми, вы не захотите!

Подобныя замѣчанія и разговоры своего родственника Филиппъ пересказывалъ мнѣ. Двое, трое нашихъ знакомыхъ въ Лондонѣ очень хорошо передразнивали этого беззубаго, ворчливаго стараго циника. Онъ жилъ великолѣпно и былъ скупъ; имѣлъ запальчивый характеръ, но его легко было водить за носъ; его окружали льстецы, и онъ былъ совершенно одинокъ. Онъ имѣлъ старинныя понятія, которыя, кажется, теперь уже вышли изъ моды у знатныхъ людей. Онъ считалъ унизительнымъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, и почтовый экипажъ его одинъ изъ послѣднихъ виднѣлся на большихъ дорогахъ. Не только онъ, но и передразнивавшіе его умерли всѣ, и только въ нынѣшнемъ году старикъ Джэкъ Мёммерсъ передразнивалъ его въ кофейной Байя (гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ его передразниванія принимались съ громкимъ хохотомъ). Въ кофейной была печальная тишина, только трое молодыхъ людей за ближнимъ столомъ сказали:

— Что́ этотъ старый дуралей ругается? передразниваетъ лорда Рингуда? А кто онъ такой?

Такъ исчезаютъ и забываются наши имена. Я не забылъ милорда также, какъ не забылъ повара въ моей школѣ, о которомъ, можетъ быть, вамъ слышать не интересно. Я вижу плѣшивую голову милорда, его орлиный носъ, косматыя брови, высокій бархатный воротникъ, большой черный ротъ, дрожащую руку и дрожащихъ паразитовъ вокругъ него, могу слышать его голосъ, громкія ругательства и смѣхъ. Всѣ нынѣшніе паразиты кланяются другимъ знатнымъ людямъ, а этотъ знатный вельможа, бывшій въ живыхъ еще вчера, умеръ какъ Георгъ IV, какъ Навуходоносоръ.

Итакъ мы прочли, что благородный родственникъ Филиппа, лордъ Рингудъ, пріѣхалъ въ гостинницу въ то время, какъ Филиппъ былъ у насъ, и признаюсь, я посовѣтовалъ моему другу сходить къ его сіятельству. Онъ былъ къ нему очень добръ въ Парижѣ—онъ очевидно полюбилъ Филиппа. Фэрминъ долженъ повидаться съ нимъ. Почему знать? Лордъ Рингудъ, можетъ быть, захочетъ сдѣлать что нибудь для внука своего брата.

А именно уговаривать къ этому Филиппа врядъ рѣшился бы тотъ, кто его зналъ. Заставлять его кланяться и улыбаться знатному человѣку съ цѣлью заслужить его будущія милости—значило требовать невозможнаго отъ Фэрмина. Конюхи королевскіе могутъ отвести королевскихъ лошадей къ водопою, но самъ король не можетъ заставить ихъ пить. Я признаюсь, что я нѣсколько разъ возвращался къ этому предмету и безпрестанно уговаривалъ моего друга.

— Я *былъ*, сказалъ Филиппъ угрюмо. Я оставилъ ему карточку. Если онъ желаетъ меня видѣть, онъ можетъ послать въ № 120, на Королевскій скверъ, въ гостинницу Честминстеръ, гдѣ я теперь живу. Но если вы думаете, что онъ дастъ мнѣ что нибудь кромѣ обѣда—вы ошибаетесь.

Мы обѣдали въ этотъ день у мистера Мёгфорда, который былъ необыкновенно гостепріименъ и особенно любезенъ къ Филиппу. Мёгфорду нравились письма Фэрмина, и вы можете быть увѣрены, что болѣе строгій критикъ не противорѣчилъ добродушному патрону моего друга. Мы поѣхали въ Гэмпстидскую виллу, и запахъ супа, баранины и лука привѣтствовалъ насъ въ передней и предупредилъ о томъ, какія вкусныя кушанья приготовлялись для гостей. Лакеи въ черныхъ фракахъ, въ бѣлыхъ бумажныхъ перчаткахъ, встрѣтили насъ, а мистриссъ Мёгфордъ въ великолѣпномъ голубомъ атласѣ и въ перьяхъ, въ воланахъ, кружевахъ, драгоцѣнныхъ вещицахъ, встала принять насъ съ величественнаго дивана, гдѣ она сидѣла, окруженная своими

дѣтьми. Они тоже были въ великолѣпныхъ нарядахъ, съ расчесанными волосами. Дамы, разумѣется, начали тотчасъ говорить о своихъ дѣтяхъ, и непритворный восторгъ моей жены къ послѣднему малюткѣ мистриссъ Мёгфордъ, кажется, тотчасъ пріобрѣлъ расположеніе этой достойной леди. Я сдѣлалъ замѣчаніе о томъ, что одинъ изъ мальчиковъ—живой портретъ отца, но не удачно. Я не знаю почему, но мнѣ говорилъ самъ ея мужъ, что мистриссъ Мёгфордъ всегда думала, будто я «поддразниваю» ее. Одинъ изъ мальчиковъ откровенно сообщилъ мнѣ, что къ обѣду будетъ гусь, а въ ближней комнатѣ я услыхалъ, какъ откупориваютъ бутылки. Зачѣмъ мистриссъ Мёгфордъ сдѣлала выговоръ проговорившемуся ребенку и сказала:

— Джэмсъ, замолчишь ли ты?

Я никогда не видалъ ни лучшаго вина, ни болѣе бутылокъ. Если когда нибудь можно было сказать о столѣ, что онъ стоналъ, то это выраженіе именно можно примѣнить къ столу Мёгфорда. Тальботъ Туисденъ накормилъ бы сорокъ человѣкъ тѣми кушаньями, которыми нашъ гостепріимный хозяинъ угостилъ насъ восьмерыхъ. Всѣ почести угощенія воздавались *парижскому корреспонденту*, котораго особенно просили вести къ обѣду мистриссъ Мёгфордъ. Мы, разумѣется, чувствовали, что это почетное мѣсто принадлежитъ по праву мистеру Фэрмину, какъ внуку графа и правнуку лорда. Какъ мистриссъ Мёгфордъ подчивала его! Она разрѣзывала сама—я очень радъ, что она не просила Филиппа разрѣзывать, потому что онъ, пожалуй, вывалилъ бы гуся на колѣна къ ней—она разрѣзывала, говорю я, и право, мнѣ кажется, она отдавала ему лучшіе куски, но можетъ быть это одна зависть съ моей стороны. За обѣдомъ безпрестанно говорили о лордѣ Рингудѣ.

— Лордъ Рингудъ пріѣхалъ въ Лондонъ, мистеръ Фэрминъ, сказалъ подмигивая Мёгфордъ. Вы, разумѣется, были у него?

Мистеръ Фэрминъ свирѣпо на меня взглянулъ и долженъ былъ признаться, что онъ былъ у лорда Рингуда. Мёгфордъ такъ часто обращалъ разговоръ на благороднаго лорда, что Филиппъ просто отдавилъ мнѣ ноги подъ столомъ.

— Могу я предложить вамъ кусочекъ фазана, мистеръ Фэрминъ? вдругъ скажетъ мистриссъ Мёгфордъ, ужъ конечно онъ не такъ хорошъ какъ у лорда Рингуда, и Филиппъ наступитъ мнѣ на ногу.

Или мистеръ Мёгфордъ воскликнетъ:

— Попробуйте-ка эту бутылочку, мистеръ Фэрминъ! у лорда Рингуда нѣтъ вина лучше этого.

Моя нога страшно наказывается подъ столомъ.

Послѣ обѣда разговоръ мистриссъ Мёгфордъ безпрестанно отно-

сился къ Рингудской фамиліи и къ родству Филиппа съ этимъ благороднымъ домомъ, какъ жена послѣ открыла мнѣ. О встрѣчѣ стараго лорда съ Фэрминомъ въ Парижѣ разсуждали съ чрезвычайнымъ интересомъ. Его сіятельство назвалъ Филиппа очень любезнымъ. Онъ очень любилъ мистера Фэрмина. Маленькая птичка, сказала мистриссъ Мёгфордъ, что мистера Фэрмина любилъ еще кто-то другой. Она надѣялась, что изъ этого выйдетъ свадьба, и что его сіятельство сдѣлаетъ что нибудь хорошее для своего родственника. Жена моя удивлялась, что мистриссъ Мёгфордъ знала о дѣлахъ Филиппа. Мистриссъ Мёгфордъ, сказала птичка,—другъ обѣихъ дамъ, эта милая, добрая сидѣлка Брандонъ, которая...

Тутъ разговоръ коснулся таинственностей, которыхъ я, конечно, не открою. Достаточно сказать, что мистриссъ Мёгфордъ была одною изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ добрыхъ и самыхъ постоянныхъ покровительницъ мистриссъ Брандонъ.

— Да-съ, мистриссъ Пенденниссъ, прибавила мистриссъ Мёгфордъ, наша пріятельница, мистриссъ Брандонъ, разсказывала мнѣ объ *одномъ джентльмэнѣ*, котораго не нужно называть. Онъ обращенія холоднаго, чтобы не сказать надменнаго. Онъ какъ будто насмѣхается надъ людьми иногда—не говорите нѣтъ; онъ обѣдалъ у меня раза два съ мистеромъ Фэрминомъ. Но онъ истинный другъ, такъ говоритъ мистриссъ Брандонъ. А когда узнаешь его, то увидишь, что сердце у него доброе.

Такъ ли это? Одинъ знаменитый писатель недавно сочинилъ комедію, въ которой мораль: «мы не такъ дурны какъ кажемся». Неужели это опять такъ?

Когда мы разсуждали объ обѣдѣ мистера Мёгфорда на возвратномъ пути домой, я воспользовался этимъ случаемъ и указалъ Филиппу на основательность надеждъ, которыя онъ могъ имѣть относительно помощи отъ своего богатаго родственника, и просто заставилъ его обѣщать навѣстить милорда на слѣдующій день. Но если Филиппъ Фэрминъ дѣлалъ что нибудь противъ воли, то онъ дѣлалъ это нелюбезно. Когда онъ недоволенъ, онъ не представлялся счастливымъ, а когда мистеръ Фэрминъ не въ духѣ, онъ весьма непріятный собесѣдникъ. Хотя онъ ни разу не упрекнулъ меня впослѣдствіи за то, что̀ случилось, я признаюсь, что меня жестоко мучила совѣсть. Если бы я не послалъ его сдѣлать этотъ почтительный визитъ его дѣду, то можетъ быть не случилось бы того, что̀ случилось. Я дѣйствовалъ къ лучшему, но горевалъ о послѣдствіяхъ, которыя имѣлъ мой совѣтъ.

Если Филиппъ держалъ себя поодаль отъ лорда Рингуда въ Лондонѣ, то за то милые родственники кузена ухаживали за его сія-

тельствомъ, и не пропускали случая выказывать ему свое почтительное сучувствіе. Нездоровилось ли лорду Рингуду?—Мистеръ Туисденъ, или мистриссъ Туисденъ, или ихъ милыя дочери, или братъ ихъ, каждый день являлись въ передней его сіятельства узнавать о его здоровьѣ. Они почтительно кланялись дворецкому лорда Рингуда. Они дали бы ему денегъ, какъ они всегда признавались, только какую сумму могли они дать такому человѣку какъ Рёджъ? Они пробовали было подкупить мистера Рёджа своимъ виномъ, за которымъ онъ дѣлалъ ужасныя гримасы. Они льстили и улыбались ему всегда. Мнѣ хотѣлось бы видѣть эту спокойную, эту высокообразованную мистриссъ Туисденъ, которая бросила бы свою лучшую пріятельницу, если бы къ ней свѣтъ повернулся спиною, я хотѣлъ бы видѣть и *могу* ее видѣть душевными глазами, какъ она ласкаетъ этого лакея. Она дѣлала дешевые подарки мистеру Рёджу, она улыбалась ему и спрашивала о его здоровьѣ. И, разумѣется, Тальботъ Туисденъ также льстилъ ему по-тальботовски. То онъ подмигнетъ ему, то кивнетъ головою, то скажетъ: «какъ поживаете»? и послѣ надлежащихъ вопросовъ и отвѣтовъ о его сіятельствѣ, прибавитъ:

— Рёджъ, кажется у моей ключницы приготовлена рюмка добраго портвейна для васъ, когда вамъ случится пройдти мимо и когда милорду вы будете не нужны!

И я могу себѣ представить, какъ мистеръ Рёджъ кланяется мистеру и мистриссъ Туисденъ, и благодаритъ, и идетъ въ комнату мистриссъ Бленкинсонъ, гдѣ для него готовъ портвейнъ, и я воображаю, какъ мистеръ Рёджъ и мистриссъ Бленкинсонъ разсуждаютъ о характерахъ и особенностяхъ хозяевъ.

Никто не могъ снисходительнѣе мистера Филиппа Фэрмина обращаться съ слугами. Въ то время, когда у него въ карманахъ бывало много денегъ, онъ давалъ ихъ зачастую мистеру Рёджу, и тотъ помнилъ его щедрость; когда Филиппъ сталъ бѣденъ, и Рёджъ, также какъ и я, совѣтовалъ Филиппу повидаться съ его сіятельствомъ.

Когда наконецъ Филиппъ сдѣлалъ свой второй визитъ лорду Рингуду, мистеръ Рёджъ сказалъ:

— Милордъ, я думаю, приметъ васъ. Онъ говорилъ о васъ. Онъ очень нездоровъ. Мнѣ кажется у него будетъ припадокъ подагры. Я скажу ему, что вы здѣсь.

Воротившись къ Филиппу послѣ краткаго отсутствія, съ нѣсколько разстроеннымъ лицомъ, онъ повторилъ позволеніе войдти и опять предостерегъ Филиппа, говоря, что «милордъ очень страненъ».

Дѣйствительно, какъ мы узнали впослѣдствіи, милордъ, услыхавъ, что Филиппъ пришелъ, закричалъ:

— Чортъ его возьми! пришли его! А, это вы? сказалъ онъ, увидя Филиппа. Вы уже давно въ Лондонѣ. Туисденъ говорилъ мнѣ о васъ вчера.

— Я былъ у васъ, отвѣчалъ Филиппъ очень спокойно.

— А я удивляюсь, какъ у васъ достаетъ духу приходить ко мнѣ, сэръ! закричалъ старикъ, смотря на Филиппа сверкающими глазами.

Физіономія его сіятельства была желта, благородные глаза были налиты кровью и выкатились; голосъ всегда жесткій и хриплый теперь былъ особенно непріятенъ, а съ губъ его срывались громкія ругательства.

— Какъ я имѣю духу, милордъ? сказалъ Филиппъ все очень кротко.

— Да! Туисденъ былъ здѣсь вчера и разсказалъ мнѣ кое-что хорошее про васъ.

Филиппъ покраснѣлъ. Онъ зналъ, въ чемъ состояли эти извѣстія.

— Туисденъ говоритъ, что теперь, когда вы сдѣлались нищимъ, когда вамъ осталось только гранить камни на мостовой — вы поступили какъ сумасбродъ и дуракъ, помолвили такую же нищую какъ вы!

Бѣдный Филиппъ изъ краснаго сдѣлался блѣднымъ и проговорилъ медленно:

— Извините, милордъ, вы сказали...

— Я сказалъ, что вы дуракъ, сэръ! заревѣлъ старикъ—развѣ вы не слышите?

— Я, кажется, членъ вашей фамиліи, милордъ, отвѣчалъ Филиппъ, вставая.

Въ ссорѣ онъ иногда выходилъ изъ себя и высказывалъ все, что думалъ, или иногда—и тогда онъ былъ опаснѣе—онъ казался особенно спокоенъ и величественъ.

— Какой нибудь авантюристъ, думая, что вы получите денегъ отъ меня, подцѣпилъ васъ для своей дочери, такъ ли?

— Я помолвилъ молодую дѣвушку, и я бѣднѣе ея, сказалъ Филиппъ.

— Она думаетъ, что вы получите денегъ отъ меня, продолжалъ его сіятельство.

— Она думаетъ? а я не думалъ никогда, отвѣчалъ Филиппъ.

— И ей Богу не получите, если не выкините этого вздора изъ головы.

— Я не выкину ее изъ головы и обойдусь безъ вашихъ денегъ, сказалъ очень смѣло мистеръ Фэрминъ.

— Отправляйтесь въ тартарары! закричалъ старикъ.

Филиппъ сказалъ намъ, что онъ отвѣчалъ: «Seniores priores, милордъ» и ушелъ.

— Итакъ вы видите, что если онъ хотѣлъ оставить мнѣ что-нибудь, то надежда теперь исчезла и славно же я обдѣлалъ мои дѣла.

И я послалъ его туда! Мой добрый Филиппъ не тольно не выговаривалъ мнѣ за это, но принялъ всю вину на себя.

— Съ тѣхъ поръ какъ я помолвленъ, сказалъ онъ, я сдѣлался ужасно скупъ и почти сталъ такой же скряга на счетъ денегъ, какъ эти Туисдены. Я раболѣпствовалъ передъ этимъ старикомъ, я ползалъ у его больной ноги. Я готовъ ползти отсюда до Сенъ-Джэмскаго дворца, чтобы достать денегъ для моей маленькой Шарлотты.

Филиппъ раболѣпствовалъ и ползалъ! Если бы ни у кого не было спины такой гибкой какъ у него, низпоклонство сдѣлалось бы погибшимъ искусствомъ какъ *придворный менуэтъ*. Но не бойтесь! Спины людскія созданы на то, чтобы сгибаться, и порода паразитовъ еще довольно въ силѣ.

Когда нашъ другъ сказалъ намъ, какъ кратко началось и кончилось его свиданіе съ лордомъ Рингудомъ, кажется, тѣмъ, кто совѣтовалъ Филиппу навѣстить его дѣда, сдѣлалось нѣсколько стыдно совѣта, который дали они. Мы достаточно знали нашего друга, чтобы знать также, какъ опасно было отправлять его кланяться въ передней лордовъ. Не способны ли его руки разбить какой нибудь фарфоръ, а ноги наступить и разорвать какой нибудь дамскій шлейфъ? Итакъ вмѣсто пользы мы заставили его поссориться съ его патрономъ. Лордъ Рингудъ признался, что онъ хотѣлъ оставить Филиппу денегъ, а мы, отправивъ бѣднаго молодаго человѣка къ больному старику, возбудили ссору между родственниками, которые разстались съ взаимными угрозами и гнѣвомъ.

— О, Боже! стоналъ я въ супружескомъ совѣщаніи, — отправимъ его отсюда. Теперь ему остается только дать пощечину Мёгфорду и сказать мистриссъ Мёгфордъ, что она пошлая и скучная женщина.

Онъ съ нетерпѣніемъ желалъ воротиться къ своей возлюбленной въ Парижъ. Мы не удерживали его. Боясь еще какого нибудь приключенія, мы даже желали, чтобы онъ уѣхалъ скорѣе. Въ уныломъ и грустномъ расположеніи духа проводилъ я его на булонскій пароходъ. Онъ взялъ второе мѣсто и мужественно простился съ нами. Ночь была бурная; на палубѣ мокро и сыро; пассажировъ множество, а Филиппъ былъ между ними въ тонкомъ плащѣ; вѣтеръ развѣвалъ его рыжіе волосы и бороду. Я теперь вижу этотъ пароходъ, я оставилъ его съ сокрушеніемъ и стыдомъ. Зачѣмъ я посылалъ Филиппа къ этому свирѣпому старику? Зачѣмъ принудилъ его къ этому покорному поступку? Грубость лорда Рингуда была всѣмъ извѣстна. Это былъ злой, развратный циникъ, а мы отправили Филиппа кланяться и

льстить ему! Ахъ, mea culpa, mea culpa! Вѣтеръ дулъ свирѣпо въ эту ночь, и когда я думалъ, какъ бѣднаго Филиппа качаетъ въ холодной второй каютѣ, я безпокойно вертѣлся на своей постели.

Я зашелъ черезъ день въ Бэйскій клубъ и встрѣтился тамъ съ обоими Туисденами; отецъ цѣплялся за пуговицу одного важнаго человѣка, когда я вошелъ, сынъ пріѣхалъ въ клубъ въ кабріолетѣ капитана Улькома и вмѣстѣ съ этимъ знаменитымъ мулатомъ. Они посмотрѣли какимъ-то особеннымъ образомъ. Я въ этомъ увѣренъ. Тальботъ Туисденъ, оглушая своимъ громкимъ разговоромъ бѣднаго лорда Лепеля, бросилъ на меня взглядъ торжества и говорилъ такъ, чтобы я слышалъ. Рингудъ, Туисденъ и Улькомъ, попивая полынную водку, для возбужденія апетита, перемигивались и ухмылялись. Глаза Улькома были одного цвѣта съ водкою, которую онъ пилъ. Я не видалъ, какъ Туисденъ оторвалъ пуговицу лорда Лепеля, но этотъ вельможа съ разстроенной физіономіей поскорѣе отошелъ отъ своего маленькаго гонителя.

— Откажитесь и пріѣзжайте ко мнѣ! я слышалъ, какъ сказалъ великодушный Туисденъ,—я жду Рингуда и еще кое-кого.

При этомъ предложеніи, лордъ Лепель съ трепетомъ пробормоталъ, что онъ не можетъ отказаться отъ даннаго слова и убѣжалъ изъ клуба.

Обѣды Туисдена—вѣжливому читателю уже было о томъ сообщено—были замѣчательны, и онъ постоянно хвастался, что у него обѣдаетъ лордъ Рингудъ. Такъ случилось, что въ этотъ самый вечеръ, лордъ Рингудъ съ тремя своими льстецами обѣдалъ въ Бэйскомъ клубѣ, рѣшившись посмотрѣть пантомиму, въ которой играла очень хорошенькая, молоденькая Коломбина, и кто-то шутя сказалъ его сіятельству:

— Вѣдь вы обѣдаете у Тальбота Туисдена; онъ сейчасъ сказалъ, что ждетъ васъ.

— Онъ сказалъ? спросилъ его сіятельство. Такъ стало быть Тальботъ Туисденъ совралъ!

И маленькій Томъ Ивисъ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ, вспомнилъ эти замѣчательныя слова, потому что почти немедленно случилось одно обстоятельство.

Черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Филиппа, нашъ другъ, маленькая Сестрица пришла къ намъ, когда мы сидѣли за утреннимъ чаемъ, и ея доброе личико выражало большое волненіе и грусть. Она объяснила намъ причины этой грусти, какъ только наши дѣти ушли въ классную. Между друзьями мистриссъ Брандонъ и постоянными собесѣдниками ея отца былъ достойный мистеръ Ридли, отецъ знаме-

нитаго живописца, который былъ слишкомъ благороденъ, чтобы стыдиться своего смиреннаго происхожденія съ отцовской стороны. Отношенія отца и сына не могли быть очень тѣсны и коротки, особенно, такъ какъ въ дѣтствѣ молодаго Ридли, отецъ его, ничего не понимавшій въ изящныхъ искусствахъ, считалъ мальчика болѣзненнымъ, полуумнымъ ребенкомъ, который долженъ былъ сдѣлаться родителямъ въ тягость. Но когда Джонъ Джэмсъ Ридли началъ достигать знаменитости въ своей профессіи, глаза отца рскрылись, вмѣсто презрѣнія онъ началъ глядѣть на своего сына съ искреннимъ, наивнымъ восторгомъ, и часто со слезами разсказывалъ, съ какою гордостью и съ какимъ удовольствіемъ служилъ онъ Джону Джэмсу въ тотъ день, когда онъ обѣдалъ у его господина, лорда Тодмордена. Ридли, старшій, теперь чувствовалъ, что онъ былъ жестокъ и несправедливъ къ своему сыну въ его дѣтствѣ, и съ весьма трогательнымъ смиреніемъ старикъ сознавался въ своей прежней несправедливости и старался загладить ее уваженіемъ и любовью.

Хотя нѣжность къ сыну и удовольствіе, которое онъ находилъ въ обществѣ капитана Ганна, часто привлекали мистера Ридли въ Торнгофскую улицу и въ клубъ Адмирала Бинга, гдѣ они оба были главными членами, Ридли, старшій, принадлежалъ къ другимъ клубамъ, гдѣ буфетчикъ лорда Тодмордена пользовался обществомъ буфетчиковъ другихъ вельможъ; и мнѣ сказали, что въ этихъ клубахъ Ридли называли «Тодморденомъ» долго послѣ того, какъ его отношенія къ этому почтенному вельможѣ прекратились.

Въ одномъ изъ этихъ клубовъ буфетчикъ лорда Тодмордена постоянно встрѣчался съ буфетчикомъ лорда Рингуда, когда ихъ сіятельства находились въ Лондонѣ. Эти джентльмэны уважали другъ друга и когда встрѣчались, сообщали одинъ другому свое мнѣніе объ обществѣ и о характерѣ благородныхъ особъ, которымъ они служили. Рёджъ зналъ все о дѣлахъ Филиппа Фэрмина, побѣгъ доктора, великодушный поступокъ Филиппа. И Рёджъ сравнивалъ благородное поведеніе молодаго человѣка съ поведеніемъ нѣкоторыхъ *подлипалъ*, которыхъ онъ не хотѣлъ тогда назвать, но которые всегда говорили дурно о бѣдномъ молодомъ человѣкѣ за глаза и ползали передъ милордомъ, а ужъ другихъ такихъ низкихъ обманщиковъ найдти мудрено; конечно, о вкусахъ спорить нельзя, но онъ, Рёджъ, не выдалъ бы *свою* дочь за Негра.

Въ тотъ день, когда мистеръ Фэрминъ ходилъ къ лорду Рингуду, былъ одинъ изъ самыхъ худшихъ дней милорда, когда приближаться къ нему было почти также опасно, какъ къ бенгальскому тигру.

— Когда у него припадокъ подагры, его сіятельство проклинаетъ и

ругаетъ всѣхъ, замѣчалъ Рёджъ, всѣхъ, даже пасторовъ и дамъ—ему все равно. Въ тотъ самый день, когда былъ мистеръ Фэрминъ, милордъ сказалъ мистеру Туисдену:

— Вонъ отсюда, не смѣйте приходить сюда затѣмъ, чтобы клеветать и чернить этого бѣднягу. И Туисденъ ушелъ, поджавъ хвостъ, и говоритъ мнѣ:

— «Рёджъ, милордъ необыкновенно нехорошъ сегодня. Ну, не больше какъ черезъ часъ является бѣдный Филиппъ, и милордъ, только что выслушавшій отъ Туисдена объ этой молодой дѣвицѣ, напустился на бѣднаго молодаго человѣка и разругалъ его хуже, чѣмъ Туисдена. Но мистеръ Фэрминъ не изъ такихъ. Онъ не позволитъ никому бранить себя и вѣрно отплатилъ милорду тѣмъ же, потому что я собственными ушами слышалъ, какъ страшно милордъ ругалъ его. Когда у милорда припадокъ подагры, онъ просто страшенъ, говорю я вамъ. Но у насъ на Рождество гости приглашены въ Уипгэмъ и мы должны быть тамъ. Онъ вчера принялъ лекарство и сегодня такъ ругается и бѣсится на всѣхъ, словно у него бѣлая горячка. А когда мистеръ и мистриссъ Туисденъ пріѣхали въ этотъ день (если вы выгоните этого человѣка въ дверь, онъ навѣрно спустится въ трубу) — онъ не захотѣлъ ихъ видѣть, а мнѣ закричалъ:

— «Если придетъ Фэрминъ, швырни его съ лѣстницы — слышишь? и ругается, и клянется, что никогда больше не пуститъ его къ себѣ на глаза. Но это еще не все, Ридли. Онъ послалъ за Брадгэтомъ, своимъ стряпчимъ, въ этотъ же самый день. Взялъ назадъ свое завѣщаніе, на которомъ я самъ подписывался свидѣтелемъ — я и Уилькоксъ, хозяинъ гостинницы—и я знаю, что онъ отказалъ что-то Фэрмину. Помяните мое слово. Онъ хочетъ сдѣлать что нибудь нехорошее этому бѣдному молодому человѣку.

Мистеръ Ридли пересказалъ подробно весь этотъ разговоръ своей пріятельницѣ мистриссъ Брандонъ, зная, какое участіе принимала она въ этомъ молодомъ джентльмэнѣ; и съ этими непріятными извѣстіями мистриссъ Брандонъ пришла посовѣтоваться съ тѣми, кто—какъ говорила добрая сидѣлка — были лучшими друзьями Филиппа на свѣтѣ. Мы желали бы утѣшить Сестрицу, но всѣмъ было извѣстно, какой человѣкъ былъ лордъ Рингудъ, какъ онъ былъ самовластенъ, какъ мстителенъ, какъ жестокъ.

Я зналъ мистера Брадгэта, стряпчаго, съ которымъ у меня были дѣла, я и пошелъ къ нему болѣе затѣмъ, чтобы говорить о дѣлахъ Филиппа, чѣмъ о своихъ. Но Брадгэтъ увидалъ значеніе моихъ вопросовъ и отказался отвѣчать на нихъ.

— Мы съ моимъ кліентомъ не закадычные друзья, сказалъ Брад-

гэтъ, но я обязанъ оставаться его стряпчимъ и не долженъ говорить вамъ, находится ли имя мистера Филиппа въ завѣщаніи его сіятельства, или нѣтъ. И какъ могу я это знать? Онъ можетъ измѣнить свое завѣщаніе, можетъ оставить Фэрмину деньги, можетъ и не оставить. Я надѣюсь, что молодой Фэрминъ не расчитываетъ на наслѣдство, а если расчитываетъ, онъ можетъ обмануться. Я знаю десятки людей, которые имѣютъ разныя надежды и не получатъ ничего.

Вотъ весь отвѣтъ, какого я могъ добиться отъ стряпчаго.

Я пересказалъ это моей женѣ—разумѣется, каждый послушный мужъ разсказываетъ все послушной женѣ—но, хотя Брадгэтъ обезкуражилъ насъ, все-таки у насъ оставалась надежда, что старый вельможа обезпечитъ нашего друга, потомъ Филиппъ женится на Шарлоттѣ, потомъ онъ все болѣе и болѣе будетъ зарабатывать въ своей газетѣ, потомъ онъ будетъ счастливъ навсегда. Жена моя считала яйцы не только прежде, чѣмъ они были высижены, но даже прежде, чѣмъ были у нея курицы. Никогда не видалъ я ни въ чьемъ характерѣ такого упорнаго упованія. Я съ другой стороны смотрю на вещи—съ раціональной и унылой точки зрѣнія; а если дѣло кончится лучше чѣмъ я ожидалъ, я любезно сознаюсь, что я ошибся.

Но настадъ день, когда мистеръ Брадгэтъ не считалъ уже себя обязаннымъ хранить молчаніе о намѣреніяхъ своего благороднаго кліента. Это было за два дня до Рождества и я, по обыкновенію, зашелъ послѣ полудня въ клубъ. Между посѣтителями происходило нѣкоторое волненіе. Тальботъ Тунсденъ всегда приходилъ въ клубъ десять минутъ пятаго и спрашивалъ вечернюю газету такимъ тономъ, какъ будто содержаніе ея было для него чрезвычайно важно. Возьметъ бывало за пуговицу своихъ знакомыхъ и разсуждаетъ съ ними о передовой статьѣ этой газеты съ изумительной серьезностью. Въ этотъ день онъ пришелъ въ клубъ десятью минутами позже обыкновеннаго. Вечернюю газету читали другіе. Лампы на столѣ освѣщали головы плѣшивыя, сѣдыя, въ парикахъ—въ комнатѣ слышался говоръ:

— Скоропостижно.

— Подагра въ желудкѣ.

— Обѣдалъ здѣсь только четыре дня тому назадъ.

— Казался совсѣмъ здоровъ!

— Совсѣмъ здоровъ? Нѣтъ! Я не видалъ человѣка болѣе болѣзненной наружности.

— Желтъ какъ гинея.

— Не могъ пить.

— Ругалъ слугъ и Тома Ивиса, который обѣдалъ съ нимъ.

— Семьдесять шесть лѣтъ.

— Родился въ одномъ году съ герцогомъ Іоркскимъ.

— Сорокъ тысячъ годоваго дохода.

— Сорокъ? Пятьдесятъ восемь тысячъ, говорю я вамъ. Онъ всегда былъ экономенъ.

— Титулъ переходитъ къ его кузену, сэру Джону Рингуду; онъ не здѣшній членъ—онъ членъ Будля.

— Не графство, а баронство.

— Они ненавидѣли другъ друга. У старика былъ бѣшеный характеръ.

— Желательно бы знать, оставилъ ли онъ что нибудь старому Туис...

Тутъ вошелъ Тальботъ.

— Ахъ, полковникъ, какъ поживаете? Что́ новаго?—Запоздалъ въ моей конторѣ, сводилъ счеты. Ѣду завтра въ Уипгэмъ провести Рождество у дяди моей жены, Рингуда, знаете. Я всегда ѣзжу на Рождество въ Уипгэмъ. Онъ держитъ для насъ фазановъ—я уже плохой охотникъ теперь.

Пока хвастунъ предавался своей напыщенной болтовнѣ, онъ не примѣчалъ значительныхъ взглядовъ, устремленныхъ на него, а если и примѣчалъ, то можетъ быть ему было пріятно возбуждаемое имъ вниманіе. Въ этомъ клубѣ давно раздавались разсказы Туисдена о Рингудѣ, о фазанахъ, о томъ, что онъ уже плохой охотникъ и о суммѣ, которую его семейство получитъ послѣ смерти ихъ благороднаго родственника.

— Мнѣ кажется, я слышалъ отъ васъ, что сэръ Джонъ Рингудъ наслѣдникъ вашего родственника? спросилъ мистеръ Гукгэмъ.

— Да, баронство—только баронство. Графство принадлежитъ только милорду и его прямымъ наслѣдникамъ. Почему бы ему опять не жениться? Я часто ему говорю: «Рингудъ, зачѣмъ вы не женитесь, хоть бы только для того, чтобы надуть этого вига, сэра Джона. Вы свѣжи и здоровы, Рингудъ. Вы можете еще прожить двадцать лѣтъ, даже двадцать пять. Если вы оставите вашей племянницѣ и ея дѣтямъ что нибудь, мы не спѣшимъ получать наслѣдство, говорю я — зачѣмъ вы не женитесь?

— Ахъ, Туисденъ, ему уже нельзя жениться, сказалъ плачевно мистеръ Гукгэмъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. Онъ человѣкъ крѣпкій, необыкновенно сильный, здоровый человѣкъ, еслибы не подагра. Я часто говорю ему: Рингудъ...

— О, ради Бога, остановите его, сказалъ старикъ Тремлеттъ, ко-

торый всегда начиналъ дрожать при звукѣ голоса Туисдена. Скажите ему что нибудь.

— Развѣ вы не слыхали, Туисденъ? Не видали? Не знаете? торжественно спросилъ Гукгэмъ.

— Слышалъ, видѣлъ, знаю, что̀? закричалъ тотъ.

— Съ лордомъ Рингудомъ случилось несчастье. Загляните въ газету. Вотъ.

Туисденъ вынулъ свой золотой лорнетъ, взялъ газету и, милосердный Боже... но я не стану описывать агонію этого благороднаго лица. Подобно Тиманту, живописцу, я набрасываю покрывало на этого Агамемнона.

То, что Туисденъ прочелъ въ Globe, былъ краткій параграфъ; но на слѣдующее утро въ Times была одна изъ тѣхъ панахидныхъ статей, которымъ знатные вельможи должны подвергаться отъ таинственныхъ некрографовъ этой газеты.

ГЛАВА XXII.

Pulvis et umbra sumus.

Первый и единственный графъ Рингудъ покорился участи, которой должны подвергаться и пэры и простолюдины. Спѣша въ свой великолѣпный уипгэмскій замокъ, гдѣ онъ располагалъ угощать знатныхъ гостей на Рождество, его сіятельство оставилъ Лондонъ, только что оправившись отъ подагры, которая мучила его уже нѣсколько лѣтъ. Должно быть болѣзнь вдругъ бросилась въ желудокъ. Въ Террейсъ-Регумѣ, за тридцать миль отъ своего великолѣпнаго жилища, гдѣ онъ привыкъ останавливаться, чтобы пообѣдать, онъ уже страдалъ ужасно, на что̀ окружающіе его не обратили такого вниманія, какое должно было бы возбудить его положеніе, потому что, страдая этою мучительною болѣзнью, онъ громко кричалъ и слова его, и обращеніе были чрезвычайно запальчивы. Онъ сердито отказалъ послать за докторомъ въ Террейсѣ и непремѣнно хотѣлъ продолжать путь. Онъ принадлежалъ къ людямъ старой школы, которые не хотятъ ѣздить по желѣзной дорогѣ (хотя его состояніе значительно увеличилось, когда черезъ его владѣнія была проложена желѣзная дорога), и его собственныя лошади всегда встрѣчали его въ Папперской тавернѣ, въ ничтожной деревушкѣ, за семнадцать миль отъ его великолѣпнаго

зáмка. Пріѣхавъ въ эту таверну, онъ не сдѣлалъ никакого знака, не сказалъ ни одного слова, такъ что слуги его серьёзно испугались. Когда засвѣтили фонари у экипажа и заглянули въ его карету, этотъ владѣлецъ тысячи десятинъ и, по слухамъ, огромнаго богатства, былъ мертвъ. Путешествіе изъ Тёррея было послѣднею станціей продолжительной, счастливой, если не знаменитой, то покрайней мѣрѣ замѣчательной и великолѣпной карьеры.

«Покойный Джонъ Джоржъ, графъ и баронъ Рингудъ и Виконтъ Синкбарзъ вступилъ въ публичную жизнь въ опасный періодъ передъ французской революціей и началъ свою карьеру какъ другъ и товарищъ принца Валлійсскаго. Когда его королевское высочество оставилъ партію виговъ, лордъ Рингудъ также присоединился къ торіямъ и графство было наградою за его вѣрность. Но когда лордъ Стейнъ былъ сдѣланъ маркизомъ, лордъ Рингудъ поссорился съ своимъ королевскимъ покровителемъ и другомъ, считая, что услуги его несправедливо оскорблены, потому что такое же званіе не было даровано ему. Въ разныхъ случаяхъ онъ подавалъ голосъ за виговъ. Онъ никогда не примирялся съ покойнымъ королемъ Георгомъ IV, съ которымъ онъ имѣлъ привычку говорить съ характеристическою рѣзкостью. Приближеніе Биля о реформѣ однако окончательно привлекло этого вельможу на сторону торіевъ и онъ оставался съ тѣхъ поръ если не краснорѣчивымъ, то покрайней мѣрѣ ревностнымъ ихъ защитникомъ. Говорятъ, что онъ былъ щедрымъ помѣщикомъ, если его арендаторы не шли наперекоръ его видамъ. Его единственный сынъ умеръ рано, и его сіятельство, если вѣрить молвѣ, находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ своимъ родственникомъ и наслѣдникомъ, сэромъ Джономъ Рингудомъ Эппльшо́, баронетомъ, теперь барономъ Рингудомъ. Баронство существуетъ въ этой древней фамиліи со временъ царствованія Георга I, когда сэру Джону Рингуду было пожаловано дворянство, а сэръ Фрэнсисъ, его братъ, былъ сдѣланъ баронетомъ первымъ изъ нашихъ ганноверскихъ государей».

Эту статью мы съ женою прочли утромъ, наканунѣ Рождества, между тѣмъ какъ наши дѣти украшали лампы и зеркала остролистникомъ для предстоявшаго торжества. Я наскоро отправилъ къ Филиппу наканунѣ записку съ этимъ извѣстіемъ. Судьба его очень насъ тревожила теперь, когда черезъ нѣсколько дней она должна была рѣшиться. Опять мои дѣла или мое любопытство, привели меня къ мистеру Брадгэту, стряпчему. Разумѣется, онъ зналъ все. Онъ былъ не прочь поговорить объ этомъ. Смерть его кліента отчасти развязала языкъ стряпчаго, и я долженъ сказать, что Брадгэтъ весьма не лестно отзывался о своемъ благородномъ, покойномъ кліентѣ. Грубости

покойнаго графа тяжело было сносить. Въ послѣднее ихъ свиданіе его ругательства и дерзкое обращеніе были особенно противны; онъ разругалъ всѣхъ своихъ родныхъ. Онъ говорилъ, что его наслѣдникъ лицемѣръ, методистъ и притворщикъ. Есть у него родственникъ (котораго Брадгэтъ не хотѣлъ назвать) хитрый, низкій плутъ и паразитъ, вѣчно ползавшій передъ нимъ и съ нетерпѣніемъ желавшій его смерти. А другой его родственникъ, безстыдный сынъ мошенника доктора, оскорбилъ его за два часа передъ тѣмъ въ его собственномъ домѣ— нищій, а хочетъ распространять потомство для рабочаго дома, потому что, послѣ его сегодняшняго поведенія, онъ скорѣе очутится на днѣ Ахерона, чѣмъ онъ, лордъ Рингудъ, дастъ этому негодяю хоть одинъ пенни изъ своихъ денегъ.

— И его сіятельство велѣлъ мнѣ прислать къ нему обратно его завѣщаніе, прибавилъ мистеръ Брадгэтъ. И онъ уничтожилъ это завѣщаніе, прежде чѣмъ уѣхалъ,—это онъ уже не первое сожигалъ. И я могу вамъ сказать теперь, когда все кончено, что въ этомъ завѣщаніи онъ отказывалъ внуку своего брата порядочную сумму денегъ, которую вашъ бѣдный другъ получилъ бы, если бы не былъ у милорда въ этотъ несчастный припадокъ подагры.

А, mea culpa, mea culpa! А кто послалъ Филиппа къ его родственнику въ этотъ несчастный припадокъ подагры? Кто былъ уменъ такъ свѣтски, такъ по туисденовски, чтобы совѣтовать Филиппу лесть и покорность? Если бы не этотъ совѣтъ, онъ былъ бы теперь богатъ, онъ могъ бы жениться на своей возлюбленной. Я чуть было не подавился нашей рождественской индѣйкой, когда ѣлъ ее. Свѣчи горѣли тускло, а поцѣлуи и смѣхъ дѣтей нагоняли на меня меланхолію. Если бы не мой совѣтъ, какъ могъ бы быть счастливъ мой другъ! Я искалъ отвѣта въ честныхъ личикахъ моихъ дѣтей. Что они сказали бы, если бы знали, что отецъ ихъ совѣтовалъ своему другу ползать и кланяться, и унижаться передъ богатымъ, злымъ старикомъ? Я сидѣлъ безмолвно, какъ на похоронахъ. Смѣхъ моихъ малютокъ терзалъ меня какъ бы угрызеніемъ. Съ перьями, съ факелами, съ парадной свитой хоронили лорда Рингуда, который сдѣлалъ бы Филиппа богатымъ, если бы не я.

Вся остававшаяся еще надежда скоро рушилась. Въ Уитгэмѣ было найдено завѣщаніе, написанное годъ тому назадъ, въ которомъ не упоминалось о бѣдномъ Филиппѣ Фэрминѣ. Самая маленькая сумма— постыдно ничтожная, какъ говорилъ Туисденъ, была оставлена Туисденамъ, вмѣстѣ съ портретомъ во весь ростъ графа, въ парадномъ костюмѣ, и этотъ портретъ, я полагаю, мало принесъ удовольствія родственникамъ покойнаго, потому что пересылка этого большаго

портрета изъ Уипгэма стоила такъ дорого, что Тальботъ заплатилъ съ гримасами. Если бы портретъ сопровождался тридцатью, сорока или пятидесятью тысячами—почему онъ не оставилъ имъ пятьдесятъ тысячъ?—какъ различна была бы тогда горесть Тальбота! Когда онъ считалъ обѣды, которые онъ довалъ для лорда Рингуда,—а они всѣ были записаны у него въ дневникѣ—Туисденъ нашелъ, что онъ истратилъ болѣе на милорда, чѣмъ тотъ отказалъ ему въ завѣщанiи. Но все семейство надѣло трауръ, даже кучеръ и лакей Туисдена облеклись въ траурную ливрею въ честь знаменитаго покойника. Не каждый день человѣкъ имѣетъ возможность публично оплакивать потерю сiятельнаго родственника.

А какъ бѣдный Филиппъ перенесъ свое обманутое ожиданiе? Онъ должно быть чувствовалъ его, потому что мы сами поощряли его въ надеждѣ, что дѣдъ сдѣлаетъ что нибудь для облегченiя его нужды. Филиппъ надѣлъ крепъ на шляпу и отказался отъ всякихъ другихъ наружныхъ признаковъ печали. Если бы старикъ оставилъ ему денегъ, это было бы хорошо. Такъ какъ онъ не оставилъ—дымъ сигары кончаетъ фразу, и нашъ философъ перестаетъ думать о своемъ разочарованiи. Развѣ Филиппъ бѣдный не былъ также независимъ какъ и Филиппъ богатый? Борьба съ бѣдностью здорова въ двадцать пять лѣтъ. Мускулы молодые укрѣпляются борьбою. Это для пожилыхъ, ослабѣвшихъ отъ разстроеннаго здоровья или, можетъ быть, отъ продолжительнаго счастья, битва тяжела.

Широкая спина Фэрмина могла снести тяжелую ношу, и онъ съ радостью бралъ всякую работу, попадавшуюся ему. Фиппсу, сотруднику Daily Intelligencer, нуженъ былъ помощникъ,—Филиппъ съ радостью продалъ четыре часа въ день мистеру Фиппсу; переводилъ изъ французскихъ и нѣмецкихъ газетъ, заходилъ иногда въ палату депутатовъ и сообщалъ о какомъ нибудь важномъ засѣданiи. Онъ положительно началъ откладывать деньги. Онъ носилъ ужасно поношеное платье, потому что Шарлотта не могла ходить къ нему на квартиру и чинить его лохмотья, какъ дѣлала это Сестрица; но когда мистриссъ Бэйнисъ бранила его за это—и дѣйствительно должно было быть досадно иногда видѣть, какъ человѣкъ въ своемъ старомъ платьѣ расхаживаетъ въ комнатахъ баронессы Смоленской, говоритъ громко, противорѣчитъ и предписываетъ законы—Шарлотта защищала своего оскорбляемаго Филиппа.

— Вы знаете почему мосьё Филиппъ носитъ такое поношенное платье? спросила она мадамъ Смоленскую,—потому что онъ посылаетъ деньги своему отцу въ Америку.

А Смоленская сказала, что мосьё Филиппъ былъ прекрасный мо-

лодой человѣкъ, и что онъ можетъ одѣваться какъ ирокезецъ на ея вечера,—онъ все-таки будетъ принятъ хорошо. А мистриссъ Бэйнисъ была груба къ Филиппу въ глаза и насмѣхалась надъ нимъ въ отсутствіе. И Филиппъ дрожалъ передъ мистриссъ Бэйнисъ и принималъ ея пощечины съ большою кротостью, потому что его Шарлотта была аманатомъ въ рукахъ своей матери, и развѣ генеральша Бэйнисъ не могла заставить страдать это бѣдное, маленькое существо?

Нѣсколько индійскихъ дамъ, знакомыхъ мистриссъ Бэйнисъ, проводили эту зиму въ Парижѣ; онѣ нанимали меблированныя квартиры въ предмѣстьи Сентъ-Онорэ или въ Елисейскихъ поляхъ, ѣздили въ своихъ экипажахъ, съ лакеемъ на запяткахъ, и съ презрѣніемъ смотрѣли на мистриссъ Бэйнисъ за то, что она нанимала квартиру со столомъ и не держала экипажа. Ни одна женщина не любитъ, чтобы ее презирали другія женщины, особенно такая тварь какъ мистриссъ Баттерсъ, жена стряпчаго, изъ Калькутты, которая не бывала въ обществѣ, не ѣздила къ губернатору, а теперь разъѣзжала по Елисейскимъ полямъ и важничала! Вотъ и докторша Мэкунъ съ своей *горничной*, съ своимъ *поваромъ*, съ своей *коляской* и съ своей *каретой*. (Пожалуйста, читайте эти слова съ самымъ выразительнымъ удареніемъ). А кто такая была мистриссъ Мэкунъ, позвольте спросить? Ни болѣе, ни менѣе какъ мадамъ Берэ, дочь французской модистки. А эта тварь брызжетъ грязью на тѣхъ, кто получше ея, и которыя ходятъ пѣшкомъ.

— Я говорю моимъ бѣднымъ дочерямъ, сказала мистриссъ Бэйнисъ баронессѣ Смоленской, что если бы я была дочь модистки, или отецъ ихъ стряпчимъ, а не воиномъ, служившимъ своей государынѣ во всѣхъ частяхъ свѣта, онѣ *лучше бы одѣвались*, бѣдняжечки! Мы могли бы нанимать прекрасную квартиру въ предмѣстьи Сентъ-Онорэ, а не жили бы здѣсь!

— А если бы *я* была модистка, я не пускала бы къ себѣ жильцовъ! закричала Смоленская. Отецъ мой былъ генералъ и также служилъ своему государю. Но какъ же вы хотите? Мы всѣ должны дѣлать непріятное и жить съ непріятными людьми.

И съ этими словами баронесса сдѣлала генеральшѣ вѣжливый поклонъ и отправилась къ другимъ дамамъ или гостямъ. Она держалась мнѣнія многихъ друзей Филиппа.

— Ахъ, мосьё Филиппъ, говорила она ему, когда вы женитесь, вы будете жить подальше отъ этой женщины, не правда ли?

Когда мистриссъ Бейнисъ услыхала, что мистриссъ Баттерсъ ѣдетъ въ Тюильри, я съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что генеральшею

овладѣло пылкое соревнованіе, и она не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не уговорила генерала отвезти ее къ посланнику и во дворецъ короля, управлявшаго тогда Франціей. Издержки были не велики. Шарлотту надо же было вывезти. Ея тетка Макъ-Гиртеръ, изъ Тура, прислала ей въ подарокъ денегъ на платье. Надо отдать справедливость мистриссъ Бэйнисъ, она очень мало истратила на свой собственный нарядъ и вынула изъ своего чемодана костюмъ, украшавшій ее въ Калькуттѣ.

— Услышавъ, что поѣхала мистриссъ Баттерсъ, я зналъ, что она не успокоится, сказалъ генералъ Бэйнисъ со вздохомъ.

Жена его отпиралась отъ этого обвиненія, считая его оскорбленіемъ, говорила, что мужчины всегда приписываютъ женщинамъ самыя дурныя причины, между тѣмъ какъ Богу извѣстно, что ея желаніе—только представить приличнымъ образомъ въ свѣтъ свою возлюбленную дочь, а мужа видѣть на мѣстѣ, приличномъ его званію въ обществѣ. Шарлотта была очень мила вечеромъ, въ день бала, и баронесса Смоленская очень мило причесала волосы Шарлоттѣ и предложила Огюста въ лакеи, но тотъ возмутился и сказалъ:

— Non, merci! Я сдѣлаю все для генерала и миссъ Шарлотты, но для генеральши—нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

И хотя Шарлотта была такъ прелестна, какъ розовый бутонъ, ей не очень было весело на балѣ, потому что тамъ не было Филиппа. И какъ могъ онъ быть тамъ, когда у него былъ только одинъ сюртукъ и дырявые сапоги?

Послѣ солнечной осени наступаетъ холодная зима, когда вѣтеръ нездоровъ для слабой груди, когда грязно для маленькихъ башмачковъ. Какъ могла Шарлотта выходить въ восемь часовъ по грязи или снѣгу зимняго утра, если она наканунѣ поздно пріѣхала съ бала? Генеральша Бэйнисъ начала часто выѣзжать на парижскіе вечера, т. е. на наши Троянскіе вечера, гдѣ бывало сорокъ Англичанъ, три Француза и одинъ Нѣмецъ, играющій на фортепьяно. Шарлоттой очень восхищались. Молва о ея красотѣ разнеслась. Маленькій Гели изъ посольства просто самъ назвался къ докторшѣ Мэкунъ, чтобы посмотрѣть эту молодую красавицу и танцовалъ съ ней безпрестанно. Гели былъ самый модный кавалеръ; онъ танцовалъ съ принцессами и бывалъ на всѣхъ балахъ въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьи. Онъ проводилъ Шарлотту до кареты (предряннаго извощичьяго фіакра, надо признаться, но мистриссъ Бэйнисъ сказала ему, что они имѣли не такой экипажъ въ Индіи). Онъ сдѣлалъ имъ визитъ и оставилъ карточку. Я могу назвать много знатныхъ особъ, которыя были очарованы хорошенькой Шарлоттой. Мать ея все болѣе и болѣе стыдилась

дряннаго фіакра, въ которомъ наша молодая дѣвица ѣздила на балы, и того кавалера, который иногда помогалъ Шарлоттѣ садиться въ экипажъ. Мать Шарлотты не пропускала мимо ушей порицательныхъ замѣчаній объ этомъ кавалерѣ. Какъ? помолвлена за этого страннаго, рыжебородаго, молодаго человѣка, который наступалъ всѣмъ на ноги въ полькѣ? Онъ пишетъ въ газетахъ, будто бы?—Сынъ того доктора, который убѣжалъ, обманувъ всѣхъ? Какъ это странно, что генералъ Бейнисъ вздумалъ помолвить свою дочь за этого человѣка.

Мистера Фэрмина приглашали не во всѣ знатные дома, гдѣ бывала его Шарлотта. Да онъ этого и не желалъ, и велъ себя очень дерзко и надменно, когда бывалъ приглашенъ, опрокидывалъ подносы, хохоталъ и кстати, и не кстати, расхаживалъ по гостиной, какъ будто онъ Богъ знаетъ какая важная особа — право, онъ принималъ такой тонъ, потому что братъ его дѣда былъ графъ! А позвольте спросить, что́ сдѣлалъ для него графъ? И какое право имѣлъ онъ расхохотаться, когда миссъ Крокли пѣла немножко фальшиво? Какъ это могъ генералъ Бэйнисъ выбрать такого мужа для такой милой, скромной дѣвушки?

Старый генералъ, спокойно играя въ вистъ съ другими британскими старичками въ дальней комнатѣ, не слыхалъ этихъ замѣчаній, можетъ быть, но мистриссъ Бэйнисъ своими зоркими глазами и чуткими ушами видѣла и знала все. Многіе говорили ей, что Филиппъ дурная партія для ея дочери. Она слышала, какъ онъ спокойно спорилъ съ богачами. Мистеру Гобдэю, у котораго въ Лондонѣ собственный домъ, и который бываетъ въ первѣйшихъ домахъ въ Парижѣ, Филиппъ противорѣчилъ напрямки, такъ что мистеръ Гобдэй даже вспыхнулъ, а мистриссъ Гобдэй не знала, куда ей глядѣть. Сэръ Чарльзъ Пеплоу изъ за́мка Пеплоу, хвалилъ поэмы Томлинсона и предложилъ прочесть ихъ вслухъ мистриссъ Баджеръ, а онъ читаетъ прекрасно, хотя можетъ быть немножко въ носъ—а когда онъ собирался начать, мистеръ Фэрминъ сказалъ:

— Любезный Пеплоу, ради Бога, не читайте этой гнили.

Гнили! Какое выраженіе! Разумѣется, мистеръ Пеплоу былъ очень раздосадованъ. И это простой сотрудникъ газеты! Слыхалъ ли кто когда такую грубость! Мистриссъ Туффинъ сказала, что она тотчасъ приняла свои мѣры, какъ только увидала мистера Фэрмина въ первый разъ.

— Можетъ быть онъ племянникъ графа, хотя мнѣ это все равно. Можетъ быть, онъ былъ въ университетѣ, однако онъ не имѣетъ порядочныхъ манеръ. Можетъ быть онъ уменъ, и я не выдаю себя за судью; но онъ надмененъ, неуклюжъ, непріятенъ. Я не приглашу его

на мои вторники и я прошу тебя, Эмма, когда онъ пригласитъ тебя танцовать, чтобы ты съ нимъ не шла!

Вы понимаете, что быкъ на лугу, въ стадѣ другихъ быковъ—животное благородное, но быкъ въ фарфоровой лавкѣ не на мѣстѣ: таковъ былъ и Филиппъ на этихъ маленькихъ вечерахъ, гдѣ его грива, копыта, ревъ производили безконечную суматоху.

Эти замѣчанія о будущемъ своемъ зятѣ, мистриссъ Бэйнисъ слышала и повторяла. Она управляла Бэйнисомъ, но была очень осторожна и втайнѣ боялась его. Разъ или два она зашла слишкомъ далеко въ своемъ обращеніи съ спокойнымъ старикомъ; онъ возмутился, остановилъ ее и никогда ей не простилъ. Далѣе извѣстной точки, она не смѣла раздражать мужа. Она говорила:

— Бэйнисъ, бракъ—лотгерея, и мнѣ кажется, что нашей бѣдной Шарлоттѣ достался не хорошій билетъ.

На это генералъ отвѣчалъ ей:

— Не хуже чѣмъ другимъ, моя милая! И перемѣнялъ разговоръ.

Въ другой разъ она говорила:

— Ты слышалъ, какъ грубъ былъ Филиппъ Фэрминъ съ мистеромъ Габдэйемъ?

А генералъ отвѣчалъ:

— Я игралъ въ карты, моя милая.

Опять она говорила:

— Мистриссъ Туффинъ говоритъ, что она не хочетъ приглашать Филиппа Фэрмина на свои вторники.

А генералъ отвѣчалъ:

— Тѣмъ лучше для него!

— Ахъ, прибавила она, онъ вѣчно обижаетъ кого нибудь!

— Кажется, онъ не очень нравится тебѣ, Элиза! замѣтилъ генералъ.

— Да, я признаюсь, отвѣчала она:—и мнѣ непріятно думать, что мое кроткое дитя будетъ терпѣть бѣдность и съ такимъ человѣкомъ.

— А ты развѣ думаешь, что я нахожу это очень хорошей партіей? вскричалъ генералъ и, отвернувшись къ стѣнѣ, заснулъ.

Бѣдной же Шарлотты мать не боялась, и когда онѣ обѣ оставались вдвоемъ, бѣдная дѣвушка знала, что мать будетъ ее огорчать нападками на Филиппа.

— Видѣла ты какъ онъ одѣтъ? На жилетѣ недостаетъ пуговицы, въ сапогѣ дыра.

— Мама́, вскричала Шарлотта, вспыхнувъ, онъ могъ бы лучше одѣваться, если бы... если бы...

— То есть ты хотѣла бы, чтобы твой отецъ сидѣлъ въ тюрьмѣ,

мать просила милостыню, сестры ходили въ лохмотьяхъ, братья умирали съ голода, Шарлотта, чтобы заплатить Филиппу Фэрмину деньги, украденныя его отцомъ! Да... Вотъ что̀ ты хотѣла сказать. Нечего тебѣ объясняться. Я могу очень хорошо понять тебя, благодарствую. Спокойной ночи. Я надѣюсь, что *ты* будешь спать хорошо, а *я* не буду послѣ этого разговора. Спокойной ночи, Шарлотта!

О потокъ истинной любви, всегда ли ты гладко течешь? Бѣдная Шарлотта помолилась за своего Филиппа, и когда она закрыла глаза на своемъ изголовьи, они были смочены слезами. Почему ея мать вѣчно говоритъ противъ него? Почему ея отецъ становится такъ холоденъ, когда упомянутъ о Филиппѣ? Можетъ ли Шарлотта думать о комъ нибудь другомъ? О, никогда, никогда! А въ смежной комнатѣ старый джентльмэнъ не можетъ сомкнуть глазъ и все думаетъ:

«Моя бѣдная дѣвочка помолвлена за нищаго. Всѣ наши надежды, что онъ получитъ наслѣдство послѣ этого лорда, кончились. Бѣдное дитя, бѣдное дитя, что̀ будетъ съ нею?

Теперь перенесемся въ комнату мистера Филиппа, который былъ такъ грубъ и непріятенъ на вечерѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что онъ оскорбилъ кого нибудь. Онъ воротился домой очень довольный. Прежде чѣмъ легъ спать, онъ сталъ на колѣна возлѣ своей кровати, и отъ всего сердца, и отъ всей души поручилъ свою возлюбленную покровительству небесному и заснулъ какъ ребенокъ.

ГЛАВА XXIII.

Въ которой мы еще бродимъ около Елисейскихъ полей.

Біографъ друга моего, мистера Филлиппа Фэрмина, не старался ничего смягчать, и я надѣюсь ничего не представилъ злоумышленно. Если у Филиппа были дыры на сапогахъ, я и писалъ, что у него дыры на сапогахъ. Если у него борода рыжая—она и представлена рыжей въ этой исторіи. Я могъ бы разрисовать ее великолѣпнымъ каштановымъ оттѣнкомъ. Съ скромными людьми онъ всегда бывалъ кротокъ и нѣженъ; но я долженъ признаться, что вообще въ обществѣ онъ не всегда былъ пріятнымъ собесѣдникомъ. Онъ часто бывалъ надмененъ и дерзокъ; онъ терпѣть не могъ ни длинныхъ разсказовъ, ни пошлостей. Гарнизонные анекдоты мистриссъ Бэйнисъ очень нетерпѣливо выслу-

шивались мистеромъ Филиппомъ, хотя Шарлотта кротко увѣщевала его, говоря:

— Дайте же мама́ до конца разсказать свою исторію, не отвертывайтесь, не заговаривайте о другомъ, не говорите ей, что вы слышали прежде эту исторію, грубіянъ! Если она недовольна вами, она сердится на меня, и я должна страдать, когда вы уйдете.

Шарлотта не говорила, до какой степени она страдала безъ Филиппа, какъ постоянно ея мать бранила его, какую грустную жизнь, вслѣдствіе своей привязанности къ нему, должна была вести молодая дѣвушка, и я боюсь, что неуклюжій Филиппъ, въ своей эгоистической беззаботности, не очень принималъ во вниманіе страданія, какія его поведеніе причиняло дѣвушкѣ. Видите, я признаюсь, что онъ былъ виноватъ съ своей стороны, его, впрочемъ, можно бы извинить въ нѣкоторой степени, тѣмъ, что генеральша Бэйнисъ была гораздо болѣе виновата передъ нимъ. Она не любила бы Филиппа всегда, а неужели вы думаете, что она могла полюбить Филиппа за то, что была обязана ему? Любите ли вы вашего кредитора за то, что вы должны ему болѣе, чѣмъ въ состояніи ему заплатить? Еслибы я никогда не платилъ моему портному, находился ли бы я съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ? Мнѣ не нравились бы ни его сукно, ни его покрой, и навѣрно я находилъ бы счеты его непомѣрными, хотя не платилъ по нимъ. Одолженія очень неудобоваримы. Они тяжелы для очень гордыхъ желудковъ.

Изъ экономіи Бэйнисы не имѣли гостиной у баронессы Смоленской, потому что нельзя же было назвать гостиной эту комнату во второмъ этажѣ, въ которой стояло двѣ кровати, и въ которой младшіе Бэйнисы учились на фортепьяно у бѣдной Шарлотты. Филиппъ долженъ былъ ухаживать за своей возлюбленной на глазахъ всего семейства; это было бы ужасно и почти невозможно, если бы наши друзья не прогуливались иногда въ Елисейскихъ поляхъ. Я не намѣренъ секретничать относительно того, что они наконецъ обвѣнчались и были счастливы. Я презираю хитрости. Въ то время, когда была мода писать романы въ три тома, не глядѣли ли вы всегда на конецъ, будутъ ли счастливы Луиза и графъ (а можетъ быть и молодой пасторъ)? Если они умрутъ или будутъ имѣть какія нибудь огорченія другаго рода, я положилъ бы книгу въ сторону. Но эта чета обвѣнчалась и, надѣюсь, была счастлива. До свадьбы и послѣ, однако, они имѣли большія горести и непріятности. Они обвѣнчались? Разумѣется. Неужели, вы думаете, я допустилъ бы Шарлотту встрѣчаться съ Филиппомъ въ Елисейскихъ Поляхъ, если бы они не должны были обвѣнчаться потомъ? Они гуляли вмѣстѣ, и разъ, когда шли рука объ ру-

ку по Елисейскимъ Полямъ, съ маленькимъ братомъ Шарлотты, разумѣется, кого, вы думаете, увидали они въ щегольской коляскѣ? Молодаго Тунсдена и мистера и мистриссъ Ульком, которымъ Филиппъ снялъ свою шляпу съ низкимъ поклономъ, а потомъ громко захохоталъ. Ульком вѣрно это слышалъ. А мистриссъ Ульком слегка покраснѣла, что́, безъ сомнѣнія, еще увеличило красоту этой изящной лэди. Я не секретничаю насчетъ моихъ дѣйствующихъ лицъ и высказываю мое мнѣніе о нихъ совершенно свободно. Говорятъ, что Ульком былъ ревнивъ, скупъ, жестокъ, что жена его вела печальную жизнь. Ну такъ что́ жъ? Мнѣ, право, все равно.

— Это нищій Фэрминъ! закричалъ смуглый новобрачный, кусая свои усы.

— Безстыдный и дерзкій негодяй, сказалъ младшій Тунсденъ.

— Не лучше ли остановить коляску и разругать его передъ нимъ, а не при мнѣ? томно сказала мистриссъ Ульком, откидываясь на подушки.

— Ну, чортъ тебя возьми! Vite! закричали джентльмэны въ коляскѣ кучеру.

— Я воображаю, какъ вамъ не хочется его видѣть, продолжала мистриссъ Ульком. У него характеръ горячій, и я не хотѣла бы, чтобы вы поссорились.

Ульком опять разругалъ кучера и счастливая чета, какъ говорится, покатилась въ Булонскій лѣсъ.

— Чему вы такъ смѣетесь? спросила Шарлотта нѣжно, идя возлѣ своего возлюбленнаго.

— Потому что я такъ счастливъ! отвѣчалъ Филиппъ, прижимая къ своему сердцу маленькую ручку, которая лежала на его рукѣ.

И онъ думаетъ о той женщинѣ, которая проѣхала въ коляскѣ, а потомъ взглядываетъ въ чистое личико кроткой дѣвушки, которая идетъ рядомъ съ нимъ, и неизмѣримое чувство признательности наполняетъ грудь молодаго человѣка—признательности за избавленіе отъ опасности, которой онъ подвергался, и за чудную награду, доставшуюся ему.

Но не всѣ прогулки мистера Филиппа были такъ пріятны, какъ эта, и мы приступаемъ теперь къ исторіи мокрыхъ, скользкихъ дорогъ, дурной, зимней погоды. Я могу вамъ обѣщать только, что эта мрачная часть въ разсказѣ будетъ непродолжительна. Вы признаетесь, что мы скоро покончили съ любовью, которую я считаю самымъ легкимъ дѣломъ для романиста. Когда идутъ восторженныя сцены между героемъ и героиней, писатель, знающій свое дѣло, можетъ думать о чемъ нибудь другомъ—о слѣдующей главѣ или о томъ, что́ у него

будетъ за обѣдомъ, или о чемъ вы хотите; слѣдовательно, если мы быстро прошли восторги и радости любви, то и о горестяхъ нечего распространяться. Если наши молодые люди должны страдать, пусть ихъ огорченія скорѣе пройдутъ. Пожалуйста, сядьте на это кресло, миссъ Бэйнисъ, а вы, мистеръ Фэрминъ, на это. Позвольте мнѣ посмотрѣть, откройте вашъ ротъ, и — вотъ уже и кончено! Немножко одеколона съ водою. А теперь, мистеръ Фэрминъ, мы—какой огромный! Двѣ гинеи. Благодарю. Доброе утро. Пожалуйте ко мнѣ разъ въ годъ.

И я не намѣренъ заниматься непріятными дѣлами болѣе чѣмъ тотъ сострадательный и проворный операторъ, которому я осмѣлился уподобить себя. Если у моей хорошенькой Шарлотты надо выдернуть зубъ, онъ будетъ выдернутъ чрезвычайно осторожно. Что касается до рыжебородой челюсти Филиппа, я не прочь, чтобы Филиппъ немножко разревѣлся. Однако эти раны остаются на всю жизнь. Мы всѣ страдали; весьма вѣроятно, что вы, моя милая, юная миссъ или мой милый мистеръ, читающіе эту скромную страницу, будете также страдать въ свое время. Вы не умрете отъ операціи, но она мучительна, и много лѣтъ спустя, когда рана разболится, печальная трагедія опять разыграется.

Филиппъ любилъ, чтобы его возлюбленная выѣзжала, танцовала, смѣялась, возбуждала восторгъ, была счастлива. Она невинно разсказывала ему о своихъ балахъ, вечерахъ, удовольствіяхъ, кавалерахъ. Въ первый сезонъ выѣзда ничто не ускользаетъ отъ дѣвушки. Не слыхали ли вы, какъ онѣ разсказываютъ о нарядахъ матушекъ, о комплиментахъ молодыхъ людей, о поведеніи дѣвушекъ и мало ли еще о чемъ?

Шарлотта болтала обо всемъ Филиппу, а Филиппъ, хохоталъ во все горло! Какъ могъ человѣкъ недавно раззорившійся, человѣкъ только что обманувшійся въ ожиданіи насчетъ полученія наслѣдства отъ своего родственника, графа, человѣкъ, у котораго сапоги въ такомъ плачевномъ состояніи,—какъ могъ онъ такъ смѣяться и быть такъ веселъ? Какъ смѣетъ такой дерзкій нищій, какъ Рингудъ Туисденъ назвалъ своего кузена, быть счастливымъ! Дѣло въ томъ, что этотъ смѣхъ, какъ оплеуха, заставилъ щеки этихъ трехъ Туисденовъ покраснѣть. Веселость Филиппа прогоняла тучи съ нѣжнаго личика Шарлотты. Сомнѣнія, заставлявшія биться ея сердце, исчезали. Шарлотта лицемѣрила, что случается иногда со всѣми добрыми женщинами. У ней были огорченія, она скрывала ихъ отъ Филиппа. Ея сомнѣнія и опасенія исчезали, когда она глядѣла въ его честные, голубые глаза. Она не говорила ему о тѣхъ мучительныхъ ночахъ, когда *ея* глаза бывали заплаканы и безсонны. Старуха въ бѣлой кофтѣ, въ ночномъ

чепчикѣ приходила по ночамъ къ ея кровати и своимъ угрюмымъ голосомъ лаяла противъ Филиппа. Костлявый палецъ этой старухи указывалъ на всѣ недостатки Филиппа. Она вздергивала носъ, говоря о трубкѣ бѣднаго молодаго человѣка, его трубкѣ, его собесѣдницѣ и утѣшительницѣ, когда его возлюбленной нѣтъ съ нимъ. Старуха разсуждала о вчерашнихъ кавалерахъ, объ очевидномъ вниманіи мужчинъ, о вѣжливости ихъ и благородномъ обращеніи.

А когда кончалась ночная пытка, и мать Шарлотты оставляла въ покоѣ бѣдную дѣвушку, иногда баронесса Смоленская, сидѣвшая за своими книгами и счетами и не спавшая отъ своихъ собственныхъ заботъ, прокрадывалась къ Шарлоттѣ утѣшать ее, и приносила ей какую нибудь тизану превосходную для нервовъ, и говорила съ нею о—о томъ, что̀ Шарлота любила слушать болѣе всего. И хотя Смоленская бывала вѣжлива къ мистриссъ Бэйнисъ утромъ, какъ ей предписывалъ долгъ, она признавалась, что часто чувствовала желаніе задушить генеральшу за ея поведеніе съ этимъ ангельчикомъ, ея дочерью, и все только потому, что отъ мосьё Филиппа пахнетъ трубкой.

— Какъ, семейство обязанное вамъ насущнымъ хлѣбомъ, бросаетъ васъ изъ-за трубки! Трусы, трусы! Дочь солдата этого не боится! Послушайте, мосьё Филиппъ, сказала баронесса нашему другу, когда дѣла дошли до крайности. Знаете что̀ я сдѣлала бы на вашемъ мѣстѣ? Французу я этого не сказала бы, это разумѣется само собой. Но въ Англіи иначе дѣлаются эти вещи. У меня нѣтъ денегъ, но у меня есть кашмировая шаль—возмите ее; и будь я на вашемъ мѣстѣ, я сдѣлала бы маленькую поѣздку въ Гретна-Гринъ.

Теперь, если вамъ угодно, мы оставимъ Елисейскія поля и проберемся въ предмѣстье Сентъ-Онорэ и войдемъ въ ворота дома, занимаемаго англійскимъ посольствомъ, прямо въ канцелярію. Тамъ мы найдемъ мистера Моткома, мистера Лоундиса, мистера Гакина и нашего пріятеля Уальсингэма Гели сидящихъ за своими столами среди значительныхъ клубовъ дыма.

Гели съ семнадцатилѣтняго возраста (теперь ему двадцат три года) постоянно былъ влюбленъ, разумѣется, въ дочь своего учителя, въ лавочницу, въ сестру своего пріятеля, въ прелестную датчанку въ прошломъ году, а теперь, я очень боюсь, что одна наша молоденькая знакомая привлекла вниманіе этого пылкаго Донъ-Жуана. Всякій разъ, какъ Гели влюбится, онъ думаетъ, что его страсть продолжится вѣчно; выбираетъ въ повѣренные перваго встрѣчнаго, проливаетъ обильныя слезы и сочиняетъ стихи. Помните, какъ въ предыдущей главѣ мы говорили, что мистриссъ Теффинъ рѣшила,

что она не будетъ приглашать Филиппа на свои soirées, и объявила его непріятнымъ молодымъ человѣкомъ? Она съ радостью принимала Уальсингэма Гели съ его томнымъ видомъ, поникшею головою, бѣлокурыми кудрями и цвѣткомъ въ петлицѣ; мистеръ Гели, пылко гонявшійся за высокою миссъ Блэклокъ, бывалъ у мистриссъ Тёффинъ и былъ принимаемъ тамъ съ почстомъ; а потомъ нашъ мотылекъ перепорхнулъ къ миссъ Бэйнисъ. Миссъ Бэйнисъ такъ любила танцовать, что пошла бы и съ куклой, а Гели, отличавшійся въ разныхъ Chaumières, Mabilles (или какія публичныя танцовальныя мѣста были тогда въ модѣ) былъ прелюбезный и прекрасный кавалеръ. Шарлотта разсказала на слѣдующій день Филиппу, какого милаго кавалера она нашла — бѣдному Филиппу, не приглашенному на этотъ вечеръ. А Филиппъ сказалъ, что онъ знаетъ этого маленькаго человѣчка, что кажется онъ богатъ, что онъ сочиняетъ прехорошенькіе стихи—словомъ, Филиппъ, по своей львиной замашкѣ, смотрѣлъ на маленькаго Гели, какъ левъ смотритъ на болонку.

А этотъ маленькій лукавецъ умѣлъ придумывать разныя хитрости. У него была очень тонкая чувствительность и прекрасный вкусъ, который очень скоро прельщался невинностью и красотой. Слезы у него являлись, я не скажу по заказу, потому что онѣ лились изъ его глазъ противъ его воли. Невинность и свѣжесть Шарлотты наполняли его живѣйшимъ удовольствіемъ. Bon Dieu! Что такое была эта высокая миссъ Блэклокъ, бывшая уже на тысячи балахъ, въ сравненіи съ этимъ безъискуственнымъ, счастливымъ созданіемъ? Онъ перепорхнулъ отъ миссъ Блэклокъ къ Шарлоттѣ, какъ только увидѣлъ нашу молоденькую пріятельницу; а Блэклоки, знавшіе все и о немъ, и о его деньгахъ, и о его матери, и о его надеждахъ, имѣвшіе его стихи въ своихъ жалкихъ альбомахъ, и помнившія, что онъ каждый день скакалъ возлѣ ихъ коляски въ Булонскомъ лѣсу, нахмурились, когда онъ бросилъ ихъ и все танцовалъ съ этой миссъ Бэйнисъ, которая жила въ квартирѣ со столомъ и пріѣзжала на вечера въ фіакрѣ съ своей противной, старой матерью! Блэклоки перестали существовать для мистера Гели. Онѣ пригласили его обѣдать, а онъ совсѣмъ о томъ забылъ! Онъ не приходилъ уже къ нимъ въ ложу въ оперѣ и не чувствовалъ ни малѣйшихъ угрызеній, не имѣлъ никакихъ воспоминаній.

Какою свѣжестью, какою невинностью, какимъ веселымъ добродушіемъ отличалась Шарлотта! Мистеръ Гели тронутъ, нѣжно заинтересованъ; ея безъискусственный голосъ заставляетъ его трепетать; онъ дрожитъ, когда вальсируетъ съ нею. Ей нечего скрывать. Она разсказала ему все, что ему хотѣлось знать. Это ея первая зима въ Парижѣ, ея первый сезонъ выѣзда. Она прежде была только на двухъ ба-

лахъ и два раза въ театрѣ. Они жили въ Елисейскихъ поляхъ, у баронессы Смоленской. Они были у мистриссъ Дашъ и у мистриссъ Блэнкъ, и она думаетъ, что они ѣдутъ къ мистриссъ Старсъ въ пятницу. А бываетъ ли она въ церкви? Разумѣется, въ улицѣ Агессо. И мистеръ Гели отправился въ церковь въ слѣдующее воскресенье. А дома пѣлъ романсы собственнаго сочиненія, акомпанируя себѣ на гитарѣ. Онъ пѣлъ и въ гостяхъ. У него былъ прехорошенькій голосъ. Я полагаю, что всѣ поэмы, сочиненныя Гели, были внушены миссъ Бэйнисъ. Онъ началъ писать о ней и о себѣ послѣ перваго вечера, въ который увидалъ ее. Онъ курилъ сигары и пилъ зеленый чай. Онъ былъ такъ блѣденъ—такъ блѣденъ и грустенъ, что ему самому было жаль себя, когда онъ глядѣлся въ зеркало въ своей квартирѣ, въ улицѣ Мироменилъ. Онъ сравнивалъ себя съ морякомъ, претерпѣвшимъ крушеніе, и съ человѣкомъ, погребеннымъ заживо и возвращеннымъ къ жизни. И онъ плакалъ наединѣ самъ съ собою. А на слѣдующій день онъ отправился къ своей матери и сестрѣ въ Hôtel de la Terrasse и плакалъ передъ ними, и говорилъ, что на этотъ разъ влюбленъ навсегда. Сестра назвала его дуракомъ. Наплакавшись вдоволь, онъ пообѣдалъ съ прекраснымъ апетитомъ. И всѣхъ, и каждаго бралъ онъ въ повѣренные, какъ онъ дѣлалъ всегда, когда былъ влюбленъ; онъ всегда разсказывалъ, всегда сочинялъ стихи, всегда плакалъ. А что касается до миссъ Блэклокъ, то трупъ этой любви онъ зарылъ глубоко въ океанѣ своей души.

Мать и сестра, некрасивая, живая дѣвушка, баловали Гели, какъ женщины всегда балуютъ сына, брата, отца, мужа, дѣда—словомъ всякаго родственника мужескаго пола.

Видѣть женатымъ этого избалованнаго сынка было любимымъ желаніемъ добродушной матери. Старшій сынъ умеръ жертвою удовольствій и праздности. Вдова-мать отдала бы все на свѣтѣ, чтобы спасти втораго сына отъ той карьеры, на которой погибъ старшій. Молодаго человѣка ожидало впереди такое богатство, что она знала, какъ будутъ стараться поймать его разныя хитрыя женщины. Ее выдали за его отца, потому что онъ былъ богатъ, и она помнила, какъ мраченъ и несчастенъ былъ ихъ союзъ. О, еслибы она могла видѣть своего сына избавленнымъ отъ искушенія и мужемъ честной дѣвушки! Это первый сезонъ молодой дѣвушки? Тѣмъ вѣроятнѣе, что въ ней нѣтъ еще суетности.

— Генералъ? ты помнишь премилаго старичка, въ парикѣ, въ тотъ день, когда мы обѣдали у лорда Трима и когда тамъ былъ этотъ противный лордъ Рингудъ? Это былъ генералъ Бэйнисъ, онъ съ такимъ энтузіазмомъ заступился за одного бѣднаго молодаго человѣка, сына

доктора Фэрмина, который, кажется, былъ дурной человѣкъ. Да, въ темномъ парикѣ—я очень хорошо помню его, лордъ Тримъ говорилъ, что это былъ замѣчательный офицеръ. И я не сомнѣваюсь, что его жена должна быть препріятная особа. Жены генераловъ, путешествовавшія по всему свѣту, должны быть необыкновенно свѣдущи. Они нанимаютъ квартиту со столомъ? Это должно быть очень пріятно и весело. Мы сейчасъ къ нимъ поѣдемъ.

Въ этотъ самый день, когда Макгригоръ и Мойра Бэйнисы играли въ саду баронессы Смоленской, мнѣ кажется Мойра только что собирался приколотить Макгригора, когда его братоубійственная рука была остановлена подъѣхавшей желтой каретой, большой, лондонской, семейной каретой.

— Ceci madam Smolensk? спросилъ напудренный лакей.

— Oui, сказалъ мальчикъ, кивая головой.

— Ici demeure general Bang? продолжалъ лакей.

— Нѣтъ дома, отвѣчалъ по-англійски мальчикъ.

— Кого нѣтъ дома? спросилъ слуга.

— Генерала Бэйниса, моего отца, нѣтъ дома. Мы отдадимъ ему карточку, когда онъ воротится; *мистриссъ Гели*. О, Макъ, это то сомое имя, которое было на карточкѣ того щоголя, что̀ былъ у насъ намедни! Дома нѣтъ. Уѣхали съ визитами. Нарочно наняли карету. Уѣхали съ моей сестрой. Право, уѣхали.

Филиппъ пришелъ обѣдать, и такъ какъ это не его почтовый день, онъ явился рано, надѣясь, можетъ быть, прогуляться съ миссъ Шарлоттой или поговорить въ маленькой гостиной баронесы Смоленской. Онъ нашелъ обоихъ мальчиковъ на дворѣ съ карточкой мистриссъ Гели въ рукахъ; они разсказали ему о посѣщеніи дамы въ щегольской каретѣ, матери щоголя съ цвѣткомъ въ петлицѣ, который пріѣзжалъ намедни на такой рѣзвой лошади.

— Да. Онъ былъ въ воскресенье въ церкви и подарилъ Шарлоттѣ книгу съ гимнами, и пѣлъ. Папа̀ сказалъ, что онъ пѣлъ, какъ дудочникъ. А мама̀ сказала, что папа̀ злой, а это неправда, папа̀ только шутилъ. Мама̀ говоритъ, что вы никогда не бываете въ церкви. Зачѣмъ вы не бываете?

У Филиппа не было ни капли ревности въ его великодушномъ характерѣ, и онъ скорѣе обвинилъ бы Шарлотту въ воровствѣ серебряныхъ ложекъ у баронессы, чѣмъ въ кокетствѣ съ другими мужчинами.

— У васъ были важные гости, сказалъ онъ Шарлоттѣ. Я помню эту богатую мистриссъ Гели, паціентку моего отца. Моя бѣдная мать бывала у нея.

— О, мы часто видимъ мистера Гели, Филиппъ! вскричала миссъ

Шарлотта, не обращая вниманія на то, что мать ея нахмурилась и сердито киваетъ ей головою.

— Вы ни разу не упомянули о немъ. Онъ одинъ изъ первыхъ дэнди въ Парижѣ, настоящій левъ, замѣтилъ Филиппъ.

— Онъ? Какой забавный львенокъ! Я вовсе не думала о немъ, просто сказала Шарлотта.

О, неблагодарность! А мы разсказывали, какъ онъ выплакалъ глаза о ней.

— Вы говорите о дудочникѣ? спрашиваетъ папа̀. Я назвалъ его дудочникомъ, потому что онъ такъ хорошо... Ну, что̀ такое моя душа?

Мистриссъ Бэйнисъ толкнула генерала въ эту минуту. Она не желала, чтобы дудочникъ составлялъ предметъ разговора.

— Мать дудочника очень богата и дудочникъ получитъ наслѣдство послѣ ея смерти. У ней въ Лондонѣ прекрасный домъ. Она даетъ прекрасные вечера. Она ѣздитъ въ каретѣ; она была у тебя вѣрно приглашать тебя на свои балы.

Мистриссъ Бэйнисъ была въ восторгѣ отъ этого посѣщенія. И когда она говорила: «Я не дорожу важными людьми, ихъ балами, ихъ каретами, но я желаю, чтобы моя милая дочь видѣла свѣтъ», — я не вѣрю ни одному слову мистриссъ Бэйнисъ. Она радовалась болѣе Шарлотты при мысли посѣщать эту важную даму, а то зачѣмъ бы ей такъ льстить генералу и любезничать съ нимъ во весь вечеръ? Ей хотѣлось новаго платья. Ея желтое платье было уже очень поношено; но Шарлотта въ своемъ простомъ бѣломъ, кисейномъ казалась такъ мила, что могла обойтись безъ помощи французской модистки. Я воображаю, какъ происходило совѣщаніе съ баронессой Смоленской и съ мистриссъ Бёнчъ. Я воображаю, какъ нанятъ былъ фіакръ и какъ отправились къ модисткѣ на слѣдующій день. А когда фасонъ платья былъ рѣшенъ съ модисткой, я воображаю, какой ужасъ изобразился на лицѣ мистрисъ Бэйнисъ, когда она увидѣла счетъ. Надо отдать ей справедливость, жена генерала тратила мало на свою непригожую особу. Она выбирала себѣ платья не красивыя, а дешевыя. Столько плечъ надо было пріодѣть въ этой семьѣ, что бережливая мать не обращала вниманія на украшеніе своихъ собственныхъ.

ГЛАВА XXIV.

NEC DULCES AMORES SPERNE, PUER, NEQUE TU CHOREAS.

— Моя милая, сказала мистриссъ Бэйнисъ своей дочери, ты теперь много выѣзжаешь въ свѣтъ. Ты будешь часто тамъ, гдѣ бѣдный Филиппъ не можетъ надѣяться быть принятымъ.

— Я не хочу бывать тамъ, гдѣ не будутъ принимать Филиппа! вскричала дѣвушка.

— Ты успѣешь бросить выѣзды, когда выдешь за него. Но напрасно ты думаешь, что онъ вѣчно будетъ оставаться дома. Не всѣ мужчины такіе домосѣды, какъ твой отецъ. Немногіе любятъ сидѣть дома такъ какъ онъ. Право, я могу сказать, что я умѣла сдѣлать для него пріятнымъ его домъ. А Филиппъ не можетъ надѣяться бывать тамъ, гдѣ бываемъ мы. Онъ не въ такомъ положеніи. Вспомни, отецъ твой генералъ и скоро можетъ сдѣлается кавалеромъ ордена подвязки, а мать твоя генеральша. *Мы* можемъ бывать вездѣ. Я могла бы бывать у насъ при дворѣ. Лэди Биггсъ съ радостью представила бы меня. Тетка твоя была представлена ко двору, а она только маіорша Макъ-Гиртеръ; большую глупость сдѣлалъ Макъ, отпустивъ ее. Но она управляетъ имъ во всемъ и у нихъ нѣтъ дѣтей. А я жертвую собою для дѣтей. Ты не знаешь, чего я лишаю себя для дѣтей. Я сказала лэди Биггсъ: мужъ мой можетъ представиться. У него есть свой мундиръ, и это ничего ему не будетъ стоить, кромѣ того, что онъ найметъ карету; но *я* не буду тратить денегъ на перья и брильянты, и хотя я не уступаю въ вѣрноподданствѣ никому, моя государыня не хватится меня. Ея величеству есть о чемъ подумать кромѣ генеральши Бэйнисъ. Она сама мать и можетъ оцѣнить жертву матери дѣтямъ.

Если я до сихъ поръ не передавалъ вамъ подробно разговоровъ генеральши Бэйнисъ, я не думаю, чтобы вы, мой уважаемый читатель, очень сердились на это.

— Позволь мнѣ предостеречь тебя, дитя, продолжала генеральша, не много говорить Филиппу о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ты бываешь безъ него, и гдѣ ему не позволяетъ быть его положеніе въ жизни. Скрывать отъ него? О, Боже мой, нѣтъ! Это только для его же пользы, ты понимаешь... Я не все разсказываю твоему папà, чтобы не раздосадовать его и не раздражить. Что можетъ сдѣлать ему удовольствіе и обрадовать его, то я разсказываю ему. А Филиппъ—я должна сказать тебѣ какъ мать—имѣетъ свои недостатки. Онъ *завистливъ*. Не обижайся. Онъ много думаетъ о себѣ; его избаловали, его слишкомъ превозносили при его несчастномъ отцѣ; онъ такъ гордъ и надмененъ, что *забываетъ свое положеніе*, и думаетъ, что онъ можетъ жить въ высшемъ обществѣ. Если бы лордъ Рингудъ оставилъ ему состояніе, какъ Филиппъ *обнадежилъ* насъ, когда мы давали наше согласіе на этотъ несчастный бракъ, потому что мысль, что наше милое дитя выдетъ за нищаго, весьма непріятна и печальна для насъ; я не могу не говорить этого, Шарлотта; если бы я лежала на смертномъ одрѣ,

я не могла бы сказать этого, и я желала бы отъ всего сердца, чтобы мы никогда не видали его и не слыхали объ немъ. Вотъ, пожалуйста, не обижайся! Что я сказала, позволь спросить? Я сказала, что Филиппъ не имѣетъ никакого положенія въ обществѣ или, лучше сказать, занимаетъ весьма, весьма ничтожное—онъ просто сотрудникъ газеты, да еще второстепенный—въ этомъ сознаются всѣ. А когда онъ услышитъ отъ насъ, что мы были на тѣхъ вечерахъ, гдѣ мы имѣемъ право бывать, куда ты имѣешь право ѣздить съ твоею матерью, женою генерала, онъ обидится. Ему будетъ непріятно, что его не принимаютъ туда; тебѣ лучше вовсе не говорить съ нимъ о томъ, гдѣ ты бываешь, съ кѣмъ встрѣчаешься, съ кѣмъ танцуешь. У мистриссъ Гели ты можешь танцовать съ лордомъ Гэдбёри, сыномъ посланника. А если ты скажешь Филиппу, онъ обидится. Онъ скажетъ, что ты этимъ хвастаешься. Когда я была только женою поручика въ Барракпорѣ, капитанша Кэперсъ ѣздила въ Калькутту на балы къ губернатору, а я нѣтъ. И я обижалась, и я говорила, что Флора Кэперсъ важничаетъ и вѣчно хвастается своею короткостью съ маркизой Гэстингсъ. Мы не любимъ, чтобы равные намъ находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ мы. Помяни мое слово; если ты будешь говорить съ Филиппомъ о тѣхъ, кого ты встрѣчаешь въ обществѣ и съ кѣмъ ему не позволяетъ знакомиться его несчастное положеніе, ты обидишь его. Вотъ почему я толкнула тебя намедни, когда ты говорила о мистриссъ Гели. Какая нелѣпость! Я видѣла, что Филиппъ разсердился, началъ кусать свои усы, какъ онъ всегда дѣлаетъ, когда сердится; вотъ и ты опять разсердилась, душечка! Моя ли это Шарлотта, которая, бывало, не сердилась никогда? Я знаю свѣтъ, милая, а ты не знаешь. Погляди, какъ я обращалась съ твоимъ папа̀; повторяю тебѣ, не говори Филиппу о томъ, что̀ можетъ оскорбить его! Поцѣлуй твою бѣдную, старую мать, которая любитъ тебя. Сходи на верхъ, вымой свои глаза и приходи къ обѣду счастливою.

За обѣдомъ генеральша Бэйнисъ была необыкновенно любезна къ Филиппу, а любезность ея была особенно противна Филиппу, великодушная натура котораго не могла выносить хитростей этой необразованной старухи.

Слѣдуя совѣту матери, бѣдная Шарлотта почти совсѣмъ не говорила съ Филиппомъ о тѣхъ вечерахъ, на которыхъ они бывали, и объ удовольствіяхъ, которыми она пользовалась безъ него. Я думаю, что мистриссъ Бэйнисъ была совершенно счастлива при мысли, что она «руководитъ» своею дочерью, какъ слѣдуетъ. Какъ будто грубая женщина, потому что она низка, жадна, лицемѣрна, имѣетъ право руководить невинною натурою къ дурному! Ахъ, еслибы многіе изъ

насъ, стариковъ, поучились у дѣтей своихъ, я увѣренъ, сударыня, что это было бы очень полезно для насъ! Въ моемъ правнукѣ Томми хранится такой запасъ здраваго смысла и благороднаго чувства, который поцѣннѣе всей опытности и знанія свѣта его дѣдушки. Знаніе свѣта ничто иное какъ эгоизмъ и притворство! Томъ презираетъ ложь, когда ему хочется персика, онъ кричитъ, чтобы ему дали его. Если его мать желаетъ ѣхать на вечеръ, она хитритъ и льститъ цѣлый мѣсяцъ, чтобы достигнуть своей цѣли; получаетъ тысячу возраженій и опять принимается за свое съ улыбкою—и эта женщина вѣчно читаетъ нравоученія своимъ дочерямъ и сыновьямъ о добродѣтели, честности и моральномъ поведеніи!

Маленькій вечеръ у мистриссъ Гели въ Hôtel de la Terrasse былъ очень пріятенъ и блестящъ; миссъ Шарлоттѣ было весело, хотя ея возлюбленнаго тамъ не было. Но Филиппъ былъ радъ, что его Шарлотта веселится. Съ удивленіемъ смотрѣла она на парижскихъ герцогинь, на американскихъ милліонершъ, на дэнди изъ посольствъ, на депутатовъ и французскихъ пэровъ съ большими звѣздами и въ парикахъ какъ ея папà. Она весело описала этотъ вечеръ Филиппу, т. е., разумѣется, описала все, кромѣ своего успѣха, который былъ несомнѣненъ. У мистриссъ Гели было много красавицъ, но никого не было свѣжѣе и красивѣе Шарлотты. Миссъ Блэклокъ уѣхала очень рано и въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Хитрый принцъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ отъѣздъ. Всѣ его мысли были устремлены на Шарлотту. Мамà Шарлотты видѣла, какое впечатлѣніе производила ея дочь и преисполнилась личною радостью. Добродушная мистриссъ Гели похвалила ей ея дочь.

— Слава Богу, она столько же добра сколько хороша, сказала мать, и я увѣренъ, что на этотъ разъ она говорила именно чтò думала.

Хитрый принцъ почти не танцовалъ ни съ кѣмъ кромѣ нея. Онъ осыпалъ ее цѣлымъ потокомъ комплиментовъ. Она была такъ простодушна, что не поняла и десятой части изъ того, чтò онъ говорилъ ей. Онъ усыпалъ ея путь розами поэзіи, онъ увѣшалъ сентиментальными гирляндами всю дорогу изъ передней, съ лѣстницы, до фіакра, который отвозилъ ее домой.

— Ей Богу, Шарлотта, ты плѣнила этого молодца, вскричалъ генералъ, котораго необыкновенно забавлялъ молодой Гели—и его восторги, его аффектація, его длинные волосы. Бэйнисъ никогда не видалъ подобнаго щеголя. Офицеры въ его полку говорили о собакахъ, лошадяхъ, охотѣ. Гражданскій чиновникъ, болтавшій на двѣнадцати

языкахъ, раздушенный, улыбающійся, совершенно довольный и собою и свѣтомъ, былъ новостью для стараго генерала.

Настал день рожденія королевы—и дай Богъ, чтобы онъ наставалъ еще много лѣтъ—а вмѣстѣ съ нимъ ежегодный балъ, даваемый лордомъ Эстриджемъ въ честь своей государыни. Генералу, генеральшѣ и миссъ Бэйнисъ былъ посланъ пригласительный билетъ; безъ сомнѣнія, это было сдѣлано посредствомъ мистера Уальсингэма Гели. Еще разъ мундиръ ветерана былъ вынутъ изъ чемодана, съ эполетами, крестомъ и лентой, жена уговаривала его купить непремѣнно новый парикъ—парики были дешевы и хороши въ Парижѣ, но Бэйнисъ сказалъ, что при новомъ парикѣ старый мундиръ покажется очень ветхъ, а новый мундиръ будетъ стоить слишкомъ дорого.

Если генералъ Бэйнисъ былъ въ поношеномъ платьѣ на балѣ у посланника, мнѣ кажется, я знаю одного моего пріятеля, который также имѣлъ поношеный костюмъ. Въ дни своего благоденствія, мистеръ Филиппъ былъ parens cultor et infrequens баловъ, раутовъ и дамскаго общества. Можетъ быть Филиппъ до того такъ неглижировалъ всѣмъ этимъ, что отецъ его слишкомъ дорожилъ его успѣхами въ свѣтѣ и сердился за его равнодушіе къ нимъ. Притворныя улыбки, лицемѣрная вѣжливость старшихъ возбуждаютъ презрѣніе молодыхъ людей. Филиппъ презиралъ притворство и свѣтъ, принимавшій это притворство съ доброжелательствомъ. Онъ тогда держался подальше отъ баловъ и вечеровъ, его бальный костюмъ служилъ ему надолго. Я не знаю, какъ старъ былъ его фракъ въ то время, о которомъ мы говоримъ, но онъ привыкъ уважать этотъ костюмъ и считать его новымъ и красивымъ. Вы знаете, что въ Пале-Роялѣ вывѣшиваютъ самые великолѣпные шлафроки, жилеты и проч.

«Нѣтъ, думалъ Филиппъ, возвращаясь съ своего дешеваго обѣда и смотря подъ аркадами на лавки портныхъ, засунувъ руки въ карманъ, мой коричневый, бархатный жилетъ, купленный мною еще въ университетѣ, гораздо изящнѣе, чѣмъ эти пестрыя вещи. Мой фракъ, конечно, старъ, но мѣдныя пуговицы очень ярко блестятъ, и это самый приличный, джентльмэнскій костюмъ.

Подъ вліяніемъ этой обманчивой мечты, честный юноша одѣлся въ старый фракъ, зажегъ двѣ свѣчи и самодовольно поглядѣлся въ зеркало, надѣлъ пару дешевыхъ перчатокъ и отправился въ домъ англійскаго посольства. Цѣлый рядъ экипажей тянулся по улицѣ и, разумѣется подъѣздъ былъ великолѣпно освѣщенъ.

Почему Филиппъ не заплатилъ за перчатки три франка, вмѣсто двадцати девяти су? Мистриссъ Бэйнисъ нашла отличную лавку съ дешевыми перчатками, куда бѣдный Филь отправился въ простотѣ сво-

его сердца; теперь же, подходя къ освѣщенному подъѣзду, Филиппъ увидалъ, что перчатки лопнули и руки его виднѣлись сквозь прорѣхи красные какъ сырой бифстексъ. Удивительный видъ имѣютъ красныя руки сквозь дыры въ бѣлыхъ перчаткахъ. Сюртукъ и жилетъ были узки и стариннаго фасона. Нужды нѣтъ. Грудь широка, руки мускулисты и длинны, а лицо Филиппа было мужественно, честно и красиво. Нѣсколько времени глаза его свирѣпо и тревожно обошли всю комнату отъ группы до группы, но теперь—а! теперь—они остановились. Они встрѣтили другіе глаза, которые засвѣтились радостнымъ привѣтствіемъ. Юныя же щеки покрылись нѣжнымъ румянцемъ. Это были щеки Шарлотты, а возлѣ нея щеки мама приняли совершенно различный цвѣтъ.

Вольшой палецъ на одной изъ дешевыхъ перчатокъ Филиппа разорвался—ужасная бѣда, потому что онъ будетъ танцовать съ Шарлоттой и долженъ давать свою руку визави.

Кто подходитъ улыбаясь, съ развѣвающимися кудрями и усами, въ изящныхъ перчаткахъ, на маленькихъ хорошенькихъ рукахъ и съ крошечными ногами? Это Гели Уальсингэмъ, легче всѣхъ танцующій. Генеральша Бэйнисъ чрезвычайно любезно встрѣчаетъ молодаго человѣка. Свѣтло и весело засіяли глаза Шарлотты, когда она взглянула на своего любимаго кавалера. Это вѣрно, что бѣдный Филь не можетъ надѣяться танцовать такъ, какъ Гели.

— Посмотри, какія у него прекрасныя ноги и руки, говоритъ мистриссъ Бэйнисъ. Comme il est bien ganté! Джентльмэнъ долженъ всегда имѣть хорошія перчатки.

— Зачѣмъ вы послали меня въ лавку, гдѣ перчатки продаются по двадцати девяти су? возражаетъ бѣдный Филь, смотря на свой торчащій красный палецъ.

— О, *ваши* руки (тутъ мистриссъ Бэйнисъ пожала своими старыми, желтыми плечами) прорвутъ всякія перчатки! Какъ ваше здоровье, мистеръ Гели? Ваша мама здѣсь? Да, разумѣется, она здѣсь! Какой восхитительный вечеръ дала она намъ! Милая посланница кажется не совсѣмъ здорова. Какія у ней пріятныя манеры; а лордъ Эстриджъ какой совершеннѣйшій джентльмэнъ!

На какой танецъ ангажирована миссъ Бэйниссъ?

— На какой вамъ угодно! вскричала Шарлотта, которая называла Гели своимъ танцовальнымъ учителемъ и думала о немъ только, какъ о кавалерѣ въ танцахъ.

— О, какое счастье! О, если бы это могло продолжаться вѣчно! сказалъ со вздохомъ Гели послѣ вальса, польки, мазурки, устремивъ на Шарлотту весь пылъ своихъ голубыхъ глазъ.

— Вѣчно! повторила Шарлотта, смѣясь. Я точно очень люблю танцовать. Вы танцуете прекрасно. Но не знаю, хотѣла ли бы я танцовать вѣчно!

Прежде чѣмъ она кончила эти слова, онъ опять завертѣлъ ее по комнатѣ. Его маленькія ноги летали съ изумительною легкостью. Его волосы развѣвались. Онъ распространялъ благоуханіе вокругъ себя. Носовой платокъ, которымъ онъ обмахивалъ свое блѣдное чело, походилъ на кисейное облако, а бѣдный Филиппъ видитъ съ ужасомъ, что въ *его* носовомъ платкѣ три большія дыры. Его носъ и одинъ глазъ высунулись сквозь нихъ, когда Филь отиралъ свой лобъ. Было очень жарко. Ему было очень жарко; ему было жарче, хотя онъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, чѣмъ Гели, который танцовалъ.

— Хи-хи! Поздравляю васъ съ такими перчатками и съ такимъ носовымъ платкомъ, сказала мистриссъ Бэйнисъ, качая своимъ тюрбаномъ. — Вотъ! Благодарствуйте! Уйдите лучше въ другое мѣсто, вскричала съ бѣшенствомъ мистриссъ Бейнисъ.

Нога бѣднаго Филиппа наступила на ея воланъ. Какой онъ красный! Гели и Шарлотта вертятся, какъ оперные танцовщики! Филиппъ скрежещетъ зубами, застегиваетъ свой фракъ. Какъ онъ ему узокъ! Какъ свирѣпо сверкаютъ его глаза! Всегда ли молодые люди бываютъ свирѣпы на балахъ? Молодые англичане обязаны танцовать. Общество призываетъ его къ исполненію этого долга. Но я не знаю, долженъ ли онъ имѣть веселый и легкомысленный видъ во время такого важнаго занятія.

Нѣжное личико Шарлотты улыбалось такъ весело на Филиппа черезъ плечо Гени и казалось такъ счастливо, что ему не могло придти на мысль сердиться на нее за ея удовольствіе, и счастливъ былъ бы онъ этимъ созерцаніемъ, смотря не на танцующихъ, кружившихся около него, а на нее—центръ всѣхъ его радостей и удовольствій, какъ вдругъ пронзительный голосъ послышался позади его:

— Прочь съ дороги, чортъ васъ побери!

И на Филиппа наткнулся Рингудъ Туисденъ, вертясь съ миссъ Флорой Тоттеръ, самой неустрашимой танцовщицей этого сезона въ Парижѣ. Они промчались мимо Филиппа, они оттолкнули его къ колоннѣ. Онъ услыхалъ крикъ, ругательство и громкій смѣхъ Туисдена.

Я говорилъ вамъ, что фракъ Филиппа былъ очень узокъ. При этомъ сильномъ толчкѣ онъ лопнулъ на спинѣ, а на груди отскочила пуговица. Это было въ тѣ времена, когда бронзовыя пуговицы еще красовались на груди нѣкоторыхъ отважныхъ, и мы сказали, что простодушный Филиппъ еще считалъ свой фракъ прекраснымъ.

Не только разорвался фракъ, не только отскочила пуговица, но

даже лопнулъ бархатный жилетъ Филиппа. Что дѣлать? Отступленіе было необходимо. Онъ сказалъ миссъ Шарлоттѣ, какой онъ получилъ толчокъ и на лицѣ ея выразилось комическое выраженіе состраданія — онъ закрылъ часть прорѣхъ своею шляпою — и хотѣлъ пробраться черезъ садъ, разумѣется, тоже иллюминованный, свѣтлый и наполненный толпою, но не до такой степени, какъ залы и галлереи.

Итакъ нашъ бѣдный раненый другъ отправился въ садъ, на который сіяла луна съ самымъ безстрашнымъ равнодушіемъ къ празднеству и разноцвѣтнымъ фонарикамъ. Филиппъ говорилъ, что душа его успокоилась при видѣ безстрастной луны и мерцающихъ звѣздъ, и что онъ совершенной забылъ свое маленькое приключеніе и разорванный фракъ, и жилетъ, но я сомнѣваюсь въ справедливости этого увѣренія, потому что, разсказывая объ этомъ въ другой разъ, мистеръ Филиппъ признавался, что онъ былъ раздосадованъ и взбѣшенъ.

Ну, пошелъ онъ въ садъ и успокоивалъ себя созерцаніемъ звѣздъ, когда у фонтана съ статуею Прадье, освѣщенной чуднымъ рядомъ фанариковъ, онъ увидалъ трехъ джентльменовъ разговаривавшихъ между собой.

Громкій голосъ одного Филиппъ давно зналъ. Рингудъ Туисденъ любилъ поговорить и угостить себя чужимъ виномъ. Онъ пилъ за здоровье государыни весьма прилежно, я полагаю, и говорилъ необыкновенно громко и весело. Съ Рингудомъ стоялъ Улькомъ, физіономію котораго ярко освѣщали фонарики и глаза котораго блестѣли при огнѣ, а третій въ группѣ былъ мистеръ Лоундисъ.

— Я терпѣть его не могу, Лоундисъ, говорилъ Рингудъ Туисденъ. Я терпѣть его не могу! Чортъ его возьми! И вдругъ вижу онъ стоитъ. Честное слово удержаться не могъ, направилъ на него миссъ Троттеръ, да и прижалъ его къ стѣнѣ. Затрещалъ фракъ нищаго, отлетѣли пуговицы! Не мѣсто ему здѣсь....

Тутъ рѣчь мистера Рингуда прервалась: его кузенъ очутился передъ нимъ, угрюмо кусая усы.

— Зачѣмъ вы подслушиваете мой разговоръ? запищалъ Рингудъ.— Я....

Филиппъ протянулъ руку въ разорванной перчаткѣ, схватилъ заворотъ своего родственника и швырнулъ его въ маленькій бассейнъ, посреди цвѣтовъ, воды и фонариковъ.

Не знаю, сколько мѣдныхъ пуговицъ отарвалось отъ бѣднаго стараго фрака, который затрещалъ и лопнулъ отъ волненія гнѣвно воздымавшейся груди. Я надѣюсь, что нашъ художникъ не будетъ описывать мистера Фэрмина въ этомъ оборванномъ видѣ, а его распростертаго врага ревѣвшаго въ водѣ, посреди разбитыхъ фонариковъ у его

ногъ. Когда Сандрильона уѣхала съ своего перваго бала, послѣ того какъ часы пробили двѣнадцать, мы всѣ знаемъ, какой она имѣла жалкій видъ. Филиппъ казался еще хуже ея. Не знаю, въ какую боковую дверь мистеръ Лоундисъ выпустилъ его. Онъ также доброжелательно помогъ родственнику и противнику мистера Филиппа, мистеру Рингуду Тунсдену. Руки и фалды фрака Тунсдена были обожжены и запачканы масломъ и обрѣзаны стеклами. Но хотя молодой Лоундисъ бралъ сторону Филиппа, описывая эту сцену (я боюсь, что не безъ смѣха), его превосходительство велѣлъ вычеркнуть имя мистера Фэрмина изъ списка его гостей, и я увѣренъ, что ни одинъ умный человѣкъ не будетъ защищать его поведеніе въ этомъ случаѣ.

Миссъ Бэйнисъ и ея родители не знали нѣсколько времени о суматохѣ, случившейся въ саду посольства. Шарлотта была слишкомъ занята своими танцами; папа игралъ въ карты съ какими-то ветеранами мужскаго и женскаго рода, а мама съ восторгомъ смотрѣла на свою дочь, которую молодые джентльмены изъ многихъ посольствъ съ восхищеніемъ выбирали своею дамою. Когда лорда Гэдбёри, сына лорда Эстриджи, представили Миссъ Бэйнисъ, мать ея пришла въ такой восторгъ, что сама была готова танцовать. Я не завидую маіоршѣ Макъ-Гиртеръ въ Турѣ, получившей огромную рукопись отъ сестры съ описаніемъ этого бала. Вотъ эта прелестная, изящная, образованная, *всюду производящая восторгъ,* Шарлотта, о которой *сходили съ ума* молодые и богатые вельможи, помолвлена съ грубымъ, *самонадѣяннымъ,* дурно воспитаннымъ молодымъ человѣкомъ, *безъ копѣйки за душой* — не досадно ли это? Ахъ, бѣдный Филиппъ! Какъ эта кислая, желтая будущая теща нахмурилась на него, когда онъ пришелъ съ нѣсколько пристыженнымъ видомъ къ своей невѣстѣ, на другой день бала! Мистриссъ Бэйнисъ заставила дочь одѣться нарядно, запретила бѣдной дѣвушкѣ выходить, ласкала ее, нарядила въ разныя свои украшенія, съ нѣжною надеждою, что лордъ Гэдбёри, что желтый испанецъ изъ посольства, прусскій секретарь и Уэльсингэмъ Гели, кавалеры Шарлотты на балѣ, пріѣдутъ непремѣнно; но единственный экипажъ подъѣзжавшій къ воротамъ дома баронессы Смоленской, былъ фіакръ, изъ котораго вышли хорошо знакомые, дырявые сапоги Филиппа. Такая нѣжная мать, какъ мистриссъ Бэйнисъ, очень могла раздосадоваться.

Филиппъ же былъ необыкновенно застѣнчивъ и скроменъ. Онъ не зналъ, съ какой точки зрѣнія его друзья взглянутъ на его вчерашній поступокъ. Онъ сидѣлъ цѣлое утро дома съ однимъ польскимъ полковникомъ, который жилъ въ одной съ нимъ гостинницѣ, и котораго Филиппъ пригласилъ въ свои секунданты на случай, если вчерашняя

баталія будетъ имѣть послѣдствія. Онъ оставилъ полковника съ табакомъ и пивомъ, а самъ поскакалъ взглянуть на свою возлюбленную. Бэйнисы не слыхали о вчерашней баталіи. Они только и говорили о балѣ, о любезности лорда Эстриджа, о присутствіи королевскихъ принцевъ, удостоившихъ этотъ балъ своимъ присутствіемъ. Филиппа мама̀ побранила и холодно приняла; но онъ привыкъ къ этому обращенію и почувствовалъ большое облегченіе, найдя, что ей неизвѣстно его безпорядочное поведеніе. Онъ не сказалъ Шарлоттѣ о своей ссорѣ: это могло испугать дѣвушку, итакъ разъ въ жизни другъ нашъ промолчалъ.

Но если онъ имѣлъ вліяніе на издателя Galignani's Messenger, почему онъ не упросилъ редакторовъ этой превосходной газеты не упоминать о суматохѣ, происходившей на балу посланника? Съ сожалѣніемъ долженъ я сказать, что черезъ два дня послѣ бала, въ газетѣ появился параграфъ, разсказывавшій подробности баталіи. И виновный Филиппъ нашелъ нумеръ этой газеты на столѣ передъ мистриссъ Бэйнисъ и генераломъ, когда онъ пришелъ въ Елисейскія Поля по своему обыкновенію. За этой газетой сидѣлъ генералъ маіоръ Бэйнисъ въ большомъ смущеніи, а возлѣ него его грозная супруга. Но Шарлотты въ комнатѣ не было.

ПОЛИТИКА.

Америка.—Паденіе метрополіи рабства.—Симпатія европейскихъ пролетаріевъ къ Неграмъ.—Пораженіе рабовладѣльцевъ при Питтсбургѣ.—Послѣднія извѣстія о Мерримакѣ и Мониторѣ. — Странное путешествіе французскаго посланника при вашингтонскомъ правительствѣ въ Ричмондъ. — Замыслы тюльерійскаго двора относительно мексиканскаго престола. **Испанія.**—Правленіе маршала О'Доннеля и сестры Патроцинio.—Преслѣдованіе протестантовъ. **Англія.**—Открытіе лондонской выставки. — Положеніе парламентскихъ партій.—Состояніе англійскихъ рабочихъ. — Дѣла Индіи. — Милосердый Каннингъ.—Его возвращеніе въ Англію.—Подлоги въ государственныхъ бумагахъ, совершенные Пальмерстономъ. **Франція.**—Освобожденіе и новая блистательная выходка Миреса.—Снисходительность французскаго суда къ «финансовымъ операціямъ» и строгость его къ литературѣ. **Италія.** — Отозваніе Гойона въ Парижъ. — Оваціи, сдѣланныя Виктору Эммануилу въ Неаполѣ и Сициліи.—Подвиги папы Пія IX.—Воззваніе къ Римлянамъ. — Импровизированный походъ на Австрію.—Аресты.—Положеніе Гарибальди. **Греція.** — Взятіе Навпліи.—Состояніе народнаго духа. **Турція.**—Война съ Сербами и Черногорцами.—Возвращеніе Омера Паши въ Константинополь. **Австрія.** — Затруднительное положеніе австрійскаго кабинета по поводу Венгріи и Венеціи. **Пруссія.**—Открытіе новой палаты.—Празднованіе памяти Фихте. **Курфиршество Гессенское.**—Несогласія между курфирстомъ и его подданными. — Пруссія, Австрія и Германскій сеймъ принимаютъ сторону права народовъ противъ такъ называемаго права божескаго.

Итакъ, взята наконецъ столица этого могущественнаго владыки хлопка! Метрополія рабства пала передъ федеральными солдатами, явившимися съ бомбардами и канонерными лодками. Новый Орлеанъ сдался своему непріятелю безусловно. Знамя, предвѣщающее свободу, теперь развѣвается надъ этимъ обширнымъ рынкомъ рабовъ!

До сдачи, жители этого города столько хвастались своимъ могуществомъ и съ такимъ пренебреженіемъ говорили о своихъ врагахъ, что никто не хотѣлъ вѣрить извѣстію о паденіи гордой столицы сепаратистовъ. Цѣлый годъ журналы Новаго Орлеана трубили наперерывъ другъ передъ другомъ: «Когда же наконецъ нападутъ на насъ эти проклятые Янки?! Пусть только явятся они — и мы немедленно обратимъ ихъ въ бѣгство! Посмотримъ, какъ-то суда ихъ поѣдутъ вверхъ по Миссисипи, какъ-то проберутся они подъ выстрѣлами фортовъ Джэксона, Сентъ-Филиппа и Сентъ-Леона и какъ-то сладятъ съ нашими желѣзными пароходами и съ нашими броненосными батареями! Если они не погибнутъ въ продолженіе этого ряда битвъ, то пусть явятся къ нашему городу, къ тому самому мѣсту, откуда въ 1815 году долженъ былъ обратиться вспять англійскій флотъ! Съ нетерпѣніемъ ждемъ мы высадки федеральныхъ войскъ: пусть вступятъ они на то самое поле сраженія, гдѣ армія генерала Пэкенгема была истреблена до послѣдняго человѣка и гдѣ наши предки едва поспѣвали хоронить убитыхъ непріятелей»! Эти родомонтады повторялись такъ часто и съ такимъ воодушевленіемъ, что привели въ недоумѣніе всѣхъ. Самые свѣдущіе федералисты опасались, что пройдетъ еще цѣлое лѣто, прежде чѣмъ отпавшій городъ снова вступитъ въ предѣлы союза.

И вотъ вдругъ бѣглые Негры приносятъ великое, невѣроятное извѣстіе: фортъ Джэксонъ и его могущественная артиллерія взяты послѣ страшной бомбардировки, продолжавшейся тридцать шесть часовъ. Форты Сентъ-Филиппъ и Сентъ-Леонъ не представляли серьезнаго сопротивленія. Пятьдесятъ федеральныхъ канонерныхъ лодокъ расположились въ боевой порядокъ передъ городомъ сепаратистовъ, простиравшимся на двѣнадцать километровъ вдоль берега рѣки. Въ то же время войска, назначенныя для высадки, смѣло вступили на поле сраженія, гдѣ въ 1815 году разбита была армія Англичанъ. Пока федеральные солдаты шли на городъ, хвастливыя войска рабовладѣльцевъ выступали оттуда въ строгомъ порядкѣ, не рѣшаясь на бой съ непріятелемъ, но унося съ собою свои сокровища и дѣлая выстрѣлы по женщинамъ и дѣтямъ, которыя, при видѣ приближавшагося звѣздоноснаго знамени отечества, испускали радостные крики. Увѣренный въ своей безнаказанности, мэръ Новаго Орлеана хотѣлъ пасть подобно Римлянину и произнесъ гордыя слова: «Я уступаю грубой силѣ. Я не солдатъ, не располагаю арміею и не могу защищаться»... Онъ дѣйствительно не располагалъ войскомъ въ городѣ, содержащемъ полтора-

ста тысячъ жителей, преданныхъ, по его словамъ, дѣлу правды и независимости! Сила въ томъ, что въ числѣ этихъ 150,000 душъ находится 20,000 Негровъ, пришедшихъ въ неистовый восторгъ по поводу прибытія федералистовъ, 30,000 Нѣмцевъ, 20,000 Ирландцевъ и 10,000 Французовъ, которые всѣ болѣе или менѣе сочувствуютъ дѣлу освобожденія невольниковъ и болѣе или менѣе разорены вслѣдствіе возстанія южныхъ штатовъ. Ужъ, конечно, не между ними мэръ Новаго Орлеана могъ надѣяться набрать войско для защиты города!

Политическія послѣдствія взятія метрополіи юга неимовѣрны. Начать съ того, что армія Борегара не можетъ болѣе расчитывать на полученіе съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ, которые ей доставлялись прежде. Миссисипи теперь по всему своему теченію переходитъ во власть федералистовъ. Между тѣмъ какъ флотилія изъ канонерныхъ лодокъ осаждаетъ Мемфисъ съ верховья, флотъ гораздо болѣе страшный можетъ плыть вверхъ по рѣкѣ, взять на пути Батонъ-Ружъ и Виксбургъ и угрожать Мемфису со стороны низовья. Съ утвержденіемъ господства федералистовъ на рѣкѣ Миссисипи, силы рабовладѣльцевъ, уже и безъ того раздвоенныя, распадаются на три части, которыя не могутъ подать помощи другъ другу и должны сражаться каждая отдѣльно, то есть безъ надежды на успѣхъ. Генералу Борегару, притѣсняемому федеральными войсками съ сѣвера и съ востока, угрожаетъ опасность съ юга вслѣдствіе взятія Новаго Орлеана и съ запада отъ флота, находящагося на Миссисипи. Этотъ предводитель сепаратистовъ почти со всѣхъ сторонъ окруженъ непріятелемъ. Если онъ герой, то ему остается только пробить себѣ дорогу сквозь непріятельскіе ряды и, переходя отъ одной битвы къ другой, искать окончательнаго своего пораженія. Тогда опустошеніе и пожаръ одни будутъ служить слѣдами храбрыхъ рыцарей невольничества. Возстаніе южныхъ штатовъ будетъ имѣть послѣдствіемъ одно только разореніе плантаторовъ. Опустошеніе, произведенное войною, уже дѣйствительно ужасно! Южная часть Миссури и сѣверная Арканзаса, нѣкогда бывшія обѣтованною землею рабовладѣльцевъ, «страною, гдѣ течетъ млеко и медъ», теперь представляютъ пустыню, въ которой, какъ въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны, находятся одни покинутыя села и поля, заростаемыя хворостникомъ. Невозможность содержать себя въ этой странѣ заставила войска той и другой стороны, по взаимному соглашенію, покинуть эту спорную территорію и перейдти въ долину Миссисипи.

Надо сказать къ чести нашего поколѣнія—оно не допустило огромнымъ матеріальнымъ интересамъ восторжествовать надъ чувствомъ справедливости. У него на одной чашкѣ вѣсовъ взгромождены были кипы хлопчатой бумаги на милліоны и милліоны франковъ; въ нихъ заключались богатство фабрикантовъ, благосостояніе купцовъ, насущный хлѣбъ работниковъ. На другой чашкѣ находилась какая-то невидимая сила, быть можетъ ничтожная сама по себѣ, братская любовь и симпатія къ черному невольнику—этому отверженнику человѣческаго общества, сострадание къ несчастному рабу, угнетенному и битому. И что же? Къ удивленію, перевѣсъ оказался не на сторонѣ богатства, не на сторонѣ товаровъ, золота и серебра!

Сказать правду, мы были менѣе хорошаго мнѣнія о нашей эпохѣ, чѣмъ она заслуживаетъ. Нами сначала овладѣло страшное безпокойство. Соединенные штаты затѣяли гражданскую войну, притворяясь, будто не знаютъ о существованіи невольниковъ. Сѣверъ въ своихъ врагахъ хотѣлъ видѣть только мятежниковъ, нарушавшихъ союзный договоръ. Что касается до правительствъ Франціи и Англіи, то они поступили еще хуже (*): они при каждомъ удобномъ случаѣ выказывали предпочтеніе дѣлу рабовладѣльцевъ. Противъ Сѣвера они начали войну протоколовъ, стараясь раздражить его внушительными нотами и разными коварными продѣлками. Когда возникло дѣло *Трента*, они были увѣрены, что можно будетъ затѣять также войну пушечную. Послѣ того, какъ неожиданнымъ образомъ уладилось это первое затрудненіе, они отчаянно возстали противъ загражденія Чарльстонской гавани, называя это дѣйствіе *кровавымъ*. Наши оффиціальные филантропы и публицисты въ угоду правительству твердили изо всѣхъ силъ, что хлопокъ есть необходимая пища для машинъ, *conditio sine qua non* нашей современной цивилизаціи; что безъ хлопка не можетъ быть мануфактуръ, безъ мануфактуръ—торговли, безъ торговли—государства, безъ государства—правительства, и что тамъ, гдѣ нѣтъ правительства, должны водвориться безпорядокъ, анархія и безчеловѣчность. Наши правительства, по увѣренію этихъ учителей, имѣли не только право, но даже обязанность подать руку помощи рабовладѣльцамъ; цѣною нашихъ флотовъ, нашихъ армій, цѣною несправедливости слѣ-

(*) Это ясно обнаружилось также изъ переписки, найденной на кораблѣ сепаратистовъ, Колгоунѣ, засѣвшемъ на мель въ Миссиссипи и взятомъ федералистами.

довало дать хлѣбъ милліонамъ работниковъ, живущихъ хлопчатобумажною промышленностью; надо было, во что бы то ни стало, воспрепятствовать закрытію огромнаго множества фабрикъ, гдѣ сосредоточивается столько живыхъ силъ, которыя, оставаясь безъ занятія, рано или поздно могутъ сдѣлаться опасными.

И что же? Между тѣмъ, какъ наши правительства и богатыя и образованныя сословія хлопотали о войнѣ, наши работники требовали мира съ Соединенными штатами. Закрытіе американскаго рынка повергало въ бѣдствіе и работниковъ французскихъ, лишавшихся возможности посылать туда свои шелковыя ткани и другія издѣлія, и работниковъ англійскихъ, которые не могли болѣе получать оттуда хлопокъ и разные сырые продукты. А между тѣмъ и англійскіе, и французскіе работники съ твердостью переносили свое бѣдственное положеніе; они не оставили дѣла угнетеннаго Негра и не перешли на сторону его господина, не смотря на увѣщанія ловкихъ и умныхъ публицистовъ. Въ особенности въ Англіи, гдѣ голосъ работника можетъ раздаваться почти свободно, митинги и журналы рабочихъ классовъ разразились криками проклятій противъ гнусной войны, которая готовилась въ высшей правительственной сферѣ, подобно тому какъ гроза и опустошительный градъ готовятся въ мрачныхъ тучахъ. Бѣлый бѣднякъ почувствовалъ, что онъ братъ несчастному Негру; производитель хлопчатобумажной ткани полюбилъ того, кто за морями занимается разведеніемъ хлопка. Наши пролетаріи безмолвно претерпѣвали бѣдствіе и голодъ для того, чтобъ невольникъ не стоналъ подъ ударами бича плантатора. Честь и слава нашему современному пролетаріату, который съ такимъ умомъ и съ такимъ самоотверженіемъ выказалъ себя достойнымъ великой будущности!

Въ то самое время, когда метрополія рабства пала передъ федералистами, генералъ Гёнтеръ потребовалъ къ себѣ всѣхъ Негровъ, приневоленныхъ своими господами служить въ арміи рабовладѣльцевъ, и выдалъ этимъ освобожденнымъ жертвамъ неволи свидѣтельства, по которымъ имъ предоставлялось свободно проживать на востокѣ, на западѣ, на сѣверѣ и на югѣ. Адмиралтейство издало приказъ капитанамъ принимать въ число матросовъ бѣглыхъ невольниковъ, изъявлявшихъ желаніе вступить на службу въ федеральный флотъ. Семьдесятъ учителей, посланныхъ на счетъ разныхъ обществъ Бостона, Нью-Іорка и Филадельфіи, поселились въ Бофортскомъ архипелагѣ съ миролюбивою цѣлью обучать освобожденныхъ Негровъ чтенію, пись-

му и, что весьма замѣчательно, современной исторіи! Между тѣмъ какъ рабство побито было такъ сильно, торговля Неграми получила смертельный ударъ, вслѣдствіе договора, заключеннаго съ Англіею. До сихъ поръ этотъ гнусный промыселъ производился при помощи американскихъ кораблей, такъ какъ вашингтонское правительство никогда не допускало освидѣтельствованія судовъ, носившихъ его флагъ, къ какой бы націи они не принадлежали. Теперь право свидѣтельствованія кораблей обоюдно, и звѣздоносный флагъ не будетъ болѣе служить защитою того, что Джонъ Весли прозвалъ «*суммою всѣхъ человѣческихъ подлостей*». Это великая новость для друзей человѣчества, и мы отъ всей души присоединяемся къ торжеству жителей округа Колумбіи, которые сотнею пушечныхъ выстрѣловъ отпраздновали окончательное уничтоженіе у себя грязнаго пятна невольничества!

Оттого-то война затянулась такъ долго, оттого-то при началѣ она ознаменовалась неудачами, что сѣверъ, приступая къ ней, не обратился прямо къ этимъ радикальнымъ и энергическимъ мѣрамъ, не сдѣлалъ воззванія къ принципу свободы! Только тогда побѣда и симпатія Европы обратились на сторону федералистовъ, когда сѣверъ пересталъ видѣть въ черномъ человѣкѣ одну «*военную контрабанду*». Какъ бы то ни было, чудовище рабства поражено смертельнымъ ударомъ; оно будетъ жить еще слишкомъ долго, но ему уже невозможно болѣе торжествовать. Это—аккула, людоѣдъ, пронзенный гарпуномъ и выкинутый волнами въ болотистую яму. Оно уже не можетъ возвратиться въ море и умретъ отъ своей раны или, лучше сказать, издохнетъ въ своемъ вонючемъ болотѣ. Но прежде чѣмъ околѣетъ, оно еще будетъ страшнымъ и опаснымъ. Слишкомъ долго еще мы будемъ видѣть его отвратительную ярость, но рано или поздно оно испуститъ послѣдній вздохъ въ предсмертныхъ судорогахъ!

Сраженіе при Питтсбургѣ, въ Теннеси, 6 и 7 апрѣля, было великимъ происшествіемъ, быть можетъ не столько по своимъ непосредственнымъ результатамъ, сколько по значительности армій, которыя здѣсь помѣрялись силами, и по ожесточенію, какое при этомъ выказывалось съ той и другой стороны. При Питтсбургѣ югъ, быть можетъ, въ послѣдній разъ дѣйствовалъ наступательно; онъ хотѣлъ нанести своему врагу отчаянный, рѣшительный ударъ и въ страшномъ сраженіи уничтожить *проклятаго* Янки, но мечь сломался въ его рукѣ!

Рабовладѣльцы увѣряютъ, что ихъ генералы Джонстонъ и Борс-

гаръ хотѣли доставить своимъ врагамъ маленькія побѣды, съ тѣмъ, чтобы самимъ выиграть время и сосредоточить свои собственныя силы, разсѣянныя на протяженіи трехъ сотъ льё. На каждый фортъ, говорятъ они, на каждый значительный постъ посылались отряды, заранѣе осужденные на пораженіе, но которые въ состояніи были на нѣкоторое время задержать непріятеля. Въ фортѣ Донельсонѣ, въ Спрингфильдѣ, повсюду генералы Уніи встрѣчали эти разсѣянныя войска, которыя сопротивлялись ихъ нападенію. Они переходили отъ одной побѣды къ другой, но двигались впередъ медленно. Островъ померъ 10 былъ послѣднимъ пунктомъ, назначеннымъ сепаратистами для подобной жертвы. Наконецъ, когда этотъ островъ, защищаемый сильнымъ разлитіемъ Миссисипи, принужденъ былъ вступить въ переговоры съ непріятелемъ, Джонстонъ и Борегаръ успѣли принять мѣры для нанесенія своему врагу рѣшительнаго удара. Они избрали жертвою корпусъ генерала Грента, расположенный въ Питтсбургѣ и ожидавшій войска Буэлля, которыя для соединенія съ нимъ должны были пройдти черезъ Теннеси. Итакъ нельзя было терять времени, и 4 апрѣля рабовладѣльческія войска выступили въ походъ въ числѣ 60,000 человѣкъ противъ федералистовъ, простиравшихся до 38,000. Они шли съ двухъ противоположныхъ сторонъ, по направленію отъ верховья рѣки внизъ и отъ низовья вверхъ, такъ чтобы предоставить своимъ врагамъ одно только убѣжище — воды Миссисипи, заключенныя между гористыми берегами.

Въ Питтсбургѣ всего два дома и пароходная пристань. На юго-западъ отъ него тянется обширная, возвышенная равнина, большею частью покрытая мелкимъ дубовымъ кустарникомъ, но мѣстами прорѣзанная оврагами и содержащая обработанныя поля. Посреди поля сраженія возвышается маленькая церковь Шайло. Горизонтъ замыкается лѣсами, гдѣ господствуетъ сосна.

Въ воскресенье, 6 апрѣля, съ разсвѣтомъ, сепаратисты напали на армію Грента и съ яростью атаковали ее въ центрѣ и на обоихъ флангахъ. Они съ самаго начала произвели смятеніе между федеральными войсками, застигнувъ въ расплохъ дивизію Прентисса, на половину погруженную въ сонъ. Находясь на крайнемъ правомъ флангѣ, эта дивизія едва услышала первый шумъ тревоги, какъ страшная пальба непріятельскихъ орудій опрокинула ея палатки и повалила выходившихъ оттуда людей. Генералъ Прентиссъ и многіе изъ его подчиненныхъ немедленно были взяты въ плѣнъ. Паническій страхъ рас-

пространился между солдатами; группы бѣглецовъ полуодѣтыхъ, безъ оружія бѣжали къ берегамъ рѣки; не было никакой возможности собрать ихъ въ строй.

Генералъ Шерменъ находился по правую сторону генерала Прентисса. Его войска въ безпорядкѣ покинули лагерь, но не разбѣжались; они выстроились и вступили въ бой съ непріятелемъ. Все правое крыло съ трудомъ удерживало свою позицію. Было около полудня. Позиціи, взятыя сначала сепаратистами, были отняты у нихъ, потомъ снова ими взяты. Съ той и другой стороны борьба происходила отчаянная. Войска Юга хотѣли довершить свою побѣду, а войска Сѣвера рѣшились пасть до послѣдняго человѣка въ ожиданіи подкрѣпленій. Ихъ генералы пробѣгали ряды своихъ солдатъ, извѣщая, что колонна, вышедшая изъ Саванны, приближается къ нимъ по тому самому берегу, гдѣ происходитъ сраженіе. Съ другой стороны видны были солдаты генерала Буэлля, мало–по–малу собиравшіеся на противоположномъ берегу и готовившіеся къ переправѣ; недоставало людей для устройства моста; надо было собрать барки и средства для перевозки войскъ и снарядовъ; все это длилось долго. Но съ обѣихъ сторонъ солдаты привѣтствовали другъ друга и размахивали знаменами, а въ промежуткахъ между залпами артиллеріи раздавались крики, на одномъ берегу: На помощь къ намъ, на помощь, Буэлль! а на другомъ: Ура! Да здравствуетъ Грентъ! Не робѣйте, держитесь крѣпко!

Между тѣмъ день склонялся къ вечеру; сеператисты должны были сдѣлать рѣшительный шагъ, чтобъ довершить побѣду. Въ пять часовъ они усиленнымъ натискомъ снова разогнали утомленныя дивизіи Грента и заняли двѣ трети ихъ лагеря. Уже передовые ряды ихъ колоннъ достигли берега рѣки; но превосходство федеральной артиллеріи спасло юнионистовъ отъ окончательнаго пораженія.

Полковникъ Вебстеръ, начальникъ главнаго штаба, составилъ страшную позицію изъ орудій огромнаго калибра и выдвинулъ всѣ батареи на передовую линію, начиная отъ крайняго праваго фланга до береговъ рѣки. Поле покрылось картечью, будто скатертью. Въ продолженіе часа страшная пальба останавливала движеніе рабовладѣльческихъ войскъ; ихъ артиллерія вскорѣ должна была замолкнуть. Федеральныя канонерныя лодки, Лексингтонъ и Тайлеръ, подоспѣвшія кстати, начали метать гранаты, которыми истреблялись цѣлые ряды непріятельскихъ войскъ.

Наконецъ наступила ночь. Это была крайняя пора для измучен-

ныхъ федералистовъ. Въ полночь прибылъ генералъ-маіоръ Уоллесъ, заблудившійся на дорогѣ. Явилась также дивизія Триттендена и немедленно заняла позицію; потомъ пришла дивизія Нельсона, подозрѣвавшаго критическое положеніе арміи и отправившагося къ ней на помощь ночью, вопреки формальнымъ приказаніямъ Грента, котораго онъ спасъ своимъ неповиновеніемъ, подобно тому, какъ Макъ-Магонъ спасъ французскую армію при Маджентѣ, не послушавшись императора Бонапарта. Генералъ Буэлль поспѣшилъ стать во главѣ своихъ войскъ. Поле сраженія представляло ужасное зрѣлище. Повсюду валялись мертвые и раненые, люди и лошади, сбитыя орудія и разныя разрушенныя принадлежности лагеря. Посреди этого опустошенія лежали измученныя, измельчавшія войска, погруженыя въ глубокій сонъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ они сражались.

Съ разсвѣтомъ раздались первые пушечные выстрѣлы и разбудили дремавшее эхо равнины. Но въ этотъ разъ федералисты дѣйствовали наступательно. Дивизіи, прибывшія вечеромъ, первыя вступили въ бой; войска, сражавшіяся накапунѣ, оставались въ резервѣ. Въ промежуткахъ между выстрѣлами генералы уніонистовъ двинули впередъ свою артиллерію многочисленными батареями. Войска юга отступали шагъ за шагомъ, покрывая землю своими трупами, но отвѣчая преслѣдовавшимъ врагамъ страшными залпами. По временамъ они обращались къ штыкамъ и съ успѣхомъ дѣйствовали наступательно; но противъ нихъ высылались свѣжія силы, и въ одиннадцать часовъ генералъ Буэлль овладѣлъ лѣвою позиціею. Но правое крыло федералистовъ было разбито; войска юга съ каждой минутой все болѣе и болѣе подвигались впередъ. Подкрѣпленія, прибывавшія къ обѣимъ арміямъ съ часу на часъ, полкъ за полкомъ, отправлялись въ атаку и на помощь правому крылу. Но наконецъ армія Юга не была болѣе въ состояніи сражаться—она выбилась изъ силъ.

Тогда наступила минута бездѣйствія; войска той и другой стороны были изнурены, ослѣплены дымомъ и какъ бы поражены ужасомъ при видѣ столькихъ убитыхъ и раненыхъ. Было три часа по полудни. Генералъ Грентъ, наблюдавшій съ холма войска сепаратистовъ, понялъ, что насталъ рѣшительный моментъ. Онъ распредѣлилъ начальство надъ пятью полками между офицерами генеральнаго штаба и, обнаживъ мечъ, самъ повелъ атаку и рѣшилъ участь сраженія.

Въ пять часовъ тридцать минутъ сепаратисты всѣ отступали въ

занимаемую ими твердую позицію. Федеральная кавалерія преслѣдовала ихъ безъ большаго успѣха.

Деревья и кустарники были изломаны снарядами артиллеріи; обломки ихъ разсыпаны по полю. Почти вездѣ земля орошена была кровью; всюду валялись павшія лошади и разбитые фургоны и пушки. Въ особенности 8-го числа, утромъ, поле сраженія, гдѣ еще находились раненые и убитые, представляло самое ужасное и печальное зрѣлище: изъ мертвыхъ нѣкоторые лежали на спинѣ, съ приподнятыми къ небу руками; у другихъ руки были скрещены, будто для молитвы. Многіе распростерты были лицомъ къ землѣ, сжавъ въ предсмертныхъ судорогахъ свои ружья. Семь или восемь тысячъ раненыхъ валялись въ крови и грязи, испуская плачевные крики. Посреди поля, гдѣ борьба была ужасная, возвышался цѣлый холмъ труповъ.

Федеральная армія истощила свои силы. Она одержала побѣду, которая стоила дорого; но дѣло могло кончиться для нея кровавымъ пораженіемъ. Она не въ состояніи была сдѣлать болѣе. Борегаръ удалился на возвышенности Коринта. Онъ находился въ отчаянномъ положеніи и могъ быть атакованъ въ одно время съ трехъ сторонъ. Самый чувствительный ударъ угражалъ ему съ четвертой стороны взятіемъ Новаго Орлеана. Паденіемъ этого города заключается первый періодъ этой страшной междоусобной войны. Новый Орлеанъ былъ, какъ мы уже замѣтили, жизненнымъ пунктомъ, въ которомъ сосредоточивались производительныя силы юга. Въ этомъ большомъ складочномъ мѣстѣ хлопка, сахара, невольниковъ, лѣса и солонины, въ этомъ денежномъ рынкѣ, куда стекались торговыя богатства со всѣхъ четырехъ странъ свѣта, конфедерація рабовладѣльческихъ штатовъ черпала свои рессурсы матеріальные, финансовые и нравственные (бѣдность языка заставляетъ насъ употребить это послѣднее слово въ ложномъ значеніи). Это былъ обширный арсеналъ юга, одинъ изъ его пороховыхъ заводовъ, верфь, гдѣ строились двѣнадцать панцырныхъ фрегатовъ. Въ сравненіи съ Новымъ Орлеаномъ, Ричмондъ только второстепенный городъ, возведенный въ политическую столицу вслѣдствіе необходимости приблизиться къ Вашингтону и имѣть въ виду Европу. Онъ можетъ быть атакованъ въ свою очередь. Рабовладѣльцы покинули Іорктоунъ, чтобъ укрыться въ Ричмондѣ. Они теперь преслѣдуются Макъ-Клелланомъ. Федеральныя канонерныя лодки приближаются къ Саваннѣ; панцырные корабли *Погатёкъ* и

Гэлене посланы для охраненія Гамптонской рейды, служащей выходомъ изъ большаго рабовладѣльческаго арсенала Норфолька, арсенала, содержащаго тысячу пушекъ и передъ которымъ пышетъ чудовище *Мерримакъ*, разрушившее *Конгрессъ* и *Кёмберлендъ*.

Нужны ли извѣстія о Мерримакѣ? Мы его потеряли изъ виду въ то время, какъ онъ оставилъ сраженіе и какъ ядро Монитора разбило жерло одной изъ его пушекъ. Мерримакъ хотѣлъ воспользоваться этимъ урокомъ и вооружился огромнымъ орудіемъ, нарочно приготовленнымъ для него и метавшимъ ядра въ триста фунтовъ. Онъ излечилъ свои раны и снова отправился въ бой. Обратившись на *Ногатёкъ*, гордо стоявшій передъ Мониторомъ, и для котораго настала очередь сражаться, Мерримакъ хотѣлъ испытать на его желѣзныхъ бокахъ дѣйствіе своихъ страшныхъ снарядовъ,—но при первомъ выстрѣлѣ ядро и пушка взорвались. Осколки разлетѣлись во всѣ стороны и въ то же время изъ покрытой палубы показался густой дымъ. Множество людей при этомъ было убито и ранено, и судно сильно повреждено. Мерримакъ покачнулся, пошелъ задомъ напередъ и возвратился въ Норфолькъ въ сопровожденіи флотиліи изъ яхтъ и шлюпокъ любителей, пріѣхавшихъ полюбоваться уничтоженіемъ Монитора. Говорятъ, что онъ выступитъ въ бой въ третій разъ. Онъ вооружился новой страшной пушкой, усовершенствованнымъ клювомъ и громаднымъ дрекомъ, приводимымъ въ движеніе посредствомъ пара и который долженъ опуститься на башню Монитора и раздавить дальгреновскія пушки. Опрокинувъ и потопивъ своего врага, онъ на этотъ разъ отправится въ Нью-Іоркъ, чтобъ окончательно и немедленно сжечь этотъ городъ. Жители юга съ какою-то суевѣрною страстью привязались къ Мерримаку, какъ будто онъ носитъ въ себѣ судьбу невольничества.

Что касается до *Монитора*, то онъ неподвижно ждетъ своего врага, стоя на якорѣ.

Мы еще не знаемъ настоящей цѣли дѣйствительно страшнаго путешествія, предпринятаго въ Ричмондъ господиномъ Мерсье, французскимъ посланникомъ въ Соединенныхъ штатахъ. Говорятъ, что это лицо, занимающее священную должность, отправилось съ тѣмъ, чтобы условиться относительно доставки французскому правительству опредѣленнаго количества табаку. По мнѣнію другихъ, цѣль этого путешествія состоитъ въ томъ, чтобы узнать, не согласятся ли рабовладѣльцы на заключеніе мира при посредничествѣ императора Бонапарта,

съ уступкою Сѣверу всей долины Миссисипи и всѣхъ областей, находящихся къ западу отъ этой рѣки, причемъ конфедерація юга должна будетъ пожертвовать половиною своей территоріи, съ тѣмъ чтобы ея существованіе было признано оффиціально.

Какую бы роль господинъ Мерсье приготовилъ для Франціи, еслибъ дѣйствительно заставилъ ее стать между побѣжденными мятежниками и побѣдоносньмъ закономъ и принять сторону рабовладѣльцевъ противъ освободителей невольниковъ?! Неужели французское правительство до того восхищается послѣдствіями виллафранкскаго договора, что готово облагодѣтельствовать подобною же мѣрою Американцевъ?! Все это непонятно.

Увы! мы бы теперь считали себя счастливыми, еслибъ не видѣли ясно дѣлъ Мексики.

Moniteur officiel французской имперіи увѣдомляетъ насъ, что война уже окончательно объявлена противъ Мексики, что уже кровь проливалась и что послѣ счастливой (!) стычки съ непріятелемъ экспедиціонный корпусъ вступилъ въ Оризабу, на пути къ Мексикѣ.

Послѣ конвенціи, подписанной въ Соледадѣ, Хуаресъ предложилъ окончательную сдѣлку, о которой разсуждали союзники. Его условія можно было принять—и Англичане, и Испанцы изъявили на нихъ свое согласіе. Но вдругъ переговоры были прерваны генераломъ Лоренсецомъ, который объявилъ, что имѣетъ приказаніе отъ императора ни въ какомъ случаѣ не признавать правительства Хуареса, но выступить въ походъ противъ столицы. Уполномоченные англійскіе и испанскіе, какъ видно изъ одного письма генерала Прима, возразили, что по договору, заключенному въ Лондонѣ, всѣ три державы условились требовать отъ Мексики не войны, а мирнаго соглашенія; что онѣ въ виду цѣлаго свѣта торжественно обѣщались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла этой страны; что правительство французское признало Хуареса на самомъ дѣлѣ, заключивъ конвенцію въ Соледадѣ и вступивъ въ переговоры въ Оризабѣ, и пр., и пр. На это Лоренсецъ отвѣтилъ: «Я имѣю приказанія отъ императора». Уполномоченные замѣтили, что честь запрещаетъ имъ дѣйствовать такимъ образомъ и что они предоставляютъ французскому правительству всю отвѣтственность за послѣдствія, какія могутъ произойдти отъ такого рода поступковъ. Сэръ Чарльсъ Уайкъ, посланникъ англійскій, объявилъ, что онъ оставитъ Мексику въ тотъ самый день, когда Французы начнутъ дѣйствовать наступательно. Генералъ Примъ отдалъ прика-

заніе своимъ солдатамъ удалиться въ Вера-Круцъ съ тѣмъ, чтобы оттуда немедленно отправиться на родину. Онъ написалъ по этому поводу въ Гавану, требуя необходимыя для того транспортныя суда. Такъ какъ маршалъ Серрано препятствовалъ исполненію этого намѣренія, то генералъ Примъ послалъ въ Мадридъ просьбу о своей отставкѣ.

Такимъ образомъ, даже вѣроломный Альбіонъ, какъ обыкновенно называютъ Англію, эта страна, извѣстная своимъ эгоизмомъ и отсутствіемъ скрупулезности въ дѣлахъ внѣшней политики, и даже Испанія, отличающаяся своею ненавистью къ Мексикѣ, на которую она смотритъ, какъ мачиха на свою падчерицу,—и тѣ отступились отъ такого поступка, тогда какъ французское правительство смѣло идетъ впередъ по пути несправедливости. Итакъ исторія скажетъ со временемъ, что это правительство, для возвращенія власти Мирамону, измѣннику Альмонте и іезуиту Мирандѣ, послало за 1200 льё солдатъ, бывшихъ въ Крыму и Пей-Хо; что оно, для предохраненія этихъ солдатъ отъ желтой горячки, признало Хуареса, испрашивая у него здороваго мѣста пребыванія экспедиціонному корпусу и обѣщаясь, вслучаѣ какихъ либо непредвидимыхъ несогласій, заставить свои войска отступить за дефилеи, служащія ключемъ страны. Мексиканцы великодушно исполнили эту просьбу и даже встрѣтили съ распростертыми объятіями зуавовъ и французскихъ военныхъ, давая имъ пріютъ въ гостепріимныхъ домахъ и приглашая на семейные обѣды и на танцы. Чтобы выиграть время, представители Франціи вступили въ переговоры въ Оризабѣ, и когда прибыли новыя подкрѣпленія, повѣренный императора, вмѣсто того чтобъ взять предложенное ему перо для подписи мирнаго договора, снялъ свою саблю, положилъ се на зеленый столъ конференціи и приказалъ зуавамъ не отступать за дефилеи, но смѣло двинуться на Мексику, съ тѣмъ чтобы возстановить тамъ порядокъ, святость семейныхъ узъ и католическую религію!

Вѣдь съ этою цѣлью мы и идемъ на войну: дѣло до того невѣроятное, что надо повторять это, какъ можно чаще. Мы беремъ Мексику не съ какою нибудь заднею мыслью, не ради матеріальныхъ интересовъ, а ради платоническаго удовольствія доставить торжество *идеи*. Согласно императорскому слову, одна Франція въ состояніи сражаться изъ-за идеи, вести войну, исполненную самоотверженія. Боже мой! Мы идемъ разстрѣливать Мексиканцевъ, чтобы освободить

ихъ отъ конституціонной анархіи и доставить имъ благодѣянія, сопряженныя съ абсолюціонными учрежденіями; мы намѣрены громить жителей картечью съ тѣмъ, чтобы по словамъ *Journal de l'Empire*, «превратить въ трудолюбивыхъ работниковъ населенія праздныя и лѣнивыя». Подобно всѣмъ арміямъ, отправляющимся на войну, мы хотимъ немного убивать людей и много грабить; но, по увѣренію сенатора Мишеля Шевалье, человѣка близкаго императору, все это дѣлается «съ цѣлью воспрепятствовать Борегару и Джефферсону Дэвису ввести рабство въ эту великолѣпную страну». Наши зуавы отправляются насиловать женщинъ и предавать пламени села въ пользу этихъ интересныхъ іезуитовъ, которыхъ мы возвращаемъ въ Мексику, скрывая въ рядахъ нашей инфантеріи, какъ возвращали въ Пекинъ, въ Кохинхину и въ Римъ, гдѣ поддерживаемъ ихъ вопреки Италіи, Европѣ и праву народовъ.

Чуть было мы не забыли другаго драгоцѣннаго аргумента, употребляемаго обыкновенно услужливыми защитниками правительства и другими *угодливыми журналистами*, въ родѣ Гранъ-Гилльо и Мишель Шевалье: высадиться на берегъ и тутъ же заключить миръ, не дѣлая ни одного выстрѣла,—на что бы это было похоже?! Въ славныхъ традиціяхъ французской арміи не было примѣра, чтобъ она останавливалась на границахъ какой нибудь страны, чтобъ она не проникала побѣдоноснымъ маршемъ въ самое ея сердце, и не водружала своего знамени на стѣнахъ непріятельской столицы. Французская армія, которая бы возвратилась въ такомъ же видѣ, какъ ушла, представила бы печальное зрѣлище! Военная честь имѣетъ свой законъ. *Dura lex, sed lex*—какъ онъ ни жестокъ, но все же онъ законъ! Честь требовала, чтобъ мы пошли на Мексику! Безъ сомнѣнія, въ видахъ повиновенія закону военной чести, герцогъ Малаховъ диктовалъ въ Петербургѣ условія мира послѣ крымской экспедиціи, а императоръ Наполеонъ III водрузилъ свое императорское знамя въ Венеціи, столицѣ венеціянскаго королевства. Безъ сомнѣнія, съ тою же цѣлью въ 1812 году императоръ Наполеонъ I потрудился проникнуть до Москвы!

Есть и другія причины, но онѣ содержатся въ тѣни: французское правительство желаетъ поддержать маленькую войну, гдѣ бы то ни было, чтобы занять своихъ солдатъ и удовлетворить любопытству подданныхъ, отвлекая ихъ вниманіе отъ своихъ собственныхъ дѣлъ и обращая его то на Сайгонъ, то на Пекинъ, то на Мексику, а по-

томъ, пожалуй, на Караккасъ, Монтевидео или Буэносъ-Айресъ. Нужна война, чтобъ пріучить солдатъ къ военному дѣлу и чтобъ награждать капитановъ толстыми эполетами, а генераловъ титулами, въ родѣ графа Па-ли-као, барона Сайгона, герцога Малахова, и пенсіею въ пятьдесятъ, шестьдесятъ или сто тысячъ франковъ, не считая разной другой поживы, такъ называемыхъ *razzia* и сокровищъ какого нибудь китайскаго дворца, подвергаемаго грабежу и пожару! Есть и еще причина, но это уже по части такъ называемой *galanterie*: императрица Французская считаетъ себя въ нѣкоторомъ родѣ законною государынею имперіи Монтецумы. Аббатъ Брассёръ де Бурбургъ, во второмъ томѣ своей исторіи Мексики, на страницѣ 601, вамъ объяснитъ почему.

«Въ Испаніи до сихъ поръ существуетъ множество потомковъ Монтецумы. Одни относятся сюда, потому что принадлежатъ къ семейству Ока и Монтецума, другіе—потому, что происходятъ отъ донны Маріи и донны Леоноръ де Монтецума, дочерей мексиканскаго государя, вышедшихъ за благородныхъ Испанцевъ. Они вступали въ родство съ самыми знаменитыми семействами полуострова, и кровь несчастнаго мексиканскаго монарха, умершаго плѣнникомъ Кортеса, течетъ въ жилахъ древняго рода Гусмана, откуда происходитъ ея величество, императрица Французовъ».

Итакъ для удовлетворенія генеалогической фантазіи, императрица Евгенія удостоиваетъ Мексику своей высокой протекціи. Съ этою цѣлью она признала кандидатомъ престола Монтецумы молодаго и любезнаго принца, Максимиліана. Съ этою же цѣлью она черезъ каждыя двѣ недѣли удостоиваетъ своимъ предсѣдательствомъ такъ называемый совѣтъ мексиканскихъ министровъ. На этомъ совѣтѣ, повѣрьте, трактуются вопросы международной политики самаго деликатнаго свойства и самымъ романтическимъ образомъ, съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ истинной *galanterie*! Ваши читатели уже предупреждены относительно дурныхъ замысловъ французскаго правительства насчетъ испанскихъ республикъ Америки. Эти слухи теперь подтверждаются со всѣхъ сторонъ. Для большей краткости приведу въ доказательство только полуоффиціальное письмо, помѣщенное въ мадритскомъ министерскомъ журналѣ La Epoca. Это письмо написано господиномъ Гидальго, бывшимъ секретаремъ мексиканскаго посольства въ Мадритѣ и въ Парижѣ, и на котораго въ 1854 году Санта Анна и консорты возложили обязанность содѣйствовать тайнымъ образомъ возстановленію

монархіи въ Мексикѣ. Оно адресовано къ господину Арангому, единомышленнику автора, въ Мадритъ.

Изъ этого письма, получающаго большой интересъ вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, и на которое будущіе историки нашей эпохи должны будутъ обратить вниманіе, мы извлечемъ только нѣсколько строчекъ. Вотъ онѣ: «Нѣтъ сомнѣнія, что внезапное водвореніе монархической власти въ Мексикѣ будетъ имѣть послѣдствіемъ движенія, въ родѣ тѣхъ, какія происходили въ другихъ испанскихъ республикахъ Америки, и поэтому, по крайней мѣрѣ, необходимо принять въ соображеніе достоинства тѣхъ превосходныхъ принцевъ, которыхъ вы рекомендуете».

Вотъ оно что! Дѣйствительно, въ этихъ обширныхъ испанскихъ республикахъ Америки, содержащихъ нѣсколько десятковъ тысячъ квадратныхъ километровъ, найдется мѣста довольно для всѣхъ европейскихъ претендентовъ, найдутся фермы, герцогства, домэны и помѣстья для всѣхъ кобургскихъ принцевъ, для всѣхъ младшихъ сыновей всѣхъ тридцати шести нѣмецкихъ династій!

Но зачѣмъ думать о преступленіяхъ вѣроятныхъ или возможныхъ, когда теперь, на нашихъ глазахъ, производится такое гнусное насиліе, къ бѣдствію и стыду Франціи! Если Франція обязана отвѣчать народамъ за дѣйствія, совершаемыя подъ сѣнью ея знамени, то она отвѣчаетъ и за Альмонте, такъ какъ она объявила, что «окутаетъ его въ свое знамя». Безъ сомнѣнія, исторія не приметъ пустой отговорки, которую впослѣдствіи представитъ французская нація: «Не я въ этомъ виновата—виновато мое правительство»! Не входя въ подробное разсмотрѣніе результатовъ, которые, по всей вѣроятности, должны произойдти отъ этого жалкаго похода, предпринятаго при ироническихъ рукоплесканіяхъ *Таймса*, мы, однакожъ, не можемъ сомнѣваться, что рано или поздно настанетъ день возмездія. Вѣрно уже то, что Соединенные штаты приготовляются потребовать отъ насъ отчета за наше преступное вмѣшательство и что они вооружаютъ свой Мониторъ и свои Jron Sides столько же противъ насъ, сколько противъ сепаратистовъ. Несомнѣнно и то, что французское имя, нѣкогда любимое всѣми жителями испанскихъ республикъ Америки, теперь предается ими проклятію, и что между ними посѣяно отравленное сѣмя ненависти, распространяющейся подобно чумѣ или холерѣ.

Намъ совѣтуютъ не слишкомъ принимать этого дѣла къ сердцу.

Говорятъ, что это преступленіе маловажно, такъ какъ оно совершено противъ маленькой націи! Вотъ оно что! Очень хорошо! Измѣна сильнаго и могущественнаго лица противъ слабаго и малаго невинна! Такъ, такъ точно! Было бы преступно нападать на человѣка сильнаго и вооруженнаго, но весьма извинительно убивать ребенка, если только этотъ ребенокъ малъ и беззащитенъ!

Въ Испаніи, этомъ отечествѣ испанскихъ республикъ Америки, дѣла идутъ по прежнему. Въ продолженіе года, двухъ, трехъ лѣтъ и даже болѣе, политическое положеніе этой державы не измѣнилось замѣтнымъ образомъ. Нѣсколько сотъ километровъ, благодаря частной предпріимчивости, прибавлено къ сѣти желѣзныхъ дорогъ; королева и герцогиня Монпансье увеличили королевское семейство нѣсколькими принцами и принцессами; владѣтели государственныхъ кредитныхъ билетовъ не довольны болѣе чѣмъ когда либо. Что бы ни говорили и какъ бы ни роптали, ханжа О'Доннель и могущественная сестра Патроцинiо все еще держатъ въ рукахъ кормило правленія. Генералъ и игуменья заставили большинствомъ ста сорока двухъ голосовъ противъ тридцати четырехъ отвергнуть амнистію, предложенную въ пользу мятежниковъ Лои. Они все еще посылаютъ на галеры протестантовъ, обвиняемыхъ въ чтеніи евангелія на испанскомъ языкѣ. Въ послѣднее время по этому поводу происходило нѣсколько скандаловъ, надѣлавшихъ много шуму въ Европѣ. Въ особенности, Англія сильно возставала за то, что ея консулу въ Севильѣ хотѣли запретить держать капеллу для себя и для своихъ друзей. Боже мой! Китайскій императоръ не былъ такъ строгъ въ отношеніи къ французскимъ іезуитамъ и англійскимъ контрабандистамъ, а между тѣмъ, чтобъ наказать его, императоръ Франціи послалъ въ Китай своихъ зуавовъ, а королева Викторія — своихъ артиллеристовъ съ армстронговскими пушками!

Теперь Англіи не до консульской капелы. Эта страна занята исключительно своею выставкою, которая открылась 1 мая. Посланники иностранныхъ державъ обнаружили неудовольствіе за то, что не были приглашены на открытіе дворца промышленности. Дѣйствительно, странно, что ихъ отстранили отъ этого *международнаго* праздника. Какъ бы то ни было, произошло ли это случайно или намѣренно, но такое отсутствіе вниманія къ этимъ дипломатамъ со стороны англійскихъ промышленниковъ служитъ характеристическою чертою времени. Впрочемъ на это торжество не была приглашена также ни одна депутація работниковъ, которые построили дворецъ и наполнили

его всѣми сокровищами современной промышленности. За то въ кортежѣ, собравшемся для освященія этого зданія, красовались парики изъ Сити и разные *жезлоносцы* и *меченосцы*. Надо замѣтить, что до сихъ поръ успѣхъ выставки былъ не очень великъ; число посѣтителей было менѣе значительно, чѣмъ въ 1851 году, въ продолженіе такого же времени. Дворецъ, впрочемъ, едва достроенъ. Когда онъ будетъ совершенно готовъ, то будетъ отвратителенъ,—*dam ugly*, какъ уже выразились Англичане. Эта жалкая постройка на отвѣтственности принца Альберта, который, вопреки всѣмъ сдѣланнымъ ему возраженіямъ, настоялъ на томъ, чтобъ принятъ былъ планъ его протеже, Тоукса, капитана инфантеріи или кавалеріи. Этотъ джентльмэнъ, быть можетъ, весьма опытенъ въ дѣлѣ заряжанія ружей на двѣнадцать темповъ, но очевидно не понимаетъ толка въ изящной архитектурѣ. Впрочемъ, самъ принцъ Альбертъ не слишкомъ отличался хорошимъ вкусомъ. Онъ удивительнымъ образомъ умѣлъ соединять дурной англійскій вкусъ съ дурнымъ нѣмецкимъ. Замѣчательно, что англійскіе журналы, признававшіе уродливость этого зданія, извиняли ее недостаткомъ денегъ, не дозволившимъ употребить бѣлый мраморъ вмѣсто кирпича. Они наивно полагали, что красота архитектурнаго памятника зависитъ отъ его матеріала, а не отъ формы и очертаній. Они гордились тѣмъ, что куполъ дворца четырьмя или пятью футами выше купола св. Петра, и увѣряли, что если зданіе промышленности не будетъ украшено фресками, не уступающими фрескамъ Микель Анжело и Делла-Роббіа, то единственно по недостатку денегъ. Такимъ образомъ, открытіе выставки было довольно скучно. Оно отличалось отсутствіемъ порядка; каталоги были неполны; товары едва распакованы. Первые посѣтители ходили по сѣну и соломѣ, валявшимся на полу; сокровища промышленности не всѣ были гордо выставлены на показъ, но на половину покрыты. Французскіе экспоненты дали опередить себя даже лѣнивымъ Австрійцамъ; говорятъ, что это произошло вслѣдствіе придирокъ таможни, нарочно задерживавшей товары. Правда, съ каждымъ днемъ положеніе выставки улучшается, но она на самомъ дѣлѣ будетъ открыта не ранѣе, какъ 1 іюня, когда цѣна за входъ понизится до одного шиллинга съ персоны и когда туда въ состояніи будутъ приходить ремесленники.

Кромѣ выставки, Англія мало представляетъ новостей. Извѣстно, что парламентскія партіи заключили родъ перемирія между собою; онѣ не касаются ни одного вопроса, который бы могъ быть опаснымъ для

сохраненія *statu quo*. Для обѣихъ сторонъ такое положеніе выгодно; онѣ прикрываютъ свою праздность и свои мелкіе политическіе расчеты видомъ рѣдкой деликатности и сочувствія къ трауру королевы. Съ одной стороны, Пальмерстонъ и его друзья не прочь еще сохранить свою власть, лишь бы только ихъ не трогали и лишь бы они не имѣли надобности касаться скучныхъ реформъ. Съ другой стороны, Дерби и его приверженцы знаютъ, что въ настоящій моментъ для нихъ министерство недоступно и готовы выждать удобный случай для того, чтобы захватить въ свои руки управленіе государственными дѣлами. Только нетерпѣливый Д'Израэли прервалъ монотонность засѣданій маленькой нападкой на бюджетъ своего врага Гладстона, бюджетъ, котораго существенную часть, а именно расходы, онъ самъ вотировалъ. Д'Израэли нападалъ блистательнымъ, но поверхностнымъ образомъ; Пальмерстонъ возражалъ поверхностно, но за то блистательно. Тори апплодировали Д'Израэли, виги апплодировали Пальмерстону, и всѣ остались довольны.

Если все идетъ къ лучшему въ лучшемъ изъ парламентовъ, то не все идетъ къ лучшему въ странѣ самой мануфактурной въ мірѣ. Іоркшайръ, Уеттъ-Райдингъ и Ланкашайръ сильно пострадали въ послѣднее время. Война Соединенныхъ штатовъ нанесла имъ жестокій ударъ, остановивъ и привозъ сырыхъ продуктовъ, и отпускъ мануфактурныхъ произведеній. Изъ нѣсколькихъ сообщенныхъ намъ статистическихъ данныхъ видно, что 1678 хлопчатобумажныхъ фабрикъ Великобританіи доставляютъ своимъ 350,000 работникамъ (не считая разныхъ комми, механиковъ и другихъ служащихъ) еженедѣльной работы только на 1,177,000 рабочихъ дней, вмѣсто 2,100,000, составляющихъ нормальное число. Изъ этого выводятъ заключеніе, что производство хлопчатобумажной ткани понизилось тамъ до пятидесяти шести процентовъ противъ обыкновеннаго своего количества. Вѣроятно, въ подобной же пропорціи упали и прочія промышленности. Терпите, бѣдные работники, терпите! Вѣдь вы не армстронговскія пушки, чтобъ за вами ухаживали, вы не фрегаты съ желѣзными боками, чтобъ на васъ тратились милліоны и милліоны изъ капитала, назначеннаго въ бюджетѣ! Впрочемъ, одно время Англія какъ будто была тронута положеніемъ этихъ несчастныхъ. Нобльмэны и джентльмэны хотѣли составить подписку въ пользу бѣдныхъ рабочихъ, оставшихся безъ работы. Но противъ этого возстали фабриканты, объявивъ, что они одни имѣютъ право помогать этимъ людямъ. На томъ дѣло и

остановилось вслѣдствіе важныхъ соціальныхъ соображеній, и несчастные работники все еще находятся въ бѣдственномъ положеніи.

Лордъ Каннингъ возвратился изъ Индіи. Его правленіе было однимъ изъ самыхъ важныхъ и почти единственнымъ, къ которому Индѣйцы не питали ненависти. При самомъ его началѣ вспыхнулъ страшный мятежъ Сипаевъ. Новый губернаторъ не хотѣлъ, подобно своимъ товарищамъ, вѣшать Индѣйцевъ сотнями и разставлять отвратительныя висѣлицы по большимъ дорогамъ на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Онъ также не находилъ удовольствія привязывать туземцевъ къ жерлу пушекъ, заряженныхъ картечью. Поэтому онъ торжественно былъ признанъ неспособнымъ къ отправленію занимаемой имъ должности. Но пощаженные имъ Индѣйцы дали ему титулъ милосердаго, *Clemency Canning*, и этотъ титулъ останется для него самымъ почетнымъ. Этотъ человѣколюбивый губернаторъ содѣйствовалъ къ прекращенію существованія ненавистнаго товарищества, извѣстнаго подъ названіемъ *John Company*. Онъ имѣетъ еще другую важную заслугу: онъ дозволилъ туземцамъ и завоевателямъ одинаково обладать землею, которая прежде была предметомъ исключительной спекуляціи хищной казны.

Каннингъ въ качествѣ генералъ-губернатора замѣненъ былъ лордомъ Эльджиномъ. Въ 1855 году онъ самъ замѣнилъ злаго и жаднаго маркиза Дальгоузи. Съ этой перемѣной совпадаетъ извѣстіе, совершенно сходное съ тѣмъ, которое въ 1835 году поразило Англію и имѣло страшныя послѣдствія: «Персы идутъ на Гератъ. Они его берутъ. Непріятель угрожаетъ Кандагару. Афганцы призываютъ на помощь Англичанъ». Англичане въ 1862 году приняли съ совершеннымъ хладнокровіемъ это извѣстіе, которому въ 1835 г. придавали весьма важное значеніе. Россія, говорили они, возмущаетъ Персовъ, съ тѣмъ чтобы, при помощи ихъ, проложить себѣ дорогу въ англійскія остъ-индскія владѣнія. Россія рукою Персовъ стучится въ ворота англо-индійскаго государства. И уже взорамъ Англичанъ представилось видѣніе страшнаго нашествія, простиравшагося до предѣловъ Синда. Говорили, что какой-то русскій генералъ управляетъ осадою Герата и что русскій агентъ, Виковичъ, уговариваетъ афганистанскаго владѣтеля, Досса Магомета, отдѣлиться отъ союза съ Англичанами. Сэръ Александръ Бёрнсъ, англійскій агентъ въ Афганистанѣ, совѣтовалъ своему правительству не нарушать по этому поводу мира. Онъ доказывалъ неосновательность этихъ преувеличенныхъ опасеній и отвѣчалъ

за вѣрность Досса Магомета. Но лордъ Мельбурнъ и Пальмерстонъ подстрекали къ войнѣ. Такъ какъ донесенія Бёрнса служили помѣхой, то ихъ исказили. Благодаря стараніямъ Пальмерстона, совершенъ былъ подлогъ въ государственныхъ бумагахъ. Корреспонденцію относительно Афганистана напечатали оффиціально въ искаженномъ видѣ и съ разными прибавленіями. Эта мѣра произвела свое дѣйствіе и Англія вслѣдъ за лордами Мельбурномъ, Оклэндомъ и Пальмерстономъ вступила въ эту роковую войну. Англичане свергли Досса Магомета съ престола, заключили его въ темницу и сожгли базары Кабула. Но за то войска англійскія, разсѣянныя въ Афганистанѣ, были истреблены. Изъ арміи въ 5,000 человѣкъ, съ 12,000 обозныхъ слугъ, остался въ живыхъ только одинъ. На мѣстѣ этого истребленія воздвигнутъ былъ скелетъ Англичанина, съ запискою въ зубахъ такого содержанія: «Феринги пришли въ Кабулъ, и вотъ что осталось отъ Ферингов».

И Пальмерстонъ все шутитъ и смѣется; онъ все веселъ, гордъ и дерзокъ; онъ все торжествуетъ, все джентльмэнъ по преимуществу, истинный типъ Англичанина! Въ своемъ отвѣтѣ Д'Израэли, онъ увѣряетъ, что ему міръ обязанъ тѣмъ, что не возникла страшная война между Англіею и Соединенными штатами по поводу исторіи, бывшей съ Трентомъ. А между тѣмъ это онъ, Пальмерстонъ, скрывалъ миролюбивую депешу Сьюарда и говорилъ, что не получалъ такой бумаги!

Отъ Пальмерстона перейдемъ къ Миреcу. Переходъ этотъ неупотребителенъ, правда, но онъ внушенъ намъ подлогомъ въ общественныхъ бумагахъ, въ которомъ обвинялись обѣ эти личности, съ тою разницею, что Миресъ совершенно освобожденъ отъ всякой вины судомъ въ Дуэ, тогда какъ Пальмерстонъ оправданъ англійскимъ парламентомъ только на половину. Итакъ, по высшему судебному рѣшенію, Миресъ объявленъ честнымъ человѣкомъ, хотя, не говоря уже о другихъ предметахъ, онъ присудилъ себѣ или своей *кассѣ* три милліона франковъ, въ которыхъ обманомъ заставилъ подписаться акціонеровъ Пампелунской дороги. Судъ призналъ его невиннымъ въ этой ничтожной погрѣшности, «принявъ, какъ говоритъ онъ, во вниманіе банкирскія обыкновенія». Вотъ изволите видѣть! Моралисты, старавшіеся найдти человѣка праведнаго, котораго бы могла представить нашему вниманію императорская Франція, теперь уже болѣе не имѣютъ надобности искать. Нашъ строгій и неподкупный судъ былъ

счастливѣе Діогена и нашелъ человѣка, и этотъ человѣкъ, этотъ праведникъ — это банкиръ, Жюль Миресъ, директоръ кассы акціонеровъ!

Въ одной каррикатурѣ, ходящей по рукамъ, представленъ страшный Дюмоларъ, этотъ убійца служанокъ. Онъ идетъ съ того свѣта быстрымъ шагомъ, держа въ рукахъ палку, а подъ мышкою свою голову. На вопросъ: «Дюмоларъ, куда идешь ты»? онъ отвѣчаетъ: «Въ Дуэ, чтобъ быть оправданнымъ въ судѣ»!

Возвращеніе праведнаго Аристида не возбудило такого энтузіазма, съ какимъ былъ встрѣченъ на биржѣ возвратившійся Миресъ. Онъ сіялъ радостью, этотъ честный человѣкъ, котораго компрометировали мошенники. Ему возвращена была честь и глаза его блестѣли благородною отвагой. Надо было видѣть, съ какимъ апломбомъ этотъ господинъ снова явился въ общество важныхъ администраторовъ и дородныхъ сановниковъ, депутатовъ и сенаторовъ! Онъ ознаменовалъ свое возвращеніе въ общество блистательною выходкою, обратившись прямо къ довѣрію публики съ такою непринужденностью, которая сдѣлала бы честь Пальмерстону. Миресъ, который послѣ рѣшенія суда въ Дуэ ничѣмъ не затрудняется и который еще не совсѣмъ успѣлъ стереть мазасскую пыль, приставшую къ его пальто, — этотъ самый Миресъ теперь требуетъ отъ публики двухъ сотъ милліоновъ франковъ, — сумму, составляющую болѣе половины русскаго займа. Эти двѣсти милліоновъ ему будутъ вручены съ тѣмъ, чтобъ онъ дѣвалъ ихъ, куда хочетъ, не давая въ этомъ никому никакого отчета. Онъ отдастъ ихъ какой нибудь имперіи, какому нибудь королевству или какой нибудь конфедераціи, кто его знаетъ, и отдастъ на условіяхъ, о которыхъ не удостоитъ насъ чести сообщить. Но проза Миреса заслуживаетъ быть приведенною буквально, собственными его словами. Вотъ маленькій образчикъ ея, который мы цѣнимъ подобно историческому документу:

.... «кредитныя операціи, произведенныя мною во всѣхъ классахъ общества, доставили мнѣ вліяніе на правительства, обнаружившееся въ то время, когда королевство Испанское и имперія Турецкая хотѣли поправить свои финансы.

«Мое содѣйствіе, увѣнчавшееся успѣхомъ въ Испаніи въ 1856 г., породило новую эру благосостоянія въ этой плодородной и прелестной странѣ.

«Такой же результатъ полученъ былъ бы въ 1860 году и для

имперіи Оттоманской, еслибъ не встрѣтились препятствія, которыя извѣстны всему свѣту.

«Эти дѣйствія даютъ мнѣ возможность совершить съ одной державой финансовую операцію, отъ которой нужно ждать такой же результатъ, какой былъ бы полученъ мною и имперіею востока въ 1860 году.

«Для осуществленія такого же рода операціи, которая въ одно и то же время представляетъ и несомнѣнно вѣрное обезпеченіе и большія выгоды, я открываю подписку.

«Эта подписка назначается для капитала въ двѣсти милліоновъ франковъ, котораго первый взносъ ограничивается десятью процентами, т. е, двадцатью милліонами, и пр., и пр.»... Другими словами: дайте мнѣ двѣсти милліоновъ и не смѣйте дѣлать никакихъ замѣчаній. И послѣ этого говорятъ еще, что мы живемъ не въ вѣкѣ чудесъ!

Справедливость требуетъ замѣтить, что судебное рѣшеніе, оправдавшее Миреса, уравновѣшивается другимъ, совершенно противоположнаго свойства. Если судъ въ Дуэ выказалъ удивительную снисходительность къ «операціямъ финансовымъ», то судъ парижскій обнаружилъ изумительную строгость въ дѣлѣ охраненія «философскаго православія». Вотъ извлеченіе изъ его приговора, состоявшагося 17 мая:

Принявъ во вниманіе, что статьи Фердинанда Толя и Тредона содержатъ публичное оскорбленіе религіозной нравственности, какъ это ясно видно и изъ общаго характера этихъ сочиненій гдѣ говорится, что названіе матеріалиста принято будетъ авторомъ за похвалу, и гдѣ утверждается, что нѣтъ матеріи безъ силы, ни силы безъ матеріи и что оба эти термина не уступаютъ другъ другу въ значеніи.

Въ № 2-го марта, на 23-й строкѣ 3-го столбца, гдѣ написано: Добро и зло въ мірѣ нравственномъ соотвѣтствуютъ добру и злу въ мірѣ физическомъ, ощущеніямъ пріятнымъ и непріятнымъ, и пр., и пр...

Принявъ во вниманіе всѣ эти и другіе равносильные имъ аргументы, которые я не привожу здѣсь, чтобы не отяготить столбцовъ вашего журнала, судъ приговорилъ Толя къ восьмимѣсячному заключенію въ тюрьму и къ тысячѣ пяти стамъ франкамъ штрафа, а Тредона—къ трехмѣсячному заключенію и къ двумъ стамъ франкамъ пени.

Цѣлыхъ два мѣсяца намъ напѣваютъ, что французское правительство намѣрено наконецъ принять относительно Италіи новую откровенную политику. Насъ увѣряютъ въ этомъ самымъ положительнымъ об-

разомъ. Всѣ журналы, черпающіе свои свѣдѣнія изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, и всѣ люди, хорошо знакомые съ самыми свѣжими новостями, т. е. всѣ тѣ, которые насъ угощаютъ ложными извѣстіями, пустили въ ходъ множество слуховъ, служащихъ какъ будто предвѣстниками великихъ событій.

Мы встрѣтили всѣ эти обольстительныя обѣщанія съ непоколебимой недовѣрчивостью, которая служитъ для насъ оборонительнымъ орудіемъ въ подобномъ случаѣ, и хорошо сдѣлали: всѣ эти слухи, до сихъ поръ распространяемые нѣкоторыми запоздалыми политиками, мало-по-малу утихаютъ и возвращаются въ мракъ, откуда бы имъ никогда не слѣдовало выходить на свѣтъ Божій. Всѣ эти прелестные проекты бонапартовской политики, о которыхъ намъ толкуютъ, быть можетъ истинны, быть можетъ, ложны. Они могутъ быть истинны на время и ложны окончательно, или наоборотъ. Таково наше убѣжденіе относительно этого предмета, и при всемъ томъ мы иногда ошибаемся и грѣшимъ избыткомъ довѣрія. Умѣть быть недовѣрчивымъ — дѣло не легкое. Не всякій къ тому способенъ. Чтобы вѣрить, нужно имѣть только нѣкоторую степень чистосердечія и душевной простоты, но чтобы сомнѣваться, для этого необходимы свѣдѣнія, надо знать жизнь, людей, явленія и ихъ причины.

Итакъ все великодушіе императора Наполеона относительно римскаго вопроса состояло въ томъ, что онъ отозвалъ въ Парижъ поборника папы, Гойона, который на время уступилъ поле сраженія поборнику Италіи, Де-Лавалетту. Принцъ Наполеонъ отправился экстраоффиціальнымъ образомъ въ Неаполь поздравить своего тестя неизвѣстно съ чѣмъ. Французскій флотъ случайно встрѣтилъ короля Италіи и отдалъ ему quasi-императорскія почести. Но что это доказываетъ? Развѣ это не тотъ самый флотъ, который недавно крейсировалъ передъ Гаэтой и направлялъ свои пушки на итальянскіе корабли?

Съ другой стороны, слова, произнесенныя *королемъ-galantuomo*, весьма странны. Ужъ не увлекся ли онъ парижскими новостями? Или, быть можетъ, онъ былъ пьянъ отъ восторга, вслѣдствіе торжественнаго пріема, сдѣланнаго ему въ Неаполѣ. Какъ могъ онъ сказать, обращаясь оффиціально къ сенаторамъ: «Общественная безопасность не возстановлена, пока Римъ служитъ центромъ мятежа. Но повѣрьте, сколько Итальянцы желаютъ занять свою столицу, столько же и Французы готовы ее оставить».

При другомъ случаѣ, онъ говорилъ, что вопросъ римскій будетъ

скоро рѣшенъ. Кромѣ того онъ объявилъ, что если уже одинъ патріотизмъ обязываетъ Итальянцевъ взять Римъ и Венецію, то онъ, Викторъ Эммануилъ, обязанъ это сдѣлать болѣе всякаго другаго, такъ какъ ему предстоитъ еще исполнить одну клятву.

Какъ бы то ни было, король Викторъ Эммануилъ вступилъ въ Неаполь съ великимъ торжествомъ. Въ продолженіе пятнадцати-дневнаго пребыванія его въ южныхъ провинціяхъ, оваціямъ не было конца: онѣ слѣдовали одна за другой, безпрестанно усиливаясь. При пламенномъ темпераментѣ Неаполитанцевъ, радость переходила въ восторгъ, а восторгъ превращался въ неистовство, которое вдругъ овладѣло тремя или четырьмя стами тысячъ душъ. Всѣ головы были воспламенены, даже кровь святаго Януарія вскипала нѣсколько разъ. Этотъ странный святой пылалъ благодарностью и энтузіазмомъ. Орденъ Аннунсіады и посѣщеніе короля Италіи привели его въ восторгъ. Вмѣстѣ съ нимъ ликовали и всѣ лаццарони. Когда король проходилъ по улицамъ, всѣ окна и крыши усѣяны были зрителями, на каждомъ шагу его встрѣчали звуки трубъ и бой барабановъ, всюду раздавались радостные крики. Шумъ могъ бы казаться ужаснымъ, еслибъ не былъ упоителенъ. Всюду сыпался дождь розъ и букетовъ, подъ которыми исчезали ноги короля. Только одинъ бюстъ Виктора Эммануила виднѣлся на поверхности этого моря цвѣтовъ.

Надо замѣтить, что радостные крики Неаполя пронеслись по всей Европѣ и заглушили эхо нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ, которыми все еще обмѣниваются Берсагліеры и бурбонскіе разбойники. Залпы, которыми англійскіе и французскіе флоты привѣтствовали короля Италіи, раздавались также громко, какъ шумъ морскаго сраженія, и привѣтствія, съ какими встрѣтили Виктора Эммануила Бенедетти и сэръ Джэмсъ Гѣдсонъ, казались надгробною рѣчью, произнесенною для упокоя души династіи бурбоновъ.

За то въ Римѣ преосвященный Меродъ забавлялъ папу военной экспедиціей, съ маршемъ, контръ-маршемъ, осадой, атакой, защитой и высадкой. При этомъ флотъ замѣнялся фрегатомъ «Безсѣменное зачатіе», на которомъ папа обѣщался бѣжать изъ Италіи, если того потребуютъ обстоятельства. Въ ожиданіи готовящихся великихъ событій, нашъ святой отецъ улыбается, по своему обыкновенію, какъ улыбался въ тотъ день, когда убитъ былъ невинный Локателли. Папа страдаетъ подагрой, у него образовались гноевые прыщи на ногахъ. Папство снѣдается ракомъ,— оно почернѣло отъ гангрены, и Пій IX

сіяетъ меланхолическимъ тихимъ блескомъ. Никогда, быть можетъ, онъ не былъ болѣе счастливъ, чѣмъ въ настоящую минуту. Онъ тихъ и гордъ въ рѣчахъ, отличается ласковымъ обращеніемъ, эгоизмомъ, упрямствомъ и слабымъ, ограниченнымъ умомъ. Своимъ пріятнымъ голосомъ онъ весьма кстати цитируетъ мѣста изъ священнаго писанія, исполненныя грознаго величія, и потомъ отпускаетъ какую-нибудь шутку, вызывающую улыбку на устахъ прелатовъ. Чтобъ опредѣлить эту личность однимъ словомъ, скажемъ—это ханжа! Это Людовикъ XVI въ папской тіарѣ. Но какимъ безцвѣтнымъ существомъ представляется мученикъ Бурбонъ подлѣ несравненнаго Пія IX?

Его святѣйшество утѣшается тѣмъ, что совершило въ своей жизни два великихъ подвига. Первый заключается въ установленіи новаго таинства «безсѣмяннаго зачатія». Второй подвигъ состоитъ въ созваніи собора епископовъ, которые теперь почти уже всѣ собрались. Эти закаленныя головы уже начали свои совѣщанія. Вотъ-то примутся важныя рѣшенія! Что-то будетъ? Свѣтъ мало заботится о великомъ событіи, которое готовится. Но *Armonia* дрожитъ или притворяется дрожащею отъ внутренняго волненія. «Пилигримы, говоритъ она, начинаютъ являться, а вмѣстѣ съ ними являются священники, епископы. Какая-то душевная дрожь пробѣгаетъ по всему свѣту. Римъ! Римъ!—вотъ лозунгъ, одинаково произносимый христіанами и нечестивцами. Теперь очередь за нами. Католики спѣшатъ въ Римъ, какъ нѣкогда крестоносцы спѣшили въ Іерусалимъ. Такова воля Божія»!

Центральный комитетъ ассоціаціи, учрежденной для освобожденія Италіи, адресовалъ къ Римлянамъ прокламацію, которая и была прибита на многихъ углахъ города. Вотъ ея содержаніе:

«Римляне!

«Представители итальянскихъ либеральныхъ обществъ, основавшіе въ Генуи ассоціацію для освобожденія Италіи, посылаютъ къ вамъ чрезъ нашего посредника братскій привѣтъ. Мы сочувствуемъ вашимъ страданіямъ. И мы также негодуемъ на притѣсненіе и позоръ, которымъ подвергаетъ васъ правительство, видящее въ благородномъ народѣ только толпу пономарей, а въ искупительномъ крестѣ — символъ рабства.

«Римляне! Съ вашею судьбою связана участь Италіи, которая не можетъ существовать безъ столицы. Наши враги теперь хлопочутъ изъ всѣхъ силъ и употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобъ

отдѣлить Римъ отъ остальной Италіи. Клянемся вамъ, клянемся памятью мучениковъ, умершихъ за отечество, что посвятимъ всю свою жизнь, что прольемъ всю свою кровь съ тѣмъ, чтобъ возвратить Римъ Италіи, а Италію Риму. Вотъ почему мы образуемъ комитеты и почему смыкаемъ свои ряды. Мы рѣшились показать, что нашъ народъ обнаружитъ свою волю и возьмется за оружіе. Наше право можетъ быть достигнуто не суетными словами, но подвигами.

«Римляне! ваши обязанности велики. Удвойте свою энергію. Отвергните съ негодованіемъ совѣты гнусныхъ трусовъ, которые захотятъ васъ убаюкать. Берите примѣръ съ Миланцевъ, которые смѣло возстали противъ австрійскаго знамени. Между вами и подвижниками партіи духовенства находится стѣна: это—ненависть, воздвигнутая въ сердцахъ вашихъ притѣсненіемъ. Доставьте міру зрѣлище непреложнаго осужденія свѣтской власти. Полагайтесь на насъ, какъ мы полагаемся на васъ. Роковой день приближается; покажите себя достойными имени Римлянъ.

«Во истину, мы говоримъ вамъ, сердце Италіи, это — Римъ. Будьте вѣрными его стражами. Въ немъ заключается Италія. Въ ожиданіи дня освобожденія ведите себя такъ, чтобъ ваше положеніе служило постояннымъ протестомъ противъ произвола, который отказываетъ вамъ, исключительно вамъ въ цѣломъ свѣтѣ, въ правѣ имѣть законы и отечество. Подобно всѣмъ Итальянцамъ, вы должны пристать къ программѣ, которая теперь торжествуетъ до самаго Везувія. Эта программа заключается въ словахъ: «единство Италіи и Викторъ Эммануилъ!» Такимъ образомъ мы освятимъ символы римскаго величія, мы разобьемъ цѣпи нашихъ угнетенныхъ братьевъ и осуществимъ желаніе, пылающее во всѣхъ сердцахъ, эту надежду будущихъ вѣковъ—единство отечества.

«Генуя. Апрѣль, 1862 года».

Все это въ порядкѣ вещей. Святой Януарій въ восторгѣ. Императоръ Людовикъ-Наполеонъ все еще играетъ роль бога Януса. Подвижники Италіи вслухъ называютъ его благодѣтелемъ, а тайкомъ проклинаютъ, какъ палача, а приверженцы папы — наоборотъ: они громко ругаютъ Наполеона палачемъ, а втихомолку признаютъ благодѣтелемъ. Король Викторъ Эммануилъ на свой ладъ завоевываетъ королевство Обѣихъ Сицилій. Папа также торжествуетъ по своему. Одна только Италія страдаетъ нестерпимо. Несчастное событіе недавно погрузило въ печаль всѣхъ ея друзей, которые уже поздравляли этотъ

великій народъ съ тѣмъ, что онъ до сихъ поръ умѣлъ соединять энергію и дѣятельность революціонныя съ благоразуміемъ, свойственнымъ истиннымъ консерваторамъ, и сохранять нераздѣльными силы демократіи, дворянства и буржуазіи. Залотая нить согласія теперь разорвана. Будетъ ли она вновь укрѣплена?

Выведенные изъ терпѣнія страданіями Италіи, убѣжденные, что Наполеонъ Бонапарте—другъ сомнительный, котораго надо принудить дѣйствовать въ пользу этой стороны, увлеченные возстаніемъ Греціи, войною Черногоріи и призывнымъ крикомъ Венгріи, толпа молодыхъ людей, самыхъ рѣшительныхъ членовъ революціонной партіи, полагали, что настала благопріятная минута приступить къ дѣлу освобожденія. Съ отвагою, свойственною ихъ возрасту, они не задумались рискнуть будущностью своего отечества и предпринять импровизированный походъ. Сколько можно судить по первымъ, весьма неполнымъ извѣстіямъ, полученнымъ объ этомъ дѣлѣ, нѣсколько шаекъ хотѣли проникнуть чрезъ австрійскую границу съ тѣмъ, чтобы возмутить итальянскую часть Тироля; другіе партизаны должны были вслѣдъ затѣмъ отправиться въ Грецію и Черногорію для того, чтобы оттуда перейдти въ долину Дуная, гдѣ, по ихъ убѣжденію, недовольные Венгерцы только ожидали сигнала возстанія. Вслучаѣ успѣха этой диверсіи, возстала бы Венеція, и Италія, волею–неволею, вступила бы въ большую войну съ Австріею. Это, быть можетъ, послужило бы къ возобновленію наваррскаго похода и доставило бы возможность австрійской арміи вступить въ Миланъ безъ выстрѣла. Но такія предположенія теперь излишни.

А какова была роль Гарибальди въ этомъ дѣлѣ?

Это еще не вполнѣ извѣстно. Правительство, желая предоставить себѣ болѣе простора дѣйствія, объявило полуоффиціальнымъ образомъ, но такъ, чтобы можно было впослѣдствіи отказаться отъ своихъ словъ, что знаменитый полководецъ выразилъ неудовольствіе по поводу этого предпріятія, которое считалъ преждевременнымъ. Извѣстно, что въ продолженіе ночи жилище Гарибальди въ Траскоррѣ было закрыто и что тамъ арестовали полковника Каттабени, друга италіянскаго героя. На арестанта наложили ручныя цѣпи, и два жандарма, въ мундирахъ, отправились съ нимъ въ Геную. На основаніи документовъ, найденныхъ у Каттабени, то есть у Гарибальди, арестовали вслѣдъ затѣмъ гарибальдіева адъютанта, полковника Нулло, и нѣсколько сотъ волонтеровъ. Жители Бресчіи возмутились и потребовали отъ

префекта выдачи арестантовъ. Префекту, быть можетъ, удалось бы успокоить ихъ нѣсколькими разумными словами, но онъ предпочелъ разогнать безоружную толпу своими солдатами и велѣлъ отвести въ цитадель Александріи пятьсотъ сорокъ плѣнныхъ. Гарибальди обратился съ письмомъ въ министерство юстиціи, прося во имя своего собственнаго достоинства и гостепріимства, нарушеннаго въ его домѣ, освобожденія полковника Каттабени. Но, увидѣвъ, какой оборотъ приняло дѣло, онъ потребовалъ, чтобъ освободили его офицеровъ или чтобъ вмѣстѣ съ ними заключили его самого. Одинъ изъ чиновниковъ, за отсутствіемъ министра, весьма неразумно отвѣтилъ, что ни за что не уступитъ этому требованію, еслибъ даже ему грозили междоусбною войной. Между тѣмъ, король Викторъ Эммануилъ, котораго эти непріятныя извѣстія застали во время тріумфальнаго путешествія по Неаполю и Сициліи, гнѣвно приказалъ поступить какъ можно строже со всѣми подсудимыми, кто бы они ни были. Это несчастная исторія, наполняющая насъ грустью. Бѣда, если итальянскій народъ не водворитъ у себя порядка, если онъ, съ одной стороны, не обуздаетъ нетерпѣливыхъ порывовъ революціонной партіи, а съ другой — не расшевелитъ тѣхъ боязливыхъ людей, которые готовы остановить всякое народное движеніе къ свободѣ, насколько угодно будетъ его тюльерійскому величеству и нашему святому отцу, папѣ. Что касается до Гарибальди, то онъ долженъ вести себя осторожно: достаточно одной неудачи со стороны этого героя для того, чтобъ его привели въ ассизный судъ. Гарибальди долженъ знать, что, подаривъ королю-galantuomo цѣлое королевство и не принявъ взамѣнъ того ни ордена Анунсіады, ни титла герцога Палермскаго или маркиза Калатафини, ни сотни тысячъ ливровъ ренты, онъ предоставилъ несчастному Виктору Эммануилу одно только средство быть благодарнымъ: заключеніе въ тюрьму или заточеніе?

Отъ Италіи перейдти къ Греціи значитъ отъ итальянскаго движенія обратиться къ его отголоску. Благодаря всеобщей амнистіи, инсургенты очистили цитадель Навпліи, съ условіемъ, чтобы девятнадцать офицеровъ, на которыхъ не простиралось прощеніе, отправлены были въ безопасное мѣсто на иностранныхъ корабляхъ. Дѣйствительно, одни изъ нихъ благополучно прибыли въ Италію, гдѣ ихъ встрѣтили съ распростертыми объятіями, но другіе, по пріѣздѣ въ Смирну или на Іонійскіе острова, были задержаны. Послѣ взятія Навпліи, король Оттонъ обратился къ своей арміи и къ своему флоту съ благодар-

ственною рѣчью, по поводу ихъ превосходнаго поведенія въ этомъ дѣлѣ. Это было весьма милостиво съ его стороны. Потомъ онъ назначилъ собраніе палатъ къ 7 мая. Министерство, желая избѣгнуть перваго свиданія, подало въ отставку. Трикуписъ, посланникъ въ Лондонѣ, отказался отъ порученія составить новый кабинетъ, и король отложилъ сессію до другаго времени.

Много ли выиграло правительство взятіемъ Навпліи? Этой побѣдой оно пріобрѣло только перемиріе. Несмотря на то, что греческая нація не рѣшалась отвѣтить на призывъ Гриваса, она на самомъ дѣлѣ взволнована, не довольна своимъ положеніемъ и желаетъ перемѣны. Правда, она придавала событіямъ Навпліи только значеніе воззванія, довольно повелительнаго. Но царедворцы, окружающіе королеву Амелію, не хотятъ мирной революціи. Они желаютъ невозможнаго—возстановленія прошедшаго. Изъ Аѳинъ въ Навплію послана цѣлая толпа прокуроровъ, слѣдственныхъ приставовъ и полицейскихъ агентовъ разнаго названія и вида. Несмотря на амнистію, либералы подвергаются арестамъ. Правительство сильно негодуетъ на одного офицера, командовавшаго арсеналомъ, и который былъ прощенъ. На его имущество наложенъ секвестръ, вѣроятно съ тѣмъ, чтобы вознаградить пропажу тридцати тысячъ ружей, которыя могутъ явиться при какомъ нибудь новомъ возстаніи. Нація наружнымъ образомъ спокойна, но она не упала духомъ. Ея отвращеніе къ настоящей династіи не прекратилось, и пока дворъ будетъ слушаться однихъ совѣтовъ, получаемыхъ изъ Мюнхена и Вѣны, онъ только еще болѣе расширитъ ровъ, уже и такъ весьма глубокій, который отдѣляетъ его отъ народа. Первый актъ этой драмы конченъ; мы скоро будемъ видѣть второй.

Турки, Сербы и Черногорцы продолжаютъ убивать другъ друга съ различнымъ успѣхомъ. Омеръ Паша, которому надоѣли частые неудачи, подалъ въ отставку и возвращается въ Константинополь.

Венгрія все еще погружена въ нѣмую печаль. И она также подавлена, но не побѣждена. Она устремляетъ взоръ на Венецію въ ожиданіи помощи, въ которой ей снова отказано. Ея безпокойство усиливается, когда она обращаетъ взглядъ на Кроацію, Трансильванію, Молдавію и Валахію. Эти земли до того проникнуты самостоятельною жизненною силою, что не захотятъ войдти въ составъ Венгріи, а съ другой стороны онѣ такъ тѣсно съ нею связаны, что не могутъ отъ нея отдѣлиться. Когда Венгрія смотритъ на Вѣну, въ ней воспламе-

няется злоба и усиливается отвага. Всякая другая нація, кромѣ венгерской, погибла бы въ этомъ безвыходномъ положеніи, погибла бы, измученная нетерпѣніемъ и обманутыми ожиданіями. Но эта твердая раса не отчаявается. «Videbimus infra!» таковъ теперь ея девизъ. Такъ какъ намъ нельзя идти впередъ, то побережемъ свои силы— наше время придетъ!

Венгрія и Венеція ставятъ австрійскій кабинетъ въ затруднительное положеніе, о которомъ и не подумали наивные либералы, испускавшіе крики радости, когда Рехбергъ объявилъ въ рейхсратѣ, что Австрія въ отношеніи къ Италіи хочетъ оставить политику вмѣшательства и придерживаться одной обороны. По случаю разстроеннаго состоянія казны, армія должна быть уменьшена на семьдесятъ тысячъ человѣкъ. Но захотятъ ли очистить отъ войскъ Венгрію, Венецію и итальянскую часть Тироля? Позволительно въ этомъ сомнѣваться. А эта удивительная свобода прессы, которою должна пользоваться Австрія, будетъ ли она распространена на Венгрію и Венецію, составляющія, какъ говорятъ, часть этой имперіи? Главное, мы не должны болѣе расточать напрасно вѣру и надежду. Насъ слишкомъ часто обманывали и мистифировали. Будемъ впередъ восхищаться не иначе, какъ убѣдившись на дѣлѣ, что есть къ тому достаточная причина. Не надо преждевременно изъявлять благодарность.

Пруссаки того же мнѣнія, и поэтому они на послѣднихъ выборахъ имѣли блистательный успѣхъ. Этотъ успѣхъ довершенъ былъ открытіемъ новой палаты. Король, по нѣкоторымъ причинамъ, считалъ излишнимъ присутствовать на этомъ торжествѣ. Онъ отъ своего имени велѣлъ произнести рѣчь, отличавшуюся безцвѣтностью. Это было самое лучшее, что могъ онъ сдѣлать. Открытіе новой палаты совершилось въ день празднованія памяти Фихте; общества наукъ и философіи соединились на банкетѣ. Университетъ, національ-ферейнъ, ассоціаціи ремесленниковъ должны были праздновать память могущественнаго философа, отличавшагося великими гражданскими доблестями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, праздновалась и побѣда, одержанная оппозиціею. Что предприметъ палата? Что будетъ дѣлать министерство? Планы самые странные попеременно принимались въ оффиціальныхъ кружкахъ. То предполагалось объявить осадное положеніе, уменьшить число избирателей и въ то же время обнародовать либеральныя мѣры! То признавалось нужнымъ предоставить членамъ палаты полную свободу слова, но запретить имъ говорить о нѣкоторыхъ важныхъ

рѣшеніяхъ, на которыя укажетъ правительство. Люди очень искусные объясняли либераламъ, что такъ какъ министерство воспользовалось программой прогрессистовъ, то прогрессисты обязаны поддерживать министерство, чтобы тѣмъ доказать, что программа составлена искренно. Боже мой! знаемъ мы эту ложь. Мы съ нею слишкомъ хорошо ознакомились во Франціи. Не Итцерплицъ и не Фанъ-деръ-Гейдтъ выдумали такую уловку. Она съ большимъ успѣхомъ употреблялась въ 1848 году. Но что я говорю? Не только тогда. Съ незапамятныхъ временъ эта ложь служила ловушкой, въ которую безпрестанно попадались либералы. «А, вы люди мирные! говорятъ имъ. Вы желаете свободы для всѣхъ! Хорошо! Докажите же это на дѣлѣ: бросьте свои мечи, такъ какъ вы люди мирные. Потомъ мы убьемъ и васъ, и вашихъ женъ и дѣтей. Такъ велитъ намъ свобода. Намъ пріятно истреблять васъ и подобныхъ вамъ людей. Если ваши принципы искренны, то вы должны съ нами согласиться»!

Вильгельмъ I, король милостію Божіею и въ то же время король конституціонный, весьма стѣсненъ своею присягою; онъ стѣсненъ своею врожденною честностью гораздо болѣе, чѣмъ было бы на его мѣстѣ стѣснено его министерство!

Между тѣмъ произошло событіе совершенно неожиданное—одно изъ тѣхъ невѣроятныхъ событій, какія могутъ случиться только въ Германіи. Рѣчь идетъ о курфиршерствѣ Гессенскомъ. Курфирстъ, управляющій этою страною, какъ говорится, по праву, данному Богомъ, вздумалъ пожаловать своимъ подданнымъ конституцію, заставить ихъ вотировать въ пользу кандидатовъ своего собственнаго выбора. Но вдругъ король Вильгельмъ отправляетъ въ Кассель два корпуса, съ тѣмъ чтобъ вытребовать визитную карточку своего генерала. Это странно, но это не все еще! Австрія и Пруссія, которыя въ Бронцеллѣ, по поводу того же самаго курфирста, чуть было не вцѣпились другъ другу въ волосы, теперь единодушно дѣйствуютъ противъ этого правителя. Но и это еще не все! Сеймъ франкфуртскій, т. е. сеймъ германскій—надо же называть его настоящимъ именемъ—и тотъ вдругъ принимаетъ сторону права народовъ противъ такъ называемаго божескаго права!

Мы болѣе и слышать не хотимъ. Не хотимъ знать причины такого явленія. Не станемъ разбирать такого чуда. Мы поражены удивленіемъ, нами овладѣло оцѣпенѣніе!

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НАЧАЛА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

Руководство для учащихся и для дѣловыхъ людей. *Вильгельма Рошера.* Переводъ И. Бабста. Томъ первый. Отдѣленіе второе. Москва, 1862.

> «Политическая экономія не должна забывать, что ей нужно самоотрицаніе, чтобы добраться до истины».
>
> *В. Рошеръ.*

Первая книжка перевода г. Бабста появилась въ октябрѣ 1860 года.

Выпуская ее тогда, переводчикъ предупреждалъ публику, что вторая книжка, т. е. 2-е отдѣленіе І-го тома, «выйдетъ въ декабрѣ, а второй томъ приготовляется къ печати».

Обѣщанная книжка, однако, не появилась ни въ декабрѣ 1860, ни въ теченіи всего 1861, ни въ началѣ 1862 г. Она вышла только въ прошедшемъ апрѣлѣ и то, вѣроятно, для оправданія извѣстной пословицы: лучше поздно, чѣмъ никогда.

Въ предисловіи къ этой книжкѣ г. Бабстъ говоритъ: этимъ «изданіемъ я кончилъ переводъ І-го тома творенія Рошера. Второй томъ мною переводится и къ концу нынѣшняго года я надѣюсь его издать. За всѣ указанія на вкравшіяся ошибки я буду искренно благодаренъ».

Итакъ второй томъ появится въ концѣ этого года. Очень рады.

Замѣтимъ, однакожъ, что обѣщаемый томъ *готовился къ печати* еще въ концѣ 1860 года, такъ по крайней мѣрѣ сказано въ предисловіи къ первой книжкѣ перевода.

Смѣемъ ли надѣяться, что почтенный профессоръ будетъ намъ искренно благодаренъ за подобныя замѣчанія?.. Кстати: мы говоримъ о нашей надеждѣ и забываемъ, что самъ профессоръ не прочь понадѣяться кое-на-что. Вотъ доказательство: «Будемъ надѣяться, говоритъ Бабстъ, что плоды многолѣтнихъ усилій, трудовъ и неутомимаго прилежанія знаменитаго германскаго ученаго (Рошера) найдутъ *и у насъ* радушный пріемъ». (Предисловіе).

Итакъ г. Бабстъ самъ надѣется, надѣется, замѣтимъ на то, что мы окажемъ радушный пріемъ творенію знаменитаго германскаго ученаго. Мало того: почтенный профессоръ считаетъ даже нужнымъ рекомендовать намъ своего собрата, лейпцигскаго профессора, какъ усерднаго и неутомимо-прилежнаго труженика.

Надежда г. Бабста на наше радушіе, впрочемъ, весьма основательна. Мы, Русскіе, всегда отличались гостепріимствомъ; хлѣбосольство—наша завѣтная слабость. Это знаютъ всѣ иностранцы вообще, нѣмцы въ особенности; знаетъ это, конечно, и самъ г. Бабстъ, проживающій въ хлѣбосольной Москвѣ. Отчего, послѣ этого не порадѣть родному человѣку; отчего г. Бабсту не похвалить Рошера!.. Между своими иначе и быть не можетъ.

Скажемъ мимоходомъ, что знаменитый Рошеръ смотритъ на насъ, Русскихъ, довольно подозрительно и считаетъ насъ «*соперниками*» и даже «*врагами*» нѣмецкаго племени.

Какъ бы то ни было, а г. Бабстъ рекомендуетъ намъ Рошера; это фактъ. Г. Бабстъ знакомитъ насъ съ Рошеромъ и переводитъ его «замѣчательное» сочиненіе на нашъ языкъ; это другой фактъ.

Эти факты г. Бабстъ заявляетъ сознательно и преднамѣренно; его цѣль—вызвать въ насъ потребность изучать политическую экономію, а переводомъ сочиненія Рошера «внести съ своей стороны скромную лепту въ дѣло развитія и распространенія экономическихъ знаній» въ русскомъ обществѣ.

Вопросъ о необходимости для насъ экономическихъ знаній г. Бабстъ поднялъ еще въ 1856 году.

1856 годъ! Сколько важныхъ вопросовъ поднято было у насъ въ этотъ знаменательный годъ?! Да, то была славная пора, пора невиданныхъ чудесъ! Въ эту пору слѣпые видѣли, нѣмые говорили,

глухіе слышали и мертвецы, подымаясь изъ гробовъ, подымали самые живые вопросы.

1856 годъ! Кому изъ насъ не памятенъ этотъ годъ... И г. Бабстъ, конечно, не забылъ его; онъ, безъ сомнѣнія, живо помнитъ и торжество 5-го іюня въ казанскомъ университетѣ. Въ этотъ незабвенный для него день онъ произнесъ торжественную рѣчь и стяжалъ вѣнецъ оратора.

«Мм. гг.! Имѣю честь говорить предъ вами, какъ представитель одной изъ отраслей человѣческаго знанія... торжественно говорилъ профессоръ Бабстъ.

«Распространеніе здравыхъ экономическихъ понятій, мм. гг., составляетъ одну изъ самыхъ необходимыхъ потребностей нашего общества... Горе тому народу, который теряетъ всякое желаніе къ улучшенію своего экономическаго быта, всякую заботу о немъ: онъ теряетъ съ этимъ вмѣстѣ сознаніе своего нравственнаго достоинства, сознаніе честности... (Слушайте, слушайте). Чистота и опрятность— это необходимыя условія нравственнаго развитія. Не даромъ же, мм. гг., бѣлый цвѣтъ есть символъ непорочности. Благо тому народу, который имѣетъ средства жить въ покойномъ жилищѣ, одѣваться хорошо, хорошо ѣсть. (Браво).

«Ополчимся всѣ дружно и дружно станемъ дѣйствовать для распространенія просвѣщенія и для умноженія нашего богатства.

«Передъ каждымъ истинно-русскимъ патріотомъ долженъ всегда носиться великій образъ вѣнценоснаго труженика, перваго русскаго машиниста, инженера, врача, ученаго, литератора, нашего великаго Петра, натершаго себѣ трудами, для образованія Россіи, мозоли на своихъ царственныхъ рукахъ».

И такъ въ 1856 году, по заключеніи мира, когда распущено было по домамъ государственное ополченіе, г. Бабстъ призывалъ подъ свое знамя новыхъ ополченцевъ, натирать мозоли и распространять какія-то здравыя экономическія понятія въ нашемъ отечествѣ.

«Ополчимся дружно и дружно станемъ дѣйствовать», взывалъ профессоръ и на зовъ его откликнулись гг. Ростовцевъ, Щепкинъ и другіе переводчики произведеній школы такъ называемыхъ экономистовъ. Въ непродолжительномъ времени на нашемъ языкѣ появились переводы разныхъ «основаній, курсовъ и началъ политической экономіи»—Густава де-Молинари, Бруно фонъ-Гильдебранда, Курсель-Сенеля, Жозефа Гарнье, Эллиса... Заговорили наконецъ и наши

ученые—гг. Вернадскій, Гагемейстеръ, Тернеръ, Вернеръ,... право всѣхъ не упомнишь. Послѣднимъ явленіемъ нашей домашней экономической литературы было замогильное твореніе г. Горлова въ 2-хъ томахъ, или сборникъ ветхозавѣтныхъ экономическихъ теорій.

Нѣтъ! нѣтъ! говоритъ г. Бабстъ, глядя на труды этихъ ополченцевъ, не такъ вы дѣйствуете, распространяя экономическія понятія. Всѣ ваши авторитеты ошибаются; ваше начальство ведетъ васъ по ложному пути, потому что мало обращаетъ вниманія на исторію экономической жизни древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ. Вашимъ вожатаямъ мало дѣла до того, что передумали эти народы, чего они хотѣли, къ чему стремились... Нѣтъ! если вы дѣйствительно желаете быть настоящими ополченцами, то должны учиться но другому уставу. Рекрутская школа вашихъ экономистовъ уже не годится; она не научитъ васъ путному и сдѣлаетъ изъ васъ только мечтательныхъ утопистовъ. Я говорю вамъ это, какъ представитель экономической науки и какъ вѣрный послѣдователь знаменитаго и неутомимо-прилежнаго германскаго ученаго, Вильгельма Рошера. Этотъ ученый вовсе не утопистъ, какъ ваши начальники; онъ не пытается, какъ они, «растянуть народную жизнь на прокустовомъ ложѣ». Вся задача его состоитъ въ томъ, чтобы отыскать въ кучѣ историческаго мусора первобытные зачатки народнаго хозяйства въ самыя отдаленныя эпохи. Вашъ авторитетъ—Ж. Б. Сей осмѣлился сказать: «какую пользу извлечемъ, мы собирая безумныя мнѣнія и опровергнутыя всѣми теоріи? Выкапывать ихъ изъ могилы и безполезно и скучно»!!! Какой взглядъ на исторію, какое невѣжество! Нѣтъ ничего мудренаго, такое ученіе могло только породить утопію, абсолютизмъ теорій и страшно повредить наукѣ. Нѣтъ! чтобы узнать народное хозяйство, мы должны изучать прежде всего древность, старину. Взгляните на Рошера—вотъ примѣръ. Посмотрите какъ копотливо и неутомимо-усердно разгребаетъ онъ историческій мусоръ, какъ терпѣливо глотаетъ архивную пыль и съ какимъ неподдѣльнымъ восторгомъ подбираетъ онъ всякій хламъ, всякую повидимому негодную ветошь... Вотъ что значитъ любовь къ наукѣ, вотъ что значитъ заниматься наукою для науки.

Конечно, только «люди дѣльные, ищущіе науку ради науки», какъ говоритъ мой учитель, самъ знаменитый Рошеръ, могутъ признать все достоинство подобнаго метода изученія народнаго хозяйства... Но мы не теряемъ надежды на готовность нашихъ ополченцевъ усвоить

взглядъ германскаго ученаго на политическую экономію. Мы имѣемъ глубокое убѣжденіе, что истинно-просвѣщенные ополченцы бросятъ наконецъ *идеальный*, утопическій методъ оффиціальной школы экономистовъ. Да, мм. гг., пора намъ понять значеніе *историческаго* метода, пора намъ оцѣнить, какъ подобаетъ, заслуги ученѣйшаго Рошера и провозгласить его *первымъ* европейскимъ политико-экономомъ, какъ это сдѣлалъ мой собратъ Воловскій. Этотъ замѣчательный экономистъ, отрекаясь торжественно отъ идеальнаго метода Росси, восклицалъ: «Я человѣкъ—и ничто человѣческое мнѣ не чуждо, потому что вмѣстѣ съ Рошеромъ я благоговѣю передъ исторіею древнихъ азіятскихъ и африканскихъ народовъ. Итакъ, мм. гг. *homo sum, humani nihil a me alienum puto* — вотъ что можетъ сказать про себя каждый изъ васъ, кто усвоитъ методъ Рошера и, вслѣдъ за Воловскимъ и мною, сдѣлается глашатаемъ его ученія.

«Ополчимся дружно, мм. гг., и дружно станемъ дѣйствовать для утвержденія историческаго метода въ нашей экономической наукѣ».

Вотъ сущность пропаганды г. Бабста (см. предисловіе его).

Теперь мы обратимся къ самому Рошеру. «Политическая экономія не должна забывать, что ей нужно *самоотрицаніе*, чтобы добраться до истины».

Съ такимъ грознымъ напоминаніемъ обращается Рошеръ къ школѣ такъ называемыхъ экономистовъ.

Итакъ, по убѣжденію перваго современнаго политико-эконома, политическая экономія должна прибѣгнуть къ самоотрицанію, т. е. *къ самоубійству*, во имя истины: иначе—она не можетъ быть наукою. Какое ужасающее условіе истины! Но правда ли это? Понимаетъ ли самъ Рошеръ весь смыслъ этого убійственнаго условія истины... или онъ высказываетъ его безсознательно, по наитію? Что, наконецъ, разумѣетъ ученый подъ этимъ страшнымъ словомъ *самоотрицаніе*? Посмотримъ.

Рошеръ говоритъ слѣдующее:

«Въ каждой наукѣ, занимающейся народною жизнью, замѣтишь всегда два главные вопроса, а именно: *что существуетъ теперь*? (то есть, что было прежде и какъ оно получило настоящую свою форму) и *что должно быть*?

«Большая часть политико-экономовъ смѣшиваютъ въ своихъ трудахъ два эти вопроса, хотя и въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ, т. е. у однихъ преобладаетъ первый, у другихъ второй вопросъ.

«Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ оба упомянутые нами вопроса рѣзко отдѣлены другъ отъ друга, мы встрѣчаемъ *рѣшительную противуположность* между *физiологическимъ* или *историческимъ* и *идеальнымъ* методомъ». (Т. I, кн. I, стр. 48).

Такимъ образомъ экономисты до сихъ поръ еще не усвоили одного общаго метода для своихъ изслѣдованiй. Въ этомъ-то и кроется главная причина видимой неустойчивости и несостоятельности экономическаго ученiя. *Безъ метода нѣтъ науки*—это знаетъ каждый экономистъ, хотя нѣсколько знакомый съ какою нибудь наукою.

Теперь спрашивается: какой методъ должна усвоить политическая экономiя? Идеальный, т. е. математическiй, или историческiй? Отъ рѣшенiя этого вопроса будетъ зависѣть участь политической экономiи, *какъ науки.*

Прежде всего мы замѣтимъ, что большая часть цеховыхъ экономистовъ, въ родѣ какого нибудь Молинари, Гарнье или Бодрилльяра, не обращаетъ никакого вниманiя на значенiе метода въ наукѣ вообще, а занимается словоизверженiемъ. Для такихъ писакъ наука не существуетъ... Поэтому искать метода въ ихъ сочиненiяхъ или, говоря вѣрнѣе, въ ихъ скучныхъ романахъ — трудъ совершенно напрасный. Итакъ обратимся поскорѣе къ настоящимъ представителямъ политической экономiи, какъ науки, имѣющей свой методъ.

Мальтусъ, Рикардо, Росси, а въ послѣднее время Дж. Ст. Милль ввели въ политическую экономiю методъ *математическiй* или идеальный, какъ называетъ его Рошеръ.

Слѣдуя этому методу, помянутые писатели смотрятъ на политическую экономiю, какъ на науку умозрительную; по ихъ мнѣнiю, она должна быть основана на принципахъ *a priori*, на *опредѣленiяхъ,* отъ которыхъ путемъ логическаго вывода слѣдуетъ доходить до послѣднихъ умозаключенiй. Короче, политическая экономiя должна быть построена на тѣхъ же началахъ какъ и математическiя науки, какъ геометрiя напримѣръ. Такъ думаютъ тѣ экономисты, которые желаютъ сдѣлать политическую экономiю наукою вполнѣ точною, рацiональною.

Допустимъ, что Мальтусъ, Рикардо, Росси и другiе думаютъ основательно. Допустимъ, что политическая экономiя дѣйствительно должна усвоить методъ математическiй *a priori*; положимъ, что она—

наука умозрительная, вполнѣ раціональная, основанная на *опредѣле-ніяхъ*, какъ и геометрія.

Теперь спрашивается: можетъ-ли представить намъ политическая экономія *точныя*, недвусмысленныя и навсегда усвоенныя *опредѣле-нія* своихъ терминовъ? Могутъ ли, напримѣръ, экономисты *опредѣ-лить* намъ что такое богатство, цѣнность, трудъ, капиталъ, задѣльная плата, доходъ и прочіе экономическіе термины, которые требуютъ неизмѣннаго значенія въ наукѣ, желающей быть раціональною? Что думаетъ объ этомъ самъ Росси, который громче всѣхъ проповѣдывалъ о необходимости математическаго метода для политической экономіи?

Богатство, цѣнность, капиталъ... неужели эти слова не могутъ имѣть точнаго опредѣленія?

«Хотя наука, говоритъ Росси, усвоила уже эти слова, но до сихъ поръ еще не согласны насчетъ ихъ настоящаго смысла и опредѣленнаго выраженія. Другими словами: наука не установилась даже въ основныхъ своихъ принципахъ, потому что первымъ признакомъ совершенства науки служитъ разъ на всегда принятая и усвоенная номенклатура». (Rossi, Cours d'Econ. pol, II leç., p. 33. 2 ed.).

Итакъ политическая экономія не даетъ намъ точныхъ *опредѣле-ній* своихъ словъ. Но безъ этого непремѣннаго условія, какъ извѣстно, математичекій методъ совершенно безполезенъ; слѣдовательно политическая экономія не наука и не можетъ называться наукою, пока не найдетъ и не представитъ намъ синтетическихъ опредѣленій своихъ основныхъ терминовъ.

Тутъ невольно раждается вопросъ: можетъ ли въ самомъ дѣлѣ экономистъ найдти эти опредѣленія; можетъ ли его наука усвоить математическій методъ?

На такой основательный вопросъ ни одинъ экономистъ не даетъ положительнаго отвѣта. Всѣ его стараются обойти. Впрочемъ Мальтусъ, говоря о богатствѣ, сознавался, что весьма трудно, даже *не-возможно* съ точностью опредѣлить этого неуловимаго понятія. Гдѣ же искать рѣшенія этого важнаго вопроса объ опредѣленіяхъ? Неужели приходится заглянуть въ методологію?.. Заглянемъ.

Въ своей «Критикѣ чистаго Разума» Кантъ говоритъ слѣдующее: «*Одпѣ* только математическія науки могутъ давать опредѣленія своихъ терминовъ.

«Математическія опредѣленія, составляясь синтетически, *a priori*,

никогда не могутъ быть ложны; на нихъ построены всѣ математическія доказательства; безъ нихъ, наконецъ, немыслима сама математика, какъ наука чисто раціональная, логически-послѣдовательная въ своихъ выводахъ.

«Математическій методъ ни въ какомъ случаѣ не примѣнимъ къ философскимъ, опытнымъ изслѣдованіямъ. Поэтому только въ одной математикѣ можно начинать съ опредѣленій словъ и основныхъ понятій». (*Kant.* Trad. Tissot, 1845, t. II, pp. 425—430).

Итакъ оказывается, что политическая экономія не должна и не можетъ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ, искать опредѣленій своихъ «основныхъ» понятій, а менѣе всего—пользоваться методомъ математическихъ наукъ. Такъ велитъ законъ методологіи, открытый Кантомъ, такъ доказываетъ и самый опытъ. Сколько намъ извѣстно, ни одинъ экономистъ школы Мальтуса и Рикардо не опровергнулъ доказательствъ Канта о невозможности примѣнить къ политической экономіи математическій методъ *a priori*. Мы имѣемъ даже основаніе предполагать, что ни одинъ изъ нихъ не читалъ Канта. Вотъ почему, чуждые философіи своего вѣка, эти мнимо-ученые слѣпо и упорно продолжали проповѣдывать о математическомъ методѣ, писали громадные трактаты политической экономіи и постоянно начинали ихъ съ опредѣленій «основныхъ» понятій и терминовъ. Однако логика безжалостно казнила ихъ за оскорбленіе науки, осуждая на безвыходное противурѣчіе всѣ созданныя ими теоріи и системы, вмѣстѣ съ тѣмъ она наложила на нихъ позорное клеймо абсолютизма. Загляните въ любой курсъ политической экономіи, прослѣдите внимательно за ея доводами, взвѣсьте ихъ на вѣсахъ строгой логики—и вы непремѣнно найдете въ нихъ бездну самыхъ отчаянныхъ противурѣчій, даже нелѣпостей. Мы смѣемся надъ метафизиками и схоластиками среднихъ вѣковъ, потѣшаемся надъ алхимиками и астрологами и не замѣчаемъ, что творится въ ученомъ мірѣ экономистовъ. Мы мало обращаемъ вниманія на ихъ фантазіи и мечты, а то смѣху нашему не было бы конца... Но, по правдѣ сказать, мы забыли уже смѣяться надъ тѣмъ, что дѣйствительно смѣшно — и серьезно смотримъ на труды алхимиковъ и метафизиковъ нашего вѣка,—на современныхъ экономистовъ. Или, можетъ быть, намъ уже наскучили они своими противурѣчіями, спорами и логомахіей и мы махнули на нихъ рукой? И то правда: они были бы смѣшны, когда не наводили бы на насъ тоски и унынія.

Однако обратимся лучше къ Рошеру, этому смѣлому отрицателю

математическаго метода. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ о сочиненіяхъ экономистовъ, усвоившихъ этотъ методъ

«Кому удалось просмотрѣть хоть нѣсколько такихъ идеальныхъ сочиненій, гдѣ говорится о томъ, каково должно быть народное хозяйство, того прежде всего поразитъ различіе и даже противурѣчіе во всемъ, чего требуютъ *теоретики*, чего они желаютъ и что считаютъ необходимымъ. Нѣтъ почти ни одного вопроса, въ пользу или противъ котораго не говорили бы самые извѣстные авторитеты. Такое странное явленіе стараются всѣми силами прикрыть и полагаютъ, что въ главныхъ своихъ вопросахъ политическая экономія остается вездѣ и всегда одна и та же, точно также, какъ и естествознаніе... Не зачѣмъ жмурить глаза передъ такимъ явленіемъ». (Т. I, кн. I, стр. 49 и 50).

Итакъ германскій ученый совѣтуетъ намъ открыть глаза и посмотрѣть на странное явленіе противурѣчія современныхъ экономическихъ системъ и теорій. Посмотримъ.

На дверяхъ экономическаго лабиринта, какъ на дверяхъ Дантова ада мы читаемъ мрачную надпись: *lasciate ogni spranza, voi ch'entrate*—оставьте всякую надежду вы всѣ, со страхомъ и трепетомъ приступающіе къ изученію такъ называемой политической экономіи.

Поразительное въ самомъ дѣлѣ явленіе представляетъ намъ политическая экономія въ современномъ ея состояніи. Несмотря на все рвеніе своихъ представителей, по сіе время еще она продолжаетъ вращаться въ безвыходномъ, какъ будто заколдованномъ кругу однихъ и тѣхъ же неразрѣшенныхъ вопросовъ... Чѣмъ дѣйствительно заявила себя эта пресловутая наука въ теченіи почти ста лѣтъ, отъ Адама Смита до Молинари и Дж. Стюарта Милля? Системы слѣдуютъ за системами, теорія смѣняетъ теорію; разнообразіе принциповъ, несходство воззрѣній на предметъ науки, безплодные споры о словахъ, проще говоря—словоизверженіе—все это безжалостно отрицало самую науку и ея назначеніе. Противурѣчіе школъ англійской, французской, германской, итальянской, борьба системъ меркантильной, мануфактурной, земледѣльческой, регламентарной и пр., и тутъ же одновременный взрывъ утопій коммунистовъ, филантроповъ, мистиковъ и теорій спекуляторовъ и шарлатановъ всѣхъ сортовъ! Не пытка ли то Сизифа и Данаидъ? Невольно спрашиваешь себя: за какое преступленіе осуждены экономисты трудиться надъ созданіемъ такой науки, какъ политическая экономія? Гдѣ кроется причина безплодности ихъ усилій?

Отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ исторія развитія естественныхъ наукъ. Со временъ Бэкона эти науки, найдя *методъ* своихъ изслѣдованій, неуклонно шли путемъ постепеннаго развитія и дали намъ много полезныхъ, блестящихъ и почти чудесныхъ открытій. Пока наука не опредѣлила съ точностью *дѣйствительнаго* предмета своего изученія и не усвоила *настоящаго* метода, до тѣхъ поръ, конечно, она и не могла установиться на прочныхъ началахъ. До Бэкона науки не было, а были философскія системы, теоріи. Послѣдователи Аристотеля и Платона безцѣльно блуждали въ безграничной области гипотезъ и спорили о словахъ... То была пора схоластики, метафизики,—царство авторитетовъ. Но вотъ явился Бэконъ, и мракъ средневѣковаго обскурантизма разсѣялся. Авторитету Аристотеля былъ нанесенъ страшный ударъ и средневѣковая схоластика, и философія должны были уступить мѣсто положительному знанію — наукѣ. Принципъ знанія — это непосредственное *наблюденіе* явленій; поэтому наука, идя по пути, указанному ей Бэкономъ, не ищетъ ничего *абсолютнаго*, а довольствуется наблюденіемъ и анализомъ явленій, изучая ихъ отношенія и открывая законы.

Можно ли было послѣ этого грезить о какихъ бы то ни было системахъ философіи и создавать теоріи изъ началъ ума?

Многіе, даже послѣ Бэкона, мечтали о томъ. Декартъ, Спиноза, Маллбраншъ, Лейбницъ, Вольфъ, наконецъ въ наше время Шеллингъ, Фихте и другіе великіе умы предполагали возможнымъ построить какую-то единую философскую систему. Отвергая схоластику, признавая и проповѣдуя значеніе науки, но желая въ то же время создать отвлеченную теорію міросозерцанія, эти мыслители отдавали дань средневѣковому абсолютизму и впадали въ неизбѣжное противурѣчіе. Анализъ и критика всѣхъ философскихъ системъ доказали самымъ очевиднымъ образомъ, что въ основѣ каждой изъ нихъ лежитъ гипотеза, бездоказательная идея, не имѣющая значенія для науки, какъ положительнаго знанія. Принципъ науки—*наблюденіе* исключаетъ всякую теорію, всякую систему *a priori*. Тамъ, гдѣ одни только факты составляютъ весь авторитетъ, другимъ авторитетамъ нѣтъ болѣе мѣста. Наблюденіе фактовъ можетъ быть доступно каждому; всѣ факты можно наблюдать съ безчисленныхъ сторонъ; каждый можетъ глядѣть на нихъ съ какой угодно точки зрѣнія. Такимъ образомъ: безконечное разнообразіе фактовъ, воззрѣній на нихъ, способность каждаго создавать системы и теоріи—все это явно отрицаетъ и уничтожаетъ

авторитетъ системъ и дѣлаетъ ихъ построеніе совершенно праздною, даже вредною забавою ума. Настоящая философія гнушается такою забавою; ея назначеніе состоитъ вовсе не въ созданіи теорій, а въ томъ, чтобы показать какъ и почему мы философствуемъ и къ чему можетъ привести насъ всякое умозрѣніе. А строить теоріи, системы, послѣ Бэкона и Канта, въ нашъ девятнадцатый вѣкъ, въ нашъ вѣкъ критики—да это просто безуміе... Наше настоящее дѣло—это совершенствовать орудія критики—логику, методъ, очищать науку отъ негодной эрудиціи, софистики обскурантовъ, а болѣе, всего систематически отрицать системы теоріи и утопіи.

Но если вы отрицаете всѣ теоріи, то что же ставите взамѣнъ ихъ? спросятъ идеалисты.—Ничего. Какъ, неужели одно отрицаніе?—Да. А кто же будетъ строить, создавать!—Тотъ, кто не понимаетъ ни духа времени, ни исторіи, ни смысла науки, т. е. абсолютистъ. Исторія воспитываетъ человѣчество. Но какъ она его воспитываетъ?—Путемъ послѣдовательнаго отрицанія форменныхъ условій жизни народовъ. Отрицаніе—это духъ исторіи, это сама жизнь. Поэтому и самый прогресъ есть ничто иное, какъ процесъ отрицанія, его развитіе и непрекращаемое движеніе. Чтобы убѣдиться въ томъ, бросимъ бѣглый взглядъ на прошедшее воспитаніе человѣчества.

Въ основѣ древнихъ обществъ лежало *рабство*. Величайшіе мудрецы и законодатели Рима и Аѳинъ смотрѣли на это явленіе современной имъ жизни, какъ на вполнѣ законное и естественное. Ни Сократъ, ни Аристотель не могли себѣ представить общества безъ рабовъ. Даже для Платона самый идеалъ республики былъ немыслимъ безъ рабства.

Восемнадцать слишкомъ вѣковъ тому назадъ, древній міръ, основанный на рабствѣ, погибалъ въ суевѣріи и развратѣ подъ владычествомъ цезарей.

Рабство подвластныхъ, лихоимство и грабежи правителей, войны и оргіи римскихъ императоровъ убивали въ покоренныхъ ими народахъ всякое сознаніе права и справедливости. Отвратительнымъ возраждалось варварство изъ этого непомѣрнаго разврата нравовъ. Мудрецы предвидѣли конецъ имперіи, а чѣмъ пособить—не знали. И что дѣйствительно могли они придумать? Для спасенія этого дряхлаго общества нужно было отрицаніе всѣхъ условій его рабской жизни, нужно было измѣнить укоренившіяся понятія и уничтожить права, освященныя вѣками. Кто могъ рѣшиться на такое страшное отрица-

ніе? Мудрецы говорили: Римъ побѣдилъ своею политикою и богами; всякая реформа, противная духу его учрежденій, былабы безуміемъ и святотатствомъ. Мало того, Римъ, милосердый къ побѣжденнымъ, заковывая ихъ въ цѣпи, даритъ имъ жизнь; рабство—самый обильный источникъ его богатствъ; освобожденіе рабовъ, поэтому, было бы отрицаніемъ самыхъ священныхъ правъ его и гибелью финансовъ. Римъ, наконецъ, погруженный въ наслажденія, обогащенный міровою добычею, пользуется своею побѣдою и управляетъ; роскошь и сластолюбіе—награда за его побѣды; онъ не можетъ ни отречься отъ нихъ, ни выпустить изъ своихъ рукъ захваченной добычи.

Итакъ Римъ признавалъ за собою дѣло и право. Притязанія его были оправданы всѣми обычаями и международными правами. Идолопоклонство въ религіи, рабство въ государствѣ, эгоизмъ и развратъ въ домашней жизни составляли основу учрежденій и нравовъ. Посягать на нихъ значило потрясать общество въ его основаніяхъ.

Вотъ почему идея отрицанія не могла придти въ голову древнимъ мудрецамъ—эпикурейцамъ, циникамъ или стоикамъ. А между тѣмъ общество умирало въ крови, развратѣ и банкротствѣ и настоятельно требовало покаянія и ликвидаціи.

Но вотъ раздалась евангельская проповѣдь изъ Іудеи, и разнеслась по всему пространству имперіи. Затрепеталъ древній міръ язычества, почуявъ близость неминуемой кончины. Завязалась страшная война палачей и мучениковъ вѣры и, послѣ трехъ-вѣковой пропаганды евангелія, языческій міръ былъ обращенъ и принялъ новый завѣтъ. Идолопоклонство истреблено, рабство уничтожено, развратъ уступилъ мѣсто болѣе суровымъ нравамъ и презрѣніе богатствъ доведено до нищенства. Общество было спасено отрицаніемъ его принциповъ, ниспроверженіемъ старой религіи и нарушеніемъ вѣковыхъ учрежденій.

Законъ вѣчнаго отрицанія былъ исполненъ.

Въ концѣ V вѣка западная римская имперія падаетъ подъ ударами варваровъ. На развалинахъ ея появляются новыя государства и въ основѣ ихъ ложится право завоевателя, право сильнаго. Европейское общество среднихъ вѣковъ живетъ и воспитывается по всѣмъ правиламъ феодальной системы, на началахъ крѣпостнаго права. По понятіямъ мудрецовъ этой эпохи крѣпостное право—явленіе совершенно законное и естественное; феодалъ никакъ не можетъ представить себѣ общества безъ крѣпостныхъ. Но исторія не ждетъ покаянія и сила

отрицанія рушитъ феодальную систему и уничтожаетъ крѣпостное право, какъ уничтожило рабство.

Это послѣднее отрицаніе выводитъ человѣчество на новую дорогу жизни; политическое рабство европейца средних вѣковъ смѣняется *законною* свободою современнаго рабочаго, получившаго право гражданства. Мудрецы западной Европы провозглашаютъ вмѣстѣ съ гражданскою свободою лица и право *труда*. Тюрго первый провозгласилъ это право изданіемъ постановленія, уничтожавшаго средневѣковыя ремесленныя корпораціи. «Природа, говорилъ онъ, давая человѣку нужды, сдѣлала право труда собственностью каждаго, и эта собственность священна и неотчуждаема». Одновременно съ экономическою реформою появляется въ западной Европѣ новое экономическое ученіе, которое объявляетъ трудъ первымъ источникомъ богатства народовъ.

Возвѣщая этотъ великій принципъ экономической жизни обществъ, Адамъ Смитъ этимъ самымъ указалъ современному историку на такой фактъ, который долженъ сдѣлаться въ его рукахъ самымъ вѣрнымъ путеводителемъ для изслѣдованія жизни человѣческаго рода. Дѣйствительно, вся прошедшая жизнь народовъ прошла въ трудѣ, въ борьбѣ съ природою изъ-за насущнаго хлѣба. Мало того: вся ихъ исторія намъ доказываетъ, что въ трудѣ, болѣе чѣмъ на войнѣ, человѣкъ заявлялъ свою доблесть и свое стремленіе къ свободѣ. Вотъ почему мы считали себя въ правѣ показать, что рабство и крѣпостное состояніе были главными условіями и фактами жизни древняго міра и среднихъ вѣковъ. При этомъ мы видѣли, какъ исторія, путемъ отрицанія этихъ двухъ условій, выработала наконецъ въ современной Европѣ начала, совершено противоположныя рабству и крѣпостному праву. Свобода лица, свобода и право труда — вотъ принципы, во имя которыхъ слагается жизнь настоящихъ обществъ.

Но если трудъ — только одинъ трудъ — есть принципъ богатства, то, съ другой стороны, какой же принципъ той ужасающей нищеты, которая разъѣдаетъ цивилизованный западъ? Чѣмъ объясняется нищета рабочихъ классовъ Англіи и Франціи? Неужели исторія отрицала рабство, крѣпостное право затѣмъ только, чтобы породить *пролетаріатъ* и пауперизмъ? That is the question.

Да, самое поразительное и мрачное явленіе западной цивилизаціи, источникъ всѣхъ политическихъ переворотовъ Франціи и сдавленная причина будущихъ революцій Англіи — это та хроническая болѣзнь народовъ, названіе которой — нищета, пауперизмъ. Этотъ грустный фактъ

цивилизацiи давно уже обращаетъ на себя вниманiе передовыхъ мыслителей, желающихъ облегчить участь самаго бѣднаго и многочисленнаго класса людей.

Тѣмъ не менѣе пауперизмъ все болѣе и болѣе развивается на западѣ. Какъ фактъ общественной жизни, онъ былъ неоднократно подвергнутъ самому строгому логическому, историческому и нравственному анализу; его распредѣлили по родамъ, видамъ, группамъ и категорiямъ и сдѣлали изъ него четвертое царство природы.

Долго спорили на западѣ о причинахъ нищеты, ея послѣдствiяхъ для будущаго прогреса цивилизацiи; объясняли ея назначенiе, указывали на степень развитiя въ разныхъ странахъ.

...Одни заглавiя книгъ, въ которыхъ описывался и обсуждался этотъ вопросъ жизни и смерти, могли бы наполнить собою цѣлые томы.

Въ заключенiе всего, нашлись счастливые люди, которымъ до того надоѣли всѣ эти анализы, статистическiя изслѣдованiя, романическiя и поэтическiя словоизверженiя и вопли о нищетѣ, что они подъ конецъ зажмурили глаза и перестали вѣрить въ ея дѣйствительность... Странная, право, судьба человѣка: онъ доходитъ иногда до того, что разумъ его начинаетъ отвергать свидѣтельство чувствъ, физическую боль, даже самую смерть... Если не ошибаемся, Грекъ Пирронъ отрицалъ движенiе; стоики не признавали страданiя и боли; приверженцы ученiя о переселенiи душъ отвергали смерть; спиритуалисты не вѣрили въ существованiе матерiи, а скептики наконецъ, не желая впадать въ односторонность взгляда, рѣшили за лучшее сомнѣваться во всемъ... Однако мiръ, не взирая на всѣ людскiе толки и пересуды, продолжалъ свой непрерывный ходъ во времени, смѣняя одни явленiя другими... И въ исторiи рода человѣческаго страданiя и нищета остаются попрежнему самыми будничными, насущными фактами...

Что же такое нищета? Какой ея принципъ? Какъ спастись отъ этого чудовищнаго сфинкса, готоваго пожрать цивилизованную, трудолюбивую Европу?

Нищета въ обществѣ есть зло; это, очевидно, не требуетъ никакихъ философскихъ умствованiй и доступно здравому смыслу. Нищета всегда заявляется недостаткомъ средствъ существованiя,—и это понимаетъ каждый. Но человѣкъ одаренъ отъ природы сознательнымъ чувствомъ самосохраненiя, поэтому законъ самой жизни побуждаетъ и

обязываетъ его искать средствъ существованія. Первое, самое необходимое и неизбѣжное условіе жизни—это питаніе; слѣдовательно, прежде всего человѣкъ долженъ ощущать потребность питанія. Въ этомъ отношеніи онъ повинуется общему всѣмъ животнымъ условію жизни. Короче: человѣку нужно ѣсть.

Таковъ—въ порядкѣ экономическихъ фактовъ нашъ первый законъ, законъ неумолимый и постоянно насъ преслѣдующій.

Долгимъ путемъ развитія природа пріучаетъ насъ къ труду, какъ единственно-разумному средству существованія. Въ жизни человѣчества можно отличить два главные періода: состояніе дикости, когда человѣкъ, незнакомый съ трудомъ, живетъ только плодами земли и сырымъ мясомъ животныхъ, и состояніе цивилизаціи, прогреса, когда люди, занимаясь промышленностью и обработкою сырыхъ продуктовъ природы, живутъ произведеніями своего труда.

Въ первомъ періодѣ, нищета, т. е. истощеніе запасовъ пропитанія, имѣетъ непосредственною и главною своею причиною лѣность, общее бездѣйствіе способностей человѣка. Очевидно, что тутъ фактъ нищеты, какъ послѣдствіе праздности, не представляетъ ничего нормальнаго; понятно, что такая нищета только предупреждаетъ человѣка и заставляетъ его приняться за трудъ, какъ необходимое средство существованія.

Но какъ объяснить нищету при трудѣ? Неужели трудъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ нищету, когда онъ-то и представляетъ единственный выходъ изъ нея?..

«Трудъ—это первый принципъ богатства» (замѣтьте богатства, а не нищеты), такъ говорятъ экономисты. А если они такъ говорятъ, то пусть же и объяснятъ намъ причину нищеты. Это ихъ дѣло, потому что нищета—явленіе экономическое.

Экономистъ, Англичанинъ Мальтусъ въ 1803 году утверждалъ слѣдующее:

«Изслѣдованіе *принципа населенія* привело меня къ изученію того вліянія, какое можетъ имѣть этотъ принципъ на дѣйствительное состояніе общества. Вліяніе его мнѣ показалось до такой степени очевиднымъ, что, по моему убѣжденію, *въ немъ-то и кроется главная причина нищеты и бѣдствій низшихъ классовъ всѣхъ націй и безплодности усилій высшаго сословія облегчить ихъ участь*.

(Malthus. Principe de population, trad. par Prévost. 1809, Intr).

Такимъ образомъ, по словамъ Мальтуса, вопросъ о пауперизмѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о населеніи и находится въ прямомъ, непосредственномъ къ нему отношеніи, какъ послѣдствіе къ причинѣ.

Этотъ ученый пришелъ къ тому глубокому убѣжденію, что господствующая причина всѣхъ общественныхъ страданій вообще, а нищеты въ особенности, заключается въ постоянномъ стремленіи населенія каждой страны увеличиваться за предѣлы необходимыхъ для него средствъ пропитанія.

Итакъ причина нищеты найдена; эта причина — излишекъ населенія. Люди умираютъ съ голоду, потому что ихъ много родится. Такъ рѣшилъ мудрецъ Мальтусъ, написавшій безсмертное сочиненіе «О принципѣ населенія».

Вопросъ о народонаселеніи безспорно занимаетъ одно изъ самыхъ важныхъ мѣстъ въ ряду общественныхъ и экономическихъ вопросовъ какъ по своему значенію для науки, такъ и по громадности и постоянству своего вліянія на судьбу всѣхъ государствъ.

Дѣйствительно, въ каждомъ обществѣ населеніе составляетъ средство и цѣль его дѣятельности на пути матеріальнаго и нравственнаго развитія. Населеніе каждой страны трудится, живетъ трудомъ и, трудясь, размножается.

Повсюду законодатели, философы, государственные люди всегда смотрѣли на увеличеніе народонаселенія какъ на источникъ и залогъ общественнаго благосостоянія. Во всѣхъ законодательствахъ и религіяхъ, со временъ Зороастра и Конфуція, во всѣхъ историческихъ лѣтописяхъ и преданіяхъ мы встрѣчаемъ постоянно одни и тѣ же афоризмы: *плодитесь, размножайтесь; тамъ, гдѣ много народу, тамъ и сила и пр...* Въ настоящее еще время всѣ правительства вѣрятъ попрежнему, что прямая цѣль ихъ—способствовать размноженію населенія, и въ этомъ отношеніи они опираются на вѣковыя вѣрованія, ссылаются на моралистовъ, поэтовъ, философовъ и на народный смыслъ... Кольберъ, Питтъ, Наполеонъ до такой степени были проникнуты этимъ убѣжденіемъ, что хотѣли учредить даже преміи въ пользу тѣхъ гражданъ, которые имѣютъ многочисленное семейство.

Но вотъ въ началѣ настоящаго вѣка является человѣкъ, который рѣшительно возстаетъ противъ этого міроваго предразсудка и доказываетъ, что размноженіе людей составляетъ главную и постоянную причину народныхъ бѣдствій, голода, нищеты и междоусобныхъ воинъ. Этотъ человѣкъ самоувѣренно утверждаетъ, что законы и обществен-

ныя учрежденія безсильны облегчить участь самаго многочисленнаго и и бѣднѣйшаго класса населенія, и что всѣ реформы и улучшенія, предпринятыя съ этою цѣлью—преступный обманъ или пагубное заблужденіе, которыя рано или поздно ввергнутъ народы въ бездну насильственныхъ революцій.

Какія же, спрашивается, имѣлъ Мальтусъ основанія идти на перекоръ обычаямъ, правамъ, преданіямъ и вѣрованіямъ всѣхъ вѣковъ и народовъ? Почему, наконецъ, его зловѣщее ученіе, не смотря на то, что въ массахъ оно возбуждаетъ только негодованіе, *de facto* принято, усвоено и проповѣдуется сектою такъ называемыхъ экономистовъ, какъ непреложный законъ, какъ догматъ науки?

Ученіе Мальтуса, какъ мы уже сказали, заключено въ его сочиненіи: «О принципѣ населенія. (An essay of the principle of Population). Этотъ принципъ онъ вывелъ изъ физіологическаго закона размноженія растеній и животныхъ.

Наблюденія показываютъ, по словамъ Мальтуса, что природа неположила границъ производительной способности растеній и животныхъ. Если бы на землѣ вовсе не было растеній, то одинъ какой нибудь видъ, напр. укропъ, покрылъ бы всю ея поверхность. Если бы на землѣ существовалъ только одинъ народъ, напр. Англичане, то, въ силу того же принципа, онъ населилъ бы въ нѣсколько столѣтій всѣ страны свѣта.

И этотъ законъ, по мнѣнію Мальтуса, неоспоримъ.

Но если природа, утверждаетъ онъ далѣе, такъ щедро надѣлила оба царства сѣмянами жизни, то, съ другой стороны, она была *бережлива* (?!) относительно пространства и средствъ питанія, (т. е. растеній и животныхъ).

Эти два положенія Мальтусъ облекъ въ научную, чисто-математическую форму и возвелъ ихъ въ непогрѣшимый законъ своей теоріи, въ непремѣнное условіе прошедшей, настоящей и будущей жизни человѣческаго рода. «Имя Мальтуса, говоритъ экономистъ Росси, неразрывно связано съ вопросами о населеніи, какъ имя Галилея съ закономъ движенія земли, или какъ имя Гервея съ ученіемъ о кровообращеніи».

Вотъ формулы Мальтуса.

1. Если населеніе не встрѣчаетъ никакихъ нравственныхъ или физическихъ препятствій своему развитію, то оно стремится увеличи-

ваться въ геометрической прогрессіи — 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64 128, 256...

2. Средства же существованія, наоборотъ, развиваются всегда медленнѣе и увеличиваются только въ прогрессіи ариѳметической — 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9...

Другими словами: населеніе, по свойственному ему органическому принципу, стремится всегда размножиться за предѣлы средствъ, необходимыхъ для его существованія. Изъ этого вытекаетъ неизбѣжная для насъ необходимость: или предупреждать излишнее нарожденіе воздержаніемъ отъ брачной жизни, или же подчиняться неумолимому приговору самой мачихи-природы и умирать отъ голода, войны, заразы и другихъ бичей человѣчества. Вотъ, между прочимъ, какимъ страшнымъ, зловѣщимъ пророчествомъ грозитъ Мальтусъ родившемуся бѣдняку.

«Человѣкъ, рождающійся на свѣтъ, гдѣ все уже занято до его появленія, не имѣетъ ни малѣйшаго права на кусокъ хлѣба, если семейство не въ состояніи его прокормить или общество не нуждается въ его трудѣ. Дѣйствительно, такой человѣкъ уже лишній на землѣ. На великомъ пиру природы нѣтъ ему мѣста. Природа велитъ ему уйдти прочь,—и это приказаніе она сама не замедлитъ привести въ исполненіе».

Почтенный экономистъ Мальтусъ, пасторъ англиканской церкви, былъ кроткій, добрый отецъ многочисленнаго семейства (*) и примѣрный гражданинъ Великобританіи. Онъ скончался 29 декабря 1834 года. Миръ праху его! Благодарное потомство, говоритъ поклонникъ его ученія, экономистъ Жозефъ Гарнье, оцѣнитъ его великія услуги человѣчеству и воздвигнетъ ему памятникъ. Заслуга Мальтуса состояла въ томъ, что онъ, къ неописанному восторгу школы экономистовъ, первый провозгласилъ политическую экономію, какъ доктрину нищеты, рабства и смерти. Въ теченіи всей своей жизни проповѣдуя воздержаніе отъ брака (moral restraint), какъ единственно-правственное средство противъ нищеты, Мальтусъ болѣе всего клеймилъ укоренившійся въ обществѣ предразсудокъ, относительно необходимости и пользы брака.

«Во всѣхъ слояхъ общества, говоритъ онъ, царствуетъ убѣжденіе,

(*) По словамъ экономиста Шербюлье (Cherbuliez), Мальтусъ имѣлъ 11 дочерей.

будто бракъ есть какой-то долгъ. Подобное убѣжденіе, конечно, не остается безъ послѣдствій. Кто вѣруетъ, что онъ не исполнитъ своего гражданскаго долга, пока не оставитъ потомства послѣ своей смерти, тотъ, конечно, не станетъ повиноваться голосу благоразумія. Вступая въ бракъ, такой человѣкъ будетъ убѣжденъ, что имѣетъ полное право расчитывать вполнѣ на милость провидѣнія».

Очень недавно, знаменитый англійскій экономистъ, философъ и публицистъ, Джонъ Стюартъ Милль, размышляя о суетѣ мірской, предразсудкахъ и предубѣжденіяхъ противъ ученія человѣколюбиваго Мальтуса, съ горечью высказалъ такія мысли: «Люди такъ созданы, что сами не могутъ обсудить нравственныхъ вопросовъ. Они только тогда поймутъ добро или зло, когда имъ станутъ почаще растолковывать его. Кто хочетъ предупреждать и лечить общественные недуги, тотъ долженъ высказываться откровенно. Религія, нравственность, политика наперерывъ возбуждали въ людяхъ охоту къ брачной жизни и къ размноженію рода; религія до сихъ поръ не перестаетъ разжигать это желаніе. До сихъ поръ еще большинство умовъ заражено религіозными предразсудками противъ настоящаго ученія о бракѣ. И къ чему это ведетъ? Каждый честный человѣкъ презираетъ пьяницу и отворачивается отъ него; но попадается бѣднякъ — и честный человѣкъ даетъ ему милостыню, на томъ основаніи, что тотъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ и не можетъ прокормить его.

«Нѣтъ, торжественно заключаетъ Милль, на развитіе нравственности можно надѣяться лишь тогда, когда люди станутъ смотрѣть на многочисленную семью съ такимъ же омерзѣніемъ, какъ на пьянство и всякій другой плотскій развратъ. Но пока аристократія и духовенство продолжаютъ по прежнему подавать примѣръ невоздержности, то чего же можно ожидать отъ бѣдныхъ»? (J. S. Mill, Principes d'economie polit., ch. XIII).

Такой взглядъ знаменитаго экономиста на бракъ и семейство естественнымъ образомъ привелъ его къ тому искреннему убѣжденію, что «бѣднымъ необходимо запретить жениться» (id. ch. XI).

Теорія Мальтуса о народонаселеніи составляетъ *caput et fundamentum* политической экономіи. Ж. Б. Сей, Рикардо, Макъ-Коллохъ, Джемсъ Милль, Росси, Джонъ Стюартъ Милль, Вильгельмъ Рошеръ, Молинари—вотъ самые замѣчательные глашатаи этой теоріи, о которой, замѣтимъ, не мыслилъ Адамъ Смиттъ.

*

Послѣднее слово этой зловѣщей теоріи—*голодная смерть рабочаго класса.*

Устами Дж. Милля школа экономистовъ проповѣдуетъ слѣдующее: «Населеніе стремится постоянно увеличиваться за предѣлы средствъ пропитанія. Это достаточно очевидно. Мало того, если это уже доказано, то намъ нѣтъ особенной нужды опредѣлять теперь скорости нарожденія людей. Какъ бы медленно оно не происходило, но если уже капиталъ (т. е. средства продовольствія) увеличивается еще медленнѣе, то задѣльная плата должна постоянно уменьшаться и извѣстная часть населенія *непремѣнно умирать съ голоду*».

Lasciate ogni speranza.

Но да не подумаетъ читатель, что мы обвиняемъ Мальтуса и его послѣдователей за недостатокъ любви къ человѣчеству. Напротивъ того, мы глубоко убѣждены въ томъ, что экономисты всегда душевно желали ему всевозможныхъ благъ на землѣ. Неужели мы станемъ называть ихъ бездушными за то, что они не могутъ сообразить, какъ безъ онанизма и голодной смерти лишнихъ людей установится равновѣсіе между населеніемъ и средствами продовольствія? О, никогда! Мы полагаемъ, наоборотъ, что сами экономисты клевещутъ на себя, когда рѣшаются рисоваться передъ публикою своимъ безстрастіемъ. Такъ, напримѣръ, мы думаемъ, что англійскій экономистъ Сеньоръ жестоко клеветалъ на себя и на своихъ собратій, когда говорилъ слѣдующее:

«Экономистъ не долженъ позволять себѣ, чтобы сердечное участіе къ нищетѣ, негодованіе противъ мотовства или скупости, ненависть къ настоящимъ злоупотребленіямъ, увлеченіе популярностью... могли мѣшать ему утверждать то, что онъ считаетъ основаннымъ на фактахъ, или выводить изъ нихъ такія заключенія, которыя ему кажутся законными». (Senior. Esquisse de l'Econ. polit., p. 130).

Клевещетъ на себя экономистъ, клевещетъ онъ на науку и на своихъ собратій! Нѣтъ, никто не разубѣдитъ насъ въ томъ, что разумъ экономистовъ сознаетъ, а сердце и совѣсть ихъ твердятъ совершенно противное... Нѣтъ! Вмѣстѣ съ Кери, передовымъ американскимъ мыслителемъ, они глубоко, сердечно убѣждены въ томъ, что настоящая наука вовсе не налагаетъ такого безстрастія на тѣхъ, кто ее проповѣдуетъ. Сама совѣсть непрестанно напоминаетъ имъ, что чѣмъ болѣе изучается наука, тѣмъ сильнѣе окружающая нищета должна возбуждать къ себѣ участія и тѣмъ свободнѣе слѣдуетъ за-

являть его, въ томъ неодолимомъ убѣжденіи, что существованіе подобнаго порядка вещей анормально, неестественно. Чѣмъ энергичнѣе въ насъ отвращеніе, вызываемое расточительностью или скупостью, которыя порождаютъ нищету, тѣмъ глубже должны мы уважать учрежденія, имѣющія цѣлію способствовать развитію привычки къ общенію и сближенію людей. Только благодаря этой глубоко-нравственной привычкѣ, человѣкъ пріобрѣтаетъ власть надъ природою и достигаетъ богатства. Поэтому, чѣмъ выразительнѣе будетъ въ насъ ненависть къ злоупотребленіямъ, которыя стремятся увѣковѣчить нищету и горе, тѣмъ живѣе и рѣшительнѣе станемъ мы трудиться надъ ея отрицаніемъ для блага общаго.

Такъ думаетъ вслухъ Кери; исповѣдуютъ эти мысли и всѣ экономисты, въ глубинѣ своей совѣсти. Если же эти ученые, увлекаясь ложными теоріями Мальтуса и Рикардо, говорятъ вовсе не то, что слѣдуетъ, то не забудемъ словъ Рошера: «Политическая экономія не должна забывать, что ей нужно самоотрицаніе, чтобы добраться до истины». Итакъ будемъ покойны. Сами экономисты съумѣютъ своевременно напомнить другъ другу, что они заблуждаются и что ихъ наука нуждается въ *самоотрицаніи*, во имя истины и добра.

Однако, прежде нежели политическая экономія, по приговору Рошера, посягнетъ на самоотрицаніе, т. е. на самоубійство, поспѣшимъ спросить ее: что она такое и чѣмъ занимается?

Политическая экономія не наука—въ этомъ сознаются сами экономисты. До сихъ поръ она стремилась усвоить методъ, опредѣлить предметъ, найдти объемъ и предѣлы своихъ изслѣдованій—и не могла достигнуть этой научной цѣли. Это фактъ. Математическій методъ, какъ доказали опытъ и логическій анализъ, не примѣнимъ ни въ какомъ случаѣ къ экономической наукѣ: она должна была поэтому искать другой методъ. Нашла ли она его?.. Рошеръ кричитъ: Эврика, нашелъ. Объ немъ поговоримъ послѣ. Профессоръ, экономистъ, юрисконсультъ и перъ Франціи — Росси, которымъ гордится школа экономистовъ, потерявъ всякую надежду ввести въ политическую экономію свой идеальный методъ, въ отчаяніи восклицалъ: «Всякая мысль о методѣ изгнана теперь изъ экономической науки, а между тѣмъ нѣтъ науки безъ метода». Итакъ политическая экономія—это система, теорія, утопія, фантазія, романъ... все что хотите, только не наука.

Политическая экономія, какъ современная доктрина, выражаетъ

собою воззрѣніе извѣстнаго рода ученыхъ на экономическіе факты общественной жизни.

Теперь спрашивается: съ какой точки зрѣнія смотрятъ эти извѣстные ученые на экономическіе факты? Чѣмъ, по ихъ мнѣнію, должна заниматься политическая экономія?

Вотъ что говоритъ одинъ изъ авторитетовъ этой доктрины, Джонъ Ст. Милль:

«Политическая экономія изучаетъ только тѣ явленія общественной жизни, которыя пораждаются жаждою человѣка къ пріобрѣтенію богатствъ. *Отвращеніе отъ труда*, жажда непосредственнаго наслажденія самыми дорогими благами — вотъ единственныя побужденія и страсти человѣческой природы, на которыя обращаетъ свое вниманіе политическая экономія. Она, изучаетъ какъ человѣчество, подъ исключительнымъ вліяніемъ этихъ двухъ побудительныхъ причинъ, производитъ и потребляетъ богатства» (System of Logic).

Въ другомъ мѣстѣ Миль говоритъ, что вопросы о богатствѣ, которыми занимается политическая экономія, не имѣютъ ничего общаго съ вопросами о свободѣ, нравственности, правѣ и пр. По его мнѣнію «всѣ эти предметы изученія существенно различны и никто въ томъ никогда не сомнѣвался». *Magister dixit*! Право, мы въ восторгѣ отъ Милля и любимъ его за непоколебимую откровенность и наготу его мысли. Въ немъ такъ и видѣнъ Британецъ. Такіе мыслители не попадаютъ между экономистами французской школы, на которыхъ лежитъ печать какого-то слабоумія и жалкой посредственности. Сравните, напримѣръ, Мальтуса, Рикардо, Макъ-Коллоха съ Сеемъ, Мишель Шевалье, Пасси, Гарнье, Бастіа, и вы тотчасъ замѣтите, что англійскіе экономисты рѣзко отличаются отъ французскихъ и силою логики, и глубиною убѣжденія, и сжатостью слога, и упорствомъ мысли... Англичанинъ доказываетъ, Французъ болтаетъ.

Возвратимся къ нашему предмету.

Итакъ, по мнѣнію Милля, этого Геркулеса политической экономіи, экономистъ долженъ изучать явленія производства и употребленія одного лишь матеріальнаго богатства съ чисто-физіологической точки зрѣнія. Физіологія богатства—вотъ прямой и исключительный предметъ изученія и созерцанія современнаго экономиста, — вотъ его дѣло. Что же касается нравственности и юридическаго значенія экономическихъ фактовъ, то экономистъ этимъ не занимается,—это не его дѣло. Вопросы о богатствѣ не имѣютъ ничего общаго со всѣми прочими об-

щественными вопросами. Такъ рѣшила школьная мудрость экономистовъ. Прекрасно. О взглядахъ не спорятъ, какъ и о вкусахъ. Каждый воленъ создавать свою систему, или теорію; наукѣ нѣтъ до этого никакого дѣла—она отрицаетъ всѣ теоріи и системы.

Станемъ теперь на точку зрѣнія экономистовъ и посмотримъ, что значитъ у нихъ слово *трудъ*.

Первый источникъ богатства—это трудъ. Съ этимъ согласны всѣ экономисты безъ исключенія.

Трудъ есть умственное или физическое, мускульное или нервное напряженіе съ производительною цѣлью (Милль).

Человѣкъ работаетъ *по нуждѣ*, для поддержанія своего существованія. По своей природѣ онъ имѣетъ *отвращеніе* отъ работы и ненасытно жаждетъ наслажденія земными благами (Милль).

Такимъ образомъ трудъ, какъ условіе жизни, не имѣетъ для экономиста нравственно-юридическаго, т. е. человѣчнаго начала, а налагается неумолимымъ закономъ природы, страхомъ голодной смерти. Слѣдовательно, трудъ не предполагаетъ человѣческаго произвола. Вся свобода труда, какъ учитъ политическая экономія, сводится на то, чтобы не заставлять человѣка работать насильно, по принужденію, и доставить ему возможность безъ стѣсненіи умереть съ голоду.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи, трудъ, даже добровольный и свободный, имѣя своимъ побужденіемъ только фатализмъ нужды, а *не совѣсть* и нравственное сознаніе его необходимости, становится противнымъ, тяжелымъ бременемъ, и человѣкъ естественно стремится избѣжать его какъ пытки. Это уже не трудъ, а каторжная работа, по суду мачихи-природы.

Отвращеніе отъ труда!.. Подумалъ ли Милль, когда писалъ эти слова, о ихъ сочетаніи?..

Отвращеніе отъ труда! Исторія всѣхъ народовъ намъ доказываетъ, что сочетаніе этихъ словъ заявлено было рабствомъ, крѣпостнымъ состояніемъ, и, въ настоящее время, въ богатой Англіи, работою машинъ—людей, *пролетаріевъ*! Это знаетъ самъ Милль.

Состояніе рабочихъ классовъ на западѣ, въ особенности же въ Англіи, какъ извѣстно каждому, далеко неутѣшительное. Тамъ трудъ составляетъ признакъ ничтожества, рабской зависимости пролетарія, клеймо его униженія. Это фактъ. Экономисты возвели его въ идеалъ своего ученія и, считая трудъ *товаромъ*, смотрятъ на работника, какъ на машину. О взглядахъ не споримъ.

По нашему же убѣжденію, если разсматривать трудъ независимо отъ нравственности и права, то онъ всегда обращается для работника въ пытку Сизифа, въ самую непроизводительную и убыточную затрату силъ и способностей. Развитіе пауперизма въ Англіи доказываетъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Что же намъ говорятъ послѣ этого о богатствѣ Англіи, о чудесахъ ея промышленности!..

Почти ежедневно мы слышимъ толки о выставкахъ. Парижъ и Лондонъ состязаются на этомъ поприщѣ, оглашая просвѣщенный міръ славою своихъ промышленныхъ фабричныхъ и земледѣльческихъ произведеній. Экономисты и фельетонисты наперерывъ поютъ хвалебные гимны въ честь труда, величія и пышности его произведеній...

Нѣтъ! пора перестать играть въ куклы и задать вопросъ: какую истину докажутъ намъ всѣ эти блестки, вся эта мишура наряднаго костюма, въ который такъ театрально одѣвается современная промышленность запада и его убогое, жалкое тщеславіе?

Нѣтъ! пусть Лондонъ выставитъ лучше на показъ всему міру рубища сыновъ гордаго Альбіона; пусть, вмѣсто откормленныхъ быковъ, свиней и заводскихъ лошадей, покажетъ онъ намъ заморенныхъ голодомъ, изнуренныхъ машинною работою и доведенныхъ до идіотизма своихъ заводскихъ рабочихъ. Мы не предполагаемъ, что успѣхи современной промышленности доведутъ когда либо быка или свинью до состоянія разумнаго существа; но мы знаемъ, что та же промышленность съумѣла низвести человѣка, въ лицѣ пролетарія, на степень скота.

Итакъ, да не прельстятъ насъ ни тщеславіе современной промышленности, ни чудеса лондонской всемірной выставки. Раскроемъ глаза: нищета, страшная, чудовищная нищета разъѣдаетъ первую цивилизованную націю міра—Англію. Статистическія таблицы смертности и преступленій, тюрьмы, рабочіе дома—вотъ настоящія выставки ея богатства и цивилизаціи. На 9 чел. жителей—одинъ оффиціальный нищій!.. Какъ баснословный Сатурнъ, великолѣпная Англія пожираетъ своихъ дѣтей и въ пресыщеніи извергаетъ ихъ въ колоніи, въ Америку, въ Австралію... На домашнемъ ея банкетѣ нѣтъ уже болѣе мѣста пролетаріямъ... Родина сама гонитъ ихъ со-свѣту — и сама приводитъ въ исполненіе свой материнскій приговоръ. Изгнаніе нищихъ, выселеніе Ирландцевъ—вотъ средства спасенія отъ пауперизма!!.. Какимъ тяжелымъ упрекомъ лежатъ на совѣсти представителей Великобританіи всѣ сдавленныя, непризнанныя страданія ея рабочихъ классовъ!..

«Очень недавно на обсужденіе палаты общинъ было представлено, что въ одномъ заведеніи, гдѣ отбѣливались англійскія и шотландскія полотна, мущины, женщины и дѣти были принуждаемы работать отъ 16 до 20 часовъ въ сутки, при температурѣ до такой степени высокой, что «гвозди на полу накалялись такъ сильно, что на ногахъ рабочихъ выступали пузыри». Каморы, въ которыхъ производилась эта убійственная работа, назывались *смертными покоями*. Такое названіе дали имъ сами рабочіе.

Въ палатѣ общинъ по этому случаю было предложено: сократить число рабочихъ часовъ, съ цѣлію хотя нѣсколько уменьшить смертность между рабочими и облегчить ихъ участь, особенно же дѣтей, на которыхъ, по словамъ одного изъ ораторовъ палаты, промышленникъ обыкновенно смотритъ, какъ на рабочій скотъ».

Такимъ образомъ величіе правосудія, законъ нравственности, общественная польза, однимъ словомъ все требовало немедленнаго прекращенія этого умышленнаго убійства рабочихъ.

Дѣло вышло иначе: алчный интересъ богатства восторжествовалъ, и билль былъ отвергнутъ послѣ рѣчи сэра Джемса Грегема (Sir James Graham), послѣ рѣчи, въ которой ораторъ убѣдительно доказалъ членамъ палаты, что на работника слѣдуетъ смотрѣть, какъ на орудіе производства, не болѣе.

«Всѣмъ извѣстно, говорилъ онъ, что нашъ бѣлильщикъ полотенъ выдерживаетъ самую тяжелую конкурренцію со стороны иностранныхъ своихъ соперниковъ и для успѣшной съ ними борьбы онъ долженъ развить все свое искусство, *всю свою энергію!*..

Сравнивая за тѣмъ условія промышленности съ условіями скачки почтенный сэръ сказалъ: и я тутъ же предсказываю вамъ, джентльмены, что утверждая такой опрометчивый, неблагоразумный и сумасбродный законодательный актъ (о сокращеніи рабочихъ часовъ), тѣмъ самымъ вы обезпечите чужестраннымъ соперникамъ первенство надъ нами въ этой отрасли промышленности. (Carey. Principes de la science sociale t. I, pp. 546, 547).

Подобнаго рода явленія вовсе не рѣдкость въ законодательной и филантропической Англіи, гдѣ цѣль—богатство оправдываетъ средства условія труда. Трудъ — единственный источникъ богатства. — Трудъ отрава для пролетарія, которую онъ глотаетъ по нуждѣ. Трудъ—дешевый товаръ для промышленника.

Для промышленника, который въ производствѣ употребляетъ ма-

шины и рабочихъ, вся задача заключается въ томъ, чтобы съ наименьшими издержками и платою рабочимъ получить наибольшее количество произведеній труда, а слѣдовательно и богатства.

Очень понятно, что каждый промышленникъ всѣми силами старается рѣшить эту задачу въ собственную пользу—такъ велитъ ему личный интересъ. Поэтому для него трудъ работника становится товаромъ, и чѣмъ товаръ этотъ дешевле, тѣмъ ему лучше. И это понятно каждому.

Но вотъ что намъ не совсѣмъ-то понятно: почему такой же взглядъ на трудъ проповѣдуютъ экономисты? Почему они такъ равнодушно смотрятъ на выборъ средствъ для производства богатства?

Росси говорилъ:

«Наука намъ доказываетъ, что для увеличенія богатства слѣдуетъ производить какъ можно дешевле».

Допустимъ, поэтому, что, заставляя дѣтей работать по пятнадцати часовъ въ сутки, мы могли бы увеличить народное богатство. Нравственность скажетъ, что это непозволительно; политика представитъ свои требованія. «Но развѣ за это слѣдуетъ возставать противъ политической экономіи? Нѣтъ, политическая экономія изслѣдуетъ только отношенія вещей и выводитъ изъ нихъ свои заключенія. Она изучаетъ условія труда, а на практикѣ примѣняйте трудъ сообразно цѣли вашей. Развѣ это доказываетъ, что политическая экономія ложь? Нѣтъ, это доказываетъ, что вы смѣшиваете то, *что должно быть раздѣлено*... Поэтому, когда самый дорогой интересъ націи и ея господствующая цѣль заключаются въ *богатствѣ*, то въ такомъ случаѣ политическаа экономія должна одержать верхъ надъ другими вопросами». (Rossi. Cours d'Econ. polit. 2 leçon, pp. 34, 38—40).

Короче, по убѣжденію экономистовъ цѣль—богатство оправдываетъ средства—условія труда; «вопросы о богатствѣ существенно различны отъ вопросовъ о нравственности». (Милль).

«О, неужели богатство—все, а человѣкъ ничто»! восклицалъ Сисмонди.

«Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ самъ Мальтусъ, если для достиженія богатства слѣдуетъ заставлять рабочихъ довольствоваться ничтожною платою, то я смѣло скажу: *да погибнутъ такія богатства*» (Malthus. Principes d'Econ. polit. trad. par. Constancio, t. I, p. 339).

Трудъ—единственной источникъ богатства. Это аксіома. Трудъ—

товаръ: это выдумка экономистовъ, которые сами не понимаютъ, что говорятъ.

Самъ по себѣ трудъ вовсе не товаръ и не подлежитъ оцѣнкѣ. Онъ цѣнится только въ виду тѣхъ цѣнностей, которыя онъ можетъ произвести по предположенію. *Цѣнность труда* поэтому,—выраженіе чисто условное; это точно такой же вымыселъ, какъ и *производительность капитала.* Трудъ производитъ, а капиталъ цѣнится, стóитъ. Когда мы говоримъ про цѣнность труда, то говоримъ въ смыслѣ переносномъ, который нисколько не противорѣчитъ правиламъ языка. Экономисты должны были помнить это и не принимать разговорную выдумку за дѣйствительность. Какъ свобода, любовь, честолюбіе, геній, такъ и трудъ *самъ по себѣ* не имѣетъ ничего опредѣленнаго, осязательнаго, а заявляется и опредѣляется своимъ предметомъ, т. е. становится дѣйствительностью въ своемъ произведеніи. Итакъ, когда говорятъ: работа, трудъ этого человѣка стоитъ рубль въ сутки, то подъ этимъ выраженіемъ нужно понимать, что *произведеніе* суточной работы такого человѣка стоитъ рубль. Такимъ образомъ, повторяемъ, тутъ цѣнится не самый трудъ, а его произведеніе, цѣнность котораго опредѣляется издержками производства. Отсюда и формула Сея: *каждое произведеніе стóитъ то, во что оно обходится.*

Къ сожалѣнію, ни самъ Сей, ни его послѣдователи, никто изъ экономистовъ, не понялъ значенія этой безупречной, научной формулы. Вотъ почему, вмѣсто того, чтобы основать политическую экономію на точномъ анализѣ промышленныхъ явленій и принципѣ равновѣсія экономическихъ отношеній, школа экономистовъ стала смотрѣть на трудъ, какъ на товаръ, на работника, какъ на орудіе производства, а на запросъ и предложеніе,—какъ на единственное правило торговъ и установки цѣнъ.

Запросъ и предложеніе—вотъ геркулесовы столбы политической экономіи, вотъ ея догматъ; въ немъ же Сей и его пророки.

Непреклонные глашатаи laissez faire, laissez passer, видя въ обществѣ одну лишь безвыходную борьбу личныхъ интересовъ, рѣшились возвести въ законъ науки торговую анархію и меркантильный произволъ. По какому-то непонятному ослѣпленію, они видятъ въ произволѣ цѣнъ самый священный законъ и принципъ отношеній между производителями и потребителями и ставятъ его наравнѣ съ свободою труда.

Нѣтъ сомнѣнія, что цѣнность, какъ выраженіе свободы труда, не терпитъ никакихъ ограниченій и враждуетъ со всякимъ насиліемъ.

Тутъ-то, какъ и въ пропагандѣ своей о свободѣ торговли, школа экономистовъ и находитъ благовидный предлогъ для оправданія своей рутины. Но почему, спрашивается, идея установки цѣнностей такъ противна экономистамъ? Всѣ вѣрятъ въ возможность этой установки, всѣ ее желаютъ и ищутъ. Общее убѣжденіе всѣхъ единодушно признаетъ существенное отличіе рыночной торговой цѣнности отъ настоящей. Вотъ почему столько товаровъ продается по опредѣленной цѣнѣ (prix fixe). Если цѣнность дѣйствительно не подлежитъ никакому уставу и ускользаетъ отъ полицейскаго надзора, то собственно потому, что она *должна* быть опредѣлена полюбовнымъ договоромъ между продавцемъ и покупателемъ, на началахъ взаимности, справедливости и добросовѣстности договаривающихся сторонъ.

Каждому извѣстно, что всякая торговая сдѣлка распадается на двѣ операціи: *куплю* и *продажу*.

Съ точки зрѣнія экономической справедливости, всякая продажа была бы нормальною и добросовѣстною, если бы товары продавались по *настоящей цѣнѣ, по ихъ стоимости*.

Что такое настоящая цѣна?

Настоящая цѣна какого нибудь товара заключаетъ въ себѣ: 1) сумму всѣхъ издержекъ на его производство, и 2) плату за услугу продавца, за коммисію.

Если бы всѣ сдѣлки, договоры, если бы все, что продается или обмѣнивается, слѣдовало этому правилу, то каждый былъ бы доволенъ, благосостояніе его вполнѣ бы зависѣло отъ его труда и усилій, и никто бы не требовалъ посторонняго вмѣшательства въ свои дѣла.

Но, къ сожалѣнію, ежедневный опытъ доказываетъ, что торговля и вообще всякій обмѣнъ произведеній и услугъ еще далеки отъ такого совершенства. Мы знаемъ всѣ, что цѣна товаровъ не совпадаетъ съ дѣйствительною, настоящею ихъ цѣнностью, а всегда превышаетъ ее въ болѣе или менѣе значительной степени, смотря по капризу и своеволію ажіотажа.

Ажіотажъ—это коммерческій произволъ, то *laissez faire, laissez passer*, которое возвели въ правило торговъ. Этотъ произволъ объясняется отсутствіемъ солидарности между производителями и потребителями. Дѣйствительно, такъ какъ ни производитель, ни торговецъ не имѣютъ достаточнаго ручательства въ сбытѣ своихъ това-

ровъ, то каждый изъ нихъ, желая обезпечить себя, вынужденъ бываетъ возвышать цѣну и, конечно, старается получить возможно большую прибыль.

Такая-то прибыль и называется *ажіо*, который такимъ образомъ становится чѣмъ-то въ родѣ преміи за промышленный и торговый рискъ.

Если бы при всякой обоюдной сдѣлкѣ между продавцемъ и покупателемъ ажіо былъ бы взаимнымъ и одинаковымъ для обѣихъ сторонъ, то балансъ не былъ бы нарушенъ и обществу не на что было бы жаловаться. Двѣ равныя величины увеличьте поровну и равенство не нарушится. Это математическая аксіома.

Но ажіо, какъ мы уже сказали, основанъ на произволѣ, на случайности; онъ не подчиняется никакому закону и равновѣсіе отношеній, балансъ съ нимъ не мыслимы.

Въ настоящее время товары не продаются по настоящей ихъ цѣнѣ — это фактъ, извѣстный каждому. Отчего это происходитъ?

Купецъ отказывается продавать товары по настоящей цѣнѣ, потому что 1) въ качествѣ *продавца* онъ не можетъ ручаться за своевременный сбытъ своихъ товаровъ въ такомъ количествѣ, чтобы выручить затраченный на нихъ капиталъ, т. е. *оплатить ихъ*, и 2) въ качествѣ *покупателя*, при общей несолидарности, онъ не можетъ расчитывать на то, что другіе согласятся продавать ему товары или услуги по настоящей ихъ стоимости.

Безъ этого двойнаго обезпеченія продажа по настоящей цѣнѣ невозможна; купецъ не можетъ даже продавать по цѣнѣ ниже рыночной. По настоящей цѣнѣ продаютъ теперь товары только или по случаю ликвидаціи дѣлъ, или по причинѣ несостоятельности, раззоренія.

Вотъ почему дешевизна товаровъ можетъ установиться только тогда, когда *производители* и *потребители* войдутъ въ непосредственныя, прямыя сношенія другъ съ другомъ, и контрактомъ, взаимнымъ ручательствомъ облегчатъ себѣ обмѣнъ услугъ и произведеній труда по настоящей ихъ стоимости. Въ Германіи, Бельгіи, Франціи, Англіи уже десятки и болѣе лѣтъ существуютъ различные товарищества ремесленниковъ, основанныя на началахъ взаимности безъ посторонняго посредничества, съ цѣлію обезпечить запросъ и предложеніе услугъ по настоящей цѣнѣ. Объемъ статьи, къ сожалѣнію, не позволяетъ намъ объяснить подробнѣе устройство подобныхъ обществъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе развиваются...

Здѣсь мы замѣтимъ, что образованіе ихъ и развитіе возможны только въ томъ случаѣ, когда всѣ сдѣлки будутъ подлежать контролю, когда посредствомъ правильнаго счетоводства можно будетъ сохранять равновѣсіе отношеній и тѣмъ самымъ предупреждать нарушеніе справедливости. Взаимность уваженія—вотъ принципъ личнаго права; взаимность услугъ—таковъ принципъ экономическихъ отношеній. Отсюда вытекаетъ и самая необходимость отчетности, контроля и счетоводства, какъ возможно-лучшихъ гарантій справедливости.

При настоящемъ распредѣленіи занятій, при постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ всѣхъ членовъ общества между собою во всемъ, что касается ихъ труда и обмѣна, каждый поневолѣ долженъ придти къ тому неизбѣжному заключенію, что его личное благосостояніе зависитъ не только отъ него самаго, но и отъ той среды, въ которой онъ вращается и дѣйствуетъ. Вотъ почему каждому необходимо не только работать, чтобы жить, но и знать на сколько и сколько ему нужно работать, чтобы трудъ его не пропадалъ для него даромъ. Короче, каждый долженъ сводить счеты, вести приходо-расходную книгу. *Счетоводство*, бухгалтерія дѣлается такимъ образомъ непремѣнною обязанностью каждаго производителя-потребителя и орудіемъ справедливости экономическихъ отношеній всѣхъ членовъ общества.

Въ обыкновенной, повседневной жизни изученіе законовъ производства, распредѣленія и потребленія ограничивается простымъ, общеизвѣстнымъ счетоводствомъ, смѣтою прихода и расхода, знаніемъ ариѳметическихъ правилъ сложенія и вычитанія.

Теперь мы видимъ, что въ каждомъ промышленномъ заведеніи, въ каждомъ торговомъ домѣ, кромѣ рабочихъ, занятыхъ производствомъ, отпускомъ и пріемкою товаровъ, всегда находится главный повѣренный, которому поручено вести отчетность всему, что происходитъ въ заведеніи, съ точки зрѣнія общихъ условій производства, обращенія и потребленія. Такой повѣренный называется управляющимъ.

Онъ одинъ только можетъ оцѣнить какъ выгоднѣе распредѣлять занятія, какую экономію приноситъ употребленіе машинъ, сколько даютъ онѣ барыша, гдѣ выгоднѣе сбывать товары. По своему положенію, управляющій удобно можетъ слѣдить за явленіями конкурренціи, предвидѣть результаты монополя, угадывать возвышеніе или упадокъ цѣнъ; наконецъ, помощью отчетности въ выдачѣ денегъ или переводѣ векселей, онъ вѣрнѣе можетъ судить о состояніи рынка, о движеніи торговыхъ и денежныхъ цѣнностей и обращеніи капиталовъ.

Счетоводчикъ, таково дѣйствительное его назначеніе, есть настоящій экономистъ; безъ его вѣдома лже-литераторы похитили это званіе, сами не замѣчая того, что политическая экономія, о которой они такъ кричатъ, сводится на самое надутое, жалкое пустословіе о бухгалтеріи.

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія? Экономисты называютъ ее наукою общихъ законовъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. Слѣдовательно, политическая экономія вовсе не техника производства; она не учитъ какъ слѣдуетъ сѣять, жать, молотить, печь хлѣбъ, шить сапоги или разработывать руду; она вовсе не энциклопедія искусствъ и ремеслъ.

Что же такое политическая экономія? Если она занимается, какъ говорятъ экономисты, только изученіемъ условій, при которыхъ творится, увеличивается, расходуется и потребляется богатство, то очевидно, что ея назначеніе и цѣль состоятъ въ томъ, чтобы находить общія правила отчетности и контроля общественному богатству.

Однако, странное дѣло! Ни въ одномъ изъ пресловутыхъ курсовъ политической экономіи вы не встрѣтите и намека объ отчетности, счетоводствѣ, бухгалтеріи, этомъ полезномъ, необходимомъ и самомъ дѣйствительномъ приложеніи математики къ экономическимъ фактамъ!..

Причину подобнаго невниманія, впрочемъ, легко понять. Своими противурѣчіями экономисты явно доказали, что не умѣютъ вовсе вести приходо-расходныхъ счетовъ общественному богатству.

Вотъ почему они принуждены были прикрывать свое незнаніе школьнымъ доктринерствомъ, и кричать: *laissez faire, laissez passer*.

Laissez faire, laissez passer—тамъ гдѣ нужно вести отчетность, контроль, гдѣ все должно быть записано въ приходъ или расходъ, гдѣ всему нужно искать *балансъ*, гдѣ все основано на математикѣ!.. Какая нелѣпость, но какая смѣлость!!..

Балансъ, вотъ загадочное слово для экономистовъ!.. Балансъ — это сфинксъ для политической экономіи. Школа экономистовъ, не понимая значенія этого многознаменательнаго слова и инстинктивно пугаясь его, постоянно напрягала всѣ усилія, чтобы исключить его изъ своей науки и даже вывести изъ общаго употребленія. Всѣмъ извѣстна пропаганда ихъ о свободѣ торговли и непримиримая вражда противъ таможенной системы, которая основана на торговомъ *балансѣ*, на равновѣсіи привоза и вывоза. Изъ всѣхъ экономическихъ во-

просовъ ни одинъ не подвергался такимъ жестокимъ нападеніямъ, какъ принципъ запретительной системы. Тутъ-то, между прочимъ, и выказалось исключительное одностороннее направленіе экономистовъ, которые, забывая на время свои консервативныя привычки, рѣшительно возстали противъ таможенъ и торговаго баланса. Бдительные стражи всѣхъ монополей, эти ученые первые начали вести открытую и упорную войну противъ монополя торговли; преданія, народные интересы, политика,—однимъ словомъ все, что обусловливало до сихъ поръ жизнь государствъ, было принесено въ жертву новому экономическому догмату—*безусловной свободѣ торговли.*

Мы не можемъ не сочувствовать горячему увлеченію поборниковъ свободы торговли. Мы сознаемъ, что она необходима для развитія народнаго богатства и для водворенія мира. Принципъ свободной торговли основанъ на правѣ и правдѣ; цѣль ея—обезпечить сбытъ произведеній, ихъ дешевизну и связать народы неразрывными узами общихъ интересовъ и взаимныхъ симпатій. Свободная торговля, наконецъ, необходима, какъ отрицаніе ученія экономистовъ. Вотъ все, что мы считаемъ здѣсь нужнымъ сказать въ ея пользу. Принц › и цѣль ея безукоризненны, идея истинна и плодотворна. Развивать эту тему, послѣ всего, что было писано и говорено въ честь свободной торговли, совершенно напрасно.

Но если мы признаемъ законною самую *идею* свободной торговли, то, съ другой стороны, имѣемъ основаніе отвергать *ея форму*, ту форму, которую эта идея можетъ принять при настоящемъ экономическомъ значеніи денегъ, какъ всесильномъ посредникѣ торговыхъ сношеній и вообще всякой мѣны.

Мы говоримъ: если бы всѣ товары получили ту опредѣленность цѣнности, то подлинное значеніе, какимъ пользуются золото и серебро; если бы ихъ стали принимать безразлично, съ тою же готовностью, какъ монету, при каждой уплатѣ, во всякой торговой сдѣлкѣ, то тогда вопросъ о свободѣ торговли разрѣшился бы самъ собою и балансъ привоза съ вывозомъ не требовалъ бы никакихъ тарифовъ, потому что экономическая аксіома—*товары мѣняются на товары*—осуществилась бы на дѣлѣ.

Но пока это не осуществится, пока золото и серебро сохранятъ свое всесильное вліяніе на торговлю, свобода ея—будетъ ложь, западня, посягательство на независимость и благосостояніе народовъ. При деньгахъ, какъ посредникѣ торговли, не перестанемъ повторять: свобода

ея не мыслима, невозможна безъ рабства труда. При деньгахъ свободная торговля значитъ: право сильнаго, всеподавляющій монополь, алчный меркантилизмъ, короче, политико-экономическое убійство народовъ по всѣмъ правиламъ ученія экономистовъ и политики Англичанъ.

Постараемся объяснить вкратцѣ и выставить на видъ эту экономическую мистификацію, которая надѣлала столько шуму въ Англіи и съ такимъ жаромъ проповѣдуется сектою экономистовъ на европейскомъ континентѣ.

Петръ Пустынникъ крестоваго похода противъ таможенной системы, Ж.-Б. Сей построилъ такой силлогизмъ:

Произведенія мѣняются на произведенія, товары покупаются на товары.

Золото, серебро и всѣ вообще металлы—такія же произведенія труда, точно такіе же товары, какъ и каменный уголь, сукно, шелкъ, вино, хлѣбъ и пр.

Слѣдовательно, каждый привозъ товаровъ оплачивается сполна равноцѣннымъ вывозомъ; предполагать, что въ международной торговлѣ одна сторона выигрываетъ, а другая теряетъ—нелѣпо, потому что привозъ всегда равноцѣненъ вывозу, будетъ ли послѣдній состоять въ товарахъ или деньгахъ. Напротивъ того, такъ какъ золото и серебро въ монетѣ не идутъ на непосредственное потребленіе, а служатъ только посредникомъ при мѣнѣ товаровъ и вообще ихъ обращенія, то очевидно, что всѣ выгоды на сторонѣ той націи, которая получаетъ товаровъ сравнительно болѣе, нежели ихъ отпускаетъ.

Вотъ почему вмѣсто того, чтобы стремиться уравнять, какъ говорятъ консерваторы, условія народнаго труда таможенными тарифами и запрещеніями ввоза, слѣдуетъ, наоборотъ, уравнять эти условія самою неограниченною, *безусловною свободою внѣшней торговли.*

Это доказательство, совершенно противное и враждебное охранительной системѣ, показалось до такой степени яснымъ, рѣшительнымъ и либеральнымъ, что, со временъ Сея, оно сдѣлало свободную торговлю, какъ крайнюю степень конкурренціи и *laissez faire, laissez passer*, главнымъ догматомъ политико-экономическаго ученія... Попробуйте только оспаривать этотъ догматъ, только заикнитесь—и васъ экономистъ тотчасъ же назоветъ консерваторомъ, отсталымъ, если не хуже. Но почему же останавливаться на однихъ словахъ, и не взглянуть поглубже!

Возвратимся къ силлогизму Сея и посмотримъ, насколько справедливы посылки.

1) *Произведенія мѣняются на произведенія*; *товары покупаются на товары*. Вотъ большая посылка, въ которой выраженъ самый плодотворный и неоспоримой принципъ общественной экономіи.

2) *Золото*, *серебро* и всѣ металлы—такіе же товары какъ и каменный уголь, сукно, шелкъ и пр.

Тутъ-то и начинается мистификація.

Нѣтъ! Золото и серебро вовсе не такой товаръ, какъ каменный уголь сукно, хлѣбъ....

Утверждать справедливость подобнаго предложенія и доказывать затѣмъ необходимость и пользу свободной торговли — значитъ отрицать такой фактъ, который существуетъ въ-о́чію, а именно—первенствующее въ торговлѣ значеніе денегъ.

Что такое деньги?

Деньги—товаръ, товаръ по преимуществу, такой товаръ, который, по своимъ *качествамъ*, служитъ посредникомъ, всесильнымъ орудіемъ торговли и владычествуетъ надъ всемірнымъ рынкомъ.

Деньги подчиняютъ себѣ всѣ другіе товары, оцѣниваютъ ихъ, пускаютъ въ обращеніе, а сами принимаются при всякой уплатѣ, будучи представителемъ всѣхъ цѣнностей, произведеній и капиталовъ.

Дѣйствительно, кто имѣетъ только товаръ, тотъ, строго говоря, не владѣетъ еще богатствомъ; для этого необходимо еще подчиниться условіямъ мѣны, условіямъ часто опаснымъ, сопряженнымъ съ тысячью непредвидимыхъ случайностей.

Но кто владѣетъ деньгами, тотъ обладаетъ уже богатствомъ, потому что располагаетъ всесвѣтною цѣнностью, космополитическимъ товаромъ; короче, тотъ владѣетъ тѣмъ, кѣмъ хочетъ владѣть каждый.

Помощью этого единственнаго товара онъ можетъ пріобрѣсть во всякое время, на самыхъ выгодныхъ условіяхъ и при самыхъ благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, всѣ другіе товары. На торговомъ рынкѣ денежный капиталистъ—полный господинъ; деньги въ его рукахъ то же, что козырная масть въ рукахъ игрока за карточнымъ столомъ; а козырная двойка, какъ извѣстно, бьетъ всѣхъ тузовъ, королей некозырныхъ мастей.

На такомъ чисто-качественномъ значеніи денегъ, въ особенности же на томъ, что запросъ на нихъ, какъ на всесвѣтный товаръ, всегда превышаетъ предложеніе, основана фактическая, всепоглощающая,

чужеядная ихъ монополь, которая облагаетъ податью всѣ товары и мѣшаетъ ихъ обращенію.

Такимъ образомъ, повторяемъ, если мы отрицаемъ свободную торговлю, то вовсе не по идеѣ, по принципу, а потому что доказательство ея основано на ошибочной посылкѣ, на неточномъ обобщеніи самаго понятія о товарѣ. Деньги, какъ товаръ, не похожи, въ общественномъ ихъ значеніи, на другіе товары; деньги—это нервъ торговли, распорядитель труда и обращенія, всегда и всюду рыночный владыка. Уничтожьте царство денегъ, преобразуйте всю кредитную систему, основанную на нихъ—и свободная торговля осуществится; а при деньгахъ она-химера. Это очень хорошо извѣстно каждому банкиру. Въ самомъ дѣлѣ, спросите у банкира и онъ откровенно вамъ скажетъ, что таможни устроены вовсе не затѣмъ, чтобы запрещать ввозъ иностранныхъ товаровъ, а затѣмъ, чтобы не выпускать заграницу денегъ, потому что банкъ не можетъ обойтись безъ нихъ.

Товары мѣняются на товары, говоритъ экономистъ; деньги—это товаръ: мѣняйте ихъ на товары!

Деньги не товаръ, хладнокровно отвѣчаетъ банкиръ, а фондъ моего банка и я ихъ не выпущу такъ легко, какъ вы думаете.

Въ какой нибудь странѣ, положимъ во Франціи, неурожай. Франціи угрожаетъ торговый и промышленный кризисъ и гибель рабочаго населенія. Правительство рѣшается временно отказаться отъ таможенной системы, облегчаетъ ввозъ и принимаетъ всѣ мѣры для ускоренія обращенія.

Что дѣлаетъ банкъ? Всѣ взоры устремлены на него, на этотъ общественный органъ торговли и обращенія товаровъ; отъ него ждетъ спасенія вся страна.

И что же? Въ ту минуту, когда торговля и промышленность болѣе всего нуждаются въ услугахъ банка, на дверяхъ его читаютъ мрачную надпись: *lasciate ogni speranza.* Адвокатъ банка говоритъ: торговля нуждается въ деньгахъ. Это правда. Но развѣ банкъ можетъ существовать безъ нихъ? Развѣ банкъ, металическій фондъ котораго и безъ того уже истощенъ, можетъ удовлетворить тому страшному запросу, съ которымъ къ нему обращаются въ настоящую критическую минуту? Развѣ вы забываете, что отъ банка требуютъ услугъ не только свои, но и иностранцы? Всѣ ищутъ денегъ, всѣ хотятъ ихъ достать, какъ можно дешевле. Вотъ почему банку поневолѣ приходится теперь увеличить процентъ учета и сократить срокъ платежа по тор-

говымъ векселямъ. Согласитесь сами, можетъ ли банкъ учитывать 4%, когда англійской банкъ, напримѣръ, возвышаетъ учетъ до 5, 6 и 7%? Что станется съ нимъ, съ его фондомъ, когда купцы со всего міра станутъ обращаться къ нему? Взгляните на билапъ банка за послѣдній мѣсяцъ, и вы ужаснетесь: въ кассѣ не достаетъ, противъ нужнаго, 10 милліоновъ!...

Но какъ же это? Банкъ располагаетъ ходомъ всей торговли, всего обращенія внутри страны. Если банкъ увеличиваетъ процентъ учета, то увеличиваютъ учетъ и всѣ мѣнялы и ростовщики... Какой примѣръ!..

Ваши мѣры вредятъ торговлѣ и наносятъ ударъ всей промышленности и народному благосостоянію. И вы это дѣлаете, когда общество болѣе всего надѣется на васъ и нуждается въ вашей услугѣ!..

Банкъ живетъ деньгами; онъ не можетъ выпускать ихъ изъ своей кассы по желанію публики; ему не хочется кончаться смертью Сенеки, пустившаго кровь изъ своихъ жилъ.

Но страна умираетъ съ голоду; нужно покупать хлѣбъ заграницею. Неужели, за недостаткомъ денегъ, купцы принуждены будутъ продавать за безцѣнокъ свои товары? И безъ того въ промышленности застой, работы прекращены...

Увы, банкъ не можетъ пособить горю!...

Но если деньги дѣйствительно душа торговли, ея нервъ, какъ исповѣдуетъ это банкъ, то почему же онъ отказываетъ торговлѣ, когда та особенно въ нихъ нуждается?

Увы... денегъ мало...

Свободная торговля, о которой мечтаютъ экономисты, не возможна. Деньги—вотъ корень зла. Пока они будутъ играть роль посредника въ торговлѣ, до тѣхъ поръ свобода ея не мыслима. Постоянно возрастающія нужды промышленности, настоятельная потребность уменьшить процентъ учета, установить правильность обращенія, облегчить торговыя сношенія, разрѣшить задачу продовольствія и экономической солидарности народовъ, положить конецъ финансовымъ, торговымъ и промышленнымъ кризисамъ — все это рано или поздно, но неизбѣжно, вызоветъ необходимость уничтожить паразитную монополь денегъ и извести ихъ. Къ сожалѣнію, денежное идолопоклонство еще довольно развито. *Make money, my son, honestly if you can, but make money* (Зашибай деньгу, мой сынокъ; если можешь, такъ честно, но зашибай, зашибай). Вотъ американская пословица.

«Нужда въ деньгахъ, говоритъ Ожье, есть единственная достовѣрная исторія людей всѣхъ странъ. (Augier. Du crédit public. Epigraphe).

И царству денегъ настанетъ конецъ. Экономисты думаютъ иначе, это правда; но они не должны забывать, что ихъ наука нуждается въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины. Такъ твердитъ собратъ ихъ Вильгельмъ Рошеръ.

Шаткость и несостоятельность политической экономіи, какъ школьной доктрины, уже давно обращали на себя вниманіе не только передовыхъ людей нашего вѣка, но и самихъ экономистовъ.

Вотъ что говорилъ Мальтусъ.

«Главный источникъ заблужденій, разнообразія и противорѣчія мнѣній, господствующихъ между писателями о политической экономіи, по моему убѣжденію, кроется въ той поспѣшности, съ которою они стараются *все обобщать* и упрощать; эти ученые, вдаваясь въ крайность (т. е. абсолютизмъ), вовсе не подчиняютъ своихъ теорій повѣркѣ и доказательству помощью строгаго и многосторонняго опыта, который только и можетъ подтвердить ихъ справедливость и пользу....

«Есть люди, которые до такой степени привязываются къ такъ называемымъ правиламъ политической экономіи, что, сознавая даже всю ихъ практическую неумѣстность, тѣмъ не менѣе полагаютъ неблагоразумнымъ упоминать о томъ, изъ боязни ослабить *авторитетъ* этихъ правилъ и поколебать къ нимъ довѣріе публики....

«Наконецъ, продолжаетъ Мальтусъ, находятся и такіе поклонники политической экономіи, которые полагаютъ, что ея правила подлежатъ самому широкому примѣненію на практикѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ заблужденія меркантильной системы были доказаны и, взамѣнъ ихъ, стали распространяться болѣе здравыя сужденія, *они увѣровали, что знаютъ все* и не нуждаются въ новыхъ изысканіяхъ. Вотъ почему, довольные своимъ знаніемъ, они подозрительно смотрятъ на всякую новую мысль.» (Malthus. Principes d'Econ. polit. trad. par Constancio. Introd).

Magister dixit! Почему экономисты, поклонники Мальтуса не обратили должнаго вниманія на подобныя замѣчанія своего учителя и на его проповѣдь смиренія? Почему они до сихъ поръ кричатъ о своей непогрѣшимости и подозрительно смотрятъ на всякую новую мысль? Развѣ нельзя ихъ послѣ этого назвать гасильниками экономическаго знанія?...

Итакъ язва политической экономіи — это *абсолютизмъ*, который довелъ экономистовъ до самаго пошлаго доктринаризма и систематическаго обскурантизма.

Впрочемъ, отдадимъ справедливость экономистамъ: они сами начинаютъ сомнѣваться въ непогрѣшимости своихъ теорій. Критика нанесла имъ страшный ударъ. Разочарованіе овладѣло школою экономистовъ; они сознаются теперь, что ихъ пресловутая наука грѣшитъ во многомъ и нуждается, особенно, въ методѣ. Но это еще не все. Ихъ болѣе всего занимаетъ теперь вопросъ, какъ согласить выводы зловѣщаго ученія школы съ принципами нравственности и права. Насколько это справедливо—доказательствомъ тому могутъ служить духъ и направленіе вышедшихъ въ послѣднее время экономическихъ сочиненій. Да! политическая экономія нуждается въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины, какъ говоритъ Рошеръ.

Обратимся теперь къ этому «знаменитому» германскому политико-эконому, который высказалъ такую смѣлую и вѣрную мысль.

Этотъ ученый, какъ мы уже упоминали, отрицая прежній методъ политической экономіи, считаетъ нужнымъ ввести въ нее новый, *историко-физіологическій*. Какія же имѣлъ онъ на то основанія?

Вотъ что отвѣчаетъ Рошеръ.

«Вопросъ, какимъ образомъ лучше всего содѣйствовать развитію народнаго хозяйства, останется всегда *главнымъ* вопросомъ политической экономіи; *но онъ не составляетъ еще главной ея задачи*... Цѣль ея—изложить, что передумали народы, чего они хотѣли, къ чему стремились и чего достигли каждый въ своемъ хозяйствѣ, наконецъ, почему они стремились и почему именно этого достигли. Но такое изложеніе невозможно безъ исторіи права, государственныхъ учрежденій, исторіи литературы и т. д.» (Т. I, отд. I, пред. переводч.)

Мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ *главный вопросъ* политической экономіи не составляетъ еще *главной ея задачи?* Если главный вопросъ ея — какъ содѣйствовать развитію народнаго богатства, то и главная задача предполагаетъ то же самое. Задача и вопросъ, по-нашему, выражаютъ одно и то же. Вѣроятно, г. Бабстъ ошибся или не сообразилъ этого.... Но дѣло не въ томъ.

По мнѣнію Рошера, цѣль политической экономіи—«изложить, что передумали народы, чего они хотѣли и чего достигли въ своемъ хозяйствѣ»....

Мы рѣшительно не можемъ сочувствовать этому расплывающемуся воззрѣнію на цѣль и назначеніе науки народнаго хозяйства.

Дѣйствительно, что̀ бы вы сказали, если бы профессоръ медицины сталъ утверждать и доказывать вамъ, что цѣль медицины—изложить, что̀ передумали о ней народы, какъ лечили различныя болѣзни знахари и колдуны въ старыя времена и проч.? Какую, спрашивается, пользу можетъ принести наукѣ и обществу подобное знаніе? Когда же поймутъ жрецы науки, что она должна быть прежде всего полезна? Когда они перестанутъ заниматься «наукою ради науки», какъ это дѣлаетъ Рошеръ, въ чемъ онъ и самъ сознается?

Историческій методъ для науки, особенно такой, какъ общественная экономія, совершенно безполезенъ; онъ ее не двигаетъ, а отодвигаетъ ко временамъ Ксенофонта и Ѳукидида, этого великаго древняго историка, котораго Рошеръ считаетъ своимъ учителемъ. И что̀ докажетъ намъ выставка мертвецовъ? Финикіяне, Греки, Римляне работали, торговали, обманывали, грабили своихъ и чужихъ, брали за деньги страшные проценты, банкротились по всѣмъ правиламъ экономическаго искуства и умѣли эксплуатировать работника. Обо всемъ этомъ писались и пишутся тысячи сочиненій. Конечно, подобныя изслѣдованія имѣютъ свою цѣну; но вводить ихъ въ науку, заваливать ее такимъ хламомъ—вотъ что намъ кажется непростительнымъ.

Нѣтъ, въ настоящее время мы болѣе всего нуждаемся въ познаніи явленій окружающаго насъ міра, нежели въ изученіи минувшей жизни. Мало того, если мы желаемъ понятъ исторію человѣка прошедшихъ вѣковъ и отдаленныхъ странъ, то намъ слѣдуетъ изучать его *въ настоящемъ времени*; только узнавая прошедшее помощью настоящаго, мы можемъ имѣть возможность предсказывать будущее.

Вотъ почему методъ естественныхъ наукъ или философскій, который введенъ теперь въ соціальную науку извѣстнымъ американскимъ экономистомъ, Кери (Carey), только и можетъ удовлетворить современнымъ требованіямъ по своей очевидной пользѣ. Помощью этого метода изучается прежде всего то, что находится у насъ подъ рукою и доступно *непосредственному* наблюденію. Простое статистическое изслѣдованіе въ этомъ отношеніи несравненно полезнѣе всякаго трактата политической экономіи. «Статистика — эта народная бухгалтерія», какъ называетъ ее самъ Рошеръ, должна въ настоящее время сдѣлаться первою общественною наукою. Раскрывая намъ *настоящее* во всемъ краснорѣчіи цифръ, она даетъ намъ такія поло-

жительныя знанія, помощью которыхъ мы можемъ понять не только причины минувшихъ явленій, но и прозрѣть будущее. Намъ важно знать не то, что было, а то, что *дѣлается* и по какому направленію идетъ развитіе самаго общества. Вызнать направленіе, тенденцію общества — вотъ что хочется теперь каждому. А подобному любопытству можетъ удовлетворить только раціональная статистика, усвоившая методъ математической школы Кетле.

Стоитъ ли послѣ этого обращать вниманіе на политическую экономію, которая возвела въ идеалъ форменныя условія настоящей жизни, фактъ въ право?

Стоитъ ли, послѣ этого, знакомиться съ такими сочиненіями, какъ «начала народнаго хозяйства» Рошера, гдѣ изучается, что передумали древніе азіатскіе и африканскіе народы?

Нѣтъ, нѣтъ! Жизни, намъ жизни! Мы не желаемъ имѣть дѣла съ мертвецами. Пусть мертвые погребаютъ мертвыхъ!

Неужели г. Бабстъ, переводчикъ «творенія» Рошера, твердо убѣжденъ, что оно можетъ служить полезнымъ «руководствомъ для учащихся и для дѣловыхъ людей»? Неужели, какъ ученый, онъ полагаетъ, что историческій методъ усерднаго и прилежнаго нѣмецкаго экономиста можетъ принести наукѣ какую нибудь пользу? Что новаго дастъ намъ его жалкая компиляція и эрудиція? Какой практическій смыслъ, въ глазахъ дѣловаго человѣка, могутъ имѣть безконечныя ссылки автора на Ѳукидида, Плинія, Страбона, Ксенофонта и десять тысячъ Грековъ. Развѣ нуженъ ему этотъ безсвязный, одуряющій наборъ извлеченій, этотъ систематическій обскурантизмъ современнаго жреца науки, который завалилъ ее археологическимъ хламомъ. Мы ужасаемся при одной мысли о той невыразимой скукѣ, которую должны были чувствовать переводчики этой книги... Нѣтъ, мы скорѣе полагаемъ, что переводя на нашъ языкъ сочиненіе Рошера, г. Бабстъ хочетъ намъ показать, какъ пишутъ ученые Нѣмцы свои *gründliche System*'ы. Короче, г. Бабстъ желаетъ показать намъ, что для экономической науки Василій Рошеръ имѣетъ такое же значеніе, какое имѣетъ у насъ для литературы Василій Тредьяковскій.

Мы сравнили Рошера съ Тредьяковскимъ (System der Volkswirthschaft» съ «Телемахидою») по праву личнаго воззрѣнія на труды и заслуги этихъ замѣчательныхъ ученыхъ. Мы въ своемъ правѣ. Нашъ взглядъ не обязателенъ ни для кого,—всего же менѣе для г. Бабста.

Кто захочетъ имѣть свой взглядъ на сочиненіе Рошера, тотъ, конечно, не обратитъ ни малѣйшаго вниманія на наше сужденіе о немъ и на авторитетъ переводчика. Кто пожелаетъ оцѣнить значеніе и пользу сочиненія Рошера, какъ «руководства для учащихся и для дѣловыхъ людей», тотъ, безъ сомнѣнія, купитъ его въ подлинникѣ или переводѣ. Во французскомъ переводѣ Воловскаго вышло 2 тома (15 фр.), а въ русскомъ г. Бабста—всего одинъ, въ двухъ книжкахъ, цѣна 3 рубля.

Самъ Рошеръ говоритъ: «съ Божьей помощью сочиненіе мое будетъ окончено въ 4-хъ томахъ. Заглавіе его показываетъ, что я имѣлъ въ виду не однихъ ученыхъ, но вообще людей образованныхъ. Но, конечно, это должны быть люди дѣльные, *ищущіе науку* и истину *ради* истины и *науки*» (см. предисловіе автора).

Переводъ г. Бабста подвигается медленно. *Можетъ быть* самъ переводчикъ уже не радъ, что взялся за такое скучное дѣло. Впрочемъ, спѣшимъ предупредить, что мы вовсе не отрицаемъ въ немъ готовности на самоотверженіе. Напротивъ того, мы искренно убѣждены, что профессоръ, желающій «внести съ своей стороны скромную лепту» въ дѣло нашего просвѣщенія, всегда съумѣетъ доказать силу своей воли и пересилитъ скуку и другія непріятныя ощущенія «неизбѣжныя» при переводѣ сочиненія Рошера.

Этотъ «знаменитый» и усердный нѣмецкій ученый говоритъ про насъ Русскихъ, что «мы въ высшей степени смѣтливы» (стр. 116, Отд. I).

Смѣтливость, сообразительность, догадливость—таковы, по понятію Нѣмца, отличительныя свойства русскаго ума. Итакъ, да не упрекнетъ же насъ г. Бабстъ за то, что, по свойственной намъ смѣтливости, мы сообразили, что ему должно быть скучно уже заниматься переводомъ «System der Volkswirthschaft von W. Roscher», этой новой Телемахиды; мы сообразили это, потому что переводчикъ лишь изрѣдка выпускаетъ въ свѣтъ свои «отдѣленія».

И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не соскучиться г. Бабсту, когда зачастую приходится ему перелагать на нашъ языкъ нѣмецкія предложенія въ родѣ слѣдующаго.

«Прибыль есть доходъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія не хозяйствующаго лица, субъекта, но самой его дѣятельности или объекта, на который она переходитъ (стр. 1, отд. II). Очень понятно, что дѣловой человѣкъ, купившій такое руководство и завидя такіе

іероглифы на первой страницѣ, махнетъ рукой на все «творенie» Рошера и, пожалѣя о потерѣ денегъ, займется своимъ дѣломъ.

Въ заключенie мы считаемъ не лишнимъ оговориться: подробный разборъ «Началъ народнаго хозяйства» Рошера, былъ бы дѣломъ совершенно безполезнымъ. Кто знакомъ съ Молинари, Гарнье, Горловымъ и другими извѣстными у насъ экономистами, тотъ значитъ знакомъ и съ Рошеромъ. Этотъ ученый до мозга костей—экономистъ отсталой школы; въ немъ нѣтъ ничего оригинальнаго и скученъ онъ до невѣроятія. Историческій методъ, о которомъ такъ прокричалъ Нѣмецъ, заключается въ томъ, чтобы черезъ каждую строчку дѣлать ссылку на всевозможныхъ антиковъ, начиная отъ Конфуція; эти ссылки занимаютъ почти $^2/_3$ всего сочиненія и отпечатаны мелкимъ шрифтомъ; часто онѣ не имѣютъ ни малѣйшей связи съ текстомъ и сдѣланы на удачу. Очевидно, что авторъ не поцеремонился издать въ свѣтъ свою компиляцію, т. е. Рошеру нужно было, во чтобы то ни стало, сбыть съ рукъ весь хламъ выписокъ изъ всевозможныхъ родовъ сочиненій, которыя удалось прочитать ему въ теченіи своей жизни. И чего-то нѣтъ въ этой громадѣ историческаго мусора! Если бы у насъ была малѣйшая охота, то мы представили бы образчики эрудиціи Рошера... Но нѣтъ! Пусть лучше любознательный читатель раззоряется на покупку его сочиненія; пусть онъ самъ убѣдится въ томъ, что первый современный политико-экономъ, знаменитый Рошеръ, для науки мертвецъ.

У Рошера, какъ мы уже сказали, нѣтъ ни единой оригинальной мысли. Мало того: отвергая прежній методъ экономистовъ, онъ, тѣмъ не менѣе, рабски копируетъ ихъ и начинаетъ изложеніе своей системы съ опредѣленій «основныхъ понятій» богатства, имущества и пр., точно также, какъ это дѣлаютъ всѣ авторы «началъ» политической экономіи. Тутъ Рошеръ доказываетъ не только свое безсиліе освободиться отъ школьной рутины, но и совершенное незнаніе первыхъ правилъ методологіи. Если ни одна опытная наука не можетъ начинаться съ опредѣленій, какъ это доказалъ Кантъ, то почему же Рошеръ считалъ нужнымъ въ первой главѣ своего сочиненія говорить о какихъ-то основныхъ понятіяхъ? Развѣ онъ самъ не отрицалъ идеальнаго метода? Что простительно было еще прежнимъ экономистамъ, то не извиняется уже писателю съ *новымъ* методомъ.

И къ чему, наконецъ, было опредѣлять богатство, добро и пр., когда, по словамъ самаго же автора, понятія о нихъ всегда *относительны*!..

Рошеръ, какъ и всѣ Рикардо-Мальтузіанцы, смотритъ на богатство съ чисто физіологической точки зрѣнія и, не принимая во вниманіе ни исторіи, ни духа времени, возводитъ факты въ права. Вотъ почему отъ него такъ и вѣетъ мертвящимъ, убійственнымъ холодомъ... По его мнѣнію, «наука народнаго хозяйства должна заниматься по преимуществу матеріальными интересами народовъ, а именно: какимъ *способомъ* (?) удовлетворяютъ народы своимъ потребностямъ въ пищѣ и одеждѣ, жильѣ и отопленіи, своимъ *половымъ стремленіямъ* (?!) и т. д.» (стр. 44, отд. I, т. I).

При такомъ взглядѣ на науку народнаго хозяйства, нѣтъ ничего удивительнаго, если мы встрѣчаемъ у Рошера слѣдующія сужденія, возведенныя на степень афоризмовъ.

«Какъ цѣна *всякаго товара*, такъ и плата за трудъ опредѣляется отношеніемъ предложенія къ запросу» (стр. 37, отд. II).

Въ другомъ мѣстѣ Рошеръ называетъ трудъ общетребуемымъ *товаромъ* (стр. 51, idem).

«Процентъ съ капитала можно назвать *наградою* за лишеніе, такъ какъ *заработная плата есть награда за прилежаніе*» (стр. 120, idem).

О распредѣленіи богатствъ Рошеръ говоритъ вотъ что: «Положимъ, что у всѣхъ были бы тѣ же средства, то же богатство, тогда бы, конечно, пришлось каждому чистить самому свои трубы, свои помойныя ямы, свои сапоги; наслажденія тщеславія были бы, по большей части, невозможны» (стр. 16, отд. I).

Въ другомъ мѣстѣ говорится слѣдующее: «Если бы доходъ народа былъ раздѣленъ на совершенно равныя части, то отдѣльныя лица жили бы другъ отъ друга въ высшей степени независимо. Никто бы не имѣлъ *охоты* предаваться грубѣйшимъ, непріятнѣйшимъ занятіямъ; ихъ нужно было или совсѣмъ оставить, или навязывать поочередно каждому. Здѣсь общество лишилось бы главной выгоды раздѣленія труда, именно возможности предоставить высшимъ талантамъ однѣ высшія работы... Если бы доходы были у всѣхъ равны, никто и не думалъ бы имѣть что нибудь лишнее; это отдаляло бы большую часть людей отъ *рискованныхъ* хозяйственныхъ предпріятій, *а безъ риска успѣхъ невозможенъ*» (стр. 158, отд. II).

Какова логика! Какова глубина мысли! Но каковы «начала народнаго хозяйства, для учащихся и для дѣловыхъ людей», которымъ проповѣдуется во имя науки, что *безъ риска въ хозяйствѣ успѣхъ невозможенъ*! Давно ли наука усвоила себѣ афоризмъ игрока: *qui ne risque rien, ne gagne rien*?!

«Идеалъ всякаго преуспѣянія состоитъ именно въ томъ, чтобы издержки обращались только на достойныя(?) цѣли и производились бы *только* богатыми, и чтобы средніе и низшіе классы были бережливы и копили бы ради того, чтобы сглаживать рѣзкія различія въ имущественныхъ отношеніяхъ». (стр. 202, отд. II). Въ выноскѣ сказано: «Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что и расточительные люди гораздо менѣе губятъ цѣнностей, нежели какъ это обыкновенно предполагаютъ, потому что ихъ именно чаще всего обманываютъ, *а обманщики могутъ дѣлать сбереженія*» (J. S. M. M.).

Рошеръ рѣшительно помѣшанъ на бережливости. Воруй, да сберегай.

О Мальтусѣ онъ думаетъ такъ:

«Основные взгляды Мальтуса могутъ считаться *прочною* собственностью *науки*» (стр. 256, отд. II).

Лучшимъ средствомъ противъ излишняго размноженія людей Рошеръ, какъ и всѣ почти экономисты, признаетъ *переселеніе*. По его мнѣнію, переселеніе имѣетъ благотворное вліяніе даже на самаго переселенца.

«Въ пустынѣ, говоритъ онъ, которую придется ему воздѣлывать, большая часть *пролетаріатскихъ грѣшковъ* (sic) сама собою исчезаетъ. Тамъ нѣтъ никакого повода къ зависти и къ воровству, еще менѣе къ пьянству, игрѣ, прелюбодѣянію и ссорамъ; тамъ нужно быть только прилежнымъ и..... бережливымъ» (стр. 317, отд. II).

Рошеръ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ выселяться не только въ видахъ предупрежденія излишняго нарожденія, а еще съ цѣлью политическою. Тутъ-то особенно обнаруживается вся проницательность ученаго патріота, которому дорога слава своего отечества. О Vaterland!

«Германія, говоритъ онъ, должна спѣшить, чтобы другіе болѣе рѣшительные народы не вырвали у нея и послѣднихъ удобныхъ мѣстностей... До сихъ поръ Англія всюду предупреждала насъ на этомъ поприщѣ... Наши переселенцы въ Россію, Америку и пр. отправляются изъ отечества и становятся покупателями и поставщиками чужихъ на-

родовъ, которые—часто *наши соперники и враги.* Дѣло пошло бы совсѣмъ иначе, если бы нѣмецкихъ переселенцевъ отправили въ нѣмецкія колоніи, которыя можно устроить, наприм., въ плодоносныхъ частяхъ Венгріи, въ польскихъ провинціяхъ Польши и Пруссіи, наконецъ въ тѣхъ частяхъ Турціи, которыя въ будущемъ, если Богъ дастъ, *составятъ наслѣдіе Германіи.* (!!!!) Здѣсь, путемъ колонизаціи, можно было бы основать *новую* Германію, которая превзошла бы старую величиною и числомъ населенія, и богатствомъ, и образовала бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, *самый вѣрный оплотъ отъ всякой опасности со стороны Русскихъ и Поляковъ»* (стр. 323 и 324, отд. II).

Ай да нѣмецъ-филистеръ! Браво!

Н. СОКОЛОВЪ.

БѢДНАЯ РУССКАЯ МЫСЛЬ.

(Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, изслѣдованіе П. Пекарскаго).

IV.

К. С. Аксаковъ въ своей статьѣ о богатыряхъ временъ великаго князя Владиміра приводитъ очень характерный разсказъ о столкновеніи Ильи Муромца съ какимъ-то невѣдомымъ богатыремъ необъятной силы.

«Создавъ богатыря страшной силы, говоритъ Аксаковъ, народная фантазія не остановилась на этомъ. Она создаетъ еще богатыря—необъятную громаду и необъятную силу: его не держитъ земля; на всей землѣ нашелъ онъ одну только гору, которая можетъ выносить его страшную тяжесть, и лежитъ на ней неподвижный. Прослышалъ о богатырѣ Илья Муромецъ и идетъ съ нимъ помѣрять силы; онъ отыскиваетъ его и видитъ, что на горѣ лежитъ другая гора—это богатырь. Илья Муромецъ, не робѣя, выступаетъ на бой, вынимаетъ мечь

и вонзаетъ въ ногу богатырю.—Никакъ я зацѣпился за камешекъ, говоритъ богатырь. Илья Муромецъ наноситъ второй ударъ, сильнѣе перваго.—Видно я задѣлъ за прутикъ, говоритъ богатырь, и обернувшись прибавляетъ: это ты, Илья Муромецъ; слышалъ я о тебѣ: ты всѣхъ сильнѣе между людьми—ступай и будь тамъ силенъ. А со мною нечего тебѣ мѣрять силы; видишь, какой я уродъ; меня и земля не держитъ; я и самъ своей силѣ не радъ».

Борьба между волею Петра и естественною силою обстоятельствъ въ тогдашней Россіи напоминаетъ собою этотъ своеобразный эпизодъ изъ богатырской жизни Ильи Муромца. Подобно Ильѣ Муромцу, Петръ чувствовалъ себя сильнѣе всѣхъ своихъ современниковъ; силы его ума и воли были необыкновенны; положеніе его совершенно исключительно; всѣ его приказанія исполнялись буквально; всѣ нарушители его воли подвергались жестокому наказанію; сопротивленіе было невозможно и немыслимо; даже недостатокъ усердія въ повиновеніи считался преступленіемъ; словомъ, всѣ единичныя воли безъ борьбы склонялись передъ волею Петра, и Петръ, какъ сказочный богатырь, Илья Муромецъ, не находилъ себѣ соперниковъ и противниковъ между живыми людьми.

Но почти всегда случается такъ, что претензіи превышаютъ сумму наличныхъ силъ; это бываетъ даже тогда, когда наличныхъ силъ очень много; могучій геній почти всегда бываетъ одержимъ такимъ безпокойнымъ стремленіемъ къ дѣятельности, которое заставляетъ его предпринимать невыполнимыя задачи, сталкиваться съ неодолимыми препятствіями и горькимъ опытомъ убѣждаться въ томъ, что всякой человѣческой силѣ есть мѣра и границы.

Рѣшившись создать русскую цивилизацію, рѣшившись превратить въ европейцевъ тѣ милліоны своихъ подданныхъ, которые еще не обнаруживали ни малѣйшаго желанія и не чувствовали ни малѣйшей потребности измѣнить свой стародавній бытъ, Петръ, очевидно, вступилъ въ борьбу уже не съ единичною волею, и даже не съ массою единичныхъ воль, а просто съ стихійною силою, съ природою, съ физическими законами вещества. Передѣлать цѣлое поколѣніе своихъ современниковъ и устранить вліяніе этого поколѣнія на подрастающую молодежь значило создать для цѣлой обширной страны новую, искусственную атмосферу жизни. Выполнить такого рода задачу было также невозможно, какъ, напримѣръ, измѣнить въ Россіи климатъ или поворотить назадъ все теченіе Волги, или сравнять съ землею Уральскій хребетъ. Принимаясь за свое невыполнимое дѣло, нашъ Илья Муро—

мецъ XVIII вѣка вступалъ въ борьбу съ такимъ богатыремъ, который даже по своей огромности не могъ чувствовать его ударовъ, который даже не давалъ себѣ труда сопротивляться его усиліямъ. Да и къ чему было сопротивленіе, когда усилія сами собою разбивались объ естественныя препятствія, объ очевидную невозможность?

Цивилизаторскія попытки Петра прошли мимо русскаго народа; ни одна изъ нихъ не прохватила вглубь, потому что ни одна изъ нихъ не была вызвана живою потребностью самаго народа. Вмѣстѣ съ Петромъ двигались и хлопотали по его приказанію сотни военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; по командѣ этихъ чиновниковъ трудились и утомлялись тысячи простыхъ работниковъ, облеченныхъ въ сермяжные кафтаны и въ форменные мундиры. Чиновники Петра до нѣкоторой степени понимали нѣкоторыя изъ его желаній; работники, исполнявшіе приказанія чиновниковъ, уже ровно ничего не понимали; общая мысль правительства была ясна и понятна только самому Петру; спускаясь по бюрократической лѣстницѣ ранговъ и должностей, дробясь, измѣняясь и искажаясь въ различныхъ инстанціяхъ, свѣтъ этой мысли быстро слабѣлъ по мѣрѣ того, какъ онъ удалялся отъ своего источника; уже второстепенные чиновники едва видѣли этотъ свѣтъ, а низшіе исполнители были совершенно слѣпы и работали во мракѣ. За низшею инстанціею исполнителей начинался народъ, который уже ровно ничего не зналъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства; по правдѣ сказать, онъ и не старался узнавать; ему нечѣмъ было интересоваться; только увеличеніе денежныхъ налоговъ или естественныхъ повинностей напоминало ему порою о существованіи центральной власти; на что́ шли собираемыя деньги, куда тратились живыя силы, выхватываемыя изъ его среды, объ этомъ было безполезно спрашивать. На что бы онѣ ни шли, куда бы онѣ ни тратились, ясно было одно — онѣ исчезали, а ощутительнаго улучшенія быта не замѣчалось.

Колоссальный богатырь нашей сказки разговариваетъ съ Ильею Муромцемъ и, какъ мы видѣли, принимаетъ его удары сначала за дѣйствіе маленькаго камешка, потомъ за столкновеніе съ прутикомъ. Богатырь, съ которымъ имѣлъ дѣло Петръ, по всей вѣроятности былъ громаднѣе сказочнаго богатыря: онъ ничего не говорилъ Петру и совсѣмъ не замѣчалъ его усиленныхъ ударовъ. Приближенные Петра любили и боялись своего властелина; раскольники боялись и ненавидѣли его, но вся масса народа, та масса, мимо которой шли и до сихъ поръ идутъ всѣ историческія событія и перевороты, не чувство-

вала къ нему ни любви, ни ненависти, ни боязни. Ее занимали неизбѣжныя, вседневныя заботы о пропитаніи; каждый день приносилъ съ собою свои труды и хлопоты, свои невымышленныя опасенія и горести, свою нескончаемую борьбу за право жить.

Мужику было не до политики и не до Петра, когда ему надо было сегодня пахать, завтра двоить, послѣ завтра сѣять, и во все это время ладить то съ бариномъ, то съ бурмистромъ, то съ какимъ нибудь приказнымъ, то съ своею собственною горемычною семьею. Мужику показались бы барскими затѣями и прихотями всѣ прогрессивныя распоряженія Петра, но, къ счастью или къ несчастью, мужикъ о нихъ не зналъ и рѣшительно не интересовался ими; чтобы дать мужику возможность интересоваться распоряженіями правительства, надо было хоть немного облегчить тотъ страшный гнетъ матеріальныхъ заботъ, лишеній и стѣсненій, который обременяетъ собою низшее сословіе даже въ самыхъ образованныхъ государствахъ Европы, и который, въ странахъ, еще не успѣвшихъ освободиться отъ рабства или отъ крѣпостнаго права, парализируетъ въ низшемъ сословіи всякую самодѣятельность мысли, всякую энергію воли и поступковъ, всякое рѣшительное стремленіе къ лучшему порядку вещей. Надо было стряхнуть съ русскаго мужика его отчаянную апатію — эту вынужденную апатію безнадежности, которая такъ неминуемо и неизбѣжно вытекала изъ безвыходности положенія. Стряхнуть эту роковую апатію, которую многіе совершенно ошибочно принимаютъ за физіологическую черту русскаго народнаго характера, могъ только или самъ народъ, или такой смѣлый преобразователь, который, находясь въ положеніи Петра I, рѣшился бы коснуться основныхъ сторонъ гражданскаго и экономическаго быта нашего простонародья. Петра, конечно, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ смѣлости и энергіи; если бы онъ понялъ необходимость радикальныхъ бытовыхъ реформъ, если бы онъ убѣдился въ томъ, что истинное просвѣщеніе можетъ пустить глубокіе корни только въ такой странѣ, въ которой всѣ граждане пользуются естественными человѣческими правами,—тогда, конечно, онъ не побоялся бы ожесточеннаго сопротивленія бояръ и не отступилъ бы отъ упорной борьбы съ рабовладѣльческимъ порядкомъ вещей. Но чтобы увидать корень зла, причину застоя и неподвижности, Петру было необходимо стать выше своего вѣка и посмотрѣть на задачу просвѣщенія не такъ, какъ смотрѣли на нее короли, подобные Людовику XIV, и ученые, подобные Лейбницу и французскимъ академикамъ.

Въ предъидущей статьѣ я выразилъ ту мысль, что личная инициатива крупнаго историческаго дѣятеля почти никогда не имѣетъ рѣшительнаго, опредѣляющаго вліянія на развитіе историческихъ событій. Эта мысль подтверждается примѣромъ Петра. Читатель, быть можетъ, возразитъ мнѣ, что, если бы Петръ уничтожилъ крѣпостное право, тогда, вѣроятно, весь ходъ историческихъ событій въ Россіи XVIII вѣка сложился бы иначе, и въ наше время Россія находилась бы уже не въ той фазѣ развитія, въ которой мы ее застали. Это возраженіе дѣйствительно довольно важно, тѣмъ болѣе, что нѣтъ такихъ историческихъ фактовъ, которые доказывали бы, что у Петра не достало бы силъ или энергіи для совершенія такого переворота. Если бы Петръ рѣшился распорядиться такимъ образомъ и если бы онъ нашелъ подъ руками необходимыя силы и средства, тогда, значитъ, зачѣмъ же дѣло стало?—Только за мыслью. А что если бы явилась эта мысль?—Вотъ тутъ-то и оказывается слабая сторона того возраженія, которое можетъ представить читатель. Развѣ же мысль является когда нибудь случайно? Развѣ же она сваливается съ неба? Вы безъ надобности не повернете головы, не шевельнете пальцемъ; каждое движеніе ваше непремѣнно вызывается или внутреннею потребностью, или внѣшнимъ впечатлѣніемъ; каждое усиліе вашего мозга является только отвѣтомъ на какой нибудь запросъ, поставленый вамъ обстоятельствами жизни. Чтобы напасть на мысль объ уничтоженіи крѣпостнаго права, мало быть геніальнымъ человѣкомъ; надо еще жить въ такое время, когда вопросъ поставленъ на-виду, когда слышатся голоса за и противъ, когда, слѣдовательно, важность этого очереднаго вопроса бросается въ глаза даже такому человѣку, который еще не знаетъ, на чьей сторонѣ логика и справедливость.

Геніальные мыслители древности, Платонъ и Аристотель, строятъ свои соціальныя зданія на рабствѣ и сходятся въ своихъ идеяхъ съ какимъ нибудь негодяемъ Фицъ-Гугомъ, котораго въ наше время можно назвать мыслителемъ только въ насмѣшку. Эти же самые геніальные мыслители порою городятъ такую чепуху объ астрономіи, о Димiургѣ, о мірозданіи, которая заставитъ улыбнуться недоучившагося гимназиста. Точно также можно себѣ представить, что Архимедъ или Эвклидъ знали меньше математическихъ истинъ, чѣмъ сколько знаетъ ихъ теперь какой нибудь нехитрый преподаватель высшей алгебры въ среднемъ учебномъ заведеніи. Если взять примѣръ еще болѣе наглядный, то легко будетъ себѣ представить, что какой нибудь кар-

ликъ безъ особеннаго труда побѣдитъ самаго сильнаго и неустрашимаго изъ паладиновъ Карла Великаго, если только этому карлику будетъ дано оружіе нашего времени, а паладину будутъ предоставлены: палица, мечъ и копье. Конечно, изъ всѣхъ этихъ примѣровъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не выведетъ того заключенія, что недоучившійся гимназистъ умнѣе Платона и Аристотеля, что нехитрый преподаватель талантливѣе Архимеда и Эвклида, или что карликъ сильнѣе паладина. Общимъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ примѣровъ будетъ только та очень извѣстная, но, между тѣмъ, часто забываемая мысль, что отдѣльный человѣкъ во всей своей дѣятельности, во всѣхъ свойствахъ и особенностяхъ своей личности зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ, отъ количества и качества идей, находящихся въ обращеніи между его современниками и выработанныхъ его предками. Теперь ясно, почему Петръ не могъ уничтожить въ Россіи рабства, не смотря на колоссальную силу своего ума и своей энергіи; ясно, почему онъ даже не могъ подумать о такомъ распоряженіи, которое теперь кажется намъ естественнымъ, необходимымъ, и, во всякомъ случаѣ, вовсе не удивительнымъ.

Если вы владѣете какимъ нибудь участкомъ земли и посѣяли на немъ какія нибудь семяна, то, конечно, урожай въ значительной степени будетъ зависѣть отъ климатическихъ условій, отъ дождя, отъ солнечной теплоты, отъ направленія вѣтра и т. п. Но, если вы имѣете какое нибудь понятіе объ агрономіи, то, вы конечно, знаете, что кромѣ климатическихъ условій, существуютъ еще и другія обстоятельства, имѣющія самое важное вліяніе на успѣшное произрастаніе посѣянныхъ зеренъ. Свойства самой почвы могутъ содѣйствовать или препятствовать урожаю. Каждый деревенскій хозяинъ скажетъ вамъ, что такой-то грунтъ любитъ картофель, а такую-то землю—пшеница, а такое-то удобреніе—макъ. Конечно, можетъ случиться, что отъ засухи погибнетъ хлѣбъ, посѣянный на отлично удобренной землѣ, и притомъ именно на такомъ грунтѣ, который при благопріятныхъ условіяхъ совершенно соотвѣтствуетъ его потребностямъ; можетъ точно также произойдти и то, что при достаточной поливкѣ болѣе тощая и менѣе удобная почва дастъ болѣе обильный урожай, но подобныя случайности вовсе не доказываютъ, чтобы урожай не зависѣлъ отъ химическаго состава почвы; онѣ доказываютъ только, что урожай зависитъ не отъ одной почвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ другихъ вліяній и обстоятельствъ.

Эта агрономическая притча прилагается вполнѣ къ дѣятельности человѣка. Почва—самъ человѣкъ; семена—тотъ матеріалъ, который онъ переработываетъ; урожай—плоды его дѣятельности; климатическія условія—тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя содѣйствуютъ или препятствуютъ успѣшному ходу развитія и работы; химическія свойства почвы—естественный складъ и естественная, прирожденная сила ума. Очевидно, въ притчѣ остается незанятымъ только одно мѣсто—это мѣсто хозяина участка, мѣсто того *вы*, къ которому я обратился въ началѣ моей агрономической экскурсіи. Конечно, очень многіе мыслители утверждаютъ, что это мѣсто занято, что это *вы* дѣйствительно существуетъ, но изъ этого нельзя вывести никакого положительнаго заключенія, потому что нѣтъ той нелѣпости, за которую съ пѣною у рта не спорила бы какая нибудь школа мыслителей. Тѣ господа, о которыхъ я упомянулъ сейчасъ, пишутъ даже цѣлые объемистые трактаты по исторіи и по философіи, чтобы доказать, что картофель, овесъ, макъ и прочая благодать всегда попадаютъ именно на ту почву, на которую имъ слѣдуетъ попасть. Когда же они встрѣчаются въ исторіи человѣчества съ такими фактами, которые прямо доказываютъ, что овесъ попалъ туда, куда слѣдовало попасть пшеницѣ, тогда они стараются поддержать свою колеблющуюся теорію слѣдующимъ разсужденіемъ: конечно, говорятъ они, въ этомъ мѣстѣ овесъ попалъ не туда, куда слѣдуетъ, но это случилось не съ-проста; тутъ видна великая идея; тутъ кроется благое предначертаніе; тутъ надо было доказать, что самыя крупныя овсяныя зерна не могутъ прорости въ пескѣ. Помилуйте, отвѣтитъ читатель, да изъ-за того, чтобы доказать такую очевидную истину, не стоило тратить овесъ и время. Но мыслитель, задавшійся идеею доказать разумность и цѣлесообразность историческихъ событій, закуситъ удила и, конечно, не обратитъ вниманія на возраженіе читателя. Мы съ своей стороны не будемъ обращать вниманія на натянутые доводы подобныхъ псевдо-мыслителей и пойдемъ дальше по пути нашего разсужденія.

Конечно, никто не вздумаетъ обвинять человѣка за то, что онъ родился съ тѣми или другими чертами лица, съ тѣмъ или другимъ устройствомъ черепа, съ тою или другою организаціею мозга. Новорожденный попадаетъ подъ непосредственное вліяніе нянекъ, родителей, кормилицъ; его кормятъ тою или другою пищею, ему разсказываютъ тѣ или другія сказки, его наказываютъ и награждаютъ, ласкаютъ или сѣкутъ по тѣмъ или другимъ обычаямъ, капризамъ или

*

педагогическимъ теоріямъ. Ко всѣмъ этимъ условіямъ, изъ которыхъ слагается жизнь и характеръ, подрастающій ребенокъ поневолѣ относится совершенно пассивно; онъ физически слабъ, онъ неопытенъ, онъ безсиленъ мыслью, и потому всѣ окружающіе мнутъ его, какъ жидкую глину, мнутъ и руками, и розгами, и благонамѣренными совѣтами, и изнѣживающими ласками. Но отъ времени и отъ дѣйствія воздуха глина твердѣетъ; усилія людей, вылѣпливающихъ на этой глинѣ разные узоры мало-по-малу перестаютъ увѣнчиваться вожделѣннымъ успѣхомъ; ребенокъ нечувствительно и незамѣтно превратился въ человѣка и началъ обнаруживать свои наклонности, свои мысли, свою волю. Педагоги замѣчаютъ, что пассивное повиновеніе смѣнилось разсужденіями, возраженіями, сопротивленіемъ. Сначала они борятся съ этими проявленіями личной самостоятельности, но потомъ привыкаютъ къ нимъ, мирятся съ ними, какъ съ существующимъ фактомъ и наконецъ говорятъ: нашъ Вася или Петя выросъ; онъ теперь самъ понимаетъ, что дѣлаетъ; онъ теперь своимъ умомъ живетъ. Когда человѣку выданъ такимъ образомъ патентъ совершеннолѣтія, тогда знакомые и незнакомые начинаютъ взыскивать съ него, какъ съ взрослаго. Къ его поступкамъ прилагается болѣе строгая мѣрка; даже законъ смотритъ на совершеннолѣтняго иначе, не такъ, какъ на ребенка или отрока. Всякое лыко ставится въ строку; начинается вмѣняемость. Но позвольте же спросить, господа судьи, образующіе своими приговорами общественное мнѣніе, какъ же вы проведете границу между тѣмъ временемъ, когда молодой человѣкъ зависитъ отъ родителей и наставниковъ, и тѣмъ временемъ, когда онъ зависитъ только отъ самого себя? Если даже вамъ удастся провести эту границу, то какъ же вы съумѣете разрушить связь между тѣми двумя эпохами жизни, которыя вамъ удалось разграничить? Положимъ, что предмету вашихъ наблюденій минуло сегодня двадцать одинъ годъ; положимъ, что родители и опекуны вручаютъ ему все его имѣніе и объявляютъ его полноправнымъ и независимымъ гражданиномъ. Что-же вы думаете? Развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ независимъ? Развѣ онъ можетъ по своему произволу выбрать себѣ родъ занятій и образъ жизни? Развѣ нынѣшній день не обусловливается для него вчерашнимъ? Развѣ его вкусы, наклонности и желанія не подготовлены заранѣе предъидущею, зависимою жизнью? Человѣка доводятъ на помочахъ до извѣстнаго возраста и потомъ ему говорятъ: ступай, ты свободенъ, ты самъ отвѣчаешь за каждый свой поступокъ. Помилуйте, да гдѣ

же онъ свободенъ, когда онъ самъ ничто иное, какъ продуктъ разныхъ внѣшнихъ и постороннихъ вліяній? Гдѣ же онъ свободенъ, когда онъ извнѣ получилъ направляющій толчокъ! Если его природныя способности испорчены и извращены, справедливо ли взыскивать съ него за то, что онъ сдѣлаетъ грязный поступокъ? Если его голова набита хорошими сентенціями, которыхъ онъ не успѣлъ переварить, справедливо ли осуждать его за то, что онъ не съумѣетъ руководствоваться этими сентенціями въ жизни? Если его изнѣжила и разслабила любящая мать, справедливо ли презирать его за то, что онъ опускаетъ крылышки при малѣйшей неудачѣ? Если его забилъ и ожесточилъ суровый отецъ, справедливо ли ненавидѣть его за то, что онъ туго сближается съ людьми и порою обнаруживаетъ къ нимъ неосновательное недовѣріе? Каждый изъ насъ, слабыхъ смертныхъ, попадаетъ въ жизнь, какъ молодой щенокъ, котораго на глубокомъ мѣстѣ рѣки выбросили изъ лодки: ну, выплывай, кричатъ намъ съ лодки; выплывешь—молодецъ будешь, не выплывешь—самъ виноватъ. Ступай ко дну! Туда и дорога! При этомъ надо замѣтить, что у многихъ изъ этихъ щенятъ перекалечены или перевязаны лапы; иные окормлены тяжелою пищею; иные заморены голодомъ до истощенія силъ. А глубокой рѣкѣ до всѣхъ этихъ подробностей нѣтъ никакого дѣла; вода, какъ неодолимая стихійная сила, покроетъ своимъ синимъ уровнемъ и праваго, и виноватаго, и связаннаго, и больнаго, и вообще всякаго, кто не умѣетъ барахтаться именно такъ, какъ слѣдуетъ. Вода не умѣетъ разсуждать, это и не ея дѣло; но тѣ господа, которые, сидя въ лодкѣ, смотрятъ на захлебывающихся щенятъ, тѣ могли бы, я думаю, понять и обсудить ихъ положеніе; они могли бы замѣтить, что ни одинъ изъ нихъ не тонетъ по злонамѣренности, и что всѣ погибаютъ или по глупости, или по слабости, или по неповоротливости. И въ жизни точно также никто не падаетъ нарочно, изъ любви къ паденію, а падаютъ потому, что нѣтъ достаточной физической или умственной, или такъ называемой нравственной силы. А откуда жъ ее взять, коль ея нѣтъ? И какъ же не упасть, когда нѣтъ силъ держаться на ногахъ?

Исторія—та же жизнь, только жизнь, отошедшая назадъ, жизнь, превратившаяся въ неподвижную картину, которую можно спокойно разсматривать и изучать. Бросая бѣглый взглядъ на эту картину, мы замѣчаемъ, что на ней изображены на первомъ планѣ разные большіе люди, мѣняющіе костюмы, позы и взаимныя отношенія, управляющіе дру-

гими людьми, выслушивающіе ихъ донесенія и раздающіе имъ разнородныя приказанія. Этихъ большихъ людей можно назвать общимъ именемъ историческихъ дѣятелей. При бѣгломъ взглядѣ на историческую картину можно подумать, что весь интересъ ея заключается именно въ позахъ и жестахъ этихъ большихъ людей; можно подумать, что они своими личными достоинствами или пороками украшаютъ или искажаютъ всю картину, что они разливаютъ вокругъ себя свѣтъ или мракъ, добро или зло, радость или горе. Но всмотритесь въ картину попристальнѣе, и вы увидите, что эти большіе люди, эти такъ называемые дѣятели просто образчики извѣстной эпохи, просто безотвѣтныя игрушки событій, безвинныя жертвы случайностей и переворотовъ, которые толкаютъ ихъ впередъ и выносятъ ихъ на верхъ, Богъ знаетъ какъ, и Богъ знаетъ для чего. Всмотритесь въ картину событій, говорю я вамъ—и вы перестанете восхищаться добродѣтелями Тита и негодовать передъ злодѣйствами Домиціана. Вы увидите, что во всей жизни человѣчества нѣтъ ни одного свѣтлаго десятилѣтія; вы увидите вездѣ борьбу, вездѣ страданіе, вездѣ насиліе и перестанете дивиться тому, что среди этого дикаго хаоса возникаютъ и формируются нравственные уроды изумительнаго безобразія. Свыкнувшись съ уродливыми явленіями, вы начнете относиться чрезвычайно скептически какъ къ титанамъ добродѣтели, такъ и къ титанамъ порока. Вы перестанете вѣрить въ ихъ титанизмъ, вы будете принимать этотъ титанизмъ за оптическій обманъ, за результатъ исторической перспективы, вы начнете разлагать титана на его составные элементы, и вы наконецъ увидите, что въ титанѣ нѣтъ ничего необыкновеннаго,—кое-что приврано историками, кое-что невѣрно понято и недостаточно освѣщено, а на повѣрку выходитъ, что титанъ просто человѣкъ, какихъ много, и что титанизмъ его зависитъ вовсе не отъ колоссальности его страстей или способностей, а просто отъ исключительности его случайнаго положенія, отъ односторонности его развитія, отъ общаго настроенія умовъ въ данную минуту. Смѣшно припомнить, какими ужасными красками расписываютъ, напримѣръ, римскихъ императоровъ разные русскіе и заграничные Кайдановы и Смарагдовы. Сколько эпитетовъ, сколько риторскаго жара и сколько пороха, потраченнаго на вѣтеръ! Какъ достается, напримѣръ, бѣдному Калигулѣ, который, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается просто несчастнымъ больнымъ, нуждающимся въ уходѣ и въ леченіи. Попробуйте дать любому изъ субъектовъ, содержащихся въ психіатрической лечебницѣ, такой кругъ дѣй-

ствій, какимъ пользовался Калигула—и вы увидите точно такія же гадости и нелѣпости. Вся штука въ томъ, что уже теперь подобный случай невозможенъ. Георгъ III Англійскій потерялъ всякую власть съ той самой минуты, когда приближенные его замѣтили его умственное разстройство, а при Калигулѣ было иначе; Калигулу никто не рѣшался взять подъ опеку даже тогда, когда онъ произвелъ свою лошадь въ сенаторы, а между тѣмъ каждый изъ приближенныхъ старался эксплуатировать въ свою пользу капризы и съумасбродства властелина; въ случаѣ неудачи, этотъ же приближенный попадалъ въ руки палача, а на его мѣсто становился другой искатель счастья, который точно также подольщался и старался примѣниться къ характеру болѣзни, чтобы обратить эту болѣзнь въ обильный источникъ щедротъ для себя и для своихъ близкихъ. Калигула приказывалъ построить себѣ храмъ и становился въ позы Юпитера Олимпійскаго: этому никто неудивлялся, и разные города изъ далекой Азіи присылали въ Римъ почетныхъ пословъ, добиваясь чести поставить у себя алтари новому доморощенному божеству. Ну, что же вы скажете? Гдѣ же корень того зла, которое дѣлалъ Калигула, потомъ Неронъ, потомъ Домиціанъ? Въ характерѣ ли этихъ отдѣльныхъ личностей, или въ томъ хаотическомъ состояніи умовъ, которымъ отличается эпоха паденія язычества? Развѣ одинъ человѣкъ можетъ мучить десятки милліоновъ людей, если эти десятки милліоновъ не хотятъ, чтобы ихъ мучили? А если десятки милліоновъ соглашаются быть пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ полоумнаго Калигулы, то Калигула-то, собственно говоря, ни въ чемъ не виноватъ: не онъ, такъ другой, не другой, такъ третій; зло заключается не въ томъ человѣкѣ, который его дѣлаетъ, а въ томъ настроеніи умовъ, которое его допускаетъ и терпитъ.

Если вы сами развѣсите уши и позволите бить и обирать себя, то на такое занятіе всегда найдутся охотники; природа человѣка гибка и измѣнчива; большая часть получаетъ свою физіономію отъ обстоятельствъ; обстоятельства дѣлаютъ ихъ хорошими людьми или негодяями; получая отъ обстоятельствъ направляющій толчокъ, люди вносятъ только въ избираемую дѣятельность ту дозу энергіи, умственной силы и изворотливости, которую они получили при рожденіи вмѣстѣ съ чертами лица и устройствомъ черепа.

За какое бы дѣло ни принялся Петръ I, онъ во всякомъ случаѣ не остался бы въ ряду посредственностей. Живой умъ и желѣзная воля заявили бы себя и въ военномъ дѣлѣ, и въ ученомъ трудѣ, и

въ техническомъ занятіи или производствѣ. Если бы Петръ былъ простымъ работникомъ на какой нибудь фабрикѣ, то его навѣрное уважали бы товарищи, имъ дорожилъ бы хозяинъ, и онъ, можетъ быть, выдумалъ бы какую нибудь новую машину. Попалъ ли бы онъ во всемірную исторію—это, конечно, неизвѣстно. Много свѣтлыхъ головъ затираетъ темная, трудовая жизнь, и много жалкихъ посредственностей оставляютъ свое имя въ исторіи по праву рожденія и по стеченію случайныхъ обстоятельствъ. Способности и силы Петра составляютъ его полную, неотъемлемую собственность; что же касается до его дѣятельности, то она зависитъ преимущественно отъ его исторической костюмировки, отъ декорацій и освѣщенія. Онъ стоитъ на подмосткахъ времени и мѣста, онъ окруженъ послушными исполнителями, за нимъ стоитъ великій, безотвѣтный народъ; онъ одинъ думаетъ, дѣйствуетъ, управляетъ событіями, а все, что его окружаетъ, то оттѣняетъ только его дѣятельное могущество своею оффиціальною безгласностью, своимъ пассивнымъ повиновеніемъ. Какъ величіе Петра зависитъ преимущественно отъ случайныхъ особенностей его положенія, такъ точно и несостоятельность его исторической дѣятельности должна быть отнесена насчетъ условій времени и мѣста. Въ Россіи, въ началѣ XVIII столѣтія, сынъ царя Алексѣя Михайловича не могъ дѣйствовать иначе; за то, что онъ сдѣлалъ, онъ лично не заслуживаетъ ни признательности, ни осужденія; сочувствовать ему мы не можемъ, обвинять его мы не вправѣ, потому что на плеча одного человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ былъ исполинъ, нельзя наваливать отвѣтственность за ошибки цѣлой эпохи или за безгласность цѣлаго народа.

Живыя силы народовъ до сихъ поръ играли въ историческихъ событіяхъ самую второстепенную роль; мѣнялись лица, мѣнялись политическія формы, разрушались и созидались государства, и все это большею частью проходило мимо народа, не нарушая и не измѣняя ни междучеловѣческихъ, ни междусословныхъ, ни экономическихъ отношеній. Конечно, какой нибудь нѣмецкій баронъ XIX вѣка уже теперь не то, чѣмъ былъ его предокъ въ XIV столѣтіи; конечно, теперешній бюргеръ стоитъ къ этому барону не въ тѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ стоялъ средневѣковой бюргеръ къ средневѣковому феодалу; конечно, и баронъ, и бюргеръ оба смотрятъ теперь не такъ на простаго крестьянина, какъ смотрѣли на него во времена тридцатилѣтней войны; но всѣ эти перемѣны, которыхъ существенная важность, конечно, не подлежитъ сомнѣнію, произошли не на полѣ сраженія, не на

вселенскомъ соборѣ, не на имперскомъ сеймѣ, не при смерти того или другаго политическаго дѣятеля, не при вступленіи на престолъ той или другой династіи. Эти перемѣны совершились въ области человѣческаго сознанія, въ той области, гдѣ живутъ и дѣйствуютъ мыслители и художники; внѣшнія событія, измѣненія политическихъ формъ, войны и союзы, революціи и подвиги историческихъ дѣятелей имѣли на эти перемѣны значительное вліяніе; но точно также подчиняли ихъ своему вліянію землетрясенія, наводненія, моровыя язвы и неурожаи; жизнь измѣнялась постоянно подъ вліяніемъ разныхъ случайностей, но источникъ и законы этой жизни лежали внѣ стихійныхъ силъ и случайныхъ событій. Подрастающія поколѣнія воспринимали самыя разнородныя впечатлѣнія, зависѣвшія отъ внѣшнихъ событій, происходившихъ передъ ихъ глазами; они чувствовали себя счастливыми или несчастными, порабощенными или свободными, сытыми или голодными; но весь запасъ опыта и знанія, собранный ихъ отцами и дѣдами переходилъ къ этимъ подрастающимъ поколѣніямъ, вызывалъ дѣятельность ихъ мысли, формировалъ ихъ взглядъ на жизнь и обусловливалъ собою ихъ отношенія къ религіи, къ правительству, къ обществу, къ сословіямъ и къ отдѣльной человѣческой личности. Въ эту внутреннюю исторію человѣчества входили какъ ингредіенты всякаго рода внѣшнія событія; эти событія производили извѣстнаго рода впечатлѣніе; рядъ впечатлѣній вызывалъ идею; идея вырабатывалась, видоизмѣнялась, доходила до полной ясности выраженія и потомъ въ свою очередь порождала событія.

Напримѣръ, возьмемъ изобрѣтеніе пороха, сокрушившее аристократизмъ военнаго сословія. Первое сраженіе, въ которомъ новое оружіе показало безполезность физической силы, тяжелаго вооруженія и даже *личной* храбрости, конечно, не опрокинуло преобладанія рыцарства. Рядъ такихъ сраженій породилъ типъ солдата и отодвинулъ типъ рыцаря въ область прошедшаго; низшія сословія почувствовали свою численную силу и увидали, что передъ мушкетною пулею всѣ равны— и рыцарь, и оруженосецъ, и простой мужикъ. То обстоятельство, что низшее сословіе подняло голову, повело за собою неисчислимыя послѣдствія и измѣнило весь ходъ всемірной исторіи. Мы видимъ на этомъ отдѣльномъ примѣрѣ, что не фактъ, не случайное событіе дѣйствуетъ на измѣненіе человѣческаго сознанія; на него дѣйствуетъ цѣлая цѣпь однозначущихъ фактовъ, на него дѣйствуетъ смыслъ и направленіе фактовъ. А откуда же берется смыслъ и направленіе фак-

товъ? Опять-таки изъ того же сознанія. Стало быть, сознаніе видоизмѣняется само собою и зависитъ только отъ самаго себя; другими словами, человѣческая природа развивается совершенно самостоятельно, и на пути своего развитія постоянно, хотя иногда медленно, разрушаетъ всѣ препятствія.

Напримѣръ, мы видимъ, что по анатомическому и физіологическому сложенію всѣ люди индо-европейской расы равны между собою, какъ животныя одной породы; мы видимъ также, что образъ жизни, степень матеріальнаго обезпеченія, умственнаго развитія и личной независимости кладутъ между этими равными по природѣ людьми такія грани, которыя отдѣльному человѣку кажутся неразрушимыми. Всматриваясь въ общее направленіе историческихъ событій, мы видимъ далѣе, что эти грани слабѣютъ и постепенно сглаживаются; стало быть, физическій законъ равенства между отдѣльными экземплярами одной породы постепенно подходитъ къ своему осуществленію во вседневной жизни. Но такого рода основные законы и существенныя свойства человѣческой природы выясняются медленно; людямъ приходится переживать много горя и дѣлать много ошибокъ, чтобы доходить до пониманія отдѣльныхъ требованій своей природы. Всѣ осуществившіяся политическія системы и большая часть неосуществившихся соціальныхъ утопій—ничто иное, какъ рядъ практическихъ или теоретическихъ ошибокъ, изъ которыхъ вытекло или могло вытечь для человѣческой личности много дѣйствительнаго горя. Въ исторіи мы видимъ на первомъ планѣ постоянно неудающіяся попытки создать что нибудь прочное, способное постоянно удовлетворять потребностямъ человѣка. Эти попытки предпринимаются отдѣльными личностями; побужденія, которыми руководствуются эти личности, большею частью мелки, узки и своекорыстны; всякій замѣтный дѣятель строитъ себѣ какую-то хеопсову пирамиду и оплачиваетъ издержки постройки потомъ и кровью подвластныхъ людей; жизнь простаго человѣка истрачивается на борьбу съ нуждою, съ притѣсненіями, съ монополіями и монополистами; какъ бы ни была велика вѣра этого незамѣтнаго страдальца въ возможность и въ неизбѣжность лучшаго будущаго, во всякомъ случаѣ эта вѣра не можетъ служить ему утѣшеніемъ и поддержкою; онъ знаетъ, что это лучшее будущее настанетъ для отдаленныхъ потомковъ, что онъ, страдалецъ, его не увидитъ, что человѣчество со временемъ окончательно поумнѣетъ и устроитъ свое житье-бытье очень удобно, но что до тѣхъ поръ милліоны людей поплатятся за историческое движеніе жизнью, здоровьемъ и силами.

До конца XVIII столѣтія во всемірной исторіи стоитъ на первомъ планѣ судьба государства, той внѣшней политической формы, которой видоизмѣненія часто не имѣютъ ничего общаго съ народною жизнью. Жизнь народа идетъ въ тѣни; на нее никто не обращаетъ вниманія; великими людьми считаются полководцы, умѣвшіе залить кровью нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль, министры и дипломаты, умѣвшіе оттягать у сосѣдей нѣсколько селъ и городовъ, администраторы, выдумавшіе какой нибудь замысловатый налогъ, короли, говорившіе съ полнымъ основаніемъ: l'état, c'est moi. Когда эти великіе люди давали себѣ трудъ бросить милостивый взоръ на жизнь простыхъ смертныхъ, тогда они обыкновенно находили, что все въ этой жизни нелѣпо, все не на своемъ мѣстѣ, все никуда не годится; они увѣряли себя въ томъ, что имъ предстоитъ задача все перестроить и усовершенствовать, и принимались за работу съ непрошеннымъ усердіемъ и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ. Однимъ декретомъ они измѣняли религію, другимъ декретомъ изгоняли взяточничество, третьимъ—выписывали изъ заграницы просвѣщеніе; великіе люди не ошибались въ томъ, что все было нелѣпо въ жизни простыхъ смертныхъ; ошибки ихъ начинались только тогда, когда они принимались отъискивать причины господствующей нелѣпости и пытались найдти противъ нея лекарство; они не понимали того, что большая часть житейскихъ нелѣпостей происходитъ именно оттого, что вся жизнь отдѣльнаго человѣка сдавлена и спутана въ своихъ проявленіяхъ въ угоду отвлеченнаго понятія государства, именно отъ того, что всякій отдѣльный человѣкъ бываетъ прежде всего чиновникомъ, солдатомъ, учителемъ, купцомъ, министромъ, а собственно человѣкомъ бываетъ только въ досужія минуты, въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время. Этого великіе люди, постоянно состоявшіе на дѣйствительной службѣ, не понимали; имъ все казалось, что въ жизни простыхъ смертныхъ мало порядка, мало однообразія и систематичности; они все хотѣли нарядить въ тотъ форменный мундиръ, который былъ имъ по вкусу; Филиппъ II хотѣлъ превратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ монашествующихъ католиковъ, Людовикъ XIV—въ блестящихъ камеръ-лакеевъ, а Петръ I—въ голландскихъ шкиперовъ.

Личныя наклонности и способности простыхъ смертныхъ, осыпаемыхъ неизреченными благодѣяніями, не могли приниматься въ соображеніе. Посудите сами: развѣ способенъ какой нибудь неотесаный болванъ изъ нидерландскихъ гёзовъ или изъ овернскихъ крестьянъ, или

изъ русскихъ мужиковъ разсуждать о томъ, что ему полезно, какой родъ занятій ему нравится, какая религія ему приходится по душѣ. Если эти неотесаные болваны осмѣливаются возражать противъ благодѣтельныхъ распоряженій великихъ людей, то они, конечно, дѣлаютъ это по грубому невѣжеству, по крайнему тупоумію или по злонамѣренному упорству; ихъ надо вразумить, ихъ надо обтесать, ихъ надо осчастливить во чтобы то ни стало. За средствами дѣло не станетъ; у Филиппа II на то есть инквизиція; у Людовика XIV — драгонады, Бастилія и lettres de cachet; у Петра I — есть дубинка и кнутъ. И вотъ такими-то средствами пробавлялись съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ всѣ великіе люди, осыпавшіе толпу простыхъ смертныхъ грудами своихъ благодѣяній и озарявшіе цѣлое столѣтіе блескомъ своего имени и своихъ подвиговъ. Только въ концѣ XVIII вѣка простые смертные заявили наконецъ довольно громко, что имъ надоѣли какъ благодѣянія, такъ и педагогическія средства, при помощи которыхъ проводились въ ихъ жизнь эти великія и богатыя милости. Со времени этого заявленія исторія европейскаго запада оживилась и получила новый характеръ; великіе люди сдѣлались поосторожнѣе въ замыслахъ и поразборчивѣе въ средствахъ, а простые смертные начали думать, что, чего добраго, можно жить и своимъ умомъ. Мы имѣемъ неосторожность думать, что эти простые смертные вовсе не такъ сильно ошибаются, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Намъ кажется, что жить своимъ умомъ по меньшей мѣрѣ пріятно, и потому тѣ періоды всемірной исторіи, во время которыхъ благодѣтели человѣчества никому не позволяли жить своимъ умомъ, наводятъ на насъ тоску и досаду. Великіе люди, реформировавшіе жизнь простыхъ смертныхъ съ высоты своего умственнаго или какого либо другаго величія, по нашему крайнему разумѣнію кажутся намъ всѣ въ равной мѣрѣ достойными неодобренія; одни изъ этихъ великихъ людей были очень умны, другіе—замѣчательно безтолковы, но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ ихъ родоваго сходства; они всѣ насиловали природу человѣка, они всѣ вели связанныхъ людей къ какой нибудь мечтательной цѣли, они всѣ играли людьми, какъ шашками, слѣдовательно ни одинъ изъ нихъ не уважалъ человѣческой личности, слѣдовательно ни одинъ изъ нихъ не окажется невиновнымъ передъ судомъ исторіи; всѣ поголовно могутъ быть названы врагами человѣчества; но тамъ, гдѣ виноваты всѣ, тамъ никто не виноватъ въ отдѣльности; порокъ цѣлаго типа не можетъ быть поставленъ въ вину недѣлимому.

Говоря о Петрѣ, мы лично противъ него не можемъ имѣть непріязни; но на всей дѣятельности Петра лежитъ та печать, которая тяготѣетъ надъ личностями и дѣятельностями Людовика XI, Филиппа II, кардинала Ришелье, Метерниха и разныхъ другихъ господъ, несходныхъ между собою ни по размѣру способностей, ни по масштабу дѣятельности, ни по образу мыслей, но при всемъ томъ имѣвшихъ одинъ общій, вѣчный пароль—вражду противъ личной свободы и умственной инициативы отдѣльнаго человѣка. Все, что сдѣлалъ Петръ, было плодомъ его личныхъ соображеній, все это вводилось и учреждалось помимо воли тѣхъ людей, для которыхъ это все, повидимому, предназначалось.

Какъ распоряжался Петръ на поприщѣ государственной администраціи, этого мы не будемъ разсматривать; въ этой области, какъ извѣстно, произволу его не было никакихъ границъ. Въ книгѣ г. Пекарскаго мы встрѣчаемся съ Петромъ, какъ съ просвѣтителемъ Россіи; мы слѣдовательно имѣемъ случай взглянуть на самую блестящую часть его исторической ореолы. Тутъ нѣтъ ни пытокъ, ни казней, ни ссылокъ, ни даже исторической дубинки; тутъ ведется списокъ и притомъ списокъ очень подробный безкровнымъ благодѣяніямъ, доставшимся нашему отечеству изъ рукъ великаго дѣятеля. Эти безкровныя благодѣянія въ своемъ родѣ очень замѣчательны; въ совокупности своей они доказываютъ, что можно быть геніальнымъ человѣкомъ и въ то же время не имѣть самаго элементарнаго понятія о тѣхъ необходимыхъ условіяхъ, безъ которыхъ не мыслима разумная человѣческая дѣятельность.

Весь рядъ отвлеченныхъ разсужденій, которыми до сихъ поръ была набита моя статья, клонился къ тому, чтобы опредѣлить наши отношенія къ личностямъ, подобнымъ Петру Великому. Я доказалъ или по крайней мѣрѣ старался доказать слѣдующія идеи:

1) Дѣятельность всѣхъ такъ называемыхъ великихъ людей была совершенно поверхностна и проходила мимо народной жизни, не шевелила и не пробуждала народнаго сознанія.

2) Дѣятельность великихъ людей была ограничена тѣмъ кругомъ идей, который былъ въ ихъ время достояніемъ общаго сознанія.

3) Дѣятельность великихъ людей не достигала своей цѣли, потому что претензіи этихъ господъ постоянно превышали ихъ силы.

Эти идеи примѣняются вполнѣ къ дѣятельности Петра. Я беру

теперь книгу г. Пекарскаго, извлекаю изъ нея нѣкоторые характерные факты и разсматриваю ихъ съ той точки зрѣнія, которая установлена предъидущими разсужденіями.

V.

«Бывши въ Лейденѣ, пишетъ г. Пекарскій, Петръ не преминулъ посѣтить другую медицинскую знаменитость того времени, доктора Бэргавена, и осматривалъ также анатомическій театръ. Сохранилось извѣстіе, что тамъ царь долго оставался передъ трупомъ, у котораго мускулы были раскрыты для насыщенія ихъ терпентиномъ. Петръ, замѣтивъ притомъ отвращеніе въ нѣкоторыхъ изъ своихъ русскихъ спутниковъ, заставлялъ ихъ разрывать мускулы трупа зубами (стр. 10). Вотъ, видите ли, великому человѣку любопытно смотрѣть на обнаженные мускулы трупа, а простымъ смертнымъ этотъ видъ кажется непріятнымъ; надо же проучить простыхъ смертныхъ, имѣющихъ дерзость находить не по вкусу то, что нравится великому человѣку; вотъ великій человѣкъ и заставляетъ ихъ зубами разрывать мускулы трупа; должно сознаться, что это средство побѣждать неразумное отвращеніе настолько же изящно, насколько оно дѣйствительно. Навѣрное спутники Петра, испытавшіе на себѣ это отеческое вразумленіе, послѣ этого случая входили въ анатомическіе театры безъ малѣйшаго отвращенія и смотрѣли на трупы съ чувствомъ живой любознательности. Если бы даже случилось, что нѣкоторые изъ нихъ заразились отъ прикосновенія гнилыхъ соковъ къ нѣжнымъ тканямъ рта, то и это бѣда небольшая—тѣмъ дѣйствительнѣе будетъ урокъ, данный остальнымъ присутствующимъ; они навѣрное поймутъ, что простому смертному нельзя имѣть собственнаго вкуса, что главная и единственная обязанность простаго смертнаго—смотрѣть въ глаза великому человѣку, отражать на своей физіономіи его настроеніе и съ надлежащимъ подобострастіемъ любоваться тѣми предметами, которые обратили на себя его благосклонное вниманіе. На анекдотѣ, приведенномъ въ книгѣ г. Пекарскаго, не стоило бы останавливаться, если бы въ этомъ анекдотѣ не выражались самымъ рельефнымъ образомъ типическія черты благодѣтельныхъ преобразованій великаго Петра. Кому были нуж-

ны эти преобразованія? Кто къ нимъ стремился? Чьи страданія облегчились ими? Чье благосостояніе увеличилось путемъ этихъ преобразованій? Если бы подобные вопросы могли дойдти теперь до слуха Петра, они навѣрное показались бы ему совершенно непонятными, и навѣрное нашъ гордый самодержецъ не далъ бы себѣ труда отвѣчать на нихъ что бы то ни было. Мнѣ кажется, тѣ историки и публицисты, которые говорятъ, что всѣ преобразованія Петра клонились ко благу русскаго народа, повторяютъ фразу, лишенную внутренняго содержанія, или, что то же, переносятъ на эпоху и на личность Петра такія понятія, которыя возникли гораздо позднѣе, и, кромѣ того, не въ той сферѣ, въ которой вращаются дѣятели, подобные Петру. Петръ формировалъ себѣ исполнителей, какъ въ былое время богатый помѣщикъ, отдавая въ ученіе дворовыхъ мальчишекъ, формировалъ себѣ полный штатъ поваровъ, сапожниковъ, портныхъ, столяровъ, кузнецовъ и шорниковъ. Только обширная и разносторонняя дѣятельность могла удовлетворять энергическую природу Петра; только громкая, европейская извѣстность могла польстить его громадному честолюбію. Петру необходимо было постоянно надъ чѣмъ нибудь работать и постоянно чѣмъ нибудь обращать на себя вниманіе современниковъ; какъ человѣкъ умный, Петръ могъ удовлетворять этимъ потребностямъ своей природы, не дѣлая такихъ нелѣпыхъ эксцентричностей, въ какія пускались не только въ древности римскіе императоры, но даже въ XVIII вѣкѣ разные нѣмецкіе князья и князьки, одержимые бѣсомъ тщеславія и надувавшіеся какъ лягушки въ подражаніе жирному волу, Людовику XIV. Благодаря своему замѣчательному уму, онъ, человѣкъ, не имѣвшій во всю свою жизнь никакой цѣли, кромѣ удовлетворенія крупнымъ прихотямъ своей крупной личности, успѣлъ прослыть великимъ патріотомъ, благодѣтелемъ своего народа и основателемъ русскаго просвѣщенія. Дѣйствительно, нельзя не отдать Петру Алексѣевичу полной дани уваженія; немногимъ удается такъ ловко подкупить въ свою пользу судъ исторіи.

Бывши въ Голландіи, Петръ далъ Яну Тессингу привилегію печатать и присылать въ Россію русскія книги. Въ грамотѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: «и видя ему, Ивану Тессингу, къ себѣ нашу, царскаго величества премногую милость и жалованье въ печатаніи тѣхъ чертежей и книгъ, показать намъ, великому государю, нашему царскому величеству, службу свою и прилѣжное раденіе, чтобъ тѣ чертежи и книги напечатаны были къ славѣ нашему, великаго госу-

даря, нашего царскаго величества превысокому имени и всему нашему россійскому царствію межъ европейскими монархи къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ и ко общей народной пользѣ и прибытку, и ко объученію всякихъ художествъ и вѣдѣнію, а пониженья бъ нашего царскаго величества превысокой чести и государства нашихъ въ славѣ въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ не было»... Неправда ли, господа читатели, надо быть самымъ злонамѣреннымъ человѣкомъ и неисправимымъ скептикомъ, чтобы по прочтеніи этого мѣста грамоты хоть на одну минуту усомниться въ чистотѣ и самоотверженіи того патріотизма, который одушевлялъ нашего вѣнценоснаго прогрессиста. Правда, сказано, что книги и чертежи должны быть напечатаны «къ славѣ нашему, великаго государя, нашего царскаго величества превысокому имени» и «къ цвѣтущей, наивящей похвалѣ нашему царствію», но вслѣдъ затѣмъ словами «къ общенародной пользѣ и прибытку» выражена истинно трогательная заботливость о благосостояніи простыхъ смертныхъ. Та же трогательная заботливость проглядываетъ въ предостереженіи не печатать въ тѣхъ чертежахъ и книгахъ никакого «пониженья». Петръ хотѣлъ воспитывать свой народъ и, подобно всѣмъ добродѣтельнымъ педагогамъ, понималъ, что есть много такихъ вещей, которыя дѣтямъ не по возрасту, которыя могутъ (говоря высокимъ слогомъ) нарушить первобытное спокойствіе ихъ мысли и осквернить дѣвственную чистоту ихъ розоваго міросозерцанія.

Трогательная заботливость Петра вполнѣ оправдывается неразвитостью его подданныхъ; вотъ, что пишетъ о русскомъ народѣ одинъ изъ современниковъ нашего преобразователя: «Притомъ же москвитяне, какъ и вамъ это извѣстно, нисколько тѣмъ не интересуются; они все дѣлаютъ по принужденію и въ угоду царю, а умри онъ—прощай наука»! Эти простыя слова современника, смотрѣвшаго на предпріятіе Тессинга съ чисто коммерческой стороны, подтверждаютъ высказанную мною идею о томъ, что дѣятельность великихъ людей поверхностна и непрочна въ своихъ результатахъ; эти слова бросаютъ также яркую полосу свѣта на характеръ петровскихъ преобразованій; въ основѣ этихъ преобразованій лежитъ капризъ или, по меньшей мѣрѣ, доктрина; исполнительными средствами являются насиліе и принужденіе.

Много ли сдѣлали голландскія изданія для «общей народной пользы и прибытка—положительно неизвѣстно, но «о славѣ превысокому имени» и о «цвѣтущей похвалѣ царствію» радѣли всѣми силами своей изобрѣтательности какъ Тессингъ, такъ и преемникъ его, Копіевскій.

Вотъ, напримѣръ, описаніе рѣки Москвы: «Она паче всѣхъ рѣкъ прославися зѣло и именемъ Мосоха, праотца россійскаго, и пресвѣтлѣйшимъ престоломъ пресвѣтлѣйшаго и великаго монарха». Далѣе: «здѣ удивитеся! пріидите вси боящіеся, пріидите и видите дѣла Божія, яко Господь огради люди свои на востокъ отъ запада и отъ полуденныя страны треми великими и славными рѣками; даде Господь Богъ и пастыря единаго всѣмъ, возлюбленнаго помазанника своего, пресвѣтлѣйшаго и великаго государя, его же величество вознесе даже до небесе съ высокаго на высочайшій степень, паче всѣхъ царей земныхъ». По прочтеніи этого мѣста, намъ оставалось только пожалѣть, что книжныхъ дѣлъ мастеръ, Копіевскій, не писалъ стиховъ; нашъ великій Державинъ, думалъ я, который

истину царямъ съ улыбкой говорилъ,

имѣлъ бы себѣ въ этомъ господинѣ достойнаго предшественника; теперь, продолжалъ я размышлять, Копіевскій можетъ только служить предтечею исторіографовъ: Карамзина, Устрялова и Рафаила Зотова, и... ну, да всѣхъ не перечтешь. Но не успѣлъ я перевернуть двѣ страницы въ изслѣдованіи г. Пекарскаго (которое, сказать правду, читается очень медленно), какъ мнѣ пришлось взять назадъ свое опрометчивое сожалѣніе. Оказалось, что Копіевскій преуспѣлъ во всѣхъ отрасляхъ заказной литературы. Для «цвѣтущей и наивящей славы превысокаго имени» онъ вдохновилъ себя лирическимъ жаромъ и описалъ взятіе Азова «стихами поетыцкими», которые, вѣроятно, въ свое время приводили русскихъ читателей въ благоговѣйное недоумѣніе. Чтобы превознести побѣду Русскихъ, привилегированный составитель книгъ воспѣваетъ сице могущество побѣжденной Турціи.

Страшно было еже впасть азійскаго змія
Въ руцѣ, яко и сама европская выя
Жестокія ярости его убояся;
Сѣтоваша вси страны въ едину сходяся,
Совѣтоваша купно, но не премогоша
Злочестивыя силы зѣло превзыдоша.
Нощная же луна ихъ нача помрачати
И всю подсолнечную тьмою наполняти.
Ново-мѣсячниковъ лунныхъ много сотвори
Благочестіе, и любовь, вѣру разори

Православную: въ мѣсто жъ ея, Махомета
Невѣріе приведе мрачная планета.

Вотъ какою поэзіею Петръ угощалъ своихъ неразумныхъ подданныхъ, но подданные, по крайней тупости и загрубѣлости, не умѣли восхищаться «поетыцкими» красотами. Выше мы видѣли образчикъ той науки, которую, по приказанію Петра, фабриковали въ Голландіи; наука эта, несмотря на очевидную свою привлекательность, также не понимала русскаго ума; еще выше мы видѣли, какимъ образомъ Петръ въ лейденскомъ анатомическомъ театрѣ развивалъ въ молодыхъ Россіянахъ наклонность къ реальному образованію; эти усилія Петра, несмотря на свою несомнѣнную энергичность, также оставались безъуспѣшными; Петръ вездѣ встрѣчалъ скрытое равнодушіе или даже глубокое, затаенное отвращеніе къ «поетыцкимъ стихамъ», къ наукѣ Копіевскаго и къ реальному образованію лейденскаго анатомическаго театра. Онъ имѣлъ дѣло съ варварами, и эти варвары безъ его просвѣщеннаго вліянія непремѣнно погрязли бы въ тинѣ пороковъ и во мракѣ невѣжества; будь на мѣстѣ Петра другой дѣятель менѣе крупныхъ размѣровъ, онъ непремѣнно махнулъ бы рукою на нелѣпыхъ варваровъ и предоставилъ бы этихъ неблагодарныхъ людей ихъ печальной участи.

Но Петръ былъ великодушенъ до конца; видя безъуспѣшность своихъ собственныхъ усилій, онъ сталъ просить совѣтовъ у знающихъ людей; махнуть рукою на варваровъ онъ никакъ не рѣшался, несмотря на то, что варварамъ до смерти хотѣлось чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Петръ слышалъ, что есть въ Германіи нѣмецъ Лейбницъ, человѣкъ, котораго всѣ считаютъ чрезвычайно умнымъ и который знаетъ все, что доступно уму человѣческому; Петру захотѣлось посмотрѣть на этого диковиннаго человѣка; онъ повидался съ нимъ въ Торгау, произвелъ его въ тайные совѣтники, положилъ ему жалованіе въ 1000 рейхс-талеровъ и началъ совѣтоваться съ нимъ, какъ бы обтесать русскихъ варваровъ и насадить въ Россіи древо познанія. Лейбницъ былъ человѣкъ ловкій, придворный и политичный; и философская система его была такъ устроена, что она должна была нравиться великимъ людямъ; и самъ онъ умѣлъ держать себя съ надлежащею пріятностью въ высокихъ сферахъ; и манеры, и мягкія рѣчи, и направленіе совѣтовъ—все показывало въ Лейбницѣ, что онъ человѣкъ бывалый, полированный, вполнѣ достойный чина тайнаго совѣтника и

званія каммергера или церемоніймейстера. Петру, умѣвшему угадывать истинное достоинство людей, это придворное свѣтило германскаго ученаго міра очень понравилось съ перваго взгляда. Вѣроятно онъ подумалъ про себя, что было бы очень пріятно завести у себя въ Петербургѣ своего доморощеннаго Лейбница, и неоцѣняемые плоды истиннаго просвѣщенія вѣроятно въ эту минуту показались ему еще неоцѣненнѣе. Если Петръ оцѣнилъ Лейбница, то Лейбницъ съ своей стороны, конечно, разгадалъ Петра съ первыхъ двухъ словъ. Онъ тотчасъ распозналъ слабую струну, обворожилъ вѣнценоснаго собесѣдника картинами будущей русской цивилизаціи, которая ему, Петру, будетъ обязана своимъ происхожденіемъ, и въ нѣсколько свиданій совершенно упрочилъ за собою и пожалованный чинъ, и положенное жалованіе. Когда Петръ уѣхалъ въ Россію, тогда Лейбницъ сталъ писать къ нему письма; эти письма, которыя Лейбницъ, конечно, выдавалъ за плоды долговременныхъ и глубокихъ размышленій, наполнены совѣтами, какъ ввести въ Россію просвѣщеніе; Лейбницу было очень пріятно получать ежегодно по 1000 талеровъ, но, чтобы оставить за собою это жалованіе, надо было хоть для виду хлопотать о русской цивилизаціи; иначе Петръ, не любившій тунеядцевъ, могъ прекратить выдачу денегъ; и вотъ Лейбницъ напоминаетъ о своемъ существованіи и письмами своими показываетъ видъ, что онъ принимаетъ къ сердцу горькую участь русскихъ варваровъ, погибающихъ въ бездиѣ невѣжества. Для спасенія несчастнаго народа онъ считаетъ нужнымъ произвести въ разныхъ мѣстахъ Россіи магнитныя наблюденія, розыскать—соединенъ ли американскій материкъ съ азіатскимъ, устроить сообщенія съ Китаемъ и мѣняться съ нимъ не только товарами, но также знаніями и искусствами; собрать и сохранить памятники греческой церкви, составить словари языковъ инородцевъ; учредить девять правительственныхъ коллегій, «внутреннее устройство которыхъ похоже на механизмъ часовъ, гдѣ колеса взаимно другъ друга приводятъ въ движеніе»; навербовать за границею побольше ученыхъ; однихъ забрать въ Россію, другихъ оставить на мѣстѣ, чтобы они, получая жалованье, сообщали извѣстія о томъ, что происходитъ въ ученомъ мірѣ; построить кабинеты, лабораторіи и обсерваторіи, развести ботаническіе сады, библіотеки и музеи и набить послѣдніе инструментами, моделями, медалями и древностями; учредить академіи, университеты и школы въ Петербургѣ, въ Кіевѣ, въ Москвѣ и въ Астрахани.

Въ исторіи сношеній Петра съ Лейбницемъ всего удивительнѣе то,

*

что умный человѣкъ, подобный Петру, поддавался такому наглому шарлатанству и платилъ деньги за такіе полезные совѣты. Этотъ странный фактъ можно объяснить или тѣмъ, что для Петра общая идея просвѣщенія расплывалась въ какіе-то привлекательные, но совершенно неопредѣленные образы, или же тѣмъ, что онъ платилъ Лейбницу деньги и поддерживалъ съ нимъ сношенія просто изъ тщеславія, для пущей важности. Легко можетъ быть, что тутъ дѣйствовали въ одно и то же время обѣ причины; иначе я не умѣю себѣ объяснить, какимъ образомъ Петръ могъ принимать за чистую монету совѣты Лейбница—производить магнитныя наблюденія, вывозить изъ Китая знанія, собирать памятники и составлять словари для того, чтобы вызвать къ жизни или пробудить отъ усыпленія умственныя силы русскаго народа. Ученый Нѣмецъ очевидно хотѣлъ только удержать за собою жалованье, а геніальный преобразователь хотѣлъ только обставить самого себя на европейскій манеръ, хотѣлъ, чтобы у него было такъ, какъ у знатныхъ господъ бываетъ. Тамъ заведены академіи—и у насъ давай заводить академіи; тамъ музеи—и у насъ музеи; тамъ ученые—и у насъ пускай будутъ ученые; если нельзя найдти ученыхъ въ Россіи, надо изъ за границы выписать; если ученымъ, выписаннымъ изъ за границы, нечѣмъ заниматься собственно въ Россіи, если ихъ сочиненія, напечатанныя на русскомъ языкѣ, не найдутъ себѣ ни покупателей, ни читателей—и это не бѣда. Пусть занимаются въ Петербургѣ тѣмъ же, чѣмъ занимались въ Берлинѣ или Марбургѣ, или въ Гейдельбергѣ, пусть печатаютъ свои сочиненія на французскомъ или на нѣмецкомъ, или на латинскомъ языкѣ, пусть печатаютъ хоть на санскритскомъ, дѣло не въ сочиненіяхъ и тѣмъ более не во вліяніи этихъ сочиненій на русское общество,—дѣло именно въ томъ, что они будутъ жить въ Петербургѣ, состоять на русской службѣ и составлять изъ себя русскую академію,—дѣло не въ дѣйствіи, а въ декораціяхъ. Вотъ чѣмъ Петръ отдавалъ дань своему тщеславному, мишурному вѣку; онъ былъ бережливъ въ своемъ образѣ жизни, онъ жилъ въ тѣсныхъ комнатахъ, носилъ потертое платье, пилъ простую анисовую водку и въ то же время заводилъ безполезнѣйшую академію, и платилъ шарлатану Лейбницу такое жалованіе, на которое можно было сшить десять роскошныхъ костюмовъ.

VI.

Нѣмцы, которыхъ Петръ старался залучить къ себѣ, чтобы сдѣлать изъ нихъ придворныя украшенія, понимали слабость преобразователя къ умственному блеску и, стараясь эксплуатировать эту страстишку, ломили неслыханныя цѣны. Агенты Петра долго ухаживали за Христіаномъ Вольфомъ, за тѣмъ самымъ, который, какъ извѣстно, былъ впослѣдствіи учителемъ Ломоносова. Они все приглашали его въ Петербургъ, а Вольфъ все отнѣкивался, и наконецъ порадовалъ ихъ слѣдующимъ отвѣтомъ: онъ потребовалъ по 2000 рублей ежегоднаго жалованія, обѣщалъ прослужить въ Россіи пять лѣтъ, и, по истеченію этого срока, желалъ получить единовременно сумму въ 20,000 рублей. «Это немного, продолжаетъ онъ, говоря объ этихъ условіяхъ въ письмѣ къ Блументросту, если принять во вниманіе, что король Альфонсъ пожаловалъ Еврею Газану за составленіе альфонсовыхъ астрономическихъ таблицъ, Александръ Великій — Аристотелю за сочиненіе *Historiae animalium* и покойный король Людовикъ Великій—Винценцію Вивіани, математику великаго герцога флорентійскаго за возстановленіе утраченной книги изъ высшей геометріи. Не говоря объ огромныхъ суммахъ, полученныхъ Аристотелемъ отъ Александра Великаго, всѣмъ извѣстно, что Еврей Газанъ имѣлъ отъ Альфонса 400 тысячъ дукатовъ, а Вивіани отъ Людовика Великаго такую сумму, на которую онъ выстроилъ во Флоренціи огромный палаццо, выгравированный при его геометрической книгѣ. Что же все сдѣланное этими людьми въ сравненіи съ осуществленіемъ исполинскаго замысла его императорскаго величества? Для того требуется мужъ опытный во всѣхъ философскихъ и математическихъ наукахъ. Въ бозѣ почившій прусскій король пожаловалъ Лейбницу гораздо болѣе, нежели сколько я требую, за то, что онъ заботился заочно о берлинской академіи». Исполинскій замыселъ его императорскаго величества, о которомъ говоритъ Вольфъ, состоялъ просто въ томъ, чтобы основать въ Петербургѣ академію. Вольфъ, очевидно, называетъ этотъ замыселъ исполинскимъ съ тою же цѣлью, съ какою онъ выписываетъ историческіе примѣры, замѣчательные по своей назидательности. Ему хочется выторговать себѣ выгодныя условія и потому онъ преувеличиваетъ трудность задачи и выставляетъ на видъ черты похвальной щедрости. Можно себѣ пред-

ставить во сколько обошлась бы намъ наша безцѣнная академія, если бы дѣйствительно за блескъ имени пришлось платить по 20,000 рублей. Къ счастью, должно сознаться, что умственное тщеславіе не вполнѣ ослѣпляло Петра; онъ позволялъ себѣ платить по 1000 талеровъ Лейбницу ни за что, ни про что, но когда дѣло шло о такой суммѣ, какую требовалъ Вольфъ, тогда преобразователь нашъ становился внимательнѣе и недовѣрчивѣе. Блументростъ не рѣшился даже съ разу доложить Петру о притязаніяхъ нѣмецкаго философа и отвѣчалъ Вольфу съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи: «что касается до 20 тысячъ рублей, то если мы даже предположимъ, что нашъ всемилостивѣйшій монархъ превосходитъ Александра Великаго, Альфонса и Людовика Великаго въ великодушіи и любви къ искусствамъ и наукамъ, а ваше высокородіе, по своей учености и услугамъ, оказаннымъ ученому міру вашими мудрыми сочиненіями, выше Аристотеля, Газана и Вивіани, все-таки это такая сумма, о которой императору слѣдуетъ представить съ осмотрительностью». Изъ этого письма Блументроста мы видимъ, что Петру дѣйствительно очень хотѣлось прослыть великодушнымъ покровителемъ человѣческой мудрости, но во-первыхъ, онъ хотѣлъ, чтобы эта мудрость стала къ нему въ зависимыя отношенія льстиваго кліента, во-вторыхъ, какъ русскій человѣкъ, любящій выгадать и выторговать, онъ хотѣлъ нанять мудрецовъ подешевле. Петръ былъ плохой меценатъ; кромѣ того, онъ не зналъ или не хотѣлъ знать, что меценаты вообще вредятъ развитію науки, что честные дѣятели мысли бѣгутъ отъ ихъ покровительства и что продажные ученые окончательно развращаются подъ ихъ вліяніемъ.

Профессоръ анатоміи, Рюйшъ, сообщилъ Петру Великому открытый имъ способъ бальзамировать трупы, съ тѣмъ чтобы Петръ хранилъ его въ тайнѣ.

«Однако, говоритъ г. Пекарскій, царь передалъ секретъ Лаврентію Блументросту, тотъ Шумахеру, который, въ видахъ подслужиться лейбъ медику Ригеру, разсказалъ ему о способѣ Рюйша. Ригеръ, покинулъ Россію, распубликовалъ его въ «Notitia rerum naturalium», въ статьѣ «Animal». Кажется, этотъ анекдотъ не требуетъ комментарія, и кажется истолковать это событіе въ пользу нашего преобразователя не съумѣютъ самые неисправимые его поклонники.

Бывши въ Копенгагенѣ, Петръ получилъ тамъ для своей кунсткамеры половину окаменѣлаго хлѣба и деревянную обувь, которую носили Лапландцы. «Взамѣнъ ихъ, царь просилъ хранить въ копенга-

генскомъ музеѣ русскіе лапти». Нельзя не улыбнуться этому ребяческому желанію великаго человѣка; ему захотѣлось русскими лаптями заявить въ одномъ изъ европейскихъ музеевъ о существованіи своего государства. Благодаря этому желанію, русскіе лапти попали на почетное мѣсто, среди разныхъ монстровъ и раритетовъ.

Вотъ выписка изъ указа о доставленіи въ кунстъ-камеру со всѣхъ концовъ Россіи уродовъ, рѣдкостей и пр. «Того ради паки сей указъ подновляется, дабы конечно такіе, какъ человѣчьи, такъ скотскіе, звѣриные и птичьи уроды, приносили въ каждомъ городѣ къ комендантамъ своимъ, и имъ за то будетъ давана плата; а именно: за человѣческую—по 10 р., за скотскую и звѣриную—по 5, а за птичью—по 3 р. за мертвыхъ. А за живыя: за человѣческую—по 100 р., за скотскую и звѣриную—по 15 р. за птичью—по 7 р. А ежели очень чудное, то дадутъ и болѣе; буде же съ малою отмѣною передъ обыкновеннымъ, то меньше. Еще же и сіе прилагается: что ежели у нарочитыхъ родятся, и для стыда не захотятъ принести, и на то такой способъ: чтобъ тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать—чье? Но принявъ, деньги тотчасъ давъ, отпустить. А ежели кто противъ сего будетъ таить, на такихъ возвѣщать; а кто обличенъ будетъ, на томъ штрафу брать вдесятеро противъ платежа за оныя и тѣ деньги отдавать извѣтчикамъ». Великій преобразователь находилъ нужнымъ поощрять доносчиковъ для того, чтобы наполнять кунстъ-камеру монстрами и раритетами; должно сознаться, что здѣсь очень мелкая цѣль оправдывала очень некрасивыя средства; впрочемъ, навѣрное найдутся у насъ такіе историки, которые признаютъ это распоряженіе не только извинительнымъ, но даже полезнымъ, премудрымъ и необходимымъ. Таковъ былъ духъ времени, скажутъ они, таковъ характеръ народа! Вѣроятно г. Щебальскій, открывшій, какъ извѣстно, ту великую психологическую истину, что доносъ въ характерѣ русскаго народа, основалъ свои наблюденія на документахъ, подобныхъ вышеприведенному указу. Вѣроятно онъ принялъ распоряженіе Петра Алексѣевича за проявленіе русскаго народнаго характера; если это дѣйствительно такъ случилось, то можно себѣ представить, что сближеніе между великими дѣятелями и простыми смертными не всегда бываетъ выгодно и пріятно для послѣднихъ. Если бы мы судили обо всѣхъ Испанцахъ по Филиппу II, обо всѣхъ Итальянцахъ по Фердинанду Неаполитанскому, обо всѣхъ Англичанахъ по Генриху VIII, то, вѣроятно, Испанцы, Итальянцы и Англичане почувство-

вали бы себя глубоко и притомъ несправедливо оскорбленными. Указъ Петра произвелъ свое дѣйствіе; съ разныхъ концовъ Россіи потянулись въ Петербургъ живые и мертвые уроды; если бы за нравственное и умственное уродство опредѣлена была премія, тогда бы, вѣроятно, количество прибывающихъ субъектовъ было еще значительнѣе, - тогда, можетъ быть, пришлось бы содержать при кунстъ-камерѣ и Никиту Зотова, и Кесаря Рамадановскаго, и Шумахера, и даже самаго Александра Даниловича Меншикова. Изъ денежныхъ отчетовъ кунстъ-камеры отъ 1719 до 1723 годовъ видно, что при ней сои держались живые монструмы: Яковъ, Степанъ и Ѳома; на каждаго изъ нихъ выходило по рублю въ мѣсяцъ. Въ заиконоспасской академіи, во время Ломоносова, отпускалось на каждаго ученика по алтыну въ день, слѣдовательно по 90 копѣекъ въ мѣсяцъ. Живые монструмы получали больше; слѣдовательно, при великомъ основателѣ просвѣщенія въ Россіи, живымъ уродамъ было удобнѣе жить на свѣтѣ, чѣмъ молодымъ студентамъ.

Радѣя о процвѣтаніи наукъ, искусствъ и уродовъ въ Россіи, Петръ великій заботился также о томъ, чтобы просвѣщенная Европа восхищалась не только русскими лаптями, поставленными въ Копенгагенѣ, но также учеными учрежденіями, возникавшими въ юномъ Петербургѣ. Петръ держалъ на жалованьи писателей, обязанныхъ прославлять распоряженія русскаго правительства. Главнымъ литературнымъ агентомъ Петра былъ баронъ Гюйссенъ. Нѣмецкій журналъ, *Europäische Fama*, помѣщалъ на своихъ страницахъ благорасположенныя статьи, которыя, по словамъ г. Пекарскаго, «пріемами своими и стилемъ, напоминаютъ *le Nord*, современный бельгійскій журналъ». Въ книгѣ г. Пекарскаго подробно разсказана полемика между Нейгебауэромъ и Гюйссеномъ. Нейгебауэръ былъ наставникомъ Алексѣя Петровича, но не ужился въ Россіи и, уѣхавши за границу, издалъ брошюру, въ которой описалъ самымъ безпощаднымъ образомъ грязныя стороны новорожденной цивилизаціи. Гюйссенъ написалъ и издалъ опроверженіе; Нейгебауэръ отвѣчалъ новою брошюрою, и тѣмъ дѣло кончилось. Полемика эта касается нѣкоторыхъ любопытныхъ фактовъ и особенностей русскихъ нравовъ.

Нейгебауэръ говоритъ въ своей брошюрѣ, что иностранцы, приглашаемые въ Россію, не находятъ въ этой странѣ ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которыми ихъ стараются заманить. Имъ обѣщаютъ большое жалованье, и не платятъ денегъ; имъ обѣщаютъ чины и по-

четъ—а на повѣрку выходитъ, что ихъ безчестятъ, бьютъ батогами, награждаютъ пощечинами, шпицрутенами и ударами кнута. Нейгебауэръ приводитъ множество примѣровъ. Вотъ нѣкоторые изъ наиболѣе типичныхъ.

«Маіора Кирхена царь въ Архангельскѣ, передъ полкомъ, въ присутствіи голландскихъ и англійскихъ купцовъ, также морскихъ офицеровъ, назвалъ е.... м..., (Hurren Sohn) и, плюнувъ ему въ глаза, выхватилъ у него шпагу и бросилъ къ ногамъ, говоря: ты, «е.... м..., хочешь быть маіоромъ, а не стоишь быть мушкетеромъ. И это за то, что Кирхенъ, прослуживъ цѣлый годъ маіоромъ, не хотѣлъ быть капитаномъ и уступить свое мѣсто одному русскому. Капитанъ Лудвигъ, прибывъ волонтеромъ къ осадѣ Нотебурга — а такимъ волонтерамъ царь обѣщалъ по 300 рублей и маіорскій чинъ — потерялъ потомъ маіорское жалованіе и 100 рублей и получилъ отъ царскаго величества собственноручную пощечину во время входа въ Москву за то, что онъ, для правильнѣйшаго расположенія орудій, положилъ въ одну яму дерево, которому царь хотѣлъ дать иное назначеніе. 1700 года, генералъ и посланникъ польскій, баронъ Ланге, былъ пожалованъ отъ царя собственноручно ударами и пр. и пр. за то, что онъ не дозволялъ надъ собою шутить царскому любимцу, нѣкоему пирожнику (Bäckerjungen), по имени Александру Даниловичу Меншенкопфу (Menschenkopff). Полковникъ Штрасбергъ наказанъ воеводою города, гдѣ онъ стоялъ въ гарнизонѣ, батогами единственно потому, что не хотѣлъ дѣйствовать вопреки царскаго указа. Капитанъ Форбусъ былъ наказанъ шпицрутенами изъ шомполовъ, а передъ тѣмъ генералъ изъ Русскихъ, переломивъ собственноручно его шпагу и сказавъ: «теперь я хочу тебя ошельмовать» далъ ему пощечину».

Вотъ какія свѣдѣнія сообщаетъ Нейгебауэръ о батогахъ: «батогами называются небольшія жидкія палки длиною съ аршинъ. Ихъ берутъ служители въ руки и садятся на голову и ноги раздѣтаго человѣка, и бьютъ его палками до тѣхъ поръ, пока двадцать или тридцать изъ нихъ не изломаются; потомъ наказываемаго переворачиваютъ и бьютъ по животу, наконецъ по бедрамъ и икрамъ».

Большая часть обличеній Нейгебауэра грѣшитъ своею голословностью; въ каждомъ изъ нихъ есть что нибудь необъясненное и недосказанное. Такъ, напримѣръ, въ разсказѣ о маіорѣ Кирхенѣ мы не видимъ, почему Петръ хотѣлъ передать его мѣсто русскому офицеру; не видимъ также, какимъ образомъ Кирхенъ отстаивалъ свои права;

бранныя слова, произнесенныя при этомъ случаѣ царемъ остаются голымъ фактомъ, не находящимся въ связи съ предшествующими событіями и не вытекающимъ ни изъ поведенія Кирхена, ни изъ положенія самаго Петра. Разсказы о капитанѣ Лудвигѣ, о баронѣ Лангѣ, о полковникѣ Штрасбергѣ и о капитанѣ Форбусѣ точно также даютъ намъ одни голые, ничѣмъ не объясненные факты. Къ этой особенности обличительной брошюры Нейгебауэра было бы не трудно придраться; но баронъ Гюйссенъ, принявшій на себя обязанность защищать честь русскаго правительства передъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, заблагоразсудилъ не замѣтить этого недостатка обличительной брошюры; онъ, вѣроятно, боялся, чтобы Нейгебауэръ, задѣтый за-живое обвиненіемъ въ голословности и бездоказательности, не привелъ въ подкрѣпленіе своихъ разсказовъ такіе факты и аргументы, которые зажали бы ротъ оффиціальному адвокату Россіи. Вмѣсто того чтобы требовать отъ Нейгебауэра доказательствъ и дальнѣйшихъ разъясненій, Гюйсенъ въ своемъ возраженіи просто старается покрѣпче обругать автора обличительной брошюры и превознести громкими похвалами тѣ важныя лица, которыя пострадали отъ язвительныхъ разсказовъ и замѣчаній памфлетиста. Отстаивая Меншикова, Гюйссенъ рѣшается даже придумать для него небывалую генеалогію; онъ утверждаетъ, что Меншиковъ происходитъ изъ хорошей дворянской фамиліи на Литвѣ и что отецъ его былъ оберъ-офицеромъ семеновскаго полка. Потомъ онъ говоритъ, что римскій императоръ, во уваженіе къ блестящимъ качествамъ Меншикова, по собственному побужденію, возвелъ его въ достоинство имперскаго князя. Конечно, въ наше время ни одинъ порядочный человѣкъ не поставитъ Меншикову въ вину его плебейское происхожденіе, но сочиненіе произвольной генеалогіи даетъ намъ возможность судить какъ объ авторской честности Гюйссена, такъ и о высотѣ нравственныхъ требованій тѣхъ людей, по приказанію которыхъ этотъ паразитъ пускался въ литературную дѣятельность. Изъ отзывовъ Гюйссена о Меншиковѣ мы можемъ также составить себѣ понятіе о томъ, насколько можно довѣрять остальнымъ возраженіямъ этого нанятаго литератора противъ Нейгебауэра. Впрочемъ большая часть возраженій до такой степени слабы и нелѣпы сами по себѣ, что имъ нельзя было бы повѣрить даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли никакихъ данныхъ противъ литературной честности автора. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ Гюйссенъ старается парализировать описаніе батоговъ, приведенное выше изъ брошюры Ней-

гебауэра. «Батоги, кнутъ и другія наказанія, пишетъ полемизирующій баронъ, такъ подробно и обстоятельно описаны имъ, что можно думать, что авторъ часто имѣлъ все это передъ глазами и увеселялъ свои нѣжныя чувства подобными спектаклями. По всей справедливости можно пожелать таковыхъ наказаній, какъ заслуженную награду всѣмъ пасквилянтамъ, особенно же тѣмъ изъ нихъ, которые нападаютъ грубымъ образомъ на коронованныхъ особъ, на власть и честь ихъ вѣрныхъ министровъ, что сдѣлано въ настоящей постыдной брошюрѣ». Это мѣсто можетъ показаться очень остроумнымъ и игривымъ, но самые пристрастные читатели будутъ принуждены согласиться, что разсказъ Нейгебауэра о наказаніяхъ батогами остается не опровергнутымъ. Отрицать батоги не рѣшается самъ Гюйссенъ, рѣшившійся отрицать плебейское происхожденіе Меншикова; не рѣшается онъ, конечно не изъ уваженія къ истинѣ, а вѣроятно потому, что отрицать батоги значило бы возставать противъ господствовавшихъ обычаевъ и учрежденій; отрицать батоги значило бы находить ихъ примѣненіе предосудительнымъ; такого рода дерзкій образъ мыслей могъ не понравиться великому Петру; не желая рисковать своею благородною спиною, баронъ Гюйссенъ предпочелъ обойдти вопросъ о дѣйствительномъ существованіи батоговъ въ Россіи и обрушиться всею тяжестью своего негодующаго остроумія на пасквилянтовъ; такой полемическій оборотъ былъ, конечно, удобнѣе и безопаснѣе. Я считаю безполезнымъ долѣе останавливаться на полемикѣ Гюйссена съ Нейгебауэромъ; приведенные мною отрывки показываютъ ясно, какимъ образомъ Петръ пользовался содѣйствіемъ печатной гласности, и на сколько онъ былъ разборчивъ въ выборѣ орудій и средствъ.

VII.

Личныя отношенія Петра къ несчастному Алексѣю Петровичу даютъ нѣкоторые матеріалы для оцѣнки общихъ воззрѣній царя на просвѣщеніе и на отношенія науки къ жизни. «Одною изъ важнѣйшихъ причинъ, говоритъ г. Пекарскій, неудовольствія его на сына, царевича Алексѣя Петровича, было нерасположеніе послѣдняго къ военнымъ пріемамъ и дисциплинѣ, что ясно высказано въ письмахъ царя при дѣлѣ объ осужденіи царевича». (стр. 122.).

Въ *Europäische Fama*, въ оффиціально хвалебной статьѣ о воспитаніи Алексѣя Петровича встрѣчается слѣдующій пассажъ: «его царское величество старается, чтобы московскій принцъ, единственный сынъ его, шелъ по его стопамъ и могъ бы славу россійской монархіи вознести на ту степень, на которую достославный родитель намѣренъ поставить посредствомъ недавнихъ побѣдъ своихъ надъ Турками, Татарами и другими непріятелями. Царевичъ не только Русскимъ, но и иностранцамъ извѣстенъ подъ именемъ пресвѣтлѣйшаго солдата» (стр. 137.). Надо отдать справедливость составителю этой панегирической статьи; своею наивною похвалою онъ сильнѣе всякаго памфлетиста насолилъ Петру во мнѣніи мыслящаго потомства. Титулъ «пресвѣтлѣйшаго солдата», приданный Алексѣю Петровичу льстецами русскаго правительства, даетъ намъ самое рельефное понятіе о томъ, чего требовалъ Петръ отъ своего сына, и во имя чего онъ насиліемъ и наказаніями ломалъ естественныя наклонности молодаго человѣка. Мистическія стремленія Алексѣя, его пристрастіе къ старинѣ, его юношескіе пороки—все объясняется военною форменностью воспитанія, все объясняется тѣмъ глубокимъ отвращеніемъ къ дисциплинѣ, которое развилъ въ немъ Петръ, старавшійся насильно пріохотить сына къ ружейнымъ пріемамъ и къ военному артикулу. Мы видѣли, какими средствами Петръ развивалъ въ молодыхъ Русскихъ любовь къ анатоміи; вѣроятно такія же средства были пущены въ ходъ для того, чтобы дѣйствительно превратить Алексѣя въ пресвѣтлѣйшаго солдата. Не знаю, превратились ли русскіе посѣтители лейденскаго анатомическаго театра въ ревностныхъ медиковъ, но достовѣрно извѣстно къ чести Алексѣя то, что его природа не подчинилась волѣ великаго родителя и разбилась въ неравной борьбѣ.

Въ той же статьѣ *Europäische Fama*, встрѣчается слѣдующее любопытное мѣсто объ Алексѣѣ: «Его холерико-сангвиническій темпераментъ даетъ ему нужныя силы, и пресвѣтлѣйшій родитель съ строгою заботливостью запретилъ ослаблять или портить нѣжнымъ воспитаніемъ его юность: поэтому его сіятельство, кн. Меншиковъ, согласно родительской волѣ, обходится съ нимъ безъ всякой излишней лести, и часто можно видѣть, что царевичъ за обѣдомъ встаетъ съ своего мѣста и становится позади родительскаго кресла, чтобы тѣмъ выказать сыновнее почтеніе, а его величество всякій разъ ему приказываетъ садиться». Надо подивиться безтолковости тѣхъ людей, которыхъ русское правительство облекало въ званіе оффиціальныхъ хва-

лителей. Скажите на милость, какое отношеніе имѣютъ заботы Петра объ укрѣпленіи силъ молодаго Алексѣя къ той нелѣпой застольной комедіи, о которой Europäische Fama, разсказываетъ съ очевидными усиліями найдти ее похвальною! Если Алексѣй дѣйствительно становился за кресла Петра, то съ какой же стати публиковать объ этомъ въ газетахъ? Приведенный фактъ показываетъ намъ образчикъ той субординаціи, въ которой Петръ старался держать всѣхъ окружающихъ, начиная съ членовъ собственнаго семейства. Сохранивъ этотъ фактъ для потомства, панегиристы Петра оказали ему медвѣжью услугу; впрочемъ, иначе и быть не могло; панегиристы и продажные писатели всѣ таковы, потому что люди умные и даровитые, способные существовать честнымъ трудомъ мысли, не торгуютъ своимъ перомъ и не принимаютъ на себя унизительной обязанности хвалить и порицать противъ убѣжденія.

Инструкція, данная Толстому при его отправленіи въ заграничное путешествіе въ 1697 году показываетъ, что именно Петръ считалъ достойнымъ изученія и полезнымъ для молодыхъ Русскихъ, отправляемыхъ въ погоню за просвѣщеніемъ. Эта инструкція заключаетъ въ себѣ слѣдующіе параграфы или «статьи послѣдующія ученію»: «1) знать чертежи или карты, компасы и прочіе признаки морскіе; 2) владѣть судномъ, какъ въ бою, такъ и въ простомъ шествіи и знать всѣ снасти и инструменты, къ тому принадлежащіе: паруса, веревки, а на каторгахъ и на иныхъ судахъ весла, и пр.; 3) сколь возможно искать того, чтобы быть на морѣ во время боя, а кому и не случится, и то съ прилежаніемъ того искать, какъ въ то время поступать; однакожъ видѣвшимъ и не видѣвшимъ бои отъ начальниковъ морскихъ взять на то свидѣтельствованные листы за руками ихъ и за печатьми, что они въ томъ дѣлѣ достойны службы своея. 4) Ежели кто похощетъ впредь получить милость большую, по возвращеніи своемъ, то къ симъ вышеписаннымъ повелѣніямъ и ученію, научился бы знать, какъ дѣлать тѣ суды, на которыхъ они искушеніе свое примутъ». Текстъ этой инструкціи показываетъ намъ ясно, что спеціально-техническая сторона европейскаго образованія всего сильнѣе привлекала Петра; ему хотѣлось имѣть у себя дома хорошихъ кораблестроителей, хорошихъ моряковъ, солдатовъ, землемѣровъ, чертежниковъ и т. п. Умственное развитіе человѣка оставалось на самомъ заднемъ планѣ. Петръ инстинктивно понималъ, что развитые люди рѣдко бываютъ хорошими исполнителями чужой воли, и потому его административныя

соображенія вовсе не требовали того, чтобы молодые русскіе путешественники вглядывались въ житье-бытье европейскихъ народовъ и выносили изъ своихъ наблюденій матеріалы для критики своего домашняго порядка вещей. А между тѣмъ, нельзя же было зажимать глаза и уши молодымъ людямъ, отправляющимся за границу. Нельзя было требовать, чтобы они видѣли только чертежи, веревки, компасы, паруса и каторги.

Они видѣли много такого, что никогда не попалось бы имъ на глаза въ Россіи; они видѣли и разсуждали про себя, хотя многое изъ видѣннаго проходило передъ ихъ не приготовленнымъ пониманіемъ, не оставляя по себѣ никакого прочнаго впечатлѣнія. Находились такіе путешественники, которые на все смотрѣли съ невозмутимымъ безстрастіемъ; но за то были и такіе, которые выражали даже въ полуоффиціальныхъ своихъ замѣткахъ сочувствіе къ тѣмъ или другимъ явленіямъ иноземной жизни. Вотъ, напримѣръ, выписка изъ описанія путешествія графа Матвѣева: «Въ томъ государствѣ лучше всѣхъ основаніе есть, что не властвуетъ тамъ зависть; къ тому же король самъ веселится о томъ состояніи честныхъ своихъ подданныхъ, и никто изъ вельможъ ни малѣйшей причины, ни способа не имѣетъ даже послѣднему въ томъ королевствѣ учинить какова озлобленія или нанесть обиду. Всякій изъ вельможъ смотрѣть себя долженъ и свою отправлять должность, не вступая до того, въ чемъ надлежитъ державѣ королевской. Ни король, кромѣ общихъ податей, хотя самодержавный государь, никакихъ насилованій не можетъ, особливо же ни съ кого взять ничего, развѣ по самой винѣ, свидѣтельствованной противъ его особы въ погрѣшеніи смертномъ, по истинѣ, разсужденной отъ парламента; тогда уже по праву народному, не указомъ королевскимъ, конфискаціи или описи пожитки его подлежать будутъ. Принцы же и вельможи ни малой причины до народа не имѣютъ, и въ народныя дѣла не вмѣшиваются, и отъ того никакую тѣсноту собою чинить николи никому не могутъ. Смертный законъ имѣютъ о взяткахъ народныхъ и о нападкахъ на него».

Это говорится о Франціи временъ Людовика XIV; если эта страна до такой степени нравилась Матвѣеву, то можно себѣ представить, что требованія были очень умѣренны, и что, насмотрѣвшись на петровскую Россію, можно было легко помириться со всякимъ инымъ порядкомъ вещей, какъ бы ни былъ самъ по себѣ некрасивъ и неудобенъ этотъ иной порядокъ. Можно также себѣ представить, что дѣя-

тельность нашего преобразователя во многихъ отношеніяхъ потеряла бы свой характеръ размашистой произвольности, если бы симпатіи Матвѣева нашли себѣ отголосокъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ. Если бы между молодыми людьми, посылавшимися за границу для изученія разныхъ рукодѣлій, нашлось много умныхъ головъ, способныхъ понимать различіе между своимъ и иноземнымъ, тогда, вѣроятно, Петру сдѣлалось бы вовсе не такъ легко помыкать силами, способностями, убѣжденіями и наклонностями своихъ подданныхъ. Сомнѣваюсь, чтобы Петръ почувствовалъ особенную радость, замѣчая это пробужденіе русской мысли. Но бѣдная русская мысль спала очень крѣпко, и ея отдѣльныя, разрозненныя проявленія, растрачиваясь въ неравной, но не безплодной борьбѣ, глохли и замирали, какъ слабый стонъ, вырывающійся изъ наболѣвшей груди.

Д. ПИСАРЕВЪ.

Поэты всѣхъ временъ и народовъ. Изданіе Костомарова и Берга. 1862.

Полтора года тому назадъ, въ декабрьской книжкѣ Рус. Слова за 1860 годъ, я разобралъ «Сборникъ стихотвореній иностранныхъ поэтовъ» въ переводѣ гг. В. Д. Костомарова и Ѳ. Н. Берга. Теперь явился второй выпускъ того же изданія подъ выписаннымъ заманчивымъ заглавіемъ. Этотъ второй выпускъ отличается отъ перваго своимъ планомъ и составомъ. Издатели сочли нужнымъ помѣстить кромѣ стихотворныхъ переводовъ четыре объяснительныя статьи, написанныя, конечно, прозою. Кромѣ того, число переводчиковъ значительно увеличилось; гг. Бергъ и Костомаровъ со времени изданія перваго выпуска успѣли набить руку, такъ что уже теперь въ ихъ переводахъ не встрѣчается тѣхъ диковинокъ, которыя я отмѣтилъ полтора года тому назадъ. Общая цѣль предпріятія, которое кажется намѣрено быть прочнымъ, до сихъ поръ остается необъясненною; почему гг. издатели берутъ тѣхъ или другихъ поэтовъ, тѣ или другія

стихотворенія—этого я не знаю, да и сами они, кажется, считаютъ совершенно лишнимъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ. Во второмъ выпускѣ мы встрѣчаемъ Бёрнса и Гейне—ну, это понятно! Бёрнсъ и Гейне всегда кстати; затѣмъ мы встрѣчаемъ А. Шультса, Г. Х. Андерсена и въ видѣ приложенія—легенды Сербовъ. Русская публика, конечно, ничего бы не потеряла, еслибы всего этого она и не встрѣтила. Самую слабую часть книжки составляютъ впрочемъ не стихотворенія, а объяснительныя статьи г. Костомарова и коротенькое предисловіе, подписанное словомъ: «издатели».

Тутъ, въ этомъ предисловіи гг. издатели стараются объяснить цѣль своихъ трудовъ и издержекъ, но это имъ плохо удается; оказывается, что предлагаемый сборникъ желаетъ содѣйствовать знакомству русской публики съ поэзіею другихъ народовъ, а что о пользѣ такого знакомства и говорить нечего, потому-де что она признается всѣми. Впереди, въ туманномъ отдаленіи издатели видятъ передъ собою заманчивую цѣль: составленіе на русскомъ языкѣ такой антологіи, «какими такъ богата, напримѣръ, хоть нѣмецкая литература». Впрочемъ эта цѣль кажется имъ на столько великою, что она, по ихъ словамъ, можетъ быть достигнута не скоро. Отдаленность великой цѣли не ослабляетъ однако самоотверженнаго усердія издателей; они надѣются, что роскошное зданіе русской антологіи сложится со временемъ и что ихъ сборники будутъ служить кирпичами въ рукахъ будущаго зодчаго. Да, воля ваша, говорите, что хотите, смѣйтесь, сколько душѣ угодно, а все-таки гг. издателямъ отрадно думать, что ихъ внуки будутъ держать въ рукахъ толстый in-4°, въ которомъ по алфавиту или по достоинству размѣстятся иностранные «поэты всѣхъ вѣковъ и народовъ», пересаженные на русскую почву трудолюбивыми руками гг. Берга, Костомарова и сотрудниковъ. Пріятно даже воображать себѣ въ будущемъ плоды собственной общественной дѣятельности. Вѣдь перевести на русскій языкъ пѣсенку Гейне, это — тоже общественная дѣятельность, хоть лыкомъ шитая, а все дѣятельность. Я отъ души жалѣю о томъ, что не обладаю тою пылкостью воображенія, которою одарены гг. издатели; иначе я бы непремѣнно вообразилъ себѣ, что въ настоящую минуту, болтая всякій вздоръ по поводу вздорной книжки, я занимаюсь общественною дѣятельностью, просвѣщаю вкусъ русской публики здравою критикою, разрушаю ветхія понятія... О, общественная дѣятельность, хорошо, что ты у насъ въ Россіи—отвлеченная идея, иначе ты имѣла бы полное право обидѣться, зачѣмъ ни

къ селу, ни къ городу призываютъ твое почтенное имя? Кто только не воображаетъ себя дѣятелемъ? всѣ суетятся, всѣ хлопочутъ и все это дѣлается для пользы общей. Вотъ, напримѣръ, гг. издатели «поэтовъ» составили книжку въ 200 страницъ и пустили ее въ продажу по 1 р. 25 к. Подумайте: за 1 р. 25 к. читатель узнаетъ, какъ г. Костомаровъ думаетъ о Бёрнсѣ, какъ тотъ же г. Костомаровъ смотритъ на Гейне, и какъ наши русскіе стихотворцы переводятъ Бёрнса, Гейне, Шультса, Андерсена и Сербовъ. Доставить столько наслажденія за такую умѣренную цѣну—это заслуга.

Что же вы хотите доказать всѣми вашими нелѣпыми насмѣшками? спроситъ наконецъ раздосадованный читатель.

А вотъ видите ли, я хочу доказать, что претензіи всегда бываютъ смѣшны. Гг. Костомаровъ и Бергъ перевели на досугѣ нѣсколько десятковъ стишковъ; имъ захотѣлось ихъ напечатать; желаніе понятное; потомъ, когда накопилось еще нѣсколько пьесъ, захотѣлось повторить тоже самое; ну, и печатали бы себѣ просто, безъ затѣй, не распространяясь о цѣли; какая тутъ цѣль! просто, отчего же не перевести, а потомъ, отчего же не напечатать? Нѣтъ, нельзя, самолюбіе одолѣваетъ; надо, видите ли, объяснить появленіе книжки высшими побужденіями, надо привести ее въ связь съ потребностями общества, надо себя заявить. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ Петръ Иванычъ Бобчинскій; не даромъ же Гоголь былъ великій знатокъ русскаго человѣка. У русскаго человѣка бываетъ охота работать, бываютъ и силы; не достаетъ только простора и умѣнія направить свои силы; поэтому онъ или тратитъ ихъ зря въ узенькой сферѣ, или ограничиваетъ всю свою дѣятельность заявленіями о самомъ себѣ; въ нашей литературѣ есть очень много пишущихъ людей, отъ которыхъ мы до сихъ поръ не узнали ни одной идеи; но за то имъ удалось разъ двадцать или тридцать напечатать свою фамилію и извѣстить почтеннѣйшую публику о томъ, что на бѣломъ свѣтѣ живетъ такой-то Ивановъ, Арсеньевъ или Заочный. Принадлежатъ ли гг. издатели къ категоріи непроизводительныхъ дѣятелей нашей литературы—этого еще нельзя рѣшить; во всякомъ случаѣ плоды ихъ дѣятельности еще впереди, въ будущемъ, роскошномъ зданіи русской антологіи.

Г. Костомарову удались нѣкоторые переводы, но за то его характеристики Бёрнса и Гейне рѣшительно никуда не годятся. Біографія Бёрнса, занимающая 50 страницъ, ничто иное, какъ плохая компиляція изъ писемъ Бёрнса, изъ статьи Карлейля о шотландскомъ

поэтѣ, и изъ разныхъ англійскихъ біографій. Называя произведеніе г. Костомарова плохою компиляціею, я не думаю обвинять г. составителя въ томъ, что онъ не воспользовался всѣми источниками; источниковъ за глаза довольно, да бѣда въ томъ, что г. Костомаровъ не умѣетъ съ ними справиться, не умѣетъ сгруппировать ихъ и придать имъ даже внѣшнюю стройность. Одни и тѣже факты повторяются по нѣскольку разъ. «Прекрасная душа» Бёрнса отлетаетъ «на небо» на 16-й страницѣ, и читатель, замѣчая, что впереди еще 34 страницы, начинаетъ надѣяться, что ему дадутъ подробный разборъ произведеній шотландскаго поэта; но онъ ошибается; на 16-й же страницѣ начинается письмо Бёрнса къ доктору Муру, въ которомъ поэтъ разсказываетъ всю свою жизнь, т. е. то, что уже намъ разсказалъ г. Костомаровъ. Это продолжается до 32-й страницы; мы принуждены сознаться, что разсказъ Бёрнса лучше разсказа г. Костомарова, и потому мнѣ кажется, что г. Костомаровъ могъ бы ограничить свою біографическую дѣятельность придѣлываніемъ нѣкоторыхъ комментаріевъ къ письму Бёрнса; во всякомъ случаѣ печатать подъ рядъ два разсказа объ одномъ и томъ же предметѣ по меньшей мѣрѣ безполезно; какъ ни замѣчательна личность Бёрнса а все-таки мнѣ кажется, что русской публикѣ незачѣмъ учить наизусть его біографію; достаточно прочесть ее одинъ разъ. Съ 36-й страницы начинается оцѣнка поэтической дѣятельности Бёрнса. «Бернсъ, говоритъ г. Костомаровъ, былъ народный поэтъ въ высшей степени». Должно сознаться, что эти слова ничего не поясняютъ; названіе народнаго поэта совершенно неопредѣленно; а усиливающее нарѣчіе «въ высшей степени» показываетъ только, что г. Костомарову очень хочется расхвалить Бёрнса. Выписки изъ Карлейля также мало подвигаютъ дѣло впередъ. Какъ вамъ нравится, напримѣръ, такая характеристика Бёрнса, заимствованная у Карлейля: «добродѣтель живетъ въ его стихотвореніяхъ, какъ будто на зеленыхъ лужайкахъ и дышитъ воздухомъ горъ: но въ нихъ глубоко залегли слезы, и раздирающій пламень, какъ молнія, скрывается въ капляхъ лѣтняго облачка». Добродѣтель, слезы и раздирающій пламень—вотъ ингредіенты, изъ которыхъ состоитъ поэзія Бёрнса; смѣшайте все это вмѣстѣ, въ надлежащей пропорціи, вообразите себѣ при этомъ зеленыя лужайки, воздухъ горъ и лѣтнее облачко, и дѣло съ концомъ; вы получили полное понятіе объ особенностяхъ поэтическаго таланта Роберта Бёрнса; вы скажете, можетъ быть, что всѣ эти разнородные ингредіенты слишкомъ отвлеченны и слишкомъ

плохо вяжутся между собою въ вашемъ воображеніи,—я съ вами согласенъ; но г. Костомаровъ думаетъ иначе. Вся II-я глава (отъ стр. 36 до 48-й) завалена цитатами изъ Карлейля; всѣ эти цитаты очень цвѣтисты и, по правдѣ сказать, совершенно лишены осязательнаго содержанія. Что вы скажете, напримѣръ, о такой тирадѣ? «Онъ родился поэтомъ; поэзія была небеснымъ элементомъ существа его; на ея крыльяхъ онъ возносился въ область чистѣйшаго эфира и уже не думалъ больше ни о какомъ другомъ повышеніи. Онъ готовъ былъ перенести и бѣдность, и неизвѣстность, и всѣ бѣдствія, только бы не унизить себя и не осквернить искусства». Мысль очень простая: «Робертъ Бёрнсъ былъ честный человѣкъ, никого не обманывалъ и ни передъ кѣмъ не подличалъ»; но какими узорами расписана эта простая мысль! Тутъ и небесный элементъ, и крылья поэзіи, и вознесеніе въ область чистѣйшаго эфира, и оскверненіе искусства..

— О другъ мой, Аркадій Николаевичъ, не говори красиво!

А вотъ образчикъ того историческаго мистицизма, который у Карлейля доходитъ до галлюцинаціи. «Байронъ и Бёрнсъ были оба миссіонеры своего времени; цѣль ихъ миссіи было одна и та же—научить людей высочайшему ученію, чистѣйшей истинѣ; они должны были исполнить цѣль своего призванія; до тѣхъ поръ они не могли знать покоя. Тяжко лежало на нихъ это божественное повелѣніе; они изнывали въ тяжелой, болѣзненной борьбѣ, потому что они не знали его точнаго смысла, они предугадывали его въ какомъ-то таинственномъ предчувствіи, но должны были умереть, не высказавши его ясно». Тутъ Карлейль не только говоритъ красиво, но даже думаетъ красиво, такъ что вы, при всѣхъ усиліяхъ, не дороетесь ни до какой простой человѣческой мысли. Г. Костомарову это должно нравиться, потому что чѣмъ другимъ, а обиліемъ простыхъ, человѣческихъ мыслей его статьи не грѣшатъ. У него встрѣчаются поползновенія заговорить такъ же красиво, какъ говоритъ Карлейль, но эти попытки остаются слабыми подражаніями. Напримѣръ: (стр. 4), «Отъ береговъ Дуна, изъ мазанки Шотландіи выпорхнула полевая ласточка и запѣла свою честную звонкую пѣсенку», (стр. 14). «Напрасно его Шотландская муза, полуодѣтая въ національный тартанъ, въ вѣнкѣ изъ орѣшника и терна являлась къ нему какъ благодѣтельная фея и ударомъ волшебной палочки превращала убогую мазанку въ чудный замокъ, онъ умеръ, какъ жилъ, бѣднымъ фермеромъ, орошая кровавымъ потомъ жадную землю, которая кормила его нуждою». А не луч-

ше ли было бы, вмѣсто того, чтобы съ невѣроятными усиліями сооружать риторическія фигуры, объяснить просто, почему Бёрнсъ всю свою жизнь терпѣлъ нужду; вѣдь изъ разсказа г. Костомарова этого не видать. Только и видно, что несчастнаго поэта гнететъ злая судьба, но что же это за объясненіе? Или можетъ быть г. Костомаровъ вѣритъ въ *fatum*, точно также, какъ Карлейль вѣритъ въ историческія миссіи? Въ такомъ случаѣ, конечно, и объяснять нечего.

Оцѣнка произведеній Бёрнса ограничивается тѣмъ, что г. Костомаровъ приводитъ нѣсколько его пѣсенъ и прибавляетъ къ каждой изъ нихъ эпитетъ превосходная, прекрасная, прелестная. При такомъ образѣ дѣйствій, роль критика оказывается въ высшей степени легкою и пріятною.

Изъ стихотвореній Бёрнса, переведенныхъ въ этомъ выпускѣ, особенно замѣчательна по идеѣ и выполненію небольшая пѣсня: «Прежде всего». Приведу ее цѣликомъ, хотя петербургская публика уже слышала ее въ нынѣшнемъ году на публичномъ чтеніи.

Бѣднякъ, будь честенъ и трудись,
Трудись прежде всего;
Холопа встрѣтишь—отвернись
Съ презрѣньемъ отъ него!
Прежде всего, прежде всего
Предъ знатнымъ не блѣднѣй—
Вѣдь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!

Пусть черствый хлѣбъ—весь твой обѣдъ
Изъ поскони кафтанъ;
Другой и въ бархатъ разодѣтъ,
Да плутъ прежде всего.
Прежде всего, прежде всего
Вѣдь титулъ—глупый звонъ
Бѣднякъ, будь только честенъ онъ,—
Король прежде всего!

Вотъ этотъ баринъ знатный лордъ,
Да что намъ изъ того,
Что онъ своимъ богатствомъ гордъ,
А глупъ прежде всего!

Прежде всего, прежде всего,
Для насъ, дѣтей труда
Его и лента и звѣзда
Смѣшны прежде всего!

Холопа въ графы произвесть
Не стоитъ ничего:
Но честнымъ сдѣлать, царь,—какъ есть,—
Не можетъ ни кого:
Прежде всего, прежде всего
Да будутъ всѣ честны:
Честь—наши высшіе чины
И умъ прежде всего.

Молитесь всѣ, чтобъ Богъ послалъ
Намъ царствіе свое
Чтобъ честный трудъ на свѣтѣ сталъ
Почетнѣе всего!
Прежде всего, прежде всего
Отнынѣ и во вѣкъ,
Чтобъ человѣку человѣкъ
Былъ братъ прежде всего.

Первые четыре куплета превосходно выражаютъ гордое сознаніе человѣческаго достоинства и спокойное презрѣніе къ искусственнымъ понятіямъ знатности и свѣтской чести. Пятый куплетъ грѣшитъ піетизмомъ, но послѣдняя двѣ строки спасаютъ общее впечатлѣніе. Во всякомъ случаѣ, надо сказать спасибо г. Костомарову за то, что онъ перевелъ это стихотвореніе просто и изящно, сохраняя тотъ оттѣнокъ юмора и ту непринужденность оборотовъ, которыми отличается подлинникъ.

Статья г. Костомарова о Гейне еще болѣе неудачна, чѣмъ его «Робертъ Бёрнсъ». Эта статья прямо показываетъ, что г. Костомаровъ не понимаетъ значенія Гейне и даже непосредственнымъ чувствомъ не можетъ оцѣнить его поэзію.

Біографическихъ данныхъ очень немного, да и тѣ, по правдѣ сказать, безполезны; вся наша читающая публика знаетъ эти факты по многочисленнымъ статьямъ, появлявшимся о Гейне въ журналахъ и въ предисловіяхъ къ отдѣльнымъ изданіямъ переводовъ изъ Гейне. Ста-

ло быть, статья г. Костомарова имѣетъ главною цѣлью объяснить нашей публикѣ значеніе Гейне, какъ поэта. Посмотримъ, какъ то г. Костомаровъ справится съ этою задачею. Нашъ критикъ разбираетъ сначала политическое значеніе поэзіи Гейне и обрушиваетъ на поэта всю тяжесть своего добродѣтельнаго негодованія. Негодуетъ онъ на него, во 1–хъ, за книгу о Бёрне, во 2–хъ, за то, что Гейне получалъ пенсію отъ Людовика–Филиппа; и то, и другое можетъ быть очень нехорошо, но къ сожалѣнію, и то и другое вовсе не относится къ политическому значенію поэзіи Гейне. Беконъ бралъ взятки, Вольтеръ часто воздвигалъ цензурныя преслѣдованія противъ своихъ литературныхъ враговъ, но если мы будемъ говорить о политическомъ значеніи умственной дѣятельности Бекона и Вольтера, то эти факты надо будетъ оставить въ сторонѣ, не смотря на то, что они даютъ обильную пищу добродѣтельному негодованію. Беконъ и Вольтеръ могли быть дрянными людьми, но организація ихъ мозга была великолѣпная, и какъ великіе мыслители и критики людскихъ нелѣпостей они заслуживаютъ нашу полную признательность. Политическое значеніе ихъ дѣятельности заключается въ томъ вліяніи, которое ихъ идеи оказывали на гражданскую жизнь ихъ общества. Личные поступки этихъ людей часто неимѣютъ съ этимъ вліяніемъ ничего общаго, и до нихъ нѣтъ дѣла тому критику, который разсматриваетъ Бекона или Вольтера со стороны ихъ умственной дѣятельности. Но предположимъ даже, что г. Костомаровъ хочетъ оцѣнить Гейне, какъ человѣка; даже и въ этомъ случаѣ его добродѣтельное негодованіе безсмысленно и риторично; чтобы бросить камень въ Гейне, надо чувствовать себя очень чистымъ и сильнымъ; надо самому побывать на аренѣ и пережить тѣ испытанія, которыя выпадали на долю Гейне; надо выдти побѣдителемъ изъ этихъ испытаній, чтобы имѣть право винить въ слабости того человѣка, который свихнулся съ прямаго пути; иначе, строгаго цензора нравовъ можно самого притянуть къ суду общественнаго мнѣнія; можно сказать ему: посмотрите на себя, грозный обвинитель великаго поэта, поройтесь въ вашихъ недавнихъ воспоминаніяхъ, полюбуйтесь на вашу собственную общественную дѣятельность, и тогда, насладившись этимъ поучительнымъ самосозерцаніемъ, перестаньте декламировать противъ чужихъ слабостей и проступковъ, менѣе достойныхъ презрѣнія. Не вашимъ подслѣповатымъ глазамъ отъискивать пятна на свѣтилахъ мысли, подобныхъ Генриху Гейне.

Оцѣнка Гейне, какъ поэта, т. е. собственно эстетическая часть

статьи г. Костомарова, отличается сильными претензіями и жалкою слабостью мысли. Г. Костомаровъ начинаетъ эстетическую часть своего труда слѣдующими словами: «чтобы вполнѣ понять значеніе Гейнриха Гейне, какъ лирика, необходимо»... Итакъ г. Костомаровъ собирается «вполнѣ понять значеніе Гейне». Посмотримъ, что будетъ дальше. Дальше оказывается, что простота и непосредственность составляютъ главную силу поэзіи Гейне. «Безъ этой заслуги, говоритъ г. Костомаровъ, не смотря на все богатство своего таланта, онъ никогда не занялъ бы такого почетнаго, чтобы не сказать перваго мѣста, между нѣмецкими поэтами новаго времени, потому что вліяніе его на литературу, какъ представителя юной Германіи, какъ отвлеченнаго философа, какъ недовольнаго полемика и ироническаго юмориста—далеко не такъ обширно» (стр. 85).

Вотъ это, по крайней мѣрѣ, ново. Мы узнаемъ, что не содержаніе, не основная мысль, не направленіе поэтической дѣятельности Гейне имѣетъ вліяніе на умы образованныхъ европейцевъ, а форма выраженія. Это открытіе дѣлаетъ честь остроумію г. Костомарова. Если простота и непосредственность сами по себѣ, безъ посторонней помощи, производятъ такое сильное впечатлѣніе, то надо поставить монументъ неизвѣстному автору слѣдующаго стихотворенія:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже.

Это стихотвореніе помѣщено въ грамматикѣ Востокова; въ немъ такъ много простоты и непосредственности, что г. Костомаровъ, если желаетъ быть послѣдовательнымъ, долженъ признать его лучшимъ перломъ русской поэзіи. Странно только, что г. Костомаровъ, придающій такое огромное значеніе простотѣ и непосредственности въ поэзіи, самъ даже въ презрѣнную прозу вставляетъ самые диковинные орнаменты; напримѣръ «сгустившіеся туманы романтизма», «мечущіи искры костеръ, медленный пламень котораго пожираетъ древнюю, оффиціальную Германію, заплѣсневѣлую землю филистеровъ», «любовь нечистая, пылающая пламенемъ чувственныхъ наслажденій»,

«благоухаютъ всею свѣжестью цвѣтка и звенятъ, какъ серебряный «колокольчикъ».

— О другъ мой, Аркадій Николаевичъ, не говори красиво!

Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ: къ концу статьи г. Костомарова мы узнаемъ вещи еще болѣе новыя. Оказывается, что иронія, проникающая собою поэзію Гейне, составляетъ ея главный недостатокъ; вы не вѣрите? Полюбуйтесь слѣдующею тирадою: «Болѣзненно дѣйствуетъ на насъ эта отрицательная сторона всеобъемлющаго таланта Гейне. Эта неискренность, эта непонятная раздвоенность поэта постоянно заставляетъ думать, что самыя возвышенныя, самыя очаровательныя мѣста его лирики,—есть мастерски замаскированная иронія» (стр. 100).

Это значитъ другими словами: «всѣмъ бы хорошъ былъ Гейне, кабы не проклятая иронія». Это напоминаетъ мнѣ графа Монталамбера, разсуждающаго объ Англичанахъ: «славный народъ, думаетъ онъ, жаль только, что не католики». Вотъ другая тирада на той же страницѣ: «какъ часто стихи его кажутся намъ хорошенькими личиками, строющими самыя нелѣпыя гримасы, какъ часто онъ до самаго конца ничѣмъ не возмущаетъ нашихъ благороднѣйшихъ чувствованій, чтобы тѣмъ внезапнѣе поразить самою мефистофелевскою остротою или, что еще хуже, самою обнаженною плоскостью». Да кто же просилъ г. Костомарова соваться въ переводчики Гейне, если Гейне возмущаетъ его «благороднѣйшія чувствованія», если «мефистофелевскія остроты» оскорбляютъ его щекотливую добродѣтель, если »обнаженныя плоскости» раздражаютъ его фешенебельный слухъ. Ни Гейне, ни русская публика ничего бы не потеряли, если бы г. Костомаровъ махнулъ рукою на «ироническаго юмориста» и «недовольнаго полемика». Мало ли такихъ поэтовъ, которые ни одною строчкою не обнаружатъ ни полемическихъ наклонностей, ни ироніи, ни юмора. Вѣдь перевелъ же г. Костомаровъ изъ Лонгфелло стихотвореніе «Excelsior!» и сотни такихъ стихотвореній можно было бы отъискать, была бы только охота. Вмѣсто того, чтобы возиться съ гейневскою «Германіею», въ которой «рѣшительно неистовствуетъ ѣдкая иронія», было бы гораздо удобнѣе перевести напримѣръ Мессіаду Клопштока, или «Jocelyn» Ламартина; съ ними и хлопотъ меньше, и «благороднѣйшія чувствованія» остаются нетронутыми; если бы пришла охота переводить прозу, можно взять Шатобріана, Боссюэ, а еще лучше Ѳому Кемпійскаго. Тутъ уже навѣрное ни одна мефисто-

фелевская острота не нарушитъ плавнаго паренія назидательной рѣчи. Далѣе, г. Костомаровъ обвиняетъ Гейне въ нравственной нечистотѣ. «Нѣтъ, говоритъ онъ, что хотите, а это не та чистая, спасительная любовь, которая должна пылать въ сердцѣ каждаго пѣвца любви, а любовь нечистая, пылающая пламенемъ чувственныхъ наслажденій, и потому то она вездѣ должна носить въ себѣ сознаніе своего собственнаго ничтожества» (стр. 103). Уличивъ Гейне въ отсутствіи чистой, спасительной любви, г. Костомаровъ преслѣдуетъ поэта на его смертномъ одрѣ, и не безъ соболѣзнованія *доноситъ* читателю, что рабъ Божій Гейнрихъ Гейне, умеръ нераскаяннымъ грѣшникомъ. Того, кто усомнится въ вѣрности моихъ словъ, я попрошу заглянуть на стр. 103 и 104 разбираемой мною книги; мнѣ уже надоѣло цитировать г. Костомарова, да, кромѣ того, у насъ иногда встрѣчаются въ литературѣ такія милыя выходки, которыя гадко выписывать.

Напрасно г. Костомаровъ къ имени піетиста Генгстенберга, встрѣчающемуся въ переводѣ «Германіи» дѣлаетъ слѣдующее язвительное замѣчаніе: «Генгстенбергъ, по доносу котораго отнята каѳедра у Фейербаха». Кто такъ близко подходитъ къ Генгстенбергу по воззрѣніямъ, тому слѣдовало бы быть поосторожнѣе въ отзывахъ.

Кто знаетъ? Можетъ быть Генгстенбергъ сдѣлалъ доносъ съ благою цѣлью! Можетъ быть, дѣлая свой доносъ, Генгстенбергъ воображалъ себя такимъ же полезнымъ общественнымъ дѣятелемъ, какимъ воображаетъ себя г. Костомаровъ, обличая нераскаяннаго грѣшника и «ироническаго юмориста», Гейнриха Гейне.

Д. П.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРІЯ ТЕРРОРА.

HISTOIRE DE LA TERREUR 1792—1794 D'APRÈS LES DOCUMENTS AUTHENTIQUES ET DES PIÈCES INÉDITES PAR M. MORTIMER-TERNAUX. Paris, vol. 1., 1862.

IV.

1790 годъ начался подъ печальными предзнаменованіями для народа. Коммуна и Шатле (*) соединились противъ свободы печати. Указъ объ арестованіи Мара былъ отданъ. Но смѣлый журналистъ не смутился: онъ сдѣлался вдвое рѣзче. Изливъ желчь на членовъ Шатле и коммуны, онъ утверждалъ что всякій служащій обязанъ отдавать отчетъ общественному мнѣнію...

Но пока Мара защищался, національное собраніе слушало предложеніе аббата Сіеса объ ограниченіи свободы печати... Черезъ день послѣ того (22-го января) Бальи приказалъ арестовать Мара. Округъ кордельеровъ принялъ его подъ свое покровительство... Улица наполняется войсками и народомъ. Прибѣгаетъ Дантонъ. «Еслибъ всѣ думали какъ я, восклицаетъ онъ громовымъ голосомъ, ударили бы въ

(*) Судъ второй инстанціи; отличался медленностью судопроизводства, пристрастіемъ и антиреволюціоннымъ направленіемъ.

набатъ, и мы сейчасъ же имѣли бы 20 т. человѣкъ, которые заставили бы ихъ поблѣднѣть»—и онъ презрительно указалъ на войска. Коммиссары не осмѣлились прибѣгнуть къ силѣ и снова обратились за приказаніемъ въ Шатле. Кордельеры отправили депутацію къ національному собранію. Собраніе приказало выдать Мара, но было уже поздно—онъ успѣлъ скрыться...

Вооруживъ противъ себя прессу буржуазія вооружила въ тоже время религіозный фанатизмъ распоряженіемъ объ отнятіи у духовенства имуществъ и замѣной ихъ жалованьемъ. Аббатъ Мори и его единомышленники кричали объ упадкѣ религіи. На югѣ, въ Нимѣ, въ Монтобанѣ начались безпорядки; роялисты воспользовались этимъ, — междоусобная война вспыхнула. Къ довершенію зла присоединились раздоры не только между національной гвардіей и войсками, составлявшими гарнизоны въ провинціяхъ, но и между самыми гарнизонами.

Въ то же время графъ Мельбуа составилъ заговоръ для возстановленія монархіи съ помощью недовольныхъ и коалиціи изъ короля сардинскаго, Испаніи и мелкихъ германскихъ владѣтелей... Мирабо окончательно предался двору. Ему удалось увидѣться съ королевой и разсѣять ея предубѣжденія... Но и революція съ своей стороны пріобрѣла новыхъ союзниковъ: клубъ якобинцевъ расширилъ свое вліяніе, несмотря на отдѣленіе отъ него многихъ умѣренныхъ, образовавшихъ особый клубъ (*).

Въ журналистикѣ явились новые органы, поддерживавшіе революцію: Желѣзный Ротъ (Bouche de Fer) аббата Фоше, журналъ общества друзей конституціи (**), подъ редакціею Шодерло-Лакло, автора романа Les liaisons dangereuses, Деревенскій Листокъ Черутти, распространявшій въ провинціяхъ идеи революціи,—Отецъ Дюшенъ Геберта, журналъ наполненный площадными выраженіями, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на народъ—вотъ главнѣйшіе органы, появившіеся въ 90 году. Такимъ образомъ при содѣйствіи журналистики и клубовъ масса быстро развивалась, племенныя различія уничтожались; Франція стремилась къ единству, разумѣя его въ федерализмѣ и не думая, что

(*) Въ 140 городахъ были якобинскіе клубы, находившіеся въ сношеніяхъ съ главнымъ и раздѣлявшіе его убѣжденія.

(**) Якобинцы. Шодерло-Лакло былъ орлеанистъ; романъ его многими считался за одинъ изъ самыхъ безнравственныхъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ только вѣрное воспроизведеніе общества.

это стремленіе приведетъ къ централизаціи. Еще въ ноябрѣ 89 года обнаружились первые признаки этого движенія: 14 городовъ въ провинціи Франшъ-Конте заключили между собой договоръ для свободнаго провоза хлѣба, для принятія мѣръ противъ скупщиковъ, для взаимнаго обезпеченія въ случаѣ голода. Вслѣдъ за тѣмъ составилась другая болѣе значительная федерація на равнинѣ *de l'Etoile* на берегахъ Роны. Національная гвардія клялась поддерживать декреты законодательнаго собранія и летѣть на помощь къ Парижу или какому другому городу, который будетъ въ опасности. Этому примѣру вскорѣ послѣдовали другіе города... Федераціонные комитеты рѣшились отправить въ Парижъ депутацію... Анахарсисъ Клоцъ вздумалъ воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ, чтобы провести завѣтную свою мысль: федерацію человѣчества и общую солидарность. Жакъ Батистъ, баронъ Клоцъ, былъ богатый Пруссакъ, воспитывавшійся во Франціи. Проникнутый сознаніемъ человѣческаго достоинства, онъ является трибуномъ свободы, провозвѣстникомъ лучшаго общественнаго устройства; онъ объявляетъ себя защитникомъ страждущаго человѣчества и врагомъ тирановъ; онъ бросаетъ тотъ кругъ, въ которомъ родился, и нѣжнымъ утѣшителемъ является въ убогое жилище работника... Космополитъ, мечтатель, отчасти визіонеръ, онъ отличается оригинальностью идей и картинностью изложенія; онъ выражаетъ собой истинный духъ принциповъ французской революціи, которая именно тѣмъ и велика, что дала общія начала для государственнаго устройства другихъ націй, предложила общіе вопросы для нѣсколькихъ поколѣній, вопросы, чуждые мелкихъ интересовъ, имѣющіе предметомъ счастіе и спокойствіе всѣхъ!..

«Когда лондонская темница сокрушится подобно парижской, говоритъ Клоцъ, тогда не будетъ ни тирановъ, ни провинцій, ни армій, ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Будетъ одна нація, одна торговля, одни интересы, одна промышленность. Поѣзжайте изъ Парижа въ Китай и вы не встрѣтите никакихъ остановокъ: ни паспортовъ, ни досмотрщиковъ, ни заставъ, ни стѣнъ. Океанъ покроется кораблями, большія дороги протянутся до границъ Китая. Римъ былъ всемірной столицей войны, Парижъ будетъ столицей мира, храмомъ всемірнаго отечества».

Понятно, съ какой ревностью этотъ энтузіастъ схватился за идею федераціи.

19 іюня, онъ съ депутаціей, составленной изъ лицъ принадле-

жавшихъ къ разнымъ націямъ, явился въ собраніе и просилъ позволенія участвовать въ общей федераціи Франціи... Всѣ были тронуты.

Федеральный праздникъ показалъ буржуазіи ея силу: она увидѣла, что въ данную минуту всегда найдетъ помощь въ народѣ, она увидѣла, что на ея сторонѣ стоитъ національная гвардія всей Франціи.

Между тѣмъ собраніе продолжало свои работы. Вопросъ о злоупотребленіяхъ въ арміи обратилъ его вниманіе. До сихъ поръ полки считались чѣмъ-то въ родѣ аренды: ихъ давали по протекціи, какъ средство поправить свое состояніе; чины доставались по знатности рода или по значенію при дворѣ, а не по заслугамъ... Командиры грабили солдатъ, не додавали имъ слѣдующаго жалованья, дурно кормили ихъ. Движеніе революціи не осталось безплодно и для войска: гарнизонъ Нанси потребовалъ не доданныхъ суммъ. Начальство принуждено было уступить, но подъ рукой искало средствъ возвратить утраченное вліяніе. Въ городѣ возникли безпорядки. Извѣстіе объ нихъ достигло до маркиза Буле. Фанатикъ королевской власти, одаренный замѣчательными военными способностями и холоднымъ мужествомъ полководца, онъ давно искалъ случая нанести революціи рѣшительный ударъ; онъ сблизился съ Лафайеттомъ, который въ этомъ отношеніи раздѣлялъ его мнѣнія. Нанси былъ залитъ кровью. Демократы собранія были поражены ужасомъ, узнавъ о совершенныхъ тамъ жестокостяхъ; но большинство рѣшило благодарить Буле за усмиреніе возстанія. Король съ своей стороны написалъ къ нему поздравительное письмо; но за то горесть всѣхъ истинныхъ патріотовъ была безмѣрна—честный Лустало умеръ отъ горести...

Но въ то время, когда лучшіе люди революціи были погружены въ глубокое отчаяніе, Мирабо не переставалъ подавать двору коварные совѣты ко вреду ея. Онъ надѣялся, что примѣръ Нанси подѣйствовалъ на войска; оставалось пріобрѣсти содѣйствіе фанатиковъ и поразить важнѣйшихъ предводителей демократической партіи, и Лудовикъ могъ надѣяться царствовать спокойно подъ отеческой опекой Лафайетта и Мирабо...

Гражданская конституція духовенства доставила новыхъ союзниковъ роялистамъ. Большинство священниковъ отказалось присягнуть, тѣмъ болѣе, что король не соглашался на утвержденіе декрета. Собранію удалось наконецъ побѣдить его упорство, но сопротивленіе духовенства продолжалось. Отставка ослушниковъ возбудила въ провинціяхъ волненія, напомнившія времена религіозныхъ войнъ...

Затруднительное положенie финансовъ увеличивало народное бѣдствie. Неккеръ съ каждымъ днемъ утрачивалъ свою популярность— ему осталось выйдти въ отставку. Время его прошло. Честный банкиръ, онъ могъ отлично управлять торговымъ домомъ, но не министерствомъ финансовъ въ бурныя времена революцiи; въ немъ недоставало смѣлости и генiальности; онъ былъ человѣкъ рутины, но не прогресса — однимъ словомъ, онъ былъ несовременен. По удаленiи Неккера, собранie рѣшило поправить дѣла, прибавивъ къ прежде выпущеннымъ 400 м. ассигнацiями, еще 800 м. Такое размноженie бумажныхъ денегъ не могло остаться безъ влiянiя на цѣны первыхъ жизненныхъ потребностей. Новыя смуты, новыя убiйства! Измѣненie морскаго кодекса вызываетъ бунтъ матросовъ; декретъ о совершенномъ уничтоженiи парламентовъ—грозные протесты. Мирабо совѣтовалъ королю поддерживать такое раздраженie; онъ былъ увѣренъ, что Лафайеттъ, потерявъ терпѣнie, станетъ стрѣлять по народу и черезъ это принужденъ будетъ перейдти на сторону двора; онъ полагалъ, что безпрестанныя волненiя надоѣдятъ народу, покажутъ безсилie существующаго правительства и заставятъ желать расширенiя королевской власти.

Между тѣмъ Лудовикъ съ своей стороны вошелъ въ дипломатическiя сношенiя съ другими державами. Въ октябрѣ онъ просилъ испанскаго короля не обращать никакого вниманiя на его указы, кромѣ тѣхъ, которые будутъ подтверждены особенными письмами. 23 декабря онъ писалъ къ прусскому королю, что намѣренъ просить первоклассныя державы собрать вооруженный конгресъ. Въ то же время онъ вступилъ въ переписку съ Булье о средствахъ къ побѣгу.

Наступилъ 91 годъ. Страсти и труды свели Мирабо въ могилу; оставался Лафайеттъ, но популярность его была потрясена. Мара и Фреронъ нанесли ей страшные удары; присутствie его во время причащенiя короля священникомъ не присягнувшимъ возбудило противъ него страшный гнѣвъ народа: нѣкоторые округи Парижа говорили, что его надо смѣнить...

При такихъ обстоятельствахъ король вздумалъ осуществить свой планъ бѣгства. 18 апрѣля кареты выѣхали изъ воротъ Тюильри; король, королева, дофинъ, принцесса Елисавета намѣрены были, по словамъ ихъ, удалиться въ Сенъ-Клу, но массы народа остановили карету; напрасно Лафайеттъ прибѣжалъ съ нацiональной гвардiей; нацiональная гвардiя стала на сторону народа. Тогда генералъ бросился

въ директорію требовать объявленія города на военномъ положеніи, но предложеніе его было отвергнуто Дантономъ. Онъ обратился въ собраніе—собраніе не стало его слушать и приступило, по большинству голосовъ, къ очереднымъ занятіямъ. Растерянный, раздраженный Лафайеттъ снова является передъ дворцомъ: онъ приказываетъ кавалеріи атаковать, но та подвигается шагомъ и останавливается передъ штыками національной гвардіи. Оставалось уступить. Король воротился, Лафайеттъ подалъ въ отставку. Прошеніе его ужаснуло болѣе богатую и вліятельную часть буржуазіи; она поспѣшила отправить къ нему депутацію, которая убѣдила его остаться. Приверженцы Лафайета составили адресъ, обязывавшій всякаго гвардейца повиноваться ему безъ разсужденія; они ходили по домамъ и успѣли собрать нѣсколько тысячъ подписей, но ихъ маневры вызвали сильную оппозицію въ журналахъ и народѣ. Гордая своей побѣдой надъ королемъ, буржуазія обратила свои силы противъ народа. Новая организація національной гвардіи была предложена: исключеніе пассивныхъ гражданъ (*), предоставленіе выбора чиновъ штаба только офицерамъ и унтеръ-офицерамъ; слишкомъ большое число офицеровъ—вотъ главнѣйшіе недостатки проекта, представленнаго Рабо Сентъ-Этьеномъ. Мара разбилъ его въ своемъ журналѣ, выставилъ пагубную цѣль буржуазіи—вооружить богатыхъ противъ бѣдныхъ, оставленныхъ безъ оружія. Онъ требовалъ поголовнаго ополченія. Робеспьеръ отстаивалъ права народа. «Неужели вы одни хотите предоставить себѣ право защищать отечество! воскликнулъ онъ. Граждане они или нѣтъ? Всѣ они участвовали въ выборѣ вашемъ; они предоставили вамъ права и теперь вы идете противъ нихъ!.. Кто не имѣетъ хлѣба, тому нѣтъ политическихъ правъ, говоритъ собраніе! И такъ въ обществѣ, которое не можетъ ручаться за жизнь работника, не имѣть хлѣба безчестіе или преступленіе!..»

Но всѣ эти убѣжденія были напрасны. Буржуазія составила касту, имѣвшую въ своемъ распоряженіи особое войско. Не довольствуясь этимъ, она попробовала уничтожить вліяніе якобинцевъ, стоявшихъ за народъ. Съ этой цѣлью былъ предложенъ декретъ отнять право прошеній и афишъ нетолько у обществъ, но и у гражданъ пассивныхъ. Робеспьеръ снова взошелъ на трибуну. Чѣмъ человѣкъ несчастнѣе и слабѣе, сказалъ онъ, тѣмъ болѣе онъ имѣетъ нужды въ пра-

---

(*) Активными гражданами назывались тѣ, которые могли платить подать равную тремъ днямъ работы; остальные считались пассивными (non actifs).

вѣ прошенія (droit de petition), а между тѣмъ у слабыхъ и у несчастныхъ вы его отнимаете! Всякое общество, признанное закономъ, имѣетъ право дѣйствовать, какъ собраніе разумныхъ существъ, и потому въ правѣ заявить свое общее мнѣніе и желанія!..» Мара и Демулэнъ поддерживали Робеспьера въ печати, но рѣшеніе собранія было принято заранѣе: право прошеній у обществъ было отнято, но его оставили частнымъ лицамъ, безъ различія ихъ гражданскихъ правъ.

Въ свою очередь якобинцы нанесли собранію страшный ударъ. Робеспьеръ предложилъ, чтобы члены его не могли быть вновь избраны; это предложеніе лѣвой стороны было съ восторгомъ принято роялистами, которые надѣялись поправить свои дѣла при новомъ составѣ собранія. Между тѣмъ королевская фамилія не оставляла своего плана бѣгства. Марія Антуанетта писала объ этомъ къ Леопольду; Густавъ III, извѣщенный Ферзеномъ, былъ въ Эксъ-Лашапеллѣ; Буйе стянулъ къ Монмеди полки, на которые могъ расчитывать... Въ ночь на 21 іюня король бѣжалъ, оставивъ прокламацію, въ которой жаловался на испытанныя имъ оскорбленія, считалъ не дѣйствительнымъ все, что сдѣлано отъ его имени во время пребыванія въ Парижѣ, и въ заключеніе приглашалъ всѣхъ Французовъ не вѣрить бунтовщикамъ и обратиться къ нему. Министрамъ онъ запрещалъ подписывать какой либо указъ отъ его имени и требовалъ возвращенія государственной печати...

Впечатлѣніе произведенное бѣгствомъ короля было различно: народъ сперва пришелъ въ крайнее негодованіе, но потомъ это чувство смѣнилось насмѣшкой и презрѣніемъ; собраніе назвало бѣгство похищеніемъ и, сдѣлавъ разспоряженія о безопасности въ Парижѣ, перешло къ очереднымъ занятіямъ. Но ни клубъ, ни Мара, ни Робеспьеръ, ни Дантонъ не были этимъ довольны. Камиллъ Демулэнъ горько упрекалъ Лафайетта, а Дантонъ прямо обвинялъ его въ сообщничествѣ; Мара требовалъ диктатора, который бы живо покончилъ съ противниками революціи; Робеспьеръ произнесъ рѣчь, заключавшую въ себѣ обвиненіе большой части собранія, члены котораго изъ личныхъ выгодъ или страха дѣйствовали въ видахъ реакціи...

По задержаніи короля мнѣнія раздѣлились: собраніе хотѣло спасти монархію и Лудовика; якобинцы говорили о низверженіи его; кордельеры требовали республики...

Результатомъ преній былъ декретъ, объявляющій неприкосновенность Лудовика къ дѣлу. Но это рѣшеніе не удовлетворяло ни клубы, ни народъ. Якобинцы составили прошеніе, въ которомъ говорили, что не признаютъ Лудовика за короля до тѣхъ поръ, пока большинство не рѣшитъ въ противномъ смыслѣ. Прошеніе это предположили представить на подпись народу на Марсовомъ полѣ...

V.

Раздраженіе буржуазіи достигло высшей степени. Барнавъ говорилъ, что если революція сдѣлаетъ еще шагъ, то коснется правъ собственности; Лафайеттъ потерялъ все обаяніе прежней славы: его, идола буржуазіи, грозили свергнуть съ его пышнаго пьедестала; призракъ республики становился все ближе и грознѣе; нападеніе народной журналистики яростнѣе — приходилось или слиться съ народомъ, или нанести ему рѣшительный ударъ. Буржуазія выбрала послѣднее...

16 іюня, двѣнадцать депутатовъ явились въ городской совѣтъ (Hotel-de-ville) объявить, что народъ намѣренъ на другой день собраться на Марсовомъ полѣ для выраженія своихъ желаній. Позволеніе имъ было дано; мало того, коммиссаръ Демуссо, давая имъ росписку, сказалъ: законъ прикрываетъ васъ своей неприкосновенностью. (La loi vous couvre de son inviolabilité). Утромъ, чѣмъ свѣтъ, 17 іюня, одинъ молодой человѣкъ отправился на Марсово поле къ алтарю отечества... Вдругъ онъ услышалъ подъ своими ногами шумъ, подобный сверленію буравчика; онъ сейчасъ же далъ знать объ этомъ въ городской совѣтъ; явился отрядъ національной гвардіи, подняли доски и нашли тамъ двухъ человѣкъ; они были схвачены и приведены къ полицейскому коммиссару. Что они дѣлали на Марсовомъ полѣ, зачѣмъ спрятались—объ этомъ ходятъ самыя разнообразныя показанія; какъ бы то ни было, коммиссаръ отпустилъ виновныхъ, но они тотчасъ же были схвачены и убиты нѣсколькими бѣшеными фанатиками, можетъ быть, ихъ единомышленниками. Это событіе случилось не на Марсовомъ полѣ и часовъ за девять до собранія народа, а между тѣмъ люди, заинтересованные въ торжествѣ буржуазіи говорили, что убитые были національные гвардейцы, погибшіе за то, что требовали повиновенія законамъ...

Такія рѣчи раздражили національную гвардію до нельзя. Муниципалитетъ запрещаетъ сборища и посылаетъ трехъ коммиссаровъ на Марсово поле. Прибывъ туда, они нашли тамъ около 50 т. народа, мирно гулявшаго въ ожиданіи своей очереди подписать прошеніе. Надо замѣтить, что прошеніе составленное наканунѣ якобинцами, было ими взято назадъ, какъ незаконное, вслѣдствіе новыхъ распоряженій собранія. Поэтому ни Мара, ни Дантонъ, ни Демуленъ, ни одинъ изъ вождей движенія не явились на поле; они отправили туда депутата отъ клуба съ объясненіемъ причинъ, заставлявшихъ редактировать новое прошеніе. Народъ былъ этимъ недоволенъ и требовалъ составленія его сейчасъ же на мѣстѣ. Четверо депутатовъ немедленно приступили къ дѣлу, и присутствующіе стали подписывать. Въ это время явились коммиссары. Увидѣвъ спокойное положеніе народа, они сказали: «Насъ увѣрили, что здѣсь происходятъ безпорядки, насъ обманули. Мы непремѣнно отдадимъ отчетъ въ томъ что видѣли; мы не только не воспрепятствуемъ вамъ, но готовы защищать васъ». Тогда имъ прочли прошеніе. Они нашли его совершенно сообразнымъ съ законами и сказали, что сами подписали бы его, еслибъ не были на службѣ (*).

Но нѣсколько прежде, чѣмъ коммиссары явились на поле, на жизнь Лафайетта было сдѣлано покушеніе: какой-то безумецъ выстрѣлилъ въ него въ упоръ, но ружье осѣклось; преступникъ былъ схваченъ, но генералъ приказалъ его немедленно выпустить безъ всякаго допроса. Между тѣмъ извѣстіе объ этомъ происшествіи достигло до муниципалитета; подстрекаемый президентомъ національнаго собранія онъ объявилъ городъ на военномъ положеніи. Напрасно коммиссары, вернувшіеся съ Марсова поля разсказываютъ о настоящемъ положеніи дѣлъ—ихъ не слушаютъ. Бальи увѣряетъ, что получилъ приказаніе отъ собранія и не можетъ не повиноваться... Члены городскаго управленія выходятъ, приказываютъ зарядить ружья, возбуждаютъ и безъ того уже раздраженную національную гвардію и отправляются на Марсово поле... Войска окружаютъ народъ со всѣхъ сторонъ; Бальи хочетъ читать прокламацію, приказывающую разойтись... кучка людей, стоящая отдѣльно на гласисѣ, начинаетъ бросать камни... Войска

(*) Вотъ что говорится въ рапортѣ коммиссаровъ: «Les citoyens assemblés au champs de Mars n'avaient en rien manqué à la loi, qu'ils demandaient seulement le temps de signer leur petition avant de se retirer; que la foule avait témoigné aux commissaires tous les égards imaginables et donné de marques de soumission à la loi et à ses organes.

стрѣляютъ на воздухъ; народъ не можетъ понять, что эта угроза относится къ нему; онъ ожидаетъ троекратнаго приглашенія разойдтись... Вдругъ раздается новый залпъ, направленный на беззащитную толпу, окружавшую алтарь отечества... Раздается страшный крикъ; женщины, дѣти, старики падаютъ окровавленные у подножія священнаго жертвенника свободы; разъяренные гвардейцы преслѣдуютъ бѣгущихъ...

Въ то же время отдано было приказаніе объ арестованіи Дантона, Мара, Демулэна, Робеспьера и другихъ. Первый успѣлъ скрыться къ тестю, а оттуда бѣжалъ ва свою родину (въ Арсисъ–сюръ–Объ); второй — въ какое-то подземелье, послѣдній — къ столяру Дюплэ (Duplay). Фреронъ былъ избитъ; одинъ гражданинъ, котораго приняли за Демулэна—также; Геберъ былъ заключенъ въ тюрьму; Демулэнъ принужденъ прекратить свой журналъ. Отъ клуба якобинцевъ отдѣлись многіе члены—братья Ламетъ, Дюпортъ, Барнавъ и другіе— и образовали клубъ; но за якобинцами осталось названіе, осталась идея революціи—и они снова воскресли.

Въ такомъ видѣ представляется намъ убійство на Марсовомъ полѣ. Очевидно, оно было слѣдствіемъ желанія буржуазіи и собранія удержать за собой власть. Они были такъ увѣрены въ торжествѣ своемъ, что думали, что имъ больше не понадобится помощь народа. Весьма вѣроятно, что въ этомъ движеніи принимали участіе роялисты (какъ полагаетъ Мишле), которые надѣялись поправить свои дѣла, сдѣлавъ буржуазію и народъ смертельными врагами.

Какъ бы то ни было, къ какой бы партіи не принадлежалъ человѣкъ, выстрѣлившій по Лафайетту, къ какой бы партіи не принадлежали люди, бросавшіе камни въ войска, мы видимъ, что вся выгода отъ этого обратилась въ пользу буржуазіи; мы видимъ, что она сыграла подлую комедію съ безоружнымъ народомъ, и потому обвиняемъ ее въ гнусномъ и преднамѣренномъ убійствѣ...

VI.

Конституція была составлена; король утвердилъ ее. Собраніе должно было разойтись. Не смотря на духъ касты, руководившій имъ, оно въ два года совершило работы, на выполненіе которыхъ требовались вѣ-

ка! И все это было сдѣлано посреди взволнованной Европы, тревожной Франціи, вѣчно кипящаго Парижа. Оно уничтожило королевскій деспотизмъ, феодальныя привилегіи, парламенты, корпораціи, цехи, внутреннія таможни; оно подняло государственный кредитъ, оживило торговлю, создало новое судопроизводство, новую систему податей и при всемъ томъ оно было пропитано до конца ногтей духомъ касты; во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ оно оставалось буржуазіей. Раздѣливъ гражданъ на активныхъ и пассивныхъ, оно отняло у народа значительнѣйшую долю власти, подчинило политическія права богатству; но оно боялось демократіи больше монархіи и потому думало укрыться за трономъ, хотя само же подкопало его со всѣхъ сторонъ; ни заговоры двора, ни лицемѣріе короля, ни скрытая ненависть королевы — ничто не могло вразумить буржуазіи; увидѣвъ себя на высотѣ величія, она ознаменовала свое торжество убійствомъ народа.

Наступили новые выборы. Журналы возвысили свой голосъ: «Вычеркните изъ списковъ, говорилъ Гебертъ, не только герцоговъ и маркизовъ, но и банкировъ, ростовщиковъ, капиталистовъ, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто воруетъ или мотаетъ. Вамъ будутъ сулить золотыя горы, васъ будутъ кормить на убой, но чѣмъ больше будутъ стараться соблазнить васъ, тѣмъ будьте осторожнѣй, не попадайтесь на удочку».

Изъ числа 24 депутатовъ, назначенныхъ Парижемъ, пользовались политической извѣстностью только Бриссо и Кондорсе; изъ остальныхъ были извѣстны: Черутти и Ласепедъ.

Депутаты, присланные провинціями, были по большей части адвокаты. Бѣдные, скромные, они явились въ началѣ посмѣшищемъ двора. «Больше девятнадцати двадцатыхъ этого собранія имѣютъ вмѣсто экипажей только калоши и зонтики, говоритъ графъ Ламаркъ. Доходъ ихъ всѣхъ не больше 300 т. ливровъ... Большая часть членовъ необразована и не выходитъ изъ ряда посредственности... Такое собраніе не можетъ внушить обществу ни уваженія, ни довѣренности, ни любви...

Въ началѣ событія какъ будто оправдывали эти замѣчанія. Собраніе назначило президентомъ приверженца конституціи, Пасторе; вице-президентъ и почти всѣ секретари были изъ такихъ же умѣренныхъ...

Король вздумалъ возвратить прежнее значеніе при такихъ представителяхъ; онъ принялъ депутацію гордо и отсрочилъ аудіенцію на три дня (7 октября). Этотъ отвѣтъ раздражилъ собраніе. Начались споры, предложенія... Вдругъ среди общаго смятенія раздается голосъ:

«Къ чему слово Sire?—Оно означаетъ Господа! Къ чему слово величество? Велики только Богъ и народъ!... Къ чему для исполнительной власти золотыя кресла, тронъ?—Довольно для ней почтенія, если президентъ изъ вѣжливости уступитъ свое кресло!—Лудовикъ—король Французовъ и пусть только такъ его называютъ»! Восторженныя рукоплесканія встрѣчаютъ эту энергическую рѣчь; взоры всѣхъ невольно переносятся на оратора; это красивый молодой человѣкъ, съ яснымъ взглядомъ, съ выраженіемъ кротости и меланхоліи на лицѣ; ноги его поражены параличемъ, но физическое страданіе, какъ видно, не сломило его энергіи... Это Кутонъ, депутатъ Оверна... Рѣчь его немедленно обращается въ декретъ.

Дворъ былъ пораженъ ужасомъ при видѣ смѣлости новаго собранія; прежніе члены также встревожились; они поняли, что при такомъ ходѣ дѣлъ всѣ труды ихъ будутъ скоро опрокинуты; они ужаснулись демократическихъ тенденцій, обнаруженныхъ съ такой силой и потому употребили все свое искусство, всю опытность въ парламентской тактикѣ, чтобъ заставить собраніе взять роковой декретъ обратно.

Усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ, но новые представители народа упали въ глазахъ его. «До сихъ поръ, восклицаетъ Мара, наши законодатели заявили себя какъ люди ограниченные, непослѣдовательные, вѣтреные, неспособные; они позволяютъ водить себя за носъ нѣсколькимъ ловкимъ плутамъ, которые ихъ надуваютъ разными тонкостями, заставляя, какъ дѣтей, бояться призраковъ». Это осужденіе заключало много правды. Для прежнихъ членовъ были оставлены двѣ ложи, и они, пользуясь этимъ, смущали неопытныхъ депутатовъ...

Впрочемъ, такое невыгодное мнѣніе было непродолжительно: ложи были уничтожены, блестящіе таланты новаго собранія не замедлили проявиться.

Первое мѣсто между ними слѣдуетъ предоставить Верньо. Честолюбивый, но честный, безстрашный, но безпечный, онъ отличался вдохновенной, блестящей рѣчью, хотя въ ней не было силы Мирабо,—въ немъ не было опредѣленности; онъ выражалъ тѣ колебанія, которыя волновали его умъ; онъ былъ слишкомъ добросовѣстенъ, чтобъ скрывать это, и потому часто, начиная рѣчь въ защиту какого нибудь предложенія, кончалъ ее опроверженіемъ самого себя. Эта искрен-

ность, эта вдохновенность дѣлали его самымъ вѣрнымъ и полнымъ представителемъ жирондистовъ—государственныхъ людей художниковъ; идеалистовъ, жаждавшихъ славы до безумія, блудныхъ дѣтей революціи, растратившихъ свои таланты безъ толку! капризная причудливость ихъ генія заставляла ихъ забывать дѣйствительность; они становились несовременными, а несовременность тогда была преступленіемъ. Всѣ жирондисты были слишкомъ страстны, слишкомъ увлекались — владычество ихъ немогло быть прочно; въ нихъ не было ни эгоистическихъ тенденцій буржуазіи, ни самоуничтоженія вождей демократіи; они искали власти, но не для власти, а для славы; для того, чтобъ молва объ ихъ подвигахъ пронеслась въ отдаленные вѣка. Полнымъ выраженіемъ этого стремленія была мадамъ Роландъ, политическій вождь ихъ партіи: дочь гравера, она съ раннихъ лѣтъ пошла по слѣдамъ отца, но скоро чтеніе Плутарха отвратило ее отъ этихъ занятій; жажда славы мучитъ ея впечатлительную и страстную натуру: то она просится въ монастырь, то горюетъ о временахъ древнихъ республикъ; занятая собой, она возмущается всякой бездѣлицей, затрогивающей ея самолюбіе; въ ней было стремленіе къ равенству, но это было стремленіе буржуазіи—оно отзывалось пренебреженіемъ къ народу. Задушивъ въ себѣ всѣ нѣжныя чувства, Мадамъ Роландъ предалась честолюбію: оно замѣнило ей любовь и во всѣхъ ея дѣйствіяхъ мы видимъ человѣка партіи, но не женщину. Мужъ ея не отличался никакими особенными талантами: онъ былъ честенъ, трудолюбивъ, начитанъ—и только; въ немъ не было ни быстрой рѣшимости Дантона, ни холоднаго фанатизма Робеспьера; онъ былъ твердъ, но медлителенъ; онъ любилъ республику, но не былъ способенъ стоять въ головѣ ея; онъ сдѣлался государственнымъ человѣкомъ, въ угоду жены, — обстоятельства показали, что онъ не на своемъ мѣстѣ.

Таковы были и другіе жирондисты. Люди теоріи, они могли быть полезны только подъ чьимъ нибудь вліяніемъ. Человѣкъ, который далъ бы правильное направленіе ихъ громаднымъ силамъ, оказалъ бы большую услугу Франціи,—но этого не случалось. У нихъ не было вождя— и волканическое краснорѣчіе Инара (Jsnard) напрасно волновало сердца; напрасно ѣдкій, насмѣшливый Гюаде (Guadet) возбуждалъ ненависть партій до пароксизма, ни онъ, ни Верньо, ни республиканецъ Бюзо, ни логическій Женсонне — никто не могъ доставить жирондистамъ прочнаго торжества... Дантонъ протягивалъ имъ спасительную руку, но они не приняли ее: ихъ раздѣляла ненависть партій, имъ не пра-

вилась могучая простота Дантона, чуждая всякихъ эффектовъ, его практическій смыслъ, его способность управлять событіями.... Это были поэты буржуазіи, выраженіе лучшихъ ея силъ, звено, которое могло связать ее съ народомъ; но въ нихъ не доставало ни умѣнья, ни постоянства и они не достигли этой цѣли. Выборъ ихъ лучше всего показывалъ до какой степени демократическій духъ проникъ въ провинціи. Въ самомъ Парижѣ не осталось безъ послѣдствій это движеніе, на мѣсто Бальи былъ избранъ Петіонъ, человѣкъ въ сущности ограниченный, но игравшій важную роль въ клубѣ якобинцевъ, по крайнимъ мнѣніямъ и по дружбѣ съ Робеспьеромъ. Строгій въ рѣчахъ, снисходительный на дѣлѣ, онъ приходился какъ разъ по плечу жирондистамъ, которые могли эксплоатировать его вліяніе, пріобрѣтенное посредственностью и демократическими выходками, очаровавшими большинство буржуазіи и народа. Прокуроромъ коммуны былъ выбранъ Манюэль, помощникомъ его—Дантонъ.

Кого же дворъ выставилъ противъ такихъ людей? Кто были министры, назначенные бороться съ геніемъ революціи, съ краснорѣчіемъ и патріотизмомъ ея защитниковъ? Графъ Нарбоннъ, ловкій придворный, креатура мадамъ Сталь, пріятный собесѣдникъ, но ничтожный министръ; Бертранъ де Мольвиль яростный роялистъ, не отступавшій ни передъ какими средствами; остальные были нерѣшительные, умѣренные конституціоналисты, кромѣ Кайе де Жервиля, который считалъ себя республиканцемъ, хотя ненавидѣлъ клубы и любилъ короля.

VII.

Эмиграція увеличивалась. Армія принцевъ въ Кобленцѣ скоро дошла до 13 т. человѣкъ. Угрозы, дипломатическія интриги, памфлеты сыпались оттуда дождемъ на Францію. Король явно не одобрялъ ихъ, втайнѣ покровительствовалъ, давалъ деньги, вступалъ въ сношеніе съ другими державами, умоляя составить вооруженный конгрессъ, извиняясь въ принятіи конституціи. Вотъ что писала Марія Антуанетта къ императрицѣ Екатеринѣ II: «Король согласился на конституцію не потому, чтобъ находилъ ее хорошей или удобной, но чтобъ спасти королевство отъ несчастій и волненій еще большихъ, которыя люди партіи не упусти-

ли бы случая приписать его отказу. Онъ согласился притворно, надѣясь, что случай позволитъ ему показать ея недостатки и невозможность къ примѣненію. Онъ согласился наконецъ потому, что былъ въ совершенномъ невѣденіи относительно расположенія къ нему другихъ государей.

Эмиграція вынудила наконецъ противъ себя строгія мѣры. Инаръ доходилъ до паооса. Какъ? Мы разрушили дворянство и не накажемъ начальниковъ бунтовщиковъ? восклицаетъ онъ. А! я вижу эти пустые призраки не перестали устрашать васъ... долгая безнаказанность великихъ преступниковъ можетъ сдѣлать народъ палачемъ: гнѣвъ народа часто бываетъ только страшнымъ дополненіемъ молчанія закона... Пусть же управляетъ законъ, пусть раздается его громовый голосъ, пусть, не различая ни сана, ни титула, онъ будетъ неумолимъ какъ смерть нарящая надъ своей добычей... Нація должна бодрствовать постоянно, потому что ни деспотизмъ, ни аристократія не имѣютъ ни сна, ни смерти; если народъ заснетъ хоть на мигъ,—онъ проснется окованнымъ!.. Я утверждаю, что еслибъ небесная молнія была въ рукахъ людей, я желалъ бы, чтобъ она поразила всѣхъ, кто покушается на свободу народовъ!.. Верньо былъ не менѣе грозенъ и увлекателенъ. Другіе жирондисты поддержали его—и декретъ прошелъ. Принцевъ приглашали возвратиться, угрожая въ противномъ случаѣ потерей правъ. Французы, собравшіеся за границей, были объявлены подозрительными; имъ предписывалось разсѣять свои сборища подъ опасеніемъ смертной казни за неповиновеніе; тому же наказанію подвергались возбуждавшіе къ побѣгамъ.

Вслѣдъ затѣмъ былъ изданъ другой декретъ, обязывавшій духовныхъ принести въ теченіе 8 дней присягу въ повиновеніи націи закону и королю. Ослушники подвергались лишенію содержанія, а въ случаѣ возбужденія волненій—двухлѣтнему заключенію.

Оба эти декрета были обязаны появленіемъ своимъ могучему краснорѣчію жирондистовъ, хотя они въ то время не составляли еще партіи подъ этимъ именемъ.

Вопросъ объ эмиграціи былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о войнѣ. Непріязненныя приготовленія Пруссіи и Австріи, угрожающее положеніе Швеціи и Россіи, ненависть Питта, брошюра Бьюрке, призывавшая къ оружію Европу — все представляло неизбѣжность войны. Ее желали всѣ, но по разнымъ причинамъ. Дворъ былъ противъ наступательной войны: онъ надѣялся собрать армію подъ

предлогомъ подавить движеніе эмигрантовъ и союзниковъ ихъ мелкихъ германскихъ владѣтелей. Собравъ армію, король могъ издавать пышныя прокламаціи, явиться въ лагерь, пріобрѣсти расположеніе генераловъ, подкупить солдатъ подарками и ласковымъ обращеніемъ... Эмигранты, напротивъ, требовали страшной и общей войны: они подъ тяжестью старой Европы надѣялись задушить порывы молодой Франціи... Мнѣнія жирондистовъ и монтаньяровъ раздѣлились. Бриссо присоединился къ конституціонной партіи; Робеспьеръ требовалъ сперва усмиренія внутреннихъ непріятелей и потомъ войны во имя принциповъ; онъ боялся не возвращенія прежняго порядка вещей, но торжества приверженцевъ англійской конституціи съ ея двумя палатами; поэтому онъ совѣтовалъ недовѣрять ни министрамъ, ни придворнымъ генераламъ: онъ какъ будто предугадывалъ планы двора и предвидѣлъ военную диктатуру. Только въ солидарности народовъ видитъ онъ спасеніе, и эти идеи, изложенныя имъ въ «декларацiи правъ человѣка» проведены послѣдовательно въ его рѣчи: во всѣхъ людяхъ онъ видитъ братьевъ; всѣ они должны помогать другъ другу, какъ граждане одного государства; кто притѣсняетъ одну націю—притѣсняетъ всѣхъ!... Аристократы и тираны, кто-бъ они не были, ни что иное какъ возмутившіеся рабы противъ владыки земли—человѣческаго рода, противъ законодателя вселенной—природы.

Рѣчь Инара лучше всего показываетъ состояніе умовъ крайней партіи. Путь оружія, говоритъ онъ,—единственное средство противъ бунтовщиковъ!.. Наши противники—враги конституціи: они хотятъ мечемъ и голодомъ ввести къ намъ парламенты и дворянство, увеличить прерогативы короля, человѣка, который одинъ парализируетъ волю цѣлой націи, который поглощаетъ тридцать милліоновъ, въ то время какъ общественная казна въ печальномъ положеніи! Они хотятъ парламентовъ, которые продавали правосудіе, дворянства—которое въ безумной и варварской гордости не считало гражданъ людьми... Возвысимся въ этомъ случаѣ на высоту нашей миссіи! Заговоримъ съ министрами, съ королемъ, съ Европой съ приличной твердостью!.. Скажемъ королю, что его польза защищать конституцію, что его корону хранитъ этотъ священный палладіумъ, что онъ царствуетъ по волѣ народа и для народа, что онъ подданный его и закона!.. Скажемъ Европѣ, что если кабинеты возбуждаютъ королей къ войнѣ противъ народовъ, мы возбудимъ народы къ войнѣ противъ королей! Скажемъ, что сраженія націй по волѣ деспотовъ уподобляются ударамъ, которые два друга, по внушенію коварнаго подстрекателя, наносятъ одинъ другому въ темнотѣ!..

VIII.

Война была рѣшена. Королю и королевѣ назначили суммы на устройство военнаго и придворнаго штата. Всѣ реакціонеры, авантюристы, бреттёры поспѣшили вступить въ королевскую гвардію. Кромѣ того роялисты подъ рукой собирали шайки отставныхъ солдатъ, приверженныхъ къ прежнему порядку вещей, такъ что сила королевскихъ войскъ, включая въ то число Швейцарцевъ, перешла за 10 т. человѣкъ.

Эта сила внушила роялистамъ высокое мнѣніе объ ихъ могуществѣ: они сдѣлались дерзки и заносчивы; придирались ко всякому случаю, чтобъ вызвать на дуэль, и, въ особенности, буйствовали въ театрахъ: какъ скоро патріоты были въ меньшинствѣ, такъ подвергались оскорбленіямъ. Роялистскіе журналы сдѣлались рѣзче и смѣлѣе; неизвѣстные подстрекатели волновали народъ, что было весьма легко, потому что дороговизна достигла до неслыханной степени; взаимное довѣріе исчезло; торговля упала; мѣсто ея заняла спекуляція, игорные дома размножились съ невѣроятной быстротой (около 4 т.); рабочіе были поставлены въ безвыходное положеніе: имъ не давали работы ни аристократія, ни буржуазія, если только они были искренно привязаны къ демократіи,—но при всемъ томъ народъ не терялъ бодрости...

Вліяніе жирондистовъ сдѣлало министрами Дюмурье, Клавьера, Сервана и Роланда. Первый былъ честолюбивый авантюристъ безъ всякихъ убѣжденій, на все смотрѣвшій съ улыбкой циническаго презрѣнія; но смѣлость, доходившая до геройства, блестящія военныя дарованія, политическій тактъ, дѣлавшій изъ него замѣчательнаго дипломата, служили противовѣсомъ дурнымъ сторонамъ его характера. Въ немъ соединялись удивительнымъ образомъ грубый цинизмъ солдата и изящныя манеры образованнаго человѣка; волокитства и буйныя оргіи занимали его досуги, и, не смотря, на то онъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе якобинцевъ.

Клавьеръ славился какъ экономистъ. Всѣ финансовыя статьи Мирабо были дѣломъ рукъ его; впослѣдствіи онъ принималъ дѣятельное участіе въ вопросѣ объ ассигнаціяхъ.

Серванъ былъ энергическій якобинецъ, твердый въ убѣжденіяхъ,

нерасположенный служить чьей нибудь игрушкой. Дюмурье было неприятно иметь его товарищемъ.

Новое министерство держалось не долго: предложенiе Сервана о собранiи подъ Парижемъ лагеря въ 20 т. человѣкъ разсердило короля; съ устройствомъ этого лагеря контръ-революцiя дѣлалась невозможной. Другой декретъ о высылкѣ не присягнувшихъ священниковъ встрѣтилъ такое же неодобренiе со стороны его; между тѣмъ Роландъ настаивалъ на утвержденiи...

Слѣдствiемъ была отставка жирондистскихъ министровъ, кромѣ Дюмурье, который сдѣлался главой новаго кабинета съ условiемъ, впрочемъ, чтобъ Людовикъ утвердилъ предложенные декреты. Но едва онъ окомпрометировалъ себя, какъ король, предположивъ, что держитъ его совершенно въ своей власти, отказался отъ выполненiя условiя... Дюмурье понялъ, что попался въ ловушку, и вышелъ въ отставку... Дворъ былъ такъ увѣренъ въ своей силѣ, что королева отвергла даже совѣты Барнава, который хотѣлъ, чтобъ штабъ предполагаемыхъ войскъ составили изъ ложныхъ якобинцевъ.

Что же дѣлало дворъ такъ самонадѣяннымъ? Въ чемъ зключались его силы?

Кампанiя началась подъ неудачными для Францiи предзнаменованiями. Неудачи подъ Монсомъ и Турнэ; начальство надъ армiей, довѣренное Лафайетту, Лукнеру и Рошанбо, генераламъ фельянтизма (*); посольство Малье Дюпана къ прусскому королю съ проектомъ манифеста коалицiи; система подкуповъ зрителей въ собранiи; совѣты Шенье, убѣждавшаго прибѣгнуть къ строгимъ и энергическимъ мѣрамъ; ссора между жирондистами и монтаньярами—вотъ на что расчитывала королевская партiя.

Изъ всѣхъ этихъ причинъ основательная была только послѣдняя: ничто не было такъ пагубно для свободы какъ междоусобiе между ея дѣтьми, тѣмъ болѣе, что все дѣло шло объ удовлетворенiи тщеславiя.

Жирондисты, оскорбленные влiянiемъ Робеспьера, начали войну въ клубѣ якобинцевъ. Бриссо и Гюаде обвиняли его въ стремленiи къ диктатурѣ, въ происках. Защиту Робеспьера приняли Дантонъ, Мара, Гебертъ, Демулэнъ... Взаимныя обвиненiя посыпались градомъ. Вражда еще болѣе усилилась полемикой, которую открылъ Андрей Шенье

(*) Feuillants. Монахи бернардинскаго ордена. Клубъ умѣренныхъ, помѣщавшiйся въ большемъ монастырѣ, назывался фельянтинскимъ.

сперва въ парижскомъ журналѣ, потомъ въ дополненіи къ нему (*). Этотъ талантливый писатель принадлежалъ къ партіи самыхъ умѣренныхъ конституціоналистовъ. Въ 91 году онъ явился въ числѣ кандидатовъ въ члены законодательнаго собранія, но не получилъ достаточнаго количества голосовъ. Съ этого времени ненависть его къ господствующей партіи усилилась; онъ еще тѣснѣе сблизился съ Пасторе и другими фельантистами. Праздникъ въ честь возвращенія Швейцарцевъ, сосланныхъ на галеры за сопротивленіе Булье, возбудилъ весь гнѣвъ его мстительной музы. Нападки на клубы и Бриссо возобновились. Якобинцы отвѣчали въ лицѣ М. Ж. Шенье, брата поэта...

Раздоръ еще болѣе усилился письмомъ Лафайетта изъ лагеря отъ 16 іюня. Въ этомъ письмѣ онъ говорилъ объ отставкѣ Дюмурье, какъ о дѣлѣ извѣстномъ, и давалъ совѣты собранію тономъ повелителя, требуя уничтоженія клубовъ... Въ это же время пришло извѣстіе о королевскомъ *veto* относительно лагеря подъ Парижемъ и высылки не присягнувшихъ священниковъ. Слѣдствіемъ этихъ раздоровъ было вторженіе народа въ Тюильри 20 іюня.

Недобросовѣстность короля давно внушала подозрѣніе собранію и якобинцамъ; давно уже они принимали мѣры къ охраненію революціи. Въ министерство Роланда явились журналы-афиши, приклеивавшіеся на углахъ улицъ и на площадяхъ. Двигатели народныхъ волненій были призваны, имъ дали наставленія... Петіонъ зналъ обо всемъ, но покровительствовалъ движенію, потому что сочувствовалъ ему; Сантерръ, пивоваръ предмѣстья св. Антуана, добродушный, честный буржуа, явился однимъ изъ ревностнѣйшихъ агитаторовъ.

Изъ всѣхъ показаній объ этомъ днѣ видно, что народъ не имѣлъ въ виду никакого злаго умысла. Вся цѣль его состояла въ томъ, чтобъ заставить короля утвердить декреты собранія, показавъ ему, что это общее желаніе.

Нѣкоторые писатели утверждаютъ, что толпа намѣревалась убить Лудовика, но это несправедливо: если бы такое намѣреніе дѣйствительно существовало, его легко можно было бы выполнить, выстрѣливъ въ короля изъ пистолета.

(*) Supplement. Прибавленіе къ journal de Paris, въ которомъ печатались объявленія; въ немъ можно было помѣщать и статьи, но съ платой за нихъ какъ за объявленія.

Этотъ урокъ нисколько не послужилъ въ пользу Лудовику. Мѣры, принятыя имъ, казались такъ вѣрными, что королева разрушила намѣреніе Лафайетта произвести контръ-революцію, извѣстивъ Петіона, что генералъ хочетъ на смотру поколебать вѣрность національной гвардіи.

Между тѣмъ Лафайеттъ, удалившись въ армію, не оставлялъ своего плана: составивъ себѣ партію, онъ приглашалъ короля въ Компьенъ, увѣряя его, что тамъ онъ будетъ подъ защитой арміи; въ то же время онъ сдѣлалъ тайныя распоряженія объ очищеніи Бельгіи... Народъ пришелъ въ негодованіе; отечество было объявлено въ опасности; сдѣлали воззваніе къ волонтерамъ. Болѣе 600 т. записалось до конца марта.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, но Лудовикъ не понималъ своего безсилія и не хотѣлъ войдти въ сношенія съ жирондистами, которые предлагали ему поддержку, съ тѣмъ чтобъ онъ возвратилъ уволенныхъ министровъ. Онъ надѣялся восторжествовать съ помощью Пруссіи и Австріи. Марія Антуанета считала минуты, когда союзники будутъ въ Парижѣ, когда можно будетъ предаться мщенію...

Федералисты мало-по-малу стали сбираться... Съ береговъ Ѳкеана и Средиземнаго моря явились толпы защитниковъ революціи. Смѣлые и непреклонные въ убѣжденіяхъ, они съ жаромъ приняли сторону народа. Съ прибытія Марсельцевъ стали поговаривать о низложеніи короля. Планъ атаки былъ составленъ. 10 августа назначено для исполненія.

Дворъ съ своей стороны тоже не дремалъ и принялъ заблаговременно всѣ мѣры обороны.

IX.

Десятое августа низвергнуло королевство. Власть перешла въ руки новой коммуны, образовавшейся въ этотъ день. Дантонъ сдѣлался однимъ изъ министровъ. Демократическое движеніе получило сильный толчекъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго правительства было уничтоженіе различія между гражданами активными и пассивными. Вслѣдъ затѣмъ оно замѣнило слово *monsieur* словомъ *citoyen*, отправило

2 т. волонтеровъ въ Руанъ сражаться съ роялистами; приказало лить изъ колоколовъ пушки, старалось поддержать патріотизмъ всѣми силами... Но въ то же время коммуна арестовала множество лицъ прикосновенныхъ къ заговору короля. Народъ былъ раздраженъ потерями, понесенными при штурмѣ дворца, и требовалъ отмщенія.

Были наряжены особая слѣдственная коммиссія и уголовный судъ. Въ первые дни казнено 7 человѣкъ; впослѣдствіи судьи, устрашенные многочисленностью виновныхъ, видя, что въ дѣлѣ замѣшаны даже многіе изъ членовъ собранія, сдѣлались снисходительнѣе: нѣсколько человѣкъ было оправдано безъ всякой побудительной причины. Народъ ропталъ; со всякимъ днемъ прибавлялись новые предлоги къ неудовольствію. Перечислимъ важнѣйшія.

1) Были публикованы документы, доказывавшіе, что Лудовикъ хотѣлъ разрушить конституцію, что онъ помогалъ принцамъ деньгами, что печаталъ на свой счетъ рядъ брошюръ не только противъ якобинцевъ, но и противъ собранія.

2) Открылась измѣна Лафайетта и его сообщниковъ; хотя имъ не удалось увлечь за собой армію, тѣмъ не менѣе измѣна ихъ имѣла пагубныя послѣдствія для Франціи—непріятель перешелъ границу.

3) Положеніе арміи Дюмурье было ужасно: онъ имѣлъ не болѣе 23 т. противъ 80; дисциплина въ его войскѣ была подорвана: солдаты подозрѣвали офицеровъ, офицеры недовѣряли солдатамъ.

4) Въ Парижѣ разнесся слухъ, что собраніе намѣрено переселиться въ Блуа.

5) Въ городѣ распространилось множество фальшивыхъ ассигнацій; фабрикація ихъ производилась въ тюрьмахъ.

6) Домовый обыскъ въ Парижѣ въ послѣднихъ числахъ августа показалъ, что въ городѣ скрываются многіе роялисты: было арестовано около 3000 человѣкъ и найдено до 2000 ружей.

7) Одинъ преступникъ Жанъ Жюльенъ объявилъ на эшафотѣ, что онъ скоро будетъ отмщенъ, что въ слѣдующую ночь заключенные выйдутъ изъ тюремъ, перерѣжутъ часовыхъ и зажгутъ Парижъ.

8) Явилась прокламація министровъ, объявляющая, что между народомъ находятся измѣнники, затрудняющіе дѣйствія правительства.

9) 27 августа, когда поминали убитыхъ при взятіи Тюильри, народъ былъ взволнованъ горестными воспоминаніями; онѣ еще увеличились, когда стало извѣстно, что роялисты сняли ночью одежды съ изображеній свободы и закона.

10) Медленность и несправедливость судовъ, очевидно желавшихъ узнать на чьей сторонѣ останется побѣда.

11) Статьи Мара, совѣтовавшаго народу оказать самому правосудіе.

Все это ясно показывало, что безъ народнаго взрыва не обойдтись. Что оставалось дѣлать коммунѣ? Дать болѣе правильный и быстрый ходъ правосудію? Но въ такомъ случаѣ около половины собранія навѣрно было бы обвинено; а что сдѣлалъ бы народъ, узнавъ, что половина его представителей—измѣнники? Весьма вѣроятно, что дѣло кончилось бы избіеніемъ ихъ, а это могло возбудить междоусобную войну... Воспрепятствовать народному взрыву вооруженной силой?—Но это значило явиться защитникомъ измѣнниковъ, повторить кровавыя сцены Марсова поля, и кто знаетъ, можетъ быть пасть при всеобщихъ проклятіяхъ вслѣдствіе несвоевременнаго милосердія и тупоумной благонамѣренности... Не таковы были демократическіе герои XVIII вѣка; они приносили въ жертву отечеству не только свою жизнь, но и репутацію. Дантонъ, Робеспьеръ, Мара видѣли необходимость пожертвовать нѣсколькими роялистами, чтобъ предупредить большія бѣдствія.

Принимая на себя отвѣтственность за это дѣло, Дантонъ оставался вѣренъ своему характеру. Человѣкъ рѣшительныхъ мѣръ, онъ не зналъ колебаній въ минуту опасности, но онъ былъ чуждъ хладнокровной безполезной жестокости и, предчувствуя быстрое проявленіе народнаго гнѣва, принялъ всѣ мѣры, чтобъ уменьшить его дѣйствіе.

Прежде всего онъ велѣлъ вывести изъ тюремъ всѣхъ заключенныхъ за долги, а также и тѣхъ, которые не были заключены за преступленія противъ націи. Потомъ, онъ занялся образованіемъ шаекъ убійцъ изъ такихъ людей, которыми можно было управлять, тогда какъ слѣпая ярость народа могла принести въ жертву правыхъ и виноватыхъ безъ различія. Устроивъ все такимъ образомъ, Дантонъ рѣшился тянуть дѣло до послѣдней крайности, надѣясь, что народъ, можетъ быть, успокоится; между тѣмъ онъ не переставалъ выпускать изъ тюремъ наименѣе виновныхъ.

Неожиданный случай ускорилъ развязку.

Въ Парижѣ 1-го сентября пришло извѣстіе, что Верденъ осажденъ. Коммуна объявила, чтобы волонтеры на другой день выступили въ походъ. Они готовы были повиноваться, но опасались за свои семейства, оставленныя на произволъ роялистовъ, — пагубный доносъ Жюльена случился въ этотъ день.

Въ такомъ положеніи находились умы, когда 2-го сентября, ча-

са въ два по полудни, показалось нѣсколько каретъ, которыя заключали въ себѣ священниковъ, назначенныхъ въ ссылку. Эти кареты медленно подвигались къ аббатству (*) въ сопровожденіи федералистовъ, посреди брани и угрозъ народа. Одному изъ священниковъ надоѣло слушать ругательства, и онъ, высунувшись изъ кареты, ударилъ какого-то федералиста палкой. Тотъ отвѣчалъ ударомъ сабли. Это послужило сигналомъ къ убійству. Толпа ворвалась во дворъ; нѣкоторые священники хотѣли бѣжать, но были умерщвлены. Аббату Сикару угрожала такая же участь, но какъ только узнали, что онъ наставникъ глухо-нѣмыхъ—онъ былъ пощаженъ.

Едва извѣстіе объ этомъ достигло въ наблюдательный комитетъ (de surveillance), какъ Паннсъ и Сержанъ написали указъ, которымъ предписывалось народу судить заключенныхъ прежде умерщвленія...

Надо отдать справедливость, судъ этотъ производился съ рѣдкимъ безпристрастіемъ: убивали не за мнѣнія, но за участіе въ заговорѣ противъ народа, за убійство, за поддѣлку ассигнацій... Многіе роялисты, откровенно высказавшіе свой образъ мыслей, были пощажены, также какъ и Швейцарцы, не участвовавшіе въ защитѣ Тюильри...

Всѣ вещи, найденныя у убитыхъ, были въ сохранности переданы тюремному управленію...

Въ такомъ видѣ представляются намъ сентябрскія убійства. Разсмотрѣвъ документы, относящіеся къ этому дѣлу, мы нашли, что планы Дантона были извѣстны обѣимъ партіямъ, и хотя обѣ онѣ впослѣдствіи отталкивали отъ себя участіе въ этомъ преступленіи, приписывая его другъ другу, но самое это обстоятельство лучше всего показываетъ, что только стеченіе неодолимыхъ обстоятельствъ могло заставить ихъ рѣшиться на эту печальную необходимость. Если кто виноватъ въ сентябрскихъ убійствахъ, то развѣ роялисты, которые своимъ фанатизмомъ и несвоевременными попытками довели народъ до отчаянія, такъ что революціонному правительству оставалось только или погибнуть вмѣстѣ съ ними, или навлечь на себя проклятія цѣлой Европы!

X.

21 сентября конвентъ провозгласилъ республику. Революція сдѣлала шагъ впередъ. Жирондисты оказались умѣренными; новая партія ста-

(*) Названіе одной изъ парижскихъ тюремъ.

ла во главѣ движенія: Дантонъ, Робеспьеръ, Мара, Манюэль, Демулэнъ, Бильо–Варенпь, Колло-д'Эрбуа были важнѣйшіе члены ея, къ нимъ присоединились Леба, Лебонъ, Карье, Камбасересъ и Сенъ–Жюстъ.

Сенъ–Жюстъ былъ сынъ стараго солдата, дослужившагося до капитана; онъ родился въ 1767 году; первое образованіе получилъ въ ораторіанской коллегіи; потомъ учился юридическимъ наукамъ въ Реймсѣ. Никто не могъ предполагать, чтобъ этотъ кроткій молодой человѣкъ, постоянно задумчивый, съ меланхолическими, темноголубыми глазами, могъ сдѣлаться чѣмъ нибудь замѣчательнымъ. Но эта кротость, это спокойствіе скрывали непреклонную энергію, тотъ холодный фанатизмъ убѣжденія, которымъ отличался Робеспьеръ. Эти меланхолическіе глаза бросали молніи въ минуты опасности. Никогда не измѣняя себѣ, постоянно холодно–вѣжливый, онъ не имѣлъ ни бурнаго краснорѣчія Мара, ни увлекательной смѣлости Дантона; но за то въ его рѣчахъ была неодолимая логика и та сила, которую невольно даетъ глубокое убѣжденіе.

Раздѣляя гуманныя ученія философіи XVIII вѣка, онъ невольно былъ приведенъ къ отрицанію ихъ на дѣлѣ; онъ видѣлъ, что ни свобода, ни равенство не могли укрѣпиться при тѣхъ препятствіяхъ, какія встрѣчали на каждомъ шагу, и потому сталъ на сторону диктатуры. Поколѣніе, назначенное провести идеи революціи, должно было сгорѣть въ ея страшномъ пламени; оставалось предохранить отъ этой участи поколѣнія послѣдующія. Благонамѣренность и полумѣры губили Францію; чтобъ спасти ее, надо было дѣйствовать быстро и энергически. Другъ народа, онъ тѣмъ не менѣе смотрѣлъ строго на его недостатки; поклонникъ личной свободы въ теоріи, онъ все приноситъ въ жертву государству; изученіе древности не осталось для него безъ вліянія,—слѣды Платона и стоиковъ обнаруживаются въ его сочиненіи: «Духъ революціи и конституція во Франціи». Чтобъ дать нѣкоторое понятіе объ его образѣ мыслей, представимъ нѣсколько отрывковъ изъ этого сочиненія и изъ его «Уставовъ» Les institutions republicaines.

«Все исходитъ отъ народа и все къ нему возвращается... Ничего нѣтъ пріятнѣе для уха свободы, какъ шумъ и крики народныхъ собраній: тамъ являются великіе умы, благородныя чувства, тамъ обличаются пороки, сіяетъ добродѣтель и ложь бѣжитъ передъ истиной... Равнодушіе къ отечеству и эгоизмъ—источникъ всѣхъ бѣдствій... Та

нація, которая могла бы обойдтись безъ солдатъ и чиновниковъ, была бы самой благоразумной... Когда народъ употребляетъ силу—онъ наказываетъ преступленія только неловкія, онъ дѣлаетъ мошенниковъ хитрѣе... Руссо, ты ошибаешься! Когда преступленія умножаются—надо измѣнить законы. Стѣсненіе только укрѣпляетъ зло; всѣ пренебрегаютъ закономъ, не остается ни одного безпристрастнаго судьи; страна управляется жандармами, чиновниками, сыщиками—гдѣ же свободные люди?.. Если народъ разрушилъ злоупотребленія—образуется республика; если государь—деспотизмъ. Народъ, который любитъ завоеванія, любитъ славу и презираетъ законы. Кто не уважаетъ чужую свободу, тотъ не дорожитъ своей... Въ тираніи только для одного человѣка существуетъ свобода, только онъ одинъ составляетъ отечество... Гдѣ много законовъ, тамъ народъ находится въ рабствѣ. Законъ не можетъ освятить деспотизмъ: деспотизмъ есть тяготѣніе надъ народомъ чуждой воли... Правительство слабое тяжело для массы, члены его свободны, народъ—нѣтъ. Сильное правительство притѣснительно только тогда, когда несправедливо»...

Въ остальныхъ частяхъ своихъ Уставовъ онъ сходится отчасти съ соціалистами, отчасти съ Руссо. Онъ желаетъ уничтоженія политическихъ границъ, уничтоженія частныхъ мастерскихъ, подати только съ дохода, раздѣленія государственной собственности между бѣдными, оффиціальной религіи, общаго воспитанія, непозволенія разводиться.

Эти противорѣчія показываютъ яснѣе всего то вліяніе, подъ которымъ воспитывались лучшіе люди XVIII вѣка: съ одной стороны положеніе общества говорило, что надо дѣлать; съ другой — понятія, пріобрѣтенныя на школьной скамейкѣ спутывали жизнь. Событія шли такъ быстро, что не давали времени одуматься; надо было дѣйствовать, а не размышлять; отсюда является непослѣдовательность между словами и дѣйствіями Робеспьера и Сенъ-Жюста, между поступками и характеромъ Дантона; надо было измѣняться сообразно съ обстоятельствами: просвѣщать народъ и въ то же время возбуждать его страсти. быть человѣкомъ партіи и человѣкомъ прогресса—а многіе-ли изъ революціонныхъ героевъ были способны къ этому? Они не дорожили жизнью, но убѣжденія были для нихъ святыней; судъ потомства казался для нихъ страшнѣе гильотины; идеалы, завѣщанные древностью, непогрѣшимыми; желаніе добра, авторитетъ римскихъ писателей съ ихъ грандіозными понятіями о государствѣ, окончательно из-

вратили стремленія лучшихъ представителей народа: они заглушили въ себѣ голосъ чувства; они сдѣлались автоматами идеи; они были велики, пока эта идея была современна; они падали, какъ только проходила ея пора. Прибавьте къ этому, что они были большей частью адвокаты, что геній революціи не могъ разрушить въ нихъ совершенно предубѣжденій, всосанныхъ съ молокомъ, что они придавали огромную важность мелочамъ,—вы поймете, почему эти люди въ вѣчномъ колебаніи съ самими собой, въ вѣчномъ разладѣ съ дѣйствительностью, въ вѣчномъ стремленіи къ отдаленному будущему должны были пасть. Они были слишкомъ добросовѣстны, чтобъ вступить въ соглашенія съ какими нибудь интриганами; въ нихъ было слишкомъ много страсти и энергіи, чтобъ склониться передъ какими нибудь уступками. Какъ скоро духъ времени показывалъ имъ возможность осуществленія какой либо доли ихъ программы, они думали осуществить цѣлую теорію. Люди, понимавшіе настоящее положеніе дѣлъ, стояли одиноко или подвергались всѣмъ преслѣдованіямъ партій, какъ скоро переставали служить имъ; частные виды заставляли забывать ихъ заслуги, заставляли смотрѣть неблагопріятно на ихъ поведеніе, побуждали стремиться къ ихъ погибели...

XI.

Короля не стало. Жирондисты господствовали въ собраніи. Ихъ порывистое краснорѣчіе, ихъ смѣлость увлекали нерѣшительныхъ, составляющихъ обыкновенно большинство въ собраніяхъ, и они большей частью одерживали верхъ въ парламентскихъ преніяхъ; слова ихъ противниковъ пропадали въ шумѣ и восклицаніяхъ правой стороны и центра. Стоило появиться Мара на трибунѣ—неистовые крики раздавались со стороны ихъ партіи. Не довольствуясь такимъ торжествомъ, они хотѣли уничтожить вліяніе Робеспьера и Дантона, вліяніе журналистики противной ихъ партіи. Духъ буржуазіи сталъ невольно прорываться сквозь республиканскія формы. Главнѣйшія преслѣдованія были обращены противъ Мара и Гебера. Комитетъ двѣнадцати (comité de Douze) возникшій по желанію жирондистовъ, обнаруживалъ стремленіе превратиться въ венеціанскій «совѣтъ десяти». Народное терпѣніе истоща-

лось; монтаньяры и коммуна естественно должны были соединиться для ниспроверженія партіи, угрожавшей ихъ существованію. Неблагоразумные жирондисты дѣлали на каждомъ шагу промахи. Вооруживъ противъ себя Мара, они вооружили также Робеспьера, Дантона и Демулэна, обвиняя первыхъ въ стремленіи къ диктатурѣ, второго въ сообщничествѣ съ Дюмурье... Вмѣстѣ съ тѣмъ они выдумывали разные слухи о заговорахъ противъ себя, требовали департаментской стражи и угрожали Парижу разрушеніемъ, если съ ихъ головы упадетъ хоть волосъ...

Слѣдствіемъ этихъ нападеній была убійственная брошюра Демулэна: Исторія Бриссотинцевъ, и образованіе революціоннаго комитета въ Парижѣ подъ руководствомъ Мара. Народное волненіе скоро достигло огромныхъ размѣровъ. Конвентъ былъ окруженъ вооруженными толпами; депутація отъ частей Парижа требовала уничтоженіе комитета двѣнадцати и обвинительнаго акта противъ двадцати двухъ. Желаніе это было исполнено... Подозрѣваемые депутаты подверглись домашнему аресту... Большая часть арестованныхъ бѣжала въ провинціи и возбудила ихъ противъ Парижа. Семьдесятъ департаментовъ было въ возстаніи. Роялисты умѣли воспользоваться раздоромъ между революціонерами и прикинулись жирондистами. Въ Ліонѣ ихъ партія закрыла якобинскій клубъ, овладѣла городскимъ управленіемъ и преслѣдовала патріотовъ. Корсика возстала; Бордо, Марсель, Каенъ—также; роялисты одержали блистательную побѣду подъ Сомюромъ; Конде, Валансьеннъ, Майнцъ, Лилль были осаждены, Испанцы перешли границу; флотъ ихъ соединился съ англійскимъ и крейсировалъ около Тулона; французскія арміи, противопоставленныя непріятелю, не имѣли ни одежды, ни продовольствія—казалось, республика должна была пасть, но люди, управлявшіе ея судьбами, не потеряли присутствія духа и спасли ее...

Первый ударъ жирондѣ нанесла безразсудная поспѣшность генерала Вимпфена, обнаружившаго свои роялистскіе замыслы. Большинство республиканцевъ сейчасъ же отдѣлилось отъ него; сами жирондисты были настолько честны, что отступили передъ его предложеніемъ вступить въ переговоры съ Англіей. Войска, выступившія противъ маленькой арміи парижанъ, разсѣялись безъ сраженія; департаментъ жиронды покорился, увидѣвъ, что былъ обманутъ, насчетъ цѣли войны. Другіе департаменты слѣдовали его примѣру. Захваченные жирондисты были присланы въ Парижъ; они могли еще надѣяться на

снисхожденіе; прежнія заслуги ихъ не были забыты; Сенъ-Жюстъ составилъ довольно умѣренный докладъ—и вдругъ вся надежда исчезла; страсти вспыхнули съ новой силой: Мара палъ подъ ножемъ Шарлотты Кордэ.

По рожденію она принадлежала къ дворянству; два брата ея эмигрировали, но она не раздѣляла ихъ идей; Руссо и Рейналь были любимые ея авторы, хотя она воспитывалась въ монастырѣ. Неопытная, славолюбивая, знающая революцію только по слуху, она увлеклася краснорѣчіемъ жирондистовъ и думала освободить родину отъ бѣдствій, умертвивъ Мара. Выбравъ его жертвой, она инстинктивно отгадала его вліяніе, но не поняла пагубнаго значенія его смерти для Франціи. Это былъ единственный человѣкъ, способный доставить народу перевѣсъ, не прибѣгая къ безполезнымъ жестокостямъ; если иногда подозрительность завлекала его слишкомъ далеко, то надо помнить, что только подозрительный народъ можетъ сохранить свою независимость. Болѣе 300 предсказаній Мара осуществилось—какого лучше доказательства вѣрности его политическаго взгляда. Ему были обязаны монтаньяры торжествомъ своимъ надъ жирондистами; онъ постоянно противился вліянію военной аристократіи на судьбы государства и всегда стремился подчинить генераловъ представителямъ; онъ, можно сказать, предчувствовалъ, что военный деспотизмъ возникнетъ на развалинахъ республики, но пока онъ былъ живъ, онъ считалъ это невозможнымъ; онъ старался политически воспитать народъ, приготовить его къ поголовному возстанію при первомъ признакѣ похищенія власти. Онъ не искалъ ложной популярности и всегда былъ врагомъ тѣхъ крайностей, которыя унижаютъ величіе народа.

Шарлотта Кордэ не смутилась ни передъ судомъ, ни передъ смертью; отвѣты ея были горды и рѣзки; она ни на минуту не потеряла спокойствія, но мы осмѣливаемся думать, что это была натяжка: не надѣясь избѣгнуть отъ гильотины, она хотѣла по крайней мѣрѣ удовлетворить своему славолюбію. На допросѣ она показала, что хотѣла убить Мара въ конвентѣ, надѣясь, что народъ растерзаетъ ее, и такимъ образомъ родные не узнаютъ объ ея участи, а между тѣмъ у ней нашли воззваніе къ Французамъ и свидѣтельство о крещеніи. Сверхъ того она открыто говорила, что лгать передъ тиранами позволительно, что всѣ средства хороши для достиженія цѣли. Кто знаетъ, можетъ быть ея политическій фанатизмъ простирался до того, что она смертью хотѣла найдти новыхъ приверженцевъ своей партіи?

Женщины революціи безтрепетно разставались съ жизнью. Слава и отечество были ихъ идеалами!

Мечтанія Шарлотты не исполнились: она увлекла за собой жирондистовъ.

Останки Мара были перенесены въ Пантеонъ. Бюстъ его поставили на мѣсто бюста Мирабо.

Жирондисты при допросѣ не показали того величія, какого можно было ожидать отъ нихъ: они путались, отпирались, сваливали вину другъ на друга, но, когда роковой приговоръ былъ произнесенъ, они снова явились тѣми безстрашными бойцами революціи, которые такъ отважно начали свое политическое поприще.

XII.

Между тѣмъ союзныя арміи подвигались. Роялисты предали Англичанамъ Тулонъ. Бунтъ на югѣ укрощался медленно. Парижъ волновали партіи. Арміи страдали отъ поставщиковъ и неспособности и лѣности генераловъ... Заговоры въ Страсбургѣ... Успѣхи вандейцевъ... мильоны фальшивыхъ ассигнацій... Франція находилась въ такомъ положеніи, что ей необходимъ былъ диктаторъ... Коммиссары съ неограниченными полномочіями полетѣли во всѣ концы.

Прибытіе Сенъ-Жюста въ Страсбургъ водворило дисциплину въ арміи: она была снабжена всѣмъ необходимымъ. Нѣсколько примѣровъ строгости и неустрашимость его въ сраженіяхъ привязали къ нему солдатъ. Во все время проконсульства Сенъ-Жюста и Леба ни одна голова не пала въ Страсбургѣ...

Поведеніе Кутона въ Ліонѣ отличалось такой же умѣренностью: онъ отказался разрушить городъ, какъ было ему приказано, и когда конвентъ сталъ настаивать, онъ просилъ, чтобъ его отозвали. Къ несчастью, другіе коммиссары не были такъ человѣколюбивы: короткія лѣтописи ихъ владычества залиты кровью. Карье въ Нантѣ, Тальэнъ въ Бордо, Колло д'Эрбуа и Фуше въ Ліонѣ напомнили самыя печальныя времена французской исторіи. Трусость одного, корыстолюбіе другаго, фанатизмъ третьяго заставили ихъ утрировать законы Террора. Законы эти, давая по своей неопредѣленности почти неограниченную

власть представителямъ, разумѣли добросовѣстность ихъ. Жестокость не была въ характерѣ ни Робеспьера, ни Сенъ-Жюста: они съ негодованіемъ смотрѣли на безполезныя варварства, совершаемыя на югѣ и въ Нантѣ. Несмотря на свое вліяніе въ клубѣ якобинцевъ, Робеспьеръ былъ далеко не всесиленъ въ комитетѣ общественнаго благосостоянія (salut public). Сильная партія гебертистовъ и Бильо-Варенпь, суровый фанатикъ Террора, были противъ него. Гебертисты были крайнимъ выраженіемъ философіи XVIII вѣка: анархія, поклоненіе богинѣ разума, олицетворенной въ актрисѣ Мальяръ, полная свобода страстямъ—вотъ важнѣйшія тенденціи гебертизма. Съ одной стороны онъ соприкасался съ пантеизмомъ Клоца, съ другой—съ ученіемъ коммунистовъ. Успѣхъ его происходилъ отъ ненависти къ духовенству, замѣшанному во всѣхъ интригахъ роялистовъ, или отличавшемуся крайней свободой нравовъ. Народъ привлекала новизна, желаніе повеселиться, авторитетъ Гебера, но онъ не былъ сознательно приготовленъ къ принятію началъ гебертизма. Самъ Геберъ хотѣлъ возвысить клубъ кордельеровъ и коммуну на мѣсто конвента и якобинцевъ. Положеніе Парижа казалось благопріятствовало его видамъ. Мяса почти не было: Вандея прежде доставляла до 600 быковъ еженедѣльно—теперь этотъ источникъ прекратился. Истребленіе луговъ, отобраніе крупы въ общественные магазины скоро истребили остальной рогатый скотъ и домашнихъ птицъ; овощи были свезены въ военные магазины... Къ этому присоединились интриги роялистовъ и скупщиковъ. Многія изъ правительственныхъ лицъ вошли въ эти спекуляціи. Въ то время, когда несчастные работники и беременныя женщины по цѣлымъ часамъ дожидались какого нибудь фунта мяса, въ то время лакеи привиллегированныхъ кліентовъ тащили его пудами. Къ довершенію зла зима 94 года была такъ сурова, что дрова дошли до 400 франковъ за вязанку; вода до 10 су за ведро... Народъ вопіялъ противъ монополистовъ... Гебертъ вздумалъ воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ. Внѣшняя сторона его программы увлекла народъ, но когда увидѣли, что она скрываетъ честолюбивые замыслы, обаяніе исчезло. Сенъ-Жюстъ и Робеспьеръ постоянно были противъ ученія Гебера, оно не нравилось имъ, потому что противорѣчило ихъ воззрѣніямъ, было несвоевременно, могло навлечь на республику новыя бѣдствія: вооружить одну половину Франціи противъ другой, придать вѣсъ клеветамъ распространеннымъ за границей. Дантонъ, не раздѣляя ригоризма ихъ, тѣмъ не менѣе возсталъ противъ гебертизма, какъ поли-

тической партии; Колло д'Эрбуа оставилъ ихъ, Бильо-Варениь также. Политическія попытки ихъ кончились гильотиной.

XIII.

Въ послѣднее время террористы были безжалостны. Казнь постигала не только виновныхъ, но и подозрѣваемыхъ. Гильотина сдѣлалась орудіемъ политическихъ соображеній. Герцогъ орлеанскій погибъ потому, что во Франціи были орлеанисты, хотя противъ него не было никакихъ доказательствъ. Пришла очередь Дантона.

Не смотря на рѣзкость выраженій и смѣлость не знавшую предѣла, сердце этого государственнаго человѣка было всегда доступно всѣмъ нѣжнымъ чувствамъ. Въ продолженіе всей своей карьеры, онъ постоянно стремился къ примиренію партій; онъ хотѣлъ спасти жирондистовъ, онъ нѣсколько разъ останавливалъ раздоры въ клубѣ якобинцевъ; онъ думалъ, что пора Террора прошла, что надо употреблять болѣе мягкія мѣры, потому что непріятель былъ изгнанъ изъ предѣловъ Франціи; Вандея укрощена; жирондистовъ больше не было. Филиппо, Камиллъ Демулэнъ и многіе другіе были того же мнѣнія. Камиллъ Демулэнъ открылъ кампанію 3-мъ нумеромъ «Стараго Кордельера». Впечатлѣніе было громадно. Якобинцы и террористы возстали противъ автора; онъ оправдывался, предлагая уничтожить этотъ нумеръ. Робеспьеръ защитилъ бывшаго товарища, извиняя его молодостью и легкомысліемъ... Оскорбленный такимъ способомъ защиты, Демулэнъ въ свою очередь зацѣпилъ самолюбіе Робеспьера...

Партія дантонистовъ усиливалась; на бѣду къ ней пристали многіе роялисты. Камиллъ, подстрекаемый разными письмами и смѣлостью Дантона, снова сталъ желать комитета милосердія и экономической гильотины; онъ уже приготовилъ седьмой нумеръ своего журнала, отличавшійся необыкновенной смѣлостью нападокъ и силой выраженій, — но этому нумеру не суждено было появиться въ свѣтъ. Камиллъ Демулэнъ, Дантонъ и друзья ихъ были арестованы. Партія Бильо-Варенна поняла, что если Дантонъ восторжествуетъ, злоупотребленія ея откроются, значеніе ея пропадетъ; этого надо было опасаться тѣмъ болѣе, что приверженцы Дантона, Тальенъ и

Лежендръ, были избраны президентами: первый конвента, второй клуба якобинцевъ... Билльо-Вареннъ предложилъ осудить Дантона. Робеспьеръ былъ противъ этого. «Вы хотите погубить лучшихъ патріотовъ» сказалъ онъ съ гнѣвомъ. Но Сенъ-Жюстъ убѣдилъ его оставить Дантона. Фанатикъ стоицизма, онъ смотрѣлъ съ негодованіемъ на снисходительность и эпикуреизмъ Дантона; не причастный никакому страху, не запятнавшій себя никакой подлостью, онъ во имя идеи сталъ врагомъ его. Робеспьеру предстоялъ выборъ между имъ и Сенъ-Жюстомъ; весьма понятно, что онъ сталъ на сторону послѣдняго; съ Сенъ-Жюстомъ у него была общность идей, общность симпатій; къ Дантону его привязывали воспоминанія и общность патріотизма, теперь подозрѣваемаго.

Процессъ Дантона составляетъ черное пятно на эпохѣ Террора. Обвиненнымъ не дали всѣхъ средствъ къ оправданію; ихъ, можно сказать, даже не выслушали, не позволили призвать въ свидѣтели 16 членовъ собранія, названныхъ Дантономъ.

Такимъ образомъ погибъ человѣкъ съ замѣчательными способностями, который могъ-бы стать во главѣ правленія, если-бъ только захотѣлъ этого. Но, онъ былъ не честолюбивъ: не смотря на свой циническій языкъ, онъ постоянно любилъ природу и всегда мечталъ о томъ, какъ бы удалиться въ деревню и спокойно провести остатокъ дней своихъ въ кругу родныхъ и друзей. Луве его обвиняетъ въ орлеанизмѣ и ставитъ однимъ изъ вождей орлеанской партіи вмѣстѣ *съ Робеспьеромъ и Мара* (?!). Если-бъ это было справедливо, осмѣлился ли бы Дантонъ обвинять герцога въ 93 году. Луи Бланъ, на основаніи мемуаровъ Лафайетта, мадамъ Роландъ и записки Мирабо къ Ламарку, обвиняетъ его въ продажности. Онъ говоритъ, что корона заплатила ему за должность адвоката въ совѣтѣ 100 т. ливр., тогда какъ она стоила 10 т. Изслѣдованія г. Бужара доказываютъ, что эта должность стоила тогда около 100 т.; что минимумъ подобныхъ должностей безъ кліентовъ составлялъ 60 т. л. Получивъ деньги, Дантонъ купилъ ферму и земли къ ней прилежащія на сумму 84 т. Пенсія, назначенная имъ матери, которую онъ нѣжно любилъ, состояла всего въ 600 ливрахъ. Гдѣ же огромное его богатство, милліоны, награбленные въ Бельгіи? Если-бъ онъ жилъ роскошно, на него давно сдѣлали бы доносъ, какъ дѣлали на многихъ другихъ. Нѣсколько обѣдовъ, нѣсколько циническихъ выраженій доставили Дантону незаслуженную славу взяточника и грабителя. Если-бъ онъ получилъ деньги

отъ короля, осмѣлился ли бы онъ подать голосъ въ пользу смертной казни и отвергнуть воззваніе Лудовика къ народу? Если-бъ Мирабо былъ правъ то почему же жиронднсты, въ рукахъ которыхъ находились бумаги желѣзнаго шкапа, не донесли на него. Роландъ былъ не такой человѣкъ, чтобы остановиться передъ врагомъ, котораго и онъ, и жена его ненавидѣли, котораго смерть могла быть полезна для ихъ партіи.

Нѣтъ, сразивъ Дантона, революція сразила одну изъ подпоръ своихъ. Она забыла, что онъ спасъ Францію отъ герцога брауншвейгскаго, она принесла его въ жертву неосуществимому идеалу.

XIV.

Погубивъ Дантона, партія Бильо—Варення устремилась далѣе по той же дорогѣ. Робеспьеръ хотѣлъ остановить ее, но всегда находилъ большинство противъ себя: его поддерживалъ только Сенъ-Жюстъ; Кутонъ же былъ постоянно боленъ. Къ этому времени относятся казни Лавуазье, Малерба, принцессы Елизаветы...

Робеспьеръ видѣлъ, что теряетъ свое вліяніе. Праздникъ Верховному Существу на минуту обрадовалъ его, потому что онъ видѣлъ въ немъ осуществленіе идей Руссо; онъ думалъ, что оставалось только завести однообразную, казенную нравственность Сенъ-Жюста, и образцовая республика была бы готова. Но здѣсь Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ разошлись съ жизнью: пока они требовали жертвъ во имя отечества, народъ приносилъ ихъ, безропотно повиновался самымъ строгимъ декретамъ, безропотно смотрѣлъ на казнь родныхъ и друзей, но какъ скоро диктатура вздумала вломиться въ его частную жизнь, насиловать его совѣсть, требовать отреченія отъ великихъ истинъ, выработанныхъ революціей, такъ Робеспьеръ потерялъ свою популярность: его обвиняли въ желаніи присвоить власть, въ безмѣрномъ честолюбіи; ему напоминали о тарпейской скалѣ, о Брутѣ...

Смущенный возвратился онъ домой... Скоро новыя непріятности заставили его удалиться изъ комитета общественнаго благосостоянія.

Законъ 22 преріаля (*) возбудилъ противъ него такую бурю, такія обвиненія въ диктатурѣ, что онъ рѣшился болѣе не присутствовать при засѣданіяхъ...

Сенъ-Жюстъ остался одинъ. Онъ не могъ противиться потоку. Число жертвъ увеличилось (**). Чтобъ прекратить эти безполезныя жестокости, онъ вызвалъ Робеспьера... Примиреніе оказалось невозможнымъ... Тогда Робеспьеръ произнесъ въ конвентѣ грозную рѣчь, въ которой говорилъ, что въ собраніи существуетъ преступная коалиція, имѣющая сообщниковъ въ комитетахъ, что надо очистить и подчинить оба комитета конвенту.

Члены комитетовъ видѣли угрожавшую имъ опасность; они привлекли на свою сторону робкихъ членовъ конвента... Участь Сенъ-Жюста, Робеспьера и Кутона была рѣшена... Они могли бъ спасти себя, если бъ обратились къ народу, но они предпочли лучше погибнуть, чѣмъ возбудить возстаніе.

На другой день было казнено сто человѣкъ. Умѣренные термидористы далеко превзошли террористовъ.

Царство буржуазіи началось.

XV.

Нельзя не удивляться тѣмъ огромнымъ силамъ, которыя Франція развернула въ эту эпоху! Нельзя не удивляться той громадной революціи, которая совершилась въ душѣ каждаго. Сколько пережитыхъ чувствъ, сколько впечатлѣній, сколько драматическихъ минутъ! Люди съ твердымъ характеромъ, съ твердыми убѣжденіями были поставлены въ борьбу съ самими собой! Робеспьеръ говоритъ противъ уничтоженія смертной казни и межъ тѣмъ принужденъ посылать на эшафотъ. Сенъ-Жюстъ говоритъ въ пользу свободной торговли, противъ излишняго выпуска ас-

---

(*) Законъ этотъ былъ составленъ такъ, что позволялъ захватывать членовъ конвента безъ предварительнаго согласія собранія. Онъ говорилъ, что если существуютъ доказательства *моральныя*, то можно недопрашивать свидѣтелей. Онъ считалъ государственнымъ преступленіемъ распространеніе ложныхъ новостей, порчу нравовъ и т. п.

(**) Въ полуторамѣсячное отсутствіе Робеспьера казнено 1286 человѣкъ, въ полтора мѣсяца при немъ 577.

сигнацій, а межъ тѣмъ долженъ былъ выпустить ассигнацій на мильярды, долженъ былъ прибѣгнуть къ стѣснительнымъ для торговли мѣрамъ. Кроткій Дантонъ совершилъ сентябрьскія убійства... Любовь къ отечеству дала имъ силы принести эти жертвы. Казалось, времена древняго Рима воскресли; великіе люди мелькали какъ молніи по мрачному небу революціи; они поражали быстро какъ молнія и также быстро потухали, оставивъ страшные слѣды своего удара. Эти крестьяне, эти работники сравнялись съ самой гордой аристократіей доблестями и превзошли ее добродѣтелями. И въ ту минуту, когда волны иноземныхъ армій готовы были поглотить республику, когда страшные удары землетрясенія раздавались внутри, въ то время гордые и спокойные вожди республики разсуждали о мѣрахъ къ ея просвѣщенію. Большинство писателей представляютъ эпоху Террора враждебной наукамъ и искусству. Она была враждебна только ученому шарлатанству и безполезной рутинѣ. Никогда съ большимъ жаромъ не принимались за народное образованіе. Тогда были учреждены школы для безплатнаго обученія отъ 5 до 12 лѣтъ, а для послѣдующаго воспитанія основаны публичныя училища, институты, лицеи. Террористы приготовили учрежденіе политехнической и нормальной школы, распространили въ народѣ полезныя брошюры десятками тысячъ экземпляровъ; въ эпоху казни Кордай открыли музей и ассигновали суммы на покупку статуй и картинъ; въ эпоху процесса жирондистовъ запретили портить памятники искусствъ подъ предлогомъ ненависти къ тиранамъ. Введеніе десятичнаго счисленія, реформа календаря, и, что важнѣе всего, объявленіе конституціи и учрежденіе государственной долговой книги относятся къ этому времени...

Но отчего же, рождается вопросъ, отчего, не смотря на великихъ людей, не смотря на всѣ учрежденія для развитія демократіи, республика пала?

Намъ кажется, оттого, что сознаніе не успѣло еще довольно проникнуть въ народныя массы, что самая эпоха отличалась порывистой страстностью, не допускавшей разсужденій, что лучшіе люди республики устлали своими костьми поля битвъ или увлеклись обольщеніемъ военной славы, потому наконецъ, что въ двигателяхъ революціи было слишкомъ много силы, много вѣры. Совершивъ небывалыя въ исторіи чудеса съ помощью народа, они надѣялись съ помощью его осуществить свои утопіи; но утопіи эти были чужды жизни его и онъ отшатнулся отъ нихъ...

Торжество буржуазіи было неминуемо: въ ея дѣйствіяхъ было бо-

лѣе согласія, менѣе добросовѣстности; она была развитѣе, въ ея рукахъ были капиталы—но французская революція тѣмъ и велика, что забросила такія сѣмена жизни въ жизнь народа, что ихъ не могло истребить всемогущество буржуазіи: напрасно топоръ реставраціи и орлеанизма рубилъ вѣтви могучаго дерева свободы;—оно продолжало разростаться...

В. ПОПОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Вновь проектируемыя правила для публичныхъ лекцій.—Современное человѣчество и его блестящія достоинства.—Нѣсколько словъ о состояніи городскаго управленія.—Мѣщанство.—Новое положеніе о городскомъ управленіи Москвы.—Идиллія или письмо г. Ознобишина.—Кіевъ и его прелести.—Конокрадства.—Правила для типографій и ожиданіе новаго цензурнаго устава.—Закрытіе двухъ Воскресныхъ школъ.

Бѣдна будетъ наша хроника—это мы чувствуемъ и потому, сжигая корабли за собой, станемъ держаться берега, наблюдать за самыми фактами, не вдаваясь въ теоретическое разсужденіе о нихъ.

Публичныя лекціи вызвали новыя законодательныя мѣры. Учрежденная для управленія дѣлами с.-петербургскаго университета коммиссія составила проектъ новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ въ С.-Петербургѣ, который и сообщенъ совѣтамъ прочихъ университетовъ для обсужденія и исправленія по ихъ замѣчаніямъ.

Коммиссія этого проекта пришла къ убѣжденію, что при составленіи новаго положенія о публичныхъ лекціяхъ надлежало бы ограничиться требованіемъ отъ читающихъ однихъ удостовѣреній относительно знаній, но не требовать никакихъ ручательствъ относительно искусства излагать устно мысли; что же касается до благонамѣренности, то отказавшись отъ всякихъ предупредительныхъ мѣръ и предварительныхъ розысканій о характерѣ, правахъ и образѣ мыслей желающихъ читать, слѣдовало бы противодѣйствовать злоупотребленіямъ свободы слова только мѣрами карательными, примѣненными къ преступнику обыкновеннымъ порядкомъ, по слѣдствію и суду».

Чтобы достигнуть цѣли удостовѣренія въ *познаніяхъ* лица, намѣревающагося читать лекціи, проектъ полагаетъ слѣдующія мѣры:

1) Желающій читать публичныя лекціи получаетъ на открытіе ихъ разрѣшеніе отъ попечителя учебнаго округа.

2) Отъ лицъ, не имѣющихъ ученой степени докторовъ или маги-

стровъ, при разрѣшеніи имъ чтенія публичныхъ лекцій, требуется только, чтобы они заявили въ поданныхъ ими попечителю прошеніяхъ, о чемъ они намѣрены читать.

3) Лицамъ, не имѣющимъ ученыхъ степеней докторовъ или магистровъ, попечитель разрѣшаетъ чтеніе публичныхъ лекцій не иначе, какъ по представленіи подробной программы, одобренной или университетомъ, или, если предметъ, коему посвящается лекція, не входитъ въ кругъ университетскаго преподаванія, однимъ изъ высшихъ мѣстныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, по принадлежности.

Незнаемъ какъ нынче, но прежде званіе «художника» давалось посредствомъ представленія программы въ академію; мы могли бы указать пальцемъ людей, которые, не умѣя взять въ руки карандаша и циркуля, получали этимъ путемъ, т. е. представленіемъ программы, мѣста архитекторовъ. Вы спросите, какъ это было? Очень просто: желающій быть *художникомъ* нанималъ другаго *художника*, тотъ ему рисовалъ великолѣпный планъ со всѣми деталями, который отсылался въ академію — и тѣмъ дѣло кончалось. Чего хотятъ достигнуть гг. профессоры, подписавшіеся подъ проэктомъ о представленіи подробныхъ програмъ? Если я ничего не знаю и желаю выйдти въ публику, то неужели меня остановитъ мое незнаніе? А если я куплю программу у весьма ученаго мужа и получу по ней разрѣшеніе, то неужели публика будетъ гарантирована отъ моего невѣжества? Неужели она будетъ идти ко мнѣ на лекціи изъ-за того, что я имѣю программу, одобренную университетомъ? Думаемъ, что должно искать лекарства тамъ, гдѣ оно дѣйствительно есть,—въ самомъ обществѣ, а не въ формѣ. Предоставьте право читать публичныя лекціи всѣмъ безъ исключенія,— пусть буду читать я, ничего не знающій, и вы, много ученые... Повѣрьте, что если я невѣжа, такъ публика съ разу раскуситъ меня; ее не привлечешь никакими одобренными программами. Точно также, какъ не привлечетъ «сухимъ туманомъ» какой нибудь ученый мужъ, снабженный пергаментнымъ дипломомъ; она оставитъ меня, ничего не знающаго, но не будетъ слушать и васъ, много знающаго... Почему вы считаете общество за недоносокъ, который нужно предохранять отъ всего. Да развѣ у общества нѣтъ своего голоса, чтобы сказать, что вотъ такой-то имѣетъ знаніе и я пойду слушать его, даромъ, что у него нѣтъ одобренной программы; а такой-то вотъ хоть и докторъ, а все же я не хочу слушать его, потому что у него нѣтъ ни одной живой идеи.

Гг. профессора, подписавшіеся подъ проектомъ, вы знаете, что у насъ и безъ того много формы; со всѣхъ сторонъ лежитъ она на насъ, не принимайте, пожалуйста, хоть вы участія въ распространеніи формъ и обрядовъ.

Мы живемъ въ вѣкъ проектовъ... Нельзя не сознаться, что россійскій прогрессъ дѣлаетъ большіе успѣхи. Я могъ бы привести въ удостовѣреніе справедливости моихъ словъ много доказательствъ, но на этотъ разъ вспомнимъ хоть, напримѣръ, что такое были назадъ тому лѣтъ шесть наши канцеляріи. Это были ни больше, ни меньше, какъ мастерскія для заготовленія входящихъ и исходящихъ бумагъ, для выдѣлки рапортовъ, отношеній, представленій et caetera. Но благодѣтельный прогрессъ, такъ сказать, не даромъ пахнулъ своимъ благотворнымъ вліяніемъ и освѣжилъ прелестнѣйшимъ ароматомъ дотолѣ спертый воздухъ нашихъ канцелярій. Посмотрите, какую перемѣну произвелъ этотъ прогрессъ: войдите теперь въ любую, хоть въ губернскую канцелярію (о высшихъ нечего ужъ и говорить), и если сердце ваше не умилится, то я въ правѣ назвать васъ каменнымъ человѣкомъ. Да, я увѣренъ, что если человѣкъ не зачерствѣлъ окончательно, то уже одинъ внѣшній видъ современныхъ канцелярій подѣйствуетъ на него благотворно, примирительно: вездѣ гладко, чисто, лакированные полы, подъ орѣхъ шкапы... Запахъ смолки, очень хорошо щекочетъ нервы... Вашъ глазъ не поражается непріятно безобразными кипами сѣрой бумаги, съ надписями на верху: «дѣло о нанесеніи побой дворянину Петру Иванову Долуханову, таковымъ же потомственнымъ дворяниномъ Шивальдеревымъ», «о умертвіи по неизвѣстной причинѣ солдатской женки Аграфены Сидоровой Горшковой» и проч., напротивъ, — отворите любой шкафъ, и тамъ на каждой чистенькой, изящной кордонкѣ вы прочтете не менѣе изящную надпись: «дѣло объ образованіи народномъ», «дѣло о земскомъ кредитѣ»... Канцеляріи идутъ за современнымъ прогрессомъ, и тотъ слишкомъ близорукъ, кто будетъ отрицать наши слова.

Да и нельзя впрочемъ не стоять имъ во главѣ прогресса, потому что во главѣ ихъ самихъ стоятъ такіе высоко-образованныя личности, которыя ужъ свыше предназначены вести насъ многогрѣшныхъ по пути преуспѣянія. *Современное человѣчество*, преимущественно же воспитывающееся въ закрытыхъ заведеніяхъ, это квинтъ-эссенція всего наилучшаго: оно непремѣнно либерально, на англійской консти-

туціи съѣло собаку, съ Пальмерстономъ, Росселемъ ведетъ ближайшее знакомство, подъ часъ весьма язвительно отзывается о деспотизмѣ Наполеона, умѣренно восторгается Гарибальди, презрительно относится къ Мадзини, читаетъ, не пропуская даже геологическаго строенія Кавказа, Русскій Вѣстникъ, очень любитъ статьи Ѳеоктистова въ Отечественныхъ Запискахъ, прислушивается къ тону политическаго отдѣла Сѣверной Почты, редактируемаго, какъ извѣстно, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ нашихъ политиковъ, *Ильей* Арсеньевымъ, вкупѣ съ критикомъ — Заочнымъ; старается и не безъ успѣха, подражать въ дѣловыхъ бумагахъ слогу достойнѣйшихъ мужей первопрестольной Москвы — Павлова и господина профессора Чичерина. Современное человѣчество независимо въ своемъ мнѣніи: оно часто критически и недовѣрчиво относится къ дѣйствіямъ такихъ особъ, кои по рангу своему должны быть изъяты отъ всякихъ критическихъ поползновеній. Мы совершенно увѣрены, что правда современнаго человѣчества не умытна и не лицепріятна, въ рѣчи его нѣсть лжи, какъ въ рѣчи достойныхъ газетъ Сѣверной Почты и Нашего Времени. Современое человѣчество, какъ начальствующее, окружено почтеніемъ и любовью своихъ подчиненныхъ, какъ подчиненное полно уваженія и любви къ начальствующему, какъ трудовое—имѣетъ въ виду частное и общее благо. И въ этихъ добрыхъ дѣлахъ его нельзя примѣтить ни малѣйшей дозы лести. О безкорыстіи современнаго человѣчества нечего и говорить; будучи посылаемо куда либо начальствующими, оно подобно Аттилѣ, называвшимъ себя, какъ гласитъ исторія Смарагдова, бичемъ Божіимъ, устилаетъ доблестный путь свой, если не совсѣмъ трупами, то во всякомъ случаѣ ихъ близкими подобіями въ лицѣ тоже служащихъ, но только не современныхъ, т. е. не читающихъ Русскаго Вѣстника, статей Ѳеоктистова и Заочнаго и не подражающихъ въ красотѣ слога г.г. Чичерину и Павлову. Голова современнаго человѣчества подобна вѣчно заряженной лейденской батареѣ; ея работа не (утомима); оно перевариваетъ и извергаетъ изъ себя страшную громаду благодѣяній, которыми будутъ наслаждаться (если только въ нихъ хватитъ настолько благоразумія) наши нисходящіе въ третьемъ колѣнѣ. Секретъ успѣшности умственной дѣятельности современнаго человѣчества зависитъ именно отъ того, что ему нечего рыться, доискиваться доисторическихъ причинъ недуговъ, до средствъ уврачеванія ихъ; нечего всматриваться въ народную жизнь, — ему все это вѣдомо и переизвѣстно съ

школьной скамьи, гдѣ оно вполнѣ познало, что общество само по себѣ ничего не дѣлаетъ. Конечно, не всѣ бываютъ благодарны къ трудамъ современнаго человѣчества, не разомъ воспринимаютъ непрошенныя благодѣянія, тогда... ну, тогда современное человѣчество не церемонится: ставитъ всѣхъ подъ уровень своей теоріи, кто же не подходитъ — тому бѣда. Современному человѣчеству нѣтъ нужды, что вслѣдствіе подобныхъ операцій, у многихъ будутъ свернуты на сторону шеи, да и всѣ-то почувствуютъ себя не совсѣмъ ловко.. Люди, какъ мнитъ современное человѣчество, не понимаютъ собственной пользы; они не понимаютъ, что все его спасеніе въ теоріи.

Признаемся откровенно, для насъ одно изъ величайшихъ наслажденій составляетъ присутствіе при бесѣдѣ современнаго человѣчества: что это за обработанная круглота фразъ, что это за мягкость, стройность выраженій, что это за уступчивость другъ другу въ спорѣ на такихъ пунктахъ, къ которымъ въ одно время съ разнымъ значеніемъ подходятъ двѣ категорическія аксіомы!.. Pauvre peuple, pauvre peuple! говоритъ съ умѣреннымъ вздохомъ современное человѣчество, и вслѣдъ за вздохомъ отливаетъ чудную пулю для pauvre peuple.

Но перейдемъ отъ размышленій къ нѣкоторымъ, недавно совершившимся событіямъ въ нашей текущей жизни.

Какъ извѣстно, менѣе настоятельные вопросы жизни въ настоящее время рѣшены окончательно или приводятся къ окончательному рѣшенію... *Работа въ этомъ случаѣ идетъ такъ успѣшно*, что нужно опасаться, что черезъ нѣкоторое и притомъ весьма короткое время страницы современной хроники должны остаться совершенно бѣлыми и чистыми отъ недостатка матеріала... Но такъ какъ покуда нѣкоторые вопросы остаются нерѣшенными, то мы и постараемся заняться ими. Въ основѣ правъ и обязанностей нашего городоваго сословія лежитъ грамота императрицы Екатерины II. Грамота пожалованная императрицей была весьма либеральна, но на практикѣ оказалась весьма неудобна, хотя «программа для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ» и говоритъ, что «основная мысль городовой грамоты заключается въ томъ, чтобы поставить городскія общества въ состояніе удовлетворять всѣмъ общественнымъ нуждамъ, не обращаясь къ вспомоществованіямъ отъ правительства, и въ то же время обезпечить сіе послѣднее въ исправномъ отправленіи возложенныхъ на тѣ общества повинностей,

для чего указаны имъ опредѣленныя статьи доходовъ и даровано право *самимъ* завѣдывать своими общественными дѣлами, посредствомъ выборныхъ отъ общества лицъ». Много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ императрица *даровала* нашимъ гражданамъ многія льготы и выборное начало, но города наши находятся до днесь все на одной и той же точкѣ замерзанія относительно своего процвѣтанія; они также плохи, какъ во дни оны, уровень ихъ умственнаго и нравственнаго развитія стоитъ едва ли не столь же низко, какъ и до изданія положенія; въ нихъ есть магистраты и думы, съ ихъ головами, бургомистрами, ратманами. Но общество видитъ въ этихъ думахъ и магистратахъ такіе же земскіе суды, городническія правленія и т. д. Я одинъ разъ былъ свидѣтелемъ, какъ дорожатъ наши горожане тѣми выборными началами, которыя даровала императрица Екатерина. Въ городѣ С. были назначены выборы; передъ выборами всѣхъ наличныхъ гражданъ собрали въ церковь для приведенія къ присягѣ. Выходя изъ церкви, я замѣтилъ, что всѣ улицы, идущія отъ церкви были заняты какой-то многочисленной стражей. Я подошелъ къ одному изъ охранителей и спросилъ его, что это значитъ.

— Мѣщане присягу принимаютъ-съ! отвѣчалъ намъ одинъ изъ бойкихъ стражниковъ.

— Такъ что же?

— Извѣстно дѣло—народъ необразованный, изъ церкви домой всѣ наровятъ, на выборахъ не хотятъ быть.

Конечно многіе подобными грустными фактами стараются доказать, что народъ до сихъ поръ не можетъ еще идти впередъ. Да такъ ли это? Въ подобныхъ фактахъ выражается только недостатокъ развитія выборнаго начала. Признаемся откровенно, мы становимся на сторону уходившихъ. Покрайности, время даромъ не потеряли бы да и потомъ знали бы, что не сами кладемъ на себя руки.

Недостатки современнаго *выборнаго* управленія городами въ настоящее время сдѣлались ощутительными больше чѣмъ когда либо. Недостатокъ контроля въ израсходованіи собранныхъ съ общества денегъ, въ управленіи общественными, недвижимыми имуществами, высокомѣріе съ бѣдными классами городскаго сословія, униженіе предъ высшими особами, равнодушіе къ настоятельнымъ требованіямъ общества почти вездѣ характеризуютъ черты городскаго управленія, дума жметъ

мѣщанъ, даетъ деньги на устройство великолѣпныхъ каминовъ и паркетныхъ половъ въ домахъ, принадлежащихъ администраціи.

Мы имѣемъ подъ рукой нѣсколько данныхъ, доказывающихъ до какой безконтрольности доходитъ расходъ городскихъ суммъ, всей тяжестью своей падающихъ на бѣднѣйшихъ городскихъ жителей.

Въ одномъ городѣ собирается ежегодно *излишнихъ* государственныхъ податей и городскихъ повинностей, а также налога, называемаго добровольною складчиною, отъ 6 до 4 т. руб. сереб., такъ что вся сумма за время управленія четырехъ, пяти годовъ простирается до ста тысячъ руб. сереб. Излишнія деньги вычитаются всегда при платежѣ податей, вслѣдствіе чего *настоящія подати* числятся постоянно въ недоимкѣ.

Въ томъ же городѣ есть заведеніе для призрѣнія неимущихъ и престарѣлыхъ мѣщанъ. Отвратительное содержаніе призрѣваемыхъ равняется только громаднымъ суммамъ, на нихъ выводимымъ.

Во время крымской кампаніи собрана была съ горожанъ очень значительная сумма на ополченіе, такъ какъ ополченіе было расформировано прежде выступленія въ походы, то отъ собранной суммы осталось больше половины, которую постигла таже участь добровольной складчины.

Нѣтъ ничего печальнѣе быта нашихъ мѣщанъ. Ихъ положеніе несравненно хуже положенія крестьянъ: они лишены земли, угодій, съ номинальнымъ только голосомъ въ управленіи, у нихъ нѣтъ міра, который хоть немножко предохранилъ бы ихъ отъ эксплуатаціи капиталистами, отъ эксплуатаціи другими сословіями — вотъ участь, въ которой приходится вращаться мѣщанину со дня рожденія до самой смерти. Для хлѣбопашества чаще всего у мѣщанина нѣтъ земли, для промысловъ—капитала, для защиты—самобытнаго управленія; онъ колотится день за днемъ съ своей семьей, покуда самого его нищета не заколотитъ въ тѣсное, но очень покойное помѣщеніе.

Какъ гуманно относятся настоящія думы, т. е. управленіе, члены которыхъ выбираются изъ среды общества къ своимъ согражданамъ, мы разскажемъ одинъ фактъ.

Одинъ изъ городовъ россійской имперіи владѣетъ дачей въ нѣсколько тысячъ десятинъ отличной пахатной земли. Понятно, что если дача общественная, то каждый членъ общества имѣетъ полное право пользоваться соотвѣтственнымъ съ числомъ душъ семьи количествомъ земли. Но ни чуть не бывало: дума, съ утвержденія начальства, рас-

порядилась совсѣмъ иначе; благодаря тремъ городскимъ капиталистамъ, вся земля за самую ничтожную сумму сдана имъ на продолжительный срокъ, а ужъ они отдаютъ ее отъ себя мѣщанамъ, за сумму *въ двадцать* разъ большую противъ той платы, которую они должны вносить въ думу.

Какія же средства помочь печальному положенію нашихъ городовъ и городскихъ сословій? Широкое выборное начало, съ устраненіемъ возможности злоупотребленій, происходящихъ отъ администраціи, общественный контроль надъ дѣйствіями выборовъ власти, вотированія гражданами каждаго болѣе важнаго предложенія, смѣна должностныхъ лицъ, когда они не оправдываютъ довѣрія избирателей—вотъ, по нашему мнѣнію, единственный путь, которымъ наши города могутъ достигнуть дѣйствительнаго благосостоянія.

Москвѣ дано новое положеніе объ общественномъ управленіи. Кромѣ того при циркулярѣ отъ 26 апрѣля, № 61, разослана къ начальникамъ губерній «программа для составленія соображеній относительно улучшенія общественнаго управленія въ городахъ». Въ циркулярѣ между прочимъ сказано: «что *одною изъ главнѣйшихъ причинъ*, по которымъ изданное въ 1785 г. постановленіе объ общественномъ устройствѣ городовъ (городовая грамота) не имѣло надлежащаго успѣха, было то, что постановленіе сіе содержало въ себѣ лишь общія начала общественнаго устройства, безъ подробнѣйшаго ихъ развитія и примѣненія къ различнымъ мѣстностямъ обширной имперіи, представляющимъ большое разнообразіе по количеству населенія, общественному и хозяйственному быту жителей, разноплеменности ихъ и многимъ другимъ условіямъ». Этимъ циркуляромъ министерство внутреннихъ дѣлъ приглашаетъ начальниковъ губерній составить коммиссіи для составленія надлежащихъ отвѣтовъ на присылаемую при циркулярѣ программу. Такъ какъ мы знаемъ, что очень многіе города, сознавъ всю несостоятельность современнаго выборнаго управленія, хлопочутъ, или думаютъ хлопотать объ измѣненіи его въ болѣе соотвѣтствующее потребностямъ, и такъ какъ программа разослана при циркулярѣ только для предварительныхъ соображеній, то мы на этотъ разъ скажемъ нѣсколько словъ о томъ, насколько отвѣчаетъ новое городовое положеніе г. Москвы современнымъ потребностямъ.

Общественное городское управленіе г. Москвы раздѣляется: I) на общее для всего городскаго общества и II) на частное по сословіямъ. Управленіе общее составляетъ: 1) общая городская дума; 2) город-

ской голова; 3) распорядительная городская дума, съ состоящими при нихъ установленіями и чинами. §. Частное управленіе по сословіямъ составляетъ: 1) собраніе выборныхъ, 2) сословные старшины, 3) управы: купеческая, мѣщанская и ремесленная, съ состоящими при нихъ установленіями и членами.

§ 4. Городской голова есть главный уполномоченный отъ всего городскаго общества, а потому на немъ главнѣйшая лежитъ обязанность—заботиться о нуждахъ и пользахъ общественныхъ.

Такъ какъ мы сказали, что по нашему мнѣнію непремѣнное условіе будущаго самостоятельнаго развитія и процвѣтанія городскаго сословія—это освобожденіе городскаго управленія отъ возможности злоупотребленій со стороны администраціи, то посмотримъ, на сколько новое положеніе г. Москвы соотвѣтствуетъ этому условію.

§ 14. Распорядительная городская дума состоитъ подъ предсѣдательствомъ городскаго головы изъ десяти членовъ, избираемыхъ отъ каждаго собранія выборныхъ по два. Предметы распорядительной думы вообще суть: 1) исполненіе приговоровъ общей думы; 2) распоряженіе по дѣламъ общественнаго управленія, городскаго и сословнаго хозяйства; 3) наблюденіе за подчиненными думѣ мѣстами и лицами по дѣламъ общественнаго управленія, городскаго и сословнаго хозяйства. Городской голова, какъ предсѣдатель распорядительной думы, заботится о сохраненіи внутренняго въ ней порядка, на точномъ основаніи 89 и слѣдующихъ статей общаго губернскаго учрежденія. Въ случаяхъ чрезвычайныхъ и нетерпящихъ отлагательствъ, голова, *съ разрѣшенія главнаго начальника губерніи*, принимаетъ всѣ нужныя мѣры, по дѣламъ общественнаго управленія и доводитъ о своихъ дѣйствіяхъ до свѣдѣнія присутствія распорядительной думы въ первое за тѣмъ же засѣданіе. Распорядительная дума принимаетъ мѣры, чтобы составляемыя ею годовыя росписи, по совершенномъ окончаніи всѣхъ предварительныхъ исчисленій и по собраніи всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и соображеній отъ разныхъ вѣдомствъ и наконецъ отъ городской общей думы, были разсмотрѣны и окончательно заключены непремѣнно къ первой половинѣ августа. *По разсмотрѣніи роспись со всѣми приложеніями представляется прямо отъ думы къ военному генералъ-губернатору для дальнѣйшаго распоряженія. Распорядительная дума, сверхъ подчиненности въ общемъ порядкѣ управленія правительствующему сенату, а въ мѣстномъ—главному начальнику губерніи, находится въ непо-*

средственномъ вѣдѣніи московскаго гражданскаго губернатора. По тѣмъ дѣламъ городскаго хозяйства и общественнаго управленія, кои по общимъ узаконеніямъ восходятъ на разсмотрѣніе губернскаго начальства, распорядительная дума представляетъ свои журналы къ подписанію гражданскому губернатору, который независимо отъ сего предсѣдательствуетъ въ распорядительной думѣ во всѣхъ случаяхъ, когда признаетъ сіе необходимымъ. Жалобы на рѣшенія думы приносятся 1-му департаменту правительствующаго сената.

При распорядительной думѣ между прочимъ находится городская торговая полиція, въ составъ которой входитъ торговая депутація отъ купечества для надзора за правильностью производства торговли.

§ 20. *Депутація состоитъ, въ отношеніи къ повѣркѣ торговыхъ правъ и ко взносу казенныхъ пошлинъ, подъ главнымъ надзоромъ казенной палаты*, а въ отношеніи повѣрки сборовъ городскихъ и вообще къ исполненію своихъ обязанностей—подъ надзоромъ распорядительной думы.

§ 21. Всѣ жалобы на неправильныя дѣйствія торговой депутаціи поступаютъ въ распорядительную думу и *разрѣшаются ею по предварительному истребованію казенной палаты* во всѣхъ случахъ, въ коихъ дѣла относятся или прямо ко взысканіямъ въ казну, или же касаются гильдейскихъ повинностей и опредѣленія рода торговли. *Въ случаѣ несогласія распорядительной думы съ заключеніемъ казенной палаты, дума представляетъ оное съ своимъ мнѣніемъ на окончательное рѣшеніе 1-го департамента правительствующаго сената.*

Въ составъ общественнаго управленія города Москвы входитъ между прочимъ, собраніе выборныхъ по сословіямъ и сословныя управы.

§ 27. Собранія выборныхъ для обсужденія текущихъ сословныхъ дѣлъ назначаются по распоряженію сословныхъ старшинъ, которые обязаны о каждомъ собраніи предварительно увѣдомлять городскаго голову; собранія же выборныхъ для выборовъ, а также для какихъ либо чрезвычайныхъ случаевъ, *составляются не иначе, какъ съ разрѣшенія главнаго начальника столицы.*

§ 33. Управы сословій подчиняются распорядительной думѣ по всѣмъ предметамъ своего вѣдомства, *находясь впрочемъ по дѣламъ казеннымъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ казенною пала-*

тою и съ другими мѣстами и лицами, до коихъ сіи дѣла относятся. *При всѣхъ управахъ сихъ въ совокупности находится городовой стряпчій, котораго отношенія суть тѣ же, какъ и отношенія уѣздныхъ стряпчихъ къ уѣзднымъ мѣстамъ.*

При общей думѣ состоитъ депутатское собраніе изъ депутатовъ, избираемыхъ по пяти отъ каждаго собранія выборныхъ. *Жалобы на депутатское собраніе приносятся гражданскому губернатору.*

Какъ видно изъ сдѣланныхъ нами выписокъ, новое городское управленіе Москвы далеко не свободно отъ вмѣшательства административно-центральной власти.

Теперь посмотримъ, какъ широко допускаетъ положеніе о новомъ управленіи Москвы участіе граждан въ выборѣ должностныхъ лицъ.

§ 40. Выборные отъ городскихъ сословій избираются непосредственно самими сословіями, означенными въ § 5 (*), порядкомъ изложеннымъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ. § 41. Принадлежащій къ одному изъ вышеизчисленныхъ сословій, получаетъ право голоса въ избраніи выборныхъ не иначе, какъ при соединеніи въ себѣ слѣдующихъ условій:

Если онъ владѣетъ въ столицѣ собственностью въ недвижимомъ имуществѣ или въ денежномъ капиталѣ и товарахъ, приносящую въ годъ дохода не менѣе 100 рублей серебромъ.

§ 46. Списки избранныхъ сословіями выборныхъ, съ протоколомъ засѣданій, передаются въ депутатское собраніе, и если по повѣркѣ въ оныхъ не окажется никакихъ неправильностей, то выборные допускаются къ исполненію своихъ обязанностей, по приведеніи установленнымъ порядкомъ къ присягѣ на безпристрастное исполненіе оныхъ и *представляется военному генералъ-губернатору, отъ котораго зависитъ назначеніе новыхъ выборовъ.* По новому положенію городскаго управленія Москвою каждое сословіе имѣетъ право замѣщать должности, представляемыя его выбору, лицами всѣхъ сословій, — но

§ 48. пунктъ 2-й. Дворянамъ предоставляется право, на основаніи дворянской грамоты, отказываться отъ принятія всякихъ должностей по городскимъ выборамъ, подобно какъ дозволяется имъ сіе и при выборахъ дворянскихъ.

Намъ кажется, что если дворянинъ владѣетъ недвижимой собствен-

(*) То есть потомственными и личными дворянами, почетными гражданами и купцами, мѣщанами и ремесленниками.

ностью въ городѣ или занимается какими либо промыслами, торговлею—то, стало быть, онъ пользуется всѣми правами, которыя доставляютъ ему, какъ гражданину города, участіе въ общественномъ управленіи,—какое же основаніе, чтобы дворянинъ, пользующійся правами городскаго жителя, избавлялся по своему благоусмотрѣнію отъ обязанности служить обществу, членомъ котораго онъ числится? Если дворянинъ, избранный на должность по городскому управленію, лишается возможности слѣдить съ успѣхомъ за ходомъ хозяйства въ своихъ имѣніяхъ, то-развѣ купецъ и мѣщанинъ, поставленные въ то же положеніе не находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ дворяниномъ относительно своихъ промысловъ и торговли.

§ 51. Городской голова можетъ быть избираемъ изъ лицъ всѣхъ сословій, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду и владѣющихъ въ городѣ собственностью, стоющею не менѣе 15,000 рублей серебромъ. Онъ избирается на 4 года.

Но приведемъ одинъ случай. Напримѣръ, пусть гражданинъ (владѣющій домомъ) разъ уже былъ избранъ въ головы и вполнѣ оправдалъ довѣріе избирателей—просто возвысилъ благосостояніе города... Понятно, что на вторые выборы общество снова захочетъ имѣть его головой, у него предъ самыми выборами сгораетъ домъ... Стало быть.... увы!... Наилучшій голова долженъ быть забракованъ... Да что же терпятъ граждане оттого, что у ихъ головы сгорѣлъ домъ?... Если бѣдный голова съ надлежащей помпой не можетъ поддержать свое служебное достоинство, такъ развѣ граждане не могутъ сложиться и дать, за его труды, на ихъ же пользу, ему жалованье?... Развѣ мы мало знаемъ людей, у которыхъ ровно ничего нѣтъ, но которые въ городѣ пользуются совершенно заслуженной славой честныхъ дѣятелей? Отчего же, если все общество захочетъ избрать одного изъ такихъ дѣятелей въ головы, и не быть ему головой?

«Голова избирается на 4 года». Ну а если онъ нисколько не оправдалъ довѣрія избирателей и впродолженіи 2 лѣтъ успѣлъ навредить городу столько, что дальше терпимъ быть не можетъ. Отчего же обществу не предоставить право имѣть своихъ головъ ранѣе назначеннаго срока, если ихъ дѣйствія клонятся ко вреду избирателей? Кому приноситъ пользу занятіе такого поста, какъ городской голова, человѣкомъ безчестнымъ? Скажутъ,— пусть общество не избираетъ безчестныхъ... Да развѣ общество не можетъ обманываться? Развѣ

каждый мало видѣлъ на своемъ вѣку людей, бывшихъ до занятія тепленькаго мѣстечка поборниками честности, и потомъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, очень хладнокровно посягавшимъ на чужую собственность?

§ 53. Члены распорядительной думы избираются въ опредѣленномъ выше для каждаго сословія числѣ. *Они утверждаются въ должности главнымъ начальникомъ губерніи.*

§ 54. Должности въ канцеляріяхъ думъ общей и распорядительной замѣщаются слѣдующимъ порядкомъ: 1) городской секретарь опредѣляется по выбору общей думы *съ утвержденія военнаго генералъ-губернатора.*

Точно такимъ же порядкомъ утверждается казначей распорядительной думы; торговые депутаты, избираемые на 3 года изъ одного купеческаго сословія, *утверждаются въ должности тоже главнымъ начальникомъ губерніи.*

§ 60. Сословные старшины и товарищи старшинъ *избираются на четыре года* изъ лицъ, владѣющихъ собственностью *не менье 6000 руб. сер.* Лица, избранныя въ сіи должности, *утверждаются главнымъ начальникомъ губерніи.*

Наши слова относительно ценза избранія городскаго головы остаются въ полной силѣ и относительно избранія сословныхъ старшинъ.

§ 67. Собранія городскаго общества созываются *единственно* для избранія выборныхъ отъ сословій черезъ каждые три года *по распоряженію главнаго начальника губерніи* и по назначенію мѣста и времени для оныхъ городскимъ головою.

§ 72. Собраніе, ограничиваясь однимъ избраніемъ выборныхъ, не имѣетъ права входить въ разсужденіе или постановлять приговоры по какимъ либо другимъ предметамъ.

О правахъ и преимуществахъ общественной городской службы.

§ 82. Лица, занимающія должности по общественному городскому управленію въ Москвѣ, сверхъ правъ вообще службы по городскимъ выборамъ, въ законахъ присвоенныхъ, пользуются еще нижеслѣдующими преимуществами.

§ 83. Городской голова, если не имѣетъ высшаго или соотвѣтствующаго чина, считается заурядъ въ V, старшины сословій, товарищи сихъ старшинъ и члены распорядительной думы въ VI, а члены управъ и торговые депутаты въ VII классахъ. Росписаніе по классамъ прочихъ должностей имѣетъ быть опредѣлено въ особыхъ статьяхъ.

Прослужившій усердно и безпорочно въ одной и той же должности двѣнадцать лѣтъ, продолжаетъ пользоваться пожизненно наименованіемъ и почетными правами класса, той должности присвоенными.

§ 84. Тѣмъ изъ лицъ, которыя прослужили по выборамъ усердно и безпорочно не менѣе 10 лѣтъ, дозволяется и въ отставкѣ носить тотъ же мундиръ, который былъ присвоенъ послѣдней ихъ должности.

Повторяемъ, мы потому сдѣлали такъ много выписокъ изъ новаго положенія объ общественномъ управленіи Москвы, что въ большинствѣ городовъ проникаетъ сознаніе несостоятельности современнаго городоваго положенія. Изъ сказаннаго нами, конечно, можно понять, что идеалъ городоваго устройства не подходитъ подъ мѣру московскаго положенія; перемѣны къ лучшему возможны только тогда, когда отъ старыхъ порядковъ устранены тѣ недостатки, которые были причиной или отрицательной безполезности или положительнаго вреда для общества; форма, отписка бумагъ проглядываютъ въ положеніи изъ—за каждой строчки и грозятъ быть преобладающими элементами. Начала императрицы Екатерины II представили уже достаточно доказательствъ, насколько полезны они для общества,—продолжать ходить тѣмъ же путемъ—не значитъ идти впередъ.

Но пора намъ и отдохнуть на чемъ нибудь; не все же сомнѣваться, не все же заносить въ нашу хронику печальные факты. Въ провинцію, въ провинцію, любезный читатель!.. Тамъ люди добрѣе, гостепріимнѣе. Какъ ѣдятъ, какъ спятъ, тамъ!.. Что за идиллія, которой крѣпко позавидовали бы пресловутые Филимонъ и Бавкида! Вотъ письмо изъ деревни г. Д. Ознобишина. Ужъ самое имя Д. Ознобишина должно говорить каждому, что письмо полно интереса: вѣдь Д. Ознобишинъ тотъ поэтъ, произведенія котораго *самъ Галаховъ* удостоилъ занести въ свою хрестоматію... Но что въ имени. На широкой матушкѣ-Руси существуетъ блаженный уголокъ, такъ поэтически нарисованный Д. Ознобишинымъ предъ читателями и оказалось, что уголокъ этотъ—Симбирская губернія. Г. Ознобишинъ описываетъ празднество, бывшее у него въ деревнѣ по случаю раздачи знаковъ мировыхъ учрежденій волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ. Не имѣя возможности передать письмо все цѣликомъ, мы представимъ изъ него только resumé, впередъ прося читателей не ограничиваться нашими выписками.

Вотъ свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ письма Д. Ознобишина. Во 1-хъ, Д. Ознобишинъ занимаетъ мѣсто члена губернскаго по

крестьянскимъ дѣламъ присутствія, и во 2-хъ, кромѣ сей немаловажной обязанности онъ служитъ еще отечественному просвѣщенію, ибо въ письмѣ сказано, что въ церкви, гдѣ происходило молебствіе по случаю раздачи знаковъ, на лѣвомъ клиросѣ стоялъ «я (т. е. Д. Ознобишинъ), какъ членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, въ своемъ серебряномъ, ученомъ мундирѣ».

Послѣ «возложенія» на волостныхъ старшинъ знаковъ мировыхъ учрежденій, г. Ознобишинъ «при всемъ народѣ, сказалъ, что они отличены знаками, чтобы творили судъ и правду народу» затѣмъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, а управляющій г. Ознобишина сдѣлалъ такое же приглашеніе сельскимъ старшинамъ. Изъ церкви до дому г. Озлобишина волостныхъ старшинъ везли на трехъ троечныхъ саняхъ, съ нарядными коврами. «Поѣздъ тронулся за нами, ѣхавшими въ возкѣ длинною вереницею, при ликующемъ народномъ говорѣ». По пріѣздѣ волостныхъ старшинъ въ домъ Д. Ознобишина «ихъ ввели въ залу» и угостили водкой, которую они пили «по русскому обычаю и кланялись въ поясъ хозяину и хозяйкѣ». Обѣдъ, которымъ угостилъ хозяинъ волостныхъ старшинъ, состоялъ изъ щей съ кулебякою, гречневой каши, огромнаго блюда ростбифа съ разными приправами (г. Катковъ, что вы чувствуете? Крестьяне, кушающіе ростбифъ! А? Какъ сильны начала-то, проповѣдуемые вами,—юный пѣвецъ Англіи и Суворова. Чего добраго, пожалуй, при новомъ торжествѣ кто нибудь нарядитъ волостныхъ старшинъ въ какіе нибудь пиджаки...) и слоенаго сладкаго пирога. Напитки, которыми угощалъ г. Ознобишинъ волостныхъ старшинъ были слѣдующіе: мадера, пиво, разныя водицы и, какъ бы вы думали, чѣмъ еще?—шампанскимъ! За обѣдомъ старшины занимались разными пріятными разговорами и «держали себя такъ, какъ будто и прежде всегда за онымъ сиживали». Пообѣдавъ, хозяинъ «повелъ ихъ по парадным комнатамъ» (затѣмъ слѣдуетъ описаніе комнатъ г. Ознобишина и что въ оныхъ находится). Послѣ угощенія старшинъ *кофеемъ*, хозяинъ произнесъ спичь, а въ заключеніе волостные старшины сами, позаимствовавъ любезностью отъ хозяина, наговорили какъ ему, супругѣ его, такъ и потомкамъ ихъ кучу самыхъ милыхъ любезностей и удалились съ миромъ во-свояси.

Впрочемъ не вездѣ люди такъ благодушествуютъ, какъ въ Симбирской губерніи. Пробѣгая иной разъ провинціальныя извѣстія, подумаешь, что живешь въ допетровской Россіи. Напримѣръ, ужъ ничто, кажется, хорошій городъ Кіевъ — и святыни тамъ

есть, и начальство попечительно и нѣсколько журналовъ издается, а все какъ повернешь тотъ же Кіевъ наизнанку — выходитъ Татаринъ. Ну, развѣ можно, чтобы въ Европѣ въ 1862 году бродяги дѣлали нашествія на домъ цѣлыми шайками, чтобы не проходило ни одной ночи чтобъ не было обворовано нѣсколько домовъ, какъ это совершается въ Кіевѣ. Представьте же теперь положеніе бѣдныхъ жителей города, которые не могутъ показать носу изъ дому, чтобъ не имѣть удовольствія встрѣтиться съ нѣсколькими ночными мошенниками?.. Впрочемъ, какъ видно, въ Кіевѣ путнику предстоитъ опасность не отъ однѣхъ только шаекъ ночныхъ воровъ, съ полнымъ комфортомъ разгуливающихъ по городу; стоитъ только прочесть письмо г, Дершмана, или протоколы кіевскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, чтобы убѣдиться, что вообще кіевская жизнь не усыпана розами. Изволите видѣть, г. Дершманъ просидѣлъ съ подорожной нѣсколько дней на кіевской станціи по неимѣнію, дескать, лошадей, въ то время какъ на почтовыхъ лошадяхъ возили картофель для г. губернскаго почтмейстера; Кіевъ слыветъ матерью всѣхъ городовъ россійскихъ, но если такова мать, то что же дѣлаютъ ея дѣтки. А вотъ что, напримѣръ, дѣлается. «Воровство, въ особенности конокрадство, развилось у насъ въ значительныхъ размѣрахъ, пишутъ изъ Златополя; близость пограничныхъ херсонскихъ степей много тому способствуетъ. Здѣсь существуетъ шайка канокрадовъ съ своими атаманами и агентами во всѣхъ мѣстечкахъ: они большею частью Евреи-фурманы. Конокрады такъ систематически организовали свой промыселъ, такъ дѣйствуютъ обдуманно и навѣрняка, такъ много имѣютъ по всей дорогѣ, отъ Елизаветграда до Умани, притоновъ и станцій, что уворованныя лошади, переходя изъ рукъ въ руки, въ теченіи сутокъ уводятся болѣе чѣмъ на 150 верстъ.

Что это такое?.. Да не мы ли же выше такъ много писали о прогрессѣ, объ общей работѣ, о лицахъ, составляющихъ проекты и соболѣзнующихъ о pauvre peuple? Впрочемъ, быть можетъ, истребленіе воровства и конокрадства есть занятіе слишкомъ ничтожное?..

Въ заключеніе нашей хроники мы считаемъ необходимымъ заявить о вновь вышедшихъ «Высочайше утвержденныхъ временныхъ правилахъ о надзорѣ за типографіями, литографіями и другими подобными заведеніями». Вотъ главнѣйшіе изъ правилъ: «Содержателямъ типографій, литографій, метоллографій и т. п. заведеній вмѣняется въ обязанность имѣть у себя для записки принимаемыхъ ими заказовъ

шнуровыя книги, въ которыя должны быть вносимы заглавія всѣхъ рукописей, предназначенныхъ къ изданію въ видѣ книгъ, журналовъ, брошюръ, газетъ и т. п., и краткое обозначеніе всѣхъ рисунковъ, эстамповъ, нотъ съ текстомъ и проч., предназначаемыхъ къ тисненію на отдѣльныхъ листкахъ или въ видѣ тетрадей и альбомовъ. Въ книгахъ должны быть кромѣ того указаны имена сочинителей, артистовъ и издателей, а равно и цензора пропустившаго рукопись или рисунокъ къ печати, съ означеніемъ времени выданнаго на то дозволенія. Книги должны быть ведены по формѣ, изданной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, пронумерованы, прошнурованы, подписаны мѣстною полиціею съ приложеніемъ печати и во всякое время открыты для должностныхъ лицъ, которымъ ввѣренъ надзоръ за типографскими заведеніями.

Въ тѣхъ типографіяхъ, гдѣ печатаются годовыя періодическія изданія, для которыхъ статьи посылаются къ цензору уже послѣ набора, въ видѣ корректурныхъ листовъ, содержателямъ дозволяется вносить въ шнуровую книгу только заглавіе годоваго изданія, не поименовывая въ ней каждой отдѣльной статьи. Но на ихъ личной отвѣтственности лежитъ обязанность наблюдать, чтобы подъ видомъ журнальной или газетной статьи, не печаталось отдѣльныхъ изданій съ собственнымъ заглавнымъ листомъ, безъ записки въ книгу. Всякій разъ какъ при обозрѣніи типографіи найдено будетъ, что набираемая или печатаемая рукопись не записана въ книгу, или неимѣетъ цензурнаго одобренія, содержатель типографіи обязанъ, по требованію обозрѣвающаго оную чиновника, удостовѣрить письменно, за собственноручнымъ подписомъ, что производящаяся работа дѣлается для такого-то періодическаго изданія и неиначе будетъ выпущена изъ типографіи, какъ по разрѣшеніи цензурою установленнымъ порядкомъ.

Всѣ лица, занимающіеся торговлей, складомъ или заготовленіемъ всякихъ принадлежностей тисненія, какъ-то скоропечатныхъ и другихъ машинъ и прессовъ, шрифтовъ, словолитныхъ аппаратовъ и т. п. предметовъ, также коммиссіонеры, принимающіе на себя выписку сихъ вещей изъ-за границы, должны на право сей торговли получить особое разрѣшеніе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ или ему подвѣдомственныхъ начальствъ тѣмъ порядкомъ, какимъ испрашивается дозволеніе на открытіе типографіи, и неиначе могутъ продавать вышеозначенные предметы, какъ по предъявленіи покупателемъ или заказчикомъ законнаго свидѣтельства на право содержанія типо-

графіи или удостовѣренія отъ мѣстнаго полицейскаго начальства, что предъявитель имѣетъ разрѣшеніе на покупку пріобрѣтенныхъ имъ предметовъ.

Продавцы и коммиссіонеры, о которыхъ упомянуто въ прошедшей статейкѣ, обязываются имѣть у себя шнуровыя книги, въ которыхъ должны быть показываемы: а) имя покупателя; б) мѣсто его жительства; в) предметы покупки, и г) на основаніи какого документа товаръ отпущенъ.

Отдѣльнымъ мастерамъ, механикамъ и проч., неимѣющимъ у себя постояннаго производства предметовъ тисненія, законнымъ порядкомъ имъ предоставленнаго, запрещается исполнять заказы и всякаго рода снаряды для типографскаго или литографскаго дѣла. Равнымъ образомъ всѣмъ, неимѣющимъ права торговли предметами тисненія, запрещается продажа не только новыхъ, но и бывшихъ въ употребленіи станковъ и другихъ предметовъ печатанія.

Всѣ лица, имѣющіе у себя книгопечатныя или литографскіе станки, машины, прессы, словолитни и т. п., хотя бы для собственнаго употребленія, обязаны заявить о семъ мѣстному, ближайшему начальству (въ городахъ—городской, въ селеніяхъ—земской, а въ заводахъ—заводской полиціи) въ теченіи двухъ мѣсяцевъ со дня обнародованія настоящихъ правилъ и пріобрѣсти на пользованіе ими разрѣшеніе отъ губернскаго начальства.

За нарушеніе всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ виновные подвергаются различнаго рода наказаніямъ, состоящимъ въ штрафахъ, арестахъ и окончательномъ запрещеніи; для постояннаго надзора за ихъ соблюденіемъ опредѣляются въ столицахъ особые чиновники, въ губерніяхъ же ихъ обязанность возлагается на чиновниковъ особыхъ порученій, имѣющихся при губернаторахъ; дѣла по этому предмету будутъ разсматриваться въ С. Петербургѣ въ управѣ благочинія, а въ другихъ городахъ въ губернскихъ правленіяхъ.

Между тѣмъ, какъ появляются отдѣльныя правила для типографій и для руководства гг. цензоровъ, ожиданіе новаго полнаго цензурнаго устава подстрекаетъ любопытство той части общества, которая болѣе и ближе заинтересована преобразованіемъ законовъ о печати. Въ какой бы формѣ ни выразились эти законы, само собою разумѣется, что не отъ нихъ будетъ зависѣть предполагаемое облегченіе литературы, а отъ ихъ исполнителей. Никакой кодексъ, ни одинъ законодатель не можетъ предусмотрѣть тѣхъ безчисленныхъ случаевъ, кото-

рые могутъ встрѣтиться въ примѣненіи буквы правила къ живому и постоянному видоизмѣненію идеи. Человѣческая мысль не зависитъ въ своемъ развитіи и даже выраженіи отъ нашихъ личныхъ капризовъ или внушеній, а зарождается и формируется подъ вліяніемъ самой жизни. Жизнь создаетъ и образуетъ хорошаго писателя, вызываетъ тѣ или другія направленія, возбуждаетъ вопросы и требуетъ разрѣшенія ихъ; не во власти честнаго литератора думать по заказу и восторгаться тѣмъ, что̀ противно его нравственному чувству; не во власти самостоятельнаго ума примѣняться къ требованіямъ какой бы то ни было внѣшней силы. Если дѣйствительныя и глубокія убѣжденія человѣка вытекаютъ изъ всей жизни его, то онъ не можетъ отказаться отъ нихъ, при всемъ его желаніи. Поэтому предупредительные законы едва ли могутъ измѣнить общее теченіе идей и сообщить имъ то или другое произвольное направлапіе. Мы убѣждены, что и послѣ изданія цензурнаго устава, какъ бы онъ обширенъ ни былъ, останется много простора личному усмотрѣнію цензора и его собственнымъ толкованіямъ. Кромѣ того, мы увѣрены и въ томъ, что частныя предписанія правительства, издаваемыя вслѣдствіе того или другаго текущаго обстоятельства, будутъ продолжаться по прежнему. Такова неизбѣжная участь всевозможныхъ цензуръ.

Въ виду такого порядка вещей, мы особенно желали бы возможно-лучшей опредѣлительности и точности въ цензурныхъ постановленіяхъ. Это—одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ избѣжать тѣхъ докучливыхъ и часто непріятныхъ столкновеній между цензурой и литературой, которыя доселѣ были бременемъ для той и другой стороны. Мы уже не говоримъ о потери времени, разъѣздахъ и совершенно безполезныхъ объясненіяхъ о такихъ предметахъ, которые равно темны для всѣхъ. Притомъ опредѣлительность цензурныхъ правилъ облегчитъ во многомъ самый умственный трудъ литератора. Когда я пишу тѣ или другія строки, я совершенно не знаю, будутъ ли онѣ дозволены къ печати или нѣтъ; еслибъ я могъ руководствоваться положительными данными и напередъ знать, что пройдетъ въ печати, тогда я постарался бы избѣжать напраснаго труда и излишнихъ расходовъ по типографіи, тогда я эти пять десять минутъ, даромъ потерянныхъ, могъ бы употребить на другую болѣе выгодную работу. А сколько потеряннаго времени окажется въ жизни каждаго писателя съ твердыми убѣжденіями и яркимъ талантомъ! Грустный, но общеизвѣстный фактъ тотъ, что русскій

писатель не можетъ прилично жить однимъ литературнымъ трудомъ; волей-не-волей онъ долженъ служить или заниматься частными дѣлами, чтобъ спасти отъ голода свою семью, если у него нѣтъ заранѣе обезпеченнаго состоянія. Конечно, можно указать на нѣкоторыя исключенія, въ особенности между журналистами, но сколько же этихъ исключеній въ нашемъ обществѣ, гдѣ всякій повѣренный и подъячій откупщика живетъ не только прилично, но и богато, и чего стоитъ этимъ журналистамъ ихъ счастливая карьера?.. Изъ отчета журнала министерства народнаго просвѣщенія мы видимъ, что на содержаніе цензурныхъ учрежденій расходуется 162, 574 р. При взглядѣ на такую цифру невольно хочется пожелать просвѣщенному министерству возможно-лучшаго выбора людей для цензурныхъ обязанностей.

Русское Слово уже нѣсколько разъ касалось одного изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ о воскресныхъ школахъ. Народное образованіе для насъ также необходимо, какъ воздухъ; безъ него весь нашъ прогрессъ есть ни болѣе, ни менѣе, какъ картонное построеніе, декораціонная выставка на голой и безплодной степи. Въ самомъ дѣлѣ, какая особенная польза отъ него, когда имъ не можетъ пользоваться большинство, и именно то огромное большинство, на счетъ котораго совершаются всѣ реформы, воспитываются лучшіе дѣятели, которому мы обязаны всѣмъ въ своей жизни. До тѣхъ поръ пока масса остается въ невѣжествѣ, безъ употребленія своихъ умственныхъ силъ, мы напрасно будемъ хлопотать о преобразованіяхъ народной жизни; ни труды, ни сельское хозяйство, ни производительныя силы, ни экономическія условія страны, ни нравственность, ни литература — ничто не можетъ развиваться правильно и совершенствоваться для блага народа. Къ сожалѣнію, едва начинающія прививаться воскресныя школы уже обратили на себя неблагопріятное вниманіе правительства. Сейчасъ мы прочитали извѣстіе о закрытіи двухъ воскресныхъ школъ въ С.-Петербургѣ. Газеты передаютъ это извѣстіе въ слѣдующемъ видѣ: «показаніями фабричныхъ работниковъ на Петербургской сторонѣ обнаружено, что въ двухъ воскресныхъ школахъ, Сампсоньевской, на Выборгской сторонѣ, и Введенской, на Петербургской, преподается ученіе, направленное къ потрясенію религіозныхъ вѣрованій, къ распространенію соціалистическихъ понятій о правѣ собственности и къ возмущенію противъ правительства. Два работника, сперва посѣщавшихъ Сампсоньевскую, а нынѣ посѣщающихъ Введенскую школу,

позволили себѣ въ артели возмутительные толки, отзываясь о политическихъ переворотахъ, о пользѣ пожаровъ, о надобности сжечь весь Петербургъ, и т. п. Значеніе подобнаго факта не требуетъ комментаріи. Означенные работники арестованы по распоряженію с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора.

По докладу о семъ министра внутреннихъ дѣлъ, высочайше разрѣшено: учредить особую слѣдственную коммисію, для подробнаго изслѣдованія, при депутатѣ отъ министерства народнаго просвѣщенія, дѣйствій распорядителей и преподавателей Сампсоньевской и Введенской воскресныхъ школъ и свойства преподаваемаго въ нихъ обученія, и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть обѣ школы, впредь до окончанія и разсмотрѣнія слѣдствія.

Слѣдственная коммиссія уже приступила къ исполненію возложеннаго на нее порученія, а вышепоименованныя двѣ школы закрыты».

ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА.

Опытъ драматичекихъ сценъ во вкусѣ трагедій Софокла, почерпнутыхъ изъ донесенія новой ревизіонной коммиссіи, назначенной общимъ собраніемъ акціонеровъ главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ.—Инженеры, не дающіе отвѣтовъ по работамъ. — Пропажа 1,268,737 руб. сер. въ главномъ обществѣ.—Г. Бларамбергъ и *орденъ Почетнаго Легіона.* — Нѣчто о контрактѣ г. Адельсона.— Щедрыя преміи главнаго общества. — *Почные* чиновники, выдуманные г. Коллиньономъ. — *Литературные* или *полемическіе* расходы. — *Наемные* писатели Journal de St.-Petersbourg и филантропическіе подвиги совѣта.—Какъ путешествуютъ чиновники главнаго общества за границей? — Состоятъ ли на службѣ общества г-жа *Жюли* и г-жа *Мартъ*? —Французскіе инженеры, страдающіе отъ русскаго климата. — Содержаніе библіотеки общества. — Финалъ. —Журнальный моръ и крушеніе нѣкоторыхъ органовъ. — *Вѣкъ* нынѣшній и *вѣкъ* минувшій. — Дурной глазъ Свистка — Появленіе г. Скарятина въ русской журналистикѣ и нѣчто о ржаніи.—Г. Заринъ и его метаморфоза.— «Новѣйшіе Репетиловы»—сцена въ ресторанѣ. — Праздникъ славянофиловъ въ Москвѣ и прологъ будущей поэмы. — Сходство русскаго языка съ итальянскимъ. — Выставка цвѣтовъ и растеній общества садоводства.—Ея краснорѣчивая характеристика. — *Лампы* г. Штанге на цвѣточной выставкѣ!!. Ея другія рѣдкости. — Новая порода Добчинскихъ и Бобчинскихъ. — Спектакль любителей. Г-жа Спорова, въ роли Офеліи. — Загородныя гулянья.—Возобновленіе Петровскихъ ассамблей.—Два курьезныя объявленія. — Точность и формальность — прежде всего!.. — Принципъ откупа. — Почему провинціалы гостепріимны и радушны?— Гуманное предпріятіе А. К. Копкина въ г. Бѣлозерскѣ.—Лиризмъ провинціальныхъ обличителей.—Благотворительный спектакль въ г. Пензѣ.—Пермскіе либералы.—Разныя извѣстія изъ провинціи.

Мѣсяцъ май, являвшійся всегда петербургскимъ жителямъ въ ореолѣ безконечныхъ пожаровъ, весеннихъ выставокъ и осеннихъ холодовъ и на этотъ разъ явился къ намъ съ тѣми же гостинцами, сопровождаемыми кромѣ того весенними голосами: австрійскаго литератора Шедо-Фероти, французскаго — г. Скарятина (о немъ смотри ниже) и публициста *ерика*, написавшаго въ Санктпетер-

бургскихъ академическихъ вѣдомостяхъ статью: «учиться или не учиться»? Нѣкоторые проницательные люди нашли, что эта статья служитъ объясненіемъ и эпилогомъ къ роману г. Тургенева «Отцы и дѣти», и считаютъ эту статью вполнѣ *передовой*, потому что она помѣщена въ самомъ началѣ одного изъ нумеровъ газеты г. Краевскаго. Хотя изъ послѣднихъ дѣяній нашихъ орографическихъ митинговъ извѣстно, что буква ъ — есть оскорбленная и униженная буква россійскаго букваря, но вѣроятно эта благородная литера хотѣла передъ смертью доказать міру, что она самая крѣпкая и премудрая гражданка и гибнетъ жертвою узкаго обскурантизма и широкаго невѣжества. Уповая вполнѣ на доброе сердце членовъ орографическаго комитета, мы увѣрены, что они, умилясь новыми подвигами буквы ъ, снова включатъ ее въ русскій алфавитъ. Русская же журналистика, утомленная своими долгими походами противъ г. Чернышевскаго, отдохнетъ наконецъ за чтеніемъ новаго автора и съ «ропотомъ любви» приметъ его въ свои объятія. Но, позвольте, господа: я вовсе не хочу теперь говорить о русской журналистикѣ и объ ея различныхъ явленіяхъ. Мы намѣрены заняться совсѣмъ другимъ и представить нашему читателю опытъ небольшой трагедіи въ прозѣ и стихахъ, съ хорами, на подобіе драмъ Софокла. Матеріаломъ для нашихъ сценъ послужитъ донесеніе *новой ревизіонной коммиссіи, назначенной общимъ собраніемъ акціонеровъ главнаго общества русскихъ желѣзныхъ дорогъ.* Годъ тому назадъ мы уже воспѣвали дѣянія главнаго общества. Наша бѣдная муза «башмаковъ еще не износила», въ которыхъ она шла за первой процессіей ревизіонной коммиссіи, и вотъ теперь снова должна зажигать свой факелъ и освѣщать имъ дѣянія французиковъ изъ Бордо, инженеровъ изъ Ліона и разныхъ иностранцевъ отъ Поцѣлуева моста. Но прежде, чѣмъ мы откроемъ свое драматическое представленіе, скажемъ два слова о томъ фатумѣ, который тяготѣетъ надъ почтенными главами акціонеровъ главнаго общества. Еще въ 1860 году, вѣруя въ непогрѣшимость дѣйствій совѣта, акціонеры силою почти двухъ тысячъ голосовъ выразили свой протестъ противъ контроля совѣта и противъ первой ревизіи, которая не хотѣла утвердить его отчета. «Сердца въ васъ нѣтъ»! крикнули акціонеры, и въ прошломъ году болѣе тысячи голосовъ утвердили отчетъ, отвергнутый ревизіонной коммиссіей, и выбрали новыхъ ревизоровъ. На эту новую ревизію акціонеры возложили всѣ свои надежды, воскликнувъ ей на встрѣчу:

— Явись, какъ Гераклъ, посланный Зевсомъ-Сотеромъ, освободи акціонернаго Титана отъ цѣпей и усмири наши волненія и смуты.

Но новый Гераклъ вмѣсто утѣшенія является къ нимъ съ такою рѣчью:

— Бѣдный Титанъ! Я не могу избавить тебя отъ акціонерныхъ цѣпей и оторвать отъ той скалы, къ которой приковало тебя главное общество. Бѣдный Прометей, вспомни, что мать твою называютъ Ѳемидой; Ѳемида, слѣпая, капризная и алчная старуха,—и потому всѣ мои усилія будутъ безполезны.

Раздается ударъ грома и блещетъ молнія. Страшное землетрясеніе.

Затѣмъ начинается акціонерная трагедія. Сцена представляетъ амфитеатръ, наполненный акціонерами. Въ огромной ложѣ, подъ тяжелымъ бархатнымъ балдахиномъ, засѣдаетъ совѣтъ. Посрединѣ амфитеатра — возвышеніе; на немъ — ревизіонная коммиссія. Надъ ложей совѣта помѣщается хоръ.

Ревизія открываетъ засѣданіе грознымъ veto.

Ревизія. Такъ какъ и прежнія коммиссіи, мы протестуемъ противъ дѣйствій совѣта и требуемъ къ суду за его непозволительное довѣріе къ главнымъ дѣятелямъ общества.

Хоръ.

От совѣта ждемъ отвѣта:
Это veto, это veto
Противъ дѣйствія совѣта.

—

Акціонеры. Намъ нужны прежде всего доказательства. Доказательствъ! Доказательствъ!

Ревизія. Доказательства слѣдующія: *инженеры* главнаго общества, вѣроятно, изъ сокращенія переписки, *не даютъ никакихъ отчетовъ по работамъ*; работы совершаются безъ всякаго контроля совѣта.

Совѣтъ (въ сторону). О, горе... О, горе!..

Ревизія. Гг. акціонеры! Мы не нашли въ обществѣ росписокъ на выдачу весьма ничтожной суммы—1,268,737 руб. сер. Мы не можемъ утвердить расхода, записаннаго пальцемъ на воздухѣ и предлагаемъ избрать для ревизіи новую коммиссію.

*

Акціонеры (находятся въ затруднительномъ положеніи и чешутъ затылки).

Хоръ.

У совѣта свои есть законы.
Онъ, не зная границъ и препоны
Можетъ сыпать вокругъ милліоны...
Что́ ему всѣ убытки и риски!
Воздвигая дома, обелиски,
Ни съ кого не беретъ онъ росписки,
И исполненный правды и вѣры
Онъ для васъ, господа инженеры,
Сыплетъ деньги безъ счету, безъ мѣры...

Совѣтъ. Въ свое оправданіе я могу только сказать, что документы и росписки не представлены *преимущественно* по ковенскому тоннелю.

Голосъ изъ коммиссіи. Помилуйте, господа старейшины! Что же это за оправданіе! Почему же работы по ковенскому тоннелю избавлены отъ контроля?

Совѣтъ (торжественно). Потому что начальникъ ковенскихъ работъ г. Бларамбергъ получилъ *орденъ Почетнаго Легіона*, слѣдовательно онъ заслуживаетъ наше довѣріе.

Акціонеры (съ рукоплесканіемъ). Браво! Браво!..

Хоръ.

Этихъ старцевъ сердце юно,
Мой и *твой*—для нихъ равны,
Ихъ новѣйшая коммуна
Лишь дика для старины.
Нашъ совѣтъ, премудрый въ дѣлѣ,
Щедръ на деньги, какъ король,
И для ковенской тоннели
Отвергаетъ онъ контроль.
Что́ ему имперіалы?
Ихъ пуская прямо въ ходъ,
Онъ чужіе капиталы
Бларамбергу выдаетъ.
Нѣтъ! Для васъ, акціонеры

Лучъ надежды не померкъ,
Не теряйте вашей вѣры:
Возвратится Бларамбергъ.
Знайте всѣ: во время оно,
Вамъ служа, по мѣрѣ силъ,
Орденъ славный *Легіона*
Онъ не даромъ получилъ.
Будь онъ въ Вѣнѣ, въ Пизѣ, въ Ниццѣ—
Спите мирно, господа:
Тотъ, кто съ орденомъ въ петлицѣ—
Не обманетъ никогда.

Голосъ изъ ревизіон. коммиссіи. Перейдемъ теперь къ дѣлу г. *Адельсона*, къ дѣлу, до котораго насъ почему-то совѣтъ не допустилъ. Поставляемъ теперь на видъ это дѣло будущимъ археологическимъ изслѣдованіямъ новой коммиссіи. Совѣтъ былъ почему-то такъ великодушенъ къ Адельсону, что его подрядныя цѣны были два раза возвышены въ одинъ и тотъ же годъ, да еще какъ возвышены!.. Контрактъ былъ сначала заключенъ на шесть милліоновъ руб. сер., а потомъ возвысился до 13½ мил. р. с. Дѣло весьма любопытное и мы желая его разобрать, просили совѣтъ о передачѣ намъ подлинныхъ бумагъ по дѣлу Адельсона, но намъ отказали въ просьбѣ. Почему, позвольте узнать?

Совѣтъ (послѣ нѣкотораго молчанія). Будучи отъ природы любознательны, мы сами думали разсмотрѣть это дѣло и уничтожить контрактъ съ этимъ подрядчикомъ, но... но за недосугомъ не успѣли. Мы, люди занятые, да притомъ и хилые—намъ извинительно.

Хоръ.

Справедливо, справедливо!
Старики больны и хилы.
Тамъ, гдѣ юность не лѣнива,
Старцы тамъ теряютъ силы.
Дряхлость ихъ—есть оборона
Предъ ошибкой, передъ ложью...
Это дѣло Адельсона
Предадимъ на волю Божью.

Голосъ изъ ревизiон. коммиссiи. Кромѣ дѣла Адельсона, мы, разсматривая расходы на постройки, нашли столько необъяснимыхъ недоразумѣнiй, что просили совѣтъ объяснить ихъ намъ, но получили наивный отвѣтъ, что разъясненiя потребовали бы усиленныхъ работъ, вѣроятно потому, что совѣтъ совершенно не былъ знакомъ съ ходомъ работъ и построекъ.

Въ ложѣ совѣта вмѣсто отвѣта раздается порывистый кашель и сморканiе носовъ.

Голосъ изъ ревизiон. коммиссiи. Будемъ продолжать дальше. Совѣтъ, избѣгая всякаго труда, вреднаго для его здоровья, не забывалъ все-таки своей системы поощренiя. Такимъ образомъ, главные инженеры, на которыхъ лежала вся отвѣтственность за расходы, покидаютъ общество и отправляются за границу, но отправляются не съ пустыми руками, а съ громадными премiями. Чтó передъ ними всѣ Демидовскiя и другiя премiи! Всего назначено выдать 645,000 руб. сер. премiи. Одинъ Коллиньонъ получилъ въ премiю 125 т. р. с. и уѣхалъ теперь сорить эти деньги на всемiрной выставкѣ. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, не поощрить г. Коллиньона за его безцѣнныя услуги обществу, а ужъ если такого вельможу поощрятъ, то нужно это дѣлать тоже по вельможному: менѣе 125 т. р. с. ему и предложить совѣстно.

Второй голосъ изъ ревизiон. коммиссiи. Что г. Коллиньонъ особа немаловажная, можно судить по тому, что у него каждую ночь дежурилъ особый чиновникъ, получавшiй по 3 р. с. за ночь. Зачѣмъ же содержать *ночнаго* чиновника и платить ему 90 р. с. въ мѣсяцъ? Ужели *дорогая* въ полномъ смыслѣ слова жизнь г. Коллиньона была на столько въ опасности, что онъ не могъ обойдтись безъ рынды, безъ тѣлохранителя? (Смѣхъ).

Первый голосъ изъ ревизiон. коммиссiи. Какъ мы уже говорили, всѣхъ премiй оказалось на сумму болѣе чѣмъ на полмиллiона. Поощренiе, какъ видите, щедро и не имѣющее никакого смысла.

Голосъ изъ совѣта. Это зависть говоритъ, одна зависть!.. Еще недавно русскiй поэтъ князь de Wiazemsky упрекалъ въ зависти своихъ соотечественниковъ... Зависть... Зависть...

Хоръ.

Подвигъ великiй опять!
Развѣ величья въ немъ нѣту?

Гимновъ нельзя не слагать
Автору премій—совѣту.
Такъ поощряетъ, какъ онъ,
Встрѣтишь на свѣтѣ не часто...
Гдѣ бы нашелъ Коллиньонъ
Тысячъ почти полтораста?
Кто ему строилъ дворецъ,
Въ статуяхъ, въ бронзахъ и въ урнахъ?
Кто ему далъ, наконецъ,
На ночь безсмѣнныхъ дежурныхъ?
Всю эту, всю благодать
Выдумалъ геній совѣта...
Премій такихъ не видать
Намъ до скончанія свѣта,
(Послѣ паузы).
Гостя невскаго, московскаго,
Иностранцевъ лучшій цвѣтъ,
Кальцоляри и Островскаго
Наградить готовъ совѣтъ.
Пусть иными обскурантами
Сей послѣдній обличенъ —
Здѣсь-бы былъ ста бриліантами
Авторъ «Минина» почтенъ.
Въ родѣ новой эпидеміи
Щедрость въ обществѣ живетъ,
И за преміями преміи
Тотъ кто хочетъ и беретъ.

Голосъ одного изъ умѣренныхъ ревизоровъ. Хотя мы дѣйствительно нашли, что многіе изъ сдѣланныхъ расходовъ представляютъ большую «*щедрость администраціи*» и даже, такъ сказать, «*излишество*», но, гг. акціонеры, вы все же можете утѣшить себя тѣмъ, что «эти расходы дѣйствительно произведены».

Нѣкоторые акціонеры. Ну, это не совсѣмъ утѣшительно, и намъ отъ того не легче...

Первый голосъ изъ коммиссіи. Вѣроятно многимъ любопытно будетъ узнать нѣкоторые изъ расходовъ, которые дѣлались *на деньги акціонеровъ.* Начнемъ съ самыхъ любопытныхъ, которые назовемъ *литературными* или *полемическими расходами.*

(Общее удивленіе и шепотъ).

Голоса отъ акціонеровъ. Что это значитъ? Полемика въ главномъ обществѣ? Что это за непонятные расходы?

Первый голосъ изъ коммиссіи. Какъ вамъ, гг., извѣстно, журналистика не совсѣмъ пріязненно встрѣтила дѣянія главнаго общества. Общество рѣшилось защищаться тѣмъ же оружіемъ, чтобъ оправдать французскихъ инженеровъ и членовъ совѣта. По этому общество обратилось къ редакціи Journal de St.-Petersbourg, гдѣ *наняла* полемиста, которому платила по *пятидесяти копѣекъ* (!?) за строчку. Такимъ образомъ, за шесть оправдательныхъ статеекъ она заплатила 714 рублей. Кромѣ того, совѣтъ израсходовалъ 2,912 р. за напечатаніе *статей* въ разныхъ *русскихъ* журналахъ. Желательно знать, какіе это русскіе журналы?

Совѣтъ (не издаетъ ни какого звука).

Голосъ изъ коммиссіи. Потомъ слѣдуетъ плата за объявленія. Двѣ французскія газеты Journal de S.-Petersbourg и le Nord заключили съ обществомъ контрактъ за годовыя помѣщенія объявленій. Journal de S.-Peterbourg платилось 1000 р. с., а le Nord—200 р. За болѣе частыя объявленія приплачено было еще 287 р., да за напечатаніе отчета въ журналѣ *отпущено* 835 р. с. Такимъ образомъ всего на журнальные дани израсходовано 5,748 р. с.

Одинъ либеральный акціонеръ, помѣщающій кое-гдѣ свои статейки. Пять тысячъ! Эка штука! воскликну я словами одного знакомаго мнѣ редактора газеты. Что значитъ для совѣта 5 т., когда нашими же деньгами онъ заплатилъ 47,537 р. с. *процентовъ, за просрочку* перваго платежа за одинъ заводъ, имъ пріобрѣтенный.

Голосъ изъ коммиссіи. Въ числѣ нѣкоторыхъ великодушныхъ дѣйствій совѣта у него оказалось еще милая привычка — выдавать служащимъ французамъ деньги заимообразно, въ счетъ будущей ихъ службы; такъ гг. Полинье, Мондезиръ и Герель получили 7 т. р. с. Что же теперь оказывается? Нѣкоторые служащіе, получивъ деньги, уѣхали во Францію и *забранныя впередъ деньги пропали.*

Головъ изъ совѣта. Мы предлагаемъ сложить эти деньги со счетовъ...

Одинъ изъ акціонеровъ. Т. е. вынуть эти деньги изъ нашего кармана: покорнѣйше васъ благодаримъ.

Голосъ изъ коммиссіи. Главное общество вполнѣ можно назвать филантропическимъ обществомъ за его благотворительность. Г. Коллиньонъ это хорошо понялъ, и въ разные сроки взялъ у общества тоже

заимообразно, *на свои домашнія нужды*, болѣе 12,000 р. с. Что скажетъ на это совѣтъ?

Совѣтъ испускаетъ глухіе стоны.

Голосъ изъ р. коммиссіи. Изъ донесеній прошлогодней ревизіи мы уже знаемъ, какъ путешествовали Французы по Россіи и какіе фантастическіе переѣзды совершалъ г. Легетръ. Теперь мы узнаемъ, что чиновники главнаго общества не менѣе фантастически путешествуютъ за границей. Тому примѣромъ можетъ служить г. Веберъ. Долго бы было разсказывать, какъ этотъ новый Монте-Кристо *переправлялся* изъ Парижа въ Петербургъ; скажемъ только одно, что переѣздъ этотъ стоилъ обществу ровно 2,069 р. с. Если только совѣту извѣстно разстояніе между Парижемъ и Петербургомъ и приблизительныя издержки на переселеніе изъ одного города въ другой, то онъ можетъ сообразить какъ путешествовалъ г. Веберъ.

Также, напримѣръ, г. Герель на переѣздъ изъ Москвы въ Петербургъ истратилъ 500 р. с., а г. Герену (старому нашему знакомому), который имѣетъ 4 курьеровъ иностранцевъ, общество выдало 4,400 р. с. *награды*. Перейдемъ теперь къ весьма интереснымъ расходамъ *по врачебной части*. Хотя по одной варшавской линіи открыто 9 врачебныхъ округовъ и на содержаніе докторовъ выдано 20 т. р. с., по какой-то игрѣ случая понадобились еще частные доктора (имъ заплачено 5,740 р.) и притомъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ живутъ врачи главнаго общества. Въ числѣ многихъ странныхъ расходовъ есть, напр., слѣдующіе: «доктору Лешпевскому 33 р. *за леченіе г-жи Жюли* (?!) и с. доктору Розенблюму 10 р. *за леченіе г-жи Мартъ*». Это можно объяснить только тѣмъ, что вѣроятно эти дамы находятся тоже на службѣ общества (смѣхъ).

При такой-то системѣ леченія на покупку однихъ лекарствъ было израсходовано въ теченіи года $16^1/_2$ т. р. с.

Голосъ изъ совѣта. Въ этомъ нужно уже винить нашъ суровый климатъ, котораго не могутъ выносить Французы. Если бы не наше участіе, то ихъ въ Россіи постигла бы участь Французовъ подъ Москвой въ 1812 году—они бы замерзли.

Голосъ изъ коммиссіи. Совершенно справедливо. Мы видимъ это изъ отчетовъ, въ которыхъ нашли, что для одного г. Поле *куплено ваты* на 11 р. 60 к. (смѣхъ). Впрочемъ, изъ вѣдомостей видно, что тѣ лица, для которыхъ выписывались лекарства, не значатся въ спискахъ больныхъ и потому мы даже не знаемъ для кого

именно выписывались лекарства, большею частью очень цѣнныя. Вѣроятно это дѣлалось по той теоріи, что «хотя больныхъ нѣтъ, но они могутъ быть».

Другой голосъ изъ коммиссіи. Неугодно-ли еще замѣтить другой фактъ о предусмотрительности совѣта. Ревизіи извѣстно, что въ Петербургѣ, въ томъ самомъ зданіи, гдѣ помѣщается совѣтъ, находится крошечная библіотека, состоящая только изъ 355 сочиненій и нѣкорыхъ журналовъ за три года. Вся эта библіотека стóитъ около 4,000 р. Содержаніе же этой библіотеки (у которой есть библіотекарь *съ помощникомъ* (?) по однимъ окладнымъ выдачамъ обходится обществу въ 2,300 р. с. Что скажутъ на это господа акціонеры?

Три, четыре акціонерные голоса. Мы протестуемъ, рѣшительно протестуемъ.

Акціонеръ съ бородой. Совѣтъ долженъ дать полный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

Акціонеръ, пописывающій кое-гдѣ въ газетахъ. Я объ этомъ напишу громовую статью.

Акціонеръ изъ отставныхъ корнетовъ. Вѣдь за такія штуки можно. У насъ въ арміи...

Акціонеръ помѣщикъ. Мнѣ подай мои деньги, а тамъ мнѣ— трава не рости...

Акціонеръ въ вицъ-мундирѣ. Нужно сперва донесеніе коммиссіи хорошенько изслѣдовать, а потомъ и судить совѣтъ—пусть и онъ заявитъ свое мнѣніе.

Господинъ въ парикѣ съ тоненькимъ голоскомъ. Совершенно справедливо! Ревизоры слишкомъ придирчивы—у нихъ вездѣ задняя мысль...

Старый селадонъ восьмидесяти лѣтъ (шепотомъ). Мое мнѣніе, господа, мое мнѣніе... позвольте мнѣ сказать... члены совѣта стоятъ полного довѣрія... господа, позвольте, позвольте сказать мнѣ свое мнѣніе...

Толстый господинъ, спавшій во все время засѣданія. Охота толковать объ этомъ. Пора бы и закусить идти.

Откупщикъ. Ревизоровъ нужно бы всѣхъ на смѣну. Пусть по акцизу лучше идутъ служить.

Акціонеръ изъ отставныхъ корнетовъ. По моему такъ по... У насъ въ арміи...

Многіе голоса. Да здравствуетъ совѣтъ! Прочь ревизоровъ!.. Зависть одна въ нихъ говоритъ... Пустоголовые прогрессисты... Да здравствуетъ совѣтъ!

Хоръ.

Пусть ревизоры лукавые
Членовъ совѣта не чтутъ,
Образы ихъ величавые
Долго въ вѣкахъ не умрутъ,
Но обходя всю вселенную
Вызовутъ рядъ пирамидъ,
Даже Скарятинъ безцѣнную
Книгу о нихъ сочинитъ...
Пусть филантроповъ утопіи
Для обличителей—бредъ,
Но идеалъ филантропіи
Въ жизни проводитъ совѣтъ.
Лучше иной академіи
Онъ просвѣщаетъ народъ,
Самыя щедрыя преміи
Всѣмъ, кто пришелъ, раздаетъ.
Платитъ оброки въ редакціи,
Чтобъ успокоить умы,
Въ руки забравши всѣ акціи,
Деньги вручаетъ въ займы.
Сыплетъ щедроты для ближняго
Всюду—вблизи и вдали,
Лечитъ отъ Луги до Нижняго
Мартъ съ г-жею Жюли.
Смолкни же зависть коварная,
Смолкни теперь навсегда
Въ небѣ взошла лучезарная
Членовъ совѣта звѣзда.

Водворяется полная тишина. Восходъ солнца. Занавѣсъ опускается.

На этотъ разъ довольно говорить объ акціонерахъ главнаго общества. Текущій годъ тяжелъ не для однихъ акціонеровъ. Капиталисты плачутъ, откупщики, помѣщики плачутъ, домовладѣльцы тоже на что-то жалуются... Въ русской журналистикѣ также не совсѣмъ

благополучно. Кромѣ нашествія варваровъ подъ предводительствомъ разныхъ Безрыловыхъ, Нескажусей, Охочекомонныхъ и Ериковъ, она потерпѣла и другія невыгоды. Не одинъ ея органъ сошелъ въ могилу. Невинная, добродѣтельная *Русская Рѣчь* кончила свою смиренную карьеру; *Зоря* совсѣмъ не явилась, даже не зарумянилась; С.-Петербургскія Вѣдомости, управляемыя г. Краевскимъ, доживая свои послѣднія часы, думаютъ только воскреснуть подъ родительскимъ кровомъ г-на Корша. Единственный органъ Евреевъ, Сіонъ, и тотъ недавно объявилъ о своемъ прекращеніи. Редакція Сіона извѣщаетъ, что, «встрѣчая особенныя препятствія къ опроверженію неосновательныхъ обвиненій, взводимыхъ нѣкоторыми изъ органовъ русской журналистики на Евреевъ и еврейскую религію, а равно къ раскрытію истиннаго духа послѣдней, редакція Сіона считаетъ своею обязанностью прекратить свое изданіе до исходатайствованія болѣе обширной «программы».

На дняхъ еще совершилось новое крушеніе. Газета *Вѣкъ*, съ такимъ шумомъ и трескомъ начавшая свое земное поприще въ прошломъ году, по мановенію редакторскаго жезла г. Вейнберга послѣ медленнаго недуга, скончалась. Напрасно почтенный кружекъ нѣкоторыхъ литераторовъ думалъ поднять упавшую репутацію газеты; онъ сдѣлалъ все, что только могъ сдѣлать, — но старая фирма газеты страшитъ каждаго читателя, какъ роковыя слова: «мани, факелъ, фаресъ», и потому злополучный *Вѣкъ*, памятный всѣмъ по своей прошлогодней дѣятельности, умчался въ слѣдъ за Русской Рѣчью. Вѣдь большинство нашей публики въ этихъ случаяхъ не разбираетъ; публика не взяла на себя труда

... посмотрѣть, да посравнить
Вѣкъ нынѣшній и *вѣкъ* минувшій...

и роковое паденье свершилось... Впрочемъ, по моему, можетъ быть, ошибочному мнѣнію *минувшій Вѣкъ* палъ не отъ одного равнодушія публики. Вѣкъ сглазилъ Свистокъ; у Свистка глазъ не хорошій и рука тяжелая. Напр., едва только Свистокъ попробовалъ прославить Н. И. Костомарова, какъ на него посыпались со всѣхъ сторонъ разные журнальные нападки. Громеку воспѣлъ Свистокъ—и Громека какъ въ воду канулъ. То же самое случилось и съ Вѣкомъ. Едва только этотъ младенецъ появился на Божій свѣтъ, выбравъ своими

воспріемниками, кажется, болѣе сотни литераторовъ, имена которыхъ были выставлены въ объявленіи Вѣка, какъ Свистокъ тотчасъ же поднесъ ему на зубокъ торжественную оду. Припомнимъ нѣкоторые куплеты:

Вѣкъ Пожарскаго и Минина,
Дружбу князя съ мясникомъ,
Вѣкъ Кавелина, Дружинина
Возвратитъ намъ цѣликомъ.

—

Въ Вѣкѣ Вейнберга, Кавелина
Будетъ всюду тишь да гладь,
Ибо въ немъ для счастья велѣно
Всѣмъ законы изучать.

—

Вѣкъ счастливый Безобразова
Бѣдняка обогатитъ,
Зрячимъ сдѣлаетъ безглазаго
И банкруту дастъ кредитъ...

—

Будетъ зрѣло все, что зелено,
И свершится человѣкъ...
Вѣкъ Дружинина, Кавелина
Чернокнижникова Вѣкъ!...

Мѣсяца не прошло съ появленія этой оды—и вотъ

Вѣкъ Дружинина, Кавелина
Укротилъ свой быстрый бѣгъ...
И сложить въ могилу велѣно
Ставшій хладнымъ трупомъ Вѣкъ.

Вотъ какой дурной глазъ у Свистка. Пусть же осторожные родители берегутъ своего ребенка отъ его глаза, даже «Ребенокъ» г. Бобарыкина не избѣжитъ печальной участи, если Свистокъ какъ нибудь случайно на него взглянетъ. Пусть глазитъ свистопляска кого ей угодно, мы боимся только за одного человѣка, мы трепещемъ за одинъ новый талантъ, который нужно на первыхъ порахъ поощрить, а не запугивать рѣзкимъ свисткомъ. О, безсердечные ры-

цари свистопляски! Возмите хоть примѣръ съ Сѣверной Почты и вмѣстѣ съ ней поддержите молодое дарованіе г. Скарятина. Сѣверная Почта первая отличила его и первая поздравила А. А. Краевскаго съ новымъ, даровитымъ сотрудникомъ. Обращаюсь къ читателямъ, которые, я думаю, уже давно оцѣнили тонкое чутье и тактъ С. Почты; они вѣроятно обратятъ свое вниманіе на писателя, отмѣченнаго ея прорицательнымъ перстомъ. Воспитанный въ англійскихъ паркахъ Русскаго Вѣстника, г. Скарятинъ явился на аренѣ петербургской журналистики въ то время, кода она тосковала объ отсутствіи сильныхъ талантовъ, когда г. Краевскій дѣлалъ свой «свистокъ», а Сѣверная Пчела всѣ свои передовыя статьи посвящала часовой цѣпочкѣ г. Чернышевскаго. Время было мрачное, безрадостное. Въ эти-то дни г. Скарятинъ явился передъ нами съ своей статьей: «Образцы самоновѣйшаго краснорѣчія» (С. П. Вѣд., № 58). Это были записки стенографа, приправленные собственнымъ юморомъ автора. Что это былъ за юморъ, что за остроуміе!.. Успѣхъ статьи былъ полный. Но дѣятельный геній г. Скарятина не дремалъ. Онъ сочинилъ восторженную статью... о чемъ бы вы думали?.. «О выкупѣ», составилъ письма о Кавказѣ и наконецъ читалъ публично свое замѣчательное сочиненіе «Нѣсколько словъ о современномъ положеніи Франціи». Въ этотъ роковой вечеръ я былъ во 2-й гимназіи на засѣданіи орѳографическаго общества, совершенно не подозрѣвая, что въ тотъ же вечеръ и въ томъ же зданіи назначенъ публичный литературный вечеръ.

— А пойдете вы на литературное чтеніе? спросилъ меня не помню кто-то во время орѳографическихъ преній.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мнѣ хочется быть здѣсь. А кто будетъ читать?

— Какъ, вы не знаете? Кромѣ того, что вы услышите г-жу Толмачеву, кромѣ того сегодня учавствуетъ въ чтеніи знаменитый литераторъ, г. Скарятинъ.

Тутъ пришелъ мой чередъ удивиться. Какъ не интересны были для меня пренія о буквахъ ѣ и о, я не просидѣлъ въ засѣданіи лишней минуты, и тотчасъ же бросился въ залу, на чтеніе. Въ это время Полонскій читалъ свое «Свѣжее преданіе»... Я слушалъ сначала внимательно, рукоплескалъ при каждомъ хорошемъ стихѣ и терпѣливо дожидался конца. Но конца все не было. Торжественное чтеніе лилось, лилось, не переставая; глаза мои сталъ застилать какой-то ту-

манъ, рѣсницы слипались и я—да простятъ меня боги—уснулъ сладко и спокойно... Вдругъ громъ рукоплесканій разбудилъ меня. Открываю глаза и начинаю смотрѣть: передъ публикой, наконецъ, явился г. Скарятинъ съ тетрадкой въ рукѣ и чтеніе началось. Это былъ гимнъ наполеоновской Франціи, гимнъ примиряющій, успокоивающій, открывшій намъ поэзію и благодать тамъ, гдѣ мы ихъ не думали встрѣтить... Великолѣпные, круглые, самые правильные монологи вырывались изъ устъ г. Скарятина; мнѣ показалось даже, что я слушаю продолженіе «Свѣжаго преданія». Одинъ слогъ его статьи чего стоитъ! Самъ Ѳома Ѳомичъ, слогъ котораго всѣ ставили нѣкогда за образецъ, не имѣлъ тутъ никакого значенія... Когда г. Скарятинъ замолчалъ, кончивъ чтеніе, я не могъ не подосадовать, что оно не можетъ продолжаться еще, еще, почти не прекращаясь... Слушая рѣчи г. Скарятина, я, полный восторга, пересталъ даже мыслить, думать пересталъ и только слушалъ ихъ съ безсознательнымъ восторгомъ.

Я-бъ желалъ, тѣ рѣчи повторяя,
Слушать ихъ до истощенья силъ,
Чтобы весь день, всю ночь мой слухъ лаская,
Господинъ Скарятинъ говорилъ...

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого вечера, статья «О современномъ положеніи Франціи» появилась въ С. П. Вѣд., купленная, говорятъ, на вѣсъ золота...

Еще не стихли ахи и крики восторга, еще не остыло въ насъ первое впечатлѣніе послѣ статьи новаго публициста, какъ вдругъ снова появляется въ Современной Лѣтописи его удивительная статейка: «О табунныхъ и нѣкоторыхъ другихъ свойствахъ русскаго человѣка». Въ этой статейкѣ г. Скарятинъ явился коментаторомъ одного маленькаго стихотворенія г. Фета. Въ стихотвореніяхъ Фета, какъ извѣстно, отвергаютъ всякую мысль; г. Скарятинъ опровергаетъ это.

Припомните слѣдующую пѣсенку Фета:

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ ивы,
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ извивы.

От вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ ползетъ лѣсною высью;
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.

Не читая статьи г. Скарятина, вы, пожалуй, не найдете въ этой пѣснѣ никакой «печати мысли»; только послѣ статьи, которая, такъ сказать, *очеловѣчила* это стихотворенiе, вы поймете ея глубокiй смыслъ и особенно смыслъ послѣднихъ двухъ стиховъ:

Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.

Прочитавъ статью, вы догадаетесь, что это не простой табунъ несется, а табунъ, состоящiй изъ русскихъ людей, изъ васъ самихъ, мои милые читатели. Если не вѣрите, спросите г. Скарятина: онъ вамъ это, какъ дважды два—четыре докажетъ, что ржать — ничего, можно—всѣ ржутъ, а на людяхъ и смерть красна...

Ржанiе въ почетѣ
Въ этотъ смутный годъ:
Ржалъ Шедо Ферроти,
Наше Время ржетъ,
Ржетъ, какъ стадо въ полѣ,
Обскурантовъ рать...
Чтожъ? Скорятинъ, что-ли,
Началъ первый ржать?..

Какъ бы то ни было, а г. Скарятинъ первый въ наше время началъ вновь проповѣдывать о переселенiи душъ: у него люди обратились въ лошадей. Онъ въ этомъ случаѣ оказался гораздо смѣлѣе г. Бланка, который просто причисляетъ людей къ скотамъ.

Итакъ мы видимъ теперь, что таланты у насъ все-таки есть: одинъ г. Скарятинъ десятерыхъ стоитъ. Таковъ ужъ дѣятельный духъ времени: онъ изъ ничего созидаетъ и раздуваетъ пламя дарованiй тамъ, гдѣ мы ихъ и не подозрѣвали. Вспомните, напримѣръ, о томъ: какова была годъ тому назадъ литературная дѣятельность г. Зорина? Чѣмъ онъ занимался? Начинаемъ припоминать и находимъ, что г. Зоринъ пописывалъ любовные, слезоточивые стишки, воспѣвалъ луну и

теплую погоду, слезы и розы, какія-то *поблѣднѣвшія черты лица* (?!), плакалъ о милой и о томъ, что ночь морозная ея «нѣжное тѣло знобитъ». Вотъ чѣмъ развлекался г. Зоринъ! И это недавно, не въ лѣта «пылкой юности», а всего одинъ только годъ назадъ. Но Сатурнъ не дремалъ, дѣлалъ свое дѣло, и теперь мы не узнаемъ г. Зорина съ запасомъ сладкихъ пѣсенъ къ лунѣ и къ милой... Теперь онъ принялся за критику, самую ужасную, самую страшную критику... Никому не даетъ пощады, всѣхъ *критикуетъ*.

— Ахъ, какія ужасти! вскрикнули бы милыя барышни съ галерной гавани, что за ужасный кавалеръ!

Дѣйствительно, опасный критикъ г. Зоринъ. Никто не могъ и предположить, чтобъ авторъ конфетныхъ куплетцевъ вдругъ преобразился въ такого свирѣпаго критика, которому все ни по чемъ: мои, дескать, статьи—есть вещь, а прочее все гиль. Никому онъ пощады не даетъ, даже своимъ сотрудникамъ по журналу. Напримѣръ, въ апрѣльской книжнѣ Библ. для Чт. г. Всеволодъ Крестовскій помѣстилъ свое стихотвореніе, а г. Зоринъ, въ той же самой книжкѣ, вотъ что говоритъ о г. Крестовскомъ: «Какое же есть отношеніе между г. Крестовскимъ и какимъ бы то ни было направленіемъ? Онъ пишетъ стишки иногда вовсе *бездарные*, иногда такъ-себѣ, — вотъ и все». Вотъ что значитъ истинное-то безпристрастіе!.. А вамъ г. Крестовскій и по дѣломъ: въ другой разъ и не отдавайте вашихъ стиховъ въ такіе безпристрастные журналы, а то вѣдь выходитъ не хорошо...

Что же касается до направленія самыхъ статей г. Зорина, то онъ въ этомъ собаку съѣлъ. Вы чувствуете, что направленіе есть, а какое—не угадаете, какъ ни напрягайте свой умишко. Если же вы, паче чаянія, и угадаете что нибудь, то ужъ лучше пожалуйста молчите. Авось мы и сами догадаемся, и тогда... Пока еще мы только почерпаемъ одни отрывочныя, но глубокія мысли изъ статей г. Зорина. Вотъ хоть послѣдняя его статья «Не въ бровь, а въ глазъ»... чего тамъ нѣтъ: просто всемірная выставка разныхъ великихъ мыслей. Такъ прямо бери готовыя и вези въ Лондонъ. Беремъ двѣ,-три наудачу:

«Солнце навсегда останется удивительнымъ свѣтиломъ».
«Отъ полдюжины словъ: «принципъ»—все человѣчество обезумѣло».

«Кого ненавидятъ, *того ненавидятъ,* а не презираютъ».

«Кого презираютъ, того *презираютъ,* а не ненавидятъ» и т. д.

И вотъ все такія новыя и богатыя мысли...

За то спросите теперь нѣкоторыхъ современныхъ Репетиловыхъ, какого они мнѣнія о статьяхъ гг. Зорина, Охочекомоннаго, Скарятина и т. д., и т. д. Спросите ихъ, и они общимъ хоромъ скажутъ вамъ... Но позвольте, у меня есть небольшая сцена, въ которой одинъ изъ такихъ Репетиловыхъ раскроетъ свою душу. Прошу, если не скучно, прослушать.

СЦЕНА ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Одинъ изъ Репетиловыхъ появляется въ дверяхъ. *Пріятель* сидитъ за обѣдомъ.

Репетиловъ.

Ба! вижу я кого? Позволь тебя обнять,
Любезный другъ, товарищъ, сослуживецъ!
Сюда, ко мнѣ, цѣлуй меня, лѣнивецъ.
Не видѣлъ столько лѣтъ и вижу вдругъ опять.
Прошу жъ предчувствіе мое растолковать.
Сейчасъ по Невскому иду,
Прогулка для меня есть нѣчто въ родѣ службы,
Вдругъ Доминикъ смотрю: хоть нѣту вовсе нужды,
Дай, думаю, зайду.
И вотъ спѣшу, лечу, прохожихъ вкругъ толкаю,
Двумъ дамамъ оборвалъ хвосты,
Вхожу, и наконецъ—пріятеля встрѣчаю...
О, дружба, это ты!
(Бросается обнимать его)

Пріятель.

Скажи, любезный другъ, ты боленъ? Пьянъ ты, что-ли?

Репетиловъ.

Mon cher, кто нынче пьетъ! Теперь мнѣ до того-ли.
Вино родитъ хандру, унынье и тоску...
(Обращаясь къ мальчику)
Подай мнѣ рюмку коньяку...
(Слуга уходитъ и приноситъ рюмку).

Да, пьянство есть порокъ! Принципъ мой строгъ и вѣренъ...
Читалъ ты, я увѣренъ,
«Отцы и дѣти»? (пьетъ)
Злой коньякъ!..

Пріятель.

А ты читалъ?

Репетиловъ.

Зови хоть ренегатомъ,
Зови меня и такъ, и сякъ:
Я червь, я моль, я атомъ...
Я это имя заслужилъ;
Когда-то былъ славянофилъ,
Кафтанъ съ поддевкою и мурмолку носилъ,
Погодина читалъ, возился съ Хомяковымъ,
Религіозенъ былъ, ѣлъ постное постомъ...
Потомъ
Ученьемъ заразился новымъ,
Сталъ бредить Чернышевскимъ, Бовымъ,
Свистѣть пустился, отрицать...
А послѣ—хвать
И просвистался разомъ.

Пріятель (смѣясь)

А что жъ теперь?

Репетиловъ.

Теперь меня на разумъ
Навелъ Тургеневъ наконецъ.
Теперь я, знай же, мой отецъ,
Съ людьми такими знаюсь,
Что за разсудокъ свой, ей Богу опасаюсь.

Пріятель.

Что жъ, въ желтый домъ попалъ?

Репетиловъ.

Мой ангелъ, не труни!
Сперва людей узнай, а послѣ и брани.

О Чернышевскомъ тамъ порою такъ трактуютъ,
Что даже и меня на старости взволнуютъ.
Ума-то, миленькій, ума-то сколько тамъ...
Когда, повѣришь ли, вдругъ волю дастъ умамъ
Вся Библіотека для чтенья —
Кому отдать не знаешь предпочтенье.
Все геніи одни, что слово—то алмазъ,
Лишь мы съ Печаткинымъ немножко поотстали,
Умишки старые, робѣли всякій разъ,
Но много ихъ идей и мы понахватали,
И прогрессисты всѣ—теперь намъ ни почемъ...

Пріятель.

О чемъ же весь вашъ споръ?

Репетиловъ.

О чемъ! О чемъ! О чемъ!
Наивнѣйшій вопросъ! Скажи мнѣ самъ: да гдѣ ты,
Въ какомъ ты обществѣ, въ какой странѣ живешь?
Читай, мой другъ, читай! Въ газетахъ все найдешь —
Библіотеку, День.. есть разные газеты...
Тамъ все друзья мои...

Пріятель.

Да кто жъ твои друзья?

Репетиловъ.

Могу ихъ описать тебѣ сейчасъ же
Что за̀-люди, mon cher! Почувствуй и пойми ты:
Во-первыхъ, я начну съ Безрылова Никиты.
Буфонъ единственный, писателямъ—примѣръ
Съ юмористическимъ, рѣшительнымъ талантомъ,
Хоть обскурантъ въ душѣ, но ты пойми, mon cher:
Вѣдь умный человѣкъ родится обскурантомъ—
Знакомъ ты съ нимъ? Отличный господинъ.
Другой—по имени Зоринъ.
Ты критики читалъ его? Идея,
Вездѣ идея новая видна,
И умъ, по моему, подъ лавку Маколея,

Когда изучишь Зорина.
А наше солнышко, витія и ученый...
Какъ бишь его? Охо... че... чекомонный.
Одной фамиліей онъ долженъ умъ плѣнять.

Пріятель (тихонько беретъ шляпу и незамѣченый уходитъ).

Репетиловъ.

Но если геніемъ захочешь ты назвать —
Ктó въ изложеніи такъ сладокъ и пріятенъ?
На выдумки различныя хитеръ,
Такъ проницателенъ, начитанъ и остеръ,
Кто?—Господинъ Скарятинъ.
Ты сочиненія его
Читалъ-ли, Алексѣй Иванычъ?
Нѣтъ? ничего?
Такъ прочитай, mon cher, хоть на ночь.
Прочтешь? въ томъ клятву дай мнѣ... Онъ
Всѣхъ лошадьми назвалъ, не выше и не ниже.
За то съ нимъ дружбу велъ, когда онъ жилъ въ Парижѣ,
Самъ Бонапартъ, Луи-Наполеонъ...
Прочти его, смотри же!
Онъ пишетъ обо всемъ: онъ лучшій публицистъ,
Философъ и мудрецъ, историкъ и политикъ,
Гуманный адвокатъ, художественный критикъ
И наконецъ—фельетонистъ.
Писать особая далась ему манера...
Послушай! Гдѣ же ты? Сидѣлъ вотъ здѣсь сейчасъ!
(Ищетъ глазами пріятеля.)
Бесѣдовалъ со мной и вдругъ пропалъ изъ глазъ...
Послушай, знаешь ли, какая ждетъ карьера...

Слуга (входитъ).

Чего прикажете?

Репетиловъ (не много подумавъ).

Бутылку редерера.

Перейдемъ теперь къ двумъ новостямъ текущаго мѣсяца: къ выставкѣ общества садоводства въ Петербургѣ и празднику славянофи-

ловъ въ Москвѣ. Вотъ что пишутъ ко мнѣ по поводу этого праздника изъ Москвы:

«Между тѣмъ, какъ вы, любезные петербуржцы, дѣлаете и не умѣете сдѣлать вашего прогресса, у насъ въ Москвѣ совершилось замѣчательное событiе. Въ пятницу, 11 мая, когда празднуется память св. Кирилла и Меѳодiя, славянофилы въ честь этого праздника устроили торжество. «Общество любителей россiйской словесности», не смотря на свои усиленныя занятiя и труды, рѣшилось отпраздновать этотъ день со всею славянскою пышностью. Я, какъ любознательный юноша, вскормленный московскими калачами, Москвитяниномъ и Маякомъ употреблялъ всѣ усилiя, чтобъ попасть на это торжество. Даже, не смотря на скудность своего кошелька, сшилъ себѣ великолѣпный славянскiй костюмъ, остригся въ кружало и въ этомъ новомъ видѣ хотѣлъ вступить въ число гостей славянскаго праздника. Но, увы! всѣ мои хлопоты, старанiя и издержки пропали даромъ, оказались безполезными.

— Онъ недостоинъ присутствовать на нашемъ торжествѣ, рѣшили славянофилы. Онъ только живетъ въ Москвѣ, а на самомъ дѣлѣ есть ничто иное, какъ петербургскiй Тряпичкинъ.

— Вонъ Тряпичкиныхъ! Не пускать ихъ въ нашу среду...

Итакъ, ошельмованный за свою любознательность, я потерялъ всякую возможность участвовать въ праздникѣ славянофиловъ. Я могъ только завидовать тѣмъ счастливцамъ, для которыхъ не было отказа и которые были приняты славянами. Къ этимъ счастливцамъ принадлежали: М. П. Погодинъ, С. А. Масловъ, А. Ѳ. Вельтманъ, И. С. Аксаковъ, О. М. Бодянскiй, В. М. Ундольскiй, С. М. Соловьевъ, М. И. Лонгиновъ, П. И. Бартеневъ, В. А. Елагинъ, И. Д. Бѣляевъ, И. В. Бѣляевъ, В. И. Лешковъ и другiе. Къ общему удивленiю москвичей славянофилы допустили на свой праздникъ много дамъ.

Но напрасно бы требовали вы отъ меня, чтобы я разсказалъ, въ чемъ именно заключался праздникъ, сколько рѣчей произнесъ М. П. Погодинъ, какое открытiе сдѣлалъ на немъ М. И. Лонгиновъ и т. д. Я ничего этого не могу сообщить. Тайна сiя—великая есть... Но такъ какъ праздникъ этотъ очень многихъ интересуетъ, то я постараюсь собрать о немъ всевозможныя свѣдѣнiя и напишу вамъ, пожалуй, хоть цѣлую поэму. А пока поэмы нѣтъ, посылаю вамъ *прологъ* къ этому будущему произведенiю. Чѣмъ богаты—тѣмъ и рады.

Прологъ

будущей поэмы.

У лукоморья дубъ гигантскій,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
И днемъ и ночью котъ славянскій
Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
И всѣмъ прохожимъ—коннымъ, пѣшимъ —
Поетъ,—и слушаетъ весь міръ.

* *
*

Москва, Москва! Тамъ русскимъ лѣшимъ
Зовется греческій сатиръ;
Тамъ все одной родной закалки,
Тамъ самодуры — старики,
Тамъ вмѣсто нимфъ — однѣ русалки,
Ныряя, мчатся вдоль Оки.
Тамъ въ цвѣтѣ доблести и мочи
На печкѣ дремлетъ наша лѣнь,
И блещетъ тамъ, не зная ночи,
Благочестивый, постный «День».
Тамъ много витязей въ кольчугахъ,
Къ прогрессу жалости полны,
Европу, сгнившую въ недугахъ,
Хоронятъ въ пѣсняхъ старины;
И тамъ друзьямъ-славянофиламъ
Погодинъ рѣчи говоритъ,
И сарафаномъ бредитъ милымъ
И къ позабытымъ двумъ могиламъ
Славянамъ всѣмъ идти велитъ.
Тамъ въ терему купчиха чахнетъ,
Тамъ рядъ откормленныхъ невѣстъ
И сладко спитъ, и сладко ѣстъ...
Тамъ русскій духъ... Тамъ Руссью пахнетъ!...

* *
*

И я тамъ былъ, и медъ я пилъ,
Тамъ видѣлъ я и дубъ гигантскій,
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ славянскій
Свою мнѣ сказку говорилъ...

И скоро, скоро сказку эту
Я соберусь повѣдать свѣту,
И новый День, воспѣтый въ ней,
Напомнитъ намъ, какъ гулъ далекій:
«Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой».

«Чтобъ поразить славянофиловъ и доказать имъ, что я не какой нибудь Тряпичкинъ, я обѣщаюсь поэму свою написать «складомъ старинныхъ людей» и русскихъ народныхъ пѣсенъ, однимъ словомъ, языкомъ, достойнымъ каждаго члена «общества любителей россійской словесности». Для примѣра вотъ хоть одинъ такой образчикъ:

За Москвою-рѣкою тучи народу!
За Москвою-рѣкою готовится праздникъ!
На полѣ кругъ обведенъ изъ каменьевъ,
Въ кругу на вколоченныхъ сваяхъ
Широкая лодка стояла,
На лодкѣ—помостъ, вкругъ помоста—балясы,
На помостѣ—обѣденный столъ.
Все что славянскимъ желудкамъ подъ-силу,
Все тутъ стояло: медъ, брага, пиво, наливка;
Кушанье: щи, каша, лапша, оладьи и сырникъ;
Лакомство: рѣпа, брюква, морковь и орѣхи.

—

На восходъ солнца отъ лодки
Стояли одинъ близь другаго старинные боги:
Перунъ съ золотыми усами,
Да ярило въ вѣнкѣ изъ овсяныхъ колосьевъ,
А въ срединѣ Погодинъ стоялъ
И готовился къ мудрому слову.

Пусть по этому первому опыту славянофилы поймутъ, что во мнѣ они потеряли лучшаго своего товарища. Одинъ изъ такихъ славянофиловъ читалъ на дняхъ отрывокъ изъ моего новаго произведенія: «Слово о полку Аксакова» и пришелъ въ восторгъ неописанный... Начавъ свою рѣчь похвалою мнѣ, онъ кончилъ восхваленіемъ русскаго языка и его силы, и оригинальности.

Я, ради шутки, сталъ ему противорѣчить.

— Ну, ужъ какой оригинальный языкъ! говорилъ я. Что-то очень сомнительно... Знаете ли вы, что одинъ мой пріятель положительно доказалъ сходство русскаго языка... съ какимъ бы вы думали языкомъ?

— Съ какимъ?

— Съ итальянскимъ! проговорилъ я рѣшительно.

Славянофилъ подпрыгнулъ на мѣстѣ отъ удивленія.

— Да вашъ пріятель вѣрно съ ума сошелъ...

— Не знаю... Не угодно ли вамъ будетъ прослушать стихи моего пріятеля, писанные имъ во время пребыванія въ Одессѣ. Стихи сами по себѣ безобразные, безсмысленные, пожалуй, но не въ красотѣ, не въ смыслѣ этихъ стиховъ дѣло... Послушайте:

О, сонъ на морѣ—диво сонъ!
Одесса... май и Коста (*)
Я пью, а кольми паче онъ
Не сто, а триста тоста.
И пьянъ же, пьянъ же, пьянъ же онъ...
Копите вина Коста!..
О, сонъ на морѣ-диво сонъ...
Да вѣрно онъ неспроста.

Вы, напримѣръ, думаете, что эти два безобразные сами по себѣ куплета написаны по-русски? Да?

— По-русски.

— Ошибаетесь. Здѣсь нѣтъ ни одного русскаго слова: это безсвязный наборъ однихъ только итальянскихъ словъ. Читайте:

O son amore, divo son!
Odessa, mai Costa...
Ia piu a col mi pace on —
Ne sto, attrista tosta.
I piange, piange, piange on,
Capite vina Costa!
O son amore, divo son!
Da vcero onesprosta.

Эта игрушка такъ разсердила славянофила, что онъ даже не хотѣлъ признать ее остроумной... Пока до свиданья»!

(*) Одна изъ гостинницъ въ Одессѣ.

Этимъ оканчивается письмо изъ Москвы, слѣдовательно о празднике славянофиловъ пока нечего сообщать.

Другая майская новость, воспѣваемая всѣми газетами — выставка цвѣтовъ и растеній общество садоводства. Музыка и цвѣты — это слабость, idée fixe всего изящнаго, нервнаго и благовоспитаннаго въ Петербургѣ. Мы, какъ старыя красавицы, въ музыкѣ и цвѣтахъ любимъ ихъ раздражающую, наркотическую сторону. Пусть не смѣшиваютъ этой любви съ наивнымъ увлеченіемъ бѣленькой Нѣмочки, которая съ восхищеніемъ воспитываетъ въ банкѣ розу или царское дерево и слушаетъ музыку для возбужденія своей цикорной мечтательности. На блестящей выставкѣ общества садоводства такихъ Нѣмочекъ мы бы и не встрѣтили, вѣроятно...

Какъ много не кричали о цвѣточной выставкѣ—я самъ не успѣлъ ее видѣть. Любезный читатель, за это

Зови меня вандаломъ,
Я это имя заслужилъ...

Другой бы на моемъ мѣстѣ, правда, не признался въ этомъ и увѣрилъ, что онъ нѣсколько разъ былъ на выставкѣ, а въ доказательство своихъ словъ, вычитавъ въ любой газетѣ о главныхъ подробностяхъ выставки, расписалъ бы ее самыми свѣжими красками разсказчика-очевидца.

На этотъ разъ я откровеннѣе. Разсказъ о выставкѣ одного моего знакомаго, котораго вы вѣроятно встрѣчаете вездѣ, куда пойдете—

Въ театрахъ и въ гостиныхъ,

совершенно удовлетворилъ меня, и съ этимъ краснорѣчивымъ описаніемъ я и познакомлю васъ, впередъ предупреждая, что мой знакомый слова лишняго не прибавилъ, потому что лишенъ отъ природы способности что-либо придумывать; его краснорѣчіе ограничивается тѣмъ, что онъ видѣлъ или слышалъ.

Склонясь на мою просьбу и довольный тѣмъ, что я увѣрилъ его, что онъ говоритъ *красиво*, мой знакомый началъ описанія выставки:

— Вамъ вѣроятно извѣстно, что это было пятая выставка садоводства и самая лучшая, самая пышная изъ всѣхъ, прибавлю я отъ себя. Когда вы появляетесь въ галереѣ экзерцигауза, то просто не

можете вѣрить своимъ глазамъ. Какъ по волшебству, манежъ гвардейскаго штаба превратился въ удивительный садъ, нѣчто въ родѣ... въ родѣ...

— Садовъ Семирамиды, подсказалъ я.

— Именно такъ. Благоуханія такія проливаются, что начинаешь думать...

— Что находишься въ лавкѣ Рузанова, снова подсказалъ я.

— Нѣтъ, вы не шутите. Такого рѣдкаго собранія цвѣтовь рѣшительно никогда не было. Удивительныя растенія! Удивительные цвѣты! Тамъ были даже такія группы цвѣтовъ, что приводили въ тупикъ самыхъ записныхъ ботаниковъ. Одна коллекція вѣчно цвѣтущихъ, какъ сама жизнь, розъ чего нибудь да стоитъ! Тамъ были розы: Palais de cristal, de Lamartine, Prince Leon Kotschubey, Henri Chateaubriand...

— А были ли розы M-r de Scariatin? спросилъ я.

— Что-то не припомню: кажется были — отвѣчалъ мнѣ очень серьезно разсказчикъ.

— Потомъ цѣлое море зелени, океанъ цикерорій, францисцей, аурикулъ...

— Однимъ словомъ всѣ цвѣты изъ ботаническихъ стихотвореній г. Крестовскаго, у котораго майская ночь впилась «*въ трель соловьиную*».

И запахла мимозами,
И шафраномъ, и розами...
Брыжжетъ перлы фонтанъ перекатные
И кропитъ мандрагоры брунатные
И сплелся надъ лимонами
Виноградъ съ кинамонами.

— Такъ, совершенно такъ... Общій видъ выставки былъ изумительно хорошъ... чисто восточная фантазія... Въ глубинѣ сада падалъ каскадъ, который потомъ превращался въ рѣчку, окаймленную кружевомъ цвѣтовъ и растеній. Два мостика, легкіе, какъ паутина; перекинуты чрезъ рѣку... Потомъ фонтанъ, бившій саженъ, на сорокъ вверхъ... (Поэтическая вольность увлекшагося разсказчика.) По рѣчкѣ плавали рѣчные нимфы, сдѣланныя удивительно хорошо— точно живыя...

— Вы хотите вѣрно сказать, что по рѣчкѣ плавали утки:—по крайней мѣрѣ такъ пишутъ въ газетахъ.

— Нѣтъ, нимфы, нимфы, нимфы! Видалъ своими глазами... Потомъ далѣе стоитъ бесѣдка удивительной работы, потомъ статуи, скамейки, оркестръ музыки, и всѣ это вмѣстѣ составляетъ чудную картину.

Такъ говорилъ мой краснорѣчивый знакомый. Но увлекаясь выставкой, какъ поэтъ, онъ позабылъ сообщить мнѣ другія не менѣе замѣчательныя ея рѣдкости. До этихъ рѣдкостей я доискался уже самъ.

Вѣроятно всѣмъ петербургскимъ жителямъ извѣстенъ великолѣпный магазинъ бронзовыхъ вещей и лампъ г. Штанге. Какого жъ было мое удивленіе, когда по каталогу выставки я узналъ, что г. Штанге внесъ свою посильную дань въ общество садоводства, дань совершенно не ботаническаго характера. Г. Штанге прислалъ на выставку *цвѣтовъ* свои великолѣпныя *лампы*. Не подумайте, чтобъ эти лампы были сдѣланы изъ цвѣтовъ и зелени: это были настоящія, массивныя лампы изъ композиціи, изъ бронзы и золота. Какъ плохой ботаникъ, я совершенно растерялся при этомъ извѣстіи и для меня не разрѣшимъ теперь вопросъ: къ какой именно породѣ цвѣтовъ или растеній отнести лампы г. Штанге? Кто мнѣ отвѣтитъ на это?.. Что же касается до цѣнъ, по которымъ продаются эти лампы, то онѣ не менѣе любопытны. Такъ, напр. за пару канделябръ изъ композиціи, поддерживаемыхъ рыцарями на деревянныхъ пьедесталахъ, г. Штанге наложилъ цѣну 800 рублей, а за пару, такъ называемыхъ *королевскихъ лампъ*—500 р. с. Не дорого, очень не дорого...

Кромѣ лампъ г. Штанге на выставкѣ садоводства были выставлены и другія вещи не менѣ странныя.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

«Фрукты изъ коленкора, выставленные г-жею Сверчковой».

«Цвѣты изъ воска».

«Три медальона цвѣтовъ изъ сахару, кондитора г. Линка».

«Масляныя скоровысыхающіяся краски г. Кюна».

Общество садоводства выставляющее масляныя краски! Что можетъ быть лучше этого. Отчего бы послѣ этого не выставить ему розогъ, сдѣланныхъ изъ листовъ Сѣверной Пчелы или Домашней Бесѣды, или чего нибудь подобнаго? Очень было бы хорошо.

Будемъ же говорить теперь о чемъ нибудь другомъ: послѣ статьи С. П. даже пріятно потолковать о новомъ конкурсѣ г. Третьякова на лучшее сочиненіе о культурѣ камелій, рододендровъ и азалій. Но такъ какъ мы всѣ не спеціалисты по этой части, а только любители, то остановимся пока хоть на спектакляхъ любителей, которыхъ было довольно въ прошломъ мѣсяцѣ. Открытіе этихъ спектаклей, добросовѣстная и хорошая игра нѣкоторыхъ любителей вызвали общее сочувствіе въ публикѣ и небольшой театрикъ въ пассажѣ, напоминающій своимъ устройствомъ провинціальные театры, былъ постоянно полонъ. Всѣмъ уже давно, приглядѣлся александровскій театръ съ его засаленной физіономіей, древними пьесами и еще древнѣйшими артистами. Отъ спектаклей любителей ждали чего-то новаго, свѣжаго... И вотъ спектакли шли за спектаклями, водевили и нѣкоторыя легкія комедіи разыгрывались любителями очень мило; на этомъ и слѣдовало остановиться. Но любители не остановились и стали брать на себя задачи не по силамъ. Какъ неопытный, юный художникъ мечтаетъ только о томъ, чтобъ написать огромную картину въ нѣсколько саженъ, картину à la Рафаэль или Рембрандтъ, такъ и любители, избалованные первымъ успѣхомъ, взялись прямо за типы Гоголя и Шекспира. Не говоря уже о типахъ Шекспира, которые требуютъ долгаго труда, сценическаго воспитанія и нѣкоторой опытности, даже изученіе героевъ гогольскихъ комедій— вещь не легкая для новичковъ русской сцены. Любители этого не хотѣли принять въ соображеніе, и такимъ образомъ одинъ изъ ихъ спектаклей былъ составленъ слѣдующимъ образомъ. Давали «Ревизора» Гоголя, «Скупаго» Пушкина и сцену сумасшествія Офеліи изъ «Гамлета». Выборъ пьесъ, какъ видите, былъ слишкомъ смѣлый, чтобы не сказать больше. Ревизоръ былъ сыгранъ довольно сносно и нѣсколько удачныхъ сценъ сгладили впечатлѣніе неровности игры цѣлой комедіи. «Скупой» совершенно не удался. Всѣмъ извѣстно, что эти драматическіе сцены писаны совсѣмъ не для театра; лучшіе монологи скупаго хороши только въ чтеніи и совершенно пропадаютъ въ декламаціи актера. Объ игрѣ, исполнявшаго эту роль, мы лучше вовсе умолчимъ... изъ деликатности.

Въ концѣ спектакля шла сцена сумасшедшей Офеліи, роль которой исполняла г-жа Спорова. Г-жа Спорова, которую петербургская публика полюбила за ея живую, талантливую игру «Дочери 2-го полка», Лизы въ «Горе отъ ума», дочери городничаго въ «Ревизорѣ», явилась

на этотъ разъ въ роли Шекспировской героини. Когда г-жа Спорова явилась передъ нами въ извѣстномъ театральномъ костюмѣ Офеліи, т. е. въ бѣломъ платьѣ и съ распущенной косой, намъ вдругъ стало досадно за нашу новую, молодую, даровитую артистку–любительницу. Признавая въ ней рѣшительный талантъ, мы не могли извинить ей увлеченія—передать намъ поэтическій образъ дочери стараго Полонія. Намъ было досадно на г-жу Спорову именно за то, какъ могла она, при своемъ талантѣ, не понять, что личности Офеліи не передашь только тѣмъ, что надѣнешь бѣлое платье, возмешь вѣнокъ въ руки, станешь дѣлать рутинные жесты и болѣе или менѣе пріятно пропоешь плохіе стихи Н. Полеваго. Вѣдь такая Офелія — не Шекспиру принадлежитъ, а тому же Полевому, и только во время провинціальныхъ ярмарокъ своимъ эфектомъ удовлетворяетъ не взыскательную публику. Г-жѣ Споровой мы высказываемъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ больше уважаемъ въ ней даровитую актрису, которая бы очень украсила нашу опустѣвшую сцену. И безъ Офеліи есть много ролей, въ которыхъ она могла показать свой талантъ и приготовиться къ изученію ролей болѣе сложныхъ и трудныхъ. Роль Офеліи такъ важна, что къ ней нужно долго и долго готовиться.

Что же касается вообще самыхъ спектаклей любителей, такъ скоро вызвавшихъ общее сочувствіе, мы можемъ только желать одного, чтобъ эти спектакли установились у насъ на прочныхъ основаніяхъ и знакомили бы публику съ игрой многихъ замѣчательныхъ артистовъ–аматеровъ. Мы простились съ ними только до зимы и будемъ ждать ихъ зимнихъ спектаклей съ нетерпѣніемъ. Теперь, по необходимости, мы должны удовольствоваться одними лѣтними развлеченіями. Наши же лѣтнія развлеченія почти все тѣ же, что и годъ, и два, и три назадъ, и петербургскіе жители, убѣгающіе изъ города отъ духоты и скуки также, какъ прежде, совершаютъ свои увеселительныя прогулки по разнымъ лѣтнимъ праздникамъ съ цыганами, Тирольцами, музыкой и фокусниками.

Въ Павловскѣ гуляютъ все тѣ же камеліи, и въ воксалѣ все тотъ же вѣчно юный Страусъ играетъ свои вальсы и польки.

На искусственныхъ минеральныхъ водахъ, въ новой деревнѣ, И. И. Излеръ

Сей пращуръ лѣтняго сезона,

уже развернулъ свое пестрое знамя надъ воксаломъ и разнообразнымъ

репертуаромъ музыкальныхъ вечеровъ привлекаетъ къ себѣ, какъ и всегда, многочисленную публику. Чего, чего только нѣтъ на его вечерахъ! Оркестръ Эммануила Баха, хоръ московскихъ цыганъ, подъ управленіемъ Матвѣя Петрова, представленія г. Филиппа «извѣстнаго профессора физики и *очаровательной* магіи», концерты на 12-ти барабанахъ г. Пергуара, выставка стереорамической галереи профессора Патцаля, русскіе пѣсенники, хоръ Тирольцевъ, швейцарское пѣніе семейства г. Диккеръ-Шенка и *характерные* танцы семейства г. Іоганнезена... И. И. Излеръ неистощимъ въ своихъ изобрѣтеніяхъ,

И для толпы богатой, праздной,
Готовя къ Троицѣ сюрпризъ,
Даетъ, какъ онъ, разнообразный,
Какъ онъ, великій бенефисъ.

Геній Ивана Ивановича особенно работаетъ въ настоящее время, потому что у него явился новый соперникъ, новая конкуренція. У каменно-островскаго моста г. Лепилинъ почти въ одно время съ г. Излеромъ открылъ свою Ассамблею, съ оркестромъ Ивана Гунгля, съ цыганами, тирольцами и пр., и пр. Кто побѣдитъ, кому публика поднесетъ букетъ первенства — Излеру или Лепилину — еще нельзя предвидѣть. Ассамблеи, такъ мало посѣщаемыя при Петрѣ I, можетъ быть теперь будутъ больше намъ по сердцу. Подождемъ, увидимъ...

Скромные балики или такъ называемые семейные танцовальные вечера изъ города тоже переселились за городъ.

На островѣ Тиволи тоже началось что-то въ родѣ гулянья. Не взыскательные обитатели ходятъ слушать музыку какого то бѣднаго оркестра и, гуляя на чистомъ воздухѣ, не рѣшаются входить въ воксалъ, нисколько не думая о пользѣ его содержателя. Этому, впрочемъ, помогаетъ самъ содержатель воксала, г. Казанкевичъ, который подчуетъ своихъ посѣтителей вмѣсто вина уксусомъ, а вмѣсто котлетъ—жареными подтяжками... Любезные полюстровцы, что жъ вы не протестуете? Что жъ вы молчите, терпѣливые полюстровцы!..

Или вы слова боитеся лишняго,
Чѣмъ не кормили бы—хуже ли, лучше ли,
Или еще вамъ теперь не наскучили
Вина, буфетъ Казанкевича хищнаго.

Васъ же самихъ, мои добродѣтельные дачники, никто никогда не упрекнетъ въ хищности: вамъ подадутъ ростбифъ, пересыпанный пескомъ—вы скушаете; мутную бурду вмѣсто вина предложатъ—вы выпьете да еще, пожалуй и похвалите... Какая же послѣ того хищность!..

Кстати о хищникахъ... Въ вѣд. Спб. пол. (№ 95) помѣщено о нихъ весьма любопытное свѣдѣніе.

«Г. А. Ч., квартирующій близъ Сухарнаго моста № дома 64, симъ объявляя о похищеніи у него, его сочиненія, Людіады (въ родѣ небольшой стихотворной поэмы) покорно проситъ имѣющаго въ своихъ рукахъ эту Людіаду, да соблаговолитъ онъ доставить ее къ ея сочинителю, хотя бы и купленную у *хищника*, который не успѣлъ взять этой Людіады окончанія, находящагося въ цѣлости у г. А. Ч.».

О, коварный хищникъ! Похищая поэму, онъ, вѣроятно, зналъ какую драгоцѣнность похищаетъ у г. Ч., и вѣроятно никому не отдастъ своего сокровища. Впрочемъ, мы утѣшаемъ себя этой мыслью, что окончаніе Людіады находится въ рукахъ ея автора, которому мы припомнимъ теперь старинную эпиграмму:

— Я разорился отъ воровъ.
«Жалѣю о твоемъ я горѣ,
— Украли пукъ моихъ стиховъ!
«Жалѣю я о ворѣ»...

Ужъ если пошло дѣло на объявленія, то позвольте и еще съ однимъ познакомить.

Въ Т—ъ губ. вѣдом. помѣщено слѣдующее объявленіе:

«Отыскивается владѣлецъ мертваго тѣла.

«Р—ое городническое правленіе черезъ газеты спрашиваетъ: *не окажется ли кому либо принадлежащимъ*, приплывшее сверху по теченію рѣки Волги, 26 апрѣля, завязанное въ холщевомъ мѣшкѣ *тѣло нагаго человѣка, мужескаго пола*. Примѣты его: лѣтъ 40—45, росту 2 арш. 5 вер., волосы на головѣ длинные, темнорусые, такая же небольшая съ легкою просѣдью окладистая борода, усы немного свѣтлѣе, зубы всѣ чистые, бѣлые; въ плечахъ ширины $8^1/_2$ вер., на шеѣ на черномъ шелковомъ снуркѣ серебреный довольно толстый крестикъ и мѣдная уховертка; *платье сего нагаго* человѣка изъ чернаго толстаго сукна (С. П., № 139).

Что за оригинальная точность! *Нагой* человѣкъ — и въ то же время на немъ надѣто платье изъ толстаго сукна.

Вотъ еще одинъ примѣръ бюрократической точности и аккуратности. Въ коммерческій судъ была внесена сумма около 20 тысячъ рублей; нужно было ее положить въ банкъ. Взносъ этотъ былъ очень кстати по случаю общаго безденежья, и потому г. товарищъ предсѣдателя, сдѣлавъ распоряженіе, чтобъ всѣ нужныя бумаги были готовы какъ можно скорѣе просилъ одного изъ членовъ внести эту сумму въ банкъ. Такъ какъ въ этомъ былъ интересъ банка и его денежныхъ оборотовъ, то нужно было бы думать, что все сдѣлается скоро, безъ проволочки. Но не тутъ-то было. При всей поспѣшности деньги были доставлены въ банкъ въ 12 часовъ и *пять минутъ*. Пять минутъ испортили все дѣло—и пріемъ денегъ былъ отказанъ. Кассиры же сидѣли въ это время тамъ безъ всякаго дѣла,— но правило и формальность прежде всего.

Все служба на умѣ, моп сһег...

Бюрократическая точность—прежде всего.

Пусть ждетъ неволя и нужда,
Но что намъ до того!
Формальность, точность, господа,
Для насъ—прежде всего.
Безъ формы—что за бюрократъ!
Да просто ничего.
Самъ откупъ крикнулъ, говорятъ:
Принципъ—прежде всего.

Откупъ, дѣйствительно, крикнулъ: принципъ—прежде всего! Вотъ что пишетъ одинъ корреспондентъ изъ г. Заславля:

«Усиліями старшинъ во многихъ волостяхъ временно обязанныхъ крестьянъ, крестьяне отказались отъ употребленія водки. Заславская контора акцизнаго откупа *въ дѣйствіяхъ старшинъ увидѣла нарушеніе порядка* и подала прошеніе, въ которомъ домогается, чтобъ злоумышленники были подвергнуты строгому взысканію и въ деревняхъ возстановленъ прежній порядокъ».

«Откупъ, какъ мужественный, испытанный въ бояхъ воинъ, и при послѣднемъ издыханіи не хочетъ уступить врагу. Однако мы надѣемся,

что усилія его будутъ тщетны, и врагъ восторжествуетъ. Вѣроятно на свое прошеніе онъ получилъ самый категорическій отвѣтъ, что его прошеніе уже слишкомъ наивно, а крестьяне, хотя до окончанія откупа, выдержатъ характеръ и не будутъ утолять жажду одуряющей жидкостью».

Можно ли послѣ этого сомнѣваться въ томъ, что у откупа—нѣтъ принципа.

Мы совершенно незамѣтно изъ Петербурга перебрались въ провинціальныя захолустья. Останемся же тамъ и оглянемся кругомъ.

Какъ въ безводныхъ, сухихъ пустыняхъ бываютъ иногда цвѣтущіе оазисы, такъ въ провинціальной жизни иногда встрѣчаются отрадныя, утѣшительныя явленія. На одно изъ такихъ явленій мы и укажемъ теперь.

Кто жилъ въ глуши провинцій, тому вѣроятно извѣстно, какъ трудно тамъ бѣдному чиновнику доставать книги и журналы для чтенія. Въ какомъ нибудь уѣздномъ, а часто и губернскомъ городѣ библіотекъ никакихъ нѣтъ. Выписываютъ книги и журналы богатые люди или же провинціальные клубы. Бѣдный чиновникъ, не имѣющій никакихъ знакомствъ, не имѣющій возможности быть членомъ клуба, поневолѣ сидитъ безъ чтенія и читаетъ только урывками, когда случай закинетъ въ его руки какую нибудь книгу или же старый журналъ.

И вотъ при такой-то скудной обстановкѣ, при отсутствіи общественныхъ библіотекъ и кабинетовъ для чтенія, у бѣднаго провинціала одна надежда на частныхъ людей и на ихъ поддержку въ этомъ случаѣ. Но на частныхъ лицъ плоха надежда. Провинціальная филантропія далѣе жирныхъ обѣдовъ по праздничнымъ днямъ никогда не заходитъ, а если сочиняетъ иногда спектакли съ «благотворительною цѣлью» то больше для собственнаго удовольствія. У провинціаловъ, единственная добродѣтель — гостепріимство и хлѣбосольство, но эта добродѣтель вовсе не такъ гуманна, какъ мы привыкли думать. Провинціалы, за небольшими исключеніями изъ чиновнаго міра, люди безъ всякаго дѣла, безъ занятій, люди праздные, которые даже сплетничаютъ только потому, что надо же своимъ мозгамъ давать какую нибудь пищу. И потому досужій лѣнивецъ радъ бываетъ каждому гостю, каждому новому лицу, котораго за его болтовню, за его посѣщеніе онъ готовъ закормить жирными кулебяками и всевозможными блюдами россійской кухни. Онъ хлѣбо-

солъ, онъ радушный хозяинъ только потому, что иначе онъ съ тоски умретъ, обратится въ каменную бабу, которыя стоятъ въ степяхъ Малороссіи... Онъ угощаетъ не гостей, которымъ онъ въ иномъ случаѣ ни въ чемъ не поможетъ, но себя угощаетъ. Такъ красно-кожій Индѣецъ или суровый Черкесъ съ радушіемъ принимаютъ въ свою хижину или вигвамъ каждаго путника довольные тѣмъ, что этотъ путникъ своимъ присутствіемъ хоть на минуту нарушитъ однообразіе ихъ жизни и внесетъ новое впечатлѣніе въ ихъ ущелья, въ ихъ пустыню...

Съ другой стороны, попробуйте предложить тому же самому провинціалу участвовать въ какомъ нибудь общественномъ дѣлѣ, какъ-то: открытіи училищъ, школъ, библіотекъ,—онъ шагу впередъ еи сдѣлаетъ.

И въ городѣ Перми кричатъ отцы и дѣти:
Кто юродомъ рожденъ—тепло тому на свѣтѣ.

Вотъ послушайте, что разсказывалъ намъ одинъ провинціальный наблюдатель.

«Мнѣ извѣстенъ одинъ городъ съ *просторнымъ*, по помѣщенію, уѣзднымъ училищемъ и библіотекою при немъ, за много лѣтъ собранную, гдѣ дѣло о превращеніи ея въ публичную шло слѣдующимъ образомъ: по полученіи предписанія объ этомъ, учителя собрались въ составляемый ими педагогическій совѣтъ. Судили, рядили и положили въ немъ—написать «правила» для публичной библіотеки и представить ихъ къ утвержденію; открыть предварительную «подписку» на чтеніе и написать объ этомъ почетному смотрителю училищъ. Все это исполнилось въ точности: правила вышли прекрасныя, подписка удовлетворительна, *но*... (это-то «но» все и портитъ у насъ) нашли нужнымъ представить еще начальству, что иначе негдѣ помѣстить библіотеку, какъ въ комнатѣ, занимаемой приходскимъ училищемъ, которое и необходимо перевести въ другой домъ—что было *равно отказу отъ учрежденія публичной библіотеки*, потому что пріисканіе дома для приходскаго училища влекло за собою сношеніе съ городскимъ обществомъ, большинство членовъ котораго—мѣщане, не зажиточные и равнодушные къ потребности чтенія, и затѣмъ открытіе публичной библіотеки было отложено до *рѣшенія дѣла*».

— Когда жъ дѣло рѣшится?

Я съ намѣреніемъ привелъ здѣсь фактъ провинціальной небрежности и равнодушія къ каждому хорошему дѣлу, чтобъ еще съ большимъ удовольствіемъ остановиться на одномъ пріятномъ явленіи въ этомъ мірѣ пошлости, тупой формальности и равнодушія.

Примѣръ, который я сейчасъ приведу, пусть будетъ живымъ упрекомъ всѣмъ провинціальнымъ прогрессистамъ и благотворителямъ.

Въ городѣ Бѣлозерскѣ, существуетъ теперь одна *овощная* лавка тамошняго купца И. К. Сѣраго. У г. Сѣраго есть *прикащикъ, Александръ Константиновичъ Кошкинъ*, который за свое предпріятіе заслуживаетъ полнаго нашего уваженія. Не смотря на свои ограниченныя средства (какія могутъ быть средства у прикащика при овощной лавкѣ!), г. Кошкинъ, въ видахъ общественной пользы, выписываетъ на *свой счетъ двадцать два* періодическія изданія (Время, Современникъ, Русское Слово, Отечественныя Записки, Основу, Ясную Поляну, Чтеніе Народное, Сынъ Отечества, С.-Петербургскія Вѣдомости, Русскій Міръ, Иллюстрацію, День, Искру, Акціонеръ, Вокругъ Свѣта, Вѣкъ и пр.). Кромѣ того что большую часть этихъ изданій г. Кошкинъ прочитываетъ самъ, онъ раздаетъ ихъ въ городѣ *всѣмъ желающимъ читать* безъ всякаго залога, съ платою, смотря *по состоянію*, 3, 2 и даже *1 рубля въ годъ*.

Понятно, что приступая къ этому предпріятію въ уѣздномъ городкѣ, г. Кошкинъ зналъ, что его ничего не ожидаетъ кромѣ убытковъ. При такой незначительной платѣ за чтеніе, при неизбѣжномъ «зачитываньи» книгъ, о барышахъ и думать нечего. Но г. Кошкинъ о нихъ вовсе и недумаетъ, и если иногда взятую у него книгу поистреплютъ, онъ смотритъ на это съ удовольстіемъ: онъ видитъ въ этомъ доказательство того, что книги дѣйствительно читали.

Мы не избалованы такими явленіями, особенно встрѣчая ихъ тамъ, гдѣ совсѣмъ не ожидали—въ овощной лавкѣ, и потому не могли пройдти его молчаніемъ. Имя г. Кошкина мы должны уважать, не смѣшивая его съ именами другихъ благотворителей.

Отъ свѣтлаго явленія мы къ сожалѣнію должны перейдти теперь къ явленіямъ иного сорта. Правда—прежде всего. Amicus Plato, amicas Cicero, sed magis amica veritas. Мы увлекаться очень не будемъ. Мы даже не можемъ безъ грусти видѣть, что наши провинціальные Корытниковы начинаютъ измѣнять себѣ, своему прежнему тону и впадать въ юный лиризмъ по поводу хорошей погоды и яснаго неба. Давно ли мы слышали ихъ суровый голосъ, и сердце наше радовалось,

а теперь, къ немалому нашему огорченію, эти милые Корытниковы начинаютъ печатно передавать намъ свои провинціальныя, весеннія пѣсни и думы. Напр. принялись мы за чтеніе статьи одного корреспондента Москов. Вѣдом. изъ Симбирска (№ 93) въ той надеждѣ встрѣтить что нибудь новое въ родѣ «мѣстныхъ извѣстій» г. Соболевскаго, и вдругъ видимъ, что симбирскій Корытниковъ впалъ въ лиризмъ и воспѣваетъ весну и волжскую природу. «Прощай зима!» восторженно восклицаетъ онъ, привѣтствуя весну... «*снѣгъ исчезъ какъ дымъ*, и къ 1-му апрѣля его уже совсѣмъ не было, 4-го прорвало Волгу, а 6 пошелъ ледъ. Это первое весеннее для жителей Симбирска удовольствіе: (слогъ-то, слогъ!) всѣ спѣшатъ полюбоваться на это чудное зрѣлище; тутъ раскрывается передъ вами дѣятельность въ полномъ разгарѣ: въ одномъ мѣстѣ спѣшатъ осмолить баржу, въ другомъ снастятъ судно, тутъ идетъ грузка хлѣба, суматоха безпрерывная, а ледъ идетъ себѣ, да идетъ, и въ безконечныхъ грядахъ его вы видите, то какъ будто фантастическую башню, то группу, похожую на людей, какъ бы высѣченную изъ мрамора, и жаль вамъ покинуть этотъ берегъ, жаль оторвать глаза отъ этой чудной, роскошной картины».

Любезные Корытниковы! Вы ли это? Васъ ли мы слышимъ? Tua voce, brute? Вамъ ли воспѣвать природу съ ея таинствами въ ущербъ таинствамъ провинціальныхъ судовъ, канцелярій, и пр., и пр. Или ужъ окружающая васъ среда обратилась въ счастливую Аркадію, или сами вы сдѣлались смирными аркадскими пастушками, играющими на свирѣли изъ волжскаго камыша?

Перемѣнилось все теперь на свѣтѣ этомъ —
И самъ Корытниковъ запѣлъ, защелкалъ Фетомъ.

Фантазія овладѣла провинціальными обличителями и мы боимся теперь вѣрить свѣдѣніямъ, которыя они сообщаютъ. Такъ, наприм., корреспондентъ Сѣв. Почты пишетъ, что «въ г. Симбирскѣ учреждено, на основаніи утвержденныхъ для сего г. министромъ внутреннихъ дѣлъ правилъ, благородное собраніе». Да, помилуйте, г. Корытниковъ, что вы такое говорите! Да за что жъ вы обижаете земляковъ своихъ? Кто жъ повѣритъ, чтобъ у такихъ *благородныхъ* гражданъ, какъ симбирскіе жители, не было благороднаго собранія? Собраніе это давно существуетъ я спѣшу изобличить васъ въ клеветѣ...

Потерявъ нѣкоторую вѣру въ гг. Корытниковыхъ, мы будемъ обращать теперь вниманіе только на одни голые факты, на сырые матеріалы, почерпаемые изъ разныхъ отчетовъ и объявленій. На первый разъ остановимся на отчетѣ одного благоторительнаго спектакля въ г. Пензѣ, на отчетѣ, помѣщенномъ въ Пенз. губ. Вѣдом. (№ 5).

Задумали въ Пензѣ благородный благотворительный спектакль. Идея, какъ видите, добрая. Спектакль былѣ сыгранъ, деньги собраны. Оказалось, что выручка состояла изъ 1,128 р. 68 к. Сборъ тоже хорошій: въ одинъ вечеръ собрать въ пользу бѣдныхъ болѣе тысячи рублей—не мало. Но, увы! отчетъ насъ разочаровалъ тутъ же и гласитъ, что изъ вырученныхъ денегъ за расходомъ осталось только 341 р. 80 к., т. е. менѣе трети всего сбора.

Мы, какъ мусульмане, кладемъ палецъ удивленія въ ротъ. Что же это за благотворительный спектакль, котораго издержки превышаютъ выручку, и въ чемъ заключаются эти самыя издержки?

Пиѳія! Открой намъ эту тайну.

И открываетъ намъ Пиоія, что весь театръ во время представленія и бальный залъ были убраны гирляндами цвѣтовъ (въ январѣ мѣсяцѣ, замѣтьте). Развѣ не знаете вы, заключаетъ пиѳія, что подобные спектакли даются въ пользу «бѣдныхъ» и для удовольствія богатыхъ» (sic).

Заглянемъ теперь въ Пермскія Губ. Вѣдом.

Въ Перми—tout est permis, восклицаю я, читая либеральный фельетонъ этихъ вѣдомостей. Посмотрите какъ вольнодумствуетъ пермскій фельетонистъ. Говоря о любви русскаго человѣка къ чтенію, объ отсутствіи полезныхъ книхъ въ нашихъ острогахъ, и о томъ, что арастанты сами по дешевой цѣнѣ скупаютъ книги у проходящей партіи, онъ высказываетъ слѣдующую смѣлую мысль: «Я увѣренъ, что съ величайшею охотою и рвеніемъ арестанты *изъ простаго званія* читаютъ издаваемый нынѣ духовный журналъ Странникъ. *Для дворянъ и чиновиковъ можно позволить* чтеніе и друхихъ журналовъ и газетъ».

Вотъ каковы провинціальные нигилисты! Я думаю, пермскіе Фамусовы слушая ихъ вольнодумныя мысли, затыкаютъ уши и кричатъ:

Не слушаю! Подъ судъ!
Подъ судъ—какъ пить дадутъ.

— Неужели у васъ много такихъ вольнодумцевъ? спрашиваемъ мы мѣстнаго старожила.

— Это еще что! замѣчаетъ онъ. Вотъ если бы вы послушали нашего Мотю, такъ еще больше бы удивились.

— А кто-же такой Мотя?

— Юродивый, Божій человѣкъ. Онъ, какъ публицистъ, началъ свою дѣятельность въ Перми тѣмъ, что, сидя за столомъ въ домѣ одного богатаго помѣщика, онъ назвалъ дураками и гостей, и хозяина дома. Съ тѣхъ поръ слава его растетъ не по днямъ, а по часамъ, и пермскіе жители, въ особенности дамы, шагу не дѣлаютъ безъ совѣта Моти. (С. П., № 112).

Передадимъ теперь два факта изъ хроники побоевъ, Сѣвер. П. (№ 139) сообщаетъ слѣдующую исторію. «Въ Екатеринославской губерніи, въ мировой съѣздъ принесена была частная жалоба предсѣдателю о томъ, что во время мироваго съѣзда одинъ человѣкъ былъ побитъ помѣщикомъ. Дѣло происходило такъ: во время засѣданія мироваго съѣзда, въ домъ, гдѣ оно происходило, явились четыре помѣщика, потребовали вина и начали пить и шумѣть такъ, что надобно было запереть дверь въ комнату, гдѣ бываетъ засѣданіе. Буйство гостей дошло наконецъ до того, что они избили человѣка, служившаго за буфетомъ. Жалоба послѣдняго вызвала такое рѣшеніе мироваго съѣзда: «Во избѣжаніе впредь подобныхъ *недоразумѣній* закрыть буфетъ, а во избѣжаніе огласки, такъ какъ это можетъ компрометировать помѣщиковъ, оставить дѣло безъ вниманія». Такимъ обризомъ буфетчикъ остался побитымъ и лишеннымъ доходовъ. Тотчасъ видно, что мировые посредники читаютъ примирительный журналъ Свѣточъ, да еще *даромъ* читаютъ... Не знаю только что скажетъ про это рѣшеніе обиженный, бѣдный буфетчикъ?..

Губ. вѣд. сообщаютъ намъ фактъ еще драматичнѣе. Губерніи... ... уѣзда, въ сельцѣ... временно-обязанная дворовая женщина Наталья Дементьева, 23 лѣтъ, *скоропостижно умерла отъ побоевъ*, причиненныхъ ей помѣщицею.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 41.

Май 1862 года.

Иностранные и русскіе шахматисты.—Колишъ въ Петербургѣ.—Матчъ Колиша съ Шумовымъ.—Пять партій этого матча.—Пріѣздъ князя С. Урусова.—Четыре игры его противъ Колиша.—Заграничныя новости: послѣднія свѣдѣнія о лондонскомъ шахматномъ конгрессѣ, турниръ въ Café de la Régence.—Невѣрно напечатанная партія.—Рѣшеніе задачъ.—Задачи.—Корреспонденція.

Русскіе, говоритъ кн. Урусовъ въ статьѣ о своихъ партіяхъ съ Петровымъ, опередили иностранцевъ въ дѣлѣ шахматнаго искусства. Мы съ своей стороны не совсѣмъ согласны съ такимъ мнѣніемъ, по той простой причинѣ, что первоклассные русскіе шахматисты не имѣли еще случая помѣриться силами съ знаменитыми заграничными игроками въ такомъ состязаніи, которое могло бы служить матерьяломъ къ рѣшенію вопроса объ относительной силѣ тѣхъ и другихъ. Изъ сильныхъ русскихъ игроковъ одинъ только г. Янишъ игралъ съ европейскими шахматными знаменитостями: Гейдебрандомъ, Стаунтономъ, Лёвенталемъ и другими; въ нѣкоторыхъ изъ партій побѣда осталась за нашимъ соотечественникомъ, въ другихъ за его противниками, но сколько всего было съиграно партій и какой былъ ихъ общій результатъ мы не знаемъ, а потому и не можемъ выводить изъ нихъ никакого положительнаго заключенія.

Мы готовы согласиться, что русскіе имѣютъ большую способность ко всѣмъ вообще играмъ соображенія, въ томъ числѣ и къ шахматной, но этого мало: все зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ природная способность развита изученіемъ теоріи и практическими упражненіями. Положимъ, что теорія достаточно знакома нашимъ первокласнымъ шахматистамъ, но въ отношеніи практическихъ упражненій иностранцы имѣютъ надъ ними огромное преимущество. Мы играемъ для препровожденія времени, видимъ въ шахматахъ рядъ интересныхъ комбинацій, замысловатую умственную забаву,— не болѣе; своимъ шахматнымъ состязаніямъ не придаемъ никакого значенія и вовсе не заботимся о своей шахматной репутаціи. Петровъ напримѣръ имѣетъ огромную способность къ шахматной игрѣ, любитъ игру, игралъ на своемъ вѣку много, всегда надъ всѣми противниками одерживалъ верхъ, но ему никогда не приходило на мысль добиваться шахматной славы. «Я никогда, говоритъ онъ, не искалъ случая играть съ европейскими знаменитостями, какъ потому что далекъ отъ мысли оспаривать ихъ превосходство, такъ и потому что не имѣю ни малѣйшаго желанія добиваться славы перваго игрока». А за границею такой игрокъ какъ Петровъ былъ бы непремѣнно, волей неволей, вовлеченъ въ круговоротъ шахматной жизни и ужъ конечно не разъ помѣрился бы силами въ матчахъ и турнирахъ съ лучшими современными игроками. Вспомните, какъ нѣмцы снаряжали Андерсена на лондонскій турниръ, какъ французы отстаивали С. Амана послѣ пораженія его Стауптономъ, вспомните пріемъ, сдѣланный американцами Морфи по возвращеніи его изъ Европы, и вы конечно согласитесь, что иностранцы придаютъ шахматнымъ состязаніямъ совсѣмъ иное значеніе чѣмъ мы. Я вовсе не говорю, чтобъ это было хорошо и достойно подражанія, а указываю только на это обстоятельство, какъ на фактъ, изъ котораго прямо слѣдуетъ, что русскіе не привыкли играть въ шахматы такъ серьезно и внимательно какъ иностранцы.

Часто случается слышать: такой-то или такой-то игралъ бы очень сильно, еслибъ игралъ внимательнѣе и больше думалъ; но дѣло въ томъ, что сосредоточивать вниманіе на извѣстномъ предметѣ не всегда въ нашей волѣ, способность такого сосредоточенія

есть или врожденное свойство или результатъ долгой привычки. Варшавскій любитель Гофманъ игралъ мастерски, но рѣшительно не могъ заставить себя долго обдумывать ходы и, по словамъ людей близко его знавшихъ, игралъ хуже, когда дольше думалъ. Если даже въ одной партіи не всякому дано сосредоточивать по волѣ все свое вниманіе на обдумываніе ходовъ, то чтоже сказать о длинномъ рядѣ партій, о такъ называемомъ *матчѣ?* Мы нѣсколько разъ уже видѣли, что игроки первоклассные уклонялись отъ матчей: какихъ хитростей не употреблялъ Стаунтонъ, чтобъ увернуться отъ серьезнаго состязанія съ Морфи; Гаррвитцъ, получивъ въ Парижѣ вызовъ Колиша, поспѣшилъ уѣхать въ Англію; Лёвенталь тоже не пожелалъ вступить въ рѣшительную борьбу съ молодымъ венгерцемъ. Дѣло въ томъ, что Стаунтонъ, Гаррвитцъ и имъ подобные очень хорошо знаютъ, что матчъ, такъ какъ на него смотрятъ въ томъ мірѣ, въ которомъ они вращаются, вовсе не забава, а трудъ, трудъ тяжкій и утомительный. Каждый день, въ опредѣленный часъ, непремѣнно садиться за шахматы, отстаивать до послѣдней крайности каждую партію, не выйти изъ терпѣнія ожидая нерѣдко по цѣлому часу отвѣтнаго движенія противника, выдерживать ежедневно восьми, десяти, четырнадцати - часовыя партіи, играть постоянно съ напряженнымъ вниманіемъ, методично, ровно, не падая духомъ при пораженіяхъ, не увлекаясь при побѣдахъ, всѣми помыслами отдаться на извѣстное время шахматамъ (а иначе проиграешь непремѣнно), все это требуетъ огромнаго усилія воли и, главное, большаго навыка. Вотъ этого то навыка я не предполагаю въ нашихъ русскихъ шахматистахъ, а потому и думалъ всегда, что при столкновеніи ихъ съ первоклассными европейскими игроками шансъ будетъ на сторонѣ послѣднихъ.

Теперь представился случай провѣрить это мнѣніе на дѣлѣ. Въ концѣ апрѣля сюда пріѣхалъ Колишъ. Петрова, къ сожалѣнію не было уже въ Петербургѣ; за тѣмъ, здѣсь два первоклассныхъ шахматиста: Янишъ и Шумовъ. Первый уже нѣсколько лѣтъ почти совсѣмъ покинулъ практику игры и, занятый теперь изданіемъ третьяго тома своего сочиненія, едва ли пожелаетъ вступить въ серьезное состязаніе; но между Шумовымъ и Колишемъ матчъ уже

въ ходу. Условія слѣдующія: побѣдителемъ признается тотъ, кто первый выиграетъ шесть партій; призъ 100 р. с.; дни для игры не опредѣлены заранѣе, сходятся когда обоимъ удобно. Послѣднее условіе, пріятное въ томъ отношеніи, что не стѣсняетъ состязателей, представляетъ однако и большія неудобства: во первыхъ, когда каждому предоставлено право отлагать игру, если чувствуетъ себя нерасположеннымъ, то, очевидно, невыгода будетъ на сторонѣ того, кто посовѣстится дѣлать это слишкомъ часто, а во вторыхъ, при такомъ условіи матчъ можетъ затянуться на долго; послѣднее неудобство начинаетъ уже обнаруживаться: двадцать два дня прошло съ начала матча, а съиграно всего пять партій! Шумовъ выигралъ двѣ, Колишъ три.

ПАРТІЯ № 258.

GIUOCO-PIANO.

(1-я игра матча; играна 8-го мая 1862 г.)

	Шумовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	0 — 0	g8 — f6
5)	d2 — d4	c5 — d4°(1)
6)	f3 — d4°	c6 — d4°
7)	f2 — f4(2)	d7 — d6(3)
8)	f4 — e5°	d6 — e5°
9)	c1 — g5	d8 — e7
10)	g5 — f6°	g7 — f6°
11)	b2 — b4	c8 — e6
12)	c4 — e6°	f7 — e6°
13)	d1 — h5 +	e7 — f7
14)	h5 — h4	0—0—0
15)	b1 — a3(4)	f6 — f5
16)	h4 — f2	f7 — h5
17)	a1 — e1	f5 — f4
18)	c2 — c3	d4 — c6
19)	b4 — b5	c6 — b8
20)	f2 — a7°(5)	b7 — b6
21)	a7 — a4	h8 — g8
22)	e1 — d1	g8 — g2° +
23)	g1 — g2°	h5 — e2 +
24)	g2 — h1	e2 — e4° + (6)
25)	a4 — e4°	сдаются

Примѣчанія къ партіи № 258.

(1) Если бы черные взяли пѣшку пѣшкою, то 6) e4 — e5 d7—d5 7) e5—f6° d5—c4° 8) f1—e1 + и т. д. и игра сводится на одинъ изъ варіянтовъ шотландскаго гамбита, въ которомъ бѣлые имѣютъ довольно сильную атаку. Брать пѣшку d4 конемъ было бы дурно.

(2) Этотъ способъ продолжать нападенія принадлежитъ г-ну Ланге, который считаетъ его чрезвычайно сильнымъ.

(3) Лучшій ходъ: онъ отражаетъ атаку и сохраняетъ пѣшку.

(4) На f1 — f6° черные отвѣтили бы: f7 — e7.

(5) Очень неосторожно; ферзь тотчасъ можетъ быть отрѣзанъ отъ королевскаго фланга, гдѣ готовится сильная атака.

(6) Непостижимый промахъ! Явно что г-нъ Колишъ просто обдернулся. Пожертвованіе ладьи было расчитано имъ совершенно вѣрно: стоило съиграть теперь d8 — d2 и бѣлымъ нѣтъ спасенья.

ПАРТІЯ № 259.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(2-я игра матча; играна 10 мая 1862 г. длилась 4¼ часа)

	Колишъ. (Бѣлые).	Шумовъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	b2 — b4	c5 — b4°
5)	c2 — c3	b4 — a5
6)	d2 — d4	e5 — d4°
7)	0 — 0	d7 — d6
8)	d1 — b3	d8 — f6
9)	e4 — e5	f6 — g6(1)
10)	e5 — d6°	c7 — d6°
11)	f3 — g5	g8 — h6
12)	f1 — e1+	e8 — f8
13)	c1 — a3	

Положеніе послѣ 13-го хода бѣлыхъ.

Черные.

Бѣлые.

13) . . . . a5 — c7(2)

	(Бѣлые).	(Черные).
14)	f2 — f4	b7 — b6[3]
15)	c4 — d5	c8 — d7
16)	d5 — c6°	d7 — c6°
17)	b3 — c4	c6 — g2°
18)	c4 — c7°	h6 — f5
19)	b1 — d2	h7 — h6
20)	c7 — f7° +	g6 — f7°
21)	g5 — f7°	f8 — f7°
22)	g1 — g2°	f5 — e3 +
23)	g2 — f3	e3 — c2
24)	a3 — d6°	c2 — a1°
25)	e1 — a1°	d4 — c3°
26)	d2 — e4	h8 — d8
27)	a1 — c1	a8 — c8
28)	d6 — e5	f7 — e6
29)	e4 — c3°	e6 — f5
30)	e5 — g7°	d8 — d3 +
31)	f3 — e2	d3 — h3
32)	g7 — e5	h3 — h2° +
33)	e2 — d3	b6 — b5
34)	c1 — b1	c8 — d8 +
35)	d3 — e3	h2 — h3 +
36)	e3 — e2	a7 — a6
37)	a2 — a4	h3 — h2 +
38)	e2 — e3[4]	h2 — d2

матъ неизбѣженъ и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 259.

(1) Отчего не взять пѣшку?

(2) Очевидно, что если возьмутъ коня, то немедленно проиграютъ. Вообще положеніе черныхъ (см. діагр.) теперь крайне затруднительно.

(3) Единственное средство развернуть игру но оно ведетъ къ потерѣ офицера.

4) Ошибка; впрочемъ теперь бѣлые должны уже проиграть во всякомъ случаѣ; весь конецъ этой партіи Шумовъ игралъ мастерски.

ПАРТІЯ № 260.

ШОТЛАНДСКІЙ ГАМБИТЪ.

(3-я игра матча).

Первый вечеръ 12-го мая 1862 г. отъ 10½ до 12½ час.

	Шумовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	d2 — d4	e5 — d4°
4)	f1 — c4	f8 — c5
5)	0 — 0	d7 — d6
6)	c2 — c3	c8 — g4
7)	b1 — d2	d4 — c3°
8)	b2 — c3°	c6 — e5
9)	d1 — a4 +	c7 — c6
10)	f3 — e5°	d6 — e5°
11)	c4 — f7° +	e8 — f7°

	(Бѣлые).	(Черные).
12)	a4 — c4 +	f7 — e8
13)	c4 — c5°	d8 — e7
14)	c1 — a3	e7 — c5°
15)	a3 — c5°	b7 — b6
16)	c5 — d6	a8 — d8
17)	d6 — e5°	g8 — f6
18)	e5 — f6°	g7 — f6°
19)	d2 — c4 (1)	g4 — e2
20)	c4 — e3	e2 — f1°
21)	g1 — f1°	e8 — f7
22)	f1 — e2	d8 — d7
23)	a1 — c1	h8 — e8
24)	f2 — f3	e8 — e5
25)	c1 — c2	e5 — c5
26)	e3 — f5	

(Второй вечеръ: 15-го мая 1862 года. отъ 8 до 11 ч. 55 м.)

Положеніе игры.

Черные.

Бѣлые.

	(Бѣлые).	(Черные).
26)	. . . . .	b6 — b5
27)	g2 — g4	b5 — b4
28)	c3 — c4	a7 — a5
29)	e2 — e3	a5 — a4
30)	h2 — h4	d7 — d1
31)	f3 — f4	d1 — b1
32)	c2 — d2	c5 — a5
33)	g4 — g5	f6 — g5°
34)	f4 — g5°	b4 — b3
35)	a2 — b3°	b1 — b3° +
36)	e3 — f4	a4 — a3
37)	d2 — d7 +	f7 — e8
38)	d7 — h7°	a3 — a2
39)	g5 — g6	a2 — a1 Ф.
40)	g6 — g7	a1 — e5 +
41)	f4 — g5	b3 — g3 +
42)	g5 — h5	g3 — g7°
43)	h7 — g7°	e5 — g7°

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 260.

(1) Ошибка, вслѣдствіе которой бѣлые немедленно теряютъ échange. Надо было ступить конемъ на b3 или двинуть f2 — f3.

ПАРТІЯ № 261.

(4-я игра матча; играна 18-го мая 1862 г.)

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

	Колишъ. (Бѣлые).	Шумовъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	b2 — b4	c5 — b4°
5)	c2 — c3	b4 — c5
6)	0 — 0	d7 — d6
7)	d2 — d4	e5 — d4°
8)	c3 — d4°	c5 — b6
9)	d4 — d5	d8 — f6
10)	d5 — c6°	f6 — a1°
11)	d1 — b3	a1 — f6
12)	e4 — e5	d6 — e5°
13)	f1 — e1	b7 — c6°
14)	c1 — g5	f6 — d6
15)	f3 — e5°	c8 — e6
16)	e5 — f7°	e8 — f7°
17)	e1 — e6°	b6 — f2° +
18)	g1 — f2°	d6 — d4+
19)	f2 — f1	черные сдаются.

Вся партія, отъ начала до конца превосходно играна г-мъ Колишемъ, а его противникомъ довольно слабо.

ПАРТІЯ № 262.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(5-я игра матча; играна 21-го мая.)

	Шумовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — b5	a7 — a6
4)	b5 — a4	g8 — f6
5)	d2 — d4	e5 — d4°
6)	e4 — e5	f6 — e4
7)	a4 — c6°	d7 — c6°
8)	f3 — d4°(1)	c6 — c5
9)	d1 — f3(2)	d8 — d4°
10)	0 — 0	f8 — e7
11)	f1 — e1	e4 — g5
12)	f3 — g3	d4 — g4
13)	g3 — b3	c5 — c4
14)	b3 — e3	c8 — f5
15)	b1 — c3	a8 — d8
16)	h2 — h3	g4 — h4
17)	e1 — e2	0 — 0
18)	c1 — d2(3)	f5 — c2°
19)	d2 — e1	d8 — d3

(Бѣлые).	(Черные).
20) f2 — f4	d3 — e3°
21) e1 — h4°	e3 — e2°
22) h4 — g5°(4)	e7 — c5+
23) g1 — h2	e2 — f2

и послѣ еще нѣсколькихъ ходовъ бѣлые сдались.

Примѣчанія къ партіи № 262.

(1) Большая ошибка.

(2) Ясно, что отводить коня было бы еще хуже, тогда 9) . . . d8—d1° + 10) e1—d1° e4—f2° + и т. д. Наконецъ, 9) d1 — e2 имѣло бы тоже невыгодныя послѣдствія, напр. 9) d1—e2 d8—d4° 10) f2—f3 e4—g5 11) c1 — g5° d4 — b2° и проч.

(3) Теряютъ даромъ пѣшку; лучше было съиграть 18) b2—b3.

(4) Опять ошибка; надо было просто брать ладью. Впрочемъ спасти партію нѣтъ уже возможности.

И такъ пока дѣла идутъ не дурно: Шумовъ съ честію отстаиваетъ русское шахматное знамя; двѣ выигранныя партіи изъ пяти, противъ соперника, закаленнаго въ битвахъ съ сильнѣйшими игроками міра—не бездѣлица. Отъ души желаемъ успѣха нашему соотечественнику, желаемъ, чтобъ онъ доказалъ, что наше мнѣніе о превосходствѣ иностранныхъ шахматистовъ надъ русскими ошибочно.

Еще болѣе блестящихъ результатовъ достигъ князь Урусовъ. Узнавъ о пріѣздѣ Колиша, онъ немедленно отправился изъ замосковскаго имѣнія въ Петербургъ, и тутъ, не теряя ни минуты, не давъ себѣ даже времени отдохнуть съ дороги, приступилъ къ состязанію. Уладить серьезный матчъ оказалось къ сожалѣнію невозможнымъ, потому что князь ни подъ какимъ видомъ не могъ остаться здѣсь болѣе шести дней, а Колишъ не хотѣлъ обязаться играть ежедневно. Пришлось ограничиться отдѣльными партіями. Въ пять дней ихъ съиграно было четыре: двѣ выиграны Колишемъ, двѣ Урусовымъ, всѣ, отъ начала до конца, чрезвычайно занимательны.

ПАРТІЯ № 263.

ЗАЩИТА ДВУМЯ КОНЯМИ.

Играна 20-го мая 1862 года).

	Колишъ. (Черные).	Кн. С. Урусовъ. (Бѣлые).
1)	e7 — e5	e2 — e4
2)	g8 — f6	b1 — c3
3)	f8 — c5	g1 — f3
4)	d7 — d5	e4 — d5°
5)	0 — 0	f3 — e5°
6)	f8 — e8	d2 — d4
7)	c5 — d4°	d1 — d4°
8)	b8 — c6	d4 — h4
9)	c6 — e5°	c1 — e3
10)	e5 — g4	0—0—0
11)	g4 — e3°	f2 — e3°
12)	c8 — f5	f1 — d3
13)	f6 — e4	h4 — d8°
14)	a8 — d8°	d3 — e4°
15)	f5 — e4°	c3 — e4°
16)	e8 — e4°	h1 — e1
17)	f7 — f5	g2 — g3
18)	g8 — f7	d1 — d3
19)	f7 — f6	c1 — d2
20)	f6 — e5	e1 — f1
21)	g7 — g6	f1 — f4
22)	d8 — d5°	c2 — c4
23)	d5 — d3°+	d2 — d3°

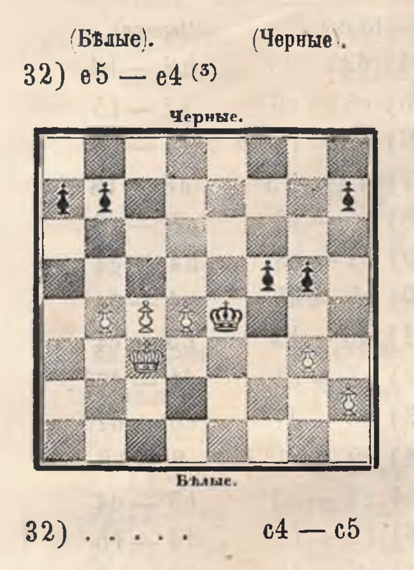
	Черные).	Бѣлые).
24)	c7 — c5 (1)	

Черные.

Бѣлые.

24)	. . . . .	f4 — f2
25)	e5 — f6	a2 — a3
26)	e4 — e7	b2 — b4
27)	c5 — b4°	a3 — b4°
28)	e7 — d7 +	d3 — c3
29)	f6 — e5	f2 — f4
30)	g6 — g5	f4 — d4 (2)
31)	d7 — d4°	e3 — d4°+

(Бѣлые).	(Черные).
32) e5 — e4 (3)	



32)	c4 — c5

(Бѣлые.)	(Черные).
33) a7 — a6	c3 — c4
34) f5 — f4	b4 — b5
35) a6 — b5°+	c4 — b5°
36) e4 — d4°	бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 263.

(1) Двинувъ эту пѣшку г. Колишъ предложилъ своему противнику признать игру за ничью, но онъ не согласился. Мы полагаемъ, что настоящее положеніе игры (см. діаграм.) дѣйствительно вполнѣ розыгрышное и что если кн. Урусовъ проигралъ, то это единственно отъ своей ошибки, а какимъ путемъ надѣялся онъ выиграть—непонимаемъ.

(2) Вотъ ошибка, которая губитъ партію.

(3) Силы совершенно равны съ обѣихъ сторонъ и притомъ бѣлые имѣютъ пройденную пѣшку, тѣмъ не менѣе партія ихъ непремѣнно должна быть проиграна, какъ бы они ни ступили. Положеніе (см. діаграм.) очень любопытно: оно составляетъ своего рода проблему.

ПАРТІЯ № 264.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Играна 22-го мая 1862 года).

Кн. С. Урусовъ.	Колишъ.
(Бѣлые).	(Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5

(Бѣлые).	(Черные).
2) g1 — f3	b8 — c6
3) f1 — b5	a7 — a6

	(Бѣлые).	(Черные).
4)	b5 — a4	g8 — f6
5)	0 — 0	f8 — e7
6)	d2 — d4	e5 — d4°
7)	f1 — e1	0 — 0
8)	e4 — e5	f6 — e8
9)	f3 — d4°[1]	c6 — d4°
10)	d1 — d4°	c7 — c5
11)	d4 — e4[2]	a8 — b8
12)	c2 — c4	b7 — b5
13)	a4 — c2	g7 — g6
14)	b1 — c3[3]	c8 — b7
15)	c3 — d5	b5 — c4°
16)	c1 — h6	b7 — d5°
17)	e4 — d5°	e8 — c7
18)	d5 — c4°	f8 — e8
19)	a1 — d1	b8 — b4
20)	c4 — c3[4]	c7 — b5
21)	c3 — h3[5]	b4 — h4
22)	d1 — d7°	d8 — c8
23)	h3 — d3	h4 — h6°
24)	d3 — d5	h6 — h4
25)	e5 — e6	f7 — f5
26)	c2 — f5°[6]	g6 — f5°
27)	d5 — f5°	e8 — f8
28)	f5 — e5	c8 — e8
29)	e1 — e3	h4 — g4
30)	e5 — d5	g4 — d4
31)	d5 — b3	c5 — c4
32)	b3 — c2	d4 — d7°
33)	e6 — d7°	e8 — d7°
34)	c2 — c4° +	g8 — h8
35)	g2 — g3	b5 — d4
36)	f2 — f4	d4 — f5
37)	e3 — d3	d7 — a7 +
38)	g1 — h1	a7 — b7 +
39)	h1 — g1	f8 — c8
40)	c4 — d5	b7 — b6 +
41)	g1 — h1	c8 — c1 +
42)	h1 — g2	f5 — e3 +

и черные выигрываютъ.

Примѣчанія къ партіи № 264.

(1) Не лучше ли было бы, сперва 11) a4 — c6° d7 — c6° 12) d1 — d4° и т. д. тогда у бѣлыхъ три пѣшки на ферзевомъ флангѣ будутъ (въ концѣ партіи) совершенно равносильны четыремъ чернымъ, а четыре на королевскомъ флангѣ, сильнѣе трехъ черныхъ.

(2) Лучшій ходъ; при всякомъ другомъ движеніи ферзя, черные играютъ: b7 — b5 потомъ c4 — c5 и бѣлые потеряли слона.

(3) Кажется лучше было бы съиграть сперва c1 — h5.

(4) Основательнѣе было бы, мы думаемъ, отвести ферзя на e2. Правда, съигравъ c4 — c3, бѣлые могутъ надѣяться двинуть e5 — e6, угрожая матомъ, но на столь грубую ловушку не попадется такой игрокъ какъ Колишъ.

(5) Этимъ ходомъ бѣлые теряютъ слона и хотя пріобрѣтаютъ на время атаку, но она не вознаграждаетъ жертвы офицера.

(6) Опять слишкомъ смѣлое пожертвованіе,

ПАРТІЯ № 265.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Играна 23-го мая 1862 года.)

Кн. Урусовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5
2) g1 — f3	b8 — c6
3) f1 — c4	f8 — c5
4) b2 — b4	c5 — b4°
5) c2 — c3	b4 — a5
6) d2 — d4	d8 — e7
7) c1 — a3	e7 — f6 (1)
8) 0 — 0	a5 — b6
9) d4 — e5°	c6 — e5°
10) f3 — e5°	f6 — e5°
11) g1 — h1	g7 — g5 (2)
12) d1 — h5	e5 — g7
13) f2 — f4	g5 — f4°
14) f1 — f4°	d7 — d6
15) e4 — e5 (3)	g8 — h6
16) e5 — d6°	0 — 0
17) d6 — d7	c8 — d7°
18) a3 — f8°	a8 — f8°
19) b1 — a3	f8 — e8
20) c4 — e2	e8 — e5
21) h5 — f3	d7 — c6
22) f3 — f1	e5 — f5
23) a1 — d1 (4)	g7 — g5
24) f4 — f5°	h6 — f5°
25) d1 — d3	b6 — e3
26) d3 — e3°	f5 — e3°
27) f1 — f2	c6 — g2° +
28) h1 — g1	g2 — f3 +
29) f2 — g3	g5 — g3° +
30) h2 — g3°	f3 — e2°
31) g1 — f2	e3 — c4

и бѣлые сдаются.

Примѣчанія къ партіи № 265.

(1) Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что черные играютъ ферзя на f6 въ два хода, тогда какъ могли сдѣлать въ одинъ; въ дѣйствительности же, употребленный кн. Урусовымъ маневръ очень остроуменъ: на 6) . . . . d8 — f6, бѣлые съ выгодою отвѣчали бы 7) c1 — g5, а теперь, когда ихъ слонъ ступилъ уже на a3, позиція ферзя на f6 очень крѣпка.

(2) Чтобъ помѣшать ходу f2 — f4.
(3) c4 — f7° + было бы кажется и проще и лучше.
(4) Брать ладью ладьей вело къ немедленной гибели.

ПАРТІЯ № 266.

ДЕБЮТЪ ЛОПЕЦА.

(Играна 24-го мая 1862 года).

Кн. Урусовъ. (Бѣлые).	Колишъ. (Черные).
1) e2 — e4	e7 — e5
2) g1 — f3	b8 — c6
3) f1 — b5	a7 — a6
4) b5 — a4	g8 — f6
5) 0 — 0	f8 — e7
6) d2 — d4	e5 — d4°
7) e4 — e5	f6 — e4
8) f3 — d4°	c6 — d4°
9) d1 — d4°	e4 — c5
10) b1 — c3	0 — 0
11) c1 — e3	d7 — d6
12) a1 — d1	c5 — a4°
13) d4 — a4°	c8 — d7
14) a4 — e4	d7 — c6
15) c3 — d5	d6 — e5°
16) e4 — e5°	e7 — d6
17) e5 — h5	f8 — e8
18) c2 — c4	e8 — e4
19) d1 — d4	e4 — e5
20) h5 — f3	d6 — c5
21) d4 — g4	c5 — e3°
22) f2 — e3°	c6 — d5°
23) f3 — g3	d8 — e7
24) g4 — g7° +	g8 — h8
25) c4 — d5°	e5 — e3°
26) g7 — f7°	e3 — g3°
27) f7 — e7°	g3 — g7
28) f1 — f7	a8 — g8
29) f7 — g7°	g8 — g7°
30) e7 — e8 +	g7 — g8
31) e8 — g8° +	h8 — g8°
32) g1 — f2 и бѣлые выигрываютъ.	

Въ послѣднихъ нумерахъ лондонской иллюстраціи Стаунтонъ сообщаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія о предстоящемъ шахматномъ конгрессѣ, о которомъ мы говорили подробно въ мартовской книжкѣ нашего обозрѣнія. Подписная сумма на издержки конгресса простиралась къ 29 апрѣлю нов. ст. до 500 фунт. стерл. Въ числѣ сильныхъ игроковъ, ожидаемыхъ на это собраніе, англичане надѣются видѣть

князя Сергѣя Урусова, Гаррвитца, Паульсена, С. Амана, Колиша, Ривіера, Стернитца (?!) и, вѣроятно шахматнаго ветерана Петрова. Едва ли впрочемъ надежды эти вполнѣ осуществятся; сколько мы слышали Петровъ не поѣдетъ въ Лондонъ, Кн. Урусовъ можетъ быть поѣдетъ, а можетъ быть и нѣтъ. А кто такой этотъ *Стернитцъ?* Не знаемъ; ужь не извѣстный ли читалелямъ Листка петербургскій любитель Д. С. Стернъ? Впрочемъ если это опечатка, то самая невинная, намъ сейчасъ придется повиниться въ одной гораздо худшей; сперва только покончимъ со стаунтоновскими извѣстіями. Лордъ Креморнъ избранъ президентомъ Сентъ-Джорджевскаго клуба на мѣсто умершаго лорда Эглинтона. Сильнѣйшіе парижскіе шахматисты приняли вызовъ своихъ лондонскихъ собратій на матчъ по электрическому телеграфу. Посѣтители Café de la Régence, въ числѣ шестидесяти четырехъ, составили недавно шахматный турниръ; первый призъ достался Ривіеру, второй—Ив. Сер. Тургеневу.

Теперь объ опечаткѣ. Въ партіи за № 240 многіе ходы обозначены такъ невѣрно, что вся она дѣлается непонятною. Вотъ она въ исправленномъ видѣ, а въ оправданіе свое можемъ сказать одно: вообще партіи печатаются въ Листкѣ исправнѣе, чѣмъ въ какомъ либо шахматномъ журналѣ.

1) d2 — d4, d7 — d5 2) c2 — c4, e7 — e6 3) b1 — c3, f8 — b4 4) f2 — f3, c7 — c5 5) a2 — a3, b4 — c3° + 6) b2 — c3°, d8 — a5 7) c1 — d2, g8 — f6 8) d1 — c2, c8 — d7 9) e2 — e4, d5 — e4° 10) f3 — e4°, c5 — d4° 11) c3 — d4°, a5 — h5 12) g1 — f3, h5 — g6 13) f1—d3, g6 — g2° 14) h1 — f1, b8 — c6 15) 0 — 0 — 0, f6 — g4 16) d1 — e1, h7 — h6 17) d4 — d5, c6 — e5 18) f3 — e5°, g4 — e5° 19) f1 — g1, g2 — f3 20) e1 — e3, f3 — f6 21) d2 — c3, e5 — d3° + 22) c2—d3°, f6 — e7 23) c3 — g7°, h8 — g8 24) e3 — g3, 0 — 0 — 0 25) d3 — e3, b7 — b6 26) e3 — h6°, e7 — c5 27) g7 — d4, c5—c4° + 28) g3 — c3, g8 — g1° + 29) c1 — d2, c4 — c3° + 30) d2 — c3°, g1 — g4 31) h6 — h5, g4 — f4 32) h5 — e5, f4 — f3 + 33) c3 — b2, d8 — g8 34) d4 — c3, d7 — a4 35) e5 — d4, g8 — g2 +

36) c3 — d2, a4 — d7 37) h2 — h4, f3 — f2 38) b2 — c3, f2 — d2° 39) d4 — h8 +, c8 — b7 40) h4 — h5, e6 — d5° 41) e4 — d5°, d7 — f5 42) h5 — h6, d2 — d5° 43) h8 — f6, g2 — c2 + 44) c3 — b4, a7 — a5 + 45) b4 — a4, c2 — c7 46) a4 — b3, d5 — b5 + 47) b3 — a4, f5 — d7.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 120.

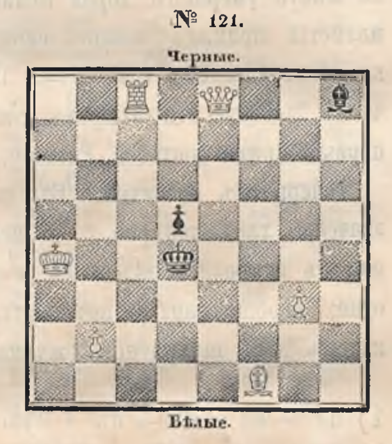
Черные.

Бѣлые.

Обратный матъ въ 6 ходовъ.

№ 121.

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 3 хода.

№ 120.

Предложенная авторомъ въ 8 ходовъ, эта кипергань разрѣшена Н. Острогорскимъ (въ Москвѣ), Н. Петровскимъ (въ Петербургѣ) и Дравертомъ (въ Вяткѣ) въ 6 ходовъ слѣдующимъ образомъ:

1) h7 — d7 +	e6 — f6
2) d7 — g7 +	f6 — e6
3) d1 — b3 +	a2 — b3°
4) g5 — g6 +	e6 — d5
5) b5 — c3 +	b3 — c3°
6) g7 — e5 +	c3 — e5° ⨯

№ 121.

1) e8 — f8 d4 — e5 (A) (B)
2) c8 — e8 + e5 — d4
3) f8 — b4 ✕

(A)

1) . . . . . h8 — f6
2) f8 — f6° + d4 на e4 или на e3
3) f6 — f4 ✕

(B)

1) . . . . . . h8 — e5
2) c8 — e8 d4 на e4 или на e3
3) f8 — f4 ✕

При другихъ варіянтахъ матъ въ два хода.

№ 122.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

№ 123.
Черные.

Бѣлые.
Матъ въ 3 хода.

№ 122.

1) e3 — h3 d4 — a1 (A) (B) (C) (D) (E) (F)
2) h2 — b2 какъ угодно.
3) Матъ пѣшкою b3 или ладьею h3, смотря потому какъ черные съиграли свой второй ходъ.

(A)

1) . . . . . d4 — e3

2) h3 — e3° как угодно.
3) Матъ, но различно смотря по второму ходу черныхъ.

(B)

1) . . . . . b1 — b3°
2) h3 — b3° какъ угодно.
3) a5 — b6 ⨯

(C)

1) . . . . b1 — b2
2) a2 — b2° d4 — c3 (a)
3) h3 — c3°

(a)

2) . . . . . иначе
3) b3 — b4 ⨯

(D)

1) . . . . . f5 — d3
2) h3 — d3° b1 — e1 (b)
3) b3 — b4 ⨯

(b)

2) . . . . иначе
3) g5 — e4 ⨯

(E)

1) . . . . ходитъ конемъ
2) h2 — c2 + f5 — c2° (c)
3) g5 — e6° ⨯

(c)

2) . . . . d4 — c3
3) c2 — c3° ⨯

(F)

1) . . . . . e5 — e4
2) h2 — c2 + d4 — c3°
3) c2 — c3° ⨯

Остальные варiанты читатели легко найдутъ сами.

№ 123 (*).

1) c4 — e5	h7 — f8 или
	h5 — g3 (A)

Ясно, что если король возьметъ коня, то 2. $\frac{a6 - d6 ✕}{}$.

2) a6 — d3	какъ угодно.

3) Матъ ферземъ или конемъ, смотря по второму ходу черныхъ.

(A)

1)	e4 — a8°
2) a6 — e2	какъ угодно

3) Матъ ферземъ или конемъ.

Если же черные съиграютъ свой первый ходъ иначе чѣмъ показано выше, то получатъ матъ весьма просто посредствомъ: 2. $\frac{e5 - g6+}{f4 - f3}$ 3. $\frac{a6 - f1 ✕}{}$.

№ 124.

Черные.

Бѣлые.

Обратный матъ въ 12 ходовъ.

№ 125.

Черные.

Бѣлые.

Матъ въ 2 хода

№ 124.

(Бѣлые).	(Черные).
1) e5 — g4 +	g6 — g4°
2) g7 — b2 +	f3 — d2
3) h2 — g4° +	f2 — f3
4) e4 — e6 +	d2 — e4
5) b2 — d4	f3 — e2
6) d6 — h2	e2 — f3
7) g4 — e3	f3 — f2

(*) См. исправленіе въ апрѣльскомъ Листкѣ стр. 93.

Это лучшій ходъ, потому что если черные пойдутъ f3 — e2 то 8) e3 — g2, e2 — f3 9) e6 — f6 +, f3 — e2 10) d4 — c4+ e2 — d2, 11) f6 — f2 + e4 — f2° ⋈

8) e3 — g2 +	f2 — e2

Если черные пойдутъ f2 — f3, то 9) e6 — f6 + и задача рѣшается въ 11 ходовъ.

9) e6 — e5	e2 — f3
10) e5 — f5 +	f3 — e2
11) d4 — c4 +	e2 — d2
12) f5 — f2 +	e4 — f2° ⋈

№ 125.

1) c7 — c8 как угодно.

2) Даетъ матъ движеніемъ слона f8, играя его на ту или другую клѣтку сообразно съ первымъ ходомъ черныхъ.

Напр: 1. b2 — b4 + 2. f8 — b4° ⋈

1. c1 — a1 + 2. f8 — a3 ⋈

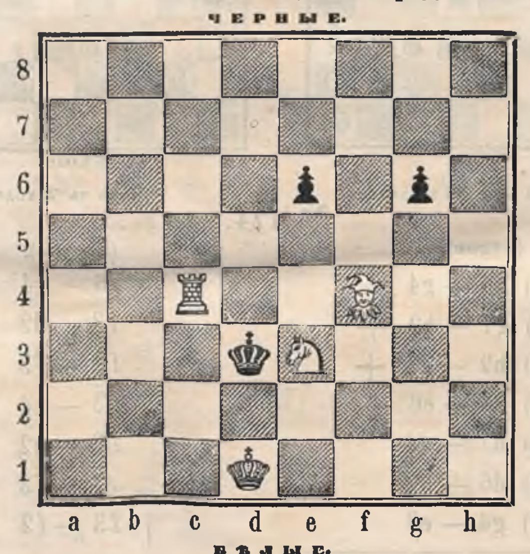
1. e5 — d5 2. f8 — d6 ⋈ и т. п.

Задачи.

№ 153.

К. И. КАЛАГЕОРГИ (въ Петербургѣ).

ЧЕРНЫЕ.

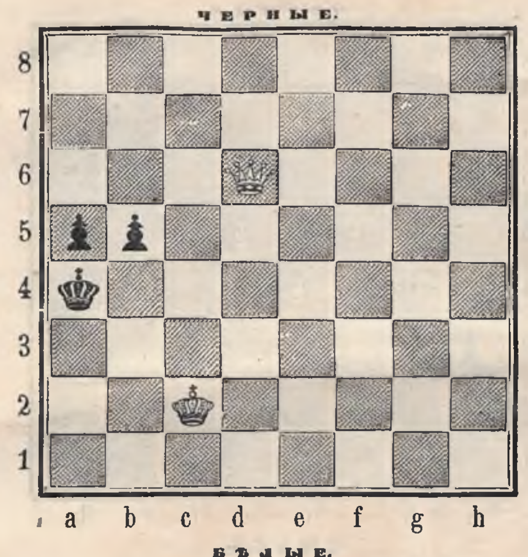


БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 154.

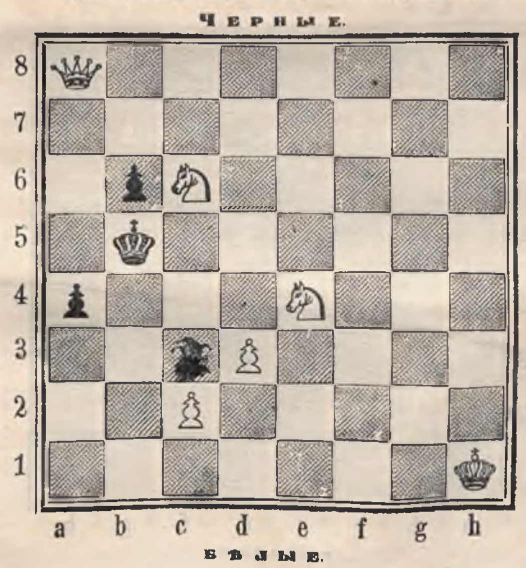
Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 8 ходовъ.

№ 155.

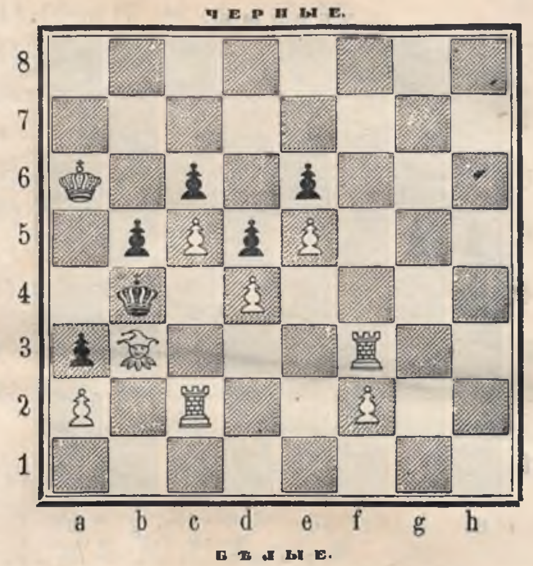
ГРИМША.



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 156.

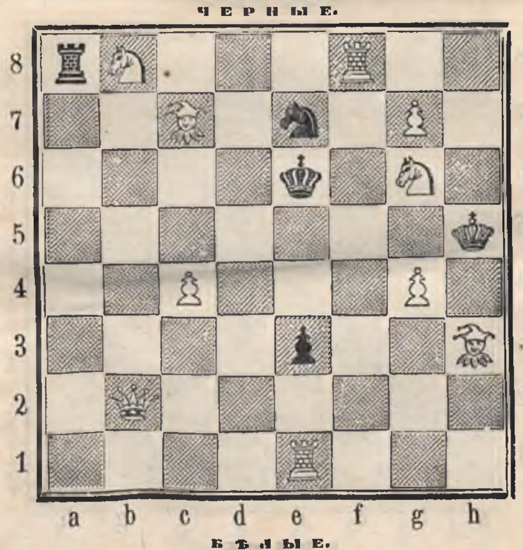
Н. Л. МУХАНОВА (въ Самарѣ).



Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 5 ходовъ.

№ 157.

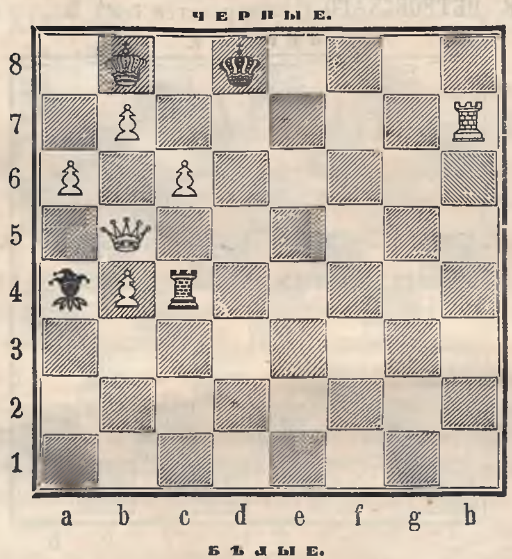
К. И. КАЛАГЕОРГИ (въ Петербургѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

№ 158.

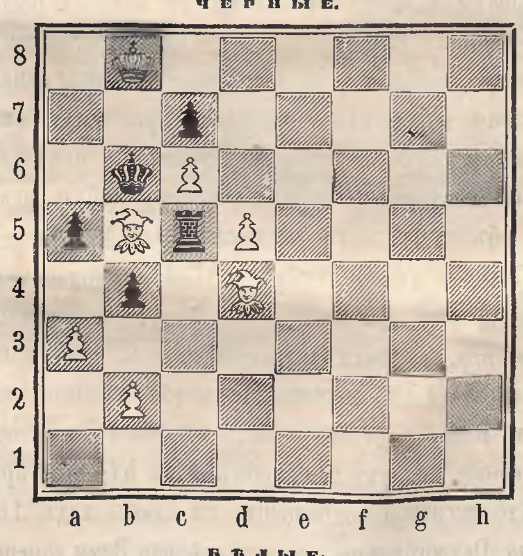
Н. ОСТРОГОРСКАГО (въ Москвѣ).



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 18 ходовъ.

№ 159.

М. Л. МУХАНОВА (въ Самарѣ.)

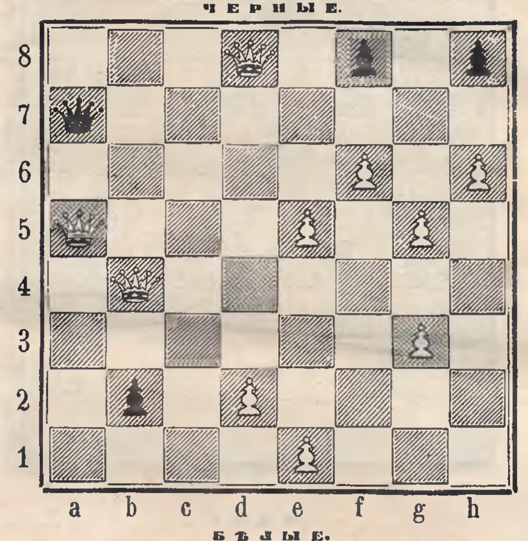


Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

№ 160.

Задача изъ игры въ шашки (*).

Н. И. ПЕТРОВСКАГО (Посвящается г-жѣ В... . . ой).



Бѣлые начинаютъ и запираютъ всѣ четыре непріятельскія шашки.

Корреспонденція. *Н. Л. Мух—ву* (въ Самарѣ). Ваши задачи замысловаты хотя и принадлежатъ къ числу весьма легкихъ.

Н. Горг—ву и И. И. Тиз—ну (въ Острогожскѣ). Къ сожалѣнію я немогу разрѣшить предложенныхъ Вами вопросовъ, потому что не знаю хорошенько правилъ игры вчетверомъ. Въ шахматныхъ руководствахъ эти правила также не помѣщаются. Помянутые вопросы постараюсь передать какому нибудь знатоку четверной игры и объ отзывѣ его увѣдомлю Васъ въ Листкѣ.

К. И. Кал—ги (въ Петербургѣ). Весьма признательны за сообщеніе проблемъ; всѣ онѣ непремѣнно будутъ напечатаны.

И. Драв—ту. (въ Вяткѣ) Вы ошибаетесь, утверждая, будто задача Шпейера (№ 133) можетъ быть рѣшена въ 3 хода; вѣроятно Вы не замѣтили, что если ступить и первымъ и вторымъ ходомъ конемъ, то черные, двинувъ на первомъ ходѣ b7—b5, приведутъ игру къ пату. Что касается сокращенія на одинъ ходъ 18-ти ходовой кипергани г-на Острогорскаго, то оно сдѣлано Вами совершенно вѣрно.

---

(1) Простыя шашки обозначены пѣшками, доведи (дамки)—ферязями.

ческо-статистическое и этнографическое описаніе города Котельнича, г. Глушкова. — Бытъ крестьянъ Курской Губерніи Обоянскаго Уѣзда, г. Мошкина. — Вельскіе свадебные обряды и причеты, г. Воронова. Въ отдѣлѣ смѣси помѣщены любопытные матеріалы въ этнографическомъ и историко-литературномъ отношеніи, какъ напримѣръ: Былины о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. — Стихъ о лѣни. — Стихи о 12 пятницахъ. — Молитва св. Іоасафа.—Стихи о временахъ антихристовыхъ.— Сказаніе о лестовкѣ предъ образомъ Божіимъ. — Свадебные обычаи въ Ржевскомъ Уѣздѣ, какъ равно черты нравовъ и обычаевъ народныхъ. Статьи большею - частью здѣсь напечатанные являются въ первый разъ.

Того же изданія томы I, II, III и IV. Ц. по 1 р. 50 к., съ пер. по 2 р.

Отчеты императорской археологической коммиссіи за 1859 и 1860 годы. Два тома въ большую 4-ю д. л. Великолѣпное изданіе съ отдѣльными атласами рисунковъ вещей, найденныхъ въ курганахъ. Спб. 1862 г. Ц. за годъ 5 р., съ пер. 7 р.

Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія Александра фонъ-Гумбольдта; перев. съ нѣмец. Н. Фролова. Томъ I, изд. 2-е. М. 1862 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 50 к.

Начала интегральнаго исчисленія. Сост. Н. Алексѣевъ. Книга 2-я, съ таблицею чертежей. Въ большую 4-ю д. л. М. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к. съ пер. 3 р. Того же изданія книга 1-я. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Матеріалы для статистики учебныхъ заведеній, с.-петербургскаго учебнаго округа. И. Корнилова, въ большую 4-ю д. л. Спб. 1862 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 коп.

Замѣчанія о народныхъ училищахъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. И. Корнилова. Спб. 1862 г. Ц. 30 к., съ пер. 60 к.

Географическіе очерки и картины. Сост. по Грубе и другимъ источникамъ, выпускъ III-й. М. 1862 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р. Того же изданія выпуски I и II. Ц. по 75 к. съ пер. по 1 р.

Элементарный курсъ естественной исторіи. В. Григорьева. Зоологія съ 206 политипажам. М. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2. р.

Для чтенія и разсказа, христоматія для употребленія при первоначальномъ преподаваніи русскаго языка. Сост. П. Басистовъ. Въ большую 8-ю д. л. 360 стр. М. 1862 г. Ц. 75 коп. съ пер. 1 р. 25 к.

Физическая географія моря. М. Мори; пер. А. Толстопятова. Съ картами и политипажами. М. 1861 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Одобрено цензурою. С.-Петербургъ, 28 мая 1862 года.